

Аркадий СТРУГАЦКИЙ, Борис СТРУГАЦКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в тридцати трех томах

ТОМ ТРЕТИЙ

1959

Концепция издания — Светлана Бондаренко и Александр Воронин

Составители: Светлана Бондаренко, Виктор Курильский, Юрий Флейшман

Редакционная коллегия: С. Бондаренко, В. Борисов, А. Горбов, В. Дьяконов, А. Заршиков, В. Казаков, А. Кузнецова, И. Кузнецова, В. Курильский, Р. Муринский, П. Поляков, Л. Рудман, Ю. Флейшман, И. Юдин

Подготовка иллюстративных материалов — А. Горбов, П. Северцов

В книге использованы рисунки из архива Аркадия Стругацкого

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими, без предварительного согласования с правообладателями.

© Стругацкий А., Стругацкий Б., текст, 1959, 2016

© Бондаренко С., Воронин А., концепция, 2016

© Бондаренко С., Курильский В., Флейшман Ю., составление, 2016

© Бондаренко С., Казаков В., варианты произведений, 2016

© Курильский В., Муринский Р., Рудман Л., комментарии, примечания, 2016

© Казаков В., Флейшман Ю., библиография, 2016

© Курильский В., указатели, 2016

I. Художественные произведения

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Путь на Амальтею

Пролог. Амальтея, «Джей-станция»

Амальтея, пятый и ближайший спутник Юпитера, делает полный оборот вокруг своей оси примерно за тридцать пять часов. Кроме того, за двенадцать часов она делает полный оборот вокруг Юпитера. Поэтому Юпитер выползает из-за близкого горизонта через каждые тринадцать с половиной часов.

Восход Юпитера — это очень красиво. Только нужно заранее подняться в лифте до самого верхнего этажа под прозрачный спектролитовый колпак.

Когда глаза привыкнут к темноте, видна обледенелая равнина, уходящая горбом к скалистому хребту на горизонте. Небо черное, и на нем множество ярких немигающих звезд. От звездного блеска на равнине лежат неясные отсветы, а скалистый хребет кажется глубокой черной тенью на звездном небе. Если присмотреться, можно различить даже очертания отдельных зазубренных пиков.

Бывает, что низко над хребтом висит пятнистый серп Ганимеда, или серебряный диск Каллисто, или они оба, хотя это бывает довольно редко. Тогда от пиков по мерцающему льду через всю равнину тянутся ровные серые тени. А когда над горизонтом Солнце — круглое пятнышко слепящего пламени, равнина голубеет, тени становятся черными, и на льду видна каждая трещина. Угольные кляксы на поле ракетодрома похожи на огромные, затянутые льдом лужи. Это вызывает теплые полузабытые ассоциации, и хочется сбегать на поле и пройтись по тонкой ледяной корочке, чтобы посмотреть, как она хрустнет под магнитным башмаком и по ней побегут морщинки, похожие на пенки в горячем молоке, только темные.

Но все это можно увидеть не только на Амальтее.

По-настоящему красиво становится тогда, когда восходит Юпитер. И восход Юпитера по-настоящему красив только на Амальтее. И он особенно красив, когда Юпитер встает, догоняя Солнце. Сначала за пиками хребта разгорается зеленое зарево — экзосфера гигантской планеты. Оно разгорается все ярче, медленно подбираясь к Солнцу, и одну за другой гасит звезды на черном небе. И вдруг оно наползает на Солнце. Очень важно не пропустить этот момент. Зеленое зарево экзосферы мгновенно, словно по волшебству, становится кроваво-красным. Всегда ждешь этого момента, и всегда он наступает внезапно. Солнце становится красным, и ледяная равнина становится красной, и на круглой башенке пеленгатора на краю равнины вспыхивают кровавые блики. Даже тени пиков становятся розовыми. Затем красное постепенно темнеет, становится бурым, и наконец из-за скалистого хребта на близком горизонте вылезает огромный коричневый горб Юпитера. Солнце все еще видно, и оно все еще красное, как раскаленное железо, — ровный вишневый диск на буром фоне.

Почему-то считается, что бурый цвет — это некрасиво. Так считает тот, кто никогда не видел бурого зарева на полнеба и четкого красного диска на нем. Потом диск исчезает. Остается только Юпитер, огромный, бурый, косматый, он долго выбирается из-за горизонта, словно распухая, и занимает четверть неба. Его пересекают наискось черные и зеленые полосы аммиачных облаков, и иногда на нем появляются и сейчас же исчезают крошечные белые точки — так выглядят с Амальтеи экзосферные протуберанцы.

К сожалению, досмотреть восход до конца удастся редко. Слишком долго выползает Юпитер, и надо идти работать. Во время наблюдений, конечно, можно проследить полный восход, но во время наблюдений думаешь не о красоте...

Директор «Джей-станции» поглядел на часы. Сегодня красивый восход, и скоро он будет еще красивее, но пора спускаться вниз и думать, что делать дальше.

В тени скал шевельнулся и начал медленно разворачиваться решетчатый скелет Большой Антенны. Радиооптики приступили к наблюдениям. Голодные радиооптики...

Директор в последний раз взглянул на бурый размытый купол Юпитера и подумал, что хорошо бы поймать момент, когда над горизонтом висят все четыре больших спутника — красноватая Ио, Европа, Ганимед и Каллисто, а сам Юпитер в первой четверти наполовину оранжевый, наполовину бурый. Потом он подумал, что никогда не видел захода. Это тоже должно быть красиво: медленно гаснет зарево экзосферы, и одна за другой вспыхивают звезды в чернеющем небе, как алмазные иглы на бархате. Но обычно время захода — это разгар рабочего дня.

Директор вошел в лифт и спустился в самый нижний этаж. Планетологическая станция на Амальтее представляла собой научный городок в несколько горизонтов, вырубленный в толще льда и залитый металлопластом. Здесь жили, и работали, и учились, и строили около шестидесяти человек. Пятьдесят шесть молодых мужчин и женщин, отличных ребят и девушек с отличным аппетитом.

Директор заглянул в спортивные залы, но там уже никого не было, только кто-то плескался в шаровом бассейне и звенело эхо под потолком. Директор пошел дальше, неторопливо переставляя ноги в тяжелых магнитных башмаках. На Амальтее почти не было тяжести, и это было крайне неудобно. В конце концов, конечно, привыкаешь, но первое время кажется, будто тело надуто водородом и так и норовит выскочить из магнитных башмаков. И особенно трудно привыкнуть спать.

Прошли двое астрофизиков с мокрыми после душа волосами, поздоровались и торопливо прошли дальше, к лифтам. У одного астрофизика было, по-видимому, что-то не в порядке с магнитными подковами — он неловко подпрыгивал и раскачивался на ходу. Директор свернул в столовую. Человек пятнадцать завтракали.

Повар дядя Валнога, он же инженер-гастроном станции, развозил на тележке завтраки. Он был мрачен. Он вообще человек довольно сумрачный, но в последние дни он был мрачен. Он мрачен с того самого неприятного дня, когда с Каллисто, четвертого спутника, радиовали о катастрофе с продовольствием. Продовольственный склад на Каллисто погиб от грибка. Это случилось и раньше, но теперь продовольствие погибло целиком, до последней галеты, и хлорелловые плантации погибли тоже.

На Каллисто очень трудно работать. В отличие от Амальтеи, на Каллисто существует биосфера, и там до сих пор не найдены средства предотвратить проникновение грибка в жилые отсеки. Это очень интересный грибок. Он проникает через любые стены и пожирает все съедобное — хлеб, консервы, сахар. Хлореллу он пожирает с особой жадностью. Иногда он поражает человека, но это совсем не опасно. Сначала этого очень боялись, и самые смелые менялись в лице, обнаружив на коже характерный серый, немного скользкий налет. Но грибки не причиняли живому организму ни боли, ни вреда. Говорили даже, что они действуют как тонизирующее. Зато продовольствие они уничтожают в два счета.

— Дядя Валнога! — окликнул кто-то. — На обед тоже будут галеты?

Директор не успел заметить, кто окликнул, потому что все завтракавшие повернули лица к дяде Валноге и перестали жевать. Славные молодые лица, почти все загорелые до черноты. И уже немного осунувшиеся. Или это так кажется?

— В обед вы получите суп, — сказал дядя Валнога.

— Здорово! — сказал кто-то, и опять директор не заметил кто.

Он подошел к ближайшему столику и сел. Валнога подкатил к нему тележку, и директор взял свой завтрак — тарелку с двумя галетами, полплитки шоколада и стеклянную грушу с чаем. Он сделал это очень ловко, но все-таки толстые белые галеты подпрыгнули и повисли в воздухе. Груша с чаем осталась стоять — она имела магнитный

ободок вокруг доньшка. Директор поймал одну из галет, откусил и взялся за грушу. Чай остыл.

— Суп, — сказал Валнога. Он говорил негромко, обращаясь только к директору. — Вы можете себе представить, что это за суп. А они небось думают, что я им подам куриный бульон. — Он оттолкнул тележку и сел за столик. Он смотрел, как тележка катится в проходе все медленнее и медленнее. — А куриный суп, между прочим, кушают на Каллисто.

— Вряд ли, — сказал директор рассеянно.

— Ну как же вряд ли! — сказал Валнога. — Я им отдал сто семьдесят банок. Больше половины нашего резерва.

— Остаток резерва мы уже съели?

— Конечно, съели, — сказал Валнога.

— Значит, и они уже съели, — сказал директор, разгрызая галету. — У них народу вдвое больше, чем у нас.

«Врешь ты, дядя Валнога, — подумал он. — Я тебя хорошо знаю, инженер-гастроном. Банок двадцать ты еще припрятал для больных и прочего».

Валнога вздохнул и спросил:

— Чай у вас не остыл?

— Нет, спасибо.

— А хлорелла на Каллисто не прививается, — сказал Валнога и опять вздохнул. — Опять они радировали, просили еще килограммов десять закваски. Сообщили, что выслали планетолет.

— Что ж, надо дать.

— Дать! — сказал дядя Валнога. — Конечно, надо дать. Только хлореллы у меня не сто тонн, и ей тоже надо дать подрасти... Я вам, наверное, аппетит порчу, а?

— Ничего, — сказал директор. У него вообще не было аппетита.

— Довольно! — сказал кто-то.

Директор поднял голову и сразу увидел растерянное лицо Зойки Ивановой. Рядом с ней сидел ядерник Козлов. Они всегда сидели рядом.

— Довольно, слышишь? — сказал Козлов со злостью.

Зойка покраснела и наклонила голову. Ей было очень неловко, потому что все смотрели на них.

— Ты мне подсунула свою галету вчера, — сказал Козлов. — Сегодня ты опять подсовываешь мне свою несчастную галету.

Зойка молчала. Она чуть не плакала от смущения.

— Не ори на нее, Козел! — гаркнул с другого конца столовой атмосферный физик Потапов. — Зоенька, ну что ты его подкармливаешь, этого зверя! Дай лучше галету мне, я съем. Я даже не буду на тебя орать.

— Нет, правда, — сказал Козлов уже спокойнее. — Я и так здоровый, а ей надо есть больше моего.

— Неправда, Валя, — сказала Зойка, не поднимая головы.

Кто-то сказал:

— Чайку еще можно, дядя Валнога?

Валнога поднялся. Потапов позвал через всю столовую:

— Эй, Грегор, после работы сыграем?

— Сыграем, — сказал Грегор.

— Снова будешь бит, Вадимчик, — сказал кто-то.

— На моей стороне закон вероятностей! — заявил Потапов.

Все засмеялись.

В столовую просунулась сердитая физиономия.

— Потапов здесь? Вадька, буря на Джупе!

— Ну! — сказал Потапов и вскочил. И другие атмосферники поспешно поднялись из-за стола.

Физиономия исчезла и вдруг появилась снова:

— Галеты мне захвати, слышишь?

— Если Валнога даст, — сказал Потапов вдогонку. Он поглядел на Валногу.

— Почему не дать? — сказал дядя Валнога. — Стеценко Константин, двести граммов галет и пятьдесят граммов шоколада...

Директор встал, вытирая рот бумажной салфеткой. Козлов сказал:

— Товарищ директор, как там с «Тахмасибом»?

Все замолчали и повернули лица к директору. Молодые загорелые лица, уже немного осунувшиеся. Директор ответил:

— Пока никак.

Он медленно прошел по проходу между столиками и направился к себе в кабинет. Вся беда в том, что на Каллисто не вовремя началась «консервная эпидемия». Пока это еще не настоящий голод. Амальтея еще может делиться с Каллисто хлореллой и галетами. Но если Быков не придет с продовольствием... Быков уже где-то близко. Его уже запеленговали, но затем он замолчал и молчит вот уже шестьдесят часов. Нужно будет снова сократить рационы, подумал директор. Здесь всякое может случиться, а до базы на Марсе неблизко. Здесь всякое бывает. Бывает, что планетолеты с Земли и с Марса пропадают. Это случается редко, не чаще грибковых эпидемий. Но очень плохо, что это все-таки случается. За миллиард километров от Земли это хуже десяти эпидемий. Это голод. Может быть, это гибель.

Глава первая. Фотонный грузовик «Тахмасиб»

1. Планетолет подходит к Юпитеру, а капитан ссорится со штурманом и принимает спорамин

Алексей Петрович Быков, капитан фотонного грузовика «Тахмасиб», вышел из каюты и аккуратно притворил за собой дверь. Волосы у него были мокрые. Капитан только что принял душ. Он принял даже два душа — водяной и ионный, но его еще покачивало после короткого сна. Спать все-таки хотелось так, что глаза никак не открывались. За последние трое суток он проспал в общей сложности не более пяти часов. Перелет выдался нелегкий.

В коридоре было пусто и светло. Быков направился в рубку, стараясь не шаркать ногами. В рубку нужно было идти через кают-компанию. Дверь в кают-компанию оказалась открытой, оттуда доносились голоса. Голоса принадлежали планетологам Дауге и Юрковскому и звучали, как показалось Быкову, необыкновенно раздраженно и как-то странно глухо.

«Опять они что-то затеяли, — подумал Быков. — И нет от них никакого спасения. И выругать их как следует невозможно, потому что они все-таки мои друзья и страшно рады, что в этом рейсе мы вместе. Не так часто бывает, чтобы мы собирались вместе».

Быков шагнул в кают-компанию и остановился, поставив ногу на комингс. Книжный шкаф был раскрыт, книги были вывалены на пол и лежали неаккуратной кучей. Скатерть со стола сползла. Из-под дивана торчали длинные, обтянутые узкими серыми брюками ноги Юрковского. Ноги азартно шевелились.

— Я тебе говорю, ее здесь нет, — сказал Дауге.

Самого Дауге видно не было.

— Ты ищи, — сказал задущенный голос Юрковского. — Взятся, так ищи.

— Что здесь происходит? — сердито осведомился Быков.

— Ага, вот он! — сказал Дауге и вылез из-под стола.

Лицо у него было веселое, куртка и воротник сорочки расстегнуты. Юрковский, пятясь, выбрался из-под дивана.

— В чем дело? — сказал Быков.

— Где моя Варечка? — спросил Юрковский, поднимаясь на ноги. Он был очень сердит.

— Изверг! — воскликнул Дауге.

— Без-здельники, — сказал Быков.

— Это он, — сказал Дауге трагическим голосом. — Посмотри на его лицо, Владимир! Палач!

— Я говорю совершенно серьезно, Алексей, — сказал Юрковский. — Где моя Варечка?

— Знаете что, планетологи, — сказал Быков. — Подите вы к черту!

Он выпятил челюсть и прошел в рубку. Дауге сказал вслед:

— Он спалил Варечку в реакторе.

Быков с гулом захлопнул за собой люк.

В рубке было тихо. На обычном месте за столом у вычислителя сидел штурман Михаил Антонович Крутиков, подперев пухлым кулачком двойной подбородок. Вычислитель негромко шелестел, моргая неоновыми огоньками контрольных ламп. Михаил Антонович посмотрел на капитана добрыми глазками и сказал:

— Хорошо поспал, Лешенька?

— Хорошо, — сказал Быков.

— Я принял пеленги с Амальтеи, — сказал Михаил Антонович. — Они там уж так ждут, так ждут... — Он покачал головой. — Представляешь, Лешенька, у них норма: двести граммов галет и пятьдесят граммов шоколада. И хлорелловая похлебка. Триста граммов хлорелловой похлебки. Это же так невкусно!

«Тебя бы туда, — подумал Быков. — То-то похудел бы, толстяк». Он сердито посмотрел на штурмана и не удержался — улыбнулся. Михаил Антонович, озабоченно выпятив толстые губы, рассматривал разграфленный лист голубой бумаги.

— Вот, Лешенька, — сказал он. — Я составил финиш-программу. Проверь, пожалуйста.

Обычно проверять курсовые программы, составленные Михаилом Антоновичем, не стоило. Михаил Антонович по-прежнему оставался самым толстым и самым опытным штурманом межпланетного флота.

— Потом проверю, — сказал Быков. Он сладко зевнул, прикрывая рот ладонью. — Вводи программу в киберштурман.

— Я, Лешенька, уже ввел, — виновато сказал Михаил Антонович.

— Ага, — сказал Быков. — Ну что ж, хорошо. Где мы сейчас?

— Через час выходим на финиш, — ответил Михаил Антонович. — Пройдем над северным полюсом Юпитера... — слово «Юпитер» он произнес с видимым удовольствием, — на расстоянии двух диаметров, двести девяносто мегаметров. А потом — последний виток. Можно считать, мы уже прибыли, Алешенька...

— Расстояние считаешь от центра Юпитера?

— Да, от центра.

— Когда выйдем на финиш, будешь каждые четверть часа давать расстояние до экзосферы.

— Слушаюсь, Лешенька, — сказал Михаил Антонович.

Быков еще раз зевнул, с досадой протер кулаками слипающиеся глаза и пошел вдоль пульты аварийной сигнализации. Здесь было все в порядке. Двигатель работал без перебоев, плазма поступала в рабочем ритме, настройка магнитных ловушек держалась безукоризненно. За магнитные ловушки отвечал бортинженер Жилин. «Молодчина Жилин, — подумал Быков. — Отлично отрегулировал, малек».

Быков остановился и попробовал, чуть меняя курс, сбить настройку ловушек. Настройка не сбивалась. Белый зайчик за прозрачной пластмассовой пластинкой даже не шевельнулся. «Молодчина малек», — снова подумал Быков. Он обогнул выпуклую стену — кожух фотореактора. У комбайна контроля отражателя стоял Жилин с карандашом в зубах. Он упирался обеими руками в края пульта и едва заметно отплясывал чечетку, шевеля могучими лопатками на согнутой спине.

— Здравствуй, Ваня, — сказал Быков.

— Здравствуйте, Алексей Петрович, — сказал Жилин, быстро обернувшись. Карандаш выпал у него из зубов, и он ловко поймал его на лету.

— Как отражатель? — спросил Быков.

— Отражатель в порядке, — сказал Жилин, но Быков все-таки нагнулся над пультом и потянул плотную синюю ленту записи контрольной системы.

Отражатель — самый главный и самый хрупкий элемент фотонного привода, гигантское параболическое зеркало, покрытое пятью слоями сверхстойкого мезовещества. В зарубежной литературе отражатель часто называют «сэйл» — парус. В фокусе параболоида каждую секунду взрываются, превращаясь в излучение, миллионы порций дейтериево-третиевой плазмы. Поток бледного лилового пламени бьет в поверхность отражателя и создает силу тяги. При этом в слое мезовещества возникают исполинские перепады температур, и мезовещество постепенно — слой за слоем — выгорает. Кроме того, отражатель непрерывно разъедается метеоритной коррозией. И если при включенном двигателе отражатель разрушится у основания, там, где к нему примыкает толстая труба фотореактора, корабль превратится в мгновенную бесшумную вспышку. Поэтому отражатели фотонных кораблей меняют через каждые сто астрономических единиц полета. Поэтому контролирующая система непрерывно замеряет состояние рабочего слоя по всей поверхности отражателя.

— Так, — сказал Быков, вертя в пальцах ленту. — Первый слой выгорел.

Жилин промолчал.

— Михаил! — окликнул Быков. — Ты знаешь, что первый слой выгорел?

— Знаю, Лешенька, — отозвался штурман. — А что ты хочешь? Оверсан, Лешенька...

Оверсан, или «прыжок через Солнце», производится редко и только в исключительных случаях — как сейчас, когда на «Джей-станциях» голод. При оверсане между старт-планетой и финиш-планетой находится Солнце — положение очень невыгодное с точки зрения «прямой космогации». При оверсане фотонный двигатель работает на предельных режимах, скорость корабля доходит до шести-семи тысяч километров в секунду и на приборах начинают сказываться эффекты неклассической механики, изученные пока еще очень мало. Экипаж почти не спит, расход горючего и отражателя громаден, и, в довершение всего, корабль, как правило, подходит к финиш-планете с полюса, что неудобно и осложняет посадку.

— Да, — сказал Быков. — Оверсан. Вот тебе и оверсан.

Он вернулся к штурману и поглядел на расходомер горючего.

— Дай-ка мне копию финиш-программы, Миша, — сказал он.

— Одну минутку, Лешенька, — сказал штурман.

Он был очень занят. По столу были разбросаны голубые листки бумаги, негромко гудела полуавтоматическая приставка к электронному вычислителю. Быков опустил в кресло и прикрыл веки. Он смутно видел, как Михаил Антонович, не отрывая глаз от записей, протянул руку к пульту и, быстро переставляя пальцы, пробежал по клавишам. Рука его стала похожа на большого белого паука. Вычислитель загудел громче и остановился, сверкнув стоп-лампочкой.

— Что тебе, Лешенька? — спросил штурман, глядя в свои записи.

— Финиш-программу, — сказал Алексей Петрович, еле разлепляя веки.

Из выводного устройства выползла табулограмма, и Михаил Антонович вцепился в нее обеими руками.

— Сейчас, — сказал он торопливо. — Сейчас.

У Быкова сладко зашумело в ушах, под веками поплыли желтые огоньки. Он уронил голову на грудь.

— Лешенька, — сказал штурман. Он потянулся через стол и похлопал Быкова по плечу. — Лешенька, вот программа...

Быков вздрогнул, дернул головой и посмотрел по сторонам. Он взял исписанные листки.

— Кхе-кхм... — откашлялся он и пошевелил кожей на лбу. — Так. Опять тэта-алгоритм... — Он сонно уставился в записи.

— Принял бы ты, Лешенька, спорамин, — посоветовал штурман.

— Подожди, — сказал Быков. — Подожди. Это что еще такое? Ты что, с ума сошел, штурман?

Михаил Антонович вскочил, обежал вокруг стола и нагнулся над плечом Быкова.

— Где, где? — спросил он.

— Ты куда летишь? — ядовито спросил Быков. — Может быть, ты думаешь, что летишь на Седьмой полигон?

— Да в чем дело, Леша?

— Или, может быть, ты воображаешь, что на Амальтее построили для тебя тритиевый генератор?

— Если ты про горючее, — сказал Михаил Антонович, — то горючего хватит на три таких программы...

Быков проснулся окончательно.

— Мне нужно сесть на Амальтею, — сказал он. — Потом я должен сходить с планетологами в экзосферу и снова сесть на Амальтею. И потом я должен буду вернуться на Землю. И это снова будет оверсан!

— Подожди, — сказал Михаил Антонович. — Минуточку...

— Ты мне считаешь сумасшедшую программу, как будто нас ждут склады горючего!

Люк в рубку приоткрылся. Быков обернулся. В образовавшуюся щель втиснулась голова Дауге. Голова повела по рубке глазами, сказала просительно:

— Послушайте, ребята, здесь нет Варечки?

— Вон! — рявкнул Быков.

Голова мгновенно скрылась. Люк тихо закрылся.

— Л-лоботрясы, — сказал Быков. — И вот что, штурман! Если у меня не хватит горючего для обратного оверсана, плохо тебе будет.

— Не ори, пожалуйста, — возмущенно ответил Михаил Антонович. Он подумал и добавил, заливаясь краской: — Черт возьми...

Наступило молчание. Михаил Антонович вернулся на свое место, и они смотрели друг на друга надувшись. Михаил Антонович сказал:

— Бросок в экзосферу я рассчитал. Обратный оверсан я тоже почти рассчитал. — Он положил ладошку на кучу листков на столе. — А если ты трусишь, мы прекрасно можем дозаправиться на Антимарсе...

Антимарсом космогаторы называли искусственную планету, движущуюся почти по орбите Марса по другую сторону от Солнца. По сути дела, это был громадный склад горючего, полностью автоматизированная заправочная станция.

— И вовсе незачем так на меня... орать, — сказал Михаил Антонович. Слово «орать» он произнес шепотом. Михаил Антонович остывал.

Быков тоже остывал.

— Ну хорошо, — сказал он. — Извини, Миша.

Михаил Антонович сразу заулыбался.

— Я был не прав, — добавил Быков.

— Ах, Лешенька, — сказал Михаил Антонович торопливо. — Пустяки. Совершенные пустяки... А вот ты посмотри, какой получается удивительный виток. Из вертикали, — он стал показывать руками, — в плоскость Амальтеи и над самой экзосферой по инерционному эллипсу в точку встречи. И в точке встречи относительная скорость всего четыре метра в секунду. Максимальная перегрузка всего двадцать два процента, а время невесомости всего минут тридцать-сорок. И очень малы расчетные ошибки.

— Ошибки малы, потому что тэта-алгоритм, — сказал Быков. Он хотел сказать штурману приятное: тэта-алгоритм был разработан и впервые применен Михаилом Антоновичем.

Михаил Антонович издал неопределенный звук. Он был приятно смущен. Быков просмотрел программу до конца, несколько раз подряд кивнул и, положив листки, принялся тереть глаза огромными веснушчатыми кулаками.

— Откровенно говоря, — сказал он, — ни черта я не выпался.

— Прими спорамин, Леша, — убеждающе повторил Михаил Антонович. — Вот я принимаю по таблетке через каждые два часа и совсем не хочу спать. И Ваня тоже. Ну зачем так мучиться?

— Не люблю я этой химии, — сказал Быков. Он вскочил и прошелся по рубке. — Слушай, Миша, а что это происходит у меня на корабле?

— А в чем дело, Лешенька? — спросил штурман.

— Опять планетологи, — сказал Быков.

Жилин из-за кожуха фотореактора объяснил:

— Куда-то пропала Варечка.

— Ну? — сказал Быков. — Наконец-то. — Он опять прошелся по рубке. — Дети, престарелые дети.

— Ты уж на них не сердись, Лешенька, — сказал штурман.

— Знаете, товарищи, — Быков опустился в кресло, — самое скверное в рейсе — это пассажиры. А самые скверные пассажиры — это старые друзья. Дай-ка мне, пожалуйста, спорамину, Миша.

Михаил Антонович торопливо вытащил из кармана коробочку. Быков следил за ним сонными глазами.

— Дай сразу две таблетки, — попросил он.

2. Планетологи ищут Варечку, а радиооптик узнаёт, что такое бегемот

— Он меня выгнал вон, — сказал Дауге, вернувшись в каюту Юрковского.

Юрковский стоял на стуле посередине каюты и ощупывал ладонями мягкий матовый потолок. По полу было рассыпано раздавленное сахарное печенье.

— Значит, она там, — сказал Юрковский.

Он спрыгнул со стула, отряхнул с колен белые крошки и позвал жалобно:

— Варечка, жизнь моя, где ты?

— А ты пробовал неожиданно садиться в кресла? — спросил Дауге.

Он подошел к дивану и столбом повалился на него, вытянув руки по швам.

— Ты убьешь ее! — закричал Юрковский.

— Ее здесь нет, — сообщил Дауге и устроился поудобнее, задрал ноги на спинку дивана. — Такую вот операцию следует произвести над всеми диванами и креслами. Варечка любит устраиваться на мягком.

Юрковский перетащил стул ближе к стене.

— Нет, — сказал он. — В рейсах она любит забираться на стены и потолки. Надо пройти по кораблю и прощупать потолки.

— Господи! — Дауге вздохнул. — И что только не приходит в голову планетологу, одуревшему от безделья! — Он сел, покосился на Юрковского и прошептал зловеще: — Я уверен, это Алексей. Он всегда ненавидел ее.

Юрковский пристально поглядел на Дауге.

— Да, — продолжал Дауге. — Всегда. Ты это знаешь. А за что? Она была такая тихая... такая милая...

— Дурак ты, Григорий, — сказал Юрковский. — Ты паясничает, а мне действительно будет очень жалко, если она пропадет.

Он уселся на стул, уперся локтями в колени и положил подбородок на сжатые кулаки. Высокий залысый лоб его собрался в морщины, черные брови трагически надломались.

— Ну-ну, — сказал Дауге. — Куда она пропадет с корабля? Она еще найдется.

— Найдется, — сказал Юрковский. — Ей сейчас есть пора. А сама она никогда не попросит, так и умрет с голоду.

— Так уж и умрет! — усомнился Дауге.

— Она уже двенадцать дней ничего не ела. С самого старта. А ей это страшно вредно.

— Лопать захочет — придет, — уверенно сказал Дауге. — Это свойственно всем формам жизни.

Юрковский покачал головой:

— Нет. Не придет она, Гриша.

Он залез на стул и снова стал сантиметр за сантиметром ощупывать потолок. В дверь постучали. Затем дверь мягко отъехала в сторону, и на пороге остановился маленький черноволосый Шарль Моллар, радиооптик.

— Войдите? — спросил Моллар.

— Вот именно, — сказал Дауге.

Моллар всплеснул руками.

— Mais non! — воскликнул он, радостно улыбаясь. Он всегда радостно улыбался. — Non «войдите». Я хотел познать: войтить?

— Конечно, — сказал Юрковский со стула. — Конечно, войтить, Шарль. Чего уж тут.

Моллар вошел, задвинул дверь и с любопытством задрал голову.

— Вольдемар, — сказал он, великолепно картавя. — Ви учится ходить по потолку?

— Уи, мадам, — сказал Дауге с ужасным акцентом. — В смысле месье, конечно. Собственно, иль шерш ля Варечка.

— Нет-нет! — вскричал Моллар. Он даже замахал руками. — Только не так. Только по-русску. Я же говорю только по-русску!

Юрковский слез со стула и спросил:

— Шарль, вы не видели мою Варечку?

Моллар погрозил ему пальцем.

— Ви мне все шутите, — сказал он, делая произвольные ударения. — Ви мне двенадцать дней шутите. — Он сел на диван рядом с Дауге. — Что есть Варечка? Я много раз слышал «Варечка», сегодня ви ее ищите, но я ее не видел ни один раз. А? — Он поглядел на Дауге. — Это птичка? Или это кошечка? Или... э...

— Бегемот? — сказал Дауге.

— Что есть бегемот? — осведомился Моллар.

— Сэ такая лирондэй, — ответил Дауге. — Ласточка.

— О, l'hirondelle! — воскликнул Моллар. — Бегемот?

— Йес, — сказал Дауге. — Натюрлихь.

— Non, non! Только по-русску! — Он повернулся к Юрковскому. — Грегуар говорит верно?

— Ерунду порет Грегуар, — сердито проговорил Юрковский. — Чепуху.

Моллар внимательно посмотрел на него.

— Ви расстроены, Володья, — сказал он. — Я могу помочь?

— Да нет, наверное, Шарль. Надо просто искать. Ощупывать все руками, как я...

— Зачем щупать? — удивился Моллар. — Ви скажите, вид у нее какой есть. Я стану искать.

— Ха, — сказал Юрковский, — хотел бы я знать, какой у нее сейчас вид.

Моллар откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза ладонью.

— Je ne comprendre pas, — жалобно сказал он. — Я не понимаю. У нее нет вид? Или я не понимаю по-русску?

— Нет, все правильно, Шарль, — сказал Юрковский. — Вид у нее, конечно, есть. Только разный, понимаете? Когда она на потолке, она как потолок. Когда на диване — как диван...

— А когда на Грегуар, она как Грегуар, — сказал Моллар. — Ви все шутите.

— Он говорит правду, — вступился Дауге. — Варечка все время меняет окраску. Мимикрия. Она замечательно маскируется, понимаете? Мимикрия.

— Мимикрия у ласточка? — горько спросил Моллар.

В дверь опять постучали.

— Войтить! — радостно закричал Моллар.

— Войдите, — перевел Юрковский.

Вошел Жилин, громадный, румяный и немного застенчивый.

— Извините, Владимир Сергеевич, — сказал он, несколько наклоняясь вперед. — Меня...

— О! — вскричал Моллар, сверкая улыбкой. Он очень благоволил к бортинженеру. — Le petit ingénieur!¹ Как жизнь, хороше-о?

— Хорошо, — сказал Жилин.

— Как девушки, хороше-о?

— Хорошо, — сказал Жилин. Он уже привык. — Бон.

— Прекрасный прононс, — сказал Дауге с завистью. — Кстати, Шарль, почему вы всегда спрашиваете Ваню, как девушки?

— Я очень люблю девушки, — серьезно сказал Моллар. — И всегда интересуюсь как.

— Бон, — сказал Дауге. — Же ву компран.

Жилин повернулся к Юрковскому:

— Владимир Сергеевич, меня послал капитан. Через сорок минут мы пройдем через периювий, почти в экзосфере.

Юрковский вскочил.

— Наконец-то!

— Если вы будете наблюдать, я в вашем распоряжении.

— Спасибо, Ваня, — сказал Юрковский. Он повернулся к Дауге. — Ну, Иоганыч, вперед!

— Держись, бурый Джуп, — сказал Дауге.

— Les hirondelles, les hirondelles, — запел Моллар. — А я пойду готовить обед. Сегодня я дежурный, и на обед будет суп. Ви любите суп, Ванья?

Жилин не успел ответить, потому что планетолет сильно качнуло и он вывалился в дверь, едва успев ухватиться за косяк. Юрковский споткнулся о вытянутые ноги Моллара, развалившегося на диване, и упал на Дауге. Дауге охнул.

— Ого, — сказал Юрковский. — Это метеорит.

— Встань с меня, — сказал Дауге.

¹ Маленький инженер! (*фр.*)

3. Бортинженер восхищается героями, а штурман обнаруживает Варечку

Тесный обсерваторный отсек был до отказа забит аппаратурой планетологов. Дауге сидел на корточках перед большим блестящим аппаратом, похожим на телевизионную камеру. Аппарат назывался экзосферным спектрографом. Планетологи возлагали на него большие надежды. Он был совсем новый — прямо с завода — и работал синхронно с бомбосбрасывателем. Матово-черный казенник бомбосбрасывателя занимал половину отсека. Возле него, в легких металлических стеллажах, тускло светились воронеными боками плоские обоймы бомбозондов. Каждая обойма содержала двадцать бомбозондов и весила сорок килограммов. По идее обоймы должны были подаваться в бомбосбрасыватель автоматически. Но фотонный грузовик «Тахмасиб» был неважно приспособлен для развернутых научных исследований, и для автоподатчика не хватило места. Бомбосбрасыватель обслуживал Жилин. Юрковский скомандовал:

— Заряжай.

Жилин откатил крышку казенника, взялся за края первой обоймы, с натугой поднял ее и вставил в прямоугольную щель зарядной камеры. Обойма бесшумно скользнула на место. Жилин накатил крышку, щелкнул замком и сказал:

— Готов.

— Я тоже готов, — сказал Дауге.

— Михаил, — сказал Юрковский в микрофон. — Скоро?

— Еще полчаса, — послышался сиплый голосок штурмана.

Планетолет снова качнуло. Пол ушел из-под ног.

— Опять метеорит, — сказал Юрковский. — Это уже третий.

— Густо что-то, — сказал Дауге.

Юрковский спросил в микрофон:

— Михаил, микрометеоритов много?

— Много, Володенька, — ответил Михаил Антонович. Голос у него был озабоченный. — Уже на тридцать процентов выше средней плотности, и все растет и растет...

— Миша, голубчик, — попросил Юрковский. — Замеряй почаще, а?

— Замеры идут три раза в минуту, — отозвался штурман. Он сказал что-то в сторону от микрофона. В ответ послышался голос Быкова: «Можно». — Володенька, — позвал штурман. — Я переключаю на десять раз в минуту.

— Спасибо, Миша, — сказал Юрковский.

Корабль опять качнуло.

— Слушай, Володя, — позвал негромко Дауге. — А ведь это нетривиально.

Жилин тоже подумал, что это нетривиально. Нигде, ни в каких учебниках и логиях, не говорилось о повышении метеоритной плотности в непосредственной близости к Юпитеру. Впрочем, мало кто бывал в непосредственной близости к Юпитеру.

Жилин присел на станину казенника и поглядел на часы. До периювия оставалось минут двадцать, не больше. Через двадцать минут Дауге даст первую очередь. Он говорит, что это необычайное зрелище, когда взрывается очередь бомбозондов. В позапрошлом году он исследовал такими бомбозондами атмосферу Урана. Жилин оглянулся на Дауге. Дауге сидел на корточках перед спектрографом, держась за ручки поворота, — сухой, черный, остроносый, со шрамом на левой щеке. Он то и дело вытягивал длинную шею и заглядывал то левым, то правым глазом в окуляр видоискателя, и каждый раз по его лицу пробегал оранжевый зайчик. Жилин посмотрел на Юрковского. Юрковский стоял, прижавшись лицом к нарамнику перископа, и нетерпеливо переступал с ноги на ногу. На шее у него болталось на темной ленте рубчатое яйцо микрофона. Известные планетологи Дауге и Юрковский...

Месяц назад заместитель начальника Высшей Школы Космогации Сантор Ян вызвал к себе выпускника Школы Ивана Жилина. Межпланетники звали Сантора Яна «Железный

Ян». Ему было за пятьдесят, но он казался совсем молодым в синей куртке с отложным воротником. Он был бы очень красив, если бы не мертвые серо-розовые пятна на лбу и подбородке — следы давнего лучевого удара. Сантор Ян сказал, что Третий отдел ГКМПС срочно затребовал в свое распоряжение хорошего сменного бортинженера и что Совет Школы остановил свой выбор на выпускнике Жилине (выпускник Жилин похолодел от волнения: все пять лет он боялся, что его пошлют стажером на лунные трассы). Сантор Ян сказал, что это большая честь для выпускника Жилина, потому что первое свое назначение он получает на корабль, который идет оверсаном к Юпитеру (выпускник Жилин чуть не подпрыгнул от радости) с продовольствием для «Джей-станции» на Пятом спутнике Юпитера — Амальтее.

— Амальтее грозит голод, — сказал Сантор Ян. — Вашим командиром будет прославленный межпланетник, тоже выпускник нашей Школы, Алексей Петрович Быков. Вашим старшим штурманом будет весьма опытный космогатор Михаил Антонович Крутиков. В их руках вы пройдете первоклассную практическую школу, и я чрезвычайно рад за вас.

О том, что в рейсе принимают участие Григорий Иоганнович Дауге и Владимир Сергеевич Юрковский, Жилин узнал позже, уже на ракетодrome Мирза-Чарле. Какие имена! Юрковский и Дауге, Быков и Крутиков. Богдан Спицын и Анатолий Ермаков. Страшная и прекрасная, с детства знакомая полулегенда о людях, которые бросили к ногам человечества грозную планету. О людях, которые на допотопном «Хиусе» — фотонной черепахе с одним-единственным слоем мезовещества на отражателе — прорвались сквозь бешеную атмосферу Венеры. О людях, которые нашли в черных первобытных песках Урановую Голконду — след удара чудовищного метеорита из антивещества.

Конечно, Жилин знал и других замечательных людей. Например, межпланетника-испытателя Василия Ляхова. На третьем и четвертом курсах Ляхов читал в Школе теорию фотонного привода. Он организовал для выпускников трехмесячную практику на Спу-20. Межпланетники называли Спу-20 «Звездочкой». Там было очень интересно. Там испытывались первые прямоточные фотонные двигатели. Оттуда в зону абсолютно свободного полета запускали автоматические лоты-разведчики. Там строился первый межзвездный корабль «Хиус-Молния». Однажды Ляхов привел курсантов в ангар. В ангаре висел только что прибывший фотонный танкер-автомат, который полгода назад забросили в зону абсолютно свободного полета. Танкер, огромное неуклюжее сооружение, удалялся от Солнца на расстояние светового месяца. Всех поразил его цвет. Обшивка сделалась бирюзово-зеленой и отваливалась кусками, стоило прикоснуться к ней ладонью. Она просто крошилась, как хлеб. Но устройства управления оказались в порядке, иначе разведчик, конечно, не вернулся бы, как не вернулись три разведчика из девятнадцати, запущенных в зону АСП. Курсанты спросили Ляхова, что произошло, и Ляхов ответил, что не знает. «На больших расстояниях от Солнца есть что-то, чего мы пока не знаем», — сказал Ляхов. И Жилин подумал тогда о пилотах, которые через несколько лет поведут «Хиус-Молнию» туда, где есть что-то, чего мы пока не знаем.

«Забавно, — подумал Жилин, — мне уже есть о чем вспоминать. Как на четвертом курсе во время зачетного подъема на геодезической ракете отказал двигатель и я вместе с ракетой свалился в совхозное поле под Новоенисейском. Я несколько часов бродил среди автоматических высокочастотных плугов, пока к вечеру не наткнулся на человека. Это был оператор-телемеханик. Мы всю ночь пролежали в палатке, следя за огоньками плугов,двигающимися в темном поле, и один плуг прошел совсем близко, гудя и оставляя за собой запах озона. Оператор угощал меня местным вином, и мне, кажется, так и не удалось убедить этого веселого дядьку, что межпланетники не пьют ни капли. Утром за ракетой пришел транспортер. Железный Ян устроил мне страшный разнос за то, что я не катапультировался...

Или дипломный перелет Спу-16 Земля — Цифэй Луна, когда член экзаменационной комиссии старался сбить нас с толку и, давая вводные, кричал ужасным голосом: «Астероид третьей величины справа по курсу! Скорость сближения двадцать два!» Нас было шестеро дипломантов, и он надоел нам невыносимо — только Ив, староста, все старался нас убедить, что людям следует прощать их маленькие слабости. Мы в принципе не возражали, но слабости прощать не хотелось. Мы все считали, что перелет ерундовый, и никто не испугался, когда корабль вдруг лег в страшный вираж на четырехкратной перегрузке. Мы вскарабкались в рубку, где член комиссии делал вид, что убит перегрузкой, и вывели корабль из виража. Тогда член комиссии открыл один глаз и сказал: «Молодцы, межпланетники», и мы сразу простили ему его слабости, потому что до тех пор никто еще не называл нас серьезно межпланетниками, кроме мам и знакомых девушек. Но мамы и девушки всегда говорили: «Мой милый межпланетник», и вид у них был при этом такой, словно у них холодеет внутри...»

«Тахмасиб» вдруг трянуло так сильно, что Жилин опрокинулся на спину и стукнулся затылком о стеллаж.

— Черт! — сказал Юрковский. — Все это, конечно, нетривиально, но, если корабль будет так рыскать, мы не сможем работать.

— Да уж, — сказал Дауге. Он прижимал ладонь к правому глазу. — Какая уж тут работа...

По-видимому, по курсу корабля появлялось все больше крупных метеоритов, и суматошные команды противометеоритных локаторов на киберштурман все чаще бросали корабль из стороны в сторону.

— Неужели рой? — сказал Юрковский, цепляясь за нарамник перископа. — Бедная Варечка, она плохо переносит тряску.

— Ну и сидела бы дома, — злобно сказал Дауге. Правый глаз у него быстро заплывал, он ощупывал его пальцами и издавал невнятные восклицания по-латышски. Он уже не сидел на корточках, он полулежал на полу, раздвинув для устойчивости ноги.

Жилин держался, упиравшись руками в казенник и стеллаж. Пол вдруг провалился под ногами, затем подпрыгнул и больно ударил по пяткам. Дауге охнул, у Жилина подломились ноги. Хриплый бас Быкова проревел в микрофон:

— Бортинженер Жилин, в рубку! Пассажирам укрыться в амортизаторах!

Жилин шатающейся рысцой побежал к двери. За его спиной Дауге сказал:

— Как так в амортизаторы?

— Черта с два! — отозвался Юрковский.

Что-то покатилося по полу с металлическим дребезгом. Жилин выскочил в коридор. Начиналось приключение.

Корабль непрерывно мотало, словно щепку на волнах. Жилин бежал по коридору и думал: этот мимо. И этот мимо. И вот этот тоже мимо, и все они мимо... За спиной вдруг раздалось пронзительное «поук-пш-ш-ш-ш...». Он бросился спиной к стене и обернулся. В пустом коридоре, шагах в десяти от него, стояло плотное облако белого пара: совершенно такое, как бывает, когда лопается баллон с жидким гелием. Шипение быстро смолкло. По коридору потянуло ледяным холодом.

— Попал, гад, — сказал Жилин и оторвался от стены. Белое облако ползло за ним, медленно оседая.

В рубке было очень холодно. Жилин увидел блестящую радугой изморозь на стенах и на полу. Михаил Антонович с багровым затылком сидел за вычислителем и тянул на себя ленту записи. Быкова видно не было. Он был за кожухом реактора.

— Опять попало? — тоненьким голосом крикнул штурман.

— Где, наконец, бортинженер? — прогудел Быков из-за кожуха.

— Я, — отозвался Жилин.

Он побежал через рубку, скользя по инею. Быков выскочил ему навстречу, рыжие волосы его стояли дыбом.

— На контроль отражателя, — сказал он.

— Есть, — сказал Жилин.

— Штурман, есть просвет?

— Нет, Лешенька. Кругом одинаковая плотность. Вот ведь угораздило нас...

— Отключай отражатель. Буду выбираться на аварийных.

Михаил Антонович на вращающемся кресле торопливо повернулся к пульту управления позади себя. Он положил руку на клавиши и сказал:

— Можно было бы...

Он остановился. Лицо его перекопилось ужасом. Панель с клавишами управления изогнулась, снова выпрямилась и бесшумно соскользнула на пол. Жилин услышал вопль Михаила Антоновича и в смятении выскочил из-за кожуха. На стене рубки, вцепившись в мягкую обивку, сидела полутораметровая марсианская ящерица Варечка, любимица Юрковского. Точный рисунок клавиш управления на ее боках уже начал бледнеть, но на страшной треугольной морде все еще медленно мигало красное изображение стоп-лампочки. Михаил Антонович глядел на разлинованную Варечку, всхлипывал и держался за сердце.

— Пшла! — заорал Жилин.

Варечка метнулась куда-то и пропала.

— Убью! — прорычал Быков. — Жилин, на место, черт!

Жилин повернулся, и в этот момент в «Тахмасиб» попало по-настоящему.

Амальтея, «Джей-станция»

Водовозы беседуют о голоде, а инженер-гастроном стыдится своей кухни

После ужина дядя Валнога пришел в зал отдыха и сказал, ни на кого не глядя:

— Мне нужна вода. Добровольцы есть?

— Есть, — сказал Козлов.

Потапов поднял голову от шахматной доски и тоже сказал:

— Есть.

— Конечно, есть, — сказал Костя Стеценко.

— А мне можно? — спросила Зойка Иванова тонким голосом.

— Можно, — сказал Валнога, уставясь в потолок. — Так вы приходите.

— Сколько нужно воды? — спросил Козлов.

— Не много, — ответил дядя Валнога. — Тонн десять.

— Ладно, — сказал Козлов. — Мы сейчас.

Дядя Валнога вышел.

— Я тоже с вами, — сказал Грегор.

— Ты лучше сиди и думай над своим ходом, — посоветовал Потапов. — Ход твой.

Ты всегда думаешь по полчаса над каждым ходом.

— Ничего, — сказал Грегор. — Я еще успею подумать.

— Галя, пойдем с нами, — позвал Стеценко.

Галя лежала в кресле перед магнитовидеофоном. Она лениво отозвалась:

— Пожалуй.

Она встала и сладко потянулась. Ей было двадцать восемь лет, она была высокая, смуглая и очень красивая. Самая красивая женщина на станции. Половина ребят на станции были влюблены в нее. Она заведовала астрометрической обсерваторией.

— Пошли, — сказал Козлов. Он застегнул пряжки на магнитных башмаках и пошел к двери.

Они отправились на склад и взяли там меховые куртки, электропилы и самоходную платформу.

Айсротте — так называлось место, где станция брала воду для технических, гигиенических и продовольственных нужд. Амальтея, сплюснутый шар диаметром в сто тридцать километров, состоит из сплошного льда. Это обыкновенный водяной лед, совершенно такой же, как на Земле. И только на поверхности лед немного присыпан метеоритной пылью и каменными и железными обломками. О происхождении ледяной планетки никто не мог сказать ничего определенного. Одни — мало осведомленные в космогонии — считали, что Юпитер в оные времена содрал водяную оболочку с какой-нибудь неосторожно приблизившейся планеты. Другие были склонны относить образование Пятого спутника за счет конденсации водяных кристаллов. Третьи уверяли, что Амальтея вообще не принадлежала к Солнечной системе, что она вышла из межзвездного пространства и была захвачена Юпитером. Но как бы то ни было, неограниченные запасы водяного льда под ногами — это большое удобство для «Джей-станции» на Амальтее.

Платформа проехала по коридору нижнего горизонта и остановилась перед широкими воротами айсротте. Грегор соскочил с платформы, подошел к воротам и, близоруко вглядываясь, стал искать кнопку замка.

— Ниже, ниже, — сказал Потапов. — Филин слепой.

Грегор нашел кнопку, и ворота раздвинулись. Платформа въехала в айсротте. Айсротте был именно айсротте — ледяной пещерой, тоннелем, вырубленным в сплошном льду. Три газосветные трубки освещали тоннель, но свет отражался от ледяных стен и потолка, дробился и искрился на неровностях, поэтому казалось, что айсротте освещен многими люстрами...

Здесь не было магнитного пола, и ходить надо было осторожно. И здесь было необычайно холодно.

— Лед, — сказала Галя, оглядываясь. — Совсем как на Земле.

Зойка зябко поежилась, кутаясь в меховую куртку.

— Как в Антарктике, — пробормотала она.

— Я был в Антарктике, — объявил Грегор.

— И где только ты не был! — сказал Потапов. — Везде ты был!

— Взяли, ребята, — скомандовал Козлов.

Ребята взяли электропилы, подошли к дальней стене и стали выпиливать брусья льда. Пилы шли в лед, как горячие ножи в масло. В воздухе засверкали ледяные опилки. Зойка и Галя подошли ближе.

— Дай мне, — попросила Зойка, глядя в согнутую спину Козлова.

— Не дам, — сказал Козлов не оборачиваясь. — Глаза повредишь.

— Совсем как снег на Земле, — заметила Галя, подставляя ладонь под струю льдинок.

— Ну, этого добра везде много, — сказал Потапов. — Например, на Ганимеде сколько хочешь снегу.

— Я был на Ганимеде, — объявил Грегор.

— С ума сойти можно, — сказал Потапов. Он выключил свою пилу и отвалил от стены огромный ледяной куб. — Вот так.

— Разрежь на части, — посоветовал Стеценко.

— Не режь, — сказал Козлов. Он тоже выключил пилу и отвалил от стены глыбу льда. — Наоборот... — Он с усилием пихнул глыбу, и она медленно поплыла к выходу из тоннеля. — Наоборот, Валноге удобнее, когда брусья крупные.

— Лед, — сказала Галя. — Совсем как на Земле. Я теперь буду всегда ходить сюда после работы.

— Вы очень скучаете по Земле? — робко спросила Зойка. Зойка была на десять лет моложе Гали, работала лаборанткой на астрометрической обсерватории и робела перед своей заведующей.

— Очень, — ответила Галя. — И вообще по Земле, Зоенька, и так хочется посидеть на траве, походить вечером по парку, потанцевать... Не наши воздушные танцы, а обыкновенный вальс. И пить из нормальных бокалов, а не из дурацких груш. И носить платье, а не брюки. Я ужасно соскучилась по обыкновенной юбке.

— Я тоже, — сказал Потапов.

— Юбка — это да, — сказал Козлов.

— Трепачи, — возразила Галя. — Мальчишки.

Она подобрала осколок льда и кинула в Потапова. Потапов подпрыгнул, ударился спиной в потолок и отлетел на Стеценко.

— Тише ты, — сердито сказал Стеценко. — Под пилу угодишь.

— Ну, довольно, наверное, — сказал Козлов. Он отвалил от стены третий брус. — Грузи, ребята.

Они погрузили лед на платформу, затем Потапов неожиданно схватил одной рукой Галю, другой рукой Зойку и забросил обеих на штабель ледяных брусьев. Зойка испуганно взвизгнула и ухватилась за Галю. Галя засмеялась.

— Поехали! — заорал Потапов. — Сейчас Валнога даст вам премию — по миске хлорелловой похлебки на нос.

— Я бы не отказался, — проворчал Козлов.

— Ты и раньше не отказывался, — заметил Стеценко. — А уж теперь, когда у нас голод...

Платформа выехала из айсгротте, и Грегор задвинул ворота.

— Разве это голод? — сказала Зойка с вершины ледяной кучи. — Вот я недавно читала книгу о войне с фашистами — вот там был действительно голод. В Ленинграде, во время блокады.

— Я был в Ленинграде, — объявил Грегор.

— Мы едим шоколад, — продолжала Зойка, — а там выдавали по полтора грамма хлеба на день. И какого хлеба! Наполовину из опилок.

— Так уж и из опилок, — усомнился Стеценко.

— Представь себе, именно из опилок.

— Шоколад шоколадом, — сказал Козлов, — а нам туго будет, если не прибудет «Тахмасиб».

Он нес электропилу на плече, как ружье.

— Прибудет, — уверенно сказала Галя. Она прыгнула с платформы, и Стеценко торопливо подхватил ее. — Спасибо, Костя. Обязательно прибудет, мальчики.

— Все-таки я думаю, надо предложить начальнику уменьшить суточные порции, — сказал Козлов. — Хотя бы только для мужчин.

— Чепуха какая, — сказала Зойка. — Я читала, что женщины гораздо лучше переносят голод, чем мужчины.

Они шли по коридору вслед за медленно движущейся платформой.

— Так то женщины, — сказал Потапов. — А то дети.

— Железное остроумие, — сказала Зойка. — Прямо чугунное.

— Нет, правда, ребята, — сказал Козлов. — Если Быков не прибудет завтра, надо собрать всех и спросить согласия на сокращение порций.

— Что ж, — согласился Стеценко. — Я полагаю, никто не будет возражать.

— Я не буду возражать, — объявил Грегор.

— Вот и хорошо, — сказал Потапов. — А я уж думал, как быть, если ты вдруг будешь возражать.

— Привет водовозам! — крикнул астрофизик Никольский, проходя мимо.

Галя сердито заметила:

— Не понимаю, как можно так откровенно заботиться только о своем брюхе, словно «Тахмасиб» — автомат и на нем нет ни одного живого человека.

Даже Потапов покраснел и не нашелся что сказать. Остаток пути до камбуза прошли молча. В камбузе дядя Валнога сидел понурившись возле огромной ионообменной установки для очистки воды. Платформа остановилась у входа в камбуз.

— Сгружайте, — сказал дядя Валнога, глядя в пол. В камбузе было непривычно тихо, прохладно и ничем не пахло. Дядя Валнога мучительно переживал это запустение.

В молчании ледяные брусья были отгружены с платформы и заложены в отверстие пасть водоочистителя.

— Спасибо, — сказал дядя Валнога, не поднимая головы.

— Пожалуйста, дядя Валнога, — сказал Козлов. — Пошли, ребята.

Они молча отправились на склад, затем молча вернулись в зал отдыха. Галя взяла книжку и улеглась в кресло перед магнитоаудиофоном. Стеценко нерешительно потоптался возле нее, поглядел на Козлова и Зойку, которые снова уселись за стол для занятий (Зойка училась заочно в энергетическом институте, и Козлов помогал ей), вздохнул и побрел в свою комнату. Потапов сказал Грегору:

— Ходи. Твой ход.

Глава вторая. Люди над бездной

1. Капитан сообщает неприятную новость, а бортиженер не боится

Видимо, крупный метеорит угодил в отражатель, симметрия распределения силы тяги по поверхности параболоида мгновенно нарушилась, и «Тахмасиб» закрутило колесом. В рубке один только капитан Быков не потерял сознания. Правда, он больно ударился обо что-то головой, потом боком и некоторое время совсем не мог дышать, но ему удалось вцепиться руками и ногами в кресло, на которое его бросил первый толчок, и он цеплялся, тянулся, карабкался до тех пор, пока в конце концов не дотянулся до панели управления. Все крутилось вокруг него с необыкновенной быстротой. Откуда-то сверху вывалился Жилин и пролетел мимо, растопырив руки и ноги. Быкову показалось, что в Жилине не осталось ничего живого. Он пригнул голову к панели управления и, старательно прицелившись, ткнул пальцем в нужную клавишу.

Киберштурман включил аварийные водородные двигатели, и Быков ощутил толчок, словно поезд остановился на полном ходу, только гораздо сильнее. Быков ожидал этого и изо всех сил упирался ногами в стойку пульта, поэтому из кресла не вылетел. У него только потемнело в глазах, и рот наполнился крошкой отбитой с зубов эмали. «Тахмасиб» выровнялся. Тогда Быков повел корабль напролом сквозь облако каменного и железного щебня. На экране следящей системы бились голубые всплески. Их было много, очень много, но корабль больше не рыскал — противометеоритное устройство было отключено и не влияло на киберштурман. Сквозь шум в ушах Быков несколько раз услышал пронзительное «поук-пш-ш-ш», и каждый раз его обдавало ледяным паром, и он втягивал голову в плечи и пригибался к самому пульту. Один раз что-то лопнуло, разлетаясь, за его спиной. Потом сигналов на экране стало меньше, потом еще меньше и наконец не стало совсем. Метеоритная атака кончилась.

Тогда Быков поглядел на курсограф. «Тахмасиб» падал. «Тахмасиб» шел через экзосферу Юпитера, и скорость его была намного меньше круговой, и он падал по суживающейся спирали. Он потерял скорость во время метеоритной атаки. При метеоритной атаке корабль, уклоняясь от курса, всегда теряет скорость. Так бывает в поясе астероидов во время обыденных рейсов Юпитер — Марс или Юпитер — Земля. Но там это не опасно. Здесь, над Джупом, потеря скорости означала верную смерть. Корабль сгорит, врезавшись в плотные слои атмосферы чудовищной планеты, — так было десять

лет назад с Полем Данже. А если не сгорит, то провалится в водородную бездну, откуда нет возврата, — так случилось, вероятно, с Сергеем Петрушевым в начале этого года.

Вырваться можно было бы только на фотонном двигателе. Совершенно машинально Быков нажал рифленую клавишу стартера. Но ни одна лампочка не зажглась на панели управления. Отражатель был поврежден, и аварийный автомат блокировал неразумный приказ. «Это конец», — подумал Быков. Он аккуратно развернул корабль и включил на полную мощность аварийные двигатели. Пятикратная перегрузка вдавила его в кресло. Это было единственное, что он мог сейчас сделать, — сократить скорость падения корабля до минимума, чтобы не дать ему сгореть в атмосфере. Тридцать секунд он сидел неподвижно, уставясь на свои руки, быстро отекавшие от перегрузки. Потом он уменьшил подачу горючего, и перегрузка пропала. Аварийные двигатели будут понемногу тормозить падение — пока хватит горючего. А горючего немного. Еще никого и никогда аварийные ракеты не спасали над Юпитером. Над Марсом, над Меркурием, над Землей — может быть, но не над планетой-гигантом.

Быков тяжело поднялся и заглянул через пульт. На полу, среди пластмассовых осколков, лежал животом вверх штурман Михаил Антонович Крутиков.

— Миша, — позвал Быков почему-то шепотом. — Ты жив, Миша?

Послышался скребущий звук, и из-за кожуха реактора выполз на четвереньках Жилин. Жилин тоже плохо выглядел. Он задумчиво поглядел на капитана, на штурмана, на потолок и сел, поджав ноги.

Быков выбрался из-за пульта и опустился рядом со штурманом на корточки, с трудом согнув ноги в коленях. Он потрогал штурмана за плечо и снова позвал:

— Ты жив, Миша?

Лицо Михаила Антоновича сморщилось, и он, не открывая глаз, облизнул губы.

— Лешенька, — сказал он слабым голосом.

— У тебя болит что-нибудь? — спросил Быков и принялся ощупывать штурмана.

— О! — сказал штурман и широко раскрыл глаза.

— А здесь?

— У! — сказал штурман болезненным голосом.

— А здесь?

— Ой, не надо! — сказал штурман и сел, упираясь руками в пол. Голова его склонилась к плечу. — А где Ванюша? — спросил он.

Быков оглянулся. Жилина не было.

— Ваня, — негромко окликнул Быков.

— Здесь, — отозвался Жилин из-за кожуха. Было слышно, как он уронил что-то и шепотом чертыхается.

— Иван жив, — сообщил Быков штурману.

— Ну и слава богу, — сказал Михаил Антонович и, ухватившись за плечо капитана, поднялся на ноги.

— Ты как, Миша? — спросил Быков. — В состоянии?

— В состоянии, — неуверенно сказал штурман, держась за него. — Кажется, в состоянии. — Он посмотрел на Быкова удивленными глазами и сказал: — До чего же живуч человек, Лешенька... Ох, до чего живуч!

— Н-да, — сказал Быков неопределенно. — Живуч. Слушай, Михаил... — Он помолчал. — Дела наши нехороши. Мы, брат, падаем. Если ты в состоянии, садись и посчитай, как и что. Вычислитель, по-моему, уцелел. — Он посмотрел на вычислитель. — Впрочем, посмотри сам.

Глаза Михаила Антоновича стали совсем круглыми.

— Падаем? — сказал он. — Ах, вот как! Падаем. На Юпитер падаем?

Быков молча кивнул.

— Ай-яй-яй! — сказал Михаил Антонович. — Надо же! Хорошо. Сейчас. Я сейчас.

Он постоял немного, морщась и ворочая шеей, потом отпустил капитана и, ухватившись за край пульта, заковылял к своему месту.

— Сейчас посчитаю, — бормотал он. — Сейчас.

Быков смотрел, как он, держась за бок, усаживается, жалобно кряхтя, в кресло и устраивается поудобнее. Кресло было заметно перекошено. Устроившись, Михаил Антонович вдруг испуганно посмотрел на Быкова и спросил:

— Но ведь ты притормозил, Алеша? Ты затормозил?

Быков кивнул и пошел к Жилину, хрустя осколками на полу. На потолке он увидел небольшое черное пятно и еще одно у самой стены. Это были метеоритные пробоины, затянутые смолопластом. Вокруг пятен дрожали крупные капли осевшей влаги.

Жилин сидел по-турецки перед комбайном контроля отражателя. Кожух комбайна был расколот пополам. Внутренности комбайна выглядели неутешительно.

— Что у тебя? — спросил Быков. Он видел что.

Жилин поднял опухшее лицо.

— Подробностей я еще не знаю, — ответил он. — Но ясно, что вдребезги.

Быков сел рядом.

— Одно метеоритное попадание, — сказал Жилин. — И два раза я въехал сюда сам. — Он показал пальцем, куда он въехал, но это было и так видно. — Один раз в самом начале ногами и потом в самом конце головой.

— Да, — сказал Быков. — Этого никакой механизм не выдержит. Ставь запасной комплект. И вот что. Мы падаем.

— Я слышал, Алексей Петрович, — сказал Жилин.

— Собственно, — произнес Быков задумчиво, — что толку в контрольном комбайне, если разбит отражатель?

— А может быть, не разбит? — сказал Жилин.

Быков поглядел на него, усмехаясь.

— Такая карусель, — сказал он, — может объясняться только двумя причинами. Или — или. Или почему-то выскочила из фокуса точка сгорания плазмы, или откололся большой кусок отражателя. Я думаю, что разбит отражатель, потому что бога нет и точку сгорания перемещать некому. Но ты все-таки валяй. Ставь запасной комплект. — Он поднялся и, задрвав голову, осмотрел потолок. — Надо еще хорошенько закрепить пробоины. Там внизу большое давление. Смолопласт выдавит. Ну, это я сам. — Он повернулся, чтобы идти, но остановился и спросил негромко: — Не боишься, малек?

В Школе мальками называли первокурсников и вообще младших.

— Нет, — сказал Жилин.

— Хорошо. Работай, — сказал Быков. — Пойду осмотрю корабль. Надо еще пассажиров из амортизаторов вынуть.

Жилин промолчал. Он проводил взглядом широкую сутулую спину капитана и вдруг совсем рядом увидел Варечку. Варечка стояла столбиком и медленно мигала выпуклыми глазами. Она была вся синяя в белую крапинку, и шипы у нее на морде страшно щетинились. Это означало, что Варечка очень раздражена и чувствует себя нехорошо. Жилин уже видел ее однажды в таком состоянии. Это было на ракетодроме Мирза-Чарле месяц назад, когда Юрковский много говорил об удивительной приспособляемости марсианских ящериц и в доказательство окунал Варечку в ванну с кипятком.

Варечка судорожно разинула и снова закрыла огромную серую пасть.

— Ну что? — негромко спросил Жилин.

С потолка сорвалась крупная капля и — тик! — упала на расколотый кожух комбайна. Жилин посмотрел на потолок. Там, внизу, большое давление. «Да, — подумал он, — там давление в десятки и сотни тысяч атмосфер. Смолопластовые пробки, конечно, выдавит».

Варечка шевельнулась и снова разинула пасть. Жилин пошарил в кармане, нашел галету и бросил ее в разинутую пасть. Варечка медленно глотнула и уставилась на него стеклянными глазами. Жилин вздохнул.

— Эх ты, бедолага, — сказал он тихо.

2. Планетологи виновато молчат, а радиооптик поет песенку про ласточек

Когда «Тахмасиб» перестал кувыряться, Дауге отцепился от казенника и выволок бесчувственное тело Юрковского из-под обломков аппаратуры. Он не успел заметить, что разбито и что уцелело, заметил только, что разбито многое. Стеллаж с обоймами перекосило, и обоймы вывалились на приборную панель радиотелескопа. В обсерваторном отсеке было жарко и сильно пахло горелым.

Дауге отделался сравнительно легко. Он сразу же мертвой хваткой ухватился за казенник, и у него только кровь выступила под ногтями и сильно болела голова. Юрковский был бледен, и веки у него были сиреневые. Дауге подул ему в лицо, потряс за плечи, похлопал по щекам. Голова Юрковского бессильно болталась, и в себя он не приходил. Тогда Дауге поволок его в медицинский отсек. В коридоре оказалось страшно холодно, на стенах искрился иней. Дауге положил голову Юрковского к себе на колени, наскреб со стены немного инея и приложил холодные мокрые пальцы к его вискам. В этот момент его застала перегрузка — когда Быков начал тормозить «Тахмасиб». Тогда Дауге лег на спину, но ему стало так плохо, что он перевернулся на живот и стал водить лицом по заиндевевшему полу. Когда перегрузка кончилась, Дауге полежал еще немного, затем поднялся и, взяв Юрковского под мышки, пятясь, поволок дальше. Но он сразу понял, что до медотсека ему не добраться, поэтому затащил Юрковского в кают-компанию, взвалил его на диван и сел рядом, сопя и отдуваясь. Юрковский страшно хрипел.

Отдохнув, Дауге поднялся и подошел к буфету. Он взял графин с водой и стал пить прямо из горлышка. Вода побежала по подбородку, по горлу, потекла за воротник, и это было очень приятно. Он вернулся к Юрковскому и побрызгал из графина ему на лицо. Потом он поставил графин на пол и расстегнул на Юрковском куртку. Он увидел странный ветвистый рисунок на коже, бегущий через грудь от плеча до плеча. Рисунок был похож на силуэт каких-то диковинных водорослей — темно-багровый на смуглой коже. Некоторое время Дауге тупо разглядывал странный рисунок, а затем вдруг сообразил, что это след сильного электрического удара. Видимо, Юрковский упал на обнаженные контакты под высоким напряжением. Вся измерительная аппаратура планетологов работала под высоким напряжением. Дауге побежал в медицинский отсек.

Он сделал четыре инъекции, и только тогда Юрковский открыл, наконец, глаза. Глаза были тусклые и смотрели довольно бессмысленно, но Дауге очень обрадовался.

— Фу ты, черт, Владимир, — сказал он с облегчением, — я уж думал, что дело совсем плохо. Ну как ты, встать можешь?

Юрковский пошевелил губами, открыл рот и захрипел. Глаза его приобрели осмысленное выражение, брови сдвинулись.

— Ладно, ладно, лежи, — сказал Дауге. — Тебе надо немного полежать.

Он оглянулся и увидел в дверях Шарля Моллара. Моллар стоял, держась за косяк, и слегка покачивался. Лицо у него было красное, распухшее, и он был весь мокрый и обвешан какими-то белыми сосульками. Дауге даже показалось, что от него идет пар. Несколько минут Моллар молчал, переводя печальный взгляд с Дауге на Юрковского, а планетологи озадаченно глядели на него. Юрковский перестал хрипеть. Потом Моллар сильно качнулся вперед, перешагнул через комингс и, быстро семеня ногами, подобрался к ближайшему креслу. У него был мокрый и несчастный вид, и, когда он сел, по каюте прошла волна вкусного запаха вареного мяса. Дауге пошевелил носом.

— Это суп? — осведомился он.

— Oui, monsieur, — печально сказал Моллар. — Вьермишель.

— И как суп? — спросил Дауге. — Хорошё-о?

— Хорошё-о, — сказал Моллар и стал собирать с себя вермишель.

— Я очень люблю суп, — пояснил Дауге. — И всегда интересуюсь как.

Моллар вздохнул и улыбнулся.

— Больше нет суп, — сказал он. — Это биль очень горячий суп. Но это биль уже не кипьяток.

— Боже мой! — сказал Дауге и все-таки захохотал.

Моллар тоже засмеялся.

— Да! — закричал он. — Это биль очень забавно, но очень неудобно, и суп пропал весь.

Юрковский захрипел. Лицо его перекошилось и налилось кровью. Дауге встревоженно повернулся к нему.

— Вольдемар сильно ушибся? — спросил Моллар. Вытянув шею, он с опасливым любопытством глядел на Юрковского.

— Вольдемара ударило током, — сказал Дауге. Он больше не улыбался.

— Но что произошло? — сказал Моллар. — Било так неудобно...

Юрковский перестал хрипеть, сел и, страшно скалясь, стал копаться в нагрудном кармане куртки.

— Что с тобой, Володька? — растерянно спросил Дауге.

— Вольдемар не может говорить, — тихо сказал Моллар.

Юрковский торопливо закивал, вытащил авторучку и блокнот и стал писать, дергая головой.

— Ты успокойся, Володя, — пробормотал Дауге. — Это немедленно пройдет.

— Это пройдет, — подтвердил Моллар. — Со мною тоже било так. Биль очень большой ток, и потом все прошло.

Юрковский отдал блокнот Дауге, снова лег и прикрыл глаза.

— «Говорить не могу», — с трудом разобрал Дауге. — Ты не волнуйся, Володя, это пройдет.

Юрковский нетерпеливо дернулся.

— Так. Сейчас. «Как Алексей и пилоты? Как корабль?» Не знаю, — растерянно сказал Дауге и поглядел на люк в рубку. — Фу, черт, я обо всем забыл.

Юрковский мотнул головой и тоже посмотрел на люк в рубку.

— Я узнаю, — сказал Моллар. — Я все сейчас буду познать.

Он встал с кресла, но люк распахнулся, и в кают-компанию шагнул капитан Быков, огромный, взъерошенный, с ненормально лиловым носом и иссиня-черным синяком над правой бровью. Он оглядел всех свирепыми маленькими глазками, подошел к столу, уперся в стол кулаками и сказал:

— Почему пассажиры не в амортизаторах?

Это было сказано негромко, но так, что Шарль Моллар сразу перестал радостно улыбаться. Наступила короткая тяжелая тишина, и Дауге неловко, кривовато усмехнулся и стал глядеть в сторону, а Юрковский снова прикрыл глаза. «А дела-то неважные», — подумал Юрковский. Он хорошо знал Быкова.

— Когда на этом корабле будет дисциплина? — сказал Быков.

Пассажиры молчали.

— Мальчишки, — сказал Быков с отвращением и сел. — Бедлам. Что с вами, мсье Моллар? — спросил он устало.

— Это суп, — с готовностью сказал Моллар. — Я немедленно пойду почиститься.

— Подождите, мсье Моллар, — сказал Быков.

— Кх...де мы? — прохрипел Юрковский.

— Падаем, — коротко сказал Быков.

Юрковский вздрогнул и поднялся.

— Кх...уда? — спросил он. Он ждал этого, но все-таки вздрогнул.

— В Юпитер, — сказал Быков. Он не смотрел на планетологов. Он смотрел на Моллара. Ему было очень жалко Моллара. Моллар был в первом своем настоящем космическом рейсе, и его очень ждали на Амальтее. Моллар был замечательным радиооптиком.

— О, — сказал Моллар, — в Юпитер?

— Да. — Быков помолчал, ощупывая синяк на лбу. — Отражатель разбит. Контроль отражателя разбит. В корабле восемнадцать пробоин.

— Гореть будем? — быстро спросил Дауге.

— Пока не знаю. Михаил считает. Может быть, не сгорим.

Он замолчал. Моллар сказал:

— Пойду почиститься.

— Погодите, Шарль, — сказал Быков. — Товарищи, вы хорошо поняли, что я сказал? Мы падаем в Юпитер.

— Поняли, — сказал Дауге.

— Теперь мы будем падать в Юпитер всю нашу жизнь, — сказал Моллар.

Быков искоса глядел на него, не отрываясь.

— Хорошо ска-азано, — сказал Юрковский.

— *C'est le mot*¹, — сказал Моллар. Он улыбался. — Можно... Можно я все-таки пойду чистить себя?

— Да, идите, — медленно сказал Быков.

Моллар повернулся и пошел из кают-компаний. Все глядели ему вслед. Они слышали, как в коридоре он запел слабым, но приятным голосом.

— Что он поет? — спросил Быков. Моллар никогда не пел раньше.

Дауге прислушался и стал переводить:

— «Две ласточки целуются за окном моего звездолета. В пустоте-те-те-те. И как их туда занесло. Они очень любили друг друга и сиганули туда полюбоваться на звезды. Тра-ля-ля. И какое вам дело до них». Что-то в этом роде.

— Тра-ля-ля, — задумчиво сказал Быков. — Здорово.

— Т-ты п-пе-ереводишь, к-как ЛИАНТО, — сказал Юрковский. — «С-сиганули» — ш-шедевр.

Быков поглядел на него с изумлением.

— Ты что это, Владимир? — спросил он. — Что с тобой?

— З-заика н-на-а всю жизнь, — ответил Юрковский, усмехаясь.

— Его ударило током, — сказал тихо Дауге.

Быков пожевал губами.

— Ничего, — сказал он. — Не мы первые. Бывало и похуже.

Он знал, что хуже еще никогда не бывало. Ни с ним, ни с планетологами.

Из полуоткрытого люка раздался голос Михаила Антоновича:

— Алешенька, готово!

— Поди сюда, — сказал Быков.

Михаил Антонович, толстый и исцарапанный, ввалился в кают-компанию. Он был без рубашки и лоснился от пота.

— Ух, как тут у вас холодно! — сказал он, обхватывая толстую грудь короткими пухлыми ручками. — А в рубке ужасно жарко.

— Давай, Михаил, — нетерпеливо сказал Быков.

— А что с Володенькой? — испуганно спросил штурман.

— Давай, давай, — повторил Быков. — Током его ударило.

— А где Шарль? — спросил штурман, усаживаясь.

— Шарль жив и здоров, — ответил Быков, сдерживаясь. — Все живы и здоровы. Начинай.

¹ Хорошо сказано (*фр.*).

— Ну и слава богу, — сказал штурман. — Так вот, мальчики. Я здесь немножко посчитал, и получается вот какая картина. «Тахмасиб» падает, и горючего, чтобы вырваться, нам не хватит.

— Ясно даже и ежу, — сказал Юрковский.

— Не хватит. Вырваться можно только на фотореакторе, но у нас, кажется, разбит отражатель. А вот на торможение горючего хватит. Вот я рассчитал программу. Если общепринятая теория строения Юпитера верна, мы не сгорим.

Дауге хотел сказать, что общепринятой теории строения Юпитера не существует и никогда не существовало, но промолчал.

— Мы уже сейчас хорошо тормозимся, — продолжал Михаил Антонович. — Так что, по-моему, провалимся мы благополучно. А больше сделать ничего нельзя, мальчики. — Михаил Антонович виновато улыбнулся. — Если, конечно, мы не исправим отражатель.

— На Юпитере нет ремонтных станций. Это следует из всех теорий Юпитера. — Быкову хотелось, чтобы они все-таки поняли. До конца поняли. Ему все еще казалось, что они не понимают.

— Какую теорию строения ты считаешь общепринятой? — спросил Дауге.

Михаил Антонович пожал плечиком.

— Теорию Кангрена, — сказал он.

Быков выжидающе уставился на планетологов.

— Ну что ж, — сказал Дауге. — Можно и Кангрена.

Юрковский молчал, глядя в потолок.

— Слушайте, планетологи, — не выдержал Быков, — специалисты. Что будет там, внизу? Вы можете нам это сказать?

— Да, конечно, — сказал Дауге. — Это мы тебе скоро скажем.

— Когда? — Быков оживился.

— Когда будем там, внизу, — сказал Дауге. Он засмеялся.

— Планетологи, — сказал Быков. — Спе-ци-а-лис-ты.

— Н-надо рассчитать, — сказал Юрковский, глядя в потолок. Он говорил медленно и почти не заикался. — Пусть М-михаил рассчитает, на какой глубине к-корабль перестанет проваливаться и повиснет.

— Интересно, — сказал Михаил Антонович.

— П-по Кангрону давление в Юпитере р-растет быстро. П-подсчитай, Михаил, и выясни г-глубину погружения, д-давление на этой глубине и силу т-тяжести.

— Да, — сказал Дауге. — Какое будет давление? Может быть, нас просто раздавит.

— Ну, не так это просто, — проворчал Быков. — Двести тысяч атмосфер мы выдержим. А фотонный реактор и корпуса ракет и того больше.

Юрковский сел, согнув ноги.

— Т-теория Кангрена не хуже других, — сказал он. — Она даст порядок величин. — Он посмотрел на штурмана. — М-мы могли бы п-подсчитать сами, но у тебя в-вычислитель.

— Ну конечно, — сказал Михаил Антонович. — Ну о чем говорить? Конечно, мальчики.

Быков попросил:

— Михаил, давай сюда программу, я прогляжу, и вводи ее в киберштурман.

— Я уже ввел, Лешенька, — виновато ответил штурман.

— Ага, — сказал Быков. — Ну что ж, хорошо. — Он поднялся. — Так. Теперь все ясно. Нас, конечно, не раздавит, но назад мы уже не вернемся — давайте говорить прямо. Ну, не мы первые. Честно жили, честно и умрем. Я с Жилиным попробую что-нибудь сделать с отражателем, но это... так... — Он сморщился и покрутил распухшим носом. — Что намерены делать вы?

— Н-наблюдать, — жестко сказал Юрковский.

Дауге кивнул.

— Очень хорошо. — Быков поглядел на них исподлобья. — У меня к вам просьба. Присмотрите за Молларом.

— Да-да, — подтвердил Михаил Антонович.

— Он человек новый, и... бывают нехорошие вещи... вы знаете.

— Ладно, Леша, — сказал Дауге, бодро улыбаясь. — Будь спокоен.

— Вот так, — сказал Быков. — Ты, Миша, поди в рубку и сделай все расчеты, а я схожу в медчасть, помассирую бок. Что-то я здорово расшибся.

Выходя, он услышал, как Дауге говорил Юрковскому:

— В известном смысле нам повезло, Володька. Мы кое-что увидим, чего никто не видел. Пойдем чиниться.

— П-пойдем, — сказал Юрковский.

«Ну, меня вы не обманете, — подумал Быков. — Вы все-таки еще не поняли. Вы все-таки еще не верите. Вы думаете: Алексей вытащил нас из Черных Песков Голконды, Алексей вытащил нас из гнилых болот, он вытащит нас из водородной могилы. Дауге — тот наверняка так думает. А Алексей вытащит? А может быть, Алексей все-таки вытащит?»

В медицинском отсеке Моллар, дыша носом от боли, мазался жирной танниновой мазью. У него было красное лоснящееся лицо и красные лоснящиеся руки. Увидев Быкова, он приветливо улыбнулся и громко запел про ласточек: он почти успокоился. Если бы он не запел про ласточек, Быков мог бы считать, что он успокоился по-настоящему. Но Моллар пел громко и старательно, время от времени шипя от боли.

3. Бортинженер предается воспоминаниям, а штурман советует не вспоминать

Жилин ремонтировал комбайн контроля отражателя. В рубке было очень жарко и душно, по-видимому, система кондиционирования по кораблю была совершенно расстроена, но заниматься ею не было ни времени, ни, главное, желания. Сначала Жилин сбросил куртку, затем комбинезон и остался в трусах и сорочке. Варечка тут же устроилась в складках сброшенного комбинезона и вскоре исчезла — осталась только ее тень да иногда появлялись и сразу же исчезали большие выпуклые глаза.

Жилин одну за другой вытаскивал из исковерканного корпуса комбайна пластметалловые пластины печатных схем, прозванивал уцелевшие, откладывал в сторону расколотые и заменял их запасными. Работал он методически, неторопливо, как на зачетной сборке, потому что спешить было некуда и потому что все это было, по-видимому, ни к чему. Он старался ни о чем не думать и только радовался, что очень хорошо помнит общую схему, что ему почти не приходится заглядывать в руководство, что расшибся он не так уж сильно и ссадины на голове подсохли и совсем не болят. За кожухом фотореактора жужжал вычислитель. Михаил Антонович шуршал бумагой и мурлыкал себе под нос что-то немзыкальное. Михаил Антонович всегда мурлыкал себе под нос, когда работал.

«Интересно, над чем он работает сейчас? — подумал Жилин. — Может быть, просто старается отвлечься. Это очень хорошо — уметь отвлечься в такие минуты. Планетологи, наверное, тоже работают, сбрасывают бомбозонды. Так мне и не удалось увидеть, как взрывается очередь бомбозондов. И еще многого мне не удалось увидеть. Например, говорят, что очень хорош Юпитер с Амальтеи. И мне очень хотелось участвовать в межзвездной экспедиции или в какой-нибудь экспедиции Следопытов — ученых, которые ищут на других планетах следы пришельцев из других миров... Потом говорят, что на «Джей-станциях» есть славные девушки, и хорошо было бы с ними познакомиться, а потом рассказать об этом Пере Хунту, который получил распределение на лунные трассы и был этому рад, чудак. Забавно, Михаил Антонович фальшивит, словно нарочно. У него жена и двое детей... Нет, трое, и старшей дочке уже шестнадцать лет, — он все обещал нас познакомить и каждый раз этак залихватски подмигивал, но познакомиться теперь уже не

придется. Много теперь уже не придется. Отец будет очень расстроен — ах, как нехорошо! Как это все нескладно получилось — в первом же самостоятельном рейсе! Хорошо, что я тогда поссорился с ней, — подумал вдруг Жилин. — Теперь все проще, а могло бы быть очень сложно. Вот Михаилу Антоновичу гораздо хуже, чем мне. И капитану хуже, чем мне. У капитана жена — очень красивая женщина, веселая и, кажется, умница. Она провожала его и ни о чем таком не думала, а может быть, и думала, но это было незаметно, но скорее всего, не думала, потому что уже привыкла. Человек ко всему может привыкнуть. Я, например, привык к перегрузкам, хотя сначала было очень плохо, и я думал даже, что меня переведут на факультет дистанционного управления. В Школе это называлось «отправиться к девочкам»: на факультете было много девушек, обыкновенных хороших девушек, с ними всегда было весело и интересно, но все-таки «отправиться к девочкам» считалось зазорным. Совершенно непонятно почему. Девушки шли работать на разные Спу и на станции и базы на других планетах и работали не хуже ребят. Иногда даже лучше. Все равно, — подумал Жилин, — очень хорошо, что мы тогда поссорились. Каково бы ей сейчас было!» Он вдруг бессмысленно уставился на треснувшую пластину печатной схемы, которую держал в руках.

«...Мы целовались в Большом Парке и потом на набережной под белыми статуями, и я провожал ее домой, и мы долго еще целовались в парадном, и по лестнице все время почему-то ходили люди, хотя было уже поздно. И она очень боялась, что вдруг пройдет мимо ее мама и спросит: «А что ты здесь делаешь, Валя, и кто этот молодой человек?» Это было летом, в белые ночи. И потом я приехал на зимние каникулы, и мы снова встретились, и все было, как раньше, только в парке лежал снег и голые сучья шевелились на низком сером небе. У нее были мягкие теплые губы, и я еще тогда сказал ей, что зимой приятнее целоваться, чем летом. Поднимался ветер, нас заносило порошей, мы совершенно заоченели и побежали греться в кафе на улице Межпланетников. Мы очень обрадовались, что там совсем нет народу, сели у окна и смотрели, как по улице проносятся автомобили. Я поспорил, что знаю все марки автомобилей, и проспорил: подошла великолепная приземистая машина, и я не знал, что это такое. Я вышел узнать, и мне сказали, что это «Золотой Дракон», новый японский атомокар. Мы спорили на три желания. Тогда казалось, что это самое главное, что это будет всегда — и зимой, и летом, и на набережной под белыми статуями, и в Большом Парке, и в театре, где она была очень красивая в черном платье с белым воротником и все время толкала меня в бок, чтобы я не хохотал слишком громко. Но однажды она не пришла, как мы договорились, и я по видеофону условился снова, и она опять не пришла и перестала писать мне письма, когда я вернулся в Школу. Я все не верил и писал длинные письма, очень глупые, но тогда я еще не знал, что они глупые. А через год я увидел ее в нашем клубе. Она была с какой-то девчонкой и не узнала меня. Мне показалось тогда, что все пропало, но это прошло к концу пятого курса, и непонятно даже, почему это мне сейчас все вспомнилось. Наверное, потому, что теперь все равно. Я мог бы и не думать об этом, но раз уж все равно...»

Гулко хлопнул люк. Голос Быкова сказал:

— Ну что, Михаил?

— Заканчиваем первый виток, Алешенька. Упали на пятьсот километров.

— Так... — Было слышно, как по полу пнули пластмассовыми осколками. — Так, значит. Связи с Амальтеей, конечно, нет.

— Приемник молчит, — вздохнув, сказал Михаил Антонович. — Передатчик работает, но ведь здесь такие радиобури...

— Что твои расчеты?

— Я уже почти кончил, Алешенька. Получается так, что мы провалимся на шесть-семь мегаметров и там повиснем. Будем плавать, как говорит Володя. Давление огромное, но нас не раздавит, это ясно. Только будет очень тяжело — там сила тяжести два — два с половиной «же».

— Угу, — сказал Быков. Он некоторое время молчал, затем сказал: — У тебя какая-нибудь идея есть?

— Что?

— Я говорю, у тебя какая-нибудь идея есть? Как отсюда выбраться?

— Что ты, Алешенька! — Штурман говорил ласково, почти заискивающе. — Какие уж тут идеи! Это же Юпитер. Я как-то даже и не слышал, чтобы отсюда... выбирались.

Наступило долгое молчание. Жилин снова принялся работать, быстро и бесшумно. Потом Михаил Антонович вдруг сказал:

— Ты не вспоминай о ней, Алешенька. Тут уж лучше не вспоминать, а то так гадко становится, право...

— А я и не вспоминаю, — сказал Быков неприятным голосом. — И тебе, штурман, не советую. Иван! — заорал он.

— Да? — откликнулся Жилин, заторопившись.

— Ты все возишься?

— Сейчас кончаю.

Было слышно, как капитан идет к нему, пиная пластмассовые осколки.

— Мусор, — бормотал он. — Кабак. Бедлам.

Он вышел из-за кожуха и опустился рядом с Жилиным на корточки.

— Сейчас кончаю, — повторил Жилин.

— А ты не торопишься, бортинженер, — сказал Быков сердито.

Он засопел и принялся вытаскивать из футляра запасные блоки. Жилин подвинулся немного, чтобы освободить ему место. Они оба были широкие и громадные, и им было немного тесно перед комбайном. Работали молча и быстро, и было слышно, как Михаил Антонович снова запустил вычислитель и замурлыкал.

Когда сборка окончилась, Быков позвал:

— Михаил, иди сюда.

Он выпрямился и вытер пот со лба. Потом отодвинул ногой груды битых пластин и включил общий контроль. На экране комбайна вспыхнула трехмерная схема отражателя. Изображение медленно поворачивалось.

— Ой-ёй-ёй, — сказал Михаил Антонович.

Тик-тик-тик — поползла из вывода голубая лента записи.

— А микропробоин мало, — негромко сказал Жилин.

— Что микропробоины, — сказал Быков и нагнулся к самому экрану. — Вот где главная-то сволочь.

Схема отражателя была окрашена в синий цвет. На синем белели рваные пятна. Это были места, где либо пробило слои мезовещества, либо разрушило систему контрольных ячеек. Белых пятен было много, а на краю отражателя они сливались в неровную белую кляксу, занимавшую не менее восьмой части поверхности параболоида.

Михаил Антонович махнул рукой и вернулся к вычислителю.

— Петарды пускать таким отражателем, — пробормотал Жилин.

Он потянулся за комбинезоном, вытряхнул из него Варечку и принялся одеваться: в рубке снова стало холодно. Быков все еще стоял, глядел на экран и грыз ноготь. Потом он подобрал ленту записи и бегло просмотрел ее.

— Жилин, — сказал вдруг он. — Бери два сигма-тестера, проверь питание и ступай в кессон. Я буду тебя там ждать. Михаил, бросай все и займись креплением пробоин. Все бросай, я сказал.

— Куда ты собрался, Лешенька? — спросил Михаил Антонович с удивлением.

— Наружу, — коротко ответил Быков и вышел.

— Зачем? — спросил Михаил Антонович, повернувшись к Жилину.

Жилин пожал плечами. Он не знал зачем. Починить зеркало в Пространстве, в рейсе, без специалистов-мезохимиков, без огромных кристаллизаторов, без реакторных печей просто невысказано. Так же невысказано, как, например, притянуть Луну к Земле голыми

руками. А в таком виде, в таком состоянии, как сейчас, с отбитым краем, отражатель мог придать «Тахмасибу» только вращательное движение. Такое же, как в момент катастрофы.

— Чепуха какая-то, — сказал Жилин нерешительно.

Он посмотрел на Михаила Антоновича, а Михаил Антонович посмотрел на него. Они молчали, и вдруг оба страшно заторопились. Михаил Антонович суетливо собрал свои листки и поспешно сказал:

— Ну, иди. Иди, Ванюша, ступай скорее.

В кессоне Быков и Жилин влезли в пустолазные скафандры и с некоторым трудом втиснулись в лифт. Коробка лифта стремительно понеслась вниз вдоль гигантской трубы фотореактора, на которую нанизывались все узлы корабля — от жилой гондолы до параболического отражателя.

— Хорошо, — сказал Быков.

— Что хорошо? — спросил Жилин.

Лифт остановился.

— Хорошо, что лифт работает, — ответил Быков.

— А, — разочарованно вздохнул Жилин.

— Мог бы и не работать, — строго сказал Быков. — Лез бы ты тогда двести метров туда и обратно.

Они вышли из шахты лифта и остановились на верхней площадке параболоида. Вниз покато уходил черный рубчатый купол отражателя. Отражатель был огромен — семьсот пятьдесят метров в длину и полкилометра в растворе. Края его не было видно отсюда. Над головой нависал громадный серебристый диск грузового отсека. По сторонам его, далеко вынесенные на кронштейнах, полыхали бесшумным голубым пламенем жерла водородных ракет. А вокруг странно мерцал необычайный и грозный мир.

Слева тянулась стена рыжего тумана. Далеко внизу, невообразимо глубоко под ногами, туман расслаивался на жирные тугие ряды облаков с темными прогалинами между ними. Еще дальше и еще глубже эти облака сливались в плотную коричневатую гладь. Справа стояло сплошное розовое марево, и Жилин вдруг увидел Солнце — ослепительный ярко-розовый маленький диск.

— Начали, — сказал Быков. Он сунул Жилину моток тонкого троса. — Закрепи в шахте, — сказал он.

На другом конце троса он сделал петлю и затянул ее вокруг пояса. Затем он повесил себе на шею оба тестера и перекинул ногу через перила.

— Вытравливай понемногу, — сказал он. — Я пошел.

Жилин стоял возле самых перил, вцепившись в трос обеими руками, и смотрел, как толстая неуклюжая фигура в блестящем панцире медленно сползает за выпуклость купола. Панцирь отсвечивал розовым, и на черном рубчатом куполе тоже лежали неподвижные розовые блики.

— Живее вытравливай, — сказал в шлемофоне сердитый голос Быкова.

Фигура в панцире скрылась, и на рубчатой поверхности осталась только блестящая тугая нитка троса. Жилин стал смотреть на Солнце. Иногда розовый диск затягивала мгла, тогда он становился еще более резким и совсем красным. Жилин поглядел под ноги и увидел на площадке свою смутную розоватую тень.

— Гляди, Иван, — сказал голос Быкова. — Вниз гляди, вниз!

Жилин поглядел. Глубоко внизу из коричневой глади странным призраком выплыл исполинский белесый бугор, похожий на чудовищную поганку. Он медленно раздавался вширь, и можно было различить на его поверхности шевелящийся, словно клубок змей, струйчатый узор.

— Экзосферный протуберанец, — сказал Быков. — Большая редкость, кажется. Вот черт, надо бы ребятам показать.

Он имел в виду планетологов. Бугор вдруг засветился изнутри дрожащим сиреневым светом.

— Ух ты!.. — невольно сказал Жилин.

— Вытравливай, — сказал Быков.

Жилин вытравил еще немного троса, не спуская глаз с протуберанца. Сначала ему показалось, что «Тахмасиб» летит прямо на протуберанец, но через минуту он понял, что корабль пройдет гораздо левее. Протуберанец оторвался от коричневой глади и поплыл в розовое море, волоча за собой клейкий хвост желтых прозрачных нитей. В нитях опять вспыхнуло сиреневое зарево и быстро погасло. Протуберанец растаял в розовом свете.

Быков работал долго. Несколько раз он поднимался на площадку, немного отдыхал и снова спускался, каждый раз выбирая новое направление. Когда он поднялся в третий раз, у него был только один тестер.

— Уронил, — коротко сказал он.

Жилин терпеливо вытравливал трос, упираясь ногой в перила. В таком положении он чувствовал себя очень устойчиво и мог озираться по сторонам. Но по сторонам ничего не менялось. Только когда капитан поднялся в шестой раз и буркнул: «Довольно. Пошли», Жилин вдруг подумал, что рыжая туманная стена слева — облачная поверхность Юпитера — стала заметно ближе.

В рубке было чисто. Михаил Антонович вымел осколки и теперь сидел на своем обычном месте, нахохлившись, в меховой куртке поверх комбинезона. Из рта у него шел пар — в рубке было холодно. Быков сел в кресло, упер руки в колени и пристально поглядел сначала на штурмана, потом на Жилина. Штурман и Жилин ждали.

— Ты закрепил пробоины? — спросил Быков штурмана.

Михаил Антонович несколько раз кивнул.

— Есть шанс, — сказал Быков.

Михаил Антонович выпрямился и шумно перевел дух. Жилин глотнул от волнения.

— Есть шанс, — повторил Быков. — Но он очень маленький. И совершенно фантастический.

— Говори, Алешенька, — тихо попросил штурман.

— Сейчас скажу, — сказал Быков и прокашлялся. — Шестнадцать процентов отражателя вышли из строя. Вопрос такой: можем ли мы заставить работать остальные восемьдесят четыре? Даже меньше, чем восемьдесят четыре, потому что процентов десять еще не контролируется — разрушена система контрольных ячеек.

Штурман и Жилин молчали, вытянув шеи.

— Можем, — сказал Быков. — Во всяком случае, можем попробовать. Надо сместить точку сгорания плазмы так, чтобы скомпенсировать асимметрию поврежденного отражателя.

— Ясно, — сказал Жилин дрожащим голосом.

Быков поглядел на него.

— Это наш единственный шанс. Мы с Иваном займемся переориентацией магнитных ловушек. Иван вполне может работать. Ты, Миша, рассчитаешь нам новое положение точки сгорания в соответствии со схемой повреждения. Схему ты сейчас получишь. Это сумасшедшая работа, но это наш единственный шанс.

Он смотрел на штурмана, и Михаил Антонович поднял голову и встретился с ним глазами. Они отлично и сразу поняли друг друга. Что можно не успеть. Что там внизу, в условиях чудовищного давления, коррозия начнет разъедать корпус корабля — и корабль может растаять, как рафинад в кипятке, раньше, чем они закончат работу. Что нечего и думать скомпенсировать асимметрию полностью. Что никто и никогда не пытался водить корабли с такой компенсацией, на двигателе, ослабленном по меньшей мере в полтора раза...

— Это наш единственный шанс, — громко сказал Быков.

— Я сделаю, Лешенька, — сказал Михаил Антонович. — Это нетрудно — рассчитать новую точку. Я сделаю.

— Схему мертвых участков я тебе сейчас дам, — повторил Быков. — И нам надо страшно спешить. Скоро начнется перегрузка, и будет очень трудно работать. А если мы провалимся очень глубоко, станет опасно включать двигатель, потому что возможна цепная реакция в сжатом водороде. — Он подумал и добавил: — И мы превратимся в газ.

— Ясно, — сказал Жилин. Ему хотелось начать сию же минуту, немедленно.

Михаил Антонович протянул руку с коротенькими пальцами и сказал тонким голосом:

— Схему, Лешенька, схему.

На панели аварийного пульта замигали три красных огонька.

— Ну вот, — сказал Михаил Антонович. — В аварийных ракетах кончается горючее.

— Наплевать, — сказал Быков и встал.

Глава третья. Люди в бездне

1. Планетологи забавляются, а штурман уличен в контрабанде

— З-заряжай, — сказал Юрковский.

Он висел у перископа, втиснув лицо в замшевый нарамник. Он висел горизонтально, животом вниз, растопырив ноги и локти, и рядом плавали в воздухе толстый дневник наблюдений и авторучка. Моллар лихо откатил крышку казенника, вытянул из стеллажа обойму бомбозондов и, подталкивая ее сверху и снизу, с трудом загнал в прямоугольную щель зарядной камеры. Обойма медленно и бесшумно скользнула на место. Моллар накатил крышку, щелкнул замком и сказал:

— Готов, Вольдемар.

Моллар прекрасно держался в условиях невесомости. Правда, иногда он делал резкие неосторожные движения и повисал под потолком, и тогда приходилось стаскивать его обратно, и его иногда подташнивало, но для новичка, впервые попавшего в невесомость, он держался очень хорошо.

— Готов, — сказал Дауге от экзосферного спектрографа.

— З-залп, — скомандовал Юрковский.

Дауге нажал на спуск. Ду-ду-ду-ду — глухо заурчало в казеннике. И сейчас же — тик-тик-тик — затрещал затвор спектрографа. Юрковский увидел в перископ, как в оранжевом тумане, сквозь который теперь проваливался «Тахмасиб», один за другим вспыхивали и стремительно уносились вверх белые клубки пламени. Двадцать вспышек, двадцать лопнувших бомбозондов, несущих мезонные излучатели.

— С-славно, — сказал Юрковский негромко.

За бортом росло давление. Бомбозонды рвались все ближе. Они слишком быстро тормозились.

Дауге громко говорил в диктофон, заглядывая в отсчетное устройство спектроанализатора:

— Молекулярный водород — восемьдесят один и тридцать пять, гелий — семь и одиннадцать, метан — четыре и шестнадцать, аммиак — один ноль один... Усиливается неотожествленная линия... Говорил я им: поставьте считывающий автомат, неудобно же так...

— П-падаем, — сказал Юрковский. — Как мы п-падаем... М-метана уже только ч-четыре...

Дауге, ловко поворачиваясь, снимал отсчеты с приборов.

— Пока Кангрэн прав, — сказал он. — Ну вот, батиметр уже отказал. Давление триста атмосфер. Больше нам давление не мерять.

— Ладно, — сказал Юрковский. — З-заряжай.

— Стоит ли? — сказал Дауге. — Батиметр отказал. Синхронизация будет нарушена.

— Д-давай попробуем, — сказал Юрковский. — З-заряжай.

Он оглянулся на Моллара. Моллар тихонько раскачивался под потолком, грустно улыбаясь.

— Стащи его, Григорий, — сказал Юрковский.

Дауге привстал, схватил Моллара за ногу и стащил вниз.

— Шарль, — сказал он терпеливо. — Не делайте порывистых движений. Зацепитесь носками вот здесь и держитесь.

Моллар тяжело вздохнул и откатил крышку казенника. Пустая обойма выплыла из зарядной камеры, стукнула его в грудь и медленно полетела к Юрковскому. Юрковский увернулся.

— О, опять! — сказал Моллар виновато. — Простите, Володя. О, этот невесомость!

— З-заряжай, заряжай, — сказал Юрковский.

— Солнце, — сказал вдруг Дауге.

Юрковский припал к перископу. В оранжевом тумане на несколько секунд появился смутный красноватый диск.

— Это последний раз, — сказал Дауге, кашлянув.

— Ви уже три раза говорили «последний раз», — сказал Моллар, накатывая крышку. Он нагнулся, проверяя замок. — Прощай, Солнце, как говорилль капитан Немо. Но получилось, что не последний раз. Я готов, Вольдемар.

— И я готов, — сказал Дауге. — Может быть, все-таки кончим?

В обсерваторный отсек, лязгая по полу магнитными подковами, вошел Быков.

— Кончайте работу, — сказал он угрюмо.

— П-поч-чему? — спросил Юрковский, обернувшись.

— Большое давление за бортом. Еще полчаса, и ваши бомбы будут рваться в этом отсеке.

— З-залп, — торопливо сказал Юрковский.

Дауге поколебался немного, но все-таки нажал на спуск. Быков дослушал «ду-ду-ду» в казеннике и сказал:

— И хватит. Задраить все тестерные пазы. Эту штуку, — он показал на казенник, — заклинить. И как следует.

— А п-перископ-пические н-наблюдения в-вести нам еще разрешается? — спросил Юрковский.

— Перископические разрешается, — сказал Быков. — Забавляйтесь.

Он повернулся и вышел. Дауге сказал:

— Ну вот, так и знал. Ни черта не получилось. Синхронизации нет.

Он выключил приборы и стал вытаскивать катушку из диктофона.

— Иог-ганыч, — сказал Юрковский. — П-по-моему, Алексей что-то з-задумал, к-как ты думаешь?

— Не знаю, — сказал Дауге и посмотрел на него. — С чего ты взял?

— У н-него т-такая особенная морда, — сказал Юрковский. — Я его з-знаю.

Некоторое время все молчали, только глубоко вздыхал Моллар, которого подташнивало. Потом Дауге сказал:

— Я хочу есть. Где суп, Шарль? Вы разлили суп, мы голодны. А кто сегодня дежурный, Шарль?

— Я, — сказал Шарль. При мысли о еде его затошнило сильнее. Но он сказал: — Я пойду и приготовлю новый суп.

— Солнце! — сказал Юрковский.

Дауге прижался подбитым глазом к окуляру видеоискателя.

— Вот видите, — сказал Моллар. — Опять Солнце.

— Это не Солнце, — сказал Дауге.

— Д-да, — сказал Юрковский. — Это, п-пожалуй, н-не Солнце.

Далекий клубок света в светло-коричневой мгле бледнел, разбухая, расплылся серыми пятнами и исчез. Юрковский смотрел, стиснув зубы так, что трещало в висках. «Прощай, Солнце, — подумал он. — Прощай, Солнце».

— Я есть хочу, — сердито сказал Дауге. — Пойдемте на камбуз, Шарль.

Он ловко оттолкнулся от стены, подплыл к двери и раскрыл ее. Моллар тоже оттолкнулся и ударился головой о карниз. Дауге поймал его за руку с растопыренными пальцами и вытащил в коридор. Юрковский слышал, как Иоганых спросил: «Ну, как жизнь, хорошё-о?» Моллар ответил: «Хорошё-о, но очень неудобно». — «Ничего, — сказал Дауге бодрым голосом. — Скоро привыкнете».

«Ничего, — подумал Юрковский, — скоро все кончится». Он заглянул в перископ. Было видно, как вверху, откуда падал планетолет, сгущается коричневый туман, но снизу, из непостижимых глубин, из бездонных глубин водородной пропасти, брезжил странный розовый свет. Тогда Юрковский закрыл глаза. «Жить, — подумал он. — Жить долго. Жить вечно». Он вцепился обеими руками в волосы. Оглохнуть, ослепнуть, онеметь, только жить. Только чувствовать на коже солнце и ветер, а рядом — друга. Боль, бессилие, жалость. Как сейчас. Он с силой рванул себя за волосы. Пусть как сейчас, но всегда. Вдруг он услышал, что громко сопит, и очнулся. Ощущение непереносимого, сумасшедшего ужаса и отчаяния исчезло. Так уже бывало с ним — двенадцать лет назад на Марсе, и десять лет назад на Голконде, и в позапрошлом году тоже на Марсе. Приступ сумасшедшего желания просто жить, желания темного и древнего, как сама протоплазма. Словно короткий обморок. Но это проходит. Это надо перетерпеть, как боль. И сразу о чем-нибудь позаботиться. Лешка приказал задраить тестерные пазы. Он отнял руки от лица, раскрыл глаза и увидел, что сидит на полу. Падение «Тахмасиба» тормозилось, вещи обретали вес.

Юрковский потянулся к маленькому пульту и задраил тестерные пазы — амбразуры в прочной оболочке жилой гондолы, в которые вставляются рецепторы приборов. Затем он тщательно заклинил казенник бомбосбрасывателя, собрал разбросанные обоймы от бомбозондов и аккуратно сложил их в стеллаж. Он заглянул в перископ, и ему показалось — да так оно, наверное, и было на самом деле, — что тьма вверху стала гуще, а розовое сияние внизу сильнее. Он подумал, что на такую глубину в Юпитер не проникал еще ни один человек, разве что Сережа Петрушевский, светлая ему память, но и он, скорее всего, взорвался раньше. У него тоже был расколот отражатель.

Он вышел в коридор и направился в кают-компанию, заглядывая по пути во все каюты. «Тахмасиб» еще падал, хотя с каждой минутой все медленнее, и Юрковский шел на цыпочках, словно под водой, балансируя руками и время от времени делая произвольные прыжки.

В пустынном коридоре вдруг разнесся приглушенный вопль Моллара, похожий на воинственный клич: «Как жизнь, Грегуар, хорошё-о?» Видимо, Дауге удалось привести радиооптика в обычное настроение. Ответа Грегуара Юрковский не расслышал. «Хорошё-о», — пробормотал он и не заметил, что не заикается. Все-таки хорошо.

Он заглянул в каюту Михаила Антоновича. В каюте было темно и стоял странный пряный запах. Юрковский вошел и включил свет. Посреди каюты валялся развороченный чемодан. Никогда еще Юрковский не видел чемодана в таком состоянии. Так чемодан мог бы выглядеть, если бы в нем лопнул бомбозонд. Матовый потолок и стены каюты были заляпаны коричневыми, скользкими на вид кляксами. От клякс исходил вкусный пряный аромат. «Мидии со специями», — сразу определил Юрковский. Он очень любил мидии со специями, но они, к сожалению, были напрочь исключены из рациона межпланетников. Он оглянулся и увидел над самой дверью блестящее черное пятно — метеоритная пробоина. Все отсеки жилой гондолы были герметическими. При попадании метеорита подача воздуха в них автоматически перекрывалась до тех пор, пока смолопласт — вязкая и прочная прокладка корпуса — не затягивал пробоину. На это требуется всего одна, максимум две секунды, но за это время давление в отсеке может сильно упасть. Это не

очень опасно для человека, но смертельно для контрабандных консервов. Консервы просто взрываются. Особенно пряные консервы. «Контрабанда, — подумал Юрковский. — Старый чревоугодник. Ну, будет тебе от капитана. Быков не выносит контрабанды».

Юрковский осмотрел каюту еще раз и заметил, что черное пятно пробоины слабо серебрится. «Ага, — подумал он. — Кто-то уже прометаллизировал пробоины. Правильно, иначе под таким давлением смолопластовые пробки просто вдавило бы внутрь». Он выключил свет и вернулся в коридор. И тогда он ощутил усталость и свинцовую тяжесть во всем теле. «О черт, как я раскис», — подумал он и вдруг почувствовал, что лента, на которой висел микрофон, режет шею. Он понял, в чем дело. Перелет заканчивается. Через несколько минут тяжесть станет двойной и над головой будет десять тысяч километров сжатого водорода, а под ногами шестьдесят тысяч километров очень сжатого, жидкого, твердого водорода. Каждый килограмм тела будет весить два килограмма, а то и больше. «Бедный Шарль, — подумал Юрковский. — Бедный Миша».

— Вольдемар, — позвал сзади Моллар. — Вольдемар, помогите нам везти суп. Очень тяжелый суп.

Юрковский оглянулся. Дауге и Моллар, красные и потные, тащили из дверей камбуза грузно вихляющийся столик на колесах. На столике слабо дымились три кастрюльки. Юрковский пошел навстречу и вдруг почувствовал, как стало тяжело. Моллар слабо ахнул и сел на пол. «Тахмасиб» остановился. «Тахмасиб» с экипажем, с пассажирами и с грузом прибыл на последнюю станцию.

2. Планетологи пытаются штурмана, а радиооптик пытается планетологов

— Кто готовил этот обед? — спросил Быков.

Он оглядел всех и снова уставился на кастрюльки. Михаил Антонович тяжело, со свистом дышал, навалившись грудью на стол. Лицо у него было багровое, отекавшее.

— Я, — несмело сказал Моллар.

— А в чем дело? — спросил Дауге.

Голоса у всех были сильные. Все говорили с трудом, едва выталкивая из себя слова. Моллар криво улыбнулся и лег на диван лицом вверх. Ему было плохо. «Тахмасиб» больше не падал, и тяжесть становилась непереносимой. Быков посмотрел на Моллара.

— Этот обед вас убьет, — сказал он. — Съедите этот обед и больше не встанете. Он вас раздавит, вы понимаете?

— О черт, — сказал Дауге с досадой. — Я забыл о тяжести.

Моллар лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал. Челюсть у него отвисла.

— Съедем бульону, — сказал Быков. — И все. Больше ни кусочка. — Он поглядел на Михаила Антоновича и оскалил зубы в нерадостной усмешке. — Ни кусочка, — повторил он.

Юрковский взял половник и стал разливать бульон по тарелкам.

— Тяжелый обед, — сказал он.

— Вкусно пахнет, — сказал Михаил Антонович. — Может быть, дольешь мне еще чуть-чуть, Володенька?

— Хватит, — жестко сказал Быков. Он медленно хлебал бульон, по-детски зажав ложку в кулаке, измазанном графитовой смазкой.

Все молча стали есть. Моллар с трудом приподнялся и снова лег.

— Не могу, — сказал он. — Простите меня, не могу.

Быков положил ложку и встал.

— Рекомендую всем пассажирам лечь в амортизаторы, — сказал он.

Дауге отрицательно покачал головой.

— Как угодно. Но Моллара уложите в амортизатор непременно.

— Хорошо, — сказал Юрковский.

Дауге взял тарелку, сел на диван рядом с Молларом и принялся кормить его с ложки, как больного. Моллар громко глотал, не открывая глаз.

— А где Иван? — спросил Юрковский.

— На вахте, — ответил Быков. Он взял кастрюлю с остатками супа и пошел к люку, тяжело ступая на прямых ногах. Юрковский, поджав губы, глядел в его согнутую спину.

— Всё, мальчики, — сказал Михаил Антонович жалким голосом. — Начинаю худеть. Так все-таки нельзя. Я сейчас вешу двести с лишним кило — подумать страшно! И будет еще хуже. Мы все еще падаем немножко.

Он откинулся на спинку кресла и сложил на животе отекающие руки. Затем повернулся немного, положил руки на подлокотники и почти мгновенно заснул.

— Спит толстяк, — сказал Дауге, оглянувшись на него. — Корабль затонул, а штурман заснул. Ну, еще ложечку, Шарль. За папу. Вот так. А теперь за маму.

— Нье могу, простите, — пролепетал Моллар. — Нье могу. Я лягу. — Он лег и начал неразборчиво бормотать по-французски.

Дауге поставил тарелку на стол.

— Михаил, — позвал он негромко. — Миша.

Михаил Антонович раскатисто храпел.

— С-сейчас я его ра-азбужу, — сказал Юрковский. — Михаил, — сказал он вкрадчивым голосом. — М-мидии. М-мидии со с-специями.

Михаил Антонович вздрогнул и проснулся.

— Что? — пробормотал он. — Что?

— Нечистая с-совесть, — сказал Юрковский.

Дауге поглядел на штурмана в упор.

— Что вы там делаете в рубке? — сказал он.

Михаил Антонович поморгал красными веками, потом заерзал на кресле, едва слышно сказал: «Ах, я совсем забыл...» — и попытался подняться.

— Сиди, — сказал Дауге.

— Т-так что вы там д-делаете?

— И на кой бес?

— Ничего особенного, — сказал Михаил Антонович и оглянулся на люк в рубку. — Право, ничего, мальчики. Так только...

— М-миша, — сказал Юрковский. — М-мы же видим, что он что-то з-задумал.

— Говори, толстяк, — сказал Дауге свирепо.

Штурман снова попытался подняться.

— С-сиди, — сказал Юрковский безжалостно. — Мидии. Со специями. Говори.

Михаил Антонович стал красен как мак.

— Мы не дети, — сказал Дауге. — Нам уже приходилось умирать. Какого беса вы там секретничаете?

— Есть шанс, — едва слышно пробормотал штурман.

— Шанс всегда есть, — возразил Дауге. — Конкретнее.

— Ничтожный шанс, — сказал Михаил Антонович. — Право, мне пора, мальчики.

— Что они делают? — спросил Дауге. — Чем они заняты, Лешка и Иван?

Михаил Антонович с тоской поглядел на люк в рубку.

— Он не хочет вам говорить, — прошептал он. — Он не хочет вас зря обнадеживать. Алексей надеется выбраться. Они там перестраивают систему магнитных ловушек... И отстаньте от меня, пожалуйста! — закричал он тонким пронзительным голосом, кое-как встал и заковылял в рубку.

— Mon dieu, — тихо сказал Моллар и снова лег навзничь.

— А, все это ерунда, барахтанье, — сказал Дауге. — Конечно, Быков не способен сидеть спокойно, когда костлявая берет нас за горло. Пошли. Пойдемте, Шарль, мы уложим вас в амортизатор. Приказ капитана.

Они взяли Моллара под руки с двух сторон, подняли и повели в коридор. Голова Моллара болталась.

— Mon dieu, — бормотал он. — Простите. Я есть весьма плёхой межпланетник. Я есть только всего радиооптик.

Это было очень трудно — идти самим и тащить Моллара, но они все-таки добрались до его каюты и уложили радиооптика в амортизатор. Он лежал в длинном, не по росту, ящике, маленький, жалкий, задыхающийся, с посиневшим лицом.

— Сейчас вам станет хорошо, Шарль, — сказал Дауге.

Юрковский молча кивнул и сейчас же сморщился от боли в позвоночнике.

— П-полежите, отдо-охните, — сказал он.

— Хорошё-о, — сказал Моллар. — Спасибо, товарищи.

Дауге задвинул крышку и постучал. Моллар постучал в ответ.

— Ну, хорошо, — сказал Дауге. — Теперь бы нам костюмы для перегрузок...

Юрковский пошел к выходу. На корабле было только три костюма для перегрузок — костюмы экипажа. Пассажирам при перегрузках полагалось лежать в амортизаторах.

Они обошли все каюты и собрали все одеяла и подушки. В обсерваторном отсеке они долго устраивались у перископов, обкладывали себя мягким со всех сторон, а потом легли и некоторое время молчали, отдыхая. Дышать было трудно. Казалось, на грудь давит многопудовая гиря.

— П-помню, на курсах нам давали с-сильные перегрузки, — сказал Юрковский. — П-пришлось сбрасывать в-вес.

— Да, — сказал Дауге. — Я совсем забыл. Что это за чепуха про мидии со специями?

— В-вкусная вещь, правда? — сказал Юрковский. — Наш штурман в-вез тайком от к-капитана н-несколько банок, и они взорвались у него в ч-чемодане.

— Ну? — сказал Дауге. — Опять? Ну и лакомка! Ну и контрабандист! Его счастье, что Быкову сейчас не до этого.

— Б-быков, наверное, еще н-не знает, — сказал Юрковский.

«И никогда не узнает», — подумал он. Они помолчали, потом Дауге взял дневники наблюдений и стал их просматривать. Они немного посчитали, потом поспорили относительно метеоритной атаки. Дауге сказал, что это был случайный рой. Юрковский объявил, что это кольцо.

— Кольцо у Юпитера? — презрительно сказал Дауге.

— Да, — сказал Юрковский. — Я давно это подозревал. И теперь вот убедился.

— Нет, — сказал Дауге. — Все-таки это не кольцо. Это полукольцо.

— Ну, пусть полукольцо, — согласился Юрковский.

— Кангрэн большой молодец, — сказал Дауге. — Его расчеты просто замечательно точны.

— Не совсем, — сказал Юрковский.

— Это почему же? — осведомился Дауге.

— Потому что температура растёт заметно медленнее, — объяснил Юрковский.

— Это внутреннее свечение неклассического типа, — возразил Дауге.

— Да, неклассического, — сказал Юрковский.

— Кангрэн не мог этого учсть, — сказал Дауге.

— Надо было учсть, — сказал Юрковский. — Об этом уже сто лет спорят, надо было учсть.

— Просто тебе стыдно, — сказал Дауге. — Ты так бранился с Кангреном в Дублине, и теперь тебе стыдно.

— Балда ты, — сказал Юрковский. — Я учитывал неклассические эффекты.

— Знаю, — сказал Дауге.

— А если знаешь, — сказал Юрковский, — то не болтай глупостей.

— Не ори на меня, — сказал Дауге. — Это не глупости. Неклассические эффекты ты учел, а цена этому сам видишь какая.

— Это тебе такая цена, — рассердился Юрковский. — До сих пор не читал моей последней статьи.

— Ладно, — сказал Дауге, — не сердись. У меня спина затекла.

— У меня тоже, — сказал Юрковский. Он перевернулся на живот и встал на четвереньки. Это было нелегко. Он дотянулся до перископа и заглянул. — П-посмотри-ка, — сказал он.

Они стали смотреть в перископы. «Тахмасиб» плавал в пустоте, заполненной розовым светом. Не видно было ни одного предмета, никакого движения, на котором мог бы задержаться взгляд. Только ровный розовый свет. Казалось, что смотришь в упор на фосфоресцирующий экран. После долгого молчания Юрковский сказал:

— Скучно.

Он поправил подушки и снова лег на спину.

— Этого еще никто не видел, — сказал Дауге. — Это свечение металлического водорода.

— Т-таким н-наблюдениям, — сказал Юрковский, — грош цена. Может, пристроим к п-перископу с-спектрограф?

— Глупости, — сказал Дауге, еле шевеля губами. Он сполз на подушки и тоже лег на спину. — Жалко, — сказал он. — Ведь этого еще никто никогда не видел.

— Д-до чего м-мерзко ничего не делать, — сказал Юрковский с тоской.

Дауге вдруг приподнялся на локте и нагнул голову, прислушиваясь.

— Что ты? — спросил Юрковский.

— Тише, — сказал Дауге. — Послушай.

Юрковский прислушался. Низкий, едва слышный гул доносился откуда-то, волнообразно нарастая и снова затихая, словно гудение гигантского шмеля. Гул перешел в жужжание, стал выше и смолк.

— Что это? — спросил Дауге.

— Не знаю, — отозвался Юрковский вполголоса. Он сел. — Может быть, это двигатель?

— Нет, это оттуда. — Дауге махнул рукой в сторону перископов. — Ну-ка... — Он опять прислушался, и снова послышалось нарастающее гудение.

— Надо поглядеть, — сказал Дауге.

Гигантский шмель смолк, но через секунду загудел снова. Дауге поднялся на колени и уткнулся лицом в нарамник перископа.

— Смотри! — закричал он.

Юрковский тоже подполз к перископу.

— Смотри, как здорово! — крикнул Дауге.

Из желто-розовой бездны поднимались огромные радужные шары. Они были похожи на мыльные пузыри и переливались зеленым, синим, красным. Это было очень красиво и совершенно непонятно. Шары поднимались из пропасти с низким нарастающим гулом, быстро проносились и исчезали из поля зрения. Они все были разных размеров, и Дауге судорожно вцепился в рубчатый барабан дальномера. Один шар, особенно громадный и колыхающийся, прошел совсем близко. На несколько мгновений обсерваторный отсек заполнился нестерпимо низким, зудящим гулом, и планетолет слегка качнуло.

— Эй, в обсерватории! — раздался в репродукторе голос Быкова. — Что это за бортом?

— Ф-феномены, — сказал Юрковский, пригнув голову к микрофону.

— Что? — спросил Быков.

— П-пузыри какие-то, — пояснил Юрковский.

— Это я и сам вижу, — проворчал Быков и замолчал.

— Это уже не металлический водород, — сказал Юрковский, почти не заикаясь.

Пузыри исчезли.

— Вот, — сказал Дауге. — Диаметры: пятьсот, девятьсот и три тысячи триста метров. Если, конечно, здесь не искажается перспектива. Больше я не успел. Что это может быть?

В розовой пустоте пронесли еще два пузыря. Вырос и сейчас же смолк густой басовый звук.

— М-машина п-планеты р-работает, — сказал Юрковский. — И мы никогда не узнаем, что там происходит...

— Пузыри в газе, — сказал Дауге. — А впрочем, какой это газ — плотность как у бензина...

Он обернулся. На пороге открытой двери сидел Моллар, прислонившись виском к косяку. Кожа на его лице вся сползла к подбородку от тяжести. У него был белый лоб и темно-вишневая шея.

— Это есть я, — сказал Моллар.

Он перевалился на живот и пополз к своему месту у казенника. Планетологи молча смотрели на него, затем Дауге встал, взял две подушки — у себя и у Юрковского — и помог Моллару устроиться поудобнее. Все молчали.

— Очень тоскливо, — сказал наконец Моллар. — Не могу один. Хочется гово́рить. — Он делал самые невообразимые ударения.

— Мы очень рады вам, Шарль, — сказал Дауге совершенно искренне. — Нам тоже тоскливо, и мы все время говорим.

Моллар попытался сесть, но раздумал и остался лежать, тяжело дыша и глядя в потолок.

— А к-как жизнь, Шарль? — спросил Юрковский с интересом.

— Жизнь хороше́-о, — сказал Моллар, бледно улыбаясь. — Только мало.

Дауге лег и тоже уставился в потолок. «Мало, — подумал он, — гораздо меньше, чем хочется». Он выругался вполголоса по-латышски.

— Что? — спросил Моллар.

— Он ругается, — объяснил Юрковский.

Моллар вдруг сказал высоким голосом: «Друзья мои!» — и планетологи разом повернулись к нему.

— Друзья мои! — сказал Моллар. — Что мне дьелатть? Ви есть опытные межпланьетники! Ви есть большие льюди и геройи. Да, геройи! Mon dieu! Ви смотрели в глаза смерти больше, чем я смотрелль в глаза деву́шки. — Он горестно помотал головой. — И я совсем не есть опытный. Мне страшно, и я хочу много говорить сейчас, но сейчас уже близок конец, и я не знаю как. Да, да, как надо сейчас говорить?

Он смотрел на Дауге и Юрковского блестящими глазами. Дауге неловко пробормотал: «О черт» — и оглянулся на Юрковского. Юрковский лежал, заложив руки за голову, и искоса глядел на Моллара.

— О черт, — сказал Дауге. — Я уже и забыл.

— М-могу рассказать, к-как мне однажды х-хотели ам-ампутировать н-ногу, — предложил Юрковский.

— Верно! — радостно сказал Дауге. — А потом вы, Шарль, тоже расскажете что-нибудь веселенькое...

— Ах, вы все шутите, — сказал Моллар.

— А еще можно спеть, — сказал Дауге. — Я про это читал. Вы нам споете, Шарль?

— Ах, — сказал Моллар. — Я совсем прокис.

— Отнюдь, — сказал Дауге. — Вы замечательно держитесь, Шарль. А это же самое главное. Правда, Шарль замечательно держится, а, Володя?

— К-конечно, — сказал Юрковский. — З-замечательно.

— А капитан не спит, — бодро продолжал Дауге. — Вы заметили, Шарль? Он что-то задумал, наш капитан.

— Да, — сказал Моллар. — Да! Наш капитан — это есть большая надежда.

— Еще бы, — сказал Дауге. — Вы даже не знаете, какая это большая надежда.

— М-метр девяносто пять, — сказал Юрковский.

Моллар засмеялся.

— Вы все шутите, — сказал он.

— А мы пока будем болтать и наблюдать, — сказал Дауге. — Хотите посмотреть в перископ, Шарль? Это красиво. Этого никто никогда не видел. — Он поднялся и приник к перископу.

Юрковский увидел, как у него вдруг выгнулась спина. Дауге обеими руками взялся за нарамник.

— Бог мой! — сказал он. — Планетолет!

В розовой пустоте висел планетолет. Он был виден совершенно отчетливо и во всех подробностях и находился, по-видимому, километрах в трех от «Тахмасиба». Это был фотонный грузовик первого класса с параболическим отражателем, похожим на растопыренную юбку, с круглой жилой гондолой и дисковидным грузовым отсеком, с тремя сигарами аварийных ракет на далеко вынесенных кронштейнах. Он висел вертикально и совершенно неподвижно. И он был серый, как на экране черно-белого кино.

— Кто же это? — пробормотал Дауге. — Неужели Петрушевский?

— П-погляди на отражатель, — сказал Юрковский.

Отражатель серого планетолета был обломан с края.

— Тоже не повезло ребятам, — сказал Дауге.

— О! — сказал Моллар. — А вон еще один.

Второй планетолет — точно такой же — висел дальше и глубже первого.

— И у этого обломан отражатель, — сказал Дауге.

— Я з-знаю, — сказал неожиданно Юрковский. — Это наш «Тахмасиб». М-мираж.

Это был двойной мираж. Несколько радужных пузырей стремительно поднялись из глубины, и призраки «Тахмасиба» исказились, задрожали и растаяли. А правее и выше появились еще три призрака.

— Какие красивые пузыри! — сказал Моллар. — Они поют.

Он снова лег на спину. У него пошла носом кровь, и он сморкался и морщился и все поглядывал на планетологов, не видят ли они. Они, конечно, не видели.

— Вот, — сказал Дауге. — Ты говоришь, что здесь скучно.

— Я н-не говорю, — сказал Юрковский.

— Нет, говоришь, — сказал Дауге. — Ты брюзжишь, что скучно.

Оба старались не глядеть на Моллара. Кровь остановить было нельзя. Она свернется сама. Радиооптика нужно было бы отнести в амортизатор, но... Ничего, она свернется. Моллар тихо сморкался.

— А вон еще мираж, — сказал Дауге. — Но это не корабль.

Юрковский заглянул в перископ. «Не может быть, — подумал он. — Этого не может быть. Не тут, не в Юпитере». Под «Тахмасибом» медленно проплывала вершина громадной серой скалы. Основание ее тонуло в розовой дымке. Рядом поднималась другая скала — голая, отвесная, изрезанная глубокими прямыми трещинами. А еще дальше выростала целая вереница таких же острых крутых вершин. И тишина в обсерваторном отсеке сменилась скрипами, шорохами, едва слышным гулом, похожим на эхо далеких-далеких горных обвалов.

— Эт-то н-не мираж, — проговорил Юрковский. — Эт-то п-похоже на ядро.

— Вздор, — сказал Дауге.

— В-возможно, все-таки у Юпитера есть я-ядро.

— Вздор, вздор, — нетерпеливо сказал Дауге.

Горная цепь тянулась под «Тахмасибом», и не было ей конца.

— Вон еще, — сказал Дауге.

Выше скалистых зубьев выступил темный бесформенный силуэт, вырос, превратился в изъеденный обломок черного камня и снова скрылся. Сейчас же за ним вслед появился другой, третий, а вдали, едва различимая, бледным пятном светилась округлая серая масса. Горный хребет внизу постепенно опускался и исчез из виду. Юрковский, не отрываясь от перископа, поднес к губам микрофон. Было слышно, как у него хрустнули суставы.

— Быков, — позвал он. — Алексей.

— Алеши нет, Володенька, — отозвался голос штурмана. Голос был сиплый и задышающийся. — Он в машине.

— М-михаил, мы идем н-над с-скалами, — сказал Юрковский.

— Над какими скалами? — испуганно спросил Михаил Антонович.

Вдали прошла поразительно ровная, словно отполированная поверхность — огромная равнина, окаймленная невысокой грядой круглых холмов. Прошла и утонула в розовом.

— М-мы еще не все п-понимаем, — сказал Юрковский.

— Я сейчас посмотрю, Володенька, — сказал Михаил Антонович.

За перископом проплывала еще одна горная страна. Она плыла высоко вверху, и вершины гор были обращены вниз. Это было дикое, фантастическое зрелище, и Юрковский подумал сначала, что это опять мираж, но это был не мираж. Тогда он понял и сказал:

— Это не ядро, Иоганыч. Это кладбище.

Дауге не понял.

— Это кладбище миров, — сказал Юрковский. — Джуп проглотил их.

Дауге долго молчал, а затем пробормотал:

— Какие открытия... Кольцо, розовое излучение, кладбище миров... Жаль. Очень жаль.

Он оглянулся и окликнул Моллара. Моллар не ответил. Он лежал ничком.

Они стащили Моллара в амортизатор, привели его в чувство, и он, измотанный, отекающий, сразу заснул, словно упал в обморок. Потом они вернулись в обсерваторный отсек и снова повисли на перископах. Под «Тахмасибом», и рядом с «Тахмасибом», и временами над «Тахмасибом» медленно проплывали в потоках сжатого водорода несостоявшиеся миры — горы, скалы, чудовищные потрескавшиеся глыбы, прозрачные серые облака пыли. Потом «Тахмасиб» отнесло в сторону, а в перископах остался только пустой, ровный розовый свет.

— Устал как собака, — сказал Дауге. Он перевернулся на бок, и у него затрещали кости. — Слышишь?

— Слышу, — сказал Юрковский. — Давай смотреть.

— Давай, — сказал Дауге.

— Я думал, это ядро, — сказал Юрковский.

— Этого не могло быть, — сказал Дауге.

Юрковский стал тереть лицо ладонями.

— Это ты так говоришь, — сказал он. — Давай смотреть.

Они еще многое увидели и услышали, или им казалось, что они увидели и услышали, потому что оба они страшно устали, и в глазах иногда темнело, и тогда исчезали стены обсерваторного отсека — оставался только ровный розовый свет. Они видели широкие неподвижные зигзаги молний, упирившиеся в тьму наверху и в розовую бездну внизу, и слышали, как с железным громом пульсируют в них лиловые разряды. Они видели какие-то колышущиеся пленки, проплывавшие с тонким свистом совсем рядом. Они разглядывали причудливые тени во мгле, которые двигались и шевелились, и Дауге спорил, что это объемные тени, а Юрковский доказывал, что Дауге бредит. И они

слышали вой, и писк, и грохот, и странные звуки, похожие на голоса, и Дауге предложил зафиксировать эти звуки на диктофоне, но тут заметил, что Юрковский спит лежа на животе. Тогда он повернул Юрковского на спину и снова вернулся к перископу.

В открытую дверь отсека вползла, волоча брюхо по полу, Варечка, синяя в крапинку, подобралась к Юрковскому и взгромоздилась к нему на колени. Дауге хотел прогнать ее, но у него уже совсем не было сил. Он даже не мог поднять голову. А Варечка тяжело вздымала бока и медленно мигала. Шипы на ее морде стояли ежом, и полумертвый хвост судорожно подергивался в такт дыханию.

3. Надо прощаться, а радиооптик не знает как

Это было трудно, невообразимо трудно — работать в таких условиях. Жилин несколько раз терял сознание. Останавливалось сердце, и все заволакивалось красной мутью. И во рту все время чувствовался привкус крови. Жилину было очень стыдно, потому что Быков продолжал работать неумоимо, размеренно и точно, как машина. Быков был весь мокрый от пота, ему тоже было невообразимо трудно, но он, по-видимому, умел заставить себя не терять сознание. Уже через два часа у Жилина пропало всякое представление о цели работы, у него больше не осталось ни надежды, ни любви к жизни, но каждый раз, очнувшись, он продолжал прерванную работу, потому что рядом был Быков. Однажды он очнулся и не нашел Быкова. Тогда он заплакал. Но Быков скоро вернулся, поставил рядом с ним кастрюльку и сказал: «Ешь». Он поел и снова взялся за работу. У Быкова было белое лицо и багровая отвисшая шея. Он тяжело и часто дышал. И он молчал. Жилин думал: «Если мы выберемся, я не пойду в межзвездную экспедицию, я не пойду в экспедицию на Плутон, я никуда не пойду, пока не стану таким, как Быков. Таким обыкновенным и даже скучным в обычное время. Таким хмурым и немножко даже смешным. Таким, что трудно было поверить, глядя на него, в легенду о Голконде, в легенду о Каллисто и в другие легенды». Жилин помнил, как молодые межпланетники потихоньку посмеивались над Рыжим Пустынником — кстати, откуда взялось такое странное прозвище? — но он никогда не видел, чтобы о Быкове отозвался пренебрежительно хоть один пилот или ученый старшего поколения. «Если я выберусь, я должен стать таким, как Быков. Если я не выберусь, я должен умереть, как Быков». Когда Жилин терял сознание, Быков молча перешагивал через него и заканчивал его работу. Когда Жилин приходил в себя, Быков так же молча возвращался на свое место.

Потом Быков сказал: «Пошли» — и они выбрались из камеры магнитной системы. У Жилина все плыло перед глазами, хотелось лечь, уткнуться носом во что-нибудь помягче и так лежать, пока не поднимут. Он выбирался вторым и застрял и все-таки лег носом в холодный пол, но быстро пришел в себя и тогда увидел у самого лица ботинок Быкова. Ботинок нетерпеливо притопывал. Жилин напрягся и вылез из люка. Он сел на корточки, чтобы как следует задраить крышку. Замок не слушался, и Жилин стал рвать его исцарапанными пальцами. Быков возвышался рядом, как радиомачта, и смотрел не мигая сверху вниз.

— Сейчас, — торопливо сказал Жилин. — Сейчас...

Замок, наконец, встал на место.

— Готово, — сказал Жилин и выпрямился. Ноги тряслись в коленях.

— Пошли, — сказал Быков.

Они вернулись в рубку. Михаил Антонович спал в своем кресле у вычислителя. Он громко всхрапывал. Вычислитель был включен. Быков перегнулся через штурмана, взял микрофон селектора и сказал:

— Пассажирам собраться в кают-компанию.

— Что? — спросил Михаил Антонович, встрепенувшись. — Что, уже?

— Уже, — сказал Быков. — Пойдем в кают-компанию.

Но он пошел не сразу — стоял и задумчиво наблюдал, как Михаил Антонович, болезненно морщась и постанывая, выбирается из кресла. Затем он словно очнулся и сказал:

— Пойдем.

Они пошли в кают-компанию. Михаил Антонович сразу пробрался к дивану и сел, сложив руки на животе. Жилин тоже сел, чтобы не тряслись ноги, и стал смотреть в стол. На столе еще стояли стопкой грязные тарелки. Потом дверь в коридор открылась, и ввалились пассажиры. Планетологи тащили на себе Моллара. Моллар висел, волоча ноги и обхватив планетологов за плечи. В руке у него был зажат носовой платок, весь в темных пятнах.

Дауге и Юрковский молча усадили Моллара на диван и сели по обе стороны от него. Жилин оглядел их. «Вот это да! — подумал он. — Неужели и у меня такая морда?» Он украдкой ощупал лицо. Ему показалось, что щеки у него очень тощие, а подбородок очень толстый, как у Михаила Антоновича. Под кожей бегали мурашки, как в отсиженной ноге. «Отсидел физиономию», — подумал Жилин.

— Так, — сказал Быков. Он сидел на стуле в углу и теперь встал, подошел к столу и тяжело оперся о него.

Моллар неожиданно подмигнул Жилину и закрыл лицо пятнистым платком. Быков холодно посмотрел на него. Затем он стал смотреть в стену.

— Так, — повторил он. — Мы были заняты пере-о-бо-ру-до-ва-нием «Тахмасиба». Мы закончили пере-о-бо-ру-до-ва-ние. — Это слово никак не давалось ему, но он упрямо дважды повторил его, выговаривая по слогам. — Мы теперь можем использовать фотонный двигатель, и я решил его использовать. Но сначала я хочу поставить вас в известность о возможных последствиях. Предупреждаю: решение принято, и я не собираюсь с вами советоваться и спрашивать вашего мнения...

— Короче, Алексей, — сказал Дауге.

— Решение принято, — сказал Быков. — Но я считаю, что вы вправе знать, чем это все может кончиться. Во-первых, включение фотореактора может вызвать взрыв в сжатом водороде вокруг нас. Тогда «Тахмасиб» будет разрушен полностью. Во-вторых, первая вспышка плазмы может уничтожить отражатель — возможно, внешняя поверхность зеркала уже истончена коррозией. Тогда мы останемся здесь и... В общем, понятно. В-третьих, наконец, «Тахмасиб» может благополучно выбраться из Юпитера и...

— Понятно, — сказал Дауге.

— И продовольствие будет доставлено на Амальтею, — сказал Быков.

— П-продовольствие б-будет век б-благодарить Б-быкова, — сказал Юрковский.

Михаил Антонович робко улыбнулся. Ему было не смешно.

Быков смотрел в стену.

— Я намерен стартовать сейчас же, — сказал он. — Предлагаю пассажирам занять места в амортизаторах. Всем занять места в амортизаторах. И давайте без этих ваших штучек. — Он посмотрел на планетологов. — Перегрузка будет восьмикратная, как минимум. Прошу выполнять. Бортинженер Жилин, проследите за выполнением и доложите.

Он оглядел всех исподлобья, повернулся и ушел в рубку на прямых ногах.

— Mon dieu, — сказал Моллар. — Ну и жизньнь.

У него опять пошла кровь из носа, и он принялся слабо сморкаться. Дауге повертел головой и сказал:

— Нам нужен счастливчик. Кто-нибудь здесь есть везучий? Нам совершенно необходим счастливчик.

Жилин встал.

— Пора, товарищи, — сказал он. Ему хотелось, чтобы все скорее кончилось. Ему очень хотелось, чтобы все уже было позади. Все остались сидеть. — Пора, товарищи, — растерянно повторил он.

— В-вероятность б-благоп-приятного и-исхода — п-процентов д-десять, — задумчиво сказал Юрковский и принялся растирать щеки.

Михаил Антонович, кряхтя, выбрался из дивана.

— Мальчики, — сказал он. — Надо, кажется, прощаться. На всякий случай, знаете... Всякое может быть. — Он жалостно улыбнулся.

— Прощаться так прощаться, — сказал Дауге. — Давайте прощаться.

— И я опять не знаю как, — сказал Моллар.

Юрковский поднялся.

— В-вот что, — сказал он. — П-пошли по ам-мортизаторам. С-сейчас выйдет Б-быков, и т-тогда... Лучше мне стореть. Р-рука у него тяжелая, д-до сих п-пор помню. Д-десять лет.

— Да-да, — заторопился Михаил Антонович. — Пошли, мальчики, пошли... Дайте я вас поцелую.

Он поцеловал Дауге, потом Юрковского, потом повернулся к Моллару. Моллара он поцеловал в лоб.

— А ты где будешь, Миша? — спросил Дауге.

Михаил Антонович поцеловал Жилина, всхлипнул и сказал:

— В амортизаторе, как все.

— А ты, Ваня?

— Тоже, — сказал Жилин. Он придерживал Моллара за плечи.

— А капитан?

Они вышли в коридор, и снова все остановились. Оставалось несколько шагов.

— Алексей Петрович говорит, что не верит автоматике в Джупе, — сказал Жилин. — Он сам поведет корабль.

— Б-быков есть Быков, — сказал Юрковский, криво усмехаясь. — В-всех н-неможных на своих п-плечах.

Михаил Антонович, всхлипывая, пошел в свою каюту.

— Я вам помогу, мсье Моллар, — сказал Жилин.

— Да, — согласился Моллар и послушно обхватил Жилина за плечи.

— Удачи и спокойной плазмы, — сказал Юрковский.

Дауге кивнул, и они разошлись по своим каютам. Жилин ввел Моллара в его каюту и уложил в амортизатор.

— Как жизнь, Ванюша-а? — сказал печально Моллар. — Хорошё-о?

— Хорошо, мсье Моллар, — сказал Жилин.

— А как девúшки?

— Очень хорошо, — сказал Жилин. — На Амальтее чудесные девушки.

Он вежливо улыбнулся, задвинул крышку и сразу перестал улыбаться. «Хоть бы скорее все это кончилось!» — подумал он.

Он шел по коридору, и коридор показался ему очень пустым. Он постучал по крышке каждого амортизатора и прослушал ответный стук. Потом он вернулся в рубку.

Быков сидел на месте старшего пилота. Он был в костюме для перегрузок. Костюм был похож на кокон шелкопряда, из него торчала рыжая растрепанная голова. Быков был совершенно обыкновенный, только очень сердитый и усталый.

— Все готово, Алексей Петрович, — сказал Жилин.

— Хорошо, — сказал Быков. Он косо поглядел на Жилина. — Не боишься, малек?

— Нет, — сказал Жилин.

Он не боялся. Он только хотел, чтобы все скорее кончилось. И еще ему вдруг очень захотелось увидеть отца, как он вылезает из стратоплана, грузный, усатый, со шляпой в руке. И познакомить отца с Быковым.

— Ступай, Иван, — сказал Быков. — Десять минут в твоём распоряжении.

— Спокойной плазмы, Алексей Петрович, — сказал Жилин.

— Спасибо, — сказал Быков. — Ступай.

«Это надо выдержать, — подумал Жилин. — Черт, неужели я не выдержу?» Он подошел к двери своей каюты и вдруг увидел Варечку. Варечка тяжело ползла,

прижимаясь к стене, волоча за собой сплюснутый с боков хвост. Увидев Жилина, она подняла треугольную морду и медленно мигнула.

— Эх ты, бедолага! — сказал Жилин.

Он взял Варечку за отставшую на шее кожу, приволок ее в каюту, сдвинул крышку с амортизатора и поглядел на часы. Потом он бросил Варечку в амортизатор — она была очень тяжелая и грузно трепыхалась в руках — и залез сам. Он лежал в полной темноте, слушал, как шумит амортизирующая смесь, а тело становилось легче и легче. Это было очень приятно, только Варечка все время дергалась под боком и колола руку шипами. «Надо выдержать, — подумал Жилин. — Как он выдерживает».

В рубке Алексей Петрович Быков нажал большим пальцем рифленую клавишу стартера.

Эпилог. Амальтея, «Джей-станция»

Директор «Джей-станции» не глядит на заход Юпитера, а Варечку дергают за хвост

Заход Юпитера — это тоже очень красиво. Медленно гаснет желто-зеленое зарево экзосферы, и одна за другой загораются звезды, как алмазные иглы на черном бархате.

Но директор «Джей-станции» не видел ни звезд, ни желто-зеленого сияния над близкими скалами. Он смотрел на ледяное поле ракетодрома. На поле медленно, едва заметно для глаза, падала исполинская башня «Тахмасиб». «Тахмасиб» был громаден — фотонный грузовик первого класса. Он был так громаден, что его не с чем было сравнить здесь, на голубовато-зеленой равнине, покрытой круглыми черными пятнами. Из спектролитового колпака казалось, что «Тахмасиб» падает сам собой. На самом деле его укладывали. В тени скал и по другую сторону равнины мощные лебедки тянули тросы, и блестящие нити иногда ярко вспыхивали в лучах солнца. Солнце ярко озаряло корабль, и он был виден весь, от огромной чаши отражателя до шаровидной жилой гондолы.

Никогда еще на Амальтею не опускался такой изуродованный планетолет. Край отражателя был расколот, и в огромной чаше лежала густая изломанная тень. Двухсотметровая труба фотореактора казалась пятнистой и была словно изъедена коростой. Аварийные ракеты на скрученных кронштейнах нелепо торчали во все стороны, грузовой отсек перекошило, и один сектор его был раздавлен. Диск грузового отсека напоминал плоскую круглую консервную банку, на которую наступили свинцовым башмаком. «Часть продовольствия, конечно, погибла, — подумал директор. — Какая чушь лезет в голову! Не все ли равно. Да, «Тахмасибу» теперь не скоро уйти отсюда».

— Дорого нам обошелся куриный суп, — сказал дядя Валнога.

— Да, — пробормотал директор. — Куриный суп. Бросьте, Валнога. Вы же этого не думаете. При чем здесь куриный суп?

— Отчего же, — сказал Валнога. — Ребятам нужна настоящая еда.

Планетолет опустился на равнину и погрузился в тень. Теперь было видно только слабое зеленоватое мерцание на титановых боках, потом там сверкнули огни и мелькнули маленькие черные фигурки. Косматый горб Юпитера ушел за скалы, и скалы почернели и стали выше, и на мгновение ярко загорелась какая-то расщелина, и стали видны решетчатые конструкции антенн.

В кармане директора тоненько запел радиотелефон. Директор вытащил гладкую коробку и нажал кнопку приема.

— Слушаю, — сказал он.

Тенорок дежурного диспетчера, очень веселый и без всякой почтительности, сказал скороговоркой:

— Товарищ директор, капитан Быков с экипажем и пассажирами прибыл на станцию и ждет вас в вашем кабинете.

— Иду, — сказал директор.

Вместе с дядей Валногой он спустился в лифте и направился в свой кабинет. Дверь была раскрыта настежь. В кабинете было полно народу, и все громко говорили и смеялись. Еще в коридоре директор услышал радостный вопль:

— Как жизнь — хорошё-о? Как мальчúшки — хорошё-о?

Директор не сразу вошел, а некоторое время стоял на пороге, разыскивая глазами прибывших. Валнога громко дышал у него над ухом, и чувствовалось, что он улыбается до ушей. Они увидели Моллара с мокрыми после купания волосами. Моллар отчаянно жестикулировал и хохотал. Вокруг него стояли девушки — Зойка, Галина, Наденька, Джейн, Юрико, все девушки Амальтеи, — и тоже хохотали. Моллар всегда ухитрялся собрать вокруг себя всех девушек. Потом директор увидел Юрковского, вернее, его затылок, торчащий над головами, и кошмарное чудище у него на плече. Чудище вертело мордой и время от времени страшно зевало. Варечку дергали за хвост. Дауге видно не было, но зато было слышно не хуже, чем Моллара. Дауге вопил:

— Не наваливайтесь! Пустите, ребятушки! Ой-ой!

В сторонке стоял огромный незнакомый парень, очень красивый, но слишком бледный среди загорелых. С парнем оживленно разговаривали несколько местных планетолетчиков. Михаил Антонович Крутиков сидел в кресле у стола директора. Он рассказывал, всплескивая короткими ручками, и временами подносил к глазам смятый платочек.

Быкова директор узнал последним. Быков был бледен до синевы, и волосы его казались совсем медными, под глазами висели синие мешки, какие бывают от сильных и длительных перегрузок. Глаза его были красными. Он говорил так тихо, что директор ничего не мог разобрать и видел только, что говорит он медленно, с трудом шевеля губами. Возле Быкова стояли руководители отделов и начальник ракетодома. Это была самая тихая группа в кабинете. Потом Быков поднял глаза и увидел директора. Он встал, и по кабинету прошел шепоток, и все сразу замолчали.

Они пошли навстречу друг другу, гремя магнитными подковами по металлическому полу, и сошлись на середине комнаты. Они пожали друг другу руки и некоторое время стояли молча и неподвижно. Потом Быков отнял руку и сказал:

— Товарищ Кангрэн, планетолет «Тахмасиб» с грузом прибыл.

РАССКАЗЫ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Человек из Пасифиды

Пайщики акционерного общества «Алмазная Пасифида» до сих пор ждут известий о том, что в порты Японии придут грузовые субмарины странного подводного народа. Возможно, им (пайщикам) будет интересно узнать некоторые подробности, касающиеся предыстории этой многообещающей компании, любезно предоставленные авторам настоящего рассказа одним из свидетелей ее возникновения...

I

Тридцать первого марта барон Като устроил товарищескую вечеринку. Офицеры собрались в отдельном кабинете ресторана «Тако». Сначала чинно пили подогретое саке и говорили о политике, о борьбе сумо и о регби, затем, когда господин начальник отдела удалился, пожелав подчиненным хорошо провести вечер, расстегнули мундиры и заказали виски. Через полчаса стало очень шумно, воздух наполнился табачным дымом и кислым запахом маринадов. Все говорили, не слушая друг друга. Барон Като щипал официанток. Савада плясал, топчась среди низких столиков, молодежь хохотала, хлопала в ладоши и орала «доккойса!»¹. Кто-то встал и ни с того ни с сего сипло затянул императорский гимн «Кими-га ё» — его потянули за брюки и усадили на место.

В самый разгар веселья в кабинет с визгом вбежала официантка, ее преследовал рослый румяный янки в пилотке набекрень. Это был известный дебошир и весельчак Джерри — адъютант и личный переводчик командующего базой ВМС США «Шарк». Джерри обвел озадаченных таким нахальством японцев пьяными глазами и гаркнул:

— Здорово, джапы!

Тогда капитан Исида, не вставая, схватил его за ногу и сильно дернул к себе. Джерри как подкошенный обрушился прямо на блюда с закусками, а барон Като с наслаждением ударил его по глазам эфесом кортика. Американца, избитого и облепленного маринованной редькой, вышвырнули обратно в общий зал.

Контрдемарша, против ожидания, не последовало — вероятно, на этот раз Джерри развлекался без компании. Офицеры отложили кортики и пустые бутылки, выпили еще по чарке виски и стали расходиться. Капитан Исида возвращался с бароном Като. Барон покачивался, таращил глаза на яркую вечернюю луну и молчал. Только у дверей дома Исиды он вдруг запел шатающимся голосом.

Исида сочувственно похлопал его по плечу и отправился спать. Под утро ему приснился сон. Он видел этот сон уже несколько раз. Он снова «кайгун тайи», капитан-лейтенант императорского флота, и стоит в боевой рубке эсминца «Миками». Вокруг расстилается черное в багровом свете заката Коралловое море, а навстречу из призрачной мглы стремительно надвигаются три американских торпедоносца. Он уже различает азартные лица пилотов и тусклые отблески на боках торпед. «Огонь! Огонь!» — кричит он. Торпедоносцы растут, их крылья закрывают все небо. Ослепительная вспышка, удар — и он с замирающим сердцем летит куда-то в пустоту...

— Проснись же, Исида! — сердито сказал барон Като.

¹ Ритмичный напев (нечто вроде русского «тра-ля-ля!»).

Исида перевернулся на спину и открыл глаза. В комнате было светло и душно. Яркое утреннее солнце проникало сквозь щели бамбуковой шторы. У изголовья сидел на корточках барон Като, жилистый, широкоплечий, с темной щеткой усов под вздернутым носом.

— Проснулся?

— Почти. — Исида потянулся за часами. — Семь часов... Почему такая спешка?

— Живо одевайся, поедem. Расскажу по дороге.

Исида не стал больше спрашивать. Через пять минут они сбежали по лестнице в прихожую, быстро обулись и выскочили во двор. У ворот стоял новенький штабной джип. Мальчишка-шофер в каскетке с желтым якорем над козырьком включил зажигание и вопросительно оглянулся на офицеров.

— В Гонюдо, — коротко распорядился барон.

Исида откинулся на спинку сиденья.

— Где это — Гонюдо? — спросил он.

— Курортное местечко на побережье. В трех милях от Аодзи.

Джип миновал бетонные, поросшие травой стены арсенала на окраине города и понесся по прямому, мокрому от росы шоссе. Справа между холмами синело море. Исида жадно глотал свежий ветер.

— Так вот, — сказал барон Като, — кинокомпания «Ямато-фируму» снимает видовую картину «Пейзажи Японии». Вчера вечером в Гонюдо прибыли их кинооператоры.

— Выгнать, — сказал Исида. Он не любил видовых фильмов. Кроме того, его слегка мутило.

— Они получили разрешение от губернатора...

— Все равно выгнать.

— Погоди. Разрешение на съемки от японских властей у них есть. Но тут вмешались американцы. Они объявили, что не допустят возни с киноаппаратами вблизи военной базы.

— Ах вот как? — Исида снял фуражку и расстегнул воротник мундира. — Значит, вмешались американцы?

Барон Като кивнул.

— Вот именно. И какка¹ приказал мне и тебе отправиться туда и уладить дело.

— Гм... А при чем здесь мы? То есть очень приятно лишний раз натянуть нос амэ, но какое отношение имеет штаб военно-морского района к «Ямато-фируму»?

— Приказ есть приказ, — неопределенно сказал барон. Он покосился на шофера и нагнулся к уху Исиды. — За разрешение производить съемки в окрестностях оборонных объектов «Ямато-фируму» заплатила префектуре кругленькую сумму. И, говорят, кое-что перепало господину начальнику штаба нашего района. Ведь окрестности Аодзи — одно из самых красивых мест в Японии.

— Ах вот как! — Капитан Исида снова надел фуражку, опустил ремешок под подбородок и задремал.

Шоссе проходило по насыпи в полукилометре от берега. Был отлив. Море отступило, обнажив широкую полосу песчаного дна. Блестели на солнце лужи и заводи. По мелководью, высоко подоткнув полы разноцветных кимоно, бродили женщины и дети с граблями и совками — они собирали съедобные ракушки. Барон Като достал из-под сиденья полевой бинокль и попытался получше рассмотреть голые ноги молоденьких девушек. Но джип трясло, и барон увидел только прыгающие пестрые пятна. Он разочарованно опустил бинокль. В эту минуту шофер оглянулся и сказал:

— Гонюдо, господин барон.

Исида зашевелился, протер глаза кулаками и сладко, с прискуливанием зевнул.

¹ Его превосходительство (яп.).

Они миновали нарядные домики, утопающие в зелени и цветах, и выехали на пляж, где у светло-голубого павильона беспокойно колыхалась большая толпа скудно одетых курортников. Скандал, по-видимому, достиг уже критической точки. Любопытные наседали друг на друга, подпрыгивали, стараясь заглянуть через головы. Барон и Исида на ходу выскочили из джипа и остановились, прислушиваясь. Из недр толпы доносились яростные возгласы на японском и английском языках:

— Да поймите же вы...

— Я вас вышвырну отсюда со всеми вашими...

— Keep quiet, lieutenant, do keep quiet, for Lord's sake!¹

— У нас есть разрешение от самого губернатора!

— А я вам говорю — убирайтесь!

— Keep quiet...

— Это Джерри, — сказал Исида.

Барон ухмыльнулся.

— Ничего. Он был пьян как свинья. К тому же амэ и в трезвом виде не способны отличить одного японца от другого. Пойдем.

Он врзаясь в толпу, бесцеремонно отодвигая плечом мужчин, обходительно похлопывая женщин по голым спинам. Исида вперевалку двигался вслед за ним, строго поглядывая по сторонам. К нему круто повернулся молодой человек в темных очках, которого барон грубо толкнул локтем в бок.

— Я и раньше не питал симпатий к господам военным... — Темные очки молодого человека негодуя блеснули. Исида старательно наступил на его босую ногу.

— Виноват, — вежливо сказал он.

Лицо в темных очках сморщилось, молодой человек тихонько взвыл и отшатнулся. Протиснувшись через толпу взволнованных девиц, барон Като и Исида вступили в круг.

В центре круга, словно петухи перед схваткой, стояли лицом к лицу маленький толстяк в белом, с наголо обритой, лоснящейся от пота головой и доблестный Джерри. Толстяк, подпрыгивая, брызгал слюной и потрясал какой-то бумагой. Джерри угрожающе нависал над ним, выпятив англо-саксонскую челюсть. Его левый глаз стыдливо прятался под огромным лиловым синяком, зато правый так и пылал сквозь упавшую на него прядь прямых волос. Рядом с Джерри, хватая его за плечо, суетился чин ВМС США с золотой «капустой» на фуражке.

— Do keep quiet, Jerry! — стонал он.

Позади толстяка теснились рослые мускулистые парни, обвешанные неуклюжими футлярами. Позади Джерри и чина ВМС, прочно уперев в песок тяжелые башмаки с гамашами, неподвижно стояли двое сержантов военной полиции. Их кулаки в белых перчатках медленно сжимались и разжимались. В стороне беспорядочной грудой валялись треноги и громоздкие аппараты.

— Мы имеем право снимать, и мы будем снимать. У меня разрешение губернатора!

— Нет, вы не будете снимать, будьте вы прокляты!

— Do keep quiet, lieutenant...

Барон Като и капитан Исида переглянулись, расправили плечи и с каменными лицами двинулись вперед. Они остановились между толстяком и Джерри, четко повернулись к американцам и одновременно отдали честь.

— Капитан третьего ранга барон Като, офицер отдела координации штаба Н-ского военно-морского района.

— Капитан-лейтенант Исида, офицер отдела координации штаба Н-ского военно-морского района.

¹ Спокойно, лейтенант, ради бога, спокойно! (англ.)

На минуту воцарилось молчание. Джерри растерянно переводил глаза с одного на другого и облизывал пересохшие губы. Первым опомнился чин ВМС США. С трудом подбирая слова, он сказал по-японски:

— Э-э... капитан третьего ранга Колдуэлл. Э-э... Здравствуйте.

— Лейтенант Смитсон, адъютант командующего базой «Шарк», — буркнул Джерри.
— Чем можем служить?

Барон Като выпятил грудь.

— Его превосходительство господин командующий Н-ским военно-морским районом передает господам американским офицерам уверения в своем доброжелательном к ним отношении и выражает глубокое сожаление по поводу имеющего здесь место недоразумения между господами американскими офицерами и съемочной группой кинокомпании «Ямато-фируму». Он изволит опасаться, что господам американским офицерам...

Вот что значит настоящий аристократ! Как он говорит, какое красноречие! Исида слушал и испытывал чувство гордости и легкой зависти. Но на личного переводчика командующего базой затейливые периоды, избыточные непонятными ему словами и целыми фразами и оборотами из лексикона официальной переписки, произвели совсем другое впечатление. Едва барон замолк и снова отдал честь, Джерри, трясаясь от негодования, рявкнул:

— Говорите коротко, что вам здесь надо?

— Э-э... — затянул капитан третьего ранга Колдуэлл.

Барон презрительно сказал:

— Мог бы быть и повежливее, сопляк...

Это был высокопробный жаргон осакских притонов, и Джерри опять не понял. В толпе послышались смешки. Джерри побагровел.

— Говорите, пожалуйста, медленнее.

Хохот усилился. Толстяк позади Исиды трясся и кашлял от смеха.

— Мы прибыли сюда, — сказал Като, тщательно выговаривая каждый слог и невозмутимо глядя на Джерри, — чтобы помочь вам уладить это недоразумение.

— Да, да, пожалуйста, — обрадованно воскликнул капитан третьего ранга, — военная база... киноаппараты... нельзя. Пожалуйста.

Барон Като повернулся к толстяку, и тот сразу перестал смеяться.

— Вы руководитель съемочной группы?

— Да. Моя фамилия — Хотта. Дзюкити Хотта.

— У вас есть разрешение губернатора?

— Да. Вот, пожалуйста.

Барон взял бумагу, пробежал ее и вернул толстяку.

— Все в порядке. Можете снимать.

— Виноват...

— Можете снимать. Я разрешаю вам снимать, понятно?

— Иди и снимай, болван. Убирайся! — прошипел Исида.

Толстяк, кланяясь и пятась, ретировался к своим парням с футлярами, а Джерри шагнул вперед и схватил Като за плечо.

— Что вы сказали ему? — сердито спросил он.

Като осторожно освободился.

— Позволю себе заметить, что вы, господин лейтенант, обращаетесь к старшему по чину, и покорнейше прошу впредь не забываться.

— Что вы сказали ему? — повторил Джерри.

— Я разрешил ему начать съемки.

— Impossible! — ахнул капитан третьего ранга.

— Наоборот, весьма поссибуру, — ответил по-английски Като. — Позволю себе обратить ваше внимание, господа американские офицеры, на то, что Гонюдо находится за

пределами территории базы «Шарк» и в пределах Н-ского морского округа. Здесь распоряжаются их превосходительства господин командующий, представителями которого мы имеем честь в данном случае быть, и господин губернатор.

— Но... но... военная база... все видно... Impossible! Jerry, tell'm 'tis impossible!¹

Капитан третьего ранга Колдуэлл горячо заговорил по-английски. Джерри, красный, как вареный лангуст, кивнул и снова обратился к барону:

— Отсюда просматривается вся береговая линия и все пирсы нашей базы. Мы не можем позволить, чтобы это попало на пленку вашей проклятой компании!

Барон молча развел руками.

— Мы протестуем против ваших действий, — сказал Джерри.

Барон пожал плечами, как европеец.

— Мы вызовем военную полицию...

— Позволю себе заметить, господин лейтенант, что подобные угрозы не к лицу офицеру военно-морских сил союзной державы.

Между тем толпа поредела. Солнце припекало не на шутку. Курортники, справедливо полагая, что инцидент исчерпан, один за другим отходили и устремлялись к шезлонгам и цветастым зонтам, разбросанным по пляжу. Кинооператоры хлопотали у двух треног; вокруг них бегал, обливаясь потом, толстый Хотта. Полицейские сержанты с ненавистью поглядывали на них, но не трогались с места. Капитан Колдуэлл беспомощно переступал с ноги на ногу. Барон, косясь в сторону красивой полной южанки, раскинувшейся на песке неподалеку, сказал:

— В сущности, это только вопрос принципа, господин лейтенант. Отсюда до ваших пирсов не меньше двух миль. Что может попасть на пленку на таком расстоянии?

— Мы будем жаловаться вашему правительству, — мрачно заявил Джерри, — и добьемся изъятия этой пленки.

Исида зевнул. Он вспомнил, что еще не завтракал, и оглянулся, шаря глазами по вывескам на павильонах. И в этот момент со стороны моря донесся странный хриплый звук, похожий на вой сирены. В километре от берега, у самой линии отлива, блеснуло оранжевое пламя. Плотный рыжий столб мокрого песка и пара взлетел над водой, на секунду застыл неподвижно и стал медленно оседать. Громовой удар потряс воздух.

//

Туча песка и водяной пыли, поднятая неожиданным взрывом, рассеялась, и все взгляды обратились к небу. Небо было бездонно синим и совершенно пустым.

— What's that?² — осипшим голосом осведомился капитан третьего ранга.

Джерри потерял нижнюю губу.

— Dunno... Hope 'tis not a war!³

Он подозрительно посмотрел на Като и Исиду.

— И что, часто здесь, в Гонюдо, бывают такие фейерверки?

— Бывают... — неопределенно сказал Като. — Нам пора.

Он отошел к джипу и поставил ногу на подножку. Красивая южанка поднялась, торопливо натягивая шелковый халат.

— Это... опасно? — спросила она встревоженно.

— Нисколько, сестрица, — галантно ответил барон. — Просто нам пора. Исида!

Пляж пришел в движение. Курортники взволнованно переглядывались, размахивали руками и строили предположения.

— Какая-нибудь старая мина...

¹ Невозможно! Джерри, скажи им, что это невозможно! (англ.)

² Что это? (англ.)

³ Не знаю... Надеюсь — не война (англ.).

- При отливе? Хотя, может быть...
- Чепуха! Просто шальной снаряд с полигона.
- В этом районе нет полигонов.
- Нет есть!

— Кажется, в Японии уже не найти места, где бы не было полигонов.

Кто-то уверял, что за несколько секунд до взрыва видел высоко в небе движущийся предмет, весьма напоминающий «соратобу-сара» — «летающее блюдце».

- Вы думаете, это русские?
- Война!..

Исида сплюнул, презрительно скривив губы.

- До свидания, — сказал он американцам.
- До свидания, — скорбно откликнулся капитан третьего ранга.

Исида в последний раз полюбовался заплывшим глазом Джерри, отдал честь и направился к джипу.

- Это твоя работа? — спросил он, усаживаясь.
- Что? Ах, Джерри... Нет. По-моему, это Савада: у него железный кулак...

Барон ткнул шофера в спину согнутым пальцем и уже открыл было рот, чтобы что-то сказать, как вдруг раздался громкий пронзительный крик:

- Смотрите! Там человек!..
- Лысый Хотта, приплясывая от возбуждения, махал рукой в сторону моря.

— Там человек! Как раз там, где взорвалось!

Все, кто был на пляже, увидели за желтой полосой обнаженного дна, на фоне светло-синего мелководья, отчетливый силуэт, похожий на веселую игрушку «дарума» — японского ваньку-встаньку.

- Человек!
- Его оглушило, он не может подняться!..
- Бедняга!..

Красавица южанка сердито воскликнула:

— Мужчины, что же вы стоите?!

Кинооператоры, сбросив брюки и рубашки, решительно двинулись на помощь потерпевшему. За ними последовали несколько курортников. Барон Като, посвистывая сквозь зубы, взял бинокль.

— Вот оно что... — пробормотал он, вглядываясь. — Странно!..

Капитан Исида знал Като около пятнадцати лет, и ни разу за это время барон не подал повода заподозрить себя в гуманности и человеколюбии. Поэтому капитан удивился, когда Като, внимательно рассмотрев черный силуэт идиота, валявшегося в подводной воронке, внезапно отбросил бинокль и принялся расшнуровывать ботинки. Исида спросил:

- Туда?
- Раздевайся, — приказал барон вместо ответа.
- Какое нам дело? Я хочу есть...
- Скорее, Исида, иначе мы опоздаем!

Исида молча повиновался. Поддернув трусы, они соскочили с машины, пробежали мимо американцев, проводивших их насмешливыми замечаниями, и пустились вдогонку за кинооператорами. Песок был сырой и плотный, бежать было легко. Они обогнули две или три небольшие, неглубокие лужи, перепрыгнули через торчащие из воды камни и вскоре опередили одного из курортников. Исида рассмеялся: это был тот самый молодой человек в темных очках. Молодой человек слегка прихрамывал.

— Скорей, скорей! — торопил Като.

Исида бежал за ним, строго соблюдая интервал в два шага, как рекрут на занятиях по гимнастике. «Вассё, вассё!.. Раз-два, раз-два!.. Вассё, вассё!..» Перед его глазами равномерно, в такт прыжкам дергалась смуглая мускулистая спина барона. На левой

лопатке красовалась красно-синяя хоримоно — татуировка, изображающая хризантему. «Вассё, вассё!..» Под ногами заплескалась вода. Неожиданно Като остановился, и Исида чуть не налетел на него. Като торжественно сказал:

— Вы арестованы, потрудитесь встать!

С трудом переведя дух, Исида вышел из-за спины барона. Что-то холодное и скользкое коснулось его колен. Это был маленький осьминог, видимо выброшенный взрывом. Бурый бесформенный комок щупалец судорожно сокращался, покачиваясь на волне. Исида выругался сквозь зубы, отшвырнул его в сторону и поднял глаза. Шагах в двадцати над поверхностью воды возвышались блестящие черные плечи, грудь и голова Железного Человека.

Исида всегда был немного суеверен; и когда из кучки кинооператоров и курортников, топтавшихся рядом, донеслось слово «каппа»¹, он в испуге подался назад, оступился и чуть не упал. Впрочем, он сразу вспомнил, что каппа народных сказок обитают только в прудах и болотах. Кроме того, его успокоил вид армейского двенадцатизарядного кольца, неизвестно откуда появившегося в вытянутой руке барона.

Люди с опасливым удивлением смотрели на Железного Человека, а Железный Человек неподвижно глядел на них громадными выпуклыми глазами, торчащими по бокам головы. Искры солнечного света дрожали на его чешуйчатой коже цвета вороненой стали. Шеи у него не было, и теперь стало понятно, почему издали он показался похожим на «дарума».

— Вы арестованы, — повторил барон. — Вставайте и не пытайтесь сопротивляться, иначе я буду стрелять.

Исида облегченно рассмеялся. Разумеется, это всего-навсего шпион в водолазном костюме. Офицеры морской обороны барон Като и Исида схватили шпиона иностранной державы! Молодчина, Като!..

— Встать, мерзавец! — крикнул он.

Железный Человек не пошевелился. Исида щелкнул языком.

— Может быть, он без сознания... или сдох?

— Сейчас проверим.

Позади послышался плеск воды. Исида оглянулся. К ним подбежал молодой человек в темных очках.

— По... погодите... немного... — произнес молодой человек, задыхаясь. — Не... не стреляйте.

— Не лезьте не в свое дело, — любезно сказал Исида, — и не хватайте господина офицера за руку, а не то получите по морде.

— Он просто... не понимает... вас!

— ТА КХАЙ ГА ЦХУНГА, — сказал Железный Человек.

Все замерли. Барон переложил пистолет в левую руку.

— Заговорил!

Железный Человек безжизненным голосом выбрасывал глухие гортанные звуки. Он по-прежнему не шевелился, но глаза его медленно налились желтым светом, едва заметным на солнце, и вновь погасли. На лице молодого человека в темных очках изобразилось изумление.

— Послушайте, — прошептал он, — да ведь это...

Барон подозрительно уставился на него.

— В чем дело?

— Он говорит, что очень недоволен. — Молодой человек поднял палец. — Он говорит по-тангутски²!

¹ Японский водяной.

² Тангуты — кочевой народ, населяющий плоскогорья Тибета. Авторы никоим образом не рискнут поручиться за грамматическую и фонетическую правильность

— По... Как?

— По-тангутски! На тангутском языке! Необыкновенно!..

— Откуда вы знаете?

— Откуда я знаю! Я аспирант филологического отделения Киотского университета, и тангутский язык — моя специальность. Я — Эйкити Каваи!

Ни на кого из присутствующих это имя не произвело заметного впечатления, но барон Като попросил:

— Узнайте, пожалуйста, кто он такой.

— Сейчас, — с готовностью сказал Эйкити Каваи. Он подумал и отдельно произнес, вытянув шею к Железному Человеку: — Цха гхо та на!

— Кха го га тангна, — ответил Железный Человек.

Каваи снял очки, озадаченно поглядел на чешуйчатую тушу, затем перевел взгляд на барона.

— Он говорит, что прибыл от Нижнего Человечества. Боюсь ошибиться, но мне кажется, что он имеет в виду океанское дно.

— И мы не взяли с собой киноаппарат! — в отчаянии воскликнул один из операторов.

Другой изо всех сил кинулся обратно к пляжу. Никто не обратил на это внимания.

— Значит, прибыл с океанского дна, — сказал Като. — А он не врет?

— Откуда он знает по-тангутски? — несмело произнес низенький волосатый курортник.

— Погодите, может быть, я не совсем правильно его понял. Спросим еще раз.

Каваи обменялся с Железным Человеком несколькими фразами. Исида с интересом следил, как вспыхивают и гаснут желтые огоньки в выпуклых, как у рыб-телескопов, глазах чудовища.

— Ничего не скажешь, — проговорил наконец Каваи, разводя руками. В голосе у него было смущение, словно Железный Человек совершил бестактность, — с океанского дна, со дна Большого Восточного Моря... Так у тангутов называется Тихий океан. Никакой ошибки.

Барон сунул пистолет под мышку и кусал ноготь.

— Начинается прилив, — напомнил Исида.

— Да, да... Послушайте, Каваи-сан, попросите его подняться и следовать за нами. На берегу можно будет поговорить в более удобной обстановке.

— Он говорит, — перевел через минуту Каваи, — что ему трудно ходить. Здесь он весит много больше, чем у себя на Тангна... на родине.

— Мы ему поможем, — с легким сердцем пообещал барон, — за этим дело не станет.

Он повернулся к кинооператорам:

— Вы здоровые ребята, возьмитесь-ка за это дело.

Те поспешно, хотя и не очень охотно приблизились к Железному Человеку. Загорелый парень в черных фундоси¹ осторожно притронулся к его плечу.

— А-ац!

Исида даже подпрыгнул от неожиданности. Парень в черных фундоси взвыл, опрокинулся на спину и скрылся под водой, задрав ноги. Через мгновение он вынырнул, отплевываясь и ругаясь.

— Черт! Вот черт!.. Он бьет электричеством, как динамомашинка!

Кинооператоры немедленно отошли на исходные рубежи.

— Каков он на ощупь? — наивно осведомился низенький волосатый курортник.

приводимых здесь тангутских фраз. Предлагаемый рассказ пришел к ним (авторам) издалека и при передаче, надо думать, пострадал особенно сильно именно в этой части.

¹ Род набедренной повязки, предмет национальной японской одежды.

— Пощупайте сами, — посоветовал пострадавший, вытирая лицо дрожащей ладонью.

— Скажите ему, чтобы он выключил это свое электричество, — предложил Исида. Каваи махнул рукой.

— Я не знаю, как это сказать по-тангутски. Тангуты понятия не имеют о таких вещах.

— Но ведь надо же что-то делать!

Вода прибывала. Она доходила уже до пояса. Плечи Железного Человека скрылись под водой, и над поверхностью возвышалась только черная чешуйчатая голова, похожая на перевернутый котелок. Все посмотрели на барона. Барон Като думал.

— Может быть, сбежать за веревкой? — нетерпеливо сказал Исида.

Но Железный Человек обошелся без посторонней помощи. Когда его стеклянные глаза лизнула первая волна, он наклонился и начал подниматься. Видно было, что это стоит ему немалых усилий. Вот над водой вновь появились плечи, затем покатая, заостренная книзу грудь и, наконец, раздутый живот и тяжелые, как бревна, ноги. Железный Человек был гораздо выше нормального человеческого роста. Он постоял, слегка покачиваясь, сделал два неуверенных шага, качнулся сильнее, неуклюже замахал трехпальными руками, но удержался и не упал.

— Ну, вперед, вперед, — ласково сказал барон Като.

Каваи срывающимся фальцетом выкрикнул короткую фразу, и Железный Человек медленно двинулся к берегу мимо пораженных людей.

В эту минуту Исида впервые в жизни испытал странное чувство: ощущение реальности окружающего мира померкло, все стало зыбким, фантастическим, как во сне. Яркое голубое небо, теплое темно-синее море, бело-желтая полоса пляжа, вдали знакомые очертания Аодзи, затянутые белесой дымкой. А рядом громадная, нелепая фигура, грузно шагающая на прямых, негнущихся ногах, лязгающая металлом при каждом движении...

///

Гостя из океанских глубин встречало все население Гонюдо.

Сотни раздетых, полуодетых и почти одетых курортников и местных жителей толпились на берегу. Хотта и один из операторов целились объективами. Откуда-то появились полицейские в светлых мундирах. Они деловито покрикивали, осаживая и удерживая, награждая наиболее нетерпеливых толчками в область живота и груди, как это предписывает инструкция. Тощий курортник с серой кожей наркомана упал, на него сейчас же наступили, он громко запротестовал.

— Ти-ше! — заорал кто-то. — Железный Человек ступил на берег Японии!

Несколько минут длилось неловкое молчание, тускло освещенное робкими улыбками. Никто не представлял себе, что можно ожидать от такого гостя, как нужно отнестись к нему и как вообще следует поступать в подобных случаях. Поэтому люди просто глазели. Стрекотали киноаппараты. Парень в черных фундоси гордо объявил: «Он ударил меня током!» — и запрыгал на одной ноге, вытряхивая воду из уха. Барон Като исподлобья поглядывал на американцев, стоящих в первых рядах. Капитан третьего ранга стоял, отвесив нижнюю губу. Джерри курил сигарету, часто затягиваясь и сплевывая.

Наконец Каваи кашлянул и выступил вперед.

— Друзья мои! — сказал он. — Этот... кхе... господин прибыл, как вы уже, наверное, знаете... кхе... со дна океана. Вот. Я думаю... кхе, кхе... мы рады его приветствовать на земле. Да?

В толпе недружно крикнули «банзай!». Железный Человек молчал, уставившись перед собой стеклянными глазами, и тихонько покачивался.

— Это он взорвался? — спросил курортник-наркоман.

— По всей видимости, он, — тоном величайшего сожаления ответил Каваи.

— Так недолго и людей покалечить, — сердито пробормотал курортник-наркоман. Каваи сокрушенно вздохнул.

— Что это на нем надето? — не выдержал один из полицейских.

— Одну минуточку! — Через толпу проталкивался массивный человек средних лет, с жирным, обрюзгшим лицом. — Простите, пожалуйста, за бесцеремонность, — сказал он, — я корреспондент «Токио-симбун». Мне сказали, что это — господин из океана, что он говорит по-тангутски и что уже нашелся переводчик...

— Эйкити Каваи к вашим услугам.

— Так вот, я хотел бы задать господину несколько вопросов. Вы не возражаете?

Исида недоумевал, почему барон не пошлет всех к чертовой матери и не увезет Железного Человека к себе, чтобы там без лишних свидетелей выяснить, нельзя ли извлечь из этого забавного приключения какую-нибудь пользу. Но Като сказал:

— Нет, мы не возражаем.

— Благодарю, — корреспондент бросил изумленный взгляд на барона, стоявшего поодаль с пистолетом под мышкой, — благодарю вас. Господин Каваи, спросите господина из океана, какова цель его прибытия на сушу.

Каваи повернулся к Железному Человеку, но тот вдруг глухо пробормотал что-то.

— Он утомлен, — перевел Каваи, — и, если не ошибаюсь, ранен.

— Какая жалость! Но все-таки спросите его, умоляю вас!

Каваи обменялся с Железным Человеком несколькими фразами.

— Он прибыл сюда для торговли.

Толпа сдержанно загудела.

— Он говорит, что его раса... кхе... решила завязать сношения с Верхним Человечеством, то есть с нами. Он предлагает торговать. Да... кхунгу... кхе... да, торговать...

— Он будет торговать рыбой? — крикнули в толпе.

— Нижнее Человечество будет торговать алмазами!..

— Ого!

— ...и жемчугом!

Корреспондент быстро записывал. Курортники прорвали редкую цепочку полицейских и придвинулись к Железному Человеку вплотную. Хотта и его операторы неистовствовали.

— Откуда у них алмазы?

— Господин переводчик!

— Что они требуют взамен?..

— Господин переводчик!..

— Ой! Разорвете купальник! Да не вы, а вы...

— Господин переводчи-ик!..

Выяснилось, что Нижнему Человечеству необходимы... кхе... тяжелые металлы, тяжелее золота... Нет, свинец не нужен... Почему? Потому что это... кхе... да, он так и говорит, потому что это конечное вещество, а им нужны меняющиеся тяжелые металлы. Что он имеет в виду? Не знаю. Не знаю, господа. Возможно, радиоактивные... Кроме того, Нижнее Человечество готово поделиться с Верхним Человечеством своими техническими достижениями. Что касается алмазов и жемчуга — эти драгоценности... кхе... в изобилии водятся там, на дне... Да, им уже давно известна ценность алмазов и жемчуга.

— Друзья мои, будьте благоразумны! Не толкайтесь!

— Господин переводчик!.. О господи!..

Кто-то неосторожно уперся рукой в бедро Железного Человека, взвизгнул и бросился назад. Толпа отхлынула.

— Ну можно ли так! Господин Снизу... господин из океана смертельно устал и хочет отдохнуть. Ему плохо!..

— Еще один вопрос! — просительно возопил корреспондент «Токио-симбун».

Исида вопросительно посмотрел на Като. Тот едва заметно покачал головой.

— Слушайте, — сказал Исида, — вам лучше уйти.

— Да, да... — торопливо подхватил Каваи. — Вам лучше уйти, господин из океана устал и хочет отдохнуть.

— Но...

— Идите, идите, — сказал Исида, легонько подталкивая представителя шестой державы к толпе.

Корреспондент возмутился.

— Не трогайте меня! — крикнул он. — В конце концов, почему именно вы монополизируете право общения с гостем всей Японии?!

Тогда Железный Человек слегка нагнулся и протянул к самому лицу корреспондента чешуйчатые влажные ладони. Все замерли, полицейские смущенно переглянулись. Между ладонями с громким треском проскочила фиолетовая искра. Секунду корреспондент, страшно скосив глаза, смотрел на толстые трехпалые руки, затем отскочил в сторону и с оскорбленным видом удалился.

— Хора, слушайте! — крикнул Исида. — Прошу дать дорогу!

Полицейские расчистили в толпе узкий коридор, который, впрочем, значительно расширился, когда Железный Человек, звякая и гремя, двинулся вслед за бароном Като и Каваи. Капитан Исида замыкал шествие. Когда они подошли к джипу, барон Като приказал шоферу раздобыть несколько пар резиновых ласт. На пляже оказалось много аквалангистов, и ласты были получены через минуту. Напялив их на руки, Исида, шофер, Каваи и двое операторов осторожно посадили Железного Человека в джип. Като осуществлял общее руководство. Железный Человек с лязгом обрушился на сиденье и остался полулежать в крайне неудобной позе — с ногами, торчащими из машины на метр.

— Едем? — спросил Исида, отирая пот со лба.

Като кивнул.

— Только сначала приведем себя в порядок.

Они стыдливо зашли за радиатор и принялись одеваться. Шофер стоял рядом, почтительно держа на вытянутых руках ремни и мундиры.

— Одну минуту, — раздался рядом вкрадчивый голос.

Они обернулись. Это был Джерри; из-под его локтя выглядывал капитан третьего ранга.

— Да? — сказал барон Като.

— Скажите, это действительно человек с океанского дна?

— Полагаю, да. Во всяком случае, чертовски похож.

— Куда вы его везете?

— В Аодзи. Ко мне на квартиру.

— Гм... А почему он взорвался?

— У него что-то лопнуло в его корабле, — небрежно сказал барон, — мы там исцарапали ноги об обломки.

Исида быстро огляделся. Каваи и операторы, окруженные любопытными, стояли возле Железного Человека и о чем-то оживленно разговаривали.

— Зачем он вам нужен? — спросил Джерри.

— Странный вопрос...

— А все-таки?

Барон Като затянул ремень, взял у шофера кольт и сунул в кобуру.

— Вы же слышали, — процедил он сквозь зубы. — Нижние Люди готовы поделиться с нами своими техническими достижениями. Мне кажется, они должны понимать кое-что в подводных лодках...

— С кем это «с нами»?

— С нами, с японцами.

— Вы не имеете права, — неуверенно сказал Джерри.

— А вы?

Тут капитан третьего ранга разразился пространной речью по-английски и закончил ее японским «пожалуйста». Джерри хмуро глядел под ноги, разрывая песок носком ботинка.

— Может быть, договоримся? — произнес он невнятно.

— Хорошо, — сказал вдруг барон. — Исида, походи и отгони от машины этих дураков. И операторов тоже. Оставь только Каваи.

Исида нахлобучил фуражку и неуверенно посмотрел на Като.

— Иди, иди, — кивнул барон, — не беспокойся.

И Исида пошел.

Когда через четверть часа он вернулся, потный и воинственный после переговоров с толпой, Джерри, капитан третьего ранга и двое сержантов военной полиции выгружали Железного Человека из джипа. Каваи растерянно бегал вокруг них, сам Железный Человек слабо сопротивлялся и выкрикивал короткие гортанные слова. Работа спорилась.

— Куда это его? — удивленно спросил Исида.

— У нас нет места в машине. Пусть везут его на своем «додже» в управление базы. В конце концов, ведь мы союзники... — Барон Като мельком взглянул на какую-то сиреневую бумажку, которую держал в руке, сунул ее в карман и выплюнул окурочек сигареты.

— Поедем, — сказал он. — Хорошо бы успеть до обеденного перерыва.

IV

Около двух часов ночи с третьего на четвертое апреля адъютант и личный переводчик командующего базой «Шарк» сидел в своей комнате на Симбантё и сочинял отчет. Литературный труд не входил в число любимых занятий лейтенанта Смитсона. Он писал, перечеркивал, вполголоса ругался и то и дело вдохновлялся из плоской прямоугольной бутылки «Уайт Хорс». Он путался в бесконечных «который», «каковой», «последний», мусолил зажим «вечной ручки» и таращил глаза в черную ночь за окном, где над плоской крышей здания управления базы поднимался кровавый огрызок ущербной луны.

Лейтенант Смитсон, Джерри, парень из Алабамы, еще немного терпения, и ты станешь большим человеком! Самое главное — составить отчет таким образом, чтобы сразу было видно, чего ты стоишь! Чертовски трудная задача все-таки. Итак... «Благодаря решительности и находчивости в трудных условиях начавшегося прилива, при участии и посильной помощи оказавшихся на месте происшествия двух чинов японских сил морской обороны...» Про Колдуэлла упоминать не стоит — этот мямля ничем не помог. Вот без японских чинов не обойдешься: их расписка на пять тысяч долларов подшита к делу. Джерри хихикнул. Он выдал этим господам чек на пять тысяч, а на его банковском счету было всего две. Командующий базой в тот же день возместил Джерри целиком все пять тысяч. Джапам придется помалкивать — дело, хе-хе, деликатное... Так. «Общение с Железным Человеком облегчалось тем, что последний говорит по-тангутски». Жаль, что не по-японски. Было бы проще... Кто эти тангуты? Какие-нибудь допотопные джапы, должно быть. «Переводчиком служил аспирант филологического факультета Киотоского университета Эйкити Каваи, специалист по тангутскому языку...» Это пришлось проверить. Каваи действительно оказался аспирантом и т. д., уволенным, правда, в прошлом году по не зависящим от него обстоятельствам (в последнее время перебивался репетиторством в богатых семьях). «Железный Человек был доставлен в распоряжение базы «Шарк» и помещен в здании управления базы, где с ним регулярно проводятся беседы, имеющие целью выяснить, в какой мере общение и связь с подводным миром могут оказаться полезными для ВМС США».

Джерри сам вел эти беседы. Откровенно говоря, толку от них было прискорбно мало. Железный Человек оказался существом чертовски необщительным и тяжелым на подъем. Он вонял и непрерывно ныл, что ему плохо, и что у него что-то не в порядке с аппаратурой, и что он торчит здесь, на Верхней Земле, уже бог знает сколько, а основные вопросы еще не решены, и что его ждут, и что вообще все они, Верхние Люди, порядочная сволочь. Он наотрез отказался беседовать с профессорами Окубо и Яманиси, знавшими тангутский язык и специально приехавшими из Токио. Он сказал им, что они «кха-кханги», после чего те зарделись и с бешеной вежливостью попросили разрешения покинуть базу. Каваи казался после этого очень довольным: парень здорово боялся конкуренции и из кожи вон лез, чтобы всем угодить — и Железному Человеку, и Джерри, и сержанту охраны. Железный Человек относился к нему тоже неплохо и однажды даже отключил ток и позволил к себе прикоснуться. Каваи сделал это с интересом, а Джерри — по долгу службы. Железный Человек оказался на ощупь именно тем, чем казался на вид, — Железным Человеком. Джерри потом долго мыл руки и ругался. Это был единственный случай, когда Железный Человек позволил к себе прикоснуться. В дальнейшем он бил любого и всякого током, а одного хитроумного лейтенанта-техника, облекшегося в резиновые рукавицы, он так схватил за бока, что хитроумный лейтенант отлеживался целый час.

Джерри прекрасно понимал, что как переводчик Каваи несколько не хуже других, но как, черт побери, выяснить у этой железной скотины устройство подводных кораблей, позволяющих перемещаться на глубине пяти-семи километров? Как будет по-тангутски «торпеда»? Или «экипаж»? Или «давление на квадратный дюйм»? Позавчера железная обезьяна разразилась пространной речью, так что Каваи едва успевал переводить, а Джерри — записывать. Как казалось сначала, речь шла о грозном оружии подводного нападения и о методах, которыми пользовались Нижние Люди для уничтожения или ограбления кораблей Верхних Людей. Но в середине беседы вдруг выяснилось, что Железный Человек попросту излагает историю «Марии Целесты», захваченной, оказывается, одной из научных экспедиций обитателей океанского дна. Джерри, которому было в высшей степени наплевать на «Марию Целесту», на которого нажимал командующий базой, ожидающий со дня на день прибытия комиссии из штаба ВМС, только вздохнул и слабым голосом попросил Каваи перевести разговор на другую тему.

Короче говоря, Джерри практически ничего не добился. Это будет самое слабое место в отчете. Удалось выяснить только, что где-то в Тихом океане на большой глубине находится громадный подводный город (по аналогии с Атлантидой в газетах его с легкой руки какого-то журналиста назвали Пасифидой¹; Железный Человек же называл этот город «Длинной Дырой»). Где именно находится Пасифида, осталось совершенно неясным, потому что Джерри отчаялся объяснить аспиранту-филологу, что такое «координаты», и вообще у Нижних Людей была своя, совершенно невразумительная система счета. Жители подводного города достигли высокой ступени цивилизации, далеко не в первый раз посещают сушу, но только сейчас находят возможным начать постоянные сношения с людьми. Сам Железный Человек — первый посланец подводного мира. Он готов организовать Общество содружества, основой которого послужат торговые связи. Разве Верхнее Человечество не нуждается в алмазах и жемчуге? О технических же достижениях Нижних Людей он распространяться не может за неимением полномочий.

Все это было достаточно прискорбно само по себе. Но вдобавок командующий базой изнемог под давлением общественного мнения и разрешил вчера вечером устроить пресс-конференцию. В присутствии тринадцати корреспондентов от восьми газет Человек из Пасифиды прямо заявил, что оставаться здесь далее не намерен: к нему, видите ли, плохо относятся, мучают пустой болтовней и не дают возможности заняться делом, ради

¹ От Pacific — Тихий океан.

которого он, собственно, прибыл. Он вернется в океан и найдет другой берег, где предложения Нижнего Человечества будут оценены по достоинству.

Пресса взвыла. Сегодняшние утренние газеты разразились неистовой руганью. «Майнити-симбун» обратилась к министру внутренних дел с вопросом, известно ли министру, что Человек из Пасифиды, почетный гость Японии, содержится под замком на американской военной базе. «Асахи» предлагала принять немедленные меры. «Японии нужны алмазы!», «Пасифида — город алмазов», «Алмазы или подводные лодки?», «Не позволим американцам дискредитировать Японию в глазах Алмазного Народа!», «Протест Общества покровительства животным»...

«Кэйдзай-симбун» опубликовала интервью своего корреспондента с Человеком из Пасифиды под жирной шапкой: «“Есть ли у вас образцы алмазов?” — “Хагуфу! (Вот!)” — отвечает Железный Человек». Фотография изображала подводного гостя, указывающего трехпалой рукой на свой громадный выпуклый глаз. Под фотографией сообщалось об учреждении анонимного акционерного общества «Алмазная Пасифида», подготавливающего выпуск акций на пять миллиардов иен.

Действительно, после обеда Эйкити Каваи получил телеграмму с предложением принять должность одного из директоров компании и главного консультанта с окладом в сто пятьдесят тысяч иен. Вместе с телеграммой Каваи были вручены пятьдесят тысяч иен представительских. Джерри только облизнулся, узнав об этом. Впрочем, он утешился, попросив Каваи оставить для него акций на восемь тысяч долларов. Это верное дело. Кажется, командующий тоже имел с Каваи приватную беседу на ту же тему. Да что командующий — алмазный ажиотаж охватил всю базу. Несколько часов назад два идиота из охраны — капрал Корн и рядовой Харрис — попытались вывинтить у Железного Парня алмазные глаза. Капрал парализован, рядовой прибежал к Джерри и, трясаясь, как студень, признался во всем. Оба будут отданы под суд.

Джерри потер руки и придвинул к себе вечерние газеты. «Новая авантюра; значит, марсианские земельные участки — только цветочки?» Радикалы вонючие!.. «Акции алмазных копей стран свободного мира упали на два и три четверти пункта, положение продолжает оставаться неустойчивым». То-то и оно! «Алмазы Якутии или алмазы Пасифиды?» Фотографии: Человек из Пасифиды сидит в кресле; Человек из Пасифиды и доктор Эйкити Каваи; Человек из Пасифиды и Мисс Япония; Человек из Пасифиды читает «Асахи-симбун»... Кретины, господи боже мой!..

Джерри зевнул и взъерошил волосы. Ладно, отчет надо все-таки кончать. Завтра наконец прибывает комиссия. Железному Мальчику не долго остается прохладиться под его — Джерри — крылышком. Погрузят в самолет — и тю-тю!.. Там он выложит все о подводных лодках, уполномочен он или нет. Джерри снова прищурился на луну и закусил конец перламутровой ручки.

Крыша здания управления вдруг подпрыгнула. Белая вспышка озарила окна верхнего этажа. Качнулись стены, со звоном посыпались стекла. Стол скрипнул и покосился, грохнулась на пол бутылка с виски. Громовой раскат ударил в уши. Оглушенный и обалдевший от неожиданности, Джерри соскользнул со стула и юркнул под подоконник.

Взрывов больше не было. Снаружи взвыли сирены, потянуло горелым. Несколько пар солдатских ботинок торопливо прогрохотали по асфальту. Откуда-то донеслись встревоженные крики и гудки автомобилей. Джерри подождал еще немного, встал, трясущимися руками надел пилотку и выбежал на улицу. У подъезда управления он столкнулся с сержантом охраны. Лицо сержанта было потно и вымазано в саже, мундир разорван.

— Я хотел бежать за вами, — задыхаясь, проговорил сержант, — взрыв в комнате восемьдесят восемь, сэр. И пожар. Железный Человек исчез, сэр. Словно и не было. Но пожар потушен, сэр.

Джерри стремительно шел, почти бежал по коридору. Под каблуками омерзительно скрипело битое стекло.

— Часовой, сэр, — сержант едва поспевал за ним, — часовой оглушен, сэр... Кирпич упал прямо на макушку. Как нарочно, сэр...

— «Как нарочно», — машинально повторил Джерри, останавливаясь перед комнатой № 88, в которой содержался Железный Парень.

Она была неузнаваема. Сорванная дверь едва держалась на одной петле. В беспорядочно прыгающих лучах фонариков мелькали груды почерневшей штукатурки, куски кирпича, обвалившиеся перекрытия, дыбом торчали взломанные доски пола. В углу — раздробленные в щепу остатки мебели. Остро воняло гарью и кислотой. Среди этого разрушения, подсвечивая себе фонариками, ползали грязные мокрые солдаты охраны. Джерри споткнулся о пустой огнетушитель, с проклятием отшвырнул его и заорал:

— Что вы здесь делаете, черт вас поберет?

Солдат, тщательно перебиравший горсть алебастровой трухи у себя на ладони, испуганно вытянулся.

— Ищем... Ищем Железного Человека, сэр... — заикаясь, проговорил он.

— Вон, вон отсюда! Сержант! Отведите это стадо вниз и оцепите здание! Оставьте мне ваш фонарик, сержант...

Солдаты, толкаясь и сопя, выбрались из комнаты. Оставшись один, Джерри присел на корточки и внимательно огляделся. Никаких следов Железного Парня. Человек из Пасифиды исчез, словно лопнувший мыльный пузырь... Впрочем... Джерри протянул руку и взял тяжелый лоскут металлической ткани, похожий на обрывок средневековой кольчуги. Еще несколько таких клочков, припудренных штукатуркой, виднелись под обломками. Но это было все. Ни крови, ни растерзанных внутренностей, ни раздробленных костей. Вероятно, Человек из Пасифиды был чем-то вроде медузы.

Рассвет застал Джерри перепачканным, утомленным и растерянным. Алмазных очков он так и не нашел. За проломами выбитых окон волновалась толпа, слышались выкрики солдат и полицейских: «Стэнд бэк! Каэрэ! Осади назад!» Джерри понуро пошел к выходу. У порога он наступил на небольшой ящик, исковерканный, как и все в комнате. Джерри уже видел несколько таких ящиков, когда рылся в обломках, но не обратил на них внимания. Сейчас он рассеянно перевернул его носком ботинка. К ящику прилип вдавленный в него взрывом обрывок металлической одежды Человека из Пасифиды. Из-под сетки виднелся край красно-белой наклейки. Заинтересованный лейтенант Смитсон нагнулся, отодрал чешуйчатую сетку и... Он не поверил своим глазам. На наклейке рядом с большими черными иероглифами красовалась четкая надпись по-английски: «Сухая анодная батарея. 80 вольт. Сделано в Японии. Компания “Токио-Дэнки”».

Не менее пяти минут лейтенант разглядывал надпись и ощупывал ящик. Затем воровато огляделся, отодрал наклейку и сунул ее в карман.

V

— «Человек из Пасифиды приходит и уходит», «Человек из Пасифиды — жертва несчастного случая», «Несчастный случай или злой умысел?», «Главный консультант и один из директоров компании «Алмазная Пасифида» Эйкити Каваи сообщает, что незадолго до своей трагической гибели Железному Человеку удалось связаться со своими соотечественниками. Недалек тот день, когда подводные корабли Нижнего Человечества с грузом драгоценных камней войдут в порты нашей страны», «Учредители компании «Алмазная Пасифида» собираются обратиться в международный суд с жалобой на действия командующего базой ВМС США “Шарк”».

Барон Като отложил газету.

— Как тебе это нравится?

Капитан Исида аккуратно подцепил палочками и отправил в рот ломтик соленой рыбы.

— Прекрасная дикция. Ты мог бы выступать по радио. Хочешь пива?

Барон покачал головой.

— Я думаю, чего только нельзя натворить в наше время, имея на плечах голову! Кстати, тебя интересуют деньги?

Капитан Исида знал барона пятнадцать лет. Поэтому он не торопясь допил пиво и спокойно спросил:

— Сколько?

Като вытащил пачку банкнотов.

— Пока на твою долю приходится тысяча.

— Иен?

— Что ты! Конечно, долларов. Джерри оказался прохвостом, и я получил всего две тысячи.

— Вот как? — сказал Исида и потянул к себе черно-зеленые бумажки.

— Пересчитай. Это еще не все. Остается господин главный консультант и один из директоров компании «Алмазная Пасифида». Пока он еще ничего не дал. Но он обязательно даст. Он уже обещал. — Барон закурил сигарету и продолжал: — Я сразу понял, что это жулики. Потом я узнал и господина Каваи. Я узнал его, как только он снял свои темные очки. Мы уже веселились однажды на его деньги — в конце марта я продал ему двадцать килограммов динамита и выбракованный экспериментальный костюм для работ с токами высокой частоты. Этот костюм валялся на складе арсенала с сорок четвертого года.

— Вот как? — повторил Исида. Он тщательно пересчитал деньги и сунул их во внутренний карман кителя.

Като вздохнул.

— Да, чего только не сделаешь в наше время, имея хорошую голову и кучу железного тряпья... Между прочим, Каваи обзавелся секретарем. Плечистый парень, похожий на боксера. Кажется, очень сильный...

— Он и должен быть сильным, — кивнул Исида убежденно, — треснуть часового по макушке так, чтобы потом думали, что это кирпичом, может только очень сильный человек.

— Я думаю, без кирпича не обошлось, — возразил барон Като. — Попробуй-ка просиди трое суток в упаковке из резины и железа!

Капитан Исида приятно осклабился и потянулся за бутылкой.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Спонтанный рефлекс

Урму стало скучно.

Собственно, скука как реакция на однообразие и монотонность обстановки или внутренняя неудовлетворенность самим собой, потеря интереса к жизни, свойственна только человеку и некоторым животным. Для того чтобы скучать, нужно, так сказать, иметь, чем скучать, — тонко и совершенно организованную нервную систему. Нужно уметь мыслить или, по крайней мере, страдать. У Урмы не было нервной системы в обычном смысле слова, и он не умел мыслить. Тем более он не умел страдать. Он только воспринимал, запоминал и действовал. И тем не менее ему стало скучно.

Все дело было в том, что вокруг него, после ухода Хозяина, не осталось ничего нового, что можно было бы запомнить. Между тем накопление новых впечатлений было

основным стимулом, направляющим деятельность Урма и побуждающим его к деятельности. Его обуревало ненасытное любопытство, ненасытная жажда воспринять и запомнить как можно больше. Если неизвестных фактов и явлений не было, их следовало найти.

Но обстановка вокруг Урма была знакома ему до последней черточки, до последнего оттенка. Это обширное квадратное помещение с серыми шероховатыми стенами, низким потолком и железной дверью он помнил с первого момента своего существования. Здесь всегда пахло нагретым металлом и изоляционным маслом. Откуда-то сверху доносился невнятный низкий гул — люди не могли слышать его без специальных приборов, но Урм слышал отлично. Лампы дневного света под потолком были погашены, и тем не менее Урм отлично видел комнату в инфрасвете и в импульсах локаторов.

Итак, Урму стало скучно, и он решил отправиться на поиски новых впечатлений. После ухода Хозяина прошло полчаса. Опыт подсказывал Урму, что теперь Хозяин вернется нескоро. Это было очень важно, потому что однажды Урм предпринял небольшую прогулку по комнате без приказа, и Хозяин, заставший его за этим занятием, сделал так, что Урм не в состоянии был пошевелить даже рогом локатора. Теперь, по-видимому, этого можно было не опасаться.

Урм качнулся и тяжело шагнул вперед. Цементный пол загудел под его толстыми каучуковыми подошвами, и Урм на мгновение остановился, чтобы послушать, и даже нагнулся. Но в гамме звуков, излучаемых вибрирующим цементом, не было ни одного незнакомого, и Урм снова устремился к противоположной стене. Он подошел к ней вплотную и понюхал. Стена пахла мокрым бетоном и ржавым железом. Ничего нового. Тогда Урм повернулся, царапнув стену острым стальным локтем, пересек комнату по диагонали и остановился перед дверью. Открыть дверь было не так просто, и Урм не сразу сообразил, как это сделать. Потом, вытянув зубчатую клешню левой руки, ловко ухватился за рычажок замка и повернул его. Дверь отворилась со слабым протяжным скрипом. Это было занятно, и Урм провел несколько минут, открывая и закрывая дверь, то быстро, то медленно, прислушиваясь и запоминая. Затем он переступил через высокий порог и оказался перед лестницей. Лестница была узкая, с каменными ступеньками и довольно длинная. Урм мгновенно насчитал восемнадцать ступенек до первой площадки, где горел свет. Затем он неторопливо двинулся наверх. От площадки вела еще одна лестница, деревянная, с десятью ступеньками, справа открывался широкий коридор. Поколебавшись, Урм свернул направо. Он не знал почему. Коридор был не более интересен, чем лестница. Но возможно, Урму не очень понравились деревянные ступени.

Из коридора тянуло теплом, он был ярко освещен инфрасветом. Инфрасвет излучался рубчатыми цилиндрами, подвешенными невысоко над полом. Урм никогда прежде не видел батарей парового отопления, и рубчатые цилиндры заинтересовали его. Он нагнулся и подцепил один из них обеими клешнями. Раздался короткий треск и скрежет металла, густое облако горячего пара поднялось к потолку. Под ноги Урма хлынула струя кипящей воды. Урм поднял цилиндр к голове, внимательно осмотрел его, обследовал рваные края трубки. Затем цилиндр был отброшен в сторону, и подошвы Урма захлопали по лужам. Урм дошел до конца коридора. Там над низкой дверью вспыхнула красная надпись. «Осторожно! Без спецкостюма не входить!» — прочел Урм. Он знал слово «осторожно», но знал также и то, что слово это всегда относится к людям. К нему, Урму, это слово относиться не могло. Он вытянул руку и толкнул дверь.

Да, здесь было много интересного и нового. Он стоял у входа в обширный зал, заполненный металлическими, каменными и пластмассовыми предметами. Посредине зала возвышалось на метр круглое бетонное сооружение, похожее на плоскую тумбу, накрытое железным или свинцовым щитом. Многочисленные кабели разбегались от него к стенам, вдоль которых тянулись мраморные щиты с блестящими приборами и рукоятками рубильников. Вокруг бетонной тумбы была изгородь из медной проволоки, с

потолка свисали коленчатые блестящие палки. Палки оканчивались щипцами и клешнями, такими же как на руках у Урма.

Урм, неслышно ступая по кафельному полу, приблизился к медной сетке и обошел ее вокруг. Затем постоял и обошел еще раз. Прохода в сетке не оказалось. Тогда Урм поднял ногу и без усилия прошел сквозь сетку. Рваные клочья медной паутины повисли у него на плечах. Но, не доходя двух шагов до бетонной тумбы, он остановился как вкопанный. Его круглая, как школьный глобус, голова настороженно поворачивалась вправо и влево, оттопырились и шевелились эбонитовые раковины акустических рецепторов, вздрагивали рога локаторов. Свинцовая крышка на тумбе излучала инфрасвет, заметный даже в этом нагретом помещении. Но кроме того, от нее исходило какое-то ультраизлучение. Урм хорошо видел в рентгеновских и гамма-лучах, и ему показалось, что крышка прозрачна и под ней открывается узкий бездонный колодец, наполненный светящейся пылью. В недрах памяти Урма всплыл приказ: немедленно уходить отсюда. Урм не знал, когда и кем был отдан этот приказ. Вероятно, Урм так и появился на свет, уже зная его, как он знал многое другое. Но Урм не подчинился приказу. Любопытство оказалось сильнее. Он нагнулся над тумбой, протянул клешни и с некоторым усилием поднял крышку.

Поток гамма-света ослепил его. На мраморных щитах тревожно замигали красные огоньки, завывла сирена. На мгновение сквозь прозрачные силуэты своих рук он увидел внутренность бетонной ямы, затем бросил крышку, провозгласив низким хриплым голосом:

— Опасность! Гефар! Дэйджэр! Вэйсянь! Абунай!

По залу прокатилось и замерло гулкое эхо. Урм повернул верхнюю часть тела на сто восемьдесят градусов и поспешно направился к выходу. Шок, вызванный потоком радиоактивных частиц в контрольных счетчиках, гнал его прочь от бетонной тумбы. Разумеется, ни самое жесткое излучение, ни мощные потоки частиц не могли бы причинить Урму ни малейшего вреда; даже пребывание в активной зоне реактора не грозило бы ему тяжелыми последствиями. Но, создавая Урма, хозяева вложили в него стремление держаться как можно дальше от источников излучений большой интенсивности. Урм вышел в коридор, тщательно прикрыл за собой дверь и, перешагнув через ребристый цилиндр парового отопления, снова оказался на лестничной площадке. Там он сразу увидел Человека, торопливо спускавшегося по деревянной лестнице.

Человек этот был гораздо меньше ростом, чем Хозяин. На нем была просторная светлая одежда, волосы его были непривычно длинными, золотистого цвета. Таких людей Урм еще никогда не видел. Он потянул в себя воздух и ощутил знакомый запах белой сирени. Иногда точно так же, но гораздо слабее пахло от Хозяина.

На площадке царил полумрак, лестница позади девушки была ярко освещена, и девушка не сразу разглядела громоздкие очертания огромной фигуры Урма. Впрочем, услышав его шаги, она остановилась и сердито окликнула:

— Кто там? Это ты, Ивашев?

— Здравствуйте, как поживаете? — сипло сказал Урм.

Девушка взвизгнула. Из полутьмы на нее надвигалась блестящая голова с выпуклыми стеклянными глазами, непомерно широкие бронированные плечи, толстые коленчатые руки. Урм ступил на нижнюю ступеньку деревянной лестницы, и девушка завизжала снова.

Еще ни разу не случалось, чтобы Человек не откликнулся на его приветствие. Но этот странный высокий звук, резкий, пронзительный и несомненно нечленораздельный, не подходил под стандарты ответов, известных Урму. Заинтересованный Урм решительно двинулся вслед за пятившейся девушкой. Деревянные ступеньки ныли и трещали под его ногами.

— Назад! — крикнула девушка.

Урм остановился и наклонил голову, прислушиваясь.

— Назад, ты, урод!

Команда «назад» была известна Урму. По этой команде надо было повернуть верхнюю часть тела кругом и сделать несколько шагов в обратном направлении до команды «стоп». Но обычно приказы исходили от Хозяина, и кроме того, Урму хотелось исследовать. Он снова стал подниматься, пока не очутился перед входом в небольшую светлую комнату.

— Назад! Назад! Назад! — кричала девушка.

Урм больше не останавливался, хотя шел медленнее, чем мог бы. Его заинтересовала комната — два письменных стола, стулья, чертежная доска, шкаф с книгами и толстыми папками. И пока он выдвигал ящики, распуская завязки на папках и читал вслух надписи, четко выведенные черной тушью на краях чертежа, девушка выскользнула в соседнее помещение, укрылась за диваном и схватила телефонную трубку. Урм видел это, так как он имел оптический рецептор на затылке, но маленький длинноволосый человек больше не интересовал его. Ступая по разбросанным по полу бумагам, он направился дальше. За его спиной девушка кричала в телефон:

— Николай Петрович? Николай Петрович, это я — Галя! Николай Петрович, к нам ворвался Урм. Ваш Урм! Урм! Ульяна — Роберт — Мама... Вы слышали сирену? Да! Не знаю... Я встретила его, когда он выходил из зала большого реактора... Да, да, он был в реакторной... Что? По-видимому, нет. На центральном пункте уже знают...

Урм не стал слушать. Он вышел в фойе и там остановился как вкопанный, усиленно двигая черными рогами локаторов. На противоположной стене висело что-то большое, блестящее и холодное. Оно казалось серым непроницаемым квадратом в инфрасвете и сверкало и серебрилось в обыкновенных лучах, но не это смутило Урма. В странном квадрате стояло черное чудовище с шевелящимися рогами на голове, круглой, как школьный глобус, и Урм не мог понять, где оно. Визуальный дальномер мгновенно сообщил ему, что до незнакомого предмета двенадцать метров восемь сантиметров, но локатор опроверг это сообщение. «Никакого предмета нет. Есть гладкая, почти вертикальная поверхность на расстоянии... шесть метров четыре сантиметра». Урму до сих пор никогда не приходилось видеть ничего подобного, и никогда еще локатор и зрительные рецепторы не давали ему столь противоречивых показаний. В его организме с самого начала была заложена потребность делать ясным и понятным все, с чем приходится соприкасаться, и он решительно пошел вперед, мимоходом отмечая и запоминая выяснившуюся закономерность: «Расстояние по зрительному дальномеру равно расстоянию по локатору, умноженному на два»... Он вошел в зеркало. Стекло разлетелось звенящим дождем осколков, и Урм, упершись в стену, остановился. Очевидно, делать здесь было больше нечего. Урм поцарапал штукатурку, понюхал, повернулся и, не обращая внимания на белого, как бумага, дежурного милиционера, повисшего на сигнале тревоги, хрустя по битому стеклу, шагнул к выходной двери. Снег и метель обступили его.

Когда Николай Петрович бросил трубку, Пискунов уже был в передней и торопливо натягивал шубу.

— Ты куда?

— Туда, разумеется...

— Погоди, надо решить, что делать. Если эта махина начнет резвиться по всей электростанции...

— Хорошо, если только по электростанции, — прервал его Рябкин. — А лаборатории? А склады? А если он заглянет сюда, в городок?

Николай Петрович напряженно думал. Пискунов нетерпеливо переминался с ноги на ногу, держась за ручку двери.

— Надо бежать туда всем вместе, — робко предложил Костенко. — Найти его и... ну, и схватить!

Пискунов только поморщился, а Рябкин, рывшийся на вешалке в поисках своей дохи, сердито крикнул:

— Хорошенькое дело — схватить! За что прикажете? За штаны? Полтонны весу, живая сила удара кулака — три тысячи кило. Чушь какая! Ты, Костенко, человек новый у нас, так уж помалкивай...

— Вот что, — сказал Королев. — Сделаем так. Я сейчас позвоню в общежитие, подниму практикантов. Ты, Рябкин, беги в автопарк... Ах, черт, ведь все, наверное, в клубе... Все равно беги, найди хотя бы трех шоферов. Нужно вывести тракторы-бульдозеры... Так, Пискунов?

— Да, да, и поскорее. Только...

— Ты, Пискунов, ступай к институту. Разведай, где Урм, и немедленно звони в автопарк. Костенко, отправляйся с ним. Ясно? Дьявол, только бы он не выбрался за ворота!

Толкаясь и наступая друг другу на ноги, они выскочили на крыльцо. Рябкин, поскользнувшись, боднул головой в спину Костенко, и тот с размаху упал на четвереньки.

— Черт! Вот черт!

— Что, очки?

— Нет, все в порядке...

Свирепый ветер гнал тучи сухого снега над землей, жалобно выл в проводах, густо гудел в железном кружеве высоковольтных столбов. Из окон коттеджа на сугробы падали мутные желтые прямоугольники света, все остальное было погружено в непроглядную тьму.

— Ну, я пошел, — сказал Рябкин. — Осторожнее там, друзья, не подставляйте зря головы.

Он снова споткнулся и с минуту барахтался в сугробе, ругательски ругая проклятую пургу, свинячьего Урма и вообще всех, причастных к происшествию. Затем его светлая доха мелькнула у калитки и скрылась в вихрях крутящегося снега.

Пискунов и Костенко остались одни.

Костенко зябко поежился.

— Не понимаю, — проговорил он. — При чем здесь тракторы?

— А что бы вы предложили? — осведомился Пискунов.

— Нет, я просто не понимаю... Вы хотите разрушить Урма?

Пискунов коротко вздохнул.

— Урм — это уникальная машина, творческий отчет Института экспериментальной кибернетики за последние несколько лет работы. Понимаете? Как же я могу желать его гибели?

Он подобрал полы дохи и полез через сугроб. Смущенный и оробевший Костенко последовал за ним. Впереди лежало заснеженное поле, за ним — шоссе. По ту сторону шоссе была электростанция.

Чтобы сократить путь, Пискунов свернул с шоссе и двинулся по пустырю, на котором еще с осени был заложен котлован для нового здания. Костенко слышал, как Пискунов бормочет что-то, спотыкаясь о кучи обледенелого кирпича и прутья арматуры. Идти было трудно. За пеленой пурги еле видна была редкая цепочка огоньков института.

— Погодите... — проговорил наконец Костенко. — Ей-богу... Тяжело очень. Отдохнем немного.

Пискунов присел рядом с ним на корточки. Что же все-таки произошло? Он знал Урма, как никто в институте. Через его руки прошел каждый винтик, каждый электрод, каждая линза этого великолепного механизма. Он полагал, что может рассчитать и предсказать каждое его движение в любых обстоятельствах. И вот пожалуйста. Урм «самовольно» вышел из своего подвала и гуляет по электростанции. Почему?

Поведение Урма определяется его «мозгом», необычайно сложным и тонким аппаратом из германиево-платиновой пены и феррита. Если у обычной цифровой машины

десятки тысяч триггеров — элементарных органов, получающих, хранящих и отдающих сигналы, то в «мозгу» Урма задействовано уже около восемнадцати миллионов логических ячеек. На них запрограммированы реакции на множество положений, на различные варианты изменения обстоятельств, предусмотрено выполнение огромного числа разнообразных операций. Что могло повлиять на «мозг», на программу? Излучение атомного двигателя? Нет, двигатель окружен мощной защитой из циркония, гадолиния и бористой стали. Практически через эту защиту не может прорваться ни один нейтрон, ни один гамма-квант. Тогда рецепторы? Нет, рецепторы еще сегодня вечером были в идеальном порядке. Значит, все дело в самом «мозге». Программа. Сложная новая программа. Пискунов сам руководил программированием и... Программирование... Так вот в чем дело!

Пискунов медленно поднялся.

— Спонтанный рефлекс! — сказал он. — Ну, конечно, это спонтанный рефлекс! Идиот!

Костенко испуганно взглянул на него.

— Не понял...

— А я понял. Разумеется... Но кто бы мог подумать? Все шло так хорошо.

— Глядите! — крикнул вдруг Костенко.

Он ахнул и вскочил на ноги. Серо-черное небо над институтом озарилось дрожащей голубой вспышкой, и на фоне этого зарева, удивительно четкие и в то же время какие-то нереальные, возникли из вихря пурги силуэты черных зданий. Редкая цепочка огней, отмечавшая ограду института, мигнула и погасла.

— Это трансформатор! — хрипло сказал Пискунов. — Подстанция как раз напротив реакторной башни! Там Урм... И охрана...

— Бежим! — предложил Костенко.

Они побежали. Это было не так просто. Встречный ветер валил с ног, они проваливались в рытвины, занесенные сухим снегом, падали, поднимались и падали снова.

— Скорей, скорей! — торопил Пискунов.

Слезы — от ветра и от волнения — заливали его лицо, стыли на ресницах мутными льдинками, мешали смотреть. Он схватил Костенко за руку и тащил за собой, продолжая хрипло бормотать:

— Скорей! Скорей!

По-видимому, вспышку над институтом заметили в городке. На окраине тревожно завывала сирена, осветились окна коттеджей, в которых располагалась охрана, по полю пробежал слепящий луч прожектора. Он выхватывал из мглы снежные барханы, решетчатые стойки столбов высокого напряжения, скользнул по каменной стене, окружавшей институт, и наконец уперся в ворота. У ворот торопливо двигались маленькие черные фигурки.

— Кто это... там? — задыхаясь, спросил Костенко.

— Охрана. Милиция, наверное... — Пискунов остановился, протер глаза, голос его прерывался. — Ворота... заперли. Молодцы! Значит... Урм еще там.

По-видимому, тревога началась. Теперь уже не один, а три прожекторных луча шарили вдоль стены института. Было видно, как снежные смерчи танцуют в голубом свете. Сквозь шум и вой ветра доносились крики, кто-то сердито ругался. Наконец взревели моторы, послышался лязг гусениц. Гигантские тракторы-бульдозеры выходили из автопарка.

— Смотрите, Костенко, — проговорил Пискунов. — Смотрите внимательно. Мы присутствуем при самой необыкновенной облеве в истории человечества. Смотрите внимательно, Костенко!

Костенко искоса взглянул на Пискунова. Ему показалось, что по лицу инженера текут слезы. Впрочем, это могли быть слезы от ветра.

Между тем лязг гусениц слышался уже не за спиной, а правее. Тракторы вышли на шоссе. Можно было уже различить дрожащие огоньки фар. Огоньков было пять.

— Пять против одного, — прошептал Пискунов. — У него нет никаких шансов. Спонтанная дуга здесь не поможет.

И вдруг что-то изменилось вокруг. Костенко даже не сразу понял, что именно. По-прежнему выла пурга, по-прежнему металась над землей тучи сухого снега, по-прежнему грозно и уверенно ревели моторы тракторов. Но лучи прожекторов уже не скользили по полю. Они неподвижно уперлись в ворота. А ворота были открыты настежь, и возле них никого не было.

— Что за дьявол? — сказал Костенко.

— Неужели он...

Пискунов не закончил, и они, не сговариваясь, побежали к институту. До ворот оставалось не больше двухсот метров, когда Пискунов, бежавший впереди, налетел на человека с винтовкой. Человек заорал в ужасе и шарахнулся было в сторону, но Пискунов ухватил его за плечи и остановил.

— В чем дело?

Человек ошалело вертел головой в милицейской шапке, выругался и, наконец, пришел в себя.

— Вырвался, — сказал он. — Вырвался. Опрокинул ворота и ушел. Чуть Макеева не потоптал. Я в городок за подмогой...

— Куда он пошел?

Милиционер неуверенно махнул рукой влево.

— Туда, кажется... На шоссе...

— Значит, сейчас на тракторы нарвется. Пойдем.

То, что произошло в следующий момент, запомнилось им на всю жизнь. Из крутящейся снежной мглы на них внезапно надвинулось нечто огромное, бесформенное, прямо в глаза им мигнули красные и зеленые огни, и резкий, лишенный интонаций голос произнес:

— Здравствуйте, как поживаете?

— Урм, стой! — закричал отчаянно Пискунов.

Костенко увидел, как побежал милиционер, как поднял руки и потряс кулаками Пискунов, затем исполинская фигура, окутанная паром, зловещее чучело, двинулась мимо него, высоко поднимая толстые, как бревна, ноги, и растаяла в пурге.

Старательно прикрыв за собой дверь, как он делал всегда, если дверь не была сломана, Урм шагнул и остановился. Все вокруг было полно звуков, движения, излучений. Ночь светилась феерическим пестрым калейдоскопом радиоволн. Впереди в тринадцати с половиной метрах было приземистое здание с широкими окнами, забранными в железные решетки. Стены его излучали яркий инфрасвет. Из здания доносилось низкое мощное гудение. В воздухе кружились миллионы снежинок. Оседая на граненых боках Урма, разогретых жаром атомного двигателя, они мгновенно таяли и испарялись.

Урм повертел головой и решил, что наиболее интересным и близким объектом исследования может быть только приземистое здание напротив. Вход он нашел сразу, заметив тропинку на подветренной стороне. Здание было обсажено низкими елками, и он немного задержался, сломав и осмотрев одну из них. Затем он открыл дверь и вошел.

Два человека, сидевшие у стола в тесной узкой комнатухе, вскочили при его появлении и с ужасом уставились на него. Он закрыл за собой дверь (и даже задвинул засов) и остановился перед ними.

— Как поживаете? — сказал он.

— Товарищ Пискунов? — растерянно спросил один из людей.

— Товарищ Пискунов вышел. Что ему передать? — равнодушно осведомился Урм.

Люди его не интересовали. Внимание его привлекло небольшое мохнатое существо, прижавшееся к стене в углу. «Теплое, живое, сильно пахнет, не Человек», — определил Урм и сказал:

— Здравствуйте, как поживаете?

— Р-р-р... — ответило с мужеством отчаяния существо, оскалив белые острые зубы, и еще плотнее вжалось в угол.

Урм был поглощен собакой и совершенно безучастно отнесся к тому, что милиционеры ловко забаррикадировались столом и шкафом и стали торопливо расстегивать кобуры.

Жалобно визжа и поджав хвост, собачонка шмыгнула мимо Урма. Но Урм был гораздо проворней собаки. Он был проворней любого, самого проворного животного на свете. Туловище его молниеносно и бесшумно сделало пол-оборота, и длинная, вытянувшаяся, словно подзорная труба, рука схватила собачонку поперек туловища. В то же мгновение раздался выстрел: нервы одного из милиционеров не выдержали. Пуля звонко щелкнула о панцирь, прикрывающий спину Урма, и рикошетом влипла в стену. Посыпалась штукатурка.

— Сидоренко, отставить! — крикнул другой милиционер.

Урм выпустил дрожащую собачонку и уставился на людей, бледных, но очень решительных, державших оружие наизготовку. Он с любопытством понюхал. В воздухе расплывался незнакомый запах бездымного пороха. Собачонка забилась под ноги милиционеров, но Урм уже утратил интерес к ней. Он повернулся и двинулся к следующей двери, на которой красовалось изображение черепа и скрещенных костей, пронзенных красной молнией. Милиционеры, оторопев от изумления, смотрели, как его клешневидные пальцы нащупывают рубчатый барабан замка. Дверь отворилась. Тогда оба они, опомнившись, бросились за ним:

— Стой! Назад! Нельзя!

Они цеплялись за его бронированные бока, хватались за горячие, как печка, тумбообразные ноги, забыв обо всем на свете, в ужасе от одной мысли о том, что может натворить в трансформаторе это железное чудовище. Но Урм просто не замечал их. Их усилия не производили на него никакого впечатления. С таким же успехом они могли пытаться остановить на ходу трактор. Тогда один из них, оттолкнув товарища в сторону, в упор, снизу вверх, выпустил в голову Урма всю обойму. Залитый светом зал подстанции огласился грохотом выстрелов.

Урм пошатнулся. Вдребезги разлетелась эбонитовая раковина правого акустического рецептора. Сорвался и повис, болтаясь на проволоке, изогнутый рог локатора. Зазвенело разбитое стекло в потолке.

Урм никогда еще не подвергался нападению. У него не было инстинкта самосохранения и не было опыта борьбы против человека. Но Урм мог сопоставлять факты, делать логические выводы и избирать линию поведения, максимально обеспечивающую ему безопасность. На все эти мыслительные операции у него ушли доли секунды. В следующий миг он повернулся кругом и пошел на людей, угрожающе выставив страшные клешни.

Милиционеры разделились. Один отбежал за распределительный щит, другой прыгнул за массивный стальной кожух ближайшего трансформатора, торопливо перезаряжая пистолет.

— Сидоренко! Беги в дежурку, звони, объявляй тревогу! — крикнул он.

Но Сидоренко никак не удавалось добежать до двери. Урм передвигался гораздо быстрее, чем человек, и стоило милиционеру высунуться из-за распределительного щита, как Урм в два шага оказывался перед ним. Тогда люди решили выбежать одновременно. Это не удалось: Урм носился от щита к трансформатору со скоростью курьерского поезда.

Распределительный щит треснул поперек от неловкого толчка Урма, через пулевые отверстия в окнах и стеклянном потолке свистел ветер.

Наконец Урму надоела эта игра, и он решил оставить людей в покое. Он вдруг остановился перед трансформатором и решительно запустил руки под кожу. Милиционеры воспользовались этим и стремглав бросились в дежурку. В то же мгновение раздался оглушительный треск, все вокруг озарилось ослепительной голубой вспышкой, и свет погас. Острый запах горелого металла, дыма, горячего лака хлынул из зала. Оглушенные, подавленные милиционеры не сразу сообразили, что произошло. А затем дежурка затряслась от тяжелых шагов, и резкий голос произнес в темноте:

— Здравствуйте, как поживаете?

Щелкнула задвижка. Со скрипом отворилась дверь, в мутном прямоугольнике на секунду обозначились грузные очертания железного чудища, и дверь снова закрылась.

Урм шел по территории института, увязая в снегу и высоко поднимая ноги. Институт был погружен во мрак, и в этом мраке мало помогало даже инфракрасное зрение Урма. Он различал только слабое сияние вокруг собственного живота и ног, на которых таяли и испарялись снежинки. Несколько слабо фосфоресцирующих силуэтов людей промелькнуло между зданиями. Урм не обратил на них внимания. Он шел, ориентируясь по показаниям локатора, хотя один рог локатора был сбит пулей и правильно определять расстояния было теперь невозможно.

Урма заинтересовали далекие огоньки городка, едва мерцавшие сквозь пургу. Затем там вспыхнули яркие голубые лучи прожекторов. Он дошел до стены, поколебался и повернул налево. Он хорошо знал, что в стенах всегда бывают двери. И вскоре оказался у ворот. Ворота были большие, железные. Важнее всего, однако, было то, что они оказались заперты. За воротами слышались встревоженные голоса людей, через щель пробивался яркий голубой свет.

— Здравствуйте, — сказал Урм и навалился на ворота.

Ворота не поддавались. Они были заперты крепко. Где-то далеко послышался лязг металла. Там, за воротами, происходило что-то очень интересное. Урм нажал сильнее, затем отошел, запрокинул голову и с разбегу ударил в ворота бронированной грудью. Голоса за воротами смолкли, потом кто-то крикнул неуверенно:

— Назад! Эй, гляди, не стреляй в этого дьявола!

— Здравствуйте, как поживаете? — сказал Урм, разбежался и ударил снова.

Ворота рухнули. Засов оказался сильнее шарниров, заделанных в бетонную стену, и ворота легли на снег плашмя, как настил. Урм прошел по ним мимо разбежавшихся милиционеров и окунулся в пургу, бушевавшую в открытом поле.

Он шагал, едва успевая восстанавливать равновесие на разрытой земле, покрытой зыбким морем сухого снега. Раз под его ногой разверзлась пустота, и он упал. Снег зашипел под ним. Он никогда раньше не падал, но уже в следующий момент уперся руками в землю, вытянул их на всю длину и поджал под себя ноги.

Поднявшись, он постоял оглядываясь. Впереди мерцали огни коттеджей. Слева, совсем рядом, маячили три человеческие фигуры, дальше — рычали машины, цепочкой двигавшиеся к воротам. Урм повернул налево. Проходя мимо людей, он поздоровался с ними и тут же узнал в одном из них Хозяина. Хозяин мог лишить его возможности двигаться. Урм отлично помнил это и пошел быстрее. Хозяин скрылся позади в вихрях крутящегося снега.

Он вышел на плоское укатанное место. Яркий свет озарил его с головы до ног. Громоздкие металлические чудовища, неся перед собой тяжелые щиты, надвинулись на него и остановились, сердито отфыркиваясь.

Урм стоял в пяти шагах от переднего бульдозера, медленно поворачивал свою круглую голову направо и налево и повторял:

— Здравствуйте, как поживаете?

Николай Петрович Королев соскочил с трактора. Водитель испуганно крикнул:

— Куда вы, товарищ инженер?

И в этот момент на шоссе появился Пискунов. Взъерошенный, с вздыбившимися волосами (шапка осталась где-то на пустыре), глубоко засунув руки в карманы распахнутой дохи, он обошел бульдозер и остановился перед Урмом. Их разделяло не больше пяти шагов. Урм громоздился над инженером, словно башня, его граненые бока блестели в свете фар, окутанный паром живот лоснился от влаги, круглая голова с большими стеклянными глазами, растопыренными ушами рецепторов и рогом локатора была похожа на страшную и смешную маску из тыквы, какими в деревнях парни пугают девчат. Голова равномерно покачивалась, глаза следили за каждым движением Пискунова.

— Урм, — громко сказал Пискунов.

Голова застыла неподвижно, суставчатые руки прильнули к туловищу.

— Урм, слушай мою команду!

Урм ответил:

— Я готов.

Кто-то нервно рассмеялся.

Пискунов шагнул вперед и положил руку в перчатке на грудь Урма. Его пальцы торопливо поползли по броне, нащупывая главное — замыкатель, соединяющий счетно-анализаторскую часть мозга Урма с системой силы и движения. И тут случилось неожиданное — неожиданное для всех, кроме Пискунова, боявшегося этого больше всего. По-видимому, в памяти Урма сохранились ассоциации, связывающие этот жест Хозяина с внезапно возникающей неспособностью двигаться. Едва пальцы Пискунова коснулись ключа, как Урм резко повернулся. Бронированная рука стремительно прошла над головой успешного пригнуться Пискунова, и Урм, не торопясь, двинулся обратно по шоссе. Николай Петрович первым пришел в себя.

— Эй, ребята! — крикнул он. — Заводите бульдозеры справа и слева! Отрежьте ему дорогу к воротам... Пискунов! Эй, Пискунов!

Но Пискунов не слушал. Пока бульдозеры расплзались по обе стороны от шоссе, ныряя в снежных тучах, он побежал за Урмом.

— Стой, Урм! — кричал он высоким, срывающимся голосом. — Стой, скотина! Назад! Назад!

Он задохнулся. Урм шел все быстрее, и расстояние между ними постепенно увеличивалось. Наконец Пискунов остановился, сунул руки в карманы и, втянув голову в плечи, стал смотреть ему вслед. Николай Петрович и Рябкин подбежали к нему. Последним подошел Костенко.

— Ну куда тебя понесло? — сердито сказал Королев.

Пискунов не ответил.

— Он не повинуется, — проговорил он. — Понимаешь, Коля? Не повинуется. Ясно, это спонтанный рефлекс.

Николай Петрович кивнул.

— Я тоже догадался.

— Еще бы! — воскликнул Рябкин. — С таким же успехом вы могли бы предоставить железнодорожным составам самим выбирать время и путь следования...

— Что это такое — спонтанный рефлекс? — робко спросил Костенко.

Ему не ответили.

— И все-таки, несмотря ни на что, это замечательно. — Николай Петрович высморкался, сунул платок за пазуху. — Он не повинуется! Надо же...

— Идем! — решительно сказал Пискунов.

Тем временем бульдозеры развернулись в полукольцо и стали стягиваться вокруг Урма, неторопливо шлепавшего по шоссе. Один из бульдозеров выполз на шоссе впереди него, кормой к воротам, другой нагонял его сзади, остальные три приближались с боков — два слева, один справа. Конечно, Урм давно заметил, что его окружают, но, вероятно, не придал этому значения. Он продолжал двигаться по шоссе, пока не уперся грудью в

бульдозер. Он надавил, трактор чуть качнулся, водитель с напряженным лицом схватился за рычаги. Урм отошел и ударил с разбегу. Железо лязгнуло о железо, и было видно, как снежную мглу под прямым лучом фары прорезали яркие искры. В то же мгновение щит заднего бульдозера уперся в спину Урма. Урм застыл неподвижно, только голова его медленно поворачивалась вокруг оси, точно школьный глобус. Справа и слева подошли еще два бульдозера и плотно закрыли последние пути к отступлению. Урм оказался в плену.

— Товарищи инженеры! Товарищ Пискунов! Что дальше делать? — закричал водитель первой машины.

— Товарищ Пискунов вышел. Что ему передать? — сказал Урм.

Он размахнулся и ударил по щиту. Затем еще и еще. Он бил равномерно, словно боксер на тренировке, слегка отклоняясь при каждом ударе, и из-под его палицеобразных рук с лязгом сыпались снопы искр.

Пискунов в сопровождении Николая Петровича, Рябкина и Костенко поспешил к нему.

— Надо скорее что-то предпринять, иначе он покалечит себя, — встревоженно сказал Рябкин.

Пискунов молча полез на гусеницу трактора, но Рябкин схватил его и стянул обратно.

— В чем дело? — раздраженно спросил Пискунов.

Рябкин сказал:

— Ты — единственный человек, который знает Урма до тонкостей. Если он тебе вмажет... это дело может затянуться на несколько месяцев. Должен идти кто-то другой.

— Правильно, — поспешно сказал Николай Петрович. — Я пойду.

Один из рабочих, обступивших инженеров, вмешался:

— Может, кого из нас выберете? Мы помоложе, ловчее...

— Я, — хмуро сказал Костенко.

— Это не пойдет, — сказал Николай Петрович. — Пискунова не пускайте.

Он сбросил шубу и полез на трактор. Тогда Пискунов рванулся из объятий Рябкина.

— Пустите, Рябкин.

Рябкин не ответил. Костенко подошел с другой стороны и крепко взял Пискунова за плечи.

А Урм бушевал. Нижняя часть его тела была плотно зажата бульдозерами, но верхняя двигалась свободно, и он молниеносно поворачивался из стороны в сторону, наотмашь колотя стальными кулаками по железным щитам. Ключья пара крутились над ним в снеговой мгле. «Живая сила удара кулака — три тысячи кило», — вспомнил Костенко.

Николай Петрович, стиснув зубы, сидел на корточках между бульдозерами в ногах Урма и ждал подходящего момента. От лязга и грохота болели уши. Он знал, что Урм заметил его — стеклянные глаза, то и дело настороженно мерцая, обращались к нему.

— Тише, тише, — одними губами шептал Николай Петрович. — Урм, голубчик, тише! Да тише же ты, подлец!

Какой-то новый звук возник при ударах, что-то треснуло — не то стальная рука Урма, не то щит бульдозера. Медлить больше было нельзя. Николай Петрович нырнул под кулак Урма и прижался к его боку. И тут Урм снова поразил всех. Руки его упали. Грохот прекратился, снова стало слышно, как воет пурга над полем и фыркают моторы тракторов. Николай Петрович, бледный и потный, выпрямился и протянул руки к груди Урма. Раздался сухой щелчок. Зеленые и красные огоньки на плечах Урма погасли.

— Все, — просипел Пискунов и закрыл глаза.

Люди сразу заговорили преувеличенно громко, послышались смех и шутки. Водители помогли Николаю Петровичу выбраться из-под Урма и под руки свели его на землю. Пискунов обнял его и поцеловал.

— А теперь, — сказал он отрывисто, — в институт. Будем работать. Понадобится — неделю, месяц... Надо выбить из него эту дурь и сделать его все-таки Урмом — Универсальной рабочей машиной.

— Так что же случилось с Урмом? — спросил Костенко. — И что такое спонтанный рефлекс?

Николай Петрович, усталый и осунувшийся после бессонной ночи, сказал:

— Видишь ли, Урм конструировался по заказу Управления межпланетных сообщений. Тем он и отличается от других самых сложных кибернетических машин, что предназначен для работы в условиях, которые не в состоянии предсказать точно даже самый гениальный программист. Например, на Венере. Кто знает, каковы там условия? Может быть, она покрыта океанами. А может быть, пустынями. Или джунглями. Послать туда людей пока невозможно — слишком опасно. Будут посланы Урмы, десятки Урмов. Но как их программировать? Все горе в том, что при нынешнем уровне кибернетики нельзя еще научить машину «мыслить» абстрактно...

— То есть?

— Для машины нет собаки вообще. Для нее есть только та, другая, третья собака. Встретив четвертую, не похожую на первых трех, машина уже не будет знать, что делать. Грубо говоря, если Урм запрограммирован на определенную реакцию только в отношении дворняги, он не сможет реагировать так же в отношении мопса. Простой пример, конечно, но полагаю, ты меня понимаешь. В этом и есть одно из основных отличий самой умной машины от самого глупого человека — неспособность оперировать абстрактными категориями. Так вот, Пискунов попытался возместить этот недостаток путем создания самопрограммирующейся машины. «Мозгу» Урма была задана рефлекторная цепь, сущность которой сводится к тому, чтобы заполнять самостоятельно пустующие ячейки памяти. Пискунов рассчитывал, что, «набравшись впечатлений», Урм будет способен без помощи человека подбирать наиболее выгодные линии поведения для каждого нового случая. Это самая совершенная в мире модель сознания. Но результат получился неожиданный. То есть теоретически Пискунов допускал такое явление, однако практически... Короче говоря, новая рефлекторная дуга породила десятки вторичных, не предусмотренных программистами рефлексов. Пискунов окрестил их спонтанными рефлексами. С их появлением Урм перестал действовать по своей основной программе и начал «вести себя».

— Что же теперь делать?

— Будем идти по другому пути. — Николай Петрович потянулся и зевнул. — Будем совершенствовать анализаторские способности «мозга», рецепторную систему...

— А как же спонтанный рефлекс? Никто им не интересуется?

— Ого! Пискунов уже что-то задумал... Одним словом, первыми на неизведанных планетах и в неизведанных океанских глубинах будут все-таки Урмы. Людьюми рисковать не придется... Слушай, Костенко, давай пойдем спать, а? Будешь у нас работать и все узнаешь, даю тебе слово.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий **Шесть спичек**

1

Инспектор отложил в сторону блокнот и сказал:

— Сложное дело, товарищ Леман. Очень странное дело.

— Не нахожу, — сказал директор института.

— Не находите?

— Нет, не нахожу. По-моему, все ясно.

Директор говорил очень сухо, внимательно разглядывая пустую, залитую асфальтом и солнцем площадь под окном. У него давно болела шея, на площади не происходило ровно ничего интересного. Но он упрямо сидел отвернувшись. Так он выражал свой протест. Директор был молод и самолюбив. Он отлично понимал, что имеет в виду инспектор, но не считал инспектора вправе касаться этой стороны дела. Спокойная настойчивость инспектора его раздражала. «Вникает! — думал он со злостью. — Все ясно, как шоколад, — но вникает!»

— А мне вот не все ясно, — вздохнул инспектор.

Директор пожал плечами, взглянул на часы и встал.

— Простите, товарищ Рыбников, — сказал он, — у меня через пять минут семинар. Если я вам не нужен...

— Пожалуйста, товарищ Леман. Но мне хотелось бы поговорить еще с этим... «личным лаборантом». Горчинский, кажется?

— Горчинский. Он еще не вернулся. Как только вернется, его сейчас же пригласят к вам.

Директор кивнул и вышел. Инспектор, прищурившись, поглядел ему вслед. «Легковат, голубчик, — подумал он. — Ладно, дойдет очередь и до тебя».

Но очередь до директора еще не дошла. Сначала следовало разобраться в главном. На первый взгляд действительно все было как будто ясно. Инспектор Управления охраны труда Рыбников уже сейчас мог бы приняться за «Отчет по делу Комлина Андрея Андреевича, начальника физической лаборатории Центрального института мозга». Андрей Андреевич Комлин производил над собой опасные эксперименты и уже четвертый день лежит на больничной койке в полусне-полубреду, запрокинув щетинистый круглый череп, покрытый странными кольцеобразными синяками. Говорить он не может, врачи вводят в его организм укрепляющие вещества, и на консилиумах часто и зловеще звучат слова: «сильнейшее нервное истощение», «поражение центров памяти», «поражение речевых и слуховых центров...»

В деле Комлина инспектору было ясно все, что могло интересовать Управление охраны труда. Неисправность аппаратуры, небрежное с ней обращение, неопытность работников — все это здесь ни при чем. Нарушений правил безопасности — во всяком случае, в общепринятом смысле — не было. Наконец, Комлин проводил опыты над собой втайне, и никто в институте ничего об этом не знал, даже Александр Горчинский, «личный» комлинский лаборант, хотя некоторые сотрудники лаборатории держатся на этот счет другого мнения.

Инспектор был не только инспектором. Чутьем старого научного работника он ощущал, что за отрывочными сведениями о работе Комлина, которыми он располагал, за странным несчастьем с Комлиным кроется история какого-то необычайного открытия. Перебирая в памяти показания сотрудников лаборатории, он убеждался в этом все больше.

За три месяца до несчастья лаборатория получила новый прибор. Это был нейтринный генератор, устройство для создания и фокусировки пучков нейтрино. Именно с появлением нейтринного генератора в физической лаборатории и началась цепь событий, на которые своевременно не обратили внимания те, кому это следовало сделать, и которые привели в конце концов к большой беде.

Именно в это время Комлин с видимой радостью переложил всю работу по незаконченной теме на своего заместителя, заперся в комнате, где был установлен нейтринный генератор, и занялся, как он объявил, подготовкой серии предварительных опытов. Это продолжалось несколько дней. Затем Комлин неожиданно покинул свою келью, совершил, как обычно, обход лаборатории, произвел три публичных разнота, подписал бумаги и засадил заместителя писать полугодовой отчет. На другой день он

вновь заперся в «нейтриннике», прихватив с собой на этот раз лаборанта Александра Горчинского.

Чем они там занимались, стало известно лишь недавно, за два дня до несчастного случая, когда Комлин (совместно с Горчинским) сделал замечательный, «потрясающий основы медицины» доклад о нейтринной акупунктуре. Но в течение трех месяцев работы с генератором Комлин трижды привлек внимание сотрудников.

Началось с того, что в один прекрасный день Андрей Андреевич обрился наголо и появился в лаборатории в черной профессорской шапочке. Сам по себе этот факт, возможно, и не запомнился бы, но через час из «нейтринника» выскочил всклокоченный и бледный Горчинский и, по чьему-то образному выражению, «роняя шкафы», кинулся к лабораторной аптечке. Выхватив из нее несколько индивидуальных пакетов, он в том же темпе вернулся в «нейтринник», захлопнув за собой дверь. При этом один из сотрудников успел заметить, что Андрей Андреевич стоял у окошка, сияя голым черепом и придерживая правой рукой левую. Левая рука была измазана чем-то темным, вероятно кровью. Вечером Комлин и Горчинский тихо вышли из «нейтринника» и, ни на кого не глядя, прошли к выходу из лаборатории. Оба имели довольно удрученный вид, причем левая рука Комлина была обмотана бинтом.

Запомнилось и другое. Месяц спустя после этого происшествия младший научный сотрудник Веденеев встретил Комлина вечером в уединенной аллее Голубого парка. Начальник лаборатории сидел на скамейке с толстой, потрепанной книгой на коленях и что-то бормотал вполголоса, уставившись прямо перед собой. Веденеев поздоровался и присел рядом, Комлин сейчас же перестал бормотать и повернулся к нему, странно вытягивая шею. Глаза у него были «какие-то такие», и Веденееву захотелось немедленно удалиться. Но уходить сразу было неудобно, поэтому Веденеев спросил:

— Читаете, Андрей Андреевич?

— Читаю, — сказал Комлин. — Ши Найань, «Речные заводы». Очень интересно.

Веденеев по молодости лет почти не был знаком с китайской классикой и почувствовал себя еще более неловко, но Комлин вдруг захлопнул книгу, сунул ее Веденееву и попросил раскрыть наугад. Слегка смущенный, Веденеев повиновался. Комлин взглянул на страницу («один раз, мельком»), кивнул и сказал:

— Следите по тексту.

И принялся обычным своим звонким и ясным голосом рассказывать о том, как некто Ху Яньчжо, взмахнув стальными плетками, ринулся на неких Хе Чжэня и Се Бао и как некто «Коротколапый тигр» Ван Ин и его супруга «Зеленая»... Тут только Веденеев понял, что Комлин читает страницу наизусть. Начальник лаборатории не пропустил ни одной строчки, не перепутал ни одного имени, пересказал все слово в слово и букву в букву. Закончив, он спросил:

— Были ошибки?

Ошеломленный Веденеев потряс головой. Комлин захохотал, забрал у него книгу и ушел. Веденеев не знал что подумать. Он рассказал об этом случае некоторым из своих товарищей, и те посоветовали ему обратиться за разъяснениями к самому Комлину. Однако Комлин встретил вопрос Веденеева с таким искренним изумлением, что Веденеев, замаявшись, перевел разговор на другую тему.

Но наиболее странными казались события, имевшие место буквально за несколько часов до несчастья.

В тот вечер Комлин, веселый, остроумный, славный, как никогда, показывал фокусы. Зрителей было четверо: Александр Горчинский, небритый и влюбленный в начальника, как девчонка, и молоденькие девушки-лаборантки — Лена, Дуся и Катя. Девушки задержались, чтобы закончить сборку схемы для завтрашней работы.

Фокусы были занимательные.

Для начала Комлин предложил кого-нибудь загипнотизировать, но все отказались, и Андрей Андреевич рассказал анекдот о гипнотизере и хирурге. Потом он сказал:

— Леночка, сейчас я буду отгадывать, что ты спрячешь в ящик стола.

Из трех спрятанных вещей он отгадал две, и Дуся сказала, что он подсматривает. Комлин возразил, что он не подсматривает, но девушки принялись над ним подшучивать, и тогда он заявил, что умеет взглядом гасить огонь. Дуся схватила коробок, отбежала в угол комнаты, зажгла спичку, и спичка, разгоревшись, вдруг погасла. Все страшно удивились и посмотрели на Комлина: он стоял, скрестив руки на груди и грозно хмурия брови, в позе иллюзиониста-профессионала.

— Вот это легкие! — сказала Дуся с уважением.

От нее до Комлина было шагов десять, не меньше. Тогда Комлин предложил завязать ему рот платком. Когда это было сделано, Дуся снова зажгла спичку, и спичка снова погасла.

— Неужели вы задуваете носом? — поразилась Дуся.

А Комлин сорвал платок, захохотал и, подхватив Дусю, прошелся с ней вальсом по комнате.

Затем он показал еще два фокуса: ронял спичку, и она падала не вниз, а как-то вбок, каждый раз отклоняясь от вертикали вправо на довольно большой угол («Опять вы дуете...») — неуверенно сказала Дуся); положил на стол кусок вольфрамовой спиральки, и спиралька, забавно вздрагивая, ползла по стеклу и падала на пол. Все, конечно, были страшно удивлены, и Горчинский стал приставать к нему, чтобы он рассказал, как это делается. Но Комлин вдруг сделался серьезным и предложил перемножить в уме несколько многозначных чисел.

— Шестьсот пятьдесят четыре на двести тридцать один и на шестнадцать, — робко сказала Катя.

— Записывайте, — странным, напряженным голосом приказал Комлин и начал диктовать: — Четыре, восемь, один... — Тут голос его упал до шепота, и он закончил скороговоркой: — Семь — один — четыре — два... Справа налево.

Он повернулся (девушек поразило, что он как-то сразу сник, сгорбился, словно стал меньше ростом), волоча ноги пошел в «нейтринник» и заперся там. Горчинский некоторое время с тревогой смотрел ему вслед, а затем объявил, что Андрей Андреевич сосчитал правильно: если читать названные им цифры справа налево, то получится произведение — два миллиона четыреста семнадцать тысяч сто восемьдесят четыре.

Девушки работали до десяти, и Горчинский помогал им, хотя толку от него было мало. Комлин все не выходил. В десять они пошли домой, пожелав через дверь Комлину спокойной ночи. Наутро Андрея Андреевича отвезли в госпиталь.

Официальным результатом трехмесячной работы Комлина была нейтринная акупунктура — метод лечения, основанный на облучении мозга нейтринными пучками. Новый метод был необычайно интересен сам по себе, но какое отношение к нейтринной акупунктуре имела раненая рука Комлина? А необычная память Комлина? А фокусы со спичками, спиральками и устным умножением?

— Скрывал, от всех скрывал, — пробормотал инспектор. — Не был уверен или боялся подставить товарищей под удар? Сложное дело. Очень странное дело.

Щелкнул видеофон. На экране появилось лицо секретарши.

— Простите, товарищ Рыбников, — сказала секретарша, — товарищ Горчинский здесь и ждет вашего вызова.

— Пусть войдет, — сказал инспектор.

2

На пороге появилась громадная фигура в клетчатой рубахе с засученными рукавами. Над могучими плечами возвышалась могучая шея, увенчанная головой, заросшей густыми черными волосами, сквозь которые, однако, просвечивала маленькая плешь (или даже две плещи, как показалось инспектору), — фигура вдвигалась в кабинет спиной. Прежде чем

инспектор успел удивиться, обладатель клетчатой рубахи, продолжая пятиться, сказал: «Пожалуйста, Иосиф Петрович», — и пропустил в кабинет директора. Затем вошедший аккуратно затворил дверь, неторопливо повернулся и отвесил короткий поклон. Лицо обладателя клетчатой рубахи и странных манер было украшено короткими, но весьма пушистыми усиками и казалось довольно мрачным. Это и был Александр Горчинский, «личный» лаборант Комлина.

Директор сел в кресло и молча уставился в окно. Горчинский остановился перед инспектором.

— А вы... — начал инспектор.

— Спасибо, — прогудел лаборант и сел, упершись в колени ладонями и глядя на инспектора серыми настороженными глазками.

— Горчинский? — спросил инспектор.

— Горчинский Александр Борисович.

— Очень приятно. Рыбников, инспектор Управления охраны труда.

— Оч-чень рад, — сказал Горчинский с оттяжкой.

— «Личный» лаборант Комлина?

— Не знаю, что это такое. Лаборант физической лаборатории Центрального института мозга.

Инспектор покосился на директора. Ему показалось, что у того в уголках глаз искрится ехидная улыбочка.

— Так, — сказал Рыбников. — Над какими вопросами работали последние три месяца?

— Над вопросами нейтринной акупунктуры.

— Подробнее, пожалуйста.

— Есть доклад, — веско сказал Горчинский. — Там все написано.

— А я все-таки попросил бы вас поподробнее, — сказал инспектор очень спокойно.

Несколько секунд они глядели друг на друга в упор: инспектор — багровея, Горчинский — шевеля усами. Потом лаборант медленно прищурился.

— Извольте, — прогудел он. — Можно и поподробнее. Изучалось воздействие сфокусированных нейтринных пучков на серое и белое вещество головного мозга, а равно и на организм подопытного животного в целом...

Горчинский говорил монотонно, без выражения и даже, кажется, слегка покачивался в кресле.

— ...Попутно с фиксацией патологических и иных изменений организма в целом производились измерения тока действия, дифференциального декремента и кривых лабильности — неустойчивости — в различных тканях, а также замеры относительных количеств нейроглобулина и нейростромина...

Инспектор откинулся на спинку кресла и с восхищенной яростью думал: «Ну, погоди ты мне...» Директор по-прежнему глядел в окно, дробно постукивая пальцами по столу.

— ...последние, равно как и нейрокератин... — гудел лаборант.

— А скажите, товарищ Горчинский, что у вас с руками? — спросил инспектор неожиданно. Он терпеть не мог обороны. Он любил наступать.

Горчинский глянул на свои лежащие на подлокотниках кресла исцарапанные, покрытые синими зарубцевавшимися шрамами руки и сделал движение, словно хотел сунуть их в карманы, но только медленно сжал чудовищные кулаки.

— Обезьяна ободрала... — сказал он сквозь зубы. — В виварии.

— Вы делали опыты только над животными?

— Да, я делал опыты только над животными, — сказал Горчинский, чуть выделяя «я».

— Что случилось с Комлиным два месяца назад? — Инспектор наступал.

Горчинский пожал плечами:

— Не помню.

— Я вам напомню. Комлин порезал руку. Как это случилось?

— Порезал, и все! — грубо сказал Горчинский.

— Александр Борисович! — предостерегающе сказал директор.

— Спросите у него самого.

Светлые, широко расставленные глаза инспектора сузились.

— Вы меня удивляете, Горчинский, — тихо сказал он. — Вы убеждены, что я хочу вытянуть из вас что-нибудь такое, что может повредить Комлину... или вам, или другим вашим товарищам. А ведь все гораздо проще. Все дело в том, что я не специалист по центральной нервной системе. Я специалист по радиооптике. Всего лишь. И судить по собственным впечатлениям не имею права. И поставлен на эту работу не для того, чтобы фантазировать, а для того, чтобы знать. А вы мне истерики закатываете. Стыдно...

Наступило молчание. И директор вдруг понял, в чем сила этого немолодого, упорного человека. Видимо, понял это и Горчинский, потому что он сказал наконец, ни на кого не глядя:

— Что вы хотите узнать?

— Что такое нейтринная акупунктура? — сказал инспектор.

— Это идея Андрея Андреевича, — устало проговорил Горчинский. — Облучение нейтринными пучками некоторых участков коры вызывает появление... вернее, резкое возрастание сопротивляемости организма разного рода химическим и биологическим ядам. Зараженные и отравленные собаки выздоравливали после двух-трех нейтринных уколов. Это какая-то аналогия с акупунктурой — китайским лечением иглоукалыванием. Отсюда и название метода. Роль иглы играет пучок нейтрино. Конечно, аналогия чисто внешняя...

— А методика? — спросил инспектор.

— Череп животного выбривается, к голой коже пристраиваются нейтринные присоски... Это небольшие устройства для фокусировки нейтринного пучка. Пучок фокусируется в заданном слое серого мозгового вещества. Это очень сложно. Но еще сложнее было найти участки, точки коры, вызывающие фагоцитную мобилизацию в заданном направлении.

— Очень интересно, — совершенно искренне сказал инспектор. — И какие болезни можно так излечивать?

Горчинский ответил, помолчав:

— Многие. Андрей Андреевич полагает, что нейтринная акупунктура мобилизует какие-то неизвестные нам силы организма. Не фагоциты, не нервная стимуляция, а что-то еще, несравненно более мощное. Но он не успел... Он говорил, что нейтринными уколами можно будет лечить любое заболевание. Интоксикацию, сердечные болезни, злокачественные опухоли...

— Рак?

— Да. Ожоги... возможно, даже восстанавливать утраченные органы. Он говорил, что стабилизирующие силы организма огромны и ключ к ним — в коре головного мозга. Нужно только обнаружить в коре точки приложения уколов.

— Нейтринная акупунктура... — медленно, словно пробуя звуки на вкус, произнес инспектор. Потом он спохватился: — Отлично, товарищ Горчинский. Очень вам благодарен. (Горчинский криво усмехнулся.) А теперь будьте добры, расскажите, как вы нашли Комлина. Ведь вы, кажется, были первым, кто обнаружил его...

— Да, я был первым. Пришел утром на работу. Андрей Андреевич сидел... лежал в кресле за столом...

— В «нейтриннике»?

— Да, в помещении нейтринного генератора. На черепе у него была обойма с присосками. Генератор был включен. Мне показалось, что Андрей Андреевич мертв. Я вызвал врача. Все.

Голос Горчинского дрогнул. Это было так неожиданно, что инспектор задержался с очередным вопросом. «Так-так», — отстукивал директор, глядя в окно.

— А вы не знаете, какой эксперимент ставил Комлин?

— Не знаю, — глухо сказал лаборант. — Не знаю. На столе перед Андреем Андреевичем стояли лабораторные весы, лежали два спичечных коробка. Из одного спички были вынуты...

— Пойдите. — Инспектор оглянулся на директора и снова взглянул на Горчинского. — Спички? Спички... При чем здесь спички?

— Спички, — повторил Горчинский. — Они лежали кучкой. Некоторые были склеены по две, по три. На одной чашке весов лежали шесть спичек. И там был листок бумаги с цифрами. Андрей Андреевич взвешивал спички. Это точно, я проверял сам. Цифры совпадают.

— Спички, — пробормотал инспектор. — Зачем это было ему нужно, хотел бы я знать... У вас есть хоть какие-нибудь соображения по этому поводу?

— Нет, — ответил Горчинский.

— Вот и сотрудники ваши рассказывали... — Инспектор задумчиво потер рукой подбородок. — Фокусы эти... с огнем, со спичками... Видимо, Комлин работал еще над какими-то вопросами, помимо нейтринной акупунктуры. Но над какими?

Горчинский молчал.

— И опыты над собой он делал неоднократно. У него кожа на черепе сплошь покрыта следами этих ваших присосков.

Горчинский молчал по-прежнему.

— Вы никогда прежде не замечали у Комлина способности быстро считать в уме? Я имею в виду — до того, как он показывал вам свои фокусы.

— Нет, — сказал Горчинский, — не замечал. Ничего подобного не замечал. Теперь вы знаете все, что знаю я. Да. Андрей Андреевич делал опыты над собой. Испытывал на себе нейтринную иглу-луч. Да, полоснул себя бритвой по руке... Хотел проверить на себе, как нейтринная игла заживляет раны. Не вышло... тогда. И он вел параллельно какую-то работу втайне от всех. От меня тоже. Что за работа, не знаю. Знаю только, что она связана с нейтринным облучением. Все.

— Кто-нибудь, кроме вас, знал об этом? — спросил инспектор.

— Нет. Никто не знал.

— И вы не знаете, какие эксперименты производил Комлин без вашего участия?

— Нет.

— Вы свободны, — сказал инспектор. — Можете идти.

Горчинский поднялся и, не поднимая глаз, повернулся к выходу. Инспектор глядел на его затылок. На затылке белели проплешины — не одна, а именно две, как и показалось ему в самом начале.

Директор смотрел в окно. Низко над площадью повис небольшой вертолет. Сверкая ртутным серебром фюзеляжа и тихонько покачиваясь, он принялся медленно поворачиваться вокруг оси. Сел. Откинулась дверца, из нее вылез пилот в сером комбинезоне, легко спрыгнул на асфальт и пошел к зданию института, на ходу раскуривая папироску. Директор узнал вертолет инспектора. «На заправку ходил», — рассеянно подумал он.

Инспектор спросил:

— А не ведет нейтринная акупунктура к поражению психики?

— Вряд ли, — ответил директор. — Комлин утверждает, что не ведет.

Инспектор откинулся на спинку кресла и стал глядеть в матово-белый потолок.

Директор сказал негромко:

— Горчинский уже не сможет работать сегодня. Напрасно вы так...

— Нет, — возразил инспектор, — не напрасно. И простите, товарищ Леман, вы меня удивляете. Сколько, по-вашему, у нормального человека может быть лысин? И эти шрамы на руках... До-остойный ученичок Комлина.

— Люди любят свое дело, — сказал директор.

Несколько секунд инспектор молча глядел на директора, катая на скулах желваки.

— Плохо они его любят, — сказал он, — по старинке любят, товарищ Леман. И вы их, этих людей, плохо любите. Мы богаты. Самая богатая страна в мире. Мы даем вам любую аппаратуру, любых подопытных животных, в любом количестве. Работайте, исследуйте, экспериментируйте... Так почему же вы так легкомысленно транжирите людей? Кто вам позволил так относиться к человеческой жизни?

— Я...

— Почему вы не выполняете постановления Президиума Верховного Совета? Когда наконец прекратится это безобразие?

— Это первый случай в нашем институте, — сердито сказал директор.

Инспектор покачал головой.

— В вашем институте... А в других институтах? А на предприятиях? Комлин — это восьмой случай за последние полгода. Варварство! Варварский героизм! Лезут в автоматические ракеты, в автобатискафы, в атомные реакторы на критических режимах... — Он с трудом усмехнулся. — Ищут кратчайшие пути к истине, к победе над природой. И нередко гибнут. И вот ваш Комлин — восьмой. Разве это допустимо, профессор Леман?

Директор упрямо насутился.

— Бывают обстоятельства, когда это неизбежно. Вспомните о врачах, прививавших себе холеру и чуму.

— Эти мне исторические аналогии... Вспомните, в какое время мы живем!

Они помолчали. Близился вечер, в дальних от окон углах кабинета росли прозрачные серые тени.

— Между прочим, — сказал вдруг директор, не глядя на собеседника, — я распорядился вскрыть сейф Комлина. Мне принесли его рабочие записи. Думаю, вам тоже будет интересно ознакомиться с ними.

— Разумеется, — сказал инспектор.

— Только, — директор слабо улыбнулся, — в них слишком много... м-м... специального. Я мельком проглядел кое-что и боюсь, вам будет трудно. Я возьму их на сегодняшний вечер к себе и, если хотите, попытаюсь составить для вас конспект...

Инспектор откровенно обрадовался.

— Только не возлагайте на меня больших надежд, — поспешно предупредил директор. — Эти нейтринные иглы... Это было для всех как гром среди ясного неба. Никто и представить себе не мог чего-либо подобного. Комлин здесь пионер, первый в мире. Так что это может оказаться не под силу и мне.

Директор ушел.

Может быть, записи Комлина помогут? Инспектору очень хотелось, чтобы они помогли. Он представил себе Комлина с обоймой нейтринных присосков на голом черепе, взвешивающего склеенные спички. Нет, это не акупунктура. Это что-то совсем новое, и Комлин, видимо, сам не верил себе, если проводил такие страшные опыты над собой, таясь от товарищей.

Славное время, хорошее время. Четвертое поколение коммунистов. Смелые, самоотверженные люди. Они по-прежнему не способны беречь себя, напротив — они с каждым годом все смелее идут в огонь, и требуются огромные усилия, чтобы сдержать этот океан энтузиазма в рамках мудрой экономии. Не по трупам своих лучших представителей, а по следам могучих машин и точнейших приборов должно идти человечество к господству над природой. И не только потому, что живые могут сделать много больше, чем сделали мертвые, но и потому, что самое драгоценное в мире — это Человек.

Инспектор тяжело поднялся и побрел к двери. Передвигался он без торопливости. Это, во-первых, было у него в крови, во-вторых, сказывался возраст, а в-третьих — нога.

«Нюют старые раны», — бормотал он себе под нос, когда ковылял через пустую приемную директора, сильно припадая на правую ногу.

3

Ранним утром следующего дня, как раз в тот час, когда врачи, так и не сумевшие разобраться в причинах заболевания, с радостью отметили, что к больному Комлину возвращается речь, — именно в этот час Рыбников и Леман снова сидели в директорском кабинете за огромным пустынным столом. Инспектор держал на коленях блокнот, перед директором лежала пачка бумаг — записки, диаграммы, чертежи и даже рисунки — рабочие записи Андрея Андреевича Комлина.

Директор говорил быстро, иногда бессвязно, уставившись покрасневшими от бессонной ночи глазами куда-то сквозь инспектора и иногда останавливаясь, словно прислушиваясь с изумлением к собственным словам. Инспектор слушал, и связь событий становилась для него все более понятной. Вот что он узнал.

Облучением мозга нейтринными пучками Комлин занялся не случайно. Во-первых, этот вопрос был совершенно неясен. Методика получения пучков нейтрино «практической» плотности была разработана совсем недавно, и, получив нейтринный генератор, Комлин решил немедленно опробовать его.

Комлин много ждал от этих опытов. Излучения высоких энергий (нуклоны, электроны, гамма-лучи) нарушают молекулярную и внутриядерную структуру белков мозга. Они разрушают мозг. Они не способны давать каких-либо изменений в организме, кроме болезненных, патологических. Эксперимент подтверждает это. Другое дело — нейтрино, крохотная, лишенная электрического заряда элементарная частичка без массы покоя. Комлин рассчитывал, что воздействие нейтрино не вызовет ни взрывных процессов, ни молекулярной перестройки, что нейтрино будет вызывать в ядрах мозговых белков умеренное возбуждение, будет усиливать ядерные поля и, быть может, вызовет в мозговом веществе совершенно новые, не известные еще науке силовые поля. Как оказалось, все предположения Комлина блестяще подтвердились.

— Я понял в записях далеко не все, — прервал свой рассказ директор, — а кое-чему просто не могу поверить. Поэтому я расскажу лишь о самом главном — и о том, что может пролить свет на таинственную историю с фокусами. Хотя это тоже достаточно невероятно.

Начав опыт над животными, Комлин сразу же натолкнулся на многообещающую идею нейтринной акупунктуры. Подопытная обезьяна поранила лапу. Рана затянулась и зажила необыкновенно быстро. Так же быстро исчезли у нее из легких темные пятна — следы туберкулеза, столь обычного для обезьяны в умеренном климате.

Несколько собак было отравлено различными видами биологических ядов. Нейтринная «игла» вылечила животных очень быстро, причем хроматография показала, что почти весь яд был выделен животными в несвязанном виде. «Игла Комлина» (так Горчинский назвал этот метод) излечивала туберкулез у обезьян в десятки раз быстрее и успешнее самых мощных антибиотиков.

В своем известном докладе Комлин высказывал предположение о существовании в организме человека и животных скрытых целебных сил, еще не известных науке, но уже выявивших себя при опытах с нейтринной акупунктурой. Подробно излагалась программа перехода от опытов над животными к опытам над человеком — программа, предусматривающая переход от самых простейших и явно безопасных нейтринных уколов к более сложным и комбинированным. Предполагалось привлечение к опытам больших коллективов врачей, физиологов и психологов. Но...

Инспектор не ошибся, Комлин работал не только с нейтринной акупунктурой. Очень скоро опыты с нейтринным генератором показали, что необычайная мобилизация целебных сил организма — важное, но вовсе не единственное следствие облучения мозга пучками нейтрино. Подопытные животные вели себя странно. Правда, не все и не всегда. Излеченные кратковременным воздействием нейтринной иглы обычно не обнаруживали никаких отклонений в своем поведении, но «любимцы», над которыми производились многочисленные и разнообразные опыты, приводили обоих исследователей в изумление. И там, где молодой лаборант Горчинский видел только забавные или досадные шутки природы, интуиция большого ученого подсказала Комлину новое открытие.

Пес Генька (полное имя «Генератор») обнаружил вдруг склонность показывать цирковые фокусы, которым его никто никогда не учил: ходил на задних и даже на передних лапах, «здоровался», и Горчинский застал его однажды за странным занятием. Пес сидел на табуретке, уставившись в одну точку, и через правильные промежутки времени приподнимался и коротко гавкал, после чего садился снова. Горчинского он не узнал и зарычал на него.

Комлина поразил случай с павианом Корой. Кора сразу после облучения сидела в камере с Комлиным и мирно с ним «беседовала». Вдруг ее точно током ударило. Обезьяна увидела что-то в углу, грозно и жалобно заворчала и принялась пятиться. Ни уговоры, ни ласки не помогали. Кора, отбежав в противоположный угол, сжалась в комок и просидела так целый час, следя глазами за чем-то невидимым, и время от времени издавала резкий вопль — сигнал опасности. Затем это прошло, но Комлин с удивлением заметил, что с тех пор Кора, входя в камеру, прежде всего оглядывалась на злосчастный угол.

Однажды Горчинский прибежал к Комлину с криком: «Скорее! Скорее!» — и потащил его в обезьянник. В одной из камер обезьянника сидел молодой гамадрил и жевал банан. Ни в банане, ни в гамадриле ничего странного не было, но и сторож, и Горчинский в один голос утверждали, что были свидетелями чего-то совершенно фантастического. По их словам, гамадрила они застали в тот момент, когда он с видимым интересом наблюдал за кусочком бумаги, неторопливо, но уверенно ползущим по полу по направлению к нему, гамадрилу. Гамадрил потянулся к бумажке лапой, и Горчинский бросился искать Комлина. Сторож утверждал, что обезьяна съела бумажку, во всяком случае в камере ее обнаружить не удалось. Попытка воспроизвести удивительное явление не увенчалась успехом.

— Вот что Комлин написал по этому поводу, — сказал директор, протягивая инспектору кусок миллиметровки.

Инспектор прочел: «Массовая галлюцинация? Или новое? Массовая галлюцинация с участием гамадрила — сама по себе вещь удивительная. Но тут что-то есть. С этим зверьем — обезьянами и собаками — ничего не узнаешь. Надо самому».

Комлин начал проводить опыты над собой. Скоро об этом узнал Горчинский и не замедлил последовать примеру начальника. Кажется, по этому поводу у них даже был небольшой скандал. В конце концов Горчинский обещал больше не экспериментировать, а Комлин обещал пробовать только самые простые, непродолжительные и безопасные уколы. Горчинский так и не узнал до самого дня катастрофы, что Комлин больше не занимался нейтринной акупунктурой.

— К сожалению, — продолжал свой рассказ директор, — в записках Комлина сохранилось довольно мало сведений относительно поистине поразительных результатов его экспериментов. Записи становятся все более отрывочными и неудобочитаемыми, чувствуется, что зачастую Комлин не может подобрать слов для описания своих ощущений и впечатлений, выводы его теряют стройность и полноту.

Несколько страниц, вырванных из тетради, Комлин посвятил необычной способности запоминать, появившейся у него после одного из экспериментов. Он записал: «Мне достаточно взглянуть на предмет один раз, и я вижу его во всех подробностях, как наяву, отвернувшись или закрыв глаза. Мне достаточно бросить беглый взгляд на

страницу книги, чтобы затем прочитать ее по «изображению», отпечатавшемуся у меня в памяти. Кажется, на всю жизнь я запомнил несколько глав из «Речных заводов» и всю четырехзначную таблицу логарифмов от первой до последней цифры. Огромные возможности!»

Встречаются среди записей и соображения общего характера. «Память, мысль, рефлекс и навыки, — написал Комлин твердым почерком, словно раздумывая, — имеют определенную, пока неясную для нас материальную основу. Это азбука. Нейтринный пучок просачивается в эту основу и создает новую память, новые рефлекс, новые навыки. Так было с Генкой, Корой, со мной (мнемогенез — творение ложной памяти)».

Наиболее интересному и удивительному из всех открытий Комлина были посвящены последние несколько страничек, соединенных канцелярской скрепкой. Директор взял эти странички и поднял их над головой.

— Здесь, — сказал он очень серьезно, — ответ на ваши вопросы. Это нечто вроде конспекта или черновика будущего доклада. Прочесть?

— Читайте, — сказал инспектор.

— «Усилим воли нельзя даже заставить себя мигнуть. Нужна мышца. Нервная система играет роль датчика импульса, не больше. Ничтожный разряд, и сокращается мышца, способная передвинуть десятки килограммов, совершить работу, огромную в сравнении с энергией нервного импульса. Нервная система — это запал в пороховом погребе, мышца — порох, сокращение мышцы — взрыв.

Известно, что усиление процесса мышления усиливает электромагнитные поля, возникающие где-то в клетках мозга. Это биотоки. Сам факт, что мы способны это обнаружить, означает, что процесс мышления воздействует на материю. Правда, не непосредственно. Я решаю дифференциальное уравнение, поле мозга усиливается и смещает стрелку прибора, измеряющего это поле. Чем не психодвигатель? Поле — мышца мозга!

Появляется способность считать чрезвычайно быстро. Как я это делаю, сказать не могу. Считаю, и все. $1919 \times 237 = 454803$. Считал в уме в течение четырех секунд по секундомеру. Это прекрасно, но не совсем понятно. Электромагнитное поле резко усиливается, а как другие поля мозга, если они существуют? «Мышца» развита. Но как ею управлять?..

Получается! Вольфрамовая спираль. Вес 4,732 грамма. Подвешена в вакууме на нейлоновой нити. Я просто смотрел на нее, и она отклонилась от начального положения на пятнадцать с небольшим градусов. Это уже нечто. Режим генератора...» Я говорил с Горчинским, — сказал директор, закончив чтение ряда цифр, — сегодня ночью. Он видел вакуумный колпак с подвешенной спиралькой. Потом прибор исчез. Видимо, Комлин разобрал его. «Психодинамическое поле — мышца мозга — работает. Не знаю, как это у меня получается. И ничего нет странного в том, что не знаю. Что нужно сделать, чтобы согнулась рука? Никто не ответит на этот вопрос. Чтобы согнуть руку, я сгибаю руку. Вот и все. А ведь бицепс — очень послушный мускул. Мышцу надо тренировать. Поля мозга тоже нужно научить работать. Вопрос — как?

Интересно, «усилием мысли» ни одной вещи я не могу поднять. Только передвигаю. И не по произволу. Спичку и бумагу — всегда вправо. Металл — к себе. Лучше всего обстоит дело со спичками. Почему?

Психодинамическое поле действует через колпак из стекла и не действует через газету. Чтобы воздействовать на предмет, мне надо видеть его. Гашу свечу. Расстояние — в пределах «нейтринника».

Убежден, что возможности мозга неисчерпаемы. Необходимы только тренировка и определенная активация, возбуждение белковых молекул и целых нейронов. Придет время, и человек будет считать в уме лучше любой счетной машины, сможет за несколько минут прочитать и усвоить целую библиотеку...

Это страшно утомляет. Раскалывается голова. Иногда могу работать только под непрерывным облучением и к концу весь покрываюсь потом. Не надорваться бы. Сегодня работаю со спичками».

На этом записи Комлина кончались.

Инспектор сидел зажмурившись и думал о том, что, быть может, идее Комлина суждено принести богатые плоды. Но все это еще будет, а пока Комлин лежит в госпитале. Инспектор открыл глаза, и взгляд его упал на кусок миллиметровки. «...С этим зверьем — обезьянами и собаками — ничего не узнаешь. Надо самому», — прочитал он. Может быть, Комлин прав?

Нет, Комлин не прав. Не прав дважды. Он не должен был идти на такой риск, и, уж во всяком случае, не должен был идти на такой риск в одиночку. Даже там, где не могут помочь ни машины, ни животные (инспектор снова взглянул на кусок миллиметровки), человек не имеет права вступать в игру со смертью. А то, что делал Комлин, было именно такой игрой. И вы, профессор Леман, не будете директором института, потому что не понимаете этого и, кажется, восхищаетесь Комлиным. Нет, товарищи, говорю я вам! Под огонь мы вас не пустим! В наше время мы можем позволить себе отмерять семьдесят семь раз, прежде чем отрезать. В наше время вы, ваши жизни дороже для нас, чем самые грандиозные открытия.

Вслух инспектор сказал:

— Я думаю, что можно писать акт расследования. Причина несчастья понятна.

— Да, причина понятна, — проговорил директор. — Комлин надорвался, пытаюсь поднять шесть спичек.

Инспектора провожал директор. Они вышли на площадь и неторопливо двинулись к вертолету. Директор был рассеян, задумчив и никак не мог приспособиться к неспешной, ковляющей походке инспектора. У самой машины их догнал Александр Горчинский, взлохмаченный и мрачный. Инспектор, уже пожав руку директору, взбирался в кабину — это было трудно ему.

— Ноют старые раны, — пробурчал он.

— Андрею Андреевичу уже значительно лучше, — негромко сказал Горчинский. — Через месяц он будет здоров.

— Знаю, — сказал инспектор, усаживаясь наконец с довольным кряхтением.

Подбежал пилот, торопливо вскарабкался на свое место.

— Будете писать рапорт? — осведомился Горчинский.

— Буду писать рапорт, — ответил инспектор.

— Так... — Горчинский, шевеля усиками, посмотрел инспектору в глаза и вдруг спросил высоким тенорком: — Скажите, пожалуйста, вы не тот Рыбников, который в шестьдесят восьмом году в Кустанае самовольно, не дожидаясь прибытия автоматов, разрядил какие-то штуки?

— Александр Борисович! — резко сказал директор.

— ...Тогда еще что-то случилось с вашей ногой...

— Прекратите, Горчинский!

Инспектор промолчал. Он крепко стукнул дверцей кабины и откинулся на мягком сиденье.

Директор и Горчинский стояли на площади и, задрвав головы, смотрели, как большой серебристый жук со слабым гудением проплыл над семнадцатизэтажной бело-розовой громадой института и исчез в синем предвечернем небе.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Испытание «СКИБР»

1

Ночь была ясная и лунная. Было очень холодно и тихо. Но они не замечали ни холода, ни тишины, ни лунного света. Потом Акимов увидел, что Нина сутулится и прячет ладони под мышки, и накинул на нее свою куртку. Нина остановилась.

— Ты рад, что я прилетела? — спросила она.

— Очень. А ты?

— Очень. Очень, милый! — Она встала на цыпочки и поцеловала его. — Я ужасно счастлива. Просто ужасно.

Акимов обнял ее за плечи и повернул лицом к долине.

— Смотри, — сказал он. — Это Серая Топь.

Над долиной висели седые полосы тумана. Вдали они сливались в плотное серебристое полотно, за которым застывшими волнами чернели холмы. Еще дальше в мутно-голубом небе были видны бледные тени вершин горного хребта. Было очень тихо, пахло росой на увядшей траве.

— Серая Топь, — повторил Акимов. — Наш полигон.

Нина прижалась к нему, пряча подбородок в куртку.

— Ты похудел, — сказала она. — Тебе не холодно?

— Нет.

— И ты стал выше.

— Не может быть, — сказал он. Он вытянул губы дудкой и выдохнул в лунный свет облачко пара. — Я себя отлично чувствую, малыш.

Они пошли дальше. Акимов продолжал обнимать ее за плечи, и это было удивительно хорошо, хотя и немного неудобно, потому что он был гораздо выше ее. Нина смотрела под ноги и старалась наступить на толстую тень, скользившую впереди по тропинке.

«Нам пора быть вместе, — подумал Акимов. — Мы знаем друг друга два года, а вместе были всего несколько недель. Как будто я межпланетник! И мы начинаем забывать друг друга. Например, я забыл, как она сердится. Помню только, что она очень забавна, когда сердится. Просто прелесть. Завтра я прогоню скибров по Серой Топи, и мы вернемся домой».

Он остановил ее и сказал торжественно:

— Завтра мы вернемся домой. Завтра мы будем дома вместе и навсегда.

— Вместе и навсегда... — повторила она с наслаждением. — Вместе и навсегда!

Даже не верится.

Потом она сказала:

— А вот Быков... — Она не знала, почему вспомнила Быкова. — Вот Быков вернется домой не скоро.

Он промолчал.

— Быков будет лететь долгие годы. День за днем, месяц за месяцем. Далеко впереди сверкает звездочка... — Она заглянула ему в глаза. — А ты бы полетел?

— Еще бы! — сказал он. Он даже усмехнулся. — Только меня не возьмут.

— Почему?

— Потому что я слишком узкий специалист. А в такие экспедиции отбирают людей с двумя, тремя специальностями... Мне не чета.

— Все равно, — сказала она. — Ты лучше всех.

Она улыбнулась и закрыла глаза. Можно было идти с закрытыми глазами. Он вел ее.

«Завтра мы вернемся домой, — подумала она. — А Быков улетит к звездам. Почему я думаю о нем? Большой, угрюмый Быков... Когда нас познакомили, он как-то странно поглядел на меня — словно прицеливался. Или мне показалось? У него широкое лицо и маленькие холодные глаза. Лицо, как у большинства межпланетников, покрыто пятнистым коричневым загаром. В турболете Быков молчал и перелистывал журналы...»

Она поглядела на Акимова снизу вверх.

— Слушай, — сказала она, — эти твои... скибры, они очень важны для космолетчиков?

— Вероятно.

— Я тоже думаю, что важны. Иначе зачем было Быкову приезжать за ними самому, правда?

— Правда.

«Действительно, почему Быков приехал сам?» — подумал он.

— Здесь ступеньки.

Она не заметила, как они поднялись на холм. Каменные ступеньки вели на широкую бетонную площадку. Посреди площадки темнел плоский купол из гофрированной пластмассы. Купол был мокрый от росы, и на нем лежали скользкие лунные блики.

— Что это? — спросила Нина.

Акимов сказал:

— Наша мастерская. Здесь мы держим наше Панургово стадо. Хочешь посмотреть?

— Конечно, хочу.

— Кстати, ты немножко согреешься.

Акимов повел ее к куполу. Толстая тень бежала теперь сбоку по бетону. Бетон был тоже мокрый от росы и блестел под луной. Они обошли купол кругом. Акимов пошарил в кармане, достал плоский свисток и приложил к губам. Нина не успела зажать уши. Она ощутила неприятный толчок в барабанные перепонки и сморщилась. Сегмент купола, шурша, сдвинулся, открывая низкую прямоугольную дверь.

— Терпеть не могу ультразвук! — жалобно сказала Нина. — По-твоему, обыкновенный замок хуже?

— Это не я, — сказал Акимов. — Это выдумки Сермуса. Входи.

Они вошли, и дверь сейчас же закрылась за ними. Мастерская осветилась. Нина тихонько ойкнула, попятилась и наступила Акимову на ногу. Акимов взял ее за плечи.

— Не бойся, малыш, — сказал он весело.

В нескольких шагах перед ними стоял странный механизм. Нина уже несколько лет работала мастером-наладчиком автоматов и видела немало странных машин, но таких чудовищ не видела никогда. Он был похож на гигантского муравья, вставшего на дыбы. Приплюснутое овальное брюхо покоилось на шести суставчатых рычагах, а над ним, как восклицательный знак, торчала не то грудь, не то шея, увенчанная тяжелой рогатой головой с крохотными тусклыми глазками. Перед грудью, словно передние лапы кенгуру, висели сложенные втрое мощные манипуляторы. Машина была величиной с годовалого теленка и выкрашена в сиреневый цвет. На спине ее четко выделялась черная двойка.

Нина огляделась. В стороне стояли еще два таких же чудовища. На их спинах были выведены единица и тройка. Она спросила:

— Это и есть скибры?

— Да, — сказал Акимов. — «СКИБР». Система кибернетических разведчиков. Собственно, это «кентавры». Хороши?

Она ответила шепотом:

— Хороши! Они похожи знаешь на кого? На богомоллов.

— На богомоллов? — Акимов с интересом оглядел машины, словно видел их впервые. — Пожалуй. Да, очень похожи на насекомых. Но мы назвали их «кентаврами». Тоже похожи, правда? Пойдем.

Они направились к столу в глубине мастерской. Головы богомол-кентавров словно по команде повернулись к ним. Это было неожиданно и как-то неправдоподобно. Нина остановилась.

— Они следят за нами? — спросила она вполголоса.

— Не за нами, — сказал Акимов. — За тобой. Меня они знают. И потом, это не они, а он.

— Кто?

— Он. «Оранг».

Только теперь Нина заметила позади «кентавров», занумерованных единицей и тройкой, нечто вроде цистерны на широких гусеницах. В верхней части цистерны оживленно мигали разноцветные огоньки.

— «Оранг»? — сказала Нина. — Теперь, конечно, все понятно. Все очень просто и ясно.

— Я тебе объясню. Понимаешь... — Акимов подвел Нину к столу и усадил на единственную табуретку. — Понимаешь, «СКИБР» — это система роботов, кибернетическая система. «Оранг» — управляющий орган системы, ее «большой мозг», а «кентавры» — ее эффекторы, исполнительные органы. Собственно, «Оранг» и три «кентавра» — это единый организм, части которого не связаны между собой механически. «Оранг» управляет «кентаврами», как мы управляем своими руками, ногами... глазами, скажем. Но управляет на расстоянии. Вот сейчас «Оранг» рассматривает тебя глазами своих «кентавров».

— Пусть бы уж он лучше не рассматривал, — сказала Нина, демонстративно поворачиваясь к роботам спиной. Но она не удержалась и спросила: — И это все ты изобрел сам?

— Нет, что ты! — Акимов даже засмеялся. — Конечно, нет. Я всего-навсего программист. Систему строили шесть заводских лабораторий и два института. Нам — Сермусу и мне — осталась только доводка — тонкое программирование. Правда...

Нина оглянулась и увидела, что «кентавр» с тройкой на спине как-то боком приближается к ним, неторопливо переступая шестью лапами-рычагами и тихонько покачивая головой.

— Вам что, товарищ? — спросила Нина.

«Кентавр» остановился.

— Видишь, «Оранг» хочет познакомиться с тобой поближе, — сказал Акимов. — Он очень любит знакомиться.

— В другой раз, если можно, — сказала Нина. — Когда-нибудь в другой раз.

Акимов засмеялся и достал из кармана ультразвуковой свисток. Нина зажала уши. Акимов свистнул, и «кентавр» прежним неспешным аллюром, не поворачиваясь, вернулся к «Орангу». Нина проводила его любопытным взглядом.

— Странная форма для машины, — заметила она. — Настоящий богомол.

Акимов сказал:

— По-моему, для эффекторного механизма форма очень рациональная. К тому же выдумали ее не мы.

— Кто же?

— «Оранг».

Нина прикусила губу и оглянулась на «Оранга». Сиреневая цистерна на гусеницах выглядела очень мирно.

— Слушай, — сказала Нина, — как устроен «мозг» этой системы? Ведь это не полупроводники, конечно?

— Ага, — засмеялся Акимов, — все-таки интересно? Специалист остается специалистом.

Нина и глазом не моргнула.

«СКИБР» представлял собой чрезвычайно сложный механизм, непрерывно воспринимающий обстановку и непрерывно реагирующий на нее в соответствии с требованиями основной программы — собирать и передавать самую разнообразную информацию об этой обстановке. Создание такого механизма потребовало отказа от классических форм кибернетической техники — полупроводников, губчатых метапластов, волноводных устройств. Необходимо было принципиально новое решение. Оно было найдено в использовании замороженных почти до абсолютного нуля квантово-вырожденных сложных кристаллов с непериодической структурой, способных претерпевать изомерные переходы в соответствии с поступающими сигналами. Были отысканы и средства регистрации этих переходов и превращения их в сигналы на эффекторы.

Нина вздохнула:

— Нет, для меня это слишком сложно. Вырожденные кристаллы... Изомерные переходы...

— Я всегда говорил тебе, чтобы ты занялась теорией, — назидательно сказал Акимов.

— А время? Ведь я рисую.

— Да... Конечно. Я совсем забыл.

Он наклонился, взял ее руки в свои и приложил ее ладони к своим щекам. Щеки были горячие и колючие.

— Тебе бриться надо, — шепнула она.

— Угу...

Он испытывал блаженство. «Навсегда и вместе, — подумал он. — Вместе и навсегда».

Сиреневые страшилища почтительно тарасились на них, «Оранг» меланхолично мигал цветными огоньками.

— Слушай, — спросила Нина, — а почему они сиреневые?

Акимов пожал плечами:

— Откуда я знаю? Если бы они были оранжевыми, ты спросила бы, почему они оранжевые. Это «Оранг» решает. Сегодня утром они были желтыми.

Нине стало смешно. Она прыснула и закашлялась. Акимов похлопал ее по спине.

— Я серьезно говорю, — сказал он. — Ведь это самоорганизующаяся система. И характеристики системы определяет сам «Оранг». И чем он руководствовался, окрашиваясь в сиреневый цвет, знает только он сам. Мы можем только догадываться. Может быть, это он из-за тебя.

— Поразительный нахал, — сказала Нина. — Интересно, что он этим хочет сказать? Подумай, ведь он и тебя мог бы выкрасить в сиреневый цвет. Или в желтый.

Она снова вспомнила Быкова и замолчала. Акимов сидел, закрыв глаза, и думал, какие у нее мягкие, теплые, сильные руки.

— Слушай, — сказала Нина, — ты думаешь, они помогут Быкову? Ты думаешь, Быков серьезно рассчитывает на них?

— Вероятно. Во всяком случае, с ними лучше, чем без них. Все-таки меньше риска. Вот Быков сажает корабль на неизвестной планете. О ней ничего нельзя сказать заранее. Сейчас нельзя даже наверняка сказать, что она существует. Он сажает корабль. Может быть, там камни взрываются под ногами. Или океаны из фтороводорода. Или электрические разряды в миллионы вольт. В общем, неизвестно и опасно. И Быков посылает на разведку роботов. Вот этих скибров. Роботы узнают все, расскажут, посоветуют, что делать. Так я себе это представляю.

— Тогда это очень важно, — проговорила Нина.

— Да...

«Если Быков решит садиться, — подумал Акимов. — Если вообще будет где садиться. Но главное — почему Быков приехал сам? Почему не приехал его кибернетист?»

— Мне уж-жасно хочется, чтобы Быкову понравились ваши скибры, — сказала Нина.

— Мне тоже. Завтра он посмотрит. Наше стадо в порядке генеральной репетиции пройдет по Серой Топи. Десять километров сюрпризов и развлечений.

— Каких сюрпризов?

— Всевозможных. — Он взглянул на часы. — Малыш, у нас еще целых шесть часов! Пойдем ко мне, я напою тебя чаем. Чудесным горячим чаем...

Они вышли из мастерской (сиреневые «кентавры» качнулись им вслед, но не двинулись с места) и остановились на краю бетонной площадки.

Ночь шла на убыль. Туман над Серой Топью стал плотнее, небо на востоке посветлело. Над бледными тенями далекого горного хребта висела яркая звезда — искусственный спутник «Цифэй», с которого фотонный исполин Быкова будет стартовать в межзвездное пространство.

2

Утром с юга приползли тяжелые тучи, и на землю посыпалась мелкая водяная пыль. Но туман над Серой Топью разошелся. Стали видны кусты с пожелтевшими листьями, кочковатые пригорки в щетинистой травке, темные болотные лужи.

Около одиннадцати к мастерской подъехал вездеход на шаровых шасси. Из вездехода вышел огромный грузный человек с темным, почти коричневым неподвижным лицом — Антон Быков, знаменитый межпланетник, сын и внук межпланетников, командир фотонного корабля «Луч». Он молча протянул руку — сначала Акимову, затем Сермусу — и медленно кивнул Нине, которая стояла в стороне, кутаясь в лиловый плащ.

— Здравствуйте, товарищ Быков. Можно начинать? — спросил Акимов.

— Можно, — сказал Быков. У него был глухой, бесцветный голос.

Сермус, очень взволнованный и поэтому непривычно суетливый, поднес к губам плоский свисток и беззвучно свистнул три раза. Дверь мастерской отползла в сторону. Сермус свистнул еще раз.

Первыми, как скаковые лошади из конюшни, выбежали сиреневые «кентавры», гуськом спустились по склону холма, огляделись, забавно поворачивая рогатые головы, и замерли. Послышалось стрекотание, и из мастерской выкатился «Оранг». Быков крикнул: «кентавры» и «Оранг» вдруг словно по волшебству окрасились в серо-стальной цвет.

«Оранг» перевалился через край площадки, осторожно сполз с холма и остановился рядом с «кентаврами».

— Фот наши шелесные тетишки, — сказал Сермус.

Акимову стало смешно. Во-первых, в «детешках» не было ни одного атома железа — они были построены из кремнийорганических пластиков, а привод их был биохимический, энергия генерировалась и использовалась непосредственно в их рабочих деталях. Во-вторых, сентенция Сермуса звучала не к месту высокопарно. Сермус был хороший парень, но обожал прочувствованные слова. Акимов покосился на Быкова. Но Быков только кивнул, не отрывая взгляда от роботов.

Акимов кашлянул и сказал:

— Дано задание провести детальную разведку Серой Топи точно с севера на юг в полосе шириной пятьсот метров. Длина маршрута — десять километров. Маршрут осложнен различного вида искусственными препятствиями.

Он остановился, ожидая, что Быков спросит о препятствиях. Но Быков не спросил. Он смотрел на роботов и время от времени платком стирал с лица дождевую пыль. Акимов продолжал:

— При высадке на неизвестной планете рационально будет пускать скибров по спирали вокруг корабля. Здесь я не решился на это, так как в семи километрах к северу отсюда проходит шоссе. Большое движение.

— Вы опасаетесь, что роботы натворят на шоссе что-нибудь? — спросил Быков бесцветным голосом.

— Собственно... — Акимов посмотрел на Сермуса, оглянулся на Нину и улыбнулся. — Год назад у нас была небольшая неприятность.

Быков наконец отвернулся от роботов и уставился на Акимова. У Быкова были маленькие, без ресниц, острые бледные глаза.

— А именно? — спросил он.

Год назад, когда тонкая доводка программы была еще далеко не завершена, Акимов и Сермус выпустили систему в первый пробный поход. «Кентавры» должны были пройти через сосновый лес к шоссе, дойти до мачты релейной передачи и вернуться обратно, спилив предварительно дерево в тридцать сантиметров толщиной. Сначала все шло хорошо. «Кентавры» довольно аккуратно прошли через лес, понюхали шоссе, подошли к мачте... и спилили ее.

— Спилили мачту релейной передачи? — удивился Быков.

— Да. И у нас были неприятности с радистами.

Быков покачал головой и сказал:

— Это еще не так страшно. Вот если бы вместо мачты там оказался кто-нибудь из радистов... Радист, перепиленный пополам при исполнении служебных обязанностей.

Акимов ответил на эту вспышку межпланетного юмора вежливой улыбкой. Но Сермус, как всегда, все принял всерьез.

— О нет, — горячо сказал он. — Это нефосомно. Ропоты никогда не причинят фрета лютям.

— Теперь, разумеется, ничего подобного случиться не может, — сказал Акимов. — Но, знаете, уйти от зла... Все готово, Сермус?

— Котово.

— Пускай.

Сермус поднял к губам свисток, и испытание «СКИБР» началось. «Кентавры» неторопливо пошли вперед. Они шли зигзагами, то сходились, то расходились, шлепали по лужам и продирались через кусты. «Оранг», помигивая цветными огоньками, полз метрах в двадцати от них, подминая под гусеницы мокрую осоку.

Акимов повернулся к Быкову:

— В мастерской есть телевизоры. Можно наблюдать за системой со стороны или глазами «кентавров», как хотите.

— Я предпочел бы ехать вслед за ними.

— Можно и так, — согласился Акимов. — Но «Оранг» будет передавать данные разведки в мастерскую.

— Меня не интересуют данные разведки, — сказал Быков и пошел к вездеходу.

— Но метот перетачи информации... — растерянно начал Сермус.

— Меня не интересует метод передачи информации, — сказал Быков не оборачиваясь.

«Что же тебя интересует тогда, старая черепаха?» — подумал Акимов. Ему очень захотелось двинуть Быкова кулаком в толстую коричневую шею. Быков ему не нравился. Кроме того, теперь было очевидно, что Быков, космогатор и старый межпланетный волк, не сможет оценить по достоинству великолепные качества скибров. В лучшем случае Быков похлопает в ладоши и одобрительно улыбнется. Если он умеет улыбаться, черти бы его побрали!.. Но тут Акимов вспомнил, что через два-три часа испытание закончится и он с Ниной вернется домой, а Быков на долгие годы, если не навсегда, улетит к звездам. Он посадил Нину в вездеход, сел рядом и прижался к ней плечом. Она улыбнулась, но в

ее улыбке было что-то неуверенное. Вездеход заворчал и медленно покатился, переваливаясь через кочки, за огоньками «Оранга».

Дождь продолжался, но спектролитовый колпак вездехода оставался чистым и прозрачным. Впереди, метрах в пятидесяти, маячили за пеленой водяной пыли серые фигурки «кентавров». «Оранг» сильно отстал от них и полз теперь рядом, справа от вездехода, удивительно похожий на мокрого серого слоненка, неуклюжего и добродушного. Акимов сказал в широкую спину Быкова:

— При необходимости «кентавры» могут удаляться от «мозга» на расстояние до пяти, шести и даже до восьми километров.

Широкая спина даже не шевельнулась. Акимов почувствовал, что краснеет.

— В случае нарушения связи, — сказал он, повысив голос, — «кентавры» сами возвращаются и ищут «мозг». Тогда они переходят на световую и звуковую сигнализацию. Сами ищут, — повторил он отдельно.

Нина положила пальцы на его руку. Сермус смущенно покашлял в пухлую ладошку. Вездеход круто накренился, объезжая замшелый пенёк, и в этот момент Акимов увидел глаза Быкова. Он увидел их всего на одну секунду в овальном зеркале перед местом водителя. Глаза разглядывали Акимова с каким-то странным, напряженным выражением. Вездеход выпрямился, и в зеркале запрыгала полуседая щетина над коричневым лбом.

Сермус кашлянул еще раз и сказал, галантно наклонившись к Нине:

— Феликолепные машины, не прафта ли, Нина Ифановна?

Нина улыбнулась ему и поглядела на Акимова. Акимов хмурился и кусал губы. Во всяком случае, он больше не сердился. Нина сказала:

— Они слишком умны, эти ваши машины.

Сермус засиял и несколько раз кивнул головой.

— О, пока не столь утифительно, Нина Ифановна. Интересное путет посше.

Прошло минут сорок. Половина маршрута осталась позади. «Кентавры» бежали деловито и немного суетливо, словно борзые на сворке, временами останавливаясь, чтобы не то осмотреть, не то обнюхать почву под ногами. Длинные шеи-груды и рогатые головы плавно покачивались на ходу. «Кентавры» без задержки проламывались сквозь густой кустарник, расчищая широкие просеки для «Оранга», с ходу перебирались вброд через ручьи и топкие участки, оставляя за собой для «Оранга» надежные гати из высохших веток и охапок сухой травы.

На берегу рыжего заболоченного озера, самого скверного места Серой Топи, «кентавры» замешкались, запрыгали взад и вперед по брюхо в грязи. Затем они бросились в воду и поплыли, взбивая желтую пену, а «Оранг» пошел в обход, протиснулся между озером и границей пятисотметровой полосы и встретил их на противоположном берегу, облепленных тиной и скользкими водорослями.

Нина захлопала в ладоши. Сермус улыбнулся:

— Он перехитрил нас. Но это пока не столь утифительно.

Он огляделся, подумал и повернулся к Акимову:

— Фремя?

Акимов кивнул. Тогда Сермус достал из нагрудного кармана черный коробок радиодина и нажал кнопку вызова.

— Архангельский слушает, — послышался слабый голос.

— Кофорит Сермус. Фремя, Коля.

— Есть, Эрнест Карлович!

Сермус спрятал радиодина и стал глядеть вперед, вытянув шею, через голову водителя.

Вездеход шел почти бесшумно, поэтому они сразу же услышали доносившийся откуда-то прерывистый механический рев и скрежет и лязг металла. Нина почувствовала на спине неприятный холодок. Где-то в глубине ее подсознания эти звуки будили странные образы, жуткие и отвратительные. Вероятно, виноват был ее прадед,

артиллерист, по семейным преданиям четыре года имевший дело с фашистскими танками на дымных полях Великой войны.

Да, это был танк. Старинная боевая машина, широкая и приземистая, вся в ярких пятнах оранжевой ржавчины. Танк появился сбоку на гребне холма и, разбрызгивая грязь, покатился на остановившихся «кентавров».

— Имитация активного нападения, — сказал Акимов. — На танке киберводитель, настроен на частоту управления системы.

— Где вы его откопали? — проворчал Быков. — Он не стреляет?

— Нет, — сказал Акимов.

«Действительно, где они его откопали?» — подумала Нина. Последние танки пошли в мартены десятки лет назад, и раздобыть этот уникальный экземпляр было, вероятно, не просто.

«Кентавры» ждали. «Оранг» тихонько отполз ближе к вездеходу. Казалось, он колеблется, не зная что предпринять. В искусственном мозгу с неуловимой быстротой менялись пространственные ориентации кристаллических решеток, возникали и мгновенно распадались диковинные, никем и никогда не зарегистрированные молекулярные связи, проносились электронные вихри и вихрики... «Оранг» думал — искал аналогии, сопоставлял, рассчитывал. Но ему еще не хватало данных. Нина подумала о настоящих живых людях, о тех, кто когда-то, давным-давно, впервые увидел перед собой танки.

— Танк раздавит их? — шепнула Нина.

— Тогда наша работа ни к черту не годится, — ответил Акимов. Чтобы лучше видеть, он привстал, держась за спинку сиденья. — Ага, наконец-то!

«Кентавры» перестроились, вытянулись цепочкой навстречу танку. Танк двигался на крайнего слева, помеченного единицей. Сетка дождя искажала перспективу, и казалось, что он уже среди «кентавров». Нине бросилась в глаза удивительная легкость, пожалуй, даже грация шестиногих роботов рядом с громоздкой зловещей машиной. Они даже пританцовывали на месте, словно боксеры перед схваткой.

В последний момент, когда испачканная мокрой землей гусеница нависла над «кентавром», тот прыгнул в сторону. Танк проскочил несколько метров, окатив «единицу» водопадом грязной воды, выпустил клуб сизого дыма и с ревом развернулся на одной гусенице.

«Кентавры» вновь перестроились. «Единица» затанцевала на месте, «двойка» и «тройка» перебежали, отрезая танку дорогу к «Орангу». «Оранг» неторопливо, даже как-то с ленцой, попятился еще немного. Огоньки на его корпусе погасли. Танк с громом и лязгом ринулся вперед, похожий на чудовищного носорога, ослепшего от ярости. «Кентавры», пританцовывая, дождались его и снова легко расступились. Тогда на серых боках «Оранга» вновь вспыхнул сложный рисунок огоньков. И в тот же момент танк остановился. Он остановился мгновенно, как вкопанный, надрывный рев двигателя стих, и все три «кентавра» мигом вскарабкались на него, активно шевеля манипуляторами. «Оранг» стоял, уютно пофыркивая и совершенно равнодушно мигая разноцветными огоньками.

— «Оранг» переключил частоту настройки, — сказал Акимов.

— Я думала, «Оранг» его уничтожит, — проговорила Нина, переводя дух.

— Сачем? — вскричал Сермус очень пронзительно. — «Оранк» просто всял на сея управление! Сачем разрушать, если мощно использовать? Молотец, «Оранк»! Умнитца, «Оранк»!

— И что теперь будет? — деревянным голосом спросил Быков.

— Посмотрим, — ответил Акимов сдержанно.

— А вы что — не знаете?

— Предполагаю, — сказал Акимов.

И Нина тотчас положила ладонь на его рукав.

«Кентавры» перестали возиться на танке, прыгнули, выстроились в цепь и побежали дальше. «Оранг» двинулся следом, а танк вдруг затрясся, лязгнул гусеницами, неуклюже развернулся и пополз в хвосте, уныло переваливаясь на кочках. По его ржавым бокам стекали дождевые струйки. У него был очень покорный и смиренный вид.

— Мы отстаем, — сказал Быков. — Поехали.

Вездеход догнал «Оранга» и покатился рядом. «Оранг» деловито («Как ни в чем не бывало», — подумала Нина) шлепал гусеницами по мокрой траве. Покоренный танк полз левее, расплескивая грязь, оставляя за собой длинный шлейф сизого дыма. «Кентавры» бежали метрах в тридцати впереди. Они были изумрудно-зеленого цвета.

Дождь немного усилился, когда впереди появилась длинная высокая стена, сложенная из огромных гранитных глыб. Стена пересекала поперек полосу маршрута и выглядела очень солидно. Сермус крепко потер ладошки и покашлял насмешливо.

«Кентавры» медленно подкрались к стене, пощупали ее манипуляторами и вдруг разбежались в разные стороны вдоль гранитной преграды — один направо, двое влево. «Оранг» повернулся к стене боком и стал ждать.

— Давайте отойдем немного, — сказал Акимов водителю, и вездеход отполз на несколько метров назад. — Так, хватит.

«Кентавры» снова собрались вместе и выстроились перед стеной в ряд. «Оранг» неторопливо подполз к ним и остановился рядом. Танк сиротливо торчал в стороне, всеми покинутый и забытый.

— Берегите глаза, — сказал Акимов.

Что-то треснуло, и по серому граниту скользнула ослепительная фиолетовая молния. Стена дрогнула. Друмм! Друмм! Над стеной взлетел фонтан серого дыма вперемешку с гранитной щебенкой. Друмм! Друмм! На граните вспыхивали малиновые пятна, и было видно, как разлетаются циклопические глыбы и стена оседает, разорванная широкими уродливыми трещинами. Друмм! Дррах! «Кентавры» и «Оранг» стояли перед стеной и по очереди расстреливали ее крошечными ампулами с замкнутыми в магнитные кольца струйками дейтериевой плазмы. Расстреливали спокойно, деловито, не торопясь.

Через минуту все было кончено. Стрельба прекратилась, стало очень тихо, слышно было, как что-то шипит и трещит в раскаленном щебне. «Кентавры» двинулись в широкий пролом, окутанный серым облаком дыма и пыли. «Оранг» подождал немного, пропустил вперед себя танк и тоже нырнул в горячее облако.

— Хорошо! — коротко сказал Быков.

Но Акимов снова поймал в зеркальце его взгляд — странный, какой-то напряженный, словно межпланетник хотел и не мог себя заставить сказать что-то. Прославленный Быков был чем-то встревожен, и эта тревога была непонятным образом связана с ним, Акимовым, рядовым инженером-программистом. Это было очень странно.

Вездеход, тяжело скрипя по гранитным обломкам, миновал пролом. Стена была толстая, очень толстая — не менее двух метров.

— Фот, фитите, Нина Ифановна, — торжествуя сказал Сермус. — Фот тот столбик. Это конец маршрута. Но сначала путет очень интересно.

Нина нашла глазами белый столбик, и в тот же момент «Оранг» остановился. «Кентавры» бежали еще некоторое время, потом тоже остановились и начали пятиться. Они пятились очень осторожно, остановились рядом с «Орангом» и медленно налились красным светом.

— Глядите, — шепнула Нина. — Покраснели! Засмутились...

— Неушели он почуял? — благоговейно проговорил Сермус.

— Что почуял? — спросила Нина.

Видимо, «Оранг» принял решение. Покорный и утихший танк вдруг ожил. Взревел двигатель, комья грязи рванулись из-под гусениц, и огромная машина, грохоча и лязгая, кинулась вперед к заветному столбику. Никто не успел сказать ни слова. Раздался громовой удар, из-под гусениц танка взлетел оранжевый веер огня, чудовище

подпрыгнуло и застыло на месте, перекошенное, почерневшее, искалеченное. Густой черный дым повалил от него, пачкая топь жирной копотью.

— Опнарушил! — крикнул Сермус. — Опнарушил! Сейчас путет расминировать!

— Имитация икс-обстановки, — торопливо пояснил Акимов.

— Имитация чего? — спросил Быков.

— Икс-обстановки. Обстановки, которую невозможно предвидеть. Минное поле.

— Час от часу не легче, — пробормотал Быков. — Как в историческом фильме...

— «Оранг» обнаружил мины? — спросила Нина.

— Та, та, — сказал Сермус нетерпеливо. — Сейчас путет расминировать.

Но «Оранг» не стал разминировать. Во всяком случае, не стал разминировать так, как ожидал Сермус. «Кентавры» не полезли на минное поле, не стали выкапывать мины и вывинчивать их взрыватели. Они взобрались все трое на горящий танк и открыли пальбу. Прежде чем оглушенные и ослепленные наблюдатели успели прийти в себя, через минное поле к белому столбику — теперь уже не белому, а черному от огня и пыли — протянулась широкая полоса перевороченной земли и булькающей кипящей воды. «Кентавры» — на этот раз нежно-голубые — торопливо приблизились к столбику, обнюхали его, окрасились в серо-стальной цвет и вернулись к «Орангу». Испытание окончилось.

— Вот и все, — сказал Акимов устало. — Теперь можно домой.

Нина счастливо улыбнулась.

— Вместе и навсегда, — прошептала она.

И тут Быков обернулся.

— Мне нравятся ваши машины, — сказал он. — Они нам нужны. И вот что... — Он помолчал. — Мне нужно поговорить с вами, Акимов. Если нетрудно, зайдите ко мне после обеда.

3

Вероятно, Быков просто не знал, с чего начать. Он щурился на серое небо за прозрачной стеной, крихтел, гладил колени и барабанил по подлокотнику кресла толстыми, сильными пальцами. Пальцы были коричневые, в неправильных белых пятнах — следах космических ожогов. «Интересно, долго он будет молчать?» — подумал Акимов. Потом он подумал, что турболет в Новосибирск улетает через два часа. Потом он вспомнил, что оставил в мастерской подарок Нины — букет «вечных» цветов. Потом он подумал, что Нина, вероятно, уже упаковала чемоданы и теперь болтает с Сермусом. Сермус оставался в мастерской еще на неделю, и Акимову было немного неловко перед ним.

— Так вот, — сказал Быков бесцветным голосом. — Дело вот в чем...

После этого он опять замолчал на минуту, хрустнул пальцами и пожевал губами. Акимов нетерпеливо заерзал в кресле.

— Да. Дело вот в чем... — повторил Быков. — Скажите, Акимов, вы... Вы ведь работали над системой около двух лет, так?

— Так, — согласился Акимов.

— Сложное это дело — тонкое программирование?

Тонкое программирование «мозга» нового типа потребовало строжайшей изоляции места работы от всех внешних влияний. Поэтому работы пришлось проводить не в исследовательском центре, а здесь, вдали от крупных предприятий, от мощных линий силовых передач, от шума и гула большого города, в изостатических помещениях на глубине пятидесяти метров под холмом с пластмассовым колпаком. И поэтому Акимов провел здесь два года почти безвыездно, в напряженной ювелирной работе.

Но Акимов не стал говорить об этом Быкову. Он сказал только:

— Да, довольно сложное.

— Чем вы думаете заниматься дальше? — спросил Быков.

Акимов неохотно сказал:

— Буду работать в Новосибирском университете. Нельзя тратить по два года на каждую систему. У нас с Сермусом есть кое-какие идеи. Программирование программирования.

У них были «кое-какие идеи», и эти идеи очень увлекли их: рассчитать криотронные кристаллизаторы, выращивать готовый, запрограммированный «мозг»... привлечь к этому делу математиков, физиков, в первую очередь «гения кибернетики» профессора Сунь Ситао из Кайфына. Но он не стал говорить и об этом.

Впрочем, Быков не настаивал. Он помолчал, побарабанил пальцами по подлокотнику и с трудом произнес:

— Дело, собственно, в том, что... Да. Видите ли, две недели назад наш кибернетист сломал позвоночник. Спортивные игры, несчастный случай. Да. Он лежит в госпитале... Говорят, он уже никогда не сможет летать.

«Турболет улетает через полтора часа», — подумал Акимов. И вдруг он понял, о чем говорит Быков.

— Сломал позвоночник? — спросил он. — И никогда уже не сможет летать?

Быков кивнул, не поднимая глаз:

— Никогда. А мы стартуем через неделю.

Тогда Акимов вспомнил ночь, многие ночи, яркий спутник «Цифэй» над горизонтом. И маленькую, хрупкую Нину, которая так счастлива, что они будут вместе и навсегда.

— Я понимаю, — сказал Акимов.

Быков молчал, глядя себе в колени.

— Я понимаю, — сказал Акимов. — Я тоже кибернетист. Вы хотите, чтобы я...

— Да, да, — сказал Быков. — Мы стартуем через неделю. У нас совсем нет времени... Да, конечно. Я тоже понимаю, это тяжело. Шесть лет туда и шесть обратно... И большой риск, конечно... Только... — Он растерянно взглянул на Акимова. — Вы понимаете, экспедиция немыслима без кибернетиста.

Акимов медленно поднялся.

— Что касается работы, — поспешно заговорил Быков, — пожалуйста. Вы можете работать во время рейса. Книги, микрофильмы, консультации... У нас есть отличные математики... Я понимаю, это слабое утешение, но...

Не год, не два, а двенадцать. Это будет двенадцать лет без Нины.

Акимов не знал, как он скажет ей. Он знал только, что в его глазах сейчас то же выражение мучительного напряжения, какое он видел сегодня в глазах Быкова.

Он повернулся и пошел к двери. На пороге он обернулся и сказал с горьким удовлетворением:

— Вы, оказывается, совершенно обыкновенный человек.

Быков стоял лицом к прозрачной стене, глядел на серое небо и думал: «Сколько лет говорили и писали о конфликтах между чувством долга и тягой к личному счастью. Но кто говорил или писал о человеке, который заставлял сделать выбор?»

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Забывтый эксперимент

1

«Тестудо» остановился перед шлагбаумом. Шлагбаум был опущен, над ним медленно мигал малиновый фонарь. По сторонам уходили в темноту ажурные решетки металлической ограды.

— Биостанция, — негромко сказал Беркут. — Давайте выйдем.

Полесов выключил двигатель. Когда они вылезли, фонарь над шлагбаумом потух, и вдруг густо взревела сирена. Иван Иванович вздохнул полной грудью и сказал, разминая ноги:

— Сейчас кто-нибудь прибежит и станет уговаривать не рисковать жизнью и здоровьем. Для чего мы здесь остановились?

Метрах в тридцати справа от шоссе в теплом сумраке смутно белели стены старых коттеджей. Через бурьян вела узкая тропинка. Одно из окон осветилось, стукнула рама, кто-то сильным голосом осведомился:

— Новокаин привез? — И, не дожидаясь ответа, добавил сварливо: — Сто раз я тебе говорил — останавливайся подальше, не буди людей!

Снова стукнула рама, и стало тихо.

— Гм!.. — хмыкнул Иван Иванович. — Ты привез новокаин, Беркут?

Возле коттеджа появился темный силуэт, и прежний голос позвал:

— Валентин!

— Он нас, видно, с кем-то путает, — сказал Иван Иванович. — Так что же, будем отдыхать? Может быть, поедем дальше?

— Нет, — сказал Полесов.

— Это почему же — нет?

На тропинке зашумел бурьян, меж стволов сосен замелькал огонек папиросы. Огонек описывал замысловатые кривые, рассыпая длинные струи гаснущих искр.

— Сначала разведка, — сказал Полесов.

Человек с папиросой продрался наконец через бурьян, вышел на шоссе и сказал:

— Проклятая крапива! Ты привез новокаин, Валентин? Кто это с тобой?

— Видите ли... — снисходительно начал Иван Иванович.

— Дьявол! Это не Валентин! — удивился человек с папиросой. — А где Валентин?

— Представления не имею, — сказал Иван Иванович. — Мы из ИНКМ.

— Из... ага, — сказал незнакомец. — Очень приятно. Вы извините, — он стыдливо запахнул халат, — я несколько неглиже. Начальник биостанции Круглис... — представился он. — Но я думал, что приехал Валентин. Значит, вы геологи?

— Нет, мы не геологи, — мягко возразил Беркут. — Мы из Института неклассических механик. Мы физики.

— Физики? — Биолог бросил папиросу. — Позвольте... Физики? Так это вы едете в эпицентр?

— Совершенно верно, — подтвердил Беркут. — С вашего разрешения, это именно мы едем в эпицентр. Разве вас не предупредили?

Биолог перевел взгляд на исполинскую черную массу «Тестудо». Затем он обошел Беркута, приблизился к машине и похлопал ладонью по броне.

— Дьявол! — сказал он с восхищением и завистью. — Танк высшей защиты, да? Черт... Везет вам, физикам. А я бьюсь второй год и не могу получить разрешение на глубокую разведку. А мне она нужна позарез. Я бы там... Слушайте, товарищи, — проговорил он унылым голосом, — возьмите меня с собой. Что вам стоит, в конце концов?

— Нет, — сразу ответил Полесов.

— Мы не имеем права, — мягко сказал Беркут. — Нам очень жаль...

— Понимаю, — буркнул биолог и вздохнул. — Да, меня предупредили. Только я не ждал вас так скоро.

— До Лантанида нас подбросили по воздуху, — объяснил Беркут.

Наступила глубокая сонная тишина, от которой сразу стало темнее. Потом невдалеке кто-то крикнул несколько раз, странно и тоскливо. В чаще леса сорвалась с шуршанием тяжелая шишка, царапнула густые ветви и гулко ударилась о землю.

— Филин, — сказал биолог.

— Не похоже, — усомнился Полесов.

Биолог засопел.

— Мальчик, — сказал он, — вы когда-нибудь слышали, как кричит филин?

— Не один раз.

— А вы когда-нибудь слышали, как кричит филин *с той стороны?*

— То есть?

— Из-за кордона, из-за шлагбаума... с той стороны?

— Н-не знаю, — сказал Полесов неуверенно.

— Мальчик, — повторил биолог.

Все снова замолчали, и в темноте снова закричал странный филин.

— Что же мы стоим? — спохватился биолог. — До утра далеко. Пойдемте, я вас устрою на ночь.

— Может быть, все-таки... — сказал Иван Иванович.

— Нет, сначала разведка, — повторил Полесов. — Я думаю, там, впереди, очень плохая дорога...

— На той стороне вообще нет дороги, — заметил биолог.

— ...и вообще неизвестно, что делается, — продолжал Полесов. — Я пущу киберразведчиков в ночной рейд. Они соберут информацию, и утром мы тронемся.

— Правильно, — сказал биолог. — Вот это серьезный подход к делу.

Полесов забрался в танк и зажег фары. От ослепительного света мрак вокруг сгустился, зато ярко вспыхнули белые кольца на шесте шлагбаума и заискрились металлические прутья ограды. Боковой люк танка мягко отвалился. Послышался дробный стук, в полосу света на шоссе выскочили смешные серебристые фигурки на тонких ножках, похожие на огромных кузнечиков. Несколько секунд они стояли неподвижно, затем сорвались с места, нырнули под шлагбаум и пропали в высокой траве на той стороне.

— Это киберразведчики? — с уважением спросил биолог.

— Прекрасные машины, не правда ли? — сказал Беркут. — Петр Владимирович! — негромко позвал он. — Мы пошли. Догоняйте.

— Ладно, — отозвался из танка Полесов.

В коттедже биолога было три комнаты. Биолог сбросил халат, натянул брюки и свитер и отправился на кухню. Беркут и Иван Иванович устроились на диване. Иван Иванович сейчас же задремал.

— Значит, вы в эпицентр, — сказал биолог из кухни. — В эпицентре, конечно, есть на что посмотреть. Особенно сейчас. Кстати, вы имеете хоть какое-нибудь представление о том, что происходит в эпицентре?

— Очень смутное, — ответил Беркут. — Кое-что рассказывали летчики, но близко ведь никто туда не подходил.

— Я сам видел, собственными глазами. Вспышки... Ну, вспышки многие видели. А вот молнии, которые бьют из земли в небо, голубой туман... Вы слышали про голубой туман?

— Слыхали, — сказал Беркут.

Иван Иванович открыл один глаз.

— Я видел его два раза с вертолета, — сообщил Круглис. — Месяц назад, еще до гибели «Галатеи». Туман возникает в эпицентре или где-то в районе эпицентра, расплзается таким широким кольцом и пропадает километрах в ста от кордона. Что это может быть, товарищи физики?

— Не знаю, товарищ Круглис.

— Значит, никто не знает. Мы, биологи, тем более. Очевидно только, что происходит нечто совершенно необычное. Сорок восемь лет после взрыва! Уже уровень радиации снизился в десять раз, уже адгезивы, которыми связали активную пыль, и те распались начисто, и вдруг — пожалуйста! (Иван Иванович открыл второй глаз.) Начинаются какие-то вспышки, пожары, черт, дьявол... — Биолог помолчал, погромел посудой; стало слышно, как уютно свистит закипающий чайник. — Пожаров, правда, больше не бывает. Должно быть, все выгорело, что могло сгореть. Но вспышки... Первая случилась четыре месяца назад, в начале мая. Вторая — в июне. А теперь они повторяются чуть ли не раз в неделю. Яркие бело-голубые вспышки, и мощности, по видимому, необычайной. Судите сами...

Биолог появился в дверях с подносом.

— Судите сами, — повторил он, ловко расставляя посуду. — От кордона до эпицентра больше двухсот километров, а полыхает на полнеба... Прошу к столу... И сразу за вспышкой идет голубой туман.

— Да, мы слыхали об этом, — сказал Беркут.

Биолог снова отправился на кухню, но остановился в дверях.

— Вам известно, что последняя вспышка была вчера ночью? — спросил он.

— Да, спасибо, — сказал Беркут.

— Должен же кто-нибудь начать!.. — проворчал Иван Иванович. — Слушайте, где Полесов?

Биолог пожал плечами, скрылся в кухне и вернулся с шумящим чайником.

— Давайте чай пить, — сказал он. — Подставляйте стаканы.

Иван Иванович допивал второй стакан, когда дверь распахнулась и вошел Полесов. Он был очень бледен и держался за правую щеку.

— Что с вами, Петр Владимирович? — спросил Беркут.

— Кто-то ужалил меня, — сказал Полесов.

— Вероятно, комар?

— Вероятно. — Полесов злобно оскалился. — Только у него пулемет вместо жала, у этого комара.

— Комар с той стороны, — сказал биолог. — Очень просто. Садитесь, пейте чай.

— А кто это орет в кюветах? Я думал, там кто-нибудь тонет.

— Лягушки, — сказал биолог. — Тоже с той стороны.

Иван Иванович со стуком поставил стакан на блюдце, вытер багровое лицо и спросил:

— Мутации?

— Мутации, — подтвердил биолог. — Здесь настоящий заповедник мутаций. Во время взрыва и после, когда уровень радиации был высок, животные в зоне пострадали ужасно. Понимаете? Сразу после взрыва зону огородили, и они не успели разбежаться. Первое поколение сейчас уже вымерло, все последующие изуродованы. Мы здесь восьмой год наблюдаем за ними, иногда ловим, иногда ставим автокинокамеры. К сожалению, нам запрещают уходить на ту сторону глубже чем на пять километров... Один наш сотрудник все же рискнул. Принес фотографии, образцы и прихворнул немного. Нам здорово влетело тогда.

Биолог закурил.

— Вы сами увидите, что там творится. Возникли совершенно новые формы, странные и удивительные. Мы все-таки набрали большой материал. Многие виды просто вымерли. Например, медведи вымерли начисто. Другие приспособляются, хотя и не

знаю, можно ли употреблять этот термин. Вернее сказать, дали мутации, жизнеспособные в условиях повышенной активности. Но, знаете ли...

— А как они реагируют на все это? — спросил Иван Иванович. — На вспышки и так далее?

— Скверно реагируют, — сумрачно ответил биолог. — Очень скверно. Боюсь, нашему заповеднику приходит конец. Раньше они очень редко подходили к ограде. Крупных животных мы почти и не видели. А вот прошлым месяцем сотни дьявольских уродов вдруг среди бела дня устремились прямо на шлагбаум. Зрелище не для слабонервных. Мы выловили несколько штук, остальных отпугнули ракетами. Не знаю уж, от чего они спасались: от вспышек, от голубого тумана или еще от чего-нибудь... Вероятно, от голубого тумана. Думаю, в конце концов они все вымрут. И комаров здесь за последние месяцы стало больше. И птиц, и лягушек. Вот тот филин, например... — Он ткнул окурок в пепельницу и закончил неожиданно: — Так что будьте осторожны там.

— Ничего, — сказал Полесов. — Все-таки у нас танк высшей защиты.

Биолог внимательно поглядел на его распухшую щеку и сказал:

— Знаете что? Давайте я вам укольчик небольшой сделаю. Чем черт не шутит...

Полесов поколебался секунду, взглянул на Беркута и встал.

— Пожалуй, — пробормотал он.

2

Утром Беркут проснулся оттого, что совсем близко кто-то заревел страшным ревом. Беркут отбросил простыни и подошел к окну. У соседнего коттеджа стоял начальник биостанции Круглис и незнакомый человек в белом халате. Круглис курил и морщился, а человек в халате говорил, размахивая руками.

Утро было солнечное. Между стволами сосен в розовой дымке темнела угловатая туша «Гестудо». Возле «Гестудо» возился Полесов. Вероятно, разведчики уже вернулись, подумал Беркут. Он аккуратно убрал постель в стенную нишу, принял душ и со вкусом позавтракал: выпил два стакана крепкого чая и съел два ломтя ветчины. Ветчина была отличная — обезжиренная, розовая, как утренний туман, и такая же нежная.

На крыльце Беркут столкнулся с Иваном Ивановичем.

— Доброе утро, — приветствовал его Иван Иванович. — А я иду тебя будить. Разведчики вернулись.

— Что-нибудь интересное?

Иван Иванович раскрыл было рот, но позади коттеджа кто-то опять заревел глухо и протяжно. Беркут вздрогнул.

— Это дикий кабан, — сказал Иван Иванович. — Его поймали на той стороне.

— По-моему, это больше похоже на рев медведя.

— Что ты! — возразил Иван Иванович. — Медведи вымерли, как известно.

— Ладно, — сказал Беркут. — Пусть их. Что принесли разведчики?

— Опять неожиданность. В общем, пойдём к Полесову.

Они пошли по тропинке, и мокрый от росы бурьян хлестал их по ногам.

— Здесь такая крапива! — сказал Иван Иванович. — Сволочь, а не крапива!

Полесов стоял, прислонившись к броне, и рассеянно крутил в пальцах узкую ленту фотопленки. Правая щека у него была заметно полнее левой.

— Доброе утро, Петр Владимирович, — сказал Беркут.

— Доброе утро, товарищ Беркут, — ответил Полесов и осторожно потрогал щеку.

— Болит?

Полесов вздохнул и сказал:

— Киберы вернулись. Я просмотрел информацию, и она мне не нравится.

— Нет дороги?

— Не знаю... — Полесов опять потрогал щеку. — Здесь что-то очень странное. Вот...
— Он протянул Беркуту пленку.

Пленка была совершенно черная.

— Засвечена? — спросил Беркут.

— Засвечена. С начала до конца. Слово ее со вчерашнего вечера держали в реакторе. Не понимаю, как это могло получиться. Максимальный уровень радиации, который зафиксировали разведчики, — полтора десятка рентген в час. Сущие пустяки. Но самое главное — киберы почему-то не дошли до эпицентра.

— Не дошли?

— Они вернулись, не выполнив задания. Прошли всего сто двадцать километров и вернулись, словно получили команду «назад». Или испугались. Откровенно говоря, мне это не нравится.

Некоторое время все молчали и глядели за шлагбаум. Дорога там еще была, но бетон потрескался и густо пророс гигантским лопухом. Недалеко от шлагбаума из лопухов торчал большой красный цветок, над ним крутилась белокрылая бабочка. Дальше над дорогой нависала, зацепившись верхушкой за ветви соседних деревьев, сухая осина с голыми растопыренными сучьями.

— Значит, информации у нас практически нет, — проговорил Беркут задумчиво.

Полесов смотал пленку и сунул ее в карман комбинезона.

— Можно послать разведчиков еще раз, — сказал он.

— Мы и так потеряли много времени, — нетерпеливо сказал Иван Иванович и поглядел на Беркута. — Давайте двигаться. На месте разберемся.

— Можно выслать разведчиков по пути. — Полесов тоже поглядел на Беркута.

— Ладно, — согласился Беркут. — Будем двигаться. Петр Владимирович, сходите, пожалуйста, к биологам и передайте, что мы уходим. И поблагодарите от всех нас.

— Слушаюсь, товарищ Беркут.

Полесов отправился к коттеджам и через минуту вернулся с Круглисом.

— Мы уходим, — сообщил Беркут. — Большое спасибо за приют.

— Пожалуйста, — медленно сказал биолог. — Счастливого пути.

— Спасибо. Здесь у вас было замечательно. Просто как на курорте.

Дикий кабан снова заревел по-медвежьему из-за деревьев.

— Вы извините, — сказал Беркут, — но мы, право же, не можем вас взять с собой. Не можем, не имеем разрешения.

— Понимаю. — Биолог усмехнулся. — Жаль, конечно... Ничего, придет когда-нибудь и наш черед.

— Наверное, после нас пошлют вас.

— Да, вполне возможно. Счастливого пути. Желаю удачи.

— Спасибо, — повторил Беркут и пожал биологу руку.

— До свидания, спасибо, — сказал Полесов. — Я постараюсь поймать для вас какого-нибудь филина.

Они залезли в танк, люк захлопнулся. Биолог помахал рукой и отступил к обочине. Медленно поднялся автоматический шлагбаум. Тяжелая машина дрогнула, загудела и двинулась вперед, оставляя в бурьяне широкие колеи. Биолог провожал ее глазами. Вот она прошла под завалившейся осиной и задела ее. Дерево треснуло, ломаясь пополам, и с глухим стуком рухнуло поперек просеки, которая когда-то была автострадой.

3

«Тестудо» стоял, сильно накренившись, тихий и совершенно неподвижный. После шестнадцати часов гула и сумасшедшей тряски тишина и неподвижность казались иллюзией, готовой исчезнуть в любую минуту. По-прежнему у них были стиснуты зубы и

напряжены мускулы, по-прежнему звенело в ушах. Но ни Полесов, ни Беркут, ни Иван Иванович не замечали этого. Они молча глядели на приборы. Приборы безбожно ввали.

Два часа назад, в полночь, пеленгирующие станции дали Полесову его координаты. «Тестудо» находился в распадке в семидесяти километрах к юго-востоку от эпицентра. В ноль пятнадцать Лантанид впервые не послал очередного вызова. Связь прервалась. В ноль сорок семь репродуктор голосом Леминга гаркнул: «...немедленно!» В час десять пошел сильный дождь. В час восемнадцать погас экран инфракрасного проектора. Полесов пощелкал переключателями, выругался, включил фары и уперся лбом в замшевый нарамник перископа. В час пятьдесят пять он оторвался от перископа, чтобы попить, взглянул на приборы, зарычал и остановил машину. Приборы безбожно ввали.

Снаружи была черная сентябрьская ночь, лил проливной дождь, но стрелка гигрометра нагло стояла на нуле, а термометр показывал минус восемь. Стрелки дозиметра весело бегали по шкале и свидетельствовали о том, что радиоактивность почвы под гусеницами «Тестудо» колеблется очень быстро и в весьма широких пределах. И вообще, если судить по показаниям манометров, танк находился на дне водоема на глубине двадцати метров.

— Приборы шалют, — бодро сказал Беркут.

Никто не возразил.

— Какие-то внешние влияния...

— Хотел бы я знать какие, — сказал Полесов, кусая губу.

Беркут хорошо видел его лицо, смуглое, длинное, с красным пятном на правой щеке.

— Ах, как бы нам это помогло! — сказал Иван Иванович.

— Да, — сказал Полесов.

Это помогло бы, потому что позволило бы скорректировать приборы. И самое главное — скорректировать приборы на пульте управления. Для Ивана Ивановича их показания были, вероятно, филькиной грамотой, но Полесов видел, что они врут так же бессовестно, как и все остальные. Это было очень странно и опасно: приборы управления были отгорожены от всех и всяких внешних влияний тройным панцирем сверхмощной защиты «Тестудо». И люди были отгорожены от внешних влияний только тройным панцирем «Тестудо». На мгновение Полесов почувствовал скверную слабость под ложечкой.

— Что там снаружи? — спросил Иван Иванович.

— Ничего. Туман...

Иван Иванович встал, попросил Полесова подвинуться и прильнул к перископу. Он увидел изломанные, перекрученные стволы сосен, черные, словно обугленные, ветви, густую поросль двухметровой травы. И туман. Серый неподвижный туман, повисший над мокрым миром в лучах прожекторов. В нескольких метрах от танка стояли киберразведчики. Они жались к танку и были похожи на дворняжек, почуявших волка. Они не хотели идти в туман. Точнее, не могли.

Иван Иванович сел.

— Голубой туман, — сипло сказал он.

— Ну и что? — спросил Полесов.

Иван Иванович не ответил. Беркут тоже поглядел в перископ. Затем он сел и расстегнул воротник куртки. Ему стало душно. Он выпрямился и глубоко вздохнул. Удушье исчезло.

— Что будем делать? — спросил Полесов.

— Слушайте, товарищи, — сказал вдруг Беркут, — вы ничего не чувствуете?

— Ничего... — ответил Иван Иванович, уставившись на приборы. Он запнулся. — Иголочки! — сказал он тонким голосом.

Только теперь Полесов ощутил неприятное покалывание в кончиках пальцев. Словно микроскопические иглы, тонкие, как пчелиные жала. И почему-то было трудно дышать. Пальцы немели.

— Похоже... на горную болезнь, — с трудом выговорил он.

Иван Иванович вскочил, оттолкнул Полесова и снова прижался затылком к нарамнику перископа. Снаружи был только туман. Киберразведчики исчезли. Иван Иванович тяжело глотнул воздух и повалился на свое кресло. Его пухлые щеки блестели от пота.

— Ваш танк и ваши киберы!.. — сказал он. — Танк высшей защиты!..

— В таком танке, — медленно ответил Полесов, — я в прошлом году прошел через Горящее Плато на Меркурии.

— И ваши киберы! — продолжал Иван Иванович. — Трусят ваши киберы. В первый раз вижу киберов, которые трусят. И ваша высшая защита!

— Не надо, Иван Иванович, — сказал Беркут.

«Высшая защита не помогает, — думал Полесов. — То, что врут приборы, и трудно дышать, и колют иголки, — это еще полбеда. Беда будет, если сдаст двигатель, нарушится настройка магнитных полей реактора, которые держат кольцо раскаленной плазмы. Стоит разладиться настройке, и «Тестудо» превратится в пар со всей своей высшей защитой. Самое лучшее — поскорее убраться отсюда».

— И нам придется возвращаться, — продолжал Иван Иванович. — И мы ничего не узнаем, потому что понадеялись на ваш танк и на ваших киберов. Надо было рискнуть и прорываться на турболете.

Иголки кололи уже плечи и бедра.

— Хорошо, — сказал Полесов. — Пристегнитесь.

Иван Иванович замолчал. Физики пристегнулись к креслам широкими мягкими ремнями.

— Готовы? — спросил Полесов.

— Готовы...

Полесов выключил свет и положил ладони на рычаги управления. Глухо заворчал двигатель, танк качнулся. Что-то отвратительно захрустело под гусеницами. Впереди был плотный, непроглядный туман. Быстрые иголки бегали теперь в спине. Омерзительное ощущение. И не хватает воздуха. «Тестудо», гудя и дрожа, становится на корму. Выше, выше... Толчок, лязгают челюсти. Впереди туман. Еще выше, к самому небу! Слепая машина взбирается по склону бесконечно высокой горы, а с той стороны — пропасть. А в реакторе с воем рвется из магнитных цепей лиловое пламя плазмы. Сейчас...

Полесов оторвался от перископа и мельком взглянул на приборы. Если показания приборов правильны, реактор «Тестудо» через секунду взорвется. Но приборы врут. Их сбивают внешние влияния, которые забираются под тройную шкуру высшей защиты.

Танк перевалил через вершину и начал спуск. Руки онемели, иголки пляшут где-то рядом с сердцем. Скоро одна уколется — и конец. Скоро плазма лизнет стенки реактора — и конец. Рядом болтается в своих ремнях Беркут, безвольный, как кукла.

Очнувшись, Беркут увидел освещенный экран, словно окно из темной комнаты на лесную поляну. Тумана больше не было. Экран работал прекрасно, были видны мокрые кусты, и мокрая трава, и мокрые голые стволы. Неба не было видно. На поляну вышло огромное животное и остановилось, уставившись на «Тестудо». Беркут не сразу понял, что это лось. У животного было тело лося, но не было его горделивой осанки: ноги искривлены, голова гнулась к земле под чудовищной грудой роговых наростов. У лося вообще очень тяжелые рога, но у этого на голове росло целое дерево, и шея не выдерживала многопудовой тяжести.

— Что это? — нехорошим голосом спросил Иван Иванович.

Беркут понял, что Иван Иванович тоже был в обмороке.

— Лось, — сказал он и позвал: — Петр Владимирович!

— Я, товарищ Беркут, — отозвался Полесов. У него тоже был нехороший голос.

— Выбрались, кажется?

— Кажется... Неужели это лось?

— Это лось с той стороны, — сказал Иван Иванович голосом биолога. Он удивительно хорошо умел подражать голосам других людей.

— Как вы себя чувствуете, товарищи? — спросил Беркут.

— Прекрасно, — ответил Иван Иванович.

— У меня болит щека, — ответил Полесов. — Но приборы опять в порядке.

Лось понуро подошел почти вплотную и теперь стоял, шевеля ноздрями.

— У него нет глаз, — сказал вдруг Полесов ровным голосом.

У лося не было глаз. Вместо глаз белела скользкая плесень.

— Спугните его, Петр Владимирович, — прошептал Беркут. — Пожалуйста!

Полесов включил сирену. Лось постоял, шевеля ноздрями, повернулся и медленно, судорожно переставляя ноги, побрел прочь. Он шагал мучительно неуверенно, как будто вместо полного шага каждый раз делал только половину. Голова его была придавлена к земле, впалые бока влажно блестели.

— Как бог черепаху... — пробормотал Иван Иванович.

Они смотрели на лося, как он бредет, путаясь в высокой мокрой траве. Потом лось скрылся за деревьями. Беркут сказал:

— Петр Владимирович, вы просто молодец!

— Что такое? — спросил Полесов.

— Вы нас вытащили из такого мешка...

— Чепуха, — сказал Полесов спокойно.

— Нет, в самом деле, я просто не представляю, как вам это удалось. Я, например, лежал без памяти, как девчонка.

Полесов промолчал. Он включил двигатель и выпустил разведчиков. Киберы выскочили, осмотрелись и поспешили вперед. Теперь они ничего не боялись. «Тестудо» с гулом покотился вслед за ними.

4

Поздним утром «Тестудо» разбросал последний завал и выкарабкался на край гигантской котловины. Тайга была позади — темно-зеленая, мокрая после ночного дождя, тихая и строгая под ослепительным солнцем. Там, где прошел танк, осталась широкая просека, по сторонам которой валялись обугленные, заляпанные белой плесенью стволы.

Внизу, в котловине, лежали развалины старинной лаборатории. Земля была голая и черная, от нее шел пар. Пар искажал перспективу, черные руины дрожали и расплывались в струях теплого воздуха.

— Боже мой! — дребезжащим голосом проговорил Иван Иванович. — Бож-же мой!

Он хорошо помнил это место, хотя прошло уже полвека. На обширной, залитой белым бетоном площади сверкало под солнцем великолепное чудовище — двухкилометровое кольцо мезонного генератора, окруженное стеклянными башнями регулирующих устройств. И в один день, в одну стомиллионную долю секунды всего этого не стало. Зарево видели на сотни километров, а удар отметили все сейсмостанции Сибири.

— Все-таки разрушения не так уж велики, — сказал Беркут, словно утешая. — Я думал, здесь ничего нет, только голая земля.

— Бож-же мой, — повторил Иван Иванович. Он потер пальцами небритый, скрипящий подбородок и сказал: — Вон там была релейная станция, я ее строил. Там — хозяйство Чебоксарова, светлая ему память... Ничего не осталось.

— Вот что, — сказал Полесов. — Я не знаю, где и что вы здесь собираетесь искать, но сейчас я пушу киберов. Вам все равно потребуется информация. Пусть киберы разведуют, что и как.

— Ах да, информация... — Иван Иванович насмешливо выпятил нижнюю губу. — Как же...

— Хорошо, — согласился Беркут. — А мы тем временем позавтракаем.

Иван Иванович ерзал на месте и глядел на экран. Глазки его блестели. Полесов поиграл переключателями. На экране было видно, как разведчики соскочили на землю, побежали по склону котловины и скрылись в развалинах. Тогда Полесов вытащил консервы и хлеб в непроницаемой упаковке. Все трое принялись за еду, прихлебывая горячий кофе из термосов.

— Ты где был во время взрыва, Иван Иванович? — спросил Беркут.

— В Лантаниде.

— Тебе повезло.

— Ну, не одному мне, к счастью, — сказал Иван Иванович. — Людей здесь почти и не было. Ведь лаборатория была телемеханическая... Зато теперь все ядерные лаборатории перенесли на Луну и на спутники... Гляди-ка, водитель наш...

Беркут обернулся. Полесов спал, положив голову на пульт управления и зажав между коленями термос с кофе.

— Вымотался наш водитель, — сказал Иван Иванович.

Полесов проснулся, убрал тарелки, откинулся на спинку кресла и снова заснул. Через несколько минут Иван Иванович радостно заорал:

— Разведчики возвращаются!

Среди развалин показались блестящие живые точки. Полесов протер глаза, с хрустом потянулся. Затем он нагнулся над пультом и стал читать запись.

— Радиация не очень высокая: двадцать — двадцать пять рентген. Температура... Давление... Влажность... Все в обычных пределах... Так, белок. Бактерии...

— Молодцы бактерии, — сказал Иван Иванович. — Дальше!

— Дальше... Вот опять запретная зона. Площадь — около гектара. Киберы покрутились вокруг и отошли. И, конечно, опять засвечена пленка.

— Это что, опять голубой туман?

— Нет. То есть не знаю. Просто запретная зона.

— Дайте координаты, Петр Владимирович, — попросил Беркут и поглядел на Ивана Ивановича.

Иван Иванович поспешно достал и развернул на коленях схему.

Полесов стал диктовать.

— Точно, — сказал Иван Иванович. — Она. К югу от башни фазировки. Там был маленький бетонный домик. Будочка. Совершенно точно.

Некоторое время Иван Иванович и Беркут молча смотрели друг на друга. Полесов видел, как дрожащие пальцы Ивана Ивановича мяти и разглаживали плотную бумагу схемы. Наконец Беркут спросил:

— Приступим?

Иван Иванович встал, стукнувшись макушкой о низкий потолок кабины, мотнул головой и полез в шкафчик, где лежали защитные костюмы.

— Погоди, куда ты? — остановил его Беркут. — Петр Владимирович, пожалуйста, подведите машину к этой... запретной зоне.

— К запретной зоне? — медленно переспросил Полесов.

Он поглядел на экран. Развалины лежали под высоким солнцем, молчаливые и черные, противоположный край котловины трясся в жарком мареве. Никаких признаков жизни, никаких признаков движения, только неуловимые токи горячего воздуха. Почему-то Полесов вдруг вспомнил скользкую белую плесень на глазах у лося.

— Надо же кому-то начинать, — сказал Беркут. — Начнем мы.

Через час «Тестудо» остановился в сотне метров к югу от башни фазировки — груды оплавленного камня с торчащими прутьями стальной арматуры. Экран работал прекрасно. На обугленной земле была видна каждая песчинка. Земля поднималась невысоким валом, окружавшим обнаженный свод какого-то подземного сооружения. Свод был серый, шершавый, и в центре его зияло круглое черное отверстие.

— Здесь? — спросил Беркут.

— Здесь, — сипло отозвался Иван Иванович.

Они торопливо натянули защитные костюмы. Перед тем как опустить спектролитовый наличник шлема, Беркут сказал Полесову:

— Сидите в машине и держите с нами радиосвязь. Если связи не будет, не паникуйте и не вздумайте лезть за нами.

Он сказал это очень жестким голосом, странно было слышать его. Беркут всегда казался Полесову немножко мямлей. Но на этот раз он сказал как надо.

— И еще... Если все-таки удастся связаться с Лемингом, расскажите ему, как идут дела. Скажите, что дела идут хорошо. До свидания.

Они вылезли из танка, впереди Беркут, за ним Иван Иванович с мотком троса через плечо. Полесов видел, как они перебрались через земляной вал, прошли по бетону и остановились над черным отверстием. Они были похожи на водолазов в желтых сморщенных спецкостюмах и головастых шлемах. Иван Иванович сбросил трос и заделал его конец в бетон. Беркут спросил:

— Как слышите меня, Петр Владимирович?

Полесов ответил, что слышит хорошо.

— Вы, Петр Владимирович, только не беспокойтесь! Все будет в порядке. Мы осмотрим внизу помещения и сразу вернемся.

— Пошли, пошли! — заторопил Иван Иванович.

Он полез первым, и Полесов слышал, как он кряхтит и бормочет вполголоса. Беркут стоял нагнувшись, оперев руки в колени.

— Есть! — послышался в наушниках голос Ивана Ивановича. — Я на полу. Спускайся, Беркут.

Беркут махнул рукой и тоже исчез в отверстии. Минут пять все было тихо. Потом голос Беркута спросил:

— Что это?

— Обыкновенный трансформатор, — ответил Иван Иванович. — Только очень старый.

— Такое впечатление, будто его жевали...

Физики замолчали. Полесову показалось, что кто-то тяжело дышит в микрофон. Он потрогал верньер. Кто-то с хрипом, словно астматик, равномерно втягивал и выпускал воздух.

— Как дела? — на всякий случай спросил Полесов.

Голос Беркута донесся глухо, как из-под подушки:

— Все хорошо, Петр Владимирович. Мы идем дальше.

В приемнике щелкнуло, и наступила тишина. Полесов достал из кармана тубик со спорамином, проглотил таблетку и посмотрел на экран. По ту сторону земляного вала, недалеко от опушки тайги, валялись исковерканные обломки. Изломы металлопласта ярко искрились на солнце. Это была «Галатhea» — автоматический турболет, высланный в эпицентр для разведки месяц назад. «Галатhea» взорвалась над эпицентром по неизвестным причинам, и с тех пор Леминг запретил воздушные разведки. Полесов проговорил в микрофон:

— Товарищ Беркут, вы меня слышите? Иван Иванович!

Ему не ответили, и он подумал, что пора, пожалуй, вылезать. Но сначала он решил еще раз попробовать соединиться с Лантанидом. Он нажал клавишу настройки и был буквально отброшен от аппарата громоподобным рыком:

— «Тестудо»! «Тестудо»! Отвечай, «Тестудо»!

— «Тестудо» слушает, — сердито сказал Полесов.

— «Тестудо»? Я — Леминг. Куда вы запропалились? Почему не отвечали?

Полесов сказал, что не было связи.

— Где вы находитесь?

— В эпицентре.

Последовало короткое молчание, затем Леминг уже значительно спокойнее осведомился:

— Нашли?

— Что именно? — спросил Полесов.

— Как — что? Двигатель времени, конечно. Это ты, Беркут?

Полесов сказал, что он не Беркут и что Беркут и Иван Иванович спустились в какое-то подземелье, и что он, Полесов, не понимает, о каком «двигателе времени» идет речь.

— Значит, спустились все-таки, поросята? — сказал Леминг. — Так. Ну, с ними я еще поговорю. Слушайте, водитель. Немедленно отведите машину подальше от этого... подземелья и ждите. Понятно? Отвести и ждать!

— Понял, — сказал Полесов. — Отвести машину и ждать.

— Действуйте. Связи с Беркутом нет?

Полесов подумал и выключил передатчик.

— Двигатель времени, — сказал он вслух. — Ладно...

Он встал, надел спецкостюм и вылез из машины. Ноги по щиколотку ушли в черный прах. Он перебрался на бетонный купол и подошел к люку. Тонкий трос уходил в кромешную темноту. Полесов оглянулся. «Тестудо» стоял за земляной насыпью и следил за ним блестящими выпуклыми глазами прожекторов. Полесов присел на корточки и полез в люк, напрягая все мышцы.

Внизу было совершенно темно. Полесов включил нашлаемную фару. Пятно света скользнуло по изрытым стенам, по остаткам развороченных приборов, по полу, покрытому слоем пыли, тонкой, как пудра. Затем Полесов увидел следы в пыли и быстро пошел, обходя нагромождения обломков, цепляясь ногами за оборванные провода. И он опять услышал, как кто-то хрипло и равномерно дышит в радиэфоне.

Поворот. Длинный узкий коридор. Еще поворот. Полесов кубарем скатился по металлической лестнице. В кончиках пальцев появилось знакомое ощущение: сотни крошечных иголочек вонзаются под кожу. Полесов побежал. Еще одна лестница, еще один коридор. Ритмичный хрип в наушниках вырос в мощный свирепый рев. «О-о-о... А-а-а... О-о-о... А-а-а».

Пот заливал глаза, резало в груди. Иголочки кололи локти и колени. Еще один поворот. Полесов остановился. Яркий голубой свет на секунду ослепил его. Затем он разглядел на голубом фоне две черные тени. Беркут стоял, склонившись над Иваном Ивановичем, а Иван Иванович сидел, по-турецки скрестив ноги и упираясь ладонями в голубой пол.

Полесов подбежал к ним и схватил Ивана Ивановича под мышки. Иван Иванович был необычайно тяжел. Ноги его волочились, и он то и дело выскользывал из рук Полесова. Но Полесов подтащил его к двери, взвалил на спину и, протискиваясь в коридор, оглянулся на Беркута. Беркут неторопливо шел следом, и руки его болтались по сторонам тела, как рукава пальто, надетого внакидку. Позади него Полесов увидел две прозрачные колонны. В колоннах билось, медленно пульсируя, голубое пламя, и рев в радиэфоне пульсировал вместе с ним.

5

Иван Иванович, багровый и благожелательный от стаканчика коньяка, сказал:

— Да, это было здорово, доложу я вам!

— Еще? — спросил Полесов.

— Нет, хватит.

— А вам, товарищ Беркут?

Беркут улыбнулся:

— Спасибо, Петр Владимирович, не хочу. Свяжитесь с Лемингом, если вам не трудно.

Полесов завинтил флягу и подсел к передатчику. Беркут откинулся на спинку сиденья, продолжая улыбаться. Тело было легким, свежим, даже следа не осталось от томительного бессилия, свалившего его на обратном пути из подземных коридоров. Иван Иванович блаженно пыхтел и поглаживал себя по животу. Должно быть, он тоже был доволен.

— Есть связь, — сообщил Полесов.

— Леминг! — крикнул Беркут в микрофон. — Леминг, я Беркут.

— Беркут? — рывкнуло в ответ. — Почему ты нарушил мои инструкции?

— Спокойно, Леминг. — Беркут попытался согнать с лица улыбку, но это ему не удалось. — Мы целы и невредимы. Леминг, мы не ошиблись. Слышишь, Леминг? Двигатель времени уцелел и работает вовсю. Двигатель времени работает, слышишь?

После паузы Леминг сказал:

— Слышу.

— Срочно доставь сюда энергоснимающее устройство, — продолжал Беркут. — Совершенно срочно. Миллионы киловатт уходят в воздух и заражают воздух, слышишь, Леминг?

— Слышу. Немедленно убирайтесь оттуда.

— Спокойно, Леминг! Убираться отсюда не надо. Пришли людей. Больше людей. Пришли Кузьмина, Еселеву, Акопяна. Обязательно пришли Акопяна. И поторопись, Леминг, надо предупредить следующий взрыв. Только через голубой туман на вездеходах не пройти. Попроси у межпланетников еще несколько танков высшей защиты. Они тоже не очень спасают, но все-таки...

— Представь себе, я уже подумал об этом, — сказал Леминг чрезвычайно язвительно. (Иван Иванович сделал большие глаза и поднял указательный палец.) — Танки с оборудованием находятся в пути и будут у вас завтра утром. А люди будут у вас через четверть часа. Я выслал три турболета.

— Не стоило бы. — Беркут покосился на экран, где у опушки тайги блестели под солнцем обломки «Галатеи». — Здесь уже есть один турболет.

— Чепуха. Они пройдут над бывшей автострадой на бреющем полете. Ничего им не сделается. — Леминг покашлял, затем нарочито небрежным голосом осведомился, есть ли у Беркута какие-нибудь соображения относительно этого... как его... голубого тумана.

Иван Иванович затрясся в беззвучном хохоте, широко разевая темно-розовую пасть с крепкими желтоватыми зубами. Беркут ответил:

— Есть соображения. Несомненно, это твоя возлюбленная некантованная протоматерия. Вернее, продукт ее взаимодействия с воздухом или водяными парами.

— Я так и думал, — сказал Леминг. — Ладно. Ждите. Не рискуйте. До свидания!

Беркут отодвинулся от микрофона и тоже засмеялся. Только Полесов не смеялся. Он был бледен и осунулся от утомления. Он принял еще одну таблетку спорамина, поэтому спать ему не хотелось, но он чувствовал себя неважно. К тому же он впервые в жизни не понимал, что происходит вокруг него, и это его злило и мучило. Его злил самодовольный Иван Иванович и даже мягкий Беркут, хотя он сознавал, что это совсем никуда не годится. В конце концов он поборол гордость и резко спросил:

— Что такое «двигатель времени»?

Физики поглядели на него, затем друг на друга.

Беркут покраснел и, запинаясь, сказал:

— Мы совсем забыли... Простите, Петр Владимирович... Сначала мы не были уверены, а потом эта удача... Это было так неожиданно... Ах, как нехорошо получилось!

— Двигатель времени, — сказал Иван Иванович с усмешечкой, — есть не что иное, как вечный двигатель. Перпетуум, так сказать, мобиле.

— Не надо, Иван. Сейчас я вам все объясню, Петр Владимирович. Только вы не обижайтесь на нас, пожалуйста. Вы знакомы с тау-механикой?

Полесов угрюмо покачал головой. Он все еще злился, хотя Беркут опять нравился ему.

— Тогда это сложнее. Но я все-таки постараюсь объяснить.

Он очень старался объяснить. Полесов тоже очень старался понять. Речь шла о свойствах времени, о времени как о физическом процессе. По словам Беркута, это была необычайно сложная проблема. Много лет назад, при исследовании проблемы источников энергии звезд, была впервые выдвинута своеобразная, еще экспериментально не подтвержденная теория времени как физического процесса, связанного с энергией. В основу этой теории легли постулаты, рассматривающие время как материальный процесс, несущий определенную энергию. Потом были найдены (сначала теоретически, а затем и экспериментально) количественные характеристики условий освобождения энергии, связанной с ходом времени. Так родилась механика «физического времени», иначе называемая тау- или Т-механикой.

Одним из замечательных следствий тау-механики явился вывод о принципиальной возможности использования хода времени для получения энергии. Был рассчитан ряд механических систем, позволяющих осуществить эту возможность на практике. К сожалению, производительность таких систем была ничтожна. Они дали только экспериментальное подтверждение основной теории, но не могли служить в качестве практических источников энергии. Это еще не были «двигатели времени». Задача была решена лишь после возникновения тау-электродинамики. И даже тау-электродинамическим системам требовались десятки лет, чтобы выход энергии в них стал положительным и сколько-нибудь существенным.

Семьдесят лет назад по решению Всемирного Ученого Совета были заложены и пущены в порядке эксперимента четыре такие системы, четыре псевдовечных двигателя, «двигатели времени». Один на Луне — в кратере Буллиальд, и три на Земле — на Амазонке, в Антарктиде и здесь, в тайге. Потом какой-то «умник в Ученом Совете» предложил отдать готовую строительную площадку в тайге под телемеханическую мезонную лабораторию. Предложение приняли, лабораторию построили, и сорок восемь лет назад она взлетела на воздух. Деятельность лаборатории, разумеется, не имела никакого отношения к «двигателю времени», но двигатель сочли разрушенным, потому что разрушения были действительно очень велики. Проникнуть на территорию, где размещалась опытная установка, оказалось невозможно, да и не было, казалось, надобности. Внимание исследователей сосредоточилось на остальных трех системах, и эксперимент в тайге был забыт. Но двигатель уцелел. Он работал, выжимал энергию «из времени», накапливал ее и вот четыре месяца назад выбросил первую порцию.

— Вот, в общем, и все. — Беркут нерешительно улыбнулся. — Теперь поняли?

— Спасибо, — сказал Полесов.

— А вы почитайте Леминга, — предложил Беркут. — Есть прекрасная монография Леминга «Тау-электродинамика».

Полесов кашлянул.

— Прозрачные колонны в подземелье, — сказал Беркут, — это энергоотводы. Двигатель расположен этажом ниже. Энергия стекает в эти колонны, накапливается в них и время от времени выбрасывается. А в каком виде выбрасывается, в общем-то никто не знает.

— Леминг знает, — ввернул Иван Иванович.

Беркут посмотрел на него и сказал:

— Леминг вот считает, что энергия выделяется в виде протоматерии — неквантованной основы всех частиц и полей. Потом протоматерия самопроизвольно квантуется — во-первых, на частицы и античастицы, во-вторых, на электромагнитные поля. Так вот, та часть протоматерии, которая не успела проквантоваться, может вступить

во взаимодействие с ядрами и электронами окружающей среды. Так, возможно, возникает этот голубой туман. Эта протоматерия должна проникать всюду, для нее нет преград, и она воздействует на приборы, на киберов, как вы их называете, и на наши организмы. Я, наверное, не очень ясно объясняю.

— Нет, отчего же, — сказал Полесов. Он вспомнил, как дергались стрелки приборов, контролирующих настройку магнитных полей. — Отчего же, — повторил он, — я кое-что понял. Спасибо. А как остальные двигатели?

— Остальные пока молчат, — сказал Беркут. — Да нам пока хватит дела и с этим.

— Мы построим здесь город-лабораторию, — сказал Иван Иванович, жадно глядя на экран. — Мы заложим новые двигатели, более совершенные. Я еще доживу до того времени, когда мы забросим в Пространство первые корабли, которые будет нести само Время. — Он вдруг повернулся к Полесову и сказал: — А тау-механику нужно знать, юноша. Основам тау-механики уже учат в школе.

— Неправда, Иван Иванович, — сказал Беркут.

— Правда. Мне внук рассказывал. Но я не об этом. У меня есть к вам предложение, Полесов. Нам здесь понадобится водитель с крепкими нервами. Как вы на это смотрите?

Полесов покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Мне придется вернуться на Меркурий. Там тоже нужны водители с крепкими нервами.

Иван Иванович насупился.

— Была бы честь предложена, — проворчал он.

— Вот они, — сказал Беркут.

Из-за тайги одна за другой беззвучно взлетели серебристые птицы, низко прошли над черной землей и сели, сложив крылья. Открылись люки, из них стали выскакивать люди в желтых защитных костюмах и больших шлемах.

— Акопьян прилетел, — сказал Беркут. — Пошли, товарищи.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий **Частные предположения**

1. Поэт Александр Кудряшов

Валя Петров сам пришел ко мне сообщить об этом. Он стянул с головы берет, пригладил волосы и сказал:

— Ну вот, Саня, все решено.

Он сел в низкое кресло у стола и вытянул свои длинные ноги. Он посмотрел на меня и улыбнулся. Я спросил:

— Когда?

— Через декаду. — Он вертел в пальцах, складывал и разглаживал берет. — Все-таки назначили меня. Я было совсем потерял надежду.

— Нет, почему же, — сказал я. — Ведь ты опытный межпланетник.

— Здесь это не имеет значения.

Я достал из холодильника лимонный сок и мед. Мы смешали и выпили.

— Стартуем с «Цифэя», — объявил он.

— Где это?

— Внеземная станция. Спутник Луны.

— Вот как, — сказал я. — Я думал, Цифэй — это созвездие.

— Созвездие — это Цефей, — пояснил он. — А «цифэй» по-китайски значит «старт». Собственно, это стартовая площадка для фотонных кораблей.

Он поставил бокал на стол, надел берет, встал, протянул руку.

— Ладно, — сказал он. — Я пойду.

— А Ружена? Ружена уже знает?

— Нет. Она еще не знает. Я еще не говорил ей.

Он снова сел в кресло. Мы помолчали.

— Это надолго? — спросил я.

Я знал, что это навсегда.

— Нет, не очень, — ответил он. — Собственно, мы рассчитываем вернуться через двести лет. Или двести пятьдесят. Ваших, земных, конечно. Очень большие скорости. Почти круглое «це». Ладно... Мне надо идти.

Но он не поднимался.

— Выпьем вина, — предложил я.

— Давай.

Мы чокнулись, выпили по бокалу золотистой «Явы».

— Знаешь, — сказал он, — даже не верится. Что ж, перед нами стартовал Горбовский, а перед Горбовским — Быков. Я третий. Готовятся еще две экспедиции. И будет, наверное, еще несколько. Ведь для нас это пустыки. Десять лет рейса, от силы пятнадцать.

— Да-да, конечно, — пробормотал я. — Эйнштейновское сокращение времени и все такое...

Он встал.

— Пойду... Ты будешь провожать меня?

Я кивнул. Он поправил берет и пошел к двери. У дверей остановился.

— Спасибо, Саня, — сказал он.

Я не ответил. Просто не мог сказать ни слова.

С Петровым на «Муромце» уходили еще пять человек. Трех я знал: Ларри Ларсена, Сергея Завьялова и Сабуро Микими. Ларсен даже был моим другом, хотя и не таким близким, как Валя. Провожавших было человек десять. Когда до старта осталось около часа, все расселись в кают-компания «Цифэя». На «Цифэе» не было тяжести, и нас обули в ботинки с магнитными подковами. Ружена и Валя держались за руки. Ружена сильно изменилась за это время. Она похудела, глаза ее стали еще больше, и она все время покусывала нижнюю губу. Она была очень красива, я даже не думал, что женщина может быть такой красивой. Валя держал ее за руку и улыбался. Мне показалось, что мысленно он уже со страшной скоростью несется среди отдаленных звезд. Он и Ружена молчали. Только один раз она что-то сказала вполголоса, и он погладил ее по руке.

Остальные тоже молчали. Молоденькая девушка в оранжевом, провожавшая межпланетника, которого я не знал, время от времени всхлипывала. Он краснел и похлопывал ее по плечу ладонью. Я испытывал удивление и недоверие. Мне не раз приходилось провожать людей в Пространство. Другим, наверное, тоже. Но сейчас все было по-другому. С этими шестерыми мы прощались навсегда. Я подумал, что они вернуться, когда никого из нас не останется в живых — ни меня, ни Ружены, ни девочки в оранжевом. Их встретят наши потомки. Может быть, даже их собственные потомки. Через столетия Валя Петров познакомится с девушкой по фамилии Петрова. «Собственно, я знал одного Петрова, — скажет Валя. — Он был начальником Третьей звездной экспедиции. Мы были друзьями детства. Может быть, вы его внучка?» — «Кажется, — ответит девушка. — Только не внучка, а пра-пра-пра-пра...»

— Ты не огорчайся, — сказал Валя громко.

— Я не огорчаюсь, — ответила Ружена.

— Это ведь очень нужно.

— Я понимаю.

— Нет, — сказал Петров, — ты не понимаешь, Руженка! Ты совсем ничего не понимаешь. Вот и Александр не понимает. Сидит Александр и думает: «Ну зачем им это нужно?» Верно, Саня?

Он смеялся. Нет, он не угадал, о чем я думаю. Я знал Валентина с детства и очень любил его. Но он был совсем не такой, как я. Мне всегда казалось, что он издевается надо мной. Он принадлежал к другой породе людей. Он был немножко фанфарон и позер. И он был необыкновенный смельчак. Мало кто решался на штуки, которые он позволял себе, а те, кто решался, отступали или гибли. Но ему все удавалось. Он с улыбочкой шел над пропастями. Наверное, он очень любил себя такого — веселого, небрежного и неуязвимого. Другие тоже любили его. И Ружена любила его. Но что ему? Он и в двадцать четвертый век войдет, наверное, так же — весело улыбаясь и постукивая себя по изношенному ботинку тросточкой, вырезанной бог знает на какой планете.

В кают-компанию вошел беловолосый загорелый юноша и сказал:

— Пора, товарищи.

Мы встали. Девушка в оранжевом громко всхлипнула. Я поглядел на Ружену и Петрова. Они обнялись, и он зарылся носом в ее волосы.

— Все, — сказал он. — Прощай, ласонька.

Ружена молчала.

— Не огорчайся, — сказал он.

Она отстранилась от него и попыталась поправить прическу. Волосы не ложились.

— Иди, — попросила она. — Иди. Я не могу больше. Пожалуйста, иди. — У нее был низкий, непривычно ровный голос. — Прощай!

Он поцеловал ее и, не спуская с нее глаз, попятился к выходу. Он пятился, щелкая по полу магнитными подковами, и глядел на нее не отрываясь, словно боялся, что она выстрелит ему в спину. Лицо у него было белым, и губы тоже были белыми, но он улыбался. У люка его заслонили широкий Ларри Ларсен, затем незнакомый межпланетник, которого провожала девушка в оранжевом, затем другой незнакомый межпланетник, затем Сережа Завьялов.

— До свидания, Руженка! — крикнул Петров.

Я только позже вспомнил, что он сказал «до свидания», и подумал, что он оговорился.

Когда они вышли и люк за ними захлопнулся, беловолосый юноша нажал какие-то кнопки в стене. Оказалось, что сферический потолок кают-компания служил чем-то вроде стереотелеэкрана. Мы увидели «Муромца». «Муромец» был первоклассным кораблем с прямоточным фотонным приводом на аннигиляции. Он захватывал и сжигал в реакторе космический газ и пыль и еще что-то, что бывает в Пространстве, и имел неограниченный запас хода. Скорость у него тоже была неограниченной — в пределах светового барьера, конечно. Он был огромных размеров, что-то около полукилометра в длину. Но нам он казался серебряной игрушкой, повисшей в центре экрана на фоне частых звезд.

Мы глядели на него, как завороченные. Потом кто-то громко высморкался, кажется, девушка в оранжевом. Экран осветился. Свет был очень яркий, как молния, белый с лиловым. Этот свет ослепил меня. А когда разноцветные пятна уплыли из глаз, на экране остались только звезды.

— Стартовали! — крикнул беловолосый юноша.

По-моему, он завидовал.

— Улетел... — прошептала Ружена.

Она подошла ко мне, неуклюже переставляя ноги в подкованных ботинках, и положила руку на мой рукав. У нее дрожали пальцы.

— Мне очень тоскливо, Саня. Я боюсь.

— Если позволишь, я буду возле тебя, — сказал я.

Но она не позволила. Мы вернулись в Новосибирск и расстались. Я сел за поэму. Мне хотелось написать большую поэму о людях, которые уходят к звездам, и о женщине, которая осталась на прекрасной зеленой Земле. Как она стоит перед уходящим другом и говорит низким, ровным голосом: «Иди. Я не могу больше. Пожалуйста, иди». А он улыбается белыми губами.

Через полгода рано утром Ружена позвонила мне. Она была такой же бледной и большеглазой, как тогда на «Цифэе». Но я подумал, что в этом виноват сиреневый оттенок, какой иногда бывает у видеоэкрана.

— Саня, — сказала Ружена. — Я жду тебя на аэродроме, стратоплан ЛТ-347. Приезжай немедленно.

Я ничего не понял и спросил, что произошло. Но она повторила: «Жду тебя», и повесила трубку.

На ближайшей площади я сел в вертолет и помчался на аэродром. Утро было ясное и прохладное. Это немного успокоило меня. На аэродроме меня проводили к большому пассажирскому стратоплану, готовому к отлету. Статоплан взлетел, едва я вскарабкался в кабину. Я больно стукнулся грудью о какую-то раму. Затем я увидел Ружену и сел рядом с ней. Она действительно была бледна и покусывала нижнюю губу.

— Куда мы летим? — осведомился я.

— На Северный ракетодром, — ответила она. Она долго молчала и вдруг сказала: — Валентин возвращается.

— Что ты?!

Что я мог еще сказать? Перелет длился два часа, и за эти два часа мы не сказали ни слова. Зато другие пассажиры говорили очень много. Все были очень возбуждены и настроены недоверчиво. Никто не понимал, почему «Муромец» возвращается. Я узнал, что вчера вечером была получена радиограмма от Петрова: начальник Третьей звездной сообщил, что на «Муромце» вышли из строя какие-то устройства и он вынужден идти на посадку на земной ракетодром, минуя внешние станции.

— Петров просто испугался, — сказал пожилой толстый человек, сидевший позади нас. — Это не удивительно. Это бывает в Пространстве.

Я глядел на Ружену и видел, как дрогнул ее подбородок. Но она не обернулась. Оборачиваться не стоило. Петров не умел пугаться.

— Так было с Конгом, — подтвердил кто-то.

— А параллельный прием? — спросил молодой межпланетник. У него было изуродованное лицо и злые глаза.

И все стали рассуждать относительно параллельного приема. Оказывается, и до, и после радиограммы Петрова с «Муромца» почему-то продолжали поступать сигналы, отправленные еще в первую неделю после отлета. Сигналы были страшно искажены, но в каждом из них явственно проступало рутинное «ВТ» — «все благополучно». Спор был в самом разгаре, когда стратоплан стал снижаться.

Мы опоздали. «Муромец» уже сел, и мы сделали над ним два круга. Я хорошо разглядел корабль. Это уже не была елочная игрушка. Посреди тундры под синим небом стояло, накренившись, громадное сооружение, изъеденное непонятными силами, покрытое странными потеками. От него поднимался розовый пар.

— Это — трусость? — проговорил межпланетник с изуродованным лицом.

Статоплан приземлился километрах в десяти от «Муромца». Ближе было нельзя — «Муромец» заразил местность при посадке. Мы вышли. Верхняя часть корабля черной тенью висела над горизонтом. От земли поднималось влажное тепло, время тянулось бесконечно долго. Прибыло еще несколько стратопланов. Мы ждали. Наконец послышалось стрекотание, и низко над нашими головами прошел вертолет. Вертолет сел в сотне шагов от нас.

Затем произошло чудо.

Из вертолета вышли трое и медленно направились к нам. Впереди шел высокий худой человек в поношенном комбинезоне. Он шел и похлопывал себя по ноге тростью изумрудного цвета. За ним следовал приземистый мужчина с пушистой рыжей бородой и еще один, сухой и сутулый. Мы молчали. Мы еще не верили. Трое подошли ближе, и тогда Ружена закричала:

— Валя!

Человек в поношенном комбинезоне остановился, отбросил трость и почти бегом кинулся к нам. У него было странное лицо: без губ. Не то лицо было таким красным, что губы не выделялись на нем, не то губы были слишком бледными. Но я сразу узнал Петрова. Впрочем, кто, кроме Петрова, мог прилететь на «Муромце»? Но этот Петров был почти стар, и у него не было левой руки — пустой рукав заправлен за пояс комбинезона. И все-таки это был Петров!

Ружена побежала к нему навстречу. Они обнялись. Человек с рыжей бородой и сутулый человек тоже остановились. Это были Ларри Ларсен и тот незнакомый пилот, которого полгода назад провожала девушка в оранжевом.

Мы молча окружили их. Мы смотрели во все глаза. Петров торжественно сказал:

— Здравствуйте, товарищи! Простите, многих из вас я, вероятно, позабыл. Ведь мы виделись в последний раз семнадцать лет назад...

Никто не проронил ни слова.

— Кто начальник ракетодрома? — спросил Петров.

— Я, — сказал начальник Северного ракетодрома.

— Мы потеряли свои авторазгрузчики, — сказал Петров. — Будьте добры, разгрузите корабль. Мы привезли много интересного.

Начальник Северного ракетодрома смотрел на него с ужасом и восхищением.

— Только не трогайте шестой отсек, хорошо? В шестом отсеке две мумии. Сергей Завьялов и Сабуро Микими... Мы привезли их, чтобы похоронить на Земле. Мы везли их пять лет. Так, Ларри?

— Так, — сказал Ларри Ларсен. — Сергея Завьялова мы везли пять лет. Микими мы везли четыре года. А Порта остался там. — Ларри улыбнулся, борода его затряслась, и он заплакал.

Петров повернулся к Ружене:

— Пойдем, Руженка. Пойдем. Мы вернулись и привезли Земле в подарок далекие миры. Ты видишь, я вернулся!

Она смотрела на него так, как никогда ни одна женщина не смотрела и не посмотрит на меня.

— Да... — сказала она. — Ты вернулся...

Она зажмурилась и помотала головой. Они пошли, обнявшись, через толпу, и мы расступились перед ними.

На «Цифэе» она прощалась с ним навсегда. А встретила его через полгода. Он уходил на двести лет. А вернулся через семнадцать. Ему удалось это. Ему все всегда удавалось. Но как?

Я не знаю, как это объяснить и можно ли это объяснить. Я ведь только поэт. Я не физик.

2. Артистка Ружена Наскова

— Будет дождь, — сказал Валя.

Мы сидели на диване перед балконом и глядели в низкое небо над матовыми крышами города.

— Дождь, — повторил он. — Я очень давно не видел дождя. Там не было дождей.

— Почему? — спросила я.

— Не знаю. Не было...

Быстро темнело, и мы сидели, не зажигая света. Я обняла его за плечи.

— Не надо, Руженка, — сказал он тихо.

Я почувствовала под пальцами его пустой рукав.

— Не говори глупостей!

— Но это, наверное, очень неприятно.

— Не говори глупостей, — повторила я. — Лучше помолчи.

— Мы и так все время молчим...

Ветер колыхнул поднятую штору, и было слышно, как сзади в комнате зашуршала бумага.

— Как здорово — ветер! — сказал Валя и закрыл глаза.

— Ветра там тоже не было? — спросила я. Я прижалась лицом к его плечу.

— Тебя там не было, — услышала я.

В городе зажглись огни, тучи стали красноватыми и опустились еще ниже. Сразу хлынул дождь и забарабанил по стеклам.

— Хочешь, я закрою балкон?

— Ой, не надо! Сиди! — сказал он и очень больно стиснул мои пальцы.

— Валька! — прикрикнула я.

Он отпустил мою руку.

— Прости, Руженка, я не хотел...

Я посмотрела ему в глаза.

— Ты стал какой-то железный, — сказала я. — Твердый, как полено. И ужасно сильный.

— Так и должно быть, — усмехнулся он. — Я стал невозможно сильный. Все калеки сильные.

— Какая чепуха! Это не оттого...

— Да, не оттого, — согласился он. — Это от перегрузок.

— Не надо, — попросила я. — Не надо рассказывать. Подожди...

Я снова прижалась лицом к его плечу. Дождь все шел. У балконных дверей скопилась лужица, и струйка черной воды медленно поползла в комнату. Я снизу вверх поглядела на Валю. Он смотрел на черную струйку остановившимися глазами.

— Не надо, — прошептала я. — Не надо вспоминать. Постарайся сегодня ничего не вспоминать. Не будем сегодня вспоминать.

— Очень жалко Сергея, — медленно сказал он.

— Очень. Он был такой славный...

— Он был замечательный, — сказал Валя.

Я вспомнила Сергея, как всего год назад он приходил к нам, и другие межпланетники приходили к нам и ночи напролет кричали друг на друга на ужасном русско-французско-китайско-английском жаргоне, говорили о теории тяготения, о таумеханике, о каких-то специальных разделах математики. Я и не пыталась понять что-либо, а ведь они тогда обсуждали планы этого необыкновенного опыта.

Нет, ничего нельзя забыть. Не забыть, как тот отвратительный толстяк сказал: «Петров просто испугался. Это бывает в Пространстве». Как приходил Саня Кудряшов и сидел вечерами, согнувшись у стола, жалкий и страшный. Я знала, что он так любит, что страшно сидеть с ним рядом, и думала, что это судьба. А Саня однажды сказал: «Ведь он мог просто погибнуть, Ружена. Просто погибнуть в самом обычном рейсе». Он сказал так, потому что хотел утешить меня, но я его до сих пор не могу простить. Я все время хотела быть одна. Рядом со мной кипела огромная прекрасная жизнь, мои родные люди учились, любили, строили, а я не могла быть с ними. Я перестала петь, никуда не выходила, ни с кем не разговаривала. Я завидовала. Или, может быть, я надеялась. Вероятно, с самого начала в глубине души я надеялась, что Валя может совершить невозможное. Разве это можно забыть? И вот он вернулся.

Валя встал, подошел к балкону и закрыл дверь. Я сказала:

— Будем пить чай. Хочешь?

— Угу... Еще как!

Он прошел через комнату и включил свет.

— Ничего не изменилось, — сказал он оглядываясь. — Будто и не было этих семнадцати лет.

— Только сто восемьдесят семь дней, — поправила я. — И семь часов в придачу.

— Да, конечно...

Глаза у него заблестели, и он стал похож на прежнего Валентина Петрова. Он был таким же много лет назад, в Дао-Рао, где мы познакомились во время подводной охоты. Никакой рыбы не было, мы просто постреляли из электрических ружей по водорослям, а потом долго сидели на песке и разговаривали. Он был веселый, стремительный и все время острил. Видно было, что он очень хочет понравиться, но понравился он не сразу. Он понравился, когда перестал острить.

Я принесла чайник, накрыла на стол и налила ему в его любимую чашку черного фарфора. Я села напротив и стала смотреть, как он пьет.

— Замечательный чай, — похвалил он. — Только ты умеешь делать такой.

— Я совершенно не умею делать чай, — сказала я. — Я в этом ничего не понимаю.

— Порта варил удивительный кофе, — сказал Валя.

И он стал рассказывать, как Порта варил кофе и они вшестером пили кофе из маленьких чашечек, которые Порта возил с собой во все свои экспедиции. Кофе был горячий и черный, и было удивительно вкусно отхлебывать его маленькими глотками и заедать сливовым вареньем, и Порта сокрушался, что на корабле нельзя курить. Он говорил, что кофе состоит из кофе, варенья и табачного дыма, но никто ему не сочувствовал, потому что из всех шестерых курил он один. Вахтенный загонял его в ванную и ставил под вентилятор, и Порта сидел там в мрачном одиночестве и злился. Но он ничего не мог поделать — таковы были правила.

— Он ужасно сердился, — повторил Валя. — А потом, когда начались перегрузки...

Он замолчал и уткнулся в чашку.

— Ну? — сказала я.

— Потом он уже не сердился... — проговорил Валя. — Налей мне еще.

— Нет уж, — сказала я, — теперь ты рассказывай. Ты ведь еще ничего не рассказывал. Рассказывай про перегрузки.

Валя уставился на мои руки, пока я наливала ему чай.

— Слушай, ты сто лет не поила меня чаем.

— Рассказывай про перегрузки, — потребовала я. — Очень были большие?

— Перегрузки были ой-ей-ей, — сказал он. — Как об этом расскажешь? Это надо испытать.

— Очень интересная и исчерпывающая информация. Ой-ей-ей — это значит раза в три-четыре?

— Угу, — подтвердил он. Он сидел ссутулившись, глядя в скатерть.

— Валя! — окликнула я.

Он очнулся не сразу. Вероятно, он глядел на то, что мне никогда не увидеть. В раскрытом вороте рубашки темнела его сухая коричневая грудь с выступающими ключицами.

— Мы большие молодцы, — медленно проговорил он. — Мы настоящие звездолетчики.

— Валя, — сказала я, — как вам удалось вернуться так быстро?

Он поднял голову и улыбнулся. У него снова заблестели глаза.

— Я очень хотел этого, Руженка, — сказал он. — Я очень люблю тебя, потому я вернулся так быстро. Ну и, конечно, немного физики.

— Меня интересует как раз физика, — сердито сказала я.

— А как ты сама думаешь?

Я стала вспоминать мою школьную физику. Я никогда после школы не интересовалась физикой, но я добросовестно пыталась вспомнить.

— Ты говорил, что локальное время перелета — семнадцать лет?

— Да.

— Но земное время перелета — шесть месяцев, — нерешительно сказала я. — И вы шли на возлесветовых скоростях. Значит, релятивистские эффекты были велики... Но ведь

специальная теория относительности дает обратный эффект. На Земле должно было пройти больше времени, чем на вашем корабле. И потом... Погоди, по-моему, специальная теория относительности здесь вообще неприменима. Вы же шли с перегрузками, все время с ускорением. Поэтому вы все время находились в гравитационном поле. Так?

— Умница, — проговорил он с нежностью. — Нет, ей-ей, умница! Ты схватила самую суть.

Он полез через стол поцеловать мне руку и уронил чашку. Чашка покатилась по скатерти, оставляя коричневую дорожку. Валя поднял чашку и уронил стул.

— А ну его к черту, — закричал он и пнул стул ногой. — Ты схватила самую суть, Руженка, и мне больше нечего тебе объяснять. Все равно ты больше ничего не поймешь, жалкая жрица муз.

Он все-таки поднял стул и уселся на него верхом, положив локоть на спинку.

— Я тебе только вот что скажу. Как ведет себя время в системах, движущихся ускоренно, не знал до нас никто. Были только разные частные случаи. Знаешь, как пишут: «Таким образом, при некоторых частных предположениях относительно силового поля...» и так далее. А мы теперь знаем, доказали на опыте, что при больших ускорениях на возлесветовых скоростях можно управлять временем. Можно сделать так, что звездолет вернется через сто лет, а пилоты состарятся на год. Что-то в этом роде будет с Быковым и Горбовским. Они вернутся молодыми, но Земля состарится. У них очень мало ускорение. А если лететь так, как летели мы, все будет наоборот. Постаревший пилот возвращается к своей по-прежнему юной супруге. Здорово я тебе все объяснил?

— Здорово! — сказала я.

— Велик ли я?

— Велик! — сказала я.

Он снова стал Валею Петровым. Он смеялся радостно, весело и очень гордился собой.

— Не я ли глава семьи?

— Ну конечно же! — смиренно согласилась я.

— А ты понимаешь, как все это здорово?

Еще бы! Я понимала. Он никогда больше не уйдет от меня надолго. Он будет возвращаться постаревший и окаменевший от перегрузок, но он будет возвращаться скоро. Мириады миров разделят нас, но никогда больше не разделят нас годы.

— Завтра нагрянут гости, — вдруг вспомнил Валя и потянулся. Было очень странно и непривычно видеть, как он потягивается одной рукой. — И надо лететь в Совет космогации. И надо готовить доклад.

— Вы привезли много материала? — спросила я.

— Массу. Мы привезли фильм «Планета Ружена, на которой не бывает дождей».

— А там правда не бывает дождей? — спросила я. Мне было очень приятно.

Он ответил:

— Один раз мы там увидели облачко. По этому поводу Порта варил кофе. Но во всем другом Ружена — очень богатая планета. И там солнце не в пример нашему — белая звезда. По сравнению с ним наше солнце просто медный таз.

Он вскочил, выбежал из комнаты и вернулся с изумрудной тростью.

— Смотри, — сказал он. — Зеленая древесина. Это белковая растительность. Но Порта нашел там и небелковую жизнь.

Я прислонила трость к столу.

— А что случилось с Порта? — спросила я шепотом.

Валя не ответил, и я вспомнила, что он никогда не отвечал на такие вопросы.

— Мы привезли девятнадцать культур разных микробов, — сказал он. — Штук тридцать гербариев, такое вот зеленое дерево и целую батарею банок с заспиртованными организмами. И мы привезли такую коллекцию минералов! Я могу назвать тебе двадцать человек, которые облизнутся, увидев все это. Хотя бы Константин Робертович Ченчик.

Ченчик был председатель Комитета по внеземным ресурсам.

— Ты снова полетишь туда? — спросила я. Я старалась говорить совсем небрежно, как бы между прочим. Но он понял и засмеялся.

— Конечно, нет. Туда полетят другие. Там будет оборудована база. Ружена — отличное место для базы. С Ружены мы будем стартовать дальше — к системе ВК 902, а оттуда еще дальше — к красному гиганту ВК 1335. Это очень далеко.

Он вдруг вспомнил что-то и наморщил лоб.

— Руженка, — сказал он, — ты не знаешь, что это за блестящая башня стоит на ракетодроме?

Я не знала, о какой башне он говорит.

— Наверное, ее построили за эти полгода, — сказал Валя. Он засмеялся. — Знаешь, когда я понял, что опыт удался? Когда увидел тебя. А то мы глазели на эту башню, и Ларри божился, что это двадцать четвертый век. Теперь я вспоминаю и начальника ракетодрома, но тогда я не узнал его. Просто забыл за семнадцать лет, какой он, и мне показалось, что это новый.

— А ты меня сразу узнал? — спросила я.

— Ну еще бы!

— Я все время думала, что это сон, — сказала я. — Я и сейчас так думаю. Ты просто мираж...

— Твердый, как полено, — добавил он.

Я засмеялась, потом немножко поплакала и рассказала ему, как он год за годом летел один через черную пропасть, полную холодных звезд. Впереди звезды, позади звезды, и больше ничего.

Валя покачал головой.

— Все это так, — протянул он. — Только звезд тоже нет — ни впереди, ни сзади.

— Почему? — спросила я сквозь слезы.

— Допплеровская слепота... При возлесветовых скоростях эффект Допплера смещает излучение звезд в невидимые глазом области. Звезды можно видеть только с помощью специальных преобразователей. А если смотреть в обыкновенные телескопы, то вокруг тьма. Беспросветная тьма. Это очень неприятно, Руженка, — смотреть в обыкновенные телескопы. Кажется, что, кроме тебя, никого нет во всем мире...

Мне стало холодно, и я прижалась к нему.

— Пойдем спать, — сказал он. — Завтра будет тяжелый день.

— А вдруг я проснусь, а тебя нет?

— Так, наверное, и будет. Завтра я рано-рано улечу в Москву. Я даже будить тебя не буду.

— Разбуди, — попросила я.

Он быстро уснул, а я еще долго сидела рядом и смотрела на его лицо. Лицо казалось темным, почти черным в полумраке. Он спал спокойно, только один раз вдруг сказал быстро: «Осторожно, Ларри... Это же адская боль». И через минуту: «Выгони вон Артура. Он не привык смотреть на это».

Никогда больше он не уйдет надолго. Он будет возвращаться постаревшим и когда-нибудь вернется совсем старым, но никогда больше не придется ждать годами. Человек, управляющий временем, — мой муж.

3. Звездолетчик Валентин Петров

Третья звездная началась. «Муромец», неторопливо набирая скорость, пошел прочь от Солнца по перпендикуляру к плоскости эклиптики. Теперь мне предстояло рассказать о своем замысле товарищам. На Земле я думал, что самое сложное — это добиться согласия у Совета космогации. В том, что согласится экипаж, я не сомневался. Я посмотрел на Сережку — он сидел у пульта и жевал тянучки — и немного успокоился. Сережа

согласился еще на Земле, и мы вместе отстаивали эту идею в Совете. Я кивнул ему, и мы вышли в кают-компанию. Там Ларри играл с Сабуро в шахматы, маленький Людвиг Порта копался в фильмотеке, а Артур Лепелье сидел прямой, как манекен, и глаза его были широко раскрыты. У него в глазах была девушка в оранжевом свитере. Я подумал, что он наверняка согласится.

— Вот что, — начал я. — Вы хорошо представляете себе, что такое звездная?

Они посмотрели на меня с изумлением. Конечно, они все хорошо представляли себе. Годы непрерывных будней и отрешение от людей и Земли своего времени, потому что к тому дню, когда мы вернемся, память о нас превратится в легенду. Они молча глядели на меня, затем Порта ответил неторопливо:

— О да, конечно, мы все представляем это хорошо.

Я сказал:

— Я хочу вернуться на Землю раньше чем через двести лет.

— Я тоже, — сказал Сабуро.

— Я тоже, — усмехнулся Ларсен. — Например, сегодня к ужину.

Артур Лепелье заморгал, а Порта с интересом спросил:

— Вы хотите уменьшить скорость?

— Я хочу вернуться домой гораздо раньше чем через двести лет, — повторил я. — Есть возможность проделать всю работу и вернуться домой не через двести лет, а через несколько месяцев.

— Это невозможно, — сказал Сабуро Микими.

— Фантастика, — вздохнул Артур.

Ларри положил подбородок на огромные кулаки и спросил:

— В чем дело? Объясни, капитан.

До выхода в зону АСП (абсолютно свободного полета) оставалось еще около суток. Я сел в кресло между Ларсеном и Артуром и сказал Сергею:

— Объясни.

Известно, что чем ближе скорость звездолета к скорости света, тем медленнее течет в звездолете время, подчиняясь законам теории тяготения. Но этот закон справедлив только при малых ускорениях звездолета и при коротком времени работы двигателя. Если же на околосветовых скоростях звездолет идет с двигателями, работающими непрерывно, если ускорения при этом достаточно велики, если у светового барьера создаются перепады ускорений, тогда... Трудно сказать, что получится тогда. Современный математический аппарат бессилён дать общие результаты. Однако при некоторых частных предположениях относительно характера движения звездолета теория тяготения не исключает возможности явлений иного порядка. Не исключено, что время в звездолете ускорит свое течение. Десятки лет пройдут на корабле, и только месяцы на Земле. «Муромец» — первый в истории прямоточный фотонный корабль. На нем можно поставить этот эксперимент. Правда, это невыносимо трудно. Это потребует многих лет полета с чудовищными перегрузками — в пять-шесть раз.

— Фантастика! — вздохнул Артур. В его глазах снова появилась девушка в оранжевом свитере.

Я очень рассчитывал на Порту. Он был биолог, но знал, по-моему, все, кроме дескриптивной лингвистики.

— Я слышал об этом, — сказал он. — Но это только теория. И это... — Он неопределенно пошевелил пальцами.

Но нет, это была не только теория. Три года назад я испытывал «Муромца» в зоне АСП. Я сорок дней просидел в амортизаторе, ведя звездолет с ускорением вчетверо большим, чем ускорение силы тяжести на Земле. Когда я вернулся, оказалось, что бортовой хронометр ушел на четырнадцать секунд вперед. Я провел в Пространстве на четырнадцать секунд дольше, чем это зафиксировали земные часы. Я рассказал об этом

Горбовскому накануне старта Второй звездной. Горбовский поднял палец и произнес нараспев:

Сегодня в Космос пущена ракета.
Она летит в двенадцать раз быстрее света.
И долетит до цели в шесть утра —
Вчера.

Сейчас в кают-компании я снова рассказал про свой эксперимент и соврал, что выиграл полторы минуты.

— О! — сказал Порта. — Это хорошо.

— Но это должны быть лютые перегрузки, — предупредил я.

Об этом надо было сказать непременно, хотя в состав экспедиции я отобрал только опытных межпланетников, с безукоризненным здоровьем, хорошо переносящих удвоенную и даже утроенную тяжесть.

— Какие? — спросил Ларсен.

— Раз в семь...

— О! — сказал Порта. — Это плохо.

— Значит, я буду весить полтонны? — сказал Ларсен и захохотал так, что все вздрогнули.

— А Совет знает? — осведомился Сабуро. Он обладал большим чувством ответственности.

— Они не верят, что из этого что-нибудь получится, — ответил Сергей. — Но они разрешили... Если вы согласитесь, конечно...

— Я тоже не верю, — заявил Артур очень громко. — Перегрузки, частные предположения...

Они разом заспорили, и я ушел в рубку. Конечно же, они не испугались перегрузок, хотя все отлично знали, что это такое. Они все согласились, возражал только Артур, которому ужасно хотелось, чтобы его убедили. Через полчаса они все пришли в рубку. Я посмотрел на них.

— Надо действовать, капитан, — сказал Ларри.

— Мы выполним работу и вернемся домой, — сказал Артур. — Домой! Не просто на Землю, но Домой.

— И какой эксперимент! — воскликнул Микими.

— Но семикратные перегрузки?... — Порта пошевелил пальцами.

— Да, семикратные, — подтвердил я. — Или восьмикратные. Или десяти...

— Это тяжело, — спокойно заключил Порта.

Это было так тяжело, что иногда казалось, что мы не выдержим. Первые месяцы я медленно наращивал ускорение. Микими и Завьялов составили программу для кибернетического управления, и ускорение автоматически увеличивалось на один процент в сутки. Я надеялся, что мы сумеем хотя бы немного привыкнуть. Это оказалось невозможным. Кости трещали, мускулы не выдерживали тяжести рук. Мы вынуждены были отказаться от твердой пищи и питались бульонами и соками. Через сто дней наш вес увеличился в три раза, через сто сорок — в четыре. Мы неподвижно лежали в эластичных гамаках и молчали, потому что очень трудно было двигать языком и челюстью. Через сто шестьдесят дней перегрузка превысила силу тяжести на Земле в пять раз. Только Сабуро Микими к тому времени мог пройти от кают-компании до рубки, не потеряв по дороге сознания. Не помогали амортизаторы, не помогал даже анабиоз. Попытка применить анабиотический сон в условиях такой перегрузки не привела ни к чему. Порта мучился больше всех, но, когда мы уложили его в «саркофаг», он никак не мог заснуть. Он мучился, и мы мучились, глядя на него.

Я весил три с половиной центнера, а Ларри — четыреста кило. На него было страшно смотреть. На любого из нас было страшно смотреть. Лицо отекло, не было сил поднять веки, позвоночник трещал при каждом движении. Мы лежали перед «саркофагом» и глядели на Порту.

— Хватит, Валя, — простонал Сережа.

Мы поползли в рубку. Там стоял — стоял! — Сабуро. Челюсть его отвисла на грудь, с губы тянулась слюна.

— Хватит, Сабуро, — сказал я чужим голосом.

Сережа попробовал встать, улыбнулся и снова припал щекой к полу.

— Хватит, — прохрипел он. — Порты плохо. Он может умереть. Выключай реактор, Сабуро.

— До трехкратного, — приказал я.

Сабуро, еле шевеля пальцами, царапал ногтями по пульту. И вдруг стало легче. Упоительно легко!

— Трехкратное ускорение, — сообщил Сабуро и сел рядом с нами на мягкий пол.

Мы полежали, привыкая, затем поднялись и пошли в кают-компанию. Нам было много легче. Но скоро мы переглянулись и снова стали на четвереньки. Мы весили по двести — двести пятьдесят килограммов. Это было на сто шестьдесят седьмой день полета. «Муромец», пожирая рассеянную материю, неся со скоростью двести двадцать тысяч километров в секунду.

Потянулись месяцы. Собственная скорость «Муромца» перевалила за световую¹ и продолжала увеличиваться на тридцать два метра в секунду за секунду. Нам было очень тяжело. Я думаю, никто по-настоящему не верил в успех опыта. Зато каждый по-настоящему знал, к каким последствиям может привести успех. Все люди — мечтатели. И мы тоже, поддерживая отвисающие подбородки, мечтали за срок одной только жизни обежать дальние окраины Вселенной и подарить эти окраины людям.

Порты стало лучше, он много читал и усиленно занимался теорией тяготения. Время от времени мы укладывали его на несколько недель в «саркофаг», но ему это не нравилось: он не желал терять время. Ларри и Артур вели астрономические наблюдения, Сергей, Сабуро и я стояли вахты. В промежутках между вахтами мы рассчитывали ход Времени в ускоренно движущихся системах при различных частных предположениях. Ларри заставлял нас заниматься гимнастикой, и к концу года я уже мог без особого труда подтягивать на перекладине свои два центнера.

Между тем Тайя разгоралась все ярче в перекрестии нитей курсового телескопа. Тайя была целью первых трех звездных. Она была одной из ближайших к нашему Солнцу звезд, у которой давно уже были отмечены неравенства в движении. Считалось, что Тайя может иметь планетную систему. Перед нами к Тайе шел Быков на «Луче» и Горбовский на «Гаризэле». Быков через каждые пятьдесят тысяч астрономических единиц сбрасывал мощные радиобакены. Новая трасса должна была быть отмеченной шестнадцатью такими радиобакенами, но мы уловили сигналы только семи. Может быть, бакены погибли, но, скорее всего, мы просто обогнали Быкова. Бакены были оборудованы воспринимающим устройством, работающим на определенной частоте. Можно было оставить запись, чтобы ее прочли те, кто пойдет вслед. Один из бакенов в ответ на наш вызов просигналил: «Был здесь. Четвертый локальный год. Горбовский». Совершенно невозможно сказать, за сколько лет до нас он проходил.

Оказалось, что Тайя не имела планетной системы. Это была двойная звезда. Ее невидимый с Земли компонент оказался слабой красной звездой, почти погасшей,

¹ «Сверхсветовая скорость» — это скорость, вычисленная по расстояниям, измеренным земным наблюдателем, и по промежуткам времени, измеренным по часам на ракете. Такая скорость, естественно, может превышать скорость света, но с точки зрения наблюдателя на ракете, она, разумеется, все равно останется в пределах 300 тыс. км/сек.

истощившей свои источники энергии. Мы были первыми землянами, увидевшими чужие солнца. Тайя была желтая и очень походила на наше Солнце. Спутник ее был очень хорош. Он был малиновым, и по нему ползли вереницы черных пятен. Вдобавок он не был обыкновенной звездой: Ларсен обнаружил медленную и неправильную пульсацию его гравитационного поля. Две недели мы крутились около него, пока Артур и Ларри вели наблюдения. Это были блаженные недели отдыха, нормальной тяжести, временами даже невесомости.

Затем мы пошли к соседней звезде — белой звезде ВК 71016. Этого потребовал Порта, и я не знаю, правильно ли я сделал, уступив ему. Порта был биолог, и его больше всего интересовали проблемы жизни. Он требовал планету — теплую, окутанную атмосферой, полную копошащейся жизни. Мы тоже хотели увидеть Новый Мир. Мы надеялись встретить себе подобных. Каждый из нас тайно мечтал об этом с того момента, как стал межпланетником. А до того, как стал межпланетником, мечтал во весь голос. И мы пошли к ВК 71016.

Мы летели к ней четыре года, и снова свирепые перегрузки прижимали нас к полу, и мы задыхались в амортизаторах, как раздавленные червяки. Но все же нам было гораздо лучше, чем в начале пути. Видимо, мы приспособивались. С нас слезала кожа, выпадали ногти, мы ели восемь раз в сутки и почти совсем не спали, но мы приспособивались. И мы долетели до белой звезды ВК 71016.

Да, она имела планетную систему. Четыре планеты, из которых одна обладала атмосферой и была немножко больше Земли. Это была прекрасная планета, зеленая, как Земля, покрытая океанами и обширными равнинами. Братьев по Разуму на ней не оказалось, но жизнь кишела на ней. Я сказал, что хочу назвать ее именем Ружены. Никто не возразил. Но планета встретила нас так, что мне не хочется вспоминать об этом. Она отвратительно встретила нас. Порта остался там, мы даже не знаем, где его могила. И там осталась моя рука. А Сережа Завьялов и Сабуро Микими оставили там столько своей жизни, что не сумели дожить до возвращения.

Обратно мы летели шесть лет при максимально возможных перегрузках. Мы торопились попасть в наше время, потому что до самого конца не знали, удался наш опыт или нет. Мы три года шли с семикратной перегрузкой и сбросили ускорение только потому, что Ларсен, неудачно шагнув, проткнул ребром левое легкое. После этого мы год отдыхали на трехкратном ускорении. «Муромец» плохо слушался управления, и мне пришлось отказаться от внеземной станции и сесть прямо на Землю. Конечно, это стыдно, но я не хотел рисковать. Мы приземлились удачно. Потом мы с Ларсеном держали Артура, который хотел целовать землю, зараженную фотонным реактором. Потом мы сели в свой вертолет и вылетели к людям. Но только увидев Ружену, я понял, что опыт удался.

Тяжелый, жестокий опыт, но он удался. Мы привезли людям своего времени чужие миры. Может быть, всю Вселенную, как мы мечтали в полете. Это славно — не отдаленным потомкам, не у памятников самим себе, а близким и родным людям своего века подарить ключи от Пространства и Времени. Конечно, мы были всего только исполнителями. Спасибо людям, которые создали теорию тяготения. Спасибо людям, которые создали прямоточную ракету. Спасибо людям, которые создали наш прекрасный мир и создали нас самих такими, какие мы есть.

Вот только Быков и Горбовский... Они вернуться, когда нас уже не будет, но я думаю, они не рассердятся на нас.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Чрезвычайное происшествие

«...Исследователи сообщают о межзвездном планктоне, о спорах неведомой жизни в Пространстве. Протяженные скопления их встречаются только за орбитой Марса. Происхождение их до сих пор остается неясным...»

Титан не понравился Виктору Борисовичу. Планетка слишком быстро вращалась и обладала темной беспокойной атмосферой. Зато Виктор Борисович досыта налюбовался кольцами Сатурна и странной игрой красок на его поверхности. Планетолет разгрузился — продовольствие, сжиженный дейтерий, кибернетическое оборудование для планетологов, — принял на борт двадцать восемь тонн эрбия и биолога Малышева и сейчас же отправился в обратный рейс. Как всегда, в поясе астероидов планетолет потерял скорость и уклонился от курса. Пришлось помучиться. Вымотались все, и больше всех биолог Малышев. Бедняга не выносил перегрузок. Когда его вытащили из амортизатора, он был желтый, как сыр. Он ощупал себя, помотал головой и молча устремился в свою каюту. Он торопился поглядеть, как перенесла перегрузку его улитка — жирный синий слизняк в многостворчатой раковине, выловленный в нефтяном океане недалеко от Эрбиевой долины.

Теперь, как и всё на свете, плохое и хорошее, перелет подходил к концу. Меньше чем через сутки планетолет прибывал на ракетодром в кратере Ломоносова, затем неделя карантина — и Земля, полгода отпуска, полгода синего моря, шумящих сосен, зеленых лугов, залитых солнцем.

Виктор Борисович улыбнулся, перевернулся на другой бок и сладко зевнул. До вахты оставалось два часа. Сейчас на вахте стоял Туммер, носатый и длинный, как палка. Виктор Борисович представил себе Туммера, как он сидит, сутулясь, у вычислителя и, выпятив челюсть, просматривает голубую ленту записи контрольной системы. Затем Туммер расплылся, а вычислитель стал похож на замшелый валун с шершавыми боками. Под валуном темнела глубокая вода, и, если присмотреться, — в шевелящихся водорослях стоит щука с черной спиной, неподвижная и прямая, как палка. И вдруг около уха загудел шмель. Виктор Борисович всхрапнул и проснулся. В каюте было темно. Он пожевал губами и замер. Где-то очень близко гудел шмель.

— Не может быть, — громко и уверенно сказал Виктор Борисович.

Он поднялся в постели и включил лампу. Шмель замолк. Виктор Борисович огляделся и увидел на простыне черное пятно. Это был не шмель. Это была муха.

— Мама моя, — сказал Виктор Борисович.

Муха сидела неподвижно. Она была совсем черная, с черными растопыренными крыльями. Виктор Борисович тщательно прицелился, подвел к мухе ладонь с подобранными пальцами и схватил. Он поднес кулак к уху. В кулаке шевелилось, шуршало и вдруг загудело так знакомо, что Виктор Борисович сразу вспомнил уроки рисования.

— Муха в планетолете, — сказал он и поглядел на кулак с изумлением. — Вот это да! Надо показать ее Туммеру.

Действуя одной рукой, он натянул брюки, выскочил в коридор и пошел в рубку, оглябая выпуклую стену. В кулаке шуршало и щекотало.

В рубке стоял Туммер с темным тощим лицом. На экране телепроектора покачивались два узких серпа — голубой побольше, белый поменьше — Земля и Луна.

— Здравствуй, Тум, — сказал Виктор Борисович.

Туммер качнул головой и посмотрел на него запавшими глазами.

— А ну, угадай, что у меня здесь, — сказал Виктор Борисович, осторожно потрясая кулаком.

— Дирижабль, — ответил Туммер.

— Нет, не дирижабль, — сказал Виктор Борисович. — Муха. Муха, старый сыч!

Туммер сказал скучно:

— Ферритовый накопитель работает скверно.

— Я сменю, — сказал Виктор Борисович. — Ты понимаешь, она меня разбудила. Она гудит, как шмель на поляне.

— Меня бы она не разбудила, — сказал Туммер сквозь зубы.

— Шуршит, — нежно произнес штурман, — шуршит, скотинка.

Туммер посмотрел на него. Виктор Борисович сидел, приложив кулак к уху, и счастливо улыбался.

— Виктор, — сказал Туммер, — ну что у тебя за лицо?

В рубку вошел капитан планетолета Константин Ефремович Станкевич и следом бортинженер Лидин.

— Я же говорил — не спит, — сказал Лидин, тыча пальцем в штурмана.

— С ним что-то случилось, — ядовито сказал Туммер. — Поглядите на его физиономию.

Виктор Борисович объявил:

— Я поймал муху.

— Ну да? — удивился Лидин.

— Я спать пойду, Константин Ефремович, — сказал Туммер. — Виктор, принимай вахту.

— Погоди, — сказал Виктор Борисович.

— А ну, покажи, — потребовал Лидин. У него был такой вид, словно он никогда в жизни не видел мух.

Виктор Борисович приоткрыл кулак и осторожно просунул туда два пальца левой руки.

— Откуда на корабле муха? — спросил капитан.

— Не знаю, — ответил штурман. Он разглядывал муху, держа ее за ножки двумя пальцами. — Она жужжит совершенно как шмель, — сообщил он.

— Осторожно, Витя, — с придыханием сказал Лидин, — ты ломаешь ей ногу. У-у, негодяйка... Жужжит!

— Все-таки откуда на корабле муха? — спросил капитан. — Это, между прочим, ваше дело, Виктор Борисович.

Штурман выполнял обязанности сантехника.

— Вот именно, — сказал Туммер. — Расплодил на корабле мух, и ферритовый накопитель работает отвратительно. Принимай вахту, слышишь?

— Слышу, — сказал штурман. — Мне еще десять минут осталось. Надо показать ее Малышеву. Он тоже давно не видел мух.

Он двинулся к выходу, держа перед собой муху, как тарелку с борщом.

— Мухолов, — сказал Туммер презрительно.

Капитан засмеялся. Дверь отворилась, и в рубку шагнул Малышев. Штурман отскочил в сторону.

— Осторожно, — сердито сказал он.

Малышев извинился. У него был встрепанный вид и растерянные глаза.

— Дело в том, что... — начал он и остановился, уставясь на муху в пальцах штурмана. — Можно? — спросил он, протягивая руку.

— Муха, — с гордостью сказал Виктор Борисович. Малышев взял муху за крыло, и она завопила на всю комнату.

— У нее восемь ног, — сказал Малышев медленно.

— Ай-яй-яй, — сказал Туммер. — И что же теперь будет? Виктор, принимай вахту.

— Это не муха, — сказал Малышев. Его брови поднялись чуть ли не до волос и снова опустились на глаза. — Я думал, что это траурница — антракс морио. Но это не муха.

— А что же это? — осведомился штурман несколько раздраженно.

— Послушайте, — сказал Малышев. — Какие у вас есть дезинсекторы? И потом, мне нужен микроскоп.

— Да в чем дело? — спросил штурман. Капитан нахмурился и подошел к ним. Лидин тоже подошел ближе.

— Послушайте, — повторил Малышев, — мне нужен микроскоп. Пойдемте в мою каюту. Я покажу вам кое-что.

Туммер сказал им вслед:

— Пожалуйста, не уроните муху.

В коридоре Лидин вдруг закричал: «Муха!» Они увидели муху, ползущую по стене под самым потолком. Муха была черная, с черными растопыренными крыльями.

В каюте биолога их было целых три. Одна сидела на подушке, две ползали по стенкам большого стеклянного баллона с синей титанианской улиткой. Лидин, войдя последним, хлопнул дверью, и мухи поднялись в воздух, гудя, как шмели.

— З-забавные мухи, — неуверенно сказал Виктор Борисович и посмотрел на Станкевича.

Капитан стоял неподвижно и следил глазами за мухами. Лицо его наливалось краской.

— Дрянь, — сказал он.

— Что случилось? — сказал Лидин. Малышев повернул к нему хмурое лицо.

— Я же сказал: это не мухи. Это не земные мухи, понимаете?

— Мама моя, — проговорил Виктор Борисович и вытер правую ладонь о сорочку.

— Ах, вот оно что, — сказал Лидин. Черная муха закрутилась у него перед глазами, он отшатнулся и ударился затылком в закрытую дверь. — Пшла! — крикнул он, судорожно отмахиваясь.

— Нужен дезинсектор, — сказал капитан. — Что у нас есть?

— Есть леталь, — сказал штурман.

— Еще?

— Все.

— Хорошо, — сказал капитан. — Я сам это сделаю. Ступайте помойте руки, оботрите формалином.

Малышев все еще рассматривал муху, держа ее у самого носа. Виктор Борисович видел, как сильно дрожат его пальцы.

— Бросьте вы эту гадость, — сказал Лидин. Он уже стоял в коридоре и то и дело озирался.

— Она мне нужна, — ответил Малышев. — Вторую вы мне, что ли, поймаете?

В ванной Виктор Борисович торопливо стянул сорочку, бросил ее в мусоропровод и кинулся к умывальнику. Он мылил руки, тер их губкой и намыливал снова. Руки стали красными и распухли, а он все тер, тер и снова намыливал.

Произошло самое страшное, что может произойти на корабле. Это бывает очень редко, но лучше бы этого не случилось никогда. У планетолета толстые стены, и все, что через эти стены проникает, смертельно опасно. Все равно что — метеорит, жесткие излучения или какие-нибудь восьминогие мухи. И опаснее всего мухи. Три года назад Виктор Борисович участвовал в спасении экспедиции на Каллисто. В экспедиции было пять человек — два пилота и трое ученых, — и они занесли в свой корабль протоплазму ядовитой планетки. Коридоры корабля были затянуты клейкой прозрачной паутиной, под ногами хлюпало и чвакало, а в рубке лежал в кресле капитан Рудольф Церер, белый и неподвижный, и лохматые сиреневые паучки бегали по его губам.

Виктор Борисович вытер опухшие руки формалином и вышел в коридор. По потолку ползали мухи. Их было много, штук двадцать. Навстречу шел Лидин. Лицо его было перекошено.

— Откуда они берутся? — спросил он сипло. — М-мерзость.

Из-под ног его с гудением взлетела муха, и он остановился, подняв над головой кулаки.

— Спокойно, — сказал Виктор Борисович. — Спокойно, бортинженер. Ты куда?

— Мыться.

— Как дезинсектор?

Лидин оскалился и молча прошел в ванную. Виктор Борисович забежал в свою каюту, надел свежую сорочку и куртку и отправился в рубку. У дверей мимо его лица с тонким воем пронеслась стайка черных мошек.

В рубке на столе перед вычислителем стояла стеклянная баночка, наполовину наполненная мутноватой жидкостью, от которой воняло даже через притертую пробку. В жидкости плавала муха. Малышев, видимо, помял-таки ей крылья, и она не могла взлететь, только время от времени гудела густым басом. Станкевич, Туммер и Малышев стояли у стола и глядели на муху. Виктор Борисович подошел и тоже стал смотреть на муху.

Мутная жидкость в баночке была дезинсектором «Леталь». Леталь убивал насекомых практически мгновенно. Он мог бы убить и быка. Но восьминогая муха об этом, по-видимому, не знала и даже не догадывалась. Она плавала в летале и время от времени злобно гудела.

— Пять с половиной минут, — сказал Туммер. — Что же ты, голубушка? Пора.

— Может быть, есть какой-нибудь другой дезинсектор? — спросил Малышев.

Виктор Борисович покачал головой. Он оглядел потолок. Мух в рубке еще не было. Потом он заметил, что Туммер, ухмыляясь, рассматривает его опухшие руки. Он сунул руки в карманы и зашипел от боли. И все зря, подумал он, эту дрянь не берет даже леталь: «Кубический сантиметр на квадратный метр поверхности. Уничтожает все виды насекомых, их личинки и яйца». Он посмотрел на муху в банке. Муха плавала и отвратительно гудела. Виктор Борисович вздохнул, вынул руки из карманов и сказал:

— Сдавай вахту, Тум.

Он принял вахту и доложил капитану о смене. Станкевич рассеянно кивнул.

— Где Лидин? — спросил он.

— Моется.

— Дезинфицируется, — сказал Туммер.

— Слушать меня, — сказал капитан. — Всем надеть защитные спецкостюмы. Сделать прививку против песчаной горячки. Далее. Леталь не годится. Но не исключено, что на этих мух подействует что-нибудь другое. Как вы полагаете, товарищ Малышев?

— Что? — сказал Малышев. Он оторвался от созерцания мухи в банке и поспешно сказал: — Да, возможно. Не исключено.

— У нас есть петронал, буксил, нитросиликель... сжиженные газы...

— Слюни, — тихонько сказал Туммер.

Станкевич холодно взглянул на него.

— Оставьте ваши остроты при себе, Туммер. Так. Опыты проведем в медицинском отсеке. Я могу рассчитывать на вас, товарищ Малышев?

— В вашем распоряжении, — быстро сказал Малышев. — Но мне нужен микроскоп.

— Микроскоп в медицинском отсеке. Вы остаетесь в рубке, Виктор Борисович. Спецкостюм вам принесут.

— Слушаюсь, — сказал Виктор Борисович.

Послышалось звонкое бодрое гудение. Все посмотрели на банку и сейчас же, как по команде, подняли лица к потолку. Под потолком с победным воем носилась большая черная муха.

Спецкостюм Виктору Борисовичу принес Туммер. Он быстро приоткрыл дверь, козлом прыгнул через комингс и захлопнул дверь за собой. На секунду в рубку ворвался многоголосый стонущий вой. Туммер откинул с головы спектролитовый колпак.

— В коридоре мух — не протолкнешься, — сказал он. — Черно. Засучи рукав.

Он достал шприц и впрыснул штурману сыворотку против песчаной горячки — единственной внеземной инфекционной болезни, против которой имелось противоядие. Это было явно бессмысленно, потому что единственным местом, где были найдены возбудители песчаной горячки, была Венера, но капитан не хотел упускать ни малейшего шанса.

— Как там наши? — спросил Виктор Борисович, опуская рукав.

— Костя злой как черт, — сказал Туммер. — Этих мух ничего не берет. А Малышев в восторге. Прямо на седьмом небе. Режет мух и разглядывает в микроскоп. Говорит, что в жизни не представлял себе ничего подобного. Говорит, что у этих мух нет ни глаз, ни рта, ни пищевода, ни чего-то там еще. Говорит, что не может понять, как они размножаются...

— А он не говорит, откуда они взялись?

— Говорит. Он считает, что это споры неизвестной формы жизни. Он говорит, что они миллионы лет носились в Пространстве, а в корабле нашли благоприятную почву. Он говорит, что нам повезло. Таких случаев еще не бывало.

— Блуждающая жизнь, — сказал штурман и стал влезать в защитный спецкостюм. — Я слышал об этом. Но я как-то не считаю, что нам повезло. Кстати, как они могли попасть в корабль?

— Помнишь, неделю назад Лидин вылезал наружу. Кажется, это было в поясе астероидов.

— А может быть, они с Титана?

Туммер пожал плечами.

— Малышев говорит, что на Титане нет восьминогих мух. Да не все ли равно? Скажи спасибо, что это не осы.

Туммер ушел, снова прыгнув через комингс, и захлопнул за собой дверь. Виктор Борисович сел у пульта. В спецкостюме и спектролитовом колпаке он чувствовал себя в безопасности и даже принялся что-то напевать себе под нос. Под потолком уже носились десятки мух, некоторые крутились перед телеэкраном и ползали по лентам записи контрольной системы. Но их гудения не было слышно: спецкостюм обладал хорошей звукоизоляцией. Виктор Борисович оглядел пульт управления. На пульте у его локтя сидела муха. Виктор Борисович прицелился и крепко прихлопнул ее ладонью в силиконовой перчатке. Муха перевернулась, пошевелила лапками и замерла. Виктор Борисович, наклонившись, с любопытством оглядел ее. Дохлая черная муха. Восемь ног... Пакошь, конечно, но почему они опасны? Ни одно насекомое не опасно, опасны инфекция или яд, а инфекции может и не быть и яда тоже. Впрочем, если представить, что несколько этих космических мух попало на Землю...

Штурман обернулся. Листок бумаги, лежавший на столе, соскользнул на пол и, крутясь, полетел к двери. Дверь в коридор была приоткрыта.

— Эй, кто там? — крикнул Виктор Борисович. — Дверь!

Он подождал немного, затем поднялся и выглянул в коридор. В коридоре ползали и летали мухи. Их было так много, что стены казались черными, а под потолком висела как бы траурная бахрома. Виктор Борисович передернул плечами и закрыл дверь. Взгляд его упал на листок бумаги у комингса. Какое-то смутное подозрение, тень догадки мелькнула у него в голове. Несколько секунд он стоял, соображая.

— Чепуха, — сказал он вслух и вернулся к пульту.

В рубке стало заметно темнее. Плотные мушиные тучи вились под потолком, заслоняя голубые осветительные трубки. Виктор Борисович поднес к глазам часы. С начала биологической атаки прошло полтора часа. Он поглядел на дохлую муху на пульте, почувствовал тошноту и зажмурился. И зачем я ее раздавил? — подумал он.

Гадость все-таки, ядовитая или нет — все равно. Сквозь полусомкнутые веки он увидел, что лента идет неровно. Он поправил ее, потом невольно поискал глазами раздавленную муху.

Сначала ему показалось, что она исчезла. Но он снова увидел ее. Раздавленная дрянь шевелилась. Штурман пригляделся и проглотил слюну. Он стал весь мокрый. Останки мухи были покрыты мельчайшей черной мошкаррой. Мошкара суетливо ползала по расплюсченному брюху — крошечные черные мошки с черными растопыренными крыльями. Их было штук тридцать, и они копошились, расползаясь в стороны по гладкой светлой поверхности пульта. Они еще не могли летать.

Это продолжалось минут десять, не меньше. Голубая лента ползла из вычислителя и ленивыми витками ложилась на пол. Вокруг нее вились большие черные мухи. Штурман сидел наклонившись, сдерживая дыхание, и глядел не отрываясь на дохлую муху. На бывшую дохлую муху. Было видно, как шевелится черная голая нога мухи. Если присмотреться — она вся покрыта мельчайшими порами, и из каждой поры торчит головка микроскопической мушки. Они вылезали прямо из тела. Вот почему они так быстро размножаются, подумал Виктор Борисович. Они просто вылезают друг из дружки. Каждая клетка несет в себе зародыш. Эту муху просто нельзя убить. Она возрождается стократно повторенная.

Мошкара ползала по пульта, по кнопкам и верньерам, по прозрачной пластмассе приборов. Мошек было много, и некоторые уже пытались взлететь. От дохлой мухи остался мелкий черный порошок, и штурман смахнул его с пульта, как на Земле смахивают со стола табачный пепел.

— Штурман проветривает рубку, — раздался в наушниках голос Туммера.

В рубку вошли четверо в блестящих силикетовых костюмах и серебристых шлемах.

— Зачем вы открыли дверь, Виктор Борисович? — спросил капитан.

— Дверь? — Виктор Борисович оглянулся на дверь. — Я не открывал ее.

— Дверь была открыта, — сообщил капитан.

Виктор Борисович пожал плечами. Он все еще видел, как черная мошкара вылезает из дохлой мухи.

— Я не открывал дверь, — повторил он.

Он снова оглянулся на дверь. Он увидел клочок бумаги у комингса, и снова смутная догадка мелькнула у него в голове.

Лидин сказал нетерпеливо:

— Давайте решать, что делать дальше.

— Штурман не в курсе дела, — сказал капитан. — Товарищ Малышев, повторите ваши выводы.

Малышев покашлял.

— Аппаратура у вас неважная, — сказал он. — Микротом, например, в полном запустении...

Он замолчал, и стало слышно, как Лидин втолковывает вполголоса кому-то, вероятно Туммеру: «...взять баллон со спиртом, ходить, поливать их и тут же поджигать...»

— Словом, так, — сказал Малышев. — Состав у них странный — кислород, азот и в очень малых количествах кальций, водород и углерод. Я делаю вывод, что это не белковая жизнь. И тогда, во-первых, опасность инфекции сомнительна; во-вторых, это открытие высокого класса. Я это подчеркиваю, потому что вот товарищ Лидин только и думает, как их уничтожить. Это неверный подход к проблеме.

— Пауков бы сюда, — сказал Лидин, — старых матерых крестовиков...

— Совершенно неясно, — продолжал Малышев, — чем они питаются. Совершенно неясен механизм их размножения. Я считаю, что есть основания полагать...

— Я все-таки не понимаю, — сказал Туммер. — Я убивал их, давил ногами, но покажите мне хоть одну дохлую муху.

— Не ищи, — сказал штурман, — даже не пробуй.

— Это почему же?

Виктор Борисович увидел, что дверь снова тихо приоткрылась. Бумажка на полу взлетела, словно пытаясь перепрыгнуть через комингс, и снова бессильно опустилась на пол.

— Я потом расскажу. Потом, когда все кончится.

Виктор Борисович подошел к двери, закрыл ее и вернулся к столу. Капитан легко хлопнул ладонью по столу.

— Слушать меня! — сказал он. — Я решил очистить корабль от мух.

— Каким образом? — осведомился Малышев.

— Мы наденем пустолазные костюмы, поднимем в корабле давление — можно использовать запасы жидкого водорода — и откроем люки...

— Мама моя! — пробормотал штурман.

— ...Впустим Пространство в корабль. Вакуум и абсолютный нуль. И ток сжатого водорода выбросит эту гадость.

— Идея, — сказал Лидин. Туммер сел в кресло и вытянул ноги.

— Все равно мы так не избавимся от спор, — сказал он.

— Спор, я думаю, на корабле не осталось, — сказал Малышев. В голосе его слышалось сожаление. — Они все развились.

— Мы избавимся от мух, — сказал Лидин. — От этих омерзительных, проклятых, чертовых...

— Слушайте, — сказал Виктор Борисович, — я, кажется, понял.

Он подошел к двери, нагнулся и зачем-то потрогал пальцами клочок бумаги у комингса.

— Что ты понял? — спросил Туммер.

— Так, — сказал Станкевич. — Пойдемте за вакуум-скафандрами. Лидин, помогите Малышеву надеть скафандр.

— Мушки повымерзнут, — сказал Лидин, хихикая. Ему ужасно хотелось, чтобы мушки повымерзли.

Виктор Борисович огляделся. Стены были черными. Под потолком висели бархатистые фестоны. Пол был покрыт сухой шевелящейся кашей. Сгущались сумерки — кучи мух облепили осветительные трубки.

— Слушайте, — сказал Виктор Борисович. — Вы знаете, почему открывалась дверь?

— Какая дверь, штурман? — нетерпеливо спросил капитан.

— Которая дверь? — спросил Туммер.

— Вот эта, дверь в коридор. А теперь она больше не открывается.

— Ну?

— Вот в чем дело, — торопливо сказал Виктор Борисович. — Дверь открывается наружу, так? В коридоре падает давление, так? Избыток давления в рубке выталкивает дверь. Все очень просто. А теперь избытка давления нет.

— Ничего не понимаю, — сказал капитан.

— Мухи, — сказал Виктор Борисович.

— Ну, мухи, — сказал Туммер. — Ну?

— Мухи жрут воздух. Вот откуда они берут живой вес. Они жрут воздух, кислород и азот.

Биолог издал неясное восклицание, а капитан повернулся к приборам циркуляционной системы. Несколько минут он вглядывался в приборы, яростно смахивая мух. Все молчали. Наконец капитан выпрямился.

— Расходомеры показывают, — медленно сказал он, — что за последние два часа на корабле израсходовано около центнера жидкого кислорода.

— Великолепно, — проговорил Малышев.

— Ну и твари, — сказал Лидин. — Вот так твари.

— Я же говорил, — сказал Туммер. — Это всего-навсего восьминогие мухи.

— Логически рассуждая, — заметил биолог, — атмосфера из водорода должна быть для них летальной.

— Что ж, это упрощает, — сказал капитан. — Слушать меня. Лидин, помогите товарищу Малышеву облачиться в скафандр. Туммер, перекройте по кораблю циркуляционную систему. Штурман, подготовьте корабль к обработке вакуумом и сверхнизкими температурами. Готовность доложить через десять минут.

Виктор Борисович направился к выходу, размышляя, что произойдет, если хоть несколько мух попадет на Землю. Землю не обработаешь вакуумом и сверхнизкими температурами.

Он вздохнул, отворил дверь и нырнул головой вперед в черную мохнатую дыру, еле освещенную красноватым светом.

Они натянули вакуум-скафандры прямо на спецкостюмы. Затем они шли к рубке длинным тоннелем с черными стенами, сумрачным незнакомым тоннелем. Стены тоннеля медленно колыхались, словно дышали. Они пришли в рубку. Здесь тоже все было незнакомо и сумрачно. Капитан сказал:

— Туммер, циркуляция?

— Выключена.

— Штурман, люки?

— Открыты... За исключением внешних.

— Лидин, состояние вакуум-скафандров?

— Проверено, товарищ капитан.

— Начнем, — сказал капитан.

Виктор Борисович нагнулся к манометру. Давление в корабле упало на тридцать миллиметров, а ведь Туммер выключил циркуляционную систему всего несколько минут назад. Мухи пожирали воздух и размножались с чудовищной быстротой. Капитан открыл подачу водорода. Стрелка манометра остановилась, затем медленно поползла в обратную сторону. Атмосфера... Полторы... Две...

— Есть у кого-нибудь мухи в скафандре или в спецкостюме? — осведомился капитан.

— Пока нет, — сказал Лидин.

Снова наступила тишина. В наушниках было слышно только дыхание. Кто-то чихнул, кажется, Туммер.

— Будьте здоровы, — вежливо сказал Малышев.

Никто не ответил. Пять атмосфер. Черная каша на стенах тяжело заворочалась. «Ага!» — злорадно сказал Лидин. Шесть атмосфер.

— Внимание, — сказал капитан.

Виктор Борисович напрягся и ухватился за пояс Малышева. Малышев ухватился за Лидина, Лидин — за кресло, в котором сидел Туммер. Капитан согнал с пульта мушиную тучу и нажал кнопку. Четыре грузовых люка — широкие пластметалловые шторы, покрывающие грузовой отсек, — раскрылись мгновенно и одновременно.

Виктор Борисович ощутил мягкий толчок, сотрясший его с ног до головы. Кто-то ахнул. Водородно-воздушная смесь под давлением в шесть атмосфер устремилась к люкам и в пространство. В рубке закрутилась черная вьюга. И стало светло. Ярко, ослепительно светло. Рубка стала прежней стерильно-чистой рубкой. Только искрилась в отблесках голубых трубок изморозь на стенах да у комингса остался налет серой пыли.

— Как хорошо! — сказал незнакомый хриплый голос в наушниках.

— Внимание, — сказал капитан. — Второй этап!

Затем был третий этап, и четвертый, и пятый. Пять раз корабль наполнялся сжатым водородом, и пять раз вихри сжатого газа промывали каждый угол, каждую щель в корабле. Налет серой пыли перед комингсом рубки исчез, исчезла изморозь на стенах.

Затем корабль наполнился водородом в шестой раз. Капитан на полную мощность включил пылеуловители, и только после этого в корабль был снова подан воздух.

— Вот и все, — сказал Станкевич. — Пока по крайней мере.

Он первым стащил с головы тяжелый шлем скафандра.

— Может быть, все это нам приснилось? — задумчиво сказал Лидин.

— Сладостное сновидение, — сказал Туммер.

Виктор Борисович помогал Малышеву освободиться от скафандра. Когда он стянул с правой руки биолога коленчатый рукав, капитан вдруг сказал:

— А это что у вас, товарищ Малышев?

В кулаке Малышева была пластмассовая коробочка, похожая на очешницу. Биолог спрятал руку за спину.

— Ничего особенного, — сказал он и сразу насупился.

— Товарищ Малышев! — ледяным голосом сказал капитан.

— Что, товарищ Станкевич? — отозвался биолог.

— Дайте сюда эту штуку.

— Мама моя, — сказал Виктор Борисович, — у вас там мухи!

— Ну и что же? — сказал биолог.

Лидин побледнел, затем покраснел.

— Немедленно уничтожьте эту гадость, — сказал он сквозь зубы. — В реактор ее, немедленно!

— Спокойно, бортинженер, — сказал Виктор Борисович.

Малышев стряхнул с себя пустолазный панцирь и сунул коробочку в карман. Брови его поднялись до волос и снова надвинулись на глаза.

— Мне стыдно за вас, товарищи, — объявил он.

— Ему стыдно за нас! — Лидин так и взвился.

— Да, стыдно. Я понимаю, это было неожиданно и... по-человечески страшно...

— Да вы представляете, — сказал Лидин, — что будет, если хоть одна муха попадет в земную атмосферу?

— Вы знаете, как они размножаются? — спросил штурман.

— Знаю. Видел. Это все чепуха. — Малышев перешагнул через скафандр и сел в кресло. — Выслушайте меня. Жизнь в Космосе иногда бывает враждебна земной жизни, это правда. Глупо это отрицать. Если бы мухи угрожали жизни или хотя бы здоровью человека, я бы первым потребовал отвести корабль подальше от Земли и взорвать его. Но мухи неопасны. Небелковая жизнь не может — не может, понимаете? — угрожать белковой жизни. Меня поражает ваша неосведомленность. И ваша, простите, нервозность.

— Малейшая ваша неосторожность, — упрямо сказал Лидин, — и они расплодятся на Земле. Они сожрут всю атмосферу.

Малышев презрительно щелкнул пальцами.

— Вот, — сказал он. — Пусть они даже расплодятся на планете, я берусь в два дня вывести двадцать две расы азотно-кислородных вирусов, которые уничтожат и мух, и споры, и двести двадцать поколений потомства. Это во-первых. А во-вторых, мы пробовали и леталь, и буксил, и петронал, и еще что-то. Но я уверен, что эффективнейшим средством против наших мух были бы простые слюни.

Туммер захохотал.

— Черт знает, что вы говорите, — проворчал Станкевич.

— Ну, не слюни, конечно, но простая вода. Обыкновенная аква дистиллята. Я уверен в этом.

Малышев обвел межпланетников торжествующим взглядом. Все молчали.

— Но вы по крайней мере понимаете, что нам повезло? — спросил он.

— Нет, — сказал Станкевич. — Еще нет.

— Нет? Ладно, — сказал Малышев. — Во-первых, в наших руках, — он похлопал себя по карману, — уникальнейшие экземпляры небелковых существ. До сих пор

небелковая жизнь воспроизводилась только искусственно. Понимаете? Оч-чень рад. Во-вторых. Представьте себе завод без машин и котлов. Гигантские инсектарии, в которых с неимоверной быстротой плодятся и развиваются миллиарды наших мух. Сырье — воздух. Сотни тонн первоклассной неорганической клетчатки в день. Бумага, ткани, покрытия... А вы говорите — в реактор.

Биолог замолчал, извлек пластмассовую коробочку и поднес ее к уху.

— Гудят, — сообщил он. — Уникальнейшие существа. Редчайшие... Редчайшие.

Глаза его вдруг округлились, на лице появилась растерянность.

— Моя улитка, — сказал он и кинулся из рубки.

Межпланетники переглянулись.

— Биология — царица наук, бортинженер, — сказал Туммер.

— Много я знаю о небелковой жизни! — сказал Лидин брезгливо.

Капитан поднялся.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — сказал он, не глядя на Туммера. — Если мне еще кто-нибудь когда-нибудь станет болтать про угрозу из Космоса... Кто вахтенный?

Виктор Борисович поглядел на часы. «Мама моя, — подумал он, — еще не кончилась моя вахта! Неужели прошло всего три часа?»

Сменившись с вахты, он зашел к Малышеву. Биолог горестно вздыхал над доньшком стеклянного баллона. Во время вакуумной чистки внутреннее давление разорвало и баллон, и титанианскую улитку, и высушенные Пространством клочья слизняка присохли к стенам и потолку каюты.

— Это был такой экземпляр, — жалобно сказал Малышев, — такой экземпляр!

— Зато у вас теперь есть мухи, — сказал штурман. — А в следующий рейс я привезу вам другого слизняка. Пойдемте в медотсек и покажите мне, что там с микротомом. Понимаете, нам еще не приходилось им пользоваться.

Из архива

Аркадий Стругацкий. Страшная большая планета

1. Сто шестьдесят третий

Михаил Петрович очнулся от режущей боли в затылке. Под черепной коробкой пульсировало горячее пламя, перед глазами вспыхивали и гасли прозрачные багровые пятна. Голова, несомненно, была размозжена, и чьи-то грубые пальцы бесцеремонно копались в ране. Он дернулся и застонал.

— Сейчас, сейчас, — торопливо сказал кто-то. — Потерпи немного.

Голос был знакомый. Михаил Петрович с усилием разлепил веки и увидел над собой широколобое лицо Северцева.

— Лежи спокойно, — сказал Северцев. — Я уже кончаю.

— Что... кончаешь?

— Перевязку.

Северцев отодвинулся в сторону, и Михаил Иванович почувствовал на щеке прикосновение его жесткой ладони. От ладони пахло аптекой.

— Ничего не понимаю, — громко проговорил он.

— У тебя проломлен нос и разбит затылок.

— Проломлен нос...

Михаил Петрович озадаченно замолчал, прислушиваясь к горячим пульсирующим толчкам в мозгу. Северцев что-то с треском разорвал над его правым ухом.

— Вот так... и вот так. Все.

Матовые полушария заливали кабину голубоватым дневным светом. Свет мерцал на полированном дереве, на стекле и на металле, причудливыми бликами переливался на неровностях мягкой серебристо-серой обивки. Все казалось привычным, знакомым и даже уютным. Михаил Петрович снова закрыл глаза, силясь сообразить, что произошло. Затем до его сознания дошли странные необычные звуки. «О-о-о... о-о-о... о-о-о...» — однообразно, через равные промежутки времени доносилось из-за спины. Он прислушался. Кто-то стонал — негромко, с усилием, словно задыхаясь, и была в этом стоне такая горькая жалоба, такое страдание, что сердце Михаила Петровича сжалось. На мгновение он позабыл об острой боли, терзавшей его голову.

— Кто это? — шепотом спросил он.

— Валя... Кажется, у нее сломан позвоночник.

— Валентина Ивановна?

Михаил Петрович открыл глаза и сел, вцепившись пальцами в толстые валики подлокотников. Северцев схватил его за плечи.

— Лежи, лежи, Миша... Что уж теперь поделаешь...

— Погоди...

Михаил Петрович зажмурился, провел ладонью по лицу и сейчас же отдернул руку, наткнувшись на месте носа на что-то пухлое, зыбкое, почти бесформенное.

— Мой нос...

Он глубоко вздохнул, преодолевая тошноту, внезапно подкатившую к горлу.

— Валя... Сломан позвоночник... Да что произошло, в конце концов?

— Ляг сперва. Вот так. Ничего особенного. Сто шестьдесят третий.

— Сто шестьдесят третий?

— Ну да. Сто шестьдесят третий ударил в нас. Не успели увернуться. Слишком плотный поток. Вероятно, их было сразу два и один из них попал в носовую часть.

— И...

— В пыль.

Михаил Петрович приподнялся и поглядел на круглый люк, ведущий в рубку управления. Люк был наглухо закрыт.

— Значит, там...

— Пустота.

Внезапно он вспомнил все. Метеоритная тревога. Толчки, от которых мутилось в голове. Беньковский что-то кричал о невиданной плотности потока. Ван приказал пристегнуться к креслам. Нет... Сначала Северцев считал толчки. Двадцать, пятьдесят, сто... Кажется, Ван появился в кабине уже после ста. Валентина Ивановна поила профессора какой-то микстурой. Сто шестьдесят, затем сразу сто шестьдесят один и сто шестьдесят два. И — слепящий удар в лицо.

— Постой... Кто был в рубке?

— Горелов.

— Один?

— Да.

— Горелов погиб?

Северцев не ответил.

— Так... — Михаил Петрович тупо уставился на люк в рубку. Он пытался представить себе за этим люком зияющую ледяную пустоту и не мог. «О-о-о... о-о-о... о-о-о...» — стонала Валентина Ивановна.

— Значит, Горелов... А остальные?

— Всем досталось, — тихо сказал Северцев. — Валя, кажется, умирает. — Он гулко проглотил слюну и откашлялся. — Да... Когда произошел удар, тебя швырнуло лицом на распределительный щит. Затем звездолет завертелся, как волчок. Настоящая мясорубка. Профессор вывихнул руку. У Вана спина разодрана до костей. Меня тоже оглушило. А Валя — вот.

— Она без сознания?

— Да. Во всяком случае, ничего не отвечает. А ты как? Тебе лучше?

— Лучше, — сердито пробормотал Михаил Петрович. — Где Беньковский?

— Возле Вали.

— А Ван?

Он запнулся.

— Ван... Слушай, Володька...

— Что?

— Рубка разрушена, Горелов убит... Как же звездолет? Куда мы летим?

— Куда летим?

Северцев нерешительно оглянулся, затем наклонился к самому уху Михаила Петровича.

— Кажется, всем нам крышка, Миша.

Михаил Петрович молча посмотрел ему в глаза. Лицо Северцева потемнело, на лбу выступили капли пота.

— Пока известно только, что запасное управление отказало, радио не работает. Ван отправился на корму осмотреть моторную часть, но, мне кажется, все кончено. Здесь нам помощи ждать неоткуда. Нам крышка, Миша.

— Помоги мне подняться. — Он сам удивился, услышав, как спокойно звучит его голос.

Северцев подхватил его под мышки, и он кое-как встал на ноги.

— Почему нет невесомости?

— Центробежная сила. Звездолет все еще вертится.

— Вот как...

— Очнулись?

Михаил Петрович обернулся. Перед ним стоял Беньковский, иссиня-бледный, с всклокоченной бородой. Обеими руками он опирался на какой-то толстый металлический стержень.

— Очнулся, Андрей Андреевич. Вижу, дела у нас невеселые.

Северцев предостерегающе толкнул его в бок.

— Да, дела не радуют, — спокойно согласился Беньковский. — Валентина Ивановна, вероятно, умрет через несколько часов.

Он помолчал немного и добавил неожиданно:

— Да и мы переживем ее ненадолго...

Северцев вытер лицо рукавом и шумно вздохнул.

— Ничего не поделаешь. Это иногда случается у нас в пространстве.

«О-о-о... о-о-о...» — жалобно звучало из-под простыни, покрывавшей маленькое неподвижное тело, вытянувшееся в кресле в дальнем углу кабины.

— Мы ничем не можем помочь ей? — почему-то шепотом спросил Михаил Петрович.

— Не знаю. — Беньковский вдруг яростно дернул себя за бороду. — Не знаю! Я даже не знаю, что с ней. Сломан позвоночник, ребра... Вся левая часть тела — сплошной волдырь... синий волдырь. Если бы она хоть на минуту пришла в себя, сказала бы, что нужно сделать... Такая неудача! Больше всех пострадал врач...

Он опустил голову и устало добавил:

— Впрочем, это лучше, что она без памяти. Теперь уже все равно.

Раздался тихий металлический звон. Дверь, ведущая в кормовой отсек, распахнулась, и в кабину шагнул Ван Лаоцзю — осунувшийся, пепельно-серый, с плотно сжатыми запекшимися губами. Его узкие, потонувшие в воспаленных веках глаза на мгновение задержались на кресле, в котором лежала Валентина Ивановна. Михаил Петрович шагнул к нему. Ван слабо улыбнулся.

— Очень рад, Миша, — сказал он. — Очень рад, что ты на ногах.

Он облизнул губы, сморщился, точно от сильной боли, и проговорил:

— Давайте сядем, товарищи, и кое-что обсудим. Дело в том, что мы падаем.

2. Межпланетный бакен

— Падаем? — спросил Беньковский. — Куда?

Северцев стиснул руку Михаила Петровича. Ван, с видимым трудом переставляя ноги, подошел к креслу, с которого только что поднялся Михаил Петрович, и сел, неестественно выпрямившись.

— Куда мы падаем? — снова спросил профессор. — На Ио? На Мальхиору?

Ван медленно покачал головой.

— Нет.

— Значит...

— На Юпитер.

На минуту воцарилось молчание. «О-о-о... о-о-о...» — тихо стонала Валя. Михаил Петрович слышал, как тяжело и часто дышит Ван. Беньковский закручивал бороду в косички. Северцев стоял покачиваясь, подняв к потолку посеревшее, забрызганное кровью лицо.

— Вероятно, налетев на метеорит, мы потеряли скорость и направление. Может быть, есть и другие причины. Сейчас звездолет движется через экзосферу Юпитера. Точно определить скорость мне не удалось, но, во всяком случае, она не превосходит двадцати километров в секунду.

Северцев протяжно свистнул.

— Верная гибель, — пробормотал он.

— Верная гибель, — бесцветным голосом повторил Ван. — Особенно принимая во внимание, что всех наших запасов горючего едва хватило бы, чтобы прибавить еще три-четыре километра. Мы много израсходовали, когда шарахались из стороны в сторону в метеорном потоке.

Все опять замолчали.

— А... Неужели двадцати с лишним километров в секунду недостаточно, чтобы оторваться от Юпитера?

— Двадцать с лишним километров! — дрожащим фальцетом выкрикнул Северцев. — Это же не Земля! Понимаешь, Миша? Не Земля! Забудь про Землю. Мы над Юпитером, и только чтобы не упасть на эту проклятую планету и вечно кружиться вокруг нее, нам нужно минимум сорок три километра. Понимаешь?

— Понимаю, не кричи, — холодно остановил его Михаил Петрович.

— Мы идем по спирали, — Ван описал пальцем закручивающуюся спираль, — и через два-три оборота врежемся в метановые облака.

— И сгорим, — с нервным смешком добавил Северцев.

— На такой скорости и против вращения — сгорим, — согласился Ван. — Но можно принять меры...

— Нужно принять меры. — Беньковский твердо посмотрел Вану в глаза. — Нужно постараться затормозить и...

— Зачем? — Северцев протянул к нему руки. — Мы обречены. Так уж лучше сразу...

Михаил Петрович раскрыл было рот, но профессор опередил его.

— Что значит «лучше сразу»? — крикнул он. — Почему это «лучше сразу»? Вы понимаете, что вы говорите, Владимир Степанович? Я не узнаю вас! Нам на долю выпала возможность первыми заглянуть в недра гиганта Джупа, а вы хотите добровольно отказаться от нее? Мне стыдно за вас. Ученый, межпланетник...

— Я хочу сказать, — упрямо проговорил Северцев, — что нет никакого смысла оттягивать неизбежную гибель. Это жестоко хотя бы по отношению к Вале!

Все невольно оглянулись на покрытое простыней тело женщины.

— Говорите за себя, когда говорите такие вещи, — после короткой паузы, понизив голос, сказал Беньковский. — Я уверен, что, если бы Валентина Ивановна была в сознании, она ни за что не встала бы на вашу точку зрения.

— Bravo, профессор, — серьезно сказал Михаил Петрович. Он засопел, скосил глаза и потрогал свой чудовищно распухший нос. — Будем стоять до конца!

Северцев пожал плечами и отвернулся. Ван безучастно поглядел на него из-под опущенных век.

— Значит, решили? — проговорил он. — Хорошо. Я выжму из двигателя все, чтобы затормозить. Впрочем, за успех не ручаюсь.

— Разве управление работает? — встрепнулся Михаил Петрович.

— Да... Я наладил там кое-что.

— Тогда... — Михаил Петрович смущенно переступил с ноги на ногу. — Тогда мне не совсем понятно...

— Что именно?

— Прошу прощения. Может быть, я говорю глупости, но... Слушайте, если управление в порядке, то почему мы должны обязательно погибнуть? Почему бы нам не сесть на Юпитер?

Северцев сморщился, как от кислого, и махнул рукой. Беньковский оторопело дернул себя за бороду.

— То есть... как это — сесть?

— Да так. Как обычно садятся. Как садятся на Марс, на Луну, на...

— Сесть на Юпитер?

— Да, на Юпитер. — Михаил Петрович говорил неуверенно, чувствуя, что «дал маху». — Разве нельзя?

— Милый юноша, — важно и с некоторым оттенком сострадания в голосе сказал Беньковский, — на Юпитер сесть невозможно, потому что... О, мой бог, ну просто потому, что негде!

— Негде? Что там, скалы? Поверхность расплавлена?

— Нет. На Юпитере нет скал. И нет расплавленной поверхности. На Юпитере нет ничего, поэтому и сесть негде.

— Ага... — Михаил Петрович растерянно глядел на всклокоченную бороду профессора. — Нет, ни черта не понял, простите.

Северцев подошел к нему.

— Ведь это большая планета, Миша. Понимаешь? Большая!

— Ну... понимаю. Большая. И что же?

— А то, что под нами, до самого центра планеты — водородная бездна. Пропасть глубиной в семьдесят тысяч километров, заполненная сжатым водородом! Понимаешь? Здесь нет ничего твердого. И уже на глубине десяти тысяч километров давление в семьсот тысяч атмосфер... Нас раздавит, как яичную скорлупу под каблуком.

— Понял, понял, успокойся. — Михаил Петрович, криво усмехаясь, отстранил Северцева. — Так бы и сказал. Понятно.

Он помолчал, затем быстро спросил:

— Короче говоря, надежды никакой нет?

— Нет.

— Все равно будем держаться до конца.

— До конца! — торжественно повторил Беньковский. Он с чувством пожал Михаилу Петровичу руку и добавил: — Нам, межпланетникам, не впервой смотреть смерти в лицо, а вот вы...

— Не знаю, — мрачно улыбаясь, возразил Михаил Петрович. — Бывало всякое. Три года назад я провел пренеприятные часы на дне Филиппинской впадины. Батискаф засосало в ил, и...

— У нас мало времени, — мягко перебил его Ван. — Нам еще нужно выкинуть бакен.

— Выкинуть... что?

— Бакен. Это небольшая ракетка с автоматическим передатчиком, — пояснил Ван. — Когда звездолет гибнет, пилоты, если позволяет обстановка, обязаны изложить все случившееся на бумаге или магнитофонной ленте. Документ вкладывается в ракетку и выстреливается в ней в пространство. Рано или поздно кто-нибудь запеленгует ее и выловит. И люди узнают, что произошло.

— Как бы наш бакен не упал вслед за нами, — пробормотал Беньковский.

— Не упадет. Скорость у него достаточно велика — порядка двадцати пяти километров в секунду, и если выбросить его по курсу, успех обеспечен. Только нужно поторопиться. По моим расчетам часа через четыре мы вступим в стратосферу Юпитера, и выпуск бакена будет весьма затруднен. Составляйте бумагу, а я пойду посмотрю, что можно сделать.

Ван поднялся (Михаил Иванович увидел, как его смуглое лицо приняло при этом пепельный оттенок), несколько секунд постоял с закрытыми глазами и неуверенной походкой двинулся к выходу. На пороге он обернулся:

— Помните, у нас в распоряжении не больше трех часов.

— Больше нам и не понадобится, — проворчал Беньковский. — Ну, дети капитана Гранта, начнем? Кому из вас приходилось раньше составлять предсмертные послания?

Он сел к столу и вынул из портфеля листок бумаги.

— Диктуйте, Михаил Петрович.

— Почему я?

— Ваша профессия как-никак...

Северцев, ходивший взад и вперед по каюте, бросился в кресло и закрыл лицо руками.

— Скорость, проклятая скорость... — простонал он.

Беньковский нахмурился, но промолчал.

— Диктуйте, Миша, — попросил он.

— Пишите... — Михаил Петрович на мгновение задумался. — Фу, черт, голова трещит... Так. Ну... «Звездолет К-16. Земное время...» — Он посмотрел на универсальные часы над люком в рубку. — «Земное время 16 часов 3 февраля 19.. года. Местное время — 5 часов 336-го дня. Транспортный звездолет К-16 с грузом продовольствия для планетографической станции «Юпитер-1» на Мальхиоре...»

— На Мальхиоре, — повторил профессор. — Добавим в скобках «одиннадцатый спутник». На Западе еще не все знают, что такое Мальхиора.

— «...с грузом продовольствия для планетографической станции «Юпитер-1» на Мальхиоре (одиннадцатый спутник), имея на борту экипаж в составе капитана звездолета Горелова и штурмана-механика Ван Лаоцзю и пассажиров — юпитерологов профессора Беньковского и аспиранта ЛГУ Северцева, врача Зотову и корреспондента «Известий» Королькова, 336-го дня в 11 часов по местному времени попал в плотный метеоритный поток, будучи в сорока часах пути от станции назначения...»

— Погодите, — перебил Беньковский. — Я поставлю координаты. Так. Элементы орбиты потока... к сожалению, не выяснены. Дальше.

— «Звездолету на протяжении трех часов последовательно угрожали сто шестьдесят два столкновения. Сто шестьдесят третий метеорит ударил в носовую часть. Ударом была полностью разрушена рубка управления и убит капитан звездолета Горелов. Врач Зотова получила тяжелые повреждения и... и не приходит в сознание. Остальные участники полета отделались... гм... ушибами».

Перо профессора быстро бегало по бумаге.

— Продолжайте, Михаил Петрович.

— Продолжаю. «За три часа метеоритной тревоги и в результате удара звездолет израсходовал большую часть горючего, сбился с курсовой орбиты и на скорости около двадцати километров в секунду приблизился вплотную к поверхности Юпитера. Мы, оставшиеся в живых и в здравом рассудке, Беньковский, Ван, Северцев и Корольков приняли решение...»

— Приняли решение, — вполголоса повторил профессор.

— «...приняли решение: принять все меры к тому, чтобы...» Нет, не так. Вот: «...погибнуть на посту — постараться проникнуть невредимыми через внешние оболочки планеты и впервые в истории провести наблюдения ее недр». Так можно, Андрей Андреевич?

Беньковский кивнул. Выражение лица его было очень важным и торжественным.

— «Мы хотим до конца исполнить свой долг, свое назначение во Вселенной. Пусть никто не узнает, что мы увидим перед смертью. Пусть никто не узнает, каков был наш конец. Знайте только, что мы до конца сохранили за собой право на высокое звание Человека. Штурман Ван в последний раз покажет свое искусство, ведя корабль в водородную бездну; профессор Беньковский и аспирант Северцев проведут свои последние исследования. Корреспондент Корольков получит материал для последнего очерка...»

Северцев остановился за спиной профессора и глядел через его плечо. Затем провел ладонью по лицу и выпрямился. Глаза его были закрыты.

— «Последнее наше слово, — диктовал Михаил Петрович дрожащим голосом, — обращено к Земле. Последний привет наш — к нашим семьям, нашему народу, всей нашей родной планете». Дальше будут подписи, — сказал он, помолчав.

В наступившей тишине слышались только слабые стоны Валентины Ивановны и скрип пера по бумаге.

— Все, — сказал наконец Беньковский. — Перечитайте.

Михаил Петрович пробежал листок глазами и сложил его вчетверо.

— Найдут ли его? — спросил он.

Беньковский неопределенно хмыкнул.

3. Водородные призраки

Они поставили свои подписи — сначала Беньковский, затем Северцев и Михаил Петрович. Вернулся Ван, не читая, молча вывел в конце три иероглифа своего имени, помахал листком в воздухе, чтобы просохли чернила, аккуратно сложил его и вышел, ни на кого не глядя. И потянулись бесконечно медленные минуты.

Никто не заметил, когда перестала стонать Валентина Ивановна. Странная неживая тишина воцарилась в кабине. Беньковский вдруг встрепенулся, на цыпочках подошел к умирающей, склонился над нею, прислушался. Потом так же на цыпочках вернулся на свое место.

— Дышит еще, — шепотом сообщил он.

Михаил Петрович плотнее ушел в кресло и прислонился горячей щекой к прохладной обивке. Думать ни о чем не хотелось, ибо всякая мысль неизбежно упиралась в главное: через несколько часов конец. Необходимо было отвлечься, сделать что-нибудь, иначе страх перед концом, прочно засевший ледяным комком где-то под желудком, мог вырваться и ударить в мозг.

— Интересно, что делает Ван? — пробормотал он.

Северцев пошевелился, но ничего не сказал. Беньковский поднял голову.

— Ван? Возится с бакеном, я полагаю. Или готовит звездолет к спуску.

— Может быть, сходить, помочь ему?

— Вряд ли, Миша, вы будете полезны.

Профессор внимательно посмотрел на Михаила Петровича, затем на Северцева.

— Не вешайте носы, друзья, — сказал он. — Помните, у Пушкина? «Умирать так умирать, дело служивое». Конечно, вы еще молоды... А я другой смерти и не желал бы. Мой дед был военным моряком и подорвал на себе фашистский танк под Сталинградом... Мать и отец погибли во время второй экспедиции Кожина. И я тоже умру на посту. И желаю такой смерти своим сыновьям. Настоящему человеку не пристало подыхать от старческой немощи в своей берлоге.

Михаил Петрович насильственно улыбнулся.

— С этим, конечно, можно спорить, Андрей Андреевич...

— Можно, — согласился профессор. — У каждого свой взгляд на такие вещи. Ит депендз, как говорил коллега Старк. Но если вы думаете иначе, то какого черта, простите, вас понесло за миллиард без малого километров от вашей постельки?

— И это правильно.

— Нет, — возразил вдруг Северцев. — По-моему, это неправильно. Человек рожден для счастья, а не для безвестной гибели.

— Человек рожден для труда. — Беньковский усмехнулся. — Ну, не будем препираться. К тому же у каждого свое понятие и о счастье. Я жалею только о том, что мало успел сделать в своей науке. А я люблю свою науку. Это наука о водородных призраках, о планетах-гигантах, о самых странных и непонятных объектах в Солнечной системе. Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун... Исполинские массы водорода и гелия, слегка подкрашенные метаном и аммиаком. Как они устроены? Почему они вращаются с такой бешеной скоростью? Какая энергия питает эти недозвезды, планеты-выродки? Вот мы наблюдаем на их поверхности титанические изменения: стремительно несутся полосы облаков, крутятся громадные воронки, со страшной силой вырываются потоки

разреженных газов. Какие силы действуют за этими внешними проявлениями? Нет, это не всем известные термоядерные реакции, о которых знает каждый школьник. Ведь планеты эти холодны... смертельно холодны! Температура Юпитера — минус сто сорок, а остальных гигантов и того меньше. Что же представляет собой машина такой планеты? Новые, не знакомые еще человеку физические принципы, таинственные процессы, о которых мы пока не смеем и догадываться. Возьмите красное пятно...

— Или бурое свечение... — вполголоса вставил Северцев.

— ...или бурое свечение Юпитера, открытое бессмертным Лу Дзинвеем, тоже, кстати, погибшим где-то здесь... Когда Лу Дзинвей впервые обогнул Юпитер и взглянул на него с ночной стороны, он убедился, что поверхность планеты излучает. Да, излучает! Поверхность с температурой в полтора града ниже нуля светится жутким темно-бурым светом! За это англичане назвали Юпитер «Бурым Джупом»... Сколько тайн, сколько тайн! И меня огорчает только то, что не мне уже придется раскрыть их...

Беньковский рванул себя за бороду и откинулся на спинку кресла. Затем смущенно улыбнулся.

— Гимн планетографии... Простите великодушно старика.

— Ничего, Андрей Андреевич, — серьезно сказал Михаил Петрович. — Через час-другой вы своими глазами увидите эту самую... машину планеты.

Профессор вздохнул.

— Эх, Миша, — проговорил он, — вы не знаете, что вы говорите... Конечно, увидеть своими глазами — это тоже кое-что значит, и не скоро другим после нас удастся сделать это. Но измерения, расчеты... обработка наблюдений — вот где смерть перехитрит меня. Впрочем, будем благодарны и за то немногое...

— Благодарны! — Северцев яростно фыркнул. — Ну, разумеется, будем благодарны...

Они замолчали.

— Однако где же Ван? — спросил вдруг Беньковский.

Михаил Петрович поднялся.

— Пойду посмотрю, что он делает.

— Ступайте, голубчик. Да поторопите. Время на исходе.

Стараясь не глядеть на тело Валентины Ивановны, Михаил Петрович прошел мимо ее кресла, открыл дверь и выбрался в узкий коридор, тянувшийся вдоль всего корпуса звездолета. Справа, слева, над головой находились вместительные отсеки грузовых трюмов. Под ногами, за полуметровой толщиной стали — черная пропасть межпланетного пространства. Тусклым холодным светом сияли матовые колпаки. Поблескивали отполированные стены, выступы люков. В конце коридора за переборкой из гофрированного дюрала располагалась рубка запасного управления. Здесь было самое широкое место звездолета, и, соответственно, здесь развивалась максимальная центробежная сила. Михаилу Петровичу казалось, что коридор идет под уклон. Невидимая тяжесть легла на плечи, стало трудно дышать. У входа в рубку он остановился. По верхней губе поползла теплая струйка, пот заливал глаза. Михаил Петрович осторожно промокнул лицо полрой куртки и открыл дверь.

Ван лежал посередине кабины в странной позе, будто молился — подогнув колени под себя и припав головой к полу. Спину его, обтянутую нейлоновым комбинезоном, от правого плеча к пояснице пересекала неровная темная полоса. В руке он сжимал хронометр, рядом валялись исписанные листки бумаги и карандаш. Михаилу Петровичу был виден вихрастый затылок штурмана и белая линия воротничка на тонкой смуглой шее.

— Ван, — позвал он.

Ван не отозвался. Тогда Михаил Петрович опустился рядом с ним на корточки, с трудом перевернул его и положил его голову себе на колени. Лицо Вана было серо-желтым, глаза закрыты. На тонких губах запеклась кровь.

— Ван, очнись...

Он беспомощно огляделся, но ни воды, ни медикаментов в рубке запасного управления не держали. Он подул Вану в лицо, осторожно похлопал по щекам. Ван приподнял веки, широко, с хрустом, зевнул и сел.

— Что? Это ты, Миша?

— Я. Что случилось, Ван?

Штурман взглянул на хронометр, свистнул и поднялся на ноги.

— Чжэньши тай ци-ю цы-ли-ла... — пробормотал он. — Незадача! Отправил бакен, занялся вычислениями и вот тебе — закружилась голова, упал... А времени уже много. Следует торопиться.

Михаил Петрович с сомнением поглядел на него.

— Боюсь, опять ты свалишься...

— Надо надеяться, не свалюсь. Это все проклятая вертушка.

— Какая вертушка?

— Звездолет вертится. Сто оборотов в минуту около продольной оси. Там, в кабине, в узкой части, еще ничего. А здесь мы весим почти в полтора раза больше. Хочешь посмотреть, что снаружи делается?

Не дожидаясь ответа, Ван передвинул на панели какой-то рычажок, и под ногами его неслышно открылся круглый иллюминатор из кристаллического стекла.

— Видишь?

Михаил Петрович наклонился, вглядываясь.

— Нет. Мелькает только что-то.

— Мелькает... Это Мусин... Юпитер. Мы очень быстро вертимся. Будем останавливать вращение и выходить на правильный курс. Нам повезло...

Ван вдруг замолчал, глаза его остановились и остекленели.

— Бо... лит, — задыхаясь, проговорил он. — Ай-я! Чжэнь цзао-гао... Спина болит. Опять, кажется, кровь пошла. Слушай... У тебя на лице тоже... кровь? Или мне кажется?

Михаил Петрович подхватил его под руки.

— Сядь, отдохни, Ван.

— Хорошо. — Штурман сел, скрестив ноги, уронил голову на грудь. — Я все подсчитал. Теперь нужно так. Мы идем в направлении вращения Юпитера. Понимаешь? Мы его перегоняем. И почти в плоскости его экватора. Повезло... Здесь он вращается со скоростью десять километров в секунду. Наша скорость — двадцать. Тормозим своими двигателями — долой три-четыре километра. И врезаемся в атмосферу с относительной скоростью около шести-семи километров. Это... уже... хорошо. Не сгорим.

Он помолчал.

— Как там Валентина Ивановна?

— Еще дышит.

— Хорошо... Ну, давай за дело. Нужно только... сначала предупредить их. Пусть привяжутся. Возможны толчки. Ты... иди.

Ван дышал тяжело и часто, и Михаил Петрович со страхом и жалостью глядел на его неузнаваемо изменившееся лицо, на черный рот, в углах которого вздувались и пропадали розовые пузырьки.

— Иди, Миша.

— А ты как же?

— Иди. Я справлюсь.

Но что-то удерживало Михаила Петровича, и только когда штурман резко выкрикнул: «Иди, тебе говорят!» — он повернулся и вышел, прикрыв за собой дверь.

Потный и задыхающийся, добрался Михаил Петрович до передней кабины. И первое, что он увидел, были Беньковский и Северцев, стоявшие у кресла, в котором лежала Валя.

— Умерла, — коротко сказал профессор.

Северцев не отрываясь смотрел на мертвое запрокинутое лицо женщины, казавшееся теперь спокойным и даже радостным. Михаил Петрович кашлянул, помолчал с минуту и сказал шепотом:

— Разойдитесь по местам и пристегнитесь. Ван начинает.

4. Розовый свет

Угрюмый неразговорчивый Горелов умер внезапно — он мгновенно растворился в ослепительной вспышке метеоритного взрыва, как пушинка в огне свечи, так и не успев, конечно, понять, что произошло. Валентина Ивановна Зотова, веселая хорошенькая хохотушка, угадала, не приходя в сознание, изувеченная страшным толчком, изломанная и разбитая.

А Ван... Теперь Михаил Петрович был уверен, что Ван хорошо знал, как и когда настигнет его смерть. Вероятно, жизнь ушла от него с последними литрами горючего, выброшенного из опустевших баков во взрывные камеры. Он больше не мог влиять на судьбу звездолета. Звездолет стал трупом, и Ван умер вместе с ним. Скрюченное тело штурмана висело у панели управления, и потребовалось немало усилий, чтобы разжать его пальцы, заостеневшие на рычагах.

Беньковский нерешительно посмотрел на Михаила Петровича.

— Мы должны остаться здесь, — сказал он. — Здесь единственный иллюминатор и... и достаточно просторно, чтобы расположиться с приборами.

— Я тоже так думаю, — серьезно ответил Михаил Петрович.

— Тогда...

— Да, я понимаю. Сейчас.

— Может быть, вам помочь?

— Нет, что вы, Андрей Андреевич...

Он бережно взял труп на руки, не испытывая при этом ни страха, ни брезгливости, которые обычно ощущал раньше при виде мертвецов, и понес в переднюю кабину. Теперь это было не трудно — звездолет больше не вращался, в нем воцарилась невесомость. Северцев, стоявший в дверях, испуганно посторонился.

В передней кабине он уложил Вана в свое испачканное кровью кресло и, не торопясь, пристегнул широким ремнем. Затем несколько минут постоял у входа, придерживаясь за стенку.

— Прощайте, друзья, — сказал он вслух. — Вернее... до скорой встречи.

И не оглядываясь, вышел.

В рубке Беньковский и Северцев согнулись у иллюминатора. Михаил Петрович присоединился к ним.

— Смотрите, смотрите, Миша, — прошептал профессор, отодвигаясь. — Смотрите, этого еще никто никогда не видел!

Звездолет несся над необозримыми полями рыжего клубящегося тумана, тускло озаренного далеким Солнцем. Далеко впереди туман расслаивался на жирные пухлые ряды облаков, похожих на извивающихся змей, с темными прогалинами между ними. Облака эти тянулись до самого горизонта и сливались там в плотную коричневую гладь. Впрочем, горизонта не было — он терялся в размытой желтой дымке, над которой начиналось бездонное черное небо, усеянное яркой звездной пылью. Глубоко внизу, в волнах тумана, бежала тень звездолета, крохотная, но удивительно четкая, похожая на огрызок черного карандаша.

По правде говоря, это зрелище не произвело большого впечатления на Михаила Петровича, мысли которого все еще бродили вокруг того, что осталось в передней кабине. Он тоскливо вздохнул и покосился на Северцева. Лицо Володьки было напряжено, губы плотно сжаты, глаза, казалось, пожирали невиданный пейзаж, расстилавшийся за

иллюминатором. С другой стороны жарко и часто дышал Беньковский. Жесткая борода его колола Михаилу Петровичу ухо. Михаил Петрович отодвинулся.

— Да, здорово, — пробормотал он.

— Это метан, аммиак и пары натрия, — сказал Беньковский. — Мы летим совсем низко...

— По всей видимости, ракета погрузится в облака на ночной стороне. — Северцев прильнул лицом к стеклу, силясь рассмотреть что-то внизу. — Между прочим, заметьте, звездолет принимает постепенно вертикальное положение.

— Совершенно верно, — откликнулся профессор. — Становится на корму.

— Эх, сейчас бы нам полные баки...

— Не болтайте ерунды, — сердито сказал Беньковский. — Никаких баков не хватило бы нам сейчас, чтобы оторваться, и вы отлично это знаете.

— Знаю, конечно...

— А коли знаете, так оставьте ваши «если бы да кабы» при себе. Идите лучше и распакуйте спектроскоп. Пора готовиться к наблюдениям.

Северцев молча оттолкнулся от стены и поплыл к выходу. Михаил Петрович спросил:

— Андрей Андреевич, как по-вашему, долго мы будем падать?

Беньковский пожал плечами.

— Как вам сказать, голубчик... Предположительно часов десять, а то и пятнадцать. Если плотность газа будет возрастать согласно теории...

Он вдруг замолчал.

— То что?

— То... э-э... Мне сейчас пришло в голову... — Он сморщился, немилосердно теребя бороду. — Одним словом, в вашем распоряжении еще как минимум десять часов, Миша. Да, как минимум...

Бормоча что-то себе под нос, Беньковский достал из нагрудного кармана записную книжку и принялся перелистывать ее.

— Это было бы необыкновенно... И все-таки...

Михаил Петрович кашлянул и деликатно отвернулся к иллюминатору. В то же мгновение он изумленно вскрикнул:

— Андрей Андреевич, смотрите!

Далеко впереди над желтой дымкой, обволакивающей горизонт, фантастическим призраком всплыл исполинский белесый бугор, похожий не то на солдатскую каску, не то на шляпку чудовищной поганки. Ракета неслась прямо на него, он рос на глазах, раздавался вширь, и вот уже можно было различить на его поверхности шевелящийся, словно клубок червей, струйчатый узор.

— Протуберанец! — прошептал Беньковский, судорожно вцепившись в стальную обойму иллюминатора. — Протуберанец, извержение газов на Юпитере! И так близко... — Он закричал: — Владимир Степанович! Северцев! Сюда, скорее!

Бугор вдруг осветился изнутри дрожащим фиолетовым светом, затрясся и взмыл вверх, волоча за собой хвост желтых прозрачных нитей, еле заметных на черном фоне неба. Исполинский вал рыжего пара покотился навстречу звездолету.

— Берегись! — отчаянно завопил Беньковский.

Михаил Петрович зажмурил глаза и отпрянул от иллюминатора. Звездолет качнуло, сначала легко, затем сильнее. Северцев, прибежавший на зов профессора, отлетел к панели управления и ухватился за нее обеими руками.

— Начинается, — пробормотал он, едва шевеля побелевшими губами.

Со звоном захлопнулась и снова распахнулась дверь. Снаружи с головокружительной быстротой появлялись и исчезали клочья тумана. Туман был серым, а не рыжим, как казалось сверху. Сквозь просветы мелькали далекие облака, черное звездное небо. Быстро темнело.

— Кажется, погружаемся, — сказал Беньковский. — Не вижу ничего.

— Что же, — спросил Михаил Петрович, — здесь все время будет такая темнота?

— Это еще не худшее, что может с нами случиться, Миша. — Северцев, вытянув шею, смотрел через голову профессора. — Однако мне кажется, что звездолет поворачивается?

— Глядите! — Беньковский приник к стеклу. — Солнце!

Пелена тумана снова порыхтела, и на мгновение Михаил Петрович увидел Солнце — крошечный, ослепительно яркий теплый диск.

— Солнышко, — сдавленным голосом проговорил он.

— Прощай... навсегда.

Непроглядная тьма закрыла иллюминатор. Звездолет раскачивался, откуда-то доносилось протяжное гудение, временами переходившее в пронзительный свист. Температура в кабине быстро поднималась. Северцев прислушался.

— Сейчас самое время сгореть, — спокойно сказал он.

— Как это сгореть? — сердито возразил профессор. — А наблюдения? Нет, голубчик, не так скоро... не так скоро.

Качка усилилась. По-видимому, торможение звездолета в атмосфере происходило неравномерно. Время от времени людей бросало на стены и друг на друга. А затем... чудовищные силы страшной большой планеты подхватили звездолет и завертели его, словно щепку в водовороте. Все смешалось в кабине. Профессор, упав на вывихнутую руку, шипел и подвывал тихонько, кусая нижнюю губу. Северцев поймал его за плечо, притянул к себе и затиснул за панель управления.

— Держитесь крепче, — крикнул он. — Может быть... Господи, Миша, что с тобой?

Михаил Петрович только жалко улыбнулся в ответ. Он захлебывался кровью. В условиях невесомости кровь не вытекала из носа, она заполняла носоглотку и рот, заливала при каждом вдохе горло и вызывала мучительный кашель. Цепляясь за кресло пилота, с темно-багровым лицом и остановившимся взглядом Михаил Петрович судорожно дергался всем телом, отплевывался и сипло ругался. Мириады крохотных красных капелек кружились вокруг него, разлетались по всей кабине и расплывались маслянистыми пятнышками на стенах и одежде. Каждая спазма в горле острым ударом отдавалась в затылке. Перед глазами вспыхивали разноцветные круги. Михаил Петрович рванул ворот куртки. Беньковский и Северцев растерянно с ужасом смотрели на него.

— Надо что-то делать... — как сквозь слой ваты донесся до него голос Северцева. И второй раз за последние сутки сознание его окуталось мраком, более глубоким и плотным, чем тот, что глядел сейчас на обреченных через иллюминатор.

Михаил Петрович пришел в себя внезапно, как от толчка. Было странно тихо, пол кабины слегка покачивался. Это едва заметное покачивание почему-то испугало Михаила Петровича, и он протянул руку, чтобы ухватиться за что-нибудь. Но при первом же движении вскрикнул и застонал от тупой ноющей боли, пронзившей мускулы. Он не мог пошевелиться. Все тело его стало необычайно тяжелым, собственные руки казались неуклюжими железными палками, что-то мягкое и теплое навалилось на грудь и мешало дышать. Сильно болела спина, особенно лопатки.

— Не шевелись, — услышал он голос Северцева.

— Дайте ему пить, — сказал Беньковский.

Тут только Михаил Петрович заметил, что кабина освещена необыкновенным розовым светом. Такой свет излучают некоторые газополные лампы, но здесь он был более плотным, сочным и, кажется, имел даже запах. Запах роз. Впрочем, Михаил Петрович знал, что это только галлюцинация. Над ним склонилось красное испачканное лицо Северцева с налитыми кровью глазами.

— Пей.

О его зубы стукнуло горлышко фляги. Михаил Петрович сделал несколько жадных глотков. Это был холодный бульон.

— Спасибо, Володька... — Он попытался приподняться.

— Осторожней, кости переломаете...

— Кости? — Михаил Петрович подумал и спросил нерешительно: — Почему это?

— Вес.

— Мы больше не падаем?

— Минут двадцать как остановились.

Тяжело дыша, упираясь ладонями в пол, Михаил Петрович принял сидячее положение.

— Где же мы остановились? — спросил он.

— Видишь ли... — Северцев кашлянул. — Мы, собственно, висим.

— Как так?

— Нет оснований беспокоиться, Миша, — отозвался Беньковский. Михаил Петрович обернулся. Профессор сидел под иллюминатором, всклокоченный, с отвисшей челюстью и доброжелательно кивал ему. — За те два часа, что вы были в обмороке, звездолет провалился на несколько тысяч километров. Бури, циклоны, все эти неприятности остались позади... вернее, далеко наверху. Мы достигли такой глубины, где плотность газа сравнялась со средней плотностью нашего звездолета. Звездолет плавает... и, по-видимому, вечно будет теперь плавать в слое водорода с таким же удельным весом, как у воды. Понимаете, Миша? А тяжесть... Ну что же, с этим придется смириться. Не забываете все-таки, что Юпитер во много раз массивнее Земли.

Михаил Петрович уставился на иллюминатор, озаренный странным розовым светом.

— А это что?

— Это? — Голос профессора задрожал от гордости и волнения. — Это, голубчик, по моему глубокому убеждению, излучение гораздо более глубоких слоев Бурого Джупа — излучение металлического водорода.

5. Кладбище миров

— Дело вот в чем, — продолжал Беньковский, заметив недоуменный взгляд Михаила Петровича. — Я вам уже говорил, что каждая из больших планет — в том числе и Юпитер — представляет собой громадный газовый шар. Мы считаем, что Юпитер на восемьдесят пять процентов состоит из водорода и только пятнадцать приходится на гелий в смеси с другими, более тяжелыми элементами. При этом, как это было установлено еще лет пятьдесят назад, наружный слой планеты на глубину в восемь-десять километров состоит преимущественно из молекулярного водорода. Плотность газа на этой глубине составляет половину плотности воды. Здесь, по-видимому, и плавает сейчас наш звездолет с его пустыми баками для горючего.

Профессор остановился и, тяжело дыша, вытер ладонью мокрый рот.

— Ну вот, голубчик. А ниже под нами идет слой толщиной примерно в сорок тысяч километров. Это уже слой атомарного водорода, перешедшего в так называемую металлическую фазу. Здесь господствуют колоссальные давления — порядка миллиона атмосфер, электроны освобождаются и перестают быть связанными с определенными атомарными ядрами. Да. Здесь плотность газа уже становится равной плотности воды и выше... гораздо выше. Вот там-то... по моему глубокому убеждению... и находится кухня страшной большой планеты.

Профессор уронил лицо на руки и замолк. Северцев лежал на спине, хмуро глядя в потолок.

— А еще глубже? — тихонько спросил Михаил Петрович. — Там, в центре... — Он ткнул пальцем в пол.

— Там... ядро. Радиусом в двадцать тысяч километров. Водород, гелий и прочее — в кристаллическом состоянии. Просто, не правда ли?

Михаил Петрович через силу улыбнулся.

— Н-не сказал бы... Так это светит металлический водород?

— Скорее всего, он. Впрочем, я не совсем уверен. Нужно будет достать приборы, произвести наблюдения...

— А что там видно?

— Ничего.

— Розовая пустота, — подал голос Северцев.

— Я посмотрю? — Михаил Петрович перевел вопросительный взгляд с профессора на аспиранта.

— Вольному воля, — усмехнулся тот.

— Только старайтесь не подниматься на ноги...

Михаил Петрович лег на живот и довольно ловко, без особых усилий одолел несколько шагов, отделявших его от иллюминатора. Поднявшись (не без помощи Беньковского) на колени, он выглянул наружу.

Северцев был прав. Звездолет плавал в пустоте, заполненной розовым светом. Не было видно ни одного предмета, ни одного движения, ни одного оттенка, на котором мог бы задержаться глаз. Ровный розовый свет. На минуту Михаилу Петровичу показалось, что он в упор смотрит на фосфоресцирующий экран. Потом он заметил, что наверху розовый оттенок темнее, а внизу светлее. Мысль о том, что взгляд его проникает, возможно, на многие сотни или даже тысячи километров, поразила его. Тысячи километров пустоты... Впрочем, сжатый газ вряд ли мог быть настолько прозрачным.

— Ну, нагяделся? — насмешливо осведомился Северцев.

Михаил Петрович напряженно скосил глаза.

— А знаете... Может, это только кажется мне... — Он замолчал. Прямо за стеклом в розовом свете плясали едва заметные черные точки. — Слушайте, рядом с нами трясется какой-то мусор!

Северцев свистнул.

— Трясется мусор... шокинг! Особенно для литработника.

— Вам показалось, Миша, — ласково сказал Беньковский.

Михаил Петрович почувствовал, что позвоночник его больше не выдерживает, и соскользнул на пол.

— Нет, не показалось. Такие темные точки и пятна... прямо перед стеклом.

— Возможно, метеоритная пыль... — Беньковский попытался подняться, но сейчас же сел снова. — Не могу, — виновато улынулся он. — Очень тяжело. Вот отдохну немного, тогда погляжу...

— У меня тоже голова еле держится на плечах, — сознался Михаил Петрович. — Как чугунная...

— Обременена массой новых знаний, — желчно заметил Северцев. — Ничего, корреспондент, знания эти полезны и несомненно пригодятся тебе в ближайшем будущем.

Михаил Петрович с холодным любопытством взглянул на него, но не ответил.

— Андрей Андреевич, — сказал он, — если кухня, как вы говорите, находится под нами, а кипит в тысячах километров над нашими головами, то как происходит передача энергии? Ведь здесь так спокойно, почти не качает...

— Это, по-видимому, только так кажется, Миша. Не исключено, что как раз сейчас нас несет с огромной скоростью, а мы не замечаем этого. Или нас занесло в полярные области. Там спокойнее... должно быть спокойнее. Не знаю, не знаю.

Профессор закрыл глаза и замолчал. Было очень тихо, только стучала в висках кровь.

— Здорово, — пробормотал Михаил Петрович. — Кругом чертова пропасть этого сжатого газа... и мы висим, как цветок в проруби... Слушайте, Андрей Андреевич, сколько времени будет продолжаться такое положение?

— Не беспокойся, Миша, — опередил Беньковского Северцев. — До самого конца своих дней ты будешь плавать в этой полужиже... или пока не рехнешься от тоски. Но ты, несомненно, успеешь увидеть и узнать много нового. Так что утешься.

Профессор прищурившись поглядел на него.

— Слушайте, Владимир Степанович, — сказал вдруг он. — Почему вы, собственно, пошли в астрономы-межпланетники?

— То есть?

— Почему? Почему вы не занялись, скажем, разведением кроликов?

— А почему я должен был заняться кроликами? — озадаченно осведомился Северцев.

— Ну как же... Чтобы выращивать их... размножать, так сказать.

— Да на что мне кролики?

— Но ведь у вас их не было, правда? Когда вы поступали в университет...

— Не было, и слава богу. А если бы даже и были?

— У вас стало бы их еще больше! Вот хорошо было бы, а?

— Хорошо? — К восторгу Михаила Петровича лицо Северцева побагровело до синевы. — Чересчур хорошо, я полагаю...

— Вы могли бы снабжать кроликами студенческие столовые...

— Гм...

— Затопили бы кроликами всю Москву...

— А...

— Могли бы дарить кроликов своим знакомым...

Михаил Петрович не выдержал и расхохотался. Он хохотал долго, страдая от боли в груди и спине, держась за живот и уткнувшись лицом в пол. Беньковский снова опустил веки.

— Юмор в покойницкой... — пробормотал Северцев.

— Эх, Володя, Володя... — Профессор покачал головой. — Хорошо бы выставить вас на полчаса наружу. Это прохладило бы вас.

— Слушайте! — воскликнул Михаил Петрович. — У меня идея...

— Первая идея на Юпитере. Интересно.

— Да, идея. Давайте пообедаем!

Северцев и Беньковский переглянулись.

— Неплохо придумано. Когда еще призовет нас господь... А я, откровенно говоря, думаю: чего это мне не хватает...

— И выпьем тоже, — решительно сказал Беньковский, разглаживая бороду.

Не меньше часа прошло, прежде чем они ползком, часто останавливаясь и отдыхая, перетасили из кладовой все необходимое для обеда. Беньковский сидел у стены и открывал консервы, бутылки, разворачивал целлофановые пакеты, с поразительной ловкостью орудуя одной рукой.

— Кушать подано, — слабым голосом провозгласил он.

Михаил Петрович и Северцев, взмокшие и измученные, растянулись рядом с ним. Профессор наполнил стаканы.

— Итак, — сказал он. — Наша первая, но, по всей видимости, не последняя трапеза в водородной бездне...

Они чокнулись и выпили. Северцев потянулся за шпротами. Михаил Петрович занялся ветчиной.

— Собственно, не так уж плохо, — сказал профессор.

— Пикантно, — кивнул Северцев. — Как пир во время чумы.

— Иди ты с чумой, — добродушно-лениво сказал Михаил Петрович. — Чума, смерть... Надоело. Зачем об этом все время напоминать, спрашивается?

— Миша прав. — Профессор с усилием поднял бутылку. — Еще по одной... Вам куда, Миша?

— Сюда. — Михаил Петрович протянул свой стакан. — Сюда и не мимо, пожалуйста. Спасибо. Да, Андрей Андреевич, это совсем не так плохо. У нас есть продовольствие... кислород, приборы для кондиционирования воздуха. Что еще нужно? Мы можем прожить так годы...

— Аванпост человечества в недрах Юпитера, — криво усмехнулся Северцев.

— Вот именно. Аванпост человечества. — Михаил Петрович поднял палец. — Это, знаешь ли, обязывает.

— Собственно, сейчас наше положение не отличается от положения какого-нибудь Робинзона на необитаемом острове...

— С той только разницей, — сказал Северцев, — что у тех была надежда вернуться домой, а у нас...

— Виво — эсперо. — Профессор снова наполнил стаканы.

— Необитаемый остров... с утроенной силой тяжести, без солнца, затерянный в океане сжатого водорода... повисший в розовой пустоте!

— Тяжесть — это скверно, — признался Михаил Петрович. — Иногда мне кажется, что я слышу треск собственных костей. Неужели утроенная?

— Что-то в этом роде. На меньшую не стоило бы обращать внимания.

— Ничего, постепенно привыкнем, — сказал профессор. Глаза его блестели, борода растрепалась, обычно бледное лицо налилось краской. — Зато какой простор для исследований! Мы достанем из кладовых приборы, оборудуем здесь обсерваторию, мы будем наблюдать и вычислять...

— И в один прекрасный час звездолет рухнет в какую-нибудь водородную Ниагару и разлетится в пыль... И это может случиться в любую минуту! Вы понимаете?

— Но ведь может и не случиться? — мягко проговорил Михаил Петрович.

— Дамоклов меч!

— Ну и черт с ним! Плюнь. Или займись кроликами.

Профессор протянул к ним руку.

— Мы не имеем права так рассуждать. Я не хочу краснеть при мысли о том, что о нас подумают, когда найдут через сотни лет. Мы должны работать, черт вас побери совсем. И мы будем работать.

И тут что-то случилось. Послышался сухой скрежет. Звездолет сильно качнуло. Пол накренился. Упала и покатилась к стене бутылка. Сдвинулись с места банки и свертки. Снова раздался отвратительный звук ножа по стеклу. Что-то захрустело, гулко треснуло. Пол качнулся еще раз, медленно принял прежнее положение и замер. Розовый свет померк.

— Ого! — спокойно произнес Северцев. — Это что-то новенькое... Надо посмотреть.

Кряхтя от натуги, охая и поддерживая друг друга, они поднялись к иллюминатору. И то, что они увидели, показалось им похожим на сон.

Звездолет медленно проплывал над вершиной громадной серой скалы, основание которой тонуло в розовой дымке. Рядом поднималась другая скала, голая, отвесная, изрезанная глубокими прямыми трещинами. А за ней вырастала целая вереница таких же острых крутых вершин, молчаливых, загадочных, непонятных... Эта фантастическая горная страна, так неожиданно вынырнувшая из не постижимых недр планеты, потрясла людей. Это был как бы привет из привычного мира твердых предметов, увидеть который они уже не надеялись. Беньковский бормотал что-то, то и дело крепко потирая щеки ладонью. «Колдовство, колдовство», — повторял негромко Северцев. А Михаил Петрович смотрел во все глаза, провожая взглядом проплывающие под ним вершины и пропасти.

— И вон... еще! — услышал он голос Беньковского.

Выше скалистых зубьев из розового тумана выступил темный бесформенный силуэт, вырос, превратился в изъеденный обломок черного камня и снова скрылся. Сейчас же вслед за ним появился другой, за ним третий... А вдаль, едва различимая, бледным пятном светилась округлая сероватая масса.

Между тем горный хребет внизу постепенно опускался, пока не исчез из виду. Первым нарушил молчание Михаил Петрович.

— Это мираж? — спросил он.

Беньковский ответил торжественно и грустно:

— Нет, Миша, это не мираж. Это открытие. Открытие, которое — увы! — не скоро станет достоянием наших друзей на Земле. Мы видели кладбище миров, Миша...

Северцев хлопнул себя по лбу.

— ...кладбище миров, которые когда-то — может быть, совсем недавно, а может, и миллионы лет назад — неосторожно приблизились к Бурому Джупу и были проглочены им, как он проглотил и нас. Не исключено, что среди них есть планеты, мало уступающие по величине Луне и даже Меркурию. Недостаточно плотные, чтобы погрузиться в слои металлического водорода и распасться там, они вечно будут плавать здесь... и мы вместе с ними.

Под иллюминатором прошла поразительно гладкая, словно отполированная обширная равнина, окаймленная невысокой грядой округлых холмов, и исчезла.

— Может быть... — робко начал Михаил Петрович.

— Может быть, нас выбросит на такую планету, — торопливо проговорил Северцев, — и мы сможем что-нибудь предпринять...

Беньковский усмехнулся.

— Нам не выбраться из звездолета, даже если бы мы избрали такой путь самоубийства. Давление в сотни тысяч атмосфер...

— А что, если... — Михаил Петрович задумался.

Они опустили на пол и молча выпили по стакану вина. За стальным панцирем звездолета царили невообразимые, начисто отрицающие жизнь условия; мускулы и кости хрустели и угрожали лопнуть при каждом движении; двое товарищей лежали мертвыми в передней кабине, а третий сгорел дотла. Они были беспомощны, и гибель угрожала им каждое мгновение. Они знали это. И все же...

— Надо работать, — решительно сказал Беньковский.

И Северцев и Михаил Петрович серьезно кивнули.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Скатерть-самобранка

1

— Вот вы говорите — синхрофазотрон, — сказал Литературовед. — Хорошо. Вы мне объяснили, что это такое, и, предположим, я ничего не понял.

— Предположим, — сказал сосед-Физик и тонко улыбнулся.

— Но, на мой взгляд, самое ужасное заключается не в этом.

Они стояли у калитки на ровной дорожке, посыпанной крупным красным песком. Из-за кустов смородины в глубине сада поднимались стены дач: белые — Физика и кремовые — Литературоведа и его жены. Темная зелень отражалась в стеклах веранды.

— А в чем заключается самое ужасное? — спросила жена Литературоведа.

— А в том, дорогие мои, что сейчас — на данном этапе развития цивилизации — средний человек лишен возможности по смыслу некоторого технического термина определить, что он — термин — означает.

— Например — электровоз, — сказала жена.

Физик вежливо засмеялся.

— Нет-нет, позволь!.. Хотя, действительно, электровоз. То, что везет с помощью электричества. Или — гидролиз. Гидро — вода, лизис — разложение. Разложение водой.

Теперь — новая терминология, скажем, ваш синхрофазотрон. Синхро — синхронос — одновременный... Фазотрон — тут уж я пас. Услышав слово, я не в состоянии понять, что оно может означать.

— Мне это не кажется ужасным, — сказал сосед-Физик. — Я даже как-то не задумывался, что означает слово «синхрофазотрон».

— Естественно, раз вы с ним работаете, — сказал Литературовед. — Но что делать нам, гуманитарам? Например, я читаю рекламный проспект завода универсальных кухонных машин и встречаю там термин «триггерная ячейка»...

— Кстати, — сказала жена Физика. — Мы приобрели универсальную кухонную машину. Приходите посмотреть и попробовать, как она готовит.

— Благодарю вас, — сказал Физик. — Но кухонная машина — это не последнее слово...

Он взглянул на свои часы и вскричал:

— Ради бога, извините! Я же приглашен... Уже три часа, а я еще не одет.

Он махнул рукой и побежал к своей даче, мелькая загорелыми плечами в лучах солнца, кое-где пробивающихся сквозь зелень. Литературовед сказал, провожая его глазами:

— Не последнее слово. Еще бы! Если он работает с синхрофазотроном.

Супруги прошли по саду и свернули к дверям своей дачи.

У дверей, рядом со ступеньками, стоял большой ящик.

— Она! — сказал Литературовед. — Смотри, Танечка, она! Молодцы «Доставка на дом»!

Они бегом кинулись к ящику.

— А какая упаковка! — сказал Литературовед. — Прелесть. «Красноярск», — прочитал он сбоку. — Она!

— А ну-ка, возьмись, — деловито скомандовала жена, ухватившись за ящик.

Ящик оказался совсем легким, и они втянули его в кухню без особого труда и там поставили посередине, отодвинув стол. Литературовед сильно потер руки и сказал:

— Шекснинска стерлядь золотая...

— Распаковывай, — сказала жена. — Я накрываю на стол.

Литературовед принялся распаковывать, громко цитируя наизусть рекламный проспект:

— «Универсальная Кухонная Машина «Красноярск-2» есть автомат с полукибернетическим управлением, рассчитанный на шестнадцать стандартных сменных программ. УКМ объединяет в себе механизм для переработки сырья, сдабривания специями и обработки различными температурами (варение, жаренье, готовка на пару), а также механизм мойки и сушки столовой посуды. УКМ одновременно способна готовить обед из трех блюд, в том числе на первое: щи свежие с мясом, борщ украинский, суп из свежих (сушеных) грибов (вегетарианский), окрошка летняя; на второе — бифштекс по-английски...»

— Не надо! — сказала жена.

Литературовед громко глотнул и сказал:

— Сил нет ждать инструктора.

— А зачем нам его ждать? — сказала жена, подходя к машине, которая стояла, горделиво поблескивая гладкой пластмассой стенок, среди вороха мятой бумаги. — И не думай даже — ждать. У Вари точно такая же машина, и я уже делала на ней гуляш. Это совсем просто. Здесь, — она стала показывать, — окно для подачи продуктов. Здесь окно для подачи посуды. Здесь — выход продукции...

Литературовед обошел машину сзади и, открыв какую-то дверцу, сказал:

— Ага. Вот система настройки, по-видимому. Кишок-то, кишок! Не дай бог, она испортится...

— Только почему-то четыре кнопки, — сказала жена. — У Вариной машины кнопок гораздо больше — двенадцать.

— Значит, это усовершенствованная машина, — сказал Литературовед.

— Вероятно, — сказала жена. — Ну конечно. Четыре кнопки — первое, второе, третье...

— И четвертое, — сказал Литературовед.

— Да. Четвертое. Чай, например. Или пирожки.

— А может быть, это четыре стихии Фалеса Милетского? — сказал Литературовед.
— Вода, огонь, воздух, земля. Или четыре арифметических действия.

Он был настроен скептически.

— Принеси, пожалуйста, мясо из холодильника, — сказала жена. — И картошку.

— Так, — сказал муж. — И что будет?

— Гуляш, — сказала жена довольно резко.

Когда Литературовед принес продукты, жена сказала:

— Я поняла, зачем четвертая кнопка — для нарезки хлеба.

— А, — сказал Литературовед, но возражать не стал.

Жена вложила мясо и картошку в окно справа и со шнуром в руке отправилась в угол кухни к розетке.

— Включи машину, — сказала она издали.

— Как? — осведомился Литературовед.

— Нажми кнопку.

— Какую?

— Господи — вторую! Мы же делаем гуляш.

Машина ответила на нажатие кнопки глухим рокотом. На переднем щитке ее зажглась белая лампочка, и Литературовед, заглянувший в «окно подачи продуктов», увидел, что там ничего нет.

— Кажется, она приняла мясо, — сказал он изумленно. Он не рассчитывал на это.

— Ну вот видишь, — сказала жена с удовлетворением.

Они стояли рядом и любовались своей машиной и слушали, как она шелкает и жужжит. Потом белая лампочка погасла и зажглась красная. Машина перестала жужжать.

— Всё! — весело сказала жена и пошла к столу за тарелками. — Вынимай гуляш.

Литературовед обеими руками взялся за ручки в верхней части машины и потянул их к себе. Из машины выдвинулось нечто вроде ящика, и странный запах распространился по комнате.

— Что там? — спросила жена.

— Посмотри сама, — сказал Литературовед. Он стоял, держа в руках ящик, и со странным выражением на лице рассматривал его содержимое.

Жена посмотрела и сказала: «Ой». В ящике лежала пачка каких-то тонких листов — красных, испещренных белыми пятнами. От листов поднимался смрад.

— Боже мой! — сказала жена и взяла верхний лист двумя руками, и лист сломался у нее в пальцах, и куски его упали на пол, дребезжа, как консервная жестянка.

— Прелестный гуляш, — сказал Литературовед. — Гуляш Гремящий. Пятая стихия. Интересно, каков он на вкус?

Жена, глядя в сторону, сунула кусочек гуляша в рот.

— Я всегда говорил, что ты мужественная женщина, — сказал Литературовед, следя за ее движениями. — Ну?

— Очень хорошо, — сказала жена металлическим голосом и быстро вышла из кухни. Тогда муж поискал глазами, куда бы все это высыпать, и вывалил содержимое ящика в кучу оберточной бумаги. Запах усилился. Жена вернулась с буханкой хлеба.

— Какую кнопку ты нажал? — спросила она.

— Вторую сверху, — робко сказал Литературовед, и ему сразу же стало казаться, что он нажал вторую снизу.

— Я уверена, что ты нажал четвертую кнопку, — сказала жена и решительно сунула буханку в «окно подачи продуктов». — А это хлебная кнопка.

Литературовед хотел было спросить, как это может объяснить странные метаморфозы, происшедшие с мясом и картошкой, но вовремя остановился. Жена оттолкнула его в сторону и, сухо сказав: «Извини», нажала четвертую кнопку. Раздался какой-то лязг, и стали слышны частые негромкие удары.

— Видишь, — сказала жена. — Режет хлеб.

— Хотел бы я знать, что там сейчас делается внутри, — глубокомысленно сказал Литературовед.

Жена не ответила.

— Почему-то не загорается лампочка, — сказал Литературовед.

Машина стучала и пофыркивала, и это длилось довольно долго, так что Литературовед начал уже обдумывать вопрос, на что нужно нажать, чтобы ее остановить. Потом машина издала приятный для слуха звон и принялась мигать красной лампочкой, не переставая жужжать и стучать.

— Я всегда думал, — сказал Литературовед, глядя на часы, — что приготовить гуляш легче, чем нарезать хлеб.

— А куда ты, собственно, спешишь? — осведомилась жена.

Это был резонный вопрос. Спешить было совершенно некуда.

Через три минуты Литературовед обошел машину и заглянул внутрь. Он не увидел ровным счетом ничего такого, что могло бы послужить пищей для размышлений. Ничего такого, что могло бы послужить просто пищей, он тоже не увидел. Поднявшись, он встретился глазами с женой и в ответ на ее вопрошающий взгляд покачал головой.

— Там все в порядке, — сказал он. Он ничем не рисковал, делая это заявление. Оставалось еще две неисследованные кнопки, а также масса всевозможных сочетаний и перестановок всех четырех.

— Ты не могла бы ее остановить? — спросил он жену. Жена не ответила, и некоторое время они еще стояли в ожидании, глядя, как машина мигает лампочками — белой и красной попеременно.

Потом жена протянула руку и ткнула пальцем в самую верхнюю кнопку. Раздался звон, и машина остановилась. Стало тихо.

— Хорошо как, — невольно сказал Литературовед. Было слышно, как ветер шумит кустами и стрекочут кузнечики.

— Куда ты девал ящик? Горе мое! — сказала жена. Он испуганно оглянулся и увидел, что ящик стоит на столе среди тарелок.

— А что такое? — спросил он.

— Ты же забыл вставить на место ящик, и теперь я не знаю, где нарезанный хлеб.

Литературовед обошел машину кругом и заглянул в оба окна — справа и слева. Хлеба не было. Он со страхом посмотрел на черную глубокую щель в машине, где раньше был ящик. Машина ответила угрожающим взглядом красной лампочки.

— М-может быть, мы обойдемся без? — спросил Литературовед неуверенно.

— Как так — без? Какой может быть обед без хлеба?

— А он вообще может быть? — спросил Литературовед и залез рукой в щель. Там было горячо, и он нащупал какие-то гладкие поверхности, но это был не хлеб. Он вытащил руку и пожал плечами.

— Нет хлеба, — сказал он и, став на колени, заглянул под машину. — Тут какой-то шланг, — сказал он.

— Что? — спросила жена. В голосе ее был ужас.

— Нет-нет, это не хлеб, — сказал он. — Успокойся. Это действительно шланг.

Литературовед вытащил из-под машины длинную гофрированную трубку с блестящим кольцом на конце.

— Глупый, — сказала жена. — Ты же не подключил к машине воду! Понимаешь — воду! Вот почему гуляш вышел таким...

— Н-да, — сказал Литературовед, косясь на останки гуляша. — Воды в нем действительно немного... Но где же все-таки хлеб?

— Ну не все ли равно! — сказала жена весело. — Словно мы не можем сходить и купить еще хлеба. Смотри, вот я подключаю шланг к водопроводу.

— А может быть, не стоит? — с опаской сказал Литературовед.

— Что значит — не стоит! Сейчас я принесу овощи, а ты вставь ящик.

На этот раз машина, побужденная к действию нажатием первой кнопки сверху, работала секунд тридцать-сорок.

— Неужели борщ тоже выливается в ящик? — сказал муж, нерешительно берясь за ручки.

— Давай-давай, — сказала жена.

Ящик был до краев наполнен розовой кашей, лишенной запаха.

— Борщ украинский, — сказал Литературовед веско. — Это похоже на...

— Вижу сама, — сказала жена. — Иди немедленно к соседу. Позови его. Он физик. Иди немедленно!

— Иду, — сказал он. В коридоре он заглянул в холодильник. Холодильник был пуст.

2

— Войдите, — сказал голос Физика.

Литературовед вошел и, пораженный, остановился в дверях.

— Надеюсь, супруги с вами нет, — сказал Физик. — Я не одет.

На нем была плохо выглаженная рубаша и яркий галстук. Из-под рубашки торчали голые загорелые ноги. На полу по всей комнате были разложены какие-то странные детали и валялась мятая бумага. Физик сидел прямо на полу, держа в руках ящик с окошечками, в которых бегали световые зайчики.

— Что это? — спросил Литературовед.

— Это тестер, — сказал Физик устало.

— Нет, вот это все...

Физик огляделся и сказал:

— Это — Универсальная Стиральная Машина «Красноярск-16» с полукибернетическим управлением. Стирает, гладит и пришивает пуговицы. Идите сюда, только осторожнее, не наступите...

Литературовед посмотрел под ноги и увидел кучу черного тряпья, лежащего в луже воды. От тряпья еще шел пар.

— Это мои брюки, — сказал Физик. — Я хотел их выгладить. Я думал, что так будет лучше.

— Значит, ваша машина тоже не в порядке, — сказал Литературовед.

— Она в полном порядке, — сказал Физик сердито. — Я разобрал ее по винтикам и целиком понял принцип работы. Вот видите — это подающий механизм. Это анализатор — я его не стал разбирать, но он и так в порядке. Вот транспортный механизм и система терморегулирования... Машина в полном порядке. Но у нее почему-то двенадцать клавиш программирования, а в проспекте было сказано — четыре. Я думаю, вся беда в этом...

— Четыре? — спросил Литературовед.

— Угу, — сказал Физик, рассеянно почесывая колено. — А почему вы сказали «ваша машина тоже»? У вас тоже есть стиральная машина? Мою мне привезли всего час назад. «Доставка на дом».

— Четыре, — повторил Литературовед упавшим голосом. — Не двенадцать. Скажите, а вы не пробовали закладывать в нее мясо?

Аркадий Стругацкий. Трезвый ум

За завтраком Виктор Борисович сказал жене:

— В последнее время мы совсем не следим за Гришей. Это может закончиться плохо для мальчика.

— Что-нибудь серьезное, милый? — осведомилась жена, разливая чай.

— Собственно... — Виктор Борисович нахмурился и поднес к губам салфетку. — Собственно, мне не нравится его чтение.

— Чтение?

— Да. У нас сейчас аврал, и я не имею возможности поговорить с Гришей так, как хотелось бы. Может быть, ты?..

Жена сказала:

— Хорошо, милый.

Она откусила кусочек бутерброда с ветчиной, задумчиво взглянула на мужа и спросила:

— Что-нибудь действительно серьезное? «Декамерон»? Петроний Арбитр?

— Этого еще не хватало! В его возрасте мальчишки не читают таких книг. Нет. Вчера вечером я обнаружил на его столе один из этих ужасных журналов... «Приключения и фантастика», так он, кажется, называется?

— Возможно. В его возрасте все мальчишки читают приключения и фантастику.

— И очень плохо! — Виктор Борисович сердито смял салфетку. — И очень плохо, Лена! Дикие, необузданные идеи! Нельзя разрешать детям читать эту белиберду. «Приключения и фантастика»! Детское государственное издательство! Безобразие. Как мы можем после этого требовать от детей... Нет, как только немного освобожусь, непременно выступлю с протестом.

— Неужели это так скверно?

— Это ужасно! Я просмотрел этот журнал и был потрясен. Забивать головы детей такой беспардонной чушью... Путешествия в другие галактики через четвертое, видишь ли, измерение, машины времени, телекинетика, психодинамика... черт, дьявол... превращение времени в энергию... Глупо, дико! Ни на гран материализма. Кого воспитывает такое чтение? Фантазеров? Пустоголовых мечтателей?

Жена сказала:

— Хорошо, милый. Сегодня после работы я просмотрю этот журнал и подумаю.

— Спасибо, Леночка.

Он взглянул на часы, торопливо встал и поцеловал жене руку.

— Я пошел. Вернусь, вероятно, опять поздно. Перелистай этот журнальчик и постарайся отвлечь мальчугана. Пусть читает детскую энциклопедию... или исторические романы. Нельзя позволить отравить его ум бредовыми измышлениями. Ведь он принимает все это всерьез!

Виктор Борисович выбежал из дома и прыгнул в атомокар. Он настроил кибернетическую схему атомокара на проспект Первых Межпланетников, 12, Управление Глубоких Работ. Атомокар плавно выкатился на шоссе, и Виктор Борисович включил стереовизор. Он хотел узнать, как идут работы по созданию искусственной атмосферы на Марсе, но по главной программе передавали урок электроники для учеников шестых классов. Он вспомнил о сыне, нахмурился и покачал головой. У Виктора Борисовича был на редкость трезвый холодный ум. Он был одним из лучших инженеров большого строительства на дне Тихого океана.

Тексты подготовлены: С. Бондаренко

Варианты рукописей и изданий

«Путь на Амальтею»

В интервью Стругацкие не единожды признавались, что «Три мушкетера» А. Дюма — одна из любимых их книг. Многие (да и сами Авторы тоже) сравнивают «Страну багровых туч» с «Тремя мушкетерами». Действительно, эти тексты имеют нечто общее, начиная с основной параллели: четыре главных героя (Быков, Дауге, Юрковский, Крутиков), один из которых — новичок...

Своеобразный аналог «Двадцати лет спустя» (о тех же персонажах, но через десять, а не через двадцать лет) АБС задумывали сразу же после окончания работы над «Страной багровых туч». Кроме главных героев, продолжающих жить и действовать в уже знакомом мире, было решено ввести в новую повесть еще одного, который протягивал бы ниточку от «Страны багровых туч». Это — Николай Ермаков, сын Анатолия Ермакова, погибшего на Венере...

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ВЫПУСКНИКИ

Они в последний раз обходили Школу. Они шли по светлым коридорам, заглядывая в лаборатории, классы, библиотеки, спортивные залы. Они спускались даже в подвалы — обширные помещения с люминесцирующими стенами, заполненные громоздкими механизмами. Пять лет назад само назначение этих механизмов представлялось им загадкой, а теперь они с закрытыми глазами, на ощупь могли найти любой винт, любое соединение.

Школа была битком набита воспоминаниями. Здесь я впервые самостоятельно рассчитал рабочий реактор. Инструктор, старый ядерник Анастас Туманян, нестерпимо долго ползал по чертежам толстым красно-синим карандашом, затем нестерпимо долго читал записку и щелкал логарифмической линейкой, затем вдруг встал, молча кивнул и ушел. И я был на седьмом небе от счастья. Здесь я однажды крутил на турнике «солнце», сорвался и вывихнул ногу. Ребята подбежали ко мне и помогли мне подняться. У них были озабоченные и встревоженные лица, и я был тронут до слез. Но Жилин, ощутив мое распухшее колено, сердито сказал: «Шляпа», и мне стало очень стыдно. Здесь Нгуэн Фу Дат, смуглый большеротый вьетнамец, похожий на мальчика, обжег руки жидким гелием. Мы с трудом отыскивали его в ледяном тумане, когда он все еще пытался заделать пластиком трещину в баллоне. Нгуэн пролежал в госпитале два месяца, и его перевели на отделение дистанционного управления. А вот Большая электронно-счетная машина. Когда на третьем курсе мы приступили к изучению вычислительных систем, Саша Сибиряков не отходил от нее ни на шаг. Он отдавал ей все свободное время, он говорил и думал о ней, словно она была живым существом, он прямо-таки молился на нее. И в один прекрасный день на выходе машины вместо решения какой-то головоломной задачи по космогации выползла голубая лента с печатной надписью: «Люблю дорогого Сашеньку». Изумленные операторы изменили программу и режим машины, но на выходе снова появилась лента с надписью: «Люблю дорогого Сашеньку». Вся Школа покатывалась со смеху. Саша ходил надутый и злой. Заместитель начальника Школы «Железный Чэнь» устроил курсу тихий разнос. Шутники не сознались, но на следующее утро машина опять работала нормально... Здесь я отдувался на экзаменах по генетике, путаясь в зиготах и аллелях. Если говорить честно, генетика так и осталась сильнее меня.

Здесь нас приучали к перегрузкам. Все пять лет, каждый понедельник курсанты по два часа крутились в маленьких, обитых стеганой кожей центробежных кабинах. Надо было сидеть и терпеть, широкие ремни впивались в обрюзгшее тело, лицо обвисало, и трудно было открыть глаза — так тяжелели веки. И нужно было, пересиливая себя,

решать какие-то малоинтересные задачки или составлять стандартные подпрограммы для вычислителя. Это было ужасно трудно, хотя задачи были совсем простые, а программы были известны еще с первого курса. Некоторые курсанты не выдерживали даже тройных перегрузок, а некоторые переносили даже восьмикратные. Как правило, это были самые худощавые. К концу третьего курса я удовлетворительно переносил пятикратную перегрузку.

И вообще у нас есть о чем вспомнить. Например, дипломный перелет «Спу-16» Земля—«Цифэй» Луна, когда член экзаменационной комиссии старался сбить нас с толку и, давая вводные, то кричал ужасным голосом: «Астероид третьей величины справа по курсу, скорость сближения двадцать два!», то исподтишка переключал курсовычислитель на какой-нибудь невообразимый режим. Нас было шестеро дипломантов, и он надоел нам всем, даже хладнокровному Жилину, который всегда и везде повторял, что людям надо прощать их маленькие слабости. Мы не возражали в принципе, но прощать слабости члену комиссии нам не хотелось. Мы все считали, что перелет ерундовый, и никто не испугался, когда вдруг корабль лег в страшный вираж на четырехкратной перегрузке. Мы пробрались в рубку, где член комиссии, учинив очередную проверку, делал вид, что убит перегрузкой, и вывели корабль из виража. Тогда член комиссии открыл один глаз и сказал: «Молодцы, межпланетники», и мы сразу простили ему всё, потому что до сих пор никто еще не называл нас межпланетниками, кроме мам и знакомых девушек, но мамы и девушки всегда говорили «мой дорогой межпланетник», и вид у них при этом всегда был такой, словно у них холодеет внутри. И мы сразу вспомнили, что член комиссии — знаменитый межпланетник, налетающий сотни астрономических единиц, что ставить нас на голову и проверять быстроту реакции — это его право и обязанность.

И члены экзаменационной комиссии были знаменитые межпланетники, и инструкторы тоже были знаменитые межпланетники. Не было среди них ни одного, с чьим именем не связывалась какая-нибудь полулегенда. Начальник Школы Александр Лазаревич Семенов, грузный, лысый и короткопалый, первый исследователь лун Урана, участник прославленной экспедиции на Каллисто. Заместитель начальника Чэнь Кунь, слывший среди межпланетников под прозвищем «Железный Чэнь», великий мастер «прямой космогации» и создатель теории Зоны Абсолютно Свободного Полета. Курс космогации на трансмарсианских трассах читал Василий Петрович Ляхов, испытатель первых фотонных ракет и командир первого фотонного прямогочика «Хиус-Молния». Он выхлопотал для нас четырехмесячные курсы теории аннигиляционного привода, и мы летали на «Спу-20 Звезду», где шла окончательная доводка «Молнии» перед межзвездной экспедицией. На «Звезде» было очень интересно. Там проводились эксперименты по использованию прямогочных фотонных двигателей, там было много замечательных капитанов и инженеров. Там мы увидели Краюхина — он совершил свой последний внеземной перелет, чтобы увидеть «Молнию». Он подошел ко мне (мы не виделись уже три года) и сказал: «На таких кораблях ты будешь летать, Николай, как мы и не мечтали. Если бы видел отец...», и заковылял дальше, широкий, сутулый, угрюмый. Все останавливались и прижимались к стенам, давая ему дорогу. Он так рано состарился — ведь ему не было и шестидесяти пяти. Когда отец погиб на Венере, мне было двенадцать. Краюхин вызвал меня к себе и сказал: «Твой отец не вернется, Коля. Он остался там». Он больше не сказал ничего, взял меня за плечо и, тяжело опираясь на меня, пошел по широким коридорам Комитета в гараж, взял свой вертолет, и мы с ним летали весь день над Москвой, не говоря ни слова, и он несколько раз передавал мне управление. Может быть, он ждал, что я буду плакать, и хотел помешать этому, но я не плакал. Я плакал накануне, когда прочитал письмо отца, оставленное перед отлетом. На конверте было сказано, когда его вскрыть...

— Коля, — сказал Жилин. — Ты что, Коля?

Николай глубоко вздохнул и провел ладонью по лицу.

— Ничего, — сказал он. — Так, вспомнилось...

— Может быть, — сказал Жилин, — сходим в обсерваторию?

— Хорошо, — сказал Николай.

На «Звезде» вообще было очень интересно. Однажды Ляхов привел нас в ангар. В ангаре висел только что прибывший фотонный танкер-автомат, который полгода назад забросили в зону АСП в качестве лота-разведчика. Танкер удалялся от Солнца на расстояние светового месяца. Это было огромное неуклюжее сооружение, и всех нас сразу поразил его цвет — бирюзово-зеленый. Обшивка отваливалась кусками, стоило прикоснуться ладонью. Она просто крошилась, как сухой хлеб. Но устройства управления оказались в порядке, иначе разведчик, конечно, не вернулся бы, как не вернулись три разведчика из двадцати, запущенных в зону АСП. Мы спросили Ляхова, что произошло. Ляхов ответил, что не знает. Это впервые за два года Ляхов ответил нам, что он не знает. «На больших расстояниях от Солнца есть что-то, чего мы пока не знаем», — так сказал Ляхов. И только позже мы сообразили, что Ляхов поведет «Молнию» туда, где есть что-то, чего мы пока не знаем. Мы дружно завидовали Ляхову. Потом, когда мы вернулись на Землю...

Они спустились в просторный вестибюль учебного корпуса. Николай остановился и, глядя в сторону, сказал:

— Знаешь, Иван Федорович, я на всякий случай позвоню еще раз.

Жилин сказал:

— Звони.

Николай вошел в комнату междугородного видеофона, прикрыл за собой дверь и некоторое время стоял в нерешительности, разглядывая свое отражение под блестящей поверхностью экрана. Он взял трубку и набрал номер. Новонисейск был занят. Николай поглядел через стеклянную дверь на Жилина. Жилин сидел в кресле под большим портретом Циолковского, расставив ноги и прочно уперев руки в колени. Он был спокоен, неподвижен и надежен, как гранитный валун. Мимо прошли двое курсантов-первокурсников с чертежными папками, они повернули к Жилину головы и что-то сказали, должно быть поздоровались. Жилин коротко кивнул большим носом. Жилину было тридцать два года. До Школы он был глубоководником, командовал отрядом батискафов океанологической станции на Кунашире. Жилин был женат, его жена работала сейчас в одной из планетографических экспедиций в системе Юпитера. Для Жилина все это позади. Николай положил трубку и вышел из комнаты.

Жилин встал, внимательно поглядел на него и сказал:

— Знаешь что, Коля? Шут с ней, с обсерваторией. Пойдем, Коля, пообедаем.

Утром они договорились, что обедать будут на аэродроме, но Николай промолчал. Они отправились в столовую через парк по узкой аллее, обсаженной кустами черемухи. Жилин шагал не спеша, поглядывая по сторонам, насвистывая веселенький мотивчик. Навстречу из-за поворота вышла группа девушек в трусах и майках — курсанты сектора дистанционного управления. Вероятно, они возвращались с баскетбольной площадки. Девушки вдохновенно болтали о каких-то серьезных девичьих делах. Одна из них, высокая худощавая красавица, кивнула Николаю и улыбнулась, показывая ровные влажные зубы. Николай тоже кивнул и улыбнулся. Он узнал ее — позавчера он танцевал с нею на выпускном вечере. Кажется, она училась на третьем курсе. Наверное, Николай понравился ей, потому что она дважды, хотя и в довольно туманных выражениях, пожалела, что не познакомилась с ним раньше, когда он был курсантом. Но он уже забыл, как ее зовут. Он оглянулся. Она стояла, поправляя растрепавшиеся волосы, и глядела ему вслед. Ее правое колено было перевязано пыльным бинтом. Когда он оглянулся, она несколько секунд без улыбки смотрела на него, затем повернулась и побежала догонять подруг.

— Пойдем, — сердито сказал Жилин.

Они отлично пообедали — в последний раз в школьной столовой. Жилин был большой гурман и любитель китайской кухни. Он утверждал, что «китайский чифань»

(так он называл китайскую кухню) является вершиной гастрономических устремлений человечества, и у него было много последователей не только на курсе, но и в Школе. Они заказали салат с вермишелью из гороха маш, салат из медуз с креветками, каракатицу с ростками бамбука, жаркое «сы-бао» и бульон с крабами. Жилин ловко орудовал палочками, то и дело подливая в свою пиалу пахучую коричневую сою, и неторопливо рассказывал, как ловят каракатиц на островах Мьяоледао. Николай ел молча, время от времени поглядывая на него через стол. Прадедами Жилина были питерские рабочие, те, что в фантастические времена, когда и в помине не было ни Школы высшей космогации, ни жаркого «сы-бао», жгли костры на студеных улицах, насмерть воевали белых генералов, отбирали у кулаков драгоценный хлеб. И сам Жилин был точь-в-точь похож на толстовского Ивана Гору — весь из костей и железных мускулов, с большим носом и широким ртом, сутуловатый, с могучей впалой грудью и длинными руками. Обычно Жилин был молчалив, но Николай понимал, почему он сейчас пустился в воспоминания о каракатицах. Николай был рад, что Жилин говорит и можно молчать.

— Тогда ее снимают с крючка и надрезают мантию, — сказал Жилин.

...Мы потихоньку удрали из клуба и пошли бродить по улицам поселка. Луны не было, свет над домами упирался в низкие неподвижные тучи. Свет поднимался из-за черных деревьев. Мы шли не по тротуару, а прямо по шоссе, чтобы никого не встретить. Она очень боялась, что встретит кого-нибудь знакомого. Впрочем, было поздно, на улицах никого не было, только изредка проносился автомобиль, шурша шинами по рубчатому стеклу шоссе. Тогда ты отворачивалась, и в бегущем свете я на секунду видел твои пушистые золотые волосы. Мы бродили так всю ночь, а на рассвете вышли на окраину. Далеко в черном поле медленно ползли крошечные светлые пятна, доносился едва слышный монотонный многоголосый гул. Я сказал, что это похоже на большой аэропорт, а она засмеялась и сказала, что это высокочастотные плуги. «Ох уж эти мне межпланетники» — так сказала она. Мы остановились у тополя, такого высокого, что даже не хотелось задирать голову. Я протянул к ней руку ладонью кверху и подумал: если поймет, значит все будет хорошо. Мы ни о чем таком не говорили в ту ночь, и она могла не понять, и она не поняла, только посмотрела блестящими глазами сначала на ладонь, затем на меня. Я стоял, прислонившись спиной к шершавому теплому стволу, и думал: не поняла, не поняла. И вдруг она нашла мою ладонь, и сразу стало удивительно тихо и пусто кругом, только в висках сильно застучала кровь. Мы возвращались по шоссе в поселок, и я, держа ее руку в своей, сказал: «Знаешь что?» — «Что?» — спросила она. «Если бы я тебя поцеловал тогда, ты бы, наверное, не рассердилась». Она засмеялась и ничего не сказала, и я опять не решился поцеловать ее. У ее дома, где она жила с братом и с женой брата, мы попрощались за руку, и она неслышными шагами ушла в дом, а я вернулся к пустому темному клубу и глядел на утреннюю зарю, сидя на каменных ступенях. Когда взошло солнце, прибыл транспортер за ракетой, и я должен был уехать вместе с ракетой. Несколько человек вышли проводить меня — вихрастый наладчик автоматов, хорошенький бригадир с косичками, паренек, который вчера спорил со мной об эмбриомеханике, рыжий пианист, — но она не вышла. Наверное, она спала. Потом мы два года переписывались и разговаривали по видеофону, и за эти два года мы тоже ни о чем таком не говорили. Я много раз собирался сказать, и вот она вызвала меня к видеофону и сообщила, что выходит замуж. Она была очень счастливой, по-моему. Она показала мне его фото — красивый парень с веселым добрым лицом. Он был преподавателем физики и математики в совхозной восьмилетке...

Жилин положил палочки, промокнул губы салфеткой и строго сказал:

— Хватит вспоминать.

— Хватит, — сказал Николай.

— Встали? — сказал Жилин.

— Встали, — сказал Николай.

Они поднялись. Жилин взял Николая за плечо. У него были твердые, как чугун, пальцы.

— Ты совсем распустился, товарищ межпланетник, — строго сказал он. — Вспомни, что говорил вчера «Железный Чэнь». Вспомни, что ты мечтал об этом все пять лет.

Николай засмеялся.

— И ты тоже, — сказал он.

— И я тоже, — согласился Жилин.

Накануне вечером заместитель начальника Школы Чэнь Кунь вызвал к себе Ермакова и Жилина. Как всегда, Чэнь говорил тихо, почти ласково, глядя на собеседников большими темными глазами. Ему было около сорока лет, но он казался совсем молодым в узкой синей куртке с отложным воротником. У него были гладкие иссиня-черные волосы и длинная гибкая шея. Наверное, он был бы очень красив, если бы не мертвые серо-розовые пятна на лбу и правой щеке — следы давнего лучевого удара.

— На днях выпускники будут распущены на отдых, — сказал Чэнь Кунь. — Каждому выпускнику следует месячный отдых. За этот месяц Совет Школы готовит распределение. Но я взял на себя смелость предложить вам двоим отказаться от отдыха.

Ермаков покосился на Жилина. Жилин внимательно слушал, уставив большой нос в сторону заместителя начальника.

— Сегодня звонил председатель ГКМПС товарищ Краюхин. — «Железный Чэнь» медленно склонил и затем вскинул голову. — Товарищ Краюхин просил Школу срочно откомандировать в распоряжение третьего отдела Комитета двух сменных бортинженеров. Вам известно, что третий отдел занимается главным образом грузопассажирской связью с системой исследовательских станций и экспедиций в поясе астероидов и вокруг Юпитера. Вам известно, что трансмарсианские рейсы до сих пор считают наиболее сложными. Вам известно также, что молодые межпланетники назначаются в трансмарсианские рейсы только в особых случаях. Мне представляется, что вы двое как раз и есть такой особый случай, и я взял на себя смелость назвать товарищу Краюхину ваши кандидатуры. Товарищ Краюхин одобрил ваши кандидатуры.

Николай опять поглядел на Жилина. Жилин радостно кивал большим носом.

— Я должен был бы предвидеть, — сказал Чэнь Кунь, — что на предстоящий месяц отдыха у вас, товарищ Жилин, и у вас, Ермаков, могли оказаться какие-либо планы личного порядка. Но сейчас вам представляется редкий для выпускника случай начать работу сразу в максимально сложных и максимально интересных условиях. Именно поэтому я позволил себе не усомниться в вашей согласии и, не уведомив вас предварительно, назвать ваши имена в разговоре с товарищем Краюхиным.

— Се-се Чэнь-тунчжи, — сказал Жилин, улыбаясь во весь широкий рот.

— Благодарю вас, товарищ Чэнь, — сказал Ермаков.

Чэнь Кунь сказал:

— Есть еще одно обстоятельство, которое укрепило меня в моей уверенности. Я считаю возможным теперь же уведомить вас, что вы будете назначены сменными бортинженерами на «Тахмасиб», новый фотонный рейсовый планетолет типа «Хиус-9». Вашим командиром будет прославленный межпланетник Алексей Петрович Быков, вашим старшим штурманом будет замечательный космогатор Михаил Антонович Крутиков. В их руках вы пройдете первоклассную практическую школу, и я весьма рад за вас обоих.

Николай опустил глаза, чувствуя, как рот его сам собой растягивается в глуповатую счастливую улыбку. Чэнь Кунь встал. Жилин и Николай тоже встали.

— Я думаю, лучше всего будет, если вы отправитесь завтра вечерним воздушным поездом. В Москве вас, наверное, не задержат. Командир «Тахмасиба» ждет вас на ракетодроме Мирза-Чарле. «Тахмасиб» швартуется у «Спу-17» и стартует через две недели.

Чэнь Кунь, «Железный Чэнь», протянул им руку и сказал:

— Счастливого пути и спокойной плазмы.

Это славно, что нас назначили в трансмарсианские рейсы — там настоящая работа, трудная и опасная. И я буду работать с дядей Лешей и дядей Мишей, которых я так люблю. И Жилин, может быть, скоро увидит свою жену. Как славно все получилось. Славно, славно!

— Мы оба мечтали об этом все пять лет, — сказал Николай.

— Вот видишь, — сказал Жилин. — Ну, пойдём попрощаемся с ребятами. Пора в Москву.

Ракетодром Мирза-Чарле отправлял и принимал ионолеты «местного сообщения». Он связывал Землю с ее искусственными спутниками. Со времени первых фотонных ракет рейсовые и экспедиционные планетолеты строились, испытывались, грузились и разгружались, ремонтировались, стартовали и принимались только на искусственных спутниках — чтобы не загрязнять атмосферу Земли радиоактивными отходами. Кроме того, это было много экономнее и проще технически. Сообщение Земли с возлеземными доками осуществлялось через сеть ракетодромов типа Мирза-Чарле посредством автоматических и пилотируемых ионолетов — реактивных устройств, использующих для разгона энергию превращения атомарного кислорода верхних слоев стратосферы в молекулярный кислород. Такие ракетодромы сооружались обычно в пустынях (Мирза-Чарле располагался на юге Заунгузских Кара-Кумов, в трехстах километрах севернее Ашхабада) и мало чем отличались один от другого: несколько сотен квадратных километров ровной поверхности, залитой стеклопластом, сотни гектаров складов и мастерских, непрерывные потоки атомовозов, решетчатые башни радиотелескопов и радиомаяков, огромный прозрачный купол СЭУК (системы электронного управления и контроля) и — несколько поодаль — аэродром и утопающий в зелени городок с обязательной высотной гостиницей на окраине. Через эти стандартные ворота ежедневно уходили в Пространство пилоты, инженеры, ученые, десятки тысяч тонн материалов и продовольствия и ежедневно приходили на Землю необыкновенные металлы и минералы, невиданные животные, драгоценные знания. Иногда через эти ворота возвращались на Землю в запаянных прозрачных цилиндрах те, кто отдал жизнь за власть Человека над Пространством.

На аэродроме Николаю и Жилину сказали, что командир фотонного планетолета первого класса «Тахмасиб» Алексей Петрович Быков остановился в гостинице, восьмой этаж, номер такой-то. Через четверть часа Николай постучал в дверь номера такого-то. «Войдите», — сказал скрипучий неприветливый голос. Жилин кашлянул и переложил чемодан в другую руку. Они вошли. Просторная комната с голубыми стенами и желтым потолком вся мягко светилась в ярком утреннем солнце. Посередине комнаты стоял с полотенцем в руках Алексей Петрович, мокрый, взъерошенный, в красивом шелковом халате. Он ничуть не изменился с тех пор, как я видел его в прошлый раз. Наверное, и с тех пор, как его впервые видел отец. Он совершенно не меняется. Такой же рыжий, такой же красный, такой же сердитый и такой же добрый. И у него по-прежнему круглый облупленный нос, и он по-прежнему втягивает голову в плечи. Алексей Петрович уставился на вошедших маленькими круглыми глазками и сдвинул брови, похожие на зубные щетки.

— А, — сказал он скрипучим голосом. — Бортинженеры. Наконец-то. Ну, здравствуйте.

Он бросил полотенце на спинку кресла, подошел к Николаю, обнял, на секунду прижался холодной щекой к его щеке. Затем он протянул руку Жилину.

— Я ждал вас вчера вечером, товарищи, — сказал он.

— Мы задержались в Ашхабаде, — поспешно сказал Николай. — Я не мог уйти в первый рейс, не повидав Антонину Николаевну. Антонина Николаевна велела вам кланяться, дядя Леша. И Володя, и Верочка.

Алексей Петрович хмыкнул и стал смотреть в сторону. Все же ему удалось не улыбнуться.

— Ты у нее любимчик, — объявил он. — Ладно. Располагайтесь здесь, я оденусь.

Он вышел в соседнюю комнату, а Николай и Жилин уселись на диван. На диване переплетом вверх лежала раскрытая книга. Николай поглядел на заголовок. «Структуры отражающих слоев». Он засмеялся и подмигнул Жилину. Жилин сидел прямо, расставив ноги и уперев руки в колени. Что-то в его лице напоминало лицо Алексея Петровича, и Николай опять засмеялся. Жилин искоса взглянул на него и тоже улыбнулся широким ртом.

— Между прочим, — сказал из соседней комнаты Алексей Петрович. — Есть две новости.

— Первая? — сказал Николай.

— Ляхов четвертого октября стартует в АСП.

— Мы уже знаем об этом, дядя Леша, — сказал Николай.

— Хорошо получилось, правда? В день пятидесятой годовщины первого спутника — первый пилотируемый старт в межзвездное пространство. И опять русские.

— А вторая новость? — спросил Николай.

— Вторая новость не столько важная, сколько удивительная. — Алексей Петрович вышел в гостиную, застегивая пилотскую куртку. — Кангрэн нашел на Меркурии развалины.

— Что нашел?

— Какие-то развалины. Каменные плиты, скрепленные металлическими брусками, или что-то в этом роде.

Николай сказал с досадой:

— Что-то в этом роде... Неужели это вам не интересно, дядя Леша?

Алексей Петрович прищурил правый глаз и высоко вздернул бровь над левым.

— Конечно, интересно, — сказал он. — Я же говорю: удивительная новость. Да я сам толком ничего не знаю. Ляхов получил из Фербенкса фотограмму и рассказал мне. Подробности будут опубликованы. Ну-ка, дай мне посмотреть на тебя хорошенько.

Николай встал, улыбаясь. Жилин тоже встал, переступил с ноги на ногу и сел.

— Да, — сказал Алексей Петрович. — Бортинженер. Сколько тебе уже?

— Двадцать три, дядя Леша.

— Да... Двадцать три. А давно ли мы... Да, поглядел бы покойный Анатолий Борисович... Ну, ладно. Будем завтракать.

— Мы позавтракали в самолете, дядя Леша, — сказал Николай.

Алексей Петрович огорчился.

— Свинтусы, — сказал он. — Право, свинтусы. Может быть, еще раз позавтракаете?

— Честное слово, дядя Леша, — сказал Николай.

— Мы сыты, Алексей Петрович, — сказал Жилин.

— Ну и черт с вами, — сказал Алексей Петрович. Он подошел к буфету-автомату, нажал несколько кнопок и достал из буфета поднос. На подносе был хлеб, винегрет, горячая телятина и графин с фруктовым соком. Алексей Петрович поставил поднос на стол и сказал: — Черт с вами. Ну, рассказывайте, что там у вас в Школе.

Николай стал рассказывать про Школу, а Алексей Петрович с аппетитом кушал, одобрительно кивая и поглядывая в окно, где на горизонте, за сверкающим полем ракетодома, темнели в белесой дымке исполинские треугольные силуэты ионолетов.

— А скажи мне, Коля, — сказал он вдруг. — Какова температура первичной рекристаллизации стандартного отражателя?

Николай помолчал и ответил:

— Сто пятьдесят тысяч плюс-минус три тысячи градусов.

— Правильно, молодец, — похвалил Алексей Петрович. — Правильно, как таблица логарифмов. Температура низкая. А что вам в Школе говорили относительно траекторий в поле Юпитера?

— «В поле Юпитера надлежит идти по возможности вне плоскости системы спутников, усилив противометеоритное наблюдение и держась не ближе ста тысяч километров от поверхности Юпитера».

— Правильно, — сказал Алексей Петрович. — Золотые слова. Найди это место и загни страницу, как говорил капитан Катль.

В соседней комнате замурлыкал видеофон. Алексей Петрович залпом допил сок, приложил к губам салфетку и вышел. Николай и Жилин поглядели друг на друга. Жилин пожал плечами.

— Слушаю, — раздался голос Алексея Петровича. — Да, я Быков, командир «Тахмасиба». Что? Очень приятно, здравствуйте. Так... И чем я могу помочь?.. Нет, этого я сделать не могу. Не имею права... Послушайте, господин... э-э... господин Маки... Нет, это исключено. Можете обратиться в Комитет межпланетных сообщений... Да... Нет... Передайте господину профессору мои наилучшие пожелания и прочее. Саёнара.

Когда Алексей Петрович вернулся в гостиную, лицо его было краснее обыкновенного, а в стиснутые губы бились невысказанные слова. Он убрал поднос, сел в кресло и некоторое время молча глядел на Жилина и Николая.

— Вот как, — сказал он наконец. — Господин Быков, профессор в настоящее время весьма занят и настоятельно просит отложить старт на двое суток. Вот как.

— Какой профессор? — спросил Николай.

— Профессор Сусуму Окада. Он должен лететь с нами. Звонил его секретарь. Но я не отложу старт ни на сутки. Я стартую точно в шесть ноль-ноль шестого.

Николай слышал о Сусуму Окада. Это был крупный японский физик, работавший в области создания фантастического «вечного двигателя», двигателя времени. Интересно, что понадобилось Окада за поясом астероидов?

— Дядя Леша, — сказал Николай. — Куда мы летим?

Алексей Петрович прищурил правый глаз и вздернул бровь над левым.

— На Амальтею, — ответил он. — На Пятый спутник Юпитера.

Жилин завозился на месте, улыбнулся во весь широкий рот и крепко потер огромные твердые ладони. Николай тоже улыбнулся и незаметно, но сильно ткнул его большим пальцем под ребро.

— Чему вы радуетесь, бортинженеры? — осведомился Алексей Петрович.

Жилин заулыбался еще шире, а Николай ответил:

— На Амальтее работает жена Ивана Федоровича.

— А-а... — сказал Алексей Петрович. — Очень удачное совпадение. Кстати, об удачных совпадениях, — сказал он Николаю. — Я совсем забыл сказать тебе. Ведь с нами летят Юрковский и Дауге. Ты помнишь их? Они тоже будут работать на Амальтее. Вот тоже удачное совпадение, правда?

Юрковский и Дауге, Быков и Крутиков. Богдан Спицын и отец. Страшный и прекрасный, с детства знакомый рассказ о страданиях, о потерях, о победе. Имена, прочно связанные с памятью об отце, имена людей, которые бросили к ногам человечества грозную планету. Люди, которые нашли в черных песках Венеры Урановую Голконду — след удара метеорита из антивещества, богатейший источник активных руд. Разве я могу не помнить этих людей? Да, это очень удачное совпадение... если это действительно только совпадение.

Николай сказал:

— Дядя Леша, ведь это ваша работа?

— Э-э... Что ты имеешь в виду?

— То, что меня откомандировали к вам.

— Моя работа? — Алексей Петрович уставился на Николая честными круглыми глазами. — Что ты, Коля! Я и понятия не имел, пока мне не позвонили из третьего отдела. А ты что, недоволен тем, что тебя откомандировали ко мне?

Николай махнул рукой и отвернулся.

— Ладно, — сказал Алексей Петрович. — Хватит болтать, товарищи бортинженеры. Наш ионолет стартует в четырнадцать тридцать, и у нас есть еще... — Он поглядел на часы. — У нас остается еще пропасть времени, четверть суток. Придвигайтесь к столу, вынимайте ваши записные книжки, и мы посмотрим, как вы разбираетесь в контрольной системе фотонного привода.

И началось избиение.

Позже Авторы переработали эту главу, что-то изменив или добавив, где-то усиливая или убирая акценты. Ниже — второй вариант той же главы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ВЫПУСКНИКИ

Они сидели в коридоре на подоконнике. Коля Ермаков болтал ногами, а Жилин, вывернув шею, глядел за окно в парк, где на волейбольной площадке прыгали у сетки незнакомые ребята, по-видимому первокурсники, и девчонки с факультета Дистанционного Управления. Ермаков, подсунув под себя руки, смотрел на дверь напротив. На двери была дощечка с надписью: «Высшая Школа Космогации. Заместитель начальника Школы Чэнь Кунь».

— Хорошо играют, — сказал Жилин басом.

— Мальки, — сказал Коля Ермаков не оборачиваясь.

— Вон тот, четвертый номер, у него отличный пас.

Коля передернул плечами. У него тоже был отличный пас, но он не обернулся. Жилин посмотрел на него и сказал:

— А ты не волнуйся, Николай.

— Я не волнуюсь.

— Ты волнуешься, Николай, — сказал Жилин. — И по-моему, зря. Тут все в порядке.

— А я и не говорю, что не в порядке. Просто Чэнь даст нам распределение.

— Почему это он даст тебе распределение на месяц раньше, чем другим?

— И тебе тоже. Я чувствую. Понимаешь? У меня предчувствие.

— Предчувствие, — сказал Жилин. — Джузеппе Бальзамо. А ты не предчувствуешь, куда нас распределят?

— На лунную трассу, — сказал Коля. — Стажерами.

— Девица Ленорман, — сказал Жилин. — Граф Калиостро. Откуда у тебя это предчувствие?

Слева в конце коридора появился паренек в рабочем комбинезоне. Он приближался неторопливо и вел пальцем по стене. Лицо у него было задумчивое. Он подошел к двери, посмотрел на дощечку, потом повернулся и сказал: «Здравствуйте». Голос у него был печальный.

— Здравствуй, Григорий, — сказал Жилин снисходительно. Ермаков кивнул.

— Вы на очереди? — спросил Григорий печально.

— Да, — сказал Жилин.

Паренек подошел к ним и тоже сел на подоконник. Это был Григорий Быстров, староста третьего курса.

— Что случилось, староста? — осведомился Жилин.

— Кто-то устроил штуку с Копыловым, — сказал Григорий.

— Какую штуку? — спросил Коля Ермаков с интересом.

Валя Копылов славился своей привязанностью к вычислительной технике. Недавно в Школе установили очень хороший электронный вычислитель ЛИАНТО, и Валя

проводил возле него дни, и проводил бы и ночи, но по ночам на ЛИАНТО велись вычисления для дипломантов, и Валу прогоняли вон.

— Кто-то из наших запрограммировал любовное послание, — сказал Григорий уныло. — Теперь ЛИАНТО выдает на последнем цикле: «Без Валентина жизнь не та, люблю, привет от Лианта». В простом буквенном коде.

— Отвратительные стихи, — сказал Коля.

Жилин грустно хохотнул и сказал нежно:

— Вот паршивцы.

— Плохие стихи, — сказал Коля, укоризненно качая головой.

— Что ты мне это говоришь? — сказал Григорий Быстров. — Ты этим дуракам скажи. А теперь меня вызвал Чэнь.

— Староста, — сказал Коля. — Ты никуда не годный староста. Твои курсанты пишут отвратительные стихи, и на месте Чэня я задал бы тебе за это основательную взбучку.

Дверь приоткрылась, и высунулась голова дежурного.

— Жилин, Ермаков, товарищ Чэнь вас вызывает.

Коля спрыгнул на пол.

— Пошли, — сказал он. Он был немного бледен. Жилин двинулся следом, подталкивая его в спину чугунным пальцем.

Заместитель начальника Школы Высшей Космогации Чэнь Кунь, слывший среди межпланетников под прозвищем «Железный Чэнь», говорил, как всегда, тихо, почти ласково, глядя на выпускников большими темными глазами. Ему было за пятьдесят, но он казался совсем молодым в узкой синей куртке с отложным воротником. Он был бы очень красив, если бы не мертвые серо-розовые пятна на лбу и на правой щеке — следы давнего лучевого удара.

— На днях выпускники будут распущены на отдых, — сказал Чэнь Кунь. — Каждому выпускнику следует месячный отдых. За этот месяц Совет Школы готовит распределение. Но я взял на себя смелость предложить вам двоим отказаться от отдыха.

Ермаков покосился на Жилина. Жилин внимательно слушал, уставив большой нос в сторону заместителя начальника.

— Сегодня звонил председатель ГКМПС товарищ Краюхин. — «Железный Чэнь» медленно склонил и затем вскинул голову. — Он просил Школу срочно откомандировать в распоряжение третьего отдела Комитета двух сменных бортинженеров. Вам известно, что третий отдел занимается главным образом грузопассажирской связью в системе исследовательских станций и экспедиций района Юпитера. Вам известно, что трансмарсианские рейсы до сих пор считаются наиболее сложными. Вам известно также, что молодые межпланетники назначаются в трансмарсианские рейсы только в особых случаях. Мне представляется, что вы двое как раз и есть такой особый случай, и я взял на себя смелость назвать товарищу Краюхину ваши кандидатуры.

Коля опять поглядел на Жилина. Жилин радостно кивал большим носом.

— Я должен был предвидеть, — сказал Чэнь Кунь, — что на предстоящий месяц отдыха у вас, товарищ Жилин, и у вас, Ермаков, могли оказаться какие-либо планы личного порядка. Но сейчас вам представляется редкий для выпускника случай начать работу сразу в максимально сложных и максимально интересных условиях. Именно поэтому я позволил себе не усомниться в вашей согласии и, не уведомив вас предварительно, назвать ваши имена в разговоре с товарищем Краюхиным.

— Се-се Чэнь-тунчжи, — сказал Жилин, широко улыбаясь.

— Спасибо, товарищ Чэнь, — сказал Ермаков.

Чэнь Кунь сказал:

— Есть еще одно обстоятельство, которое укрепило меня в моей уверенности. Я считаю возможным теперь же уведомить вас, что вы будете назначены сменными бортинженерами на «Грахмасиб», фотонный рейсовый планетолет типа «Хиус-9». Вашим

командиром будет прославленный межпланетник Алексей Петрович Быков, вашим старшим штурманом будет превосходный космогатор Михаил Антонович Крутиков. В их руках вы пройдете первоклассную практическую школу, и я весьма рад за вас обоих.

Чэнь Кунь встал. Жилин и Ермаков тоже встали.

— Я думаю, лучше всего будет, если вы отправитесь сегодня вечерним воздушным поездом. В Москве вас не задержат. Командир «Тахмасиба» ждет вас на ракетодроме Мирза-Чарле. «Тахмасиб» швартуется на Спу-17 и стартует через месяц.

«Железный Чэнь» протянул им руку и сказал:

— Удачи и спокойной плазмы.

Когда они вышли в коридор, Григорий Быстров, староста, все еще сидел на подоконнике.

— Ну как? — спросил он, сползая на пол.

— Что «как»? — сказал Коля. — Что тебя волнует, малёк?

— Как там Чэнь?

— Чэнь! — Коля повернулся к Жилину. — Этот малёк сказал: Чэнь! «Товарищ Чэнь», староста! «Чэнь-тунчжи!» «Железный Чэнь!» «Великий Чэнь!» Понятно? Иди и будь почтителен!

Быстров протиснулся в приемную, зацепившись карманом за ручку двери.

— Ну что, Иван Федорович? — закричал Коля. — Что ты скажешь?

Жилин поднял руку и опустил ее на спину Ермакова. По коридору прокатилось трескучее эхо.

— Молодец, Калиостро, — сказал Жилин. Он сиял.

— Прославленный Быков, — сказал Ермаков. — Он же дядя Леша. Превосходный Крутиков. Он же дядя Миша. Ура, Иван Федорович!

— Ура, — согласился Жилин.

Они пошли вдоль коридора, заглядывая в каждое окно.

— Послушай, Иван Федорович, — сказал Ермаков. — Там какие-то девочки.

Он остановился у окна и вытянул шею.

— Вон она, — сказал он. — Видишь, с перевязанной коленкой.

— Кто? — спросил Жилин.

— Не помню.

— Оболтус, — сказал Жилин.

— Нет, правда, — сказал Николай. — Я танцевал с ней позавчера на выпускном вечере.

— Ну, тогда пошли прощаться со школой, — сказал Жилин.

— Я уже прощаюсь, — сказал Николай. — На трансмарсианских линиях нет таких девочек.

— Оболтус, — повторил Жилин.

Коля повернулся и смерил Жилина взглядом.

— Ты, — сказал он. — Женатик. Ты не патриот своей Школы.

— Пошли, пошли, — сказал Жилин и взял Ермакова за плечо.

— Ай, я уже иду, — сказал Коля.

Они прошли по коридору мимо пустых аудиторий и заглянули в лабораторию низких температур. Здесь три года назад Нгуэн Фу Дат обжег руки жидким гелием, и они не сразу отыскали его в ледяном тумане, когда он все еще пытался заделать пластиком трещину в баллоне.

— Зайдем в вычислительную, — сказал Жилин.

Они спустились по широкой лестнице на первый этаж и заглянули в вычислительную. Там шли занятия, а около серого корпуса ЛИАНТО сидели на корточках трое операторов и рылись в машине. Рядом в аудитории шли экзамены. Несколько первокурсников с мужественными лицами подпирали стену, заложив руки за спину.

— Удачи и спокойной плазмы, — сказал им Коля, проходя. Первокурсники заулыбались и снова стали смотреть перед собой.

— Никогда больше не сдавать экзаменов, — сказал Коля. — Никогда больше не трепетать.

Они свернули и вошли в огромный тренировочный зал. Посреди зала сверкало четырехметровое коромысло на толстой кубовой станине — центробежная установка. Коромысло вращалось, и кабинки на его концах, оттянутые центробежной силой, лежали почти горизонтально. В кабинках сидели курсанты, но их не было видно, потому что в кабинках не было окошек. Наблюдение за курсантами велось изнутри станины с помощью системы зеркал. У стены на шведской скамеечке сидели четверо курсантов в смешных костюмах для перегрузок. Все четверо, задрав головы, следили за проносящимися кабинками.

— Четырехкратная перегрузка, — сказал Жилин, глядя на кабинки.

— Пятикратная, — сказал Ермаков.

Четверо курсантов посмотрели на них и снова задрали головы. Каждый понедельник курсанты по два часа крутились в этих кабинках, приучаясь к перегрузкам. Каждый понедельник все пять лет. Надо было сидеть и терпеть, широкие ремни впивались в обрюзгшее тело, лицо обвисало, и трудно было открыть глаза — так тяжелели веки. И нужно было решать какие-то малоинтересные задачки или составлять стандартные подпрограммы для вычислителя. Это было ужасно трудно, хотя задачи были совсем простые, а программы были известны еще с первого курса. Некоторые курсанты выдерживали восьмикратные перегрузки, некоторые не выдерживали даже тройных, и их переводили на факультет дистанционного управления. Это называлось «попасть к девочкам».

Коромысло стало вращаться медленнее, остановилось, и кабинки повисли вертикально. Из одной вылез худощавый парень и остановился, придерживаясь за раскрытую дверь. Его покачивало. Парень из другой кабинки вывалился и сразу сел, упираясь руками в пол.

— К девочкам, — вполголоса сказал Ермаков.

Курсанты, поджидавшие своей очереди, вскочили.

— Ни черта, — сказал парень сипло и поднялся. — Не беспокойтесь, ребята.

Он страшно зашевелил лицом, разминая затекшие мускулы.

— Ни черта, — повторил он.

— Полноват, — сказал Коля.

Жилин кивнул. Полные плохо переносили перегрузки. Жилин потерял шесть кило, прежде чем стал выдерживать пятикратные перегрузки. Вначале ему было нехорошо, хотя в прошлом он был глубоководником и обладал нечеловеческой силой.

— Похудеет, — сказал Жилин. — Захочет, так похудеет.

В станине открылся люк, оттуда вылез инструктор в белом халате и отобрал у курсантов листки с записями.

— Давайте, Гургенидзе и Саблин, — сказал он. Он бегло просмотрел листки. — Можете идти. У вас зачет.

— Ну, здорово, — сказал полный. — И у меня тоже?

Он сразу стал лучше выглядеть.

— И у вас тоже, — сказал инструктор.

Полный парень вдруг звучно икнул. Все засмеялись, и он очень смутился.

— А ведь сегодня понедельник, — сказал Ермаков Жилину. — Может, прокатимся напоследок? На восьмикратной, а?

Жилин молча взял Колю за плечо и выволок в коридор. Они вышли в сад и уселись на ближайшей скамейке.

— Теперь, — сказал Коля, — давай думать, что делать дальше.

— Ехать на аэродром, — сказал Жилин.

— Это ясно, — сказал Коля нетерпеливо. — Что кроме?

— Пообедать, — сказал Жилин.

Коля посмотрел на него. Жилин сидел неподвижно, расставив ноги и уперев руки в колени. Он был спокоен, безмятежен и надежен, как гранитный валун. Жилину было тридцать лет. До Школы он командовал отрядом батискафов океанологической станции на Кунашире. Жилин был женат, его жена работала сейчас в одной из планетографических экспедиций в системе Юпитера.

— Видишь ли, Иван, — сказал Коля очень осторожно. — Вот что я имею в виду... Что, если нам лететь в Москву не сегодня, а...

— Так, — сказал Жилин. — А в чем дело?

— Видишь ли, Иван Федорович. Есть у меня одно незавершенное дело.

Жилин повернул голову и посмотрел на Колю. Он посмотрел очень пристально, а потом стал смотреть в сторону спортплощадки, где сквозь кусты мелькали красные майки и загорелые ноги.

— Слушай меня, Ермаков, — сказал он тяжеловесно. — Сейчас мы пойдем на обсерваторию, потом пообедаем, потом простимся с Виктором Владимировичем, с Ангелиной Ивановной, с товарищем Ши...

Это были преподаватели и инструкторы.

— Но мы уже простились с ними позавчера.

— Когда это?

— Позавчера, на выпускном вечере.

— На выпускном вечере, — сказал Жилин, — ты занимался танцами с этой перевязанной коленкой.

— Ну и что из этого, — сказал Коля. — А ты просидел весь вечер в буфете.

— Итак, простившись с Виктором Владимировичем, с Ангелиной...

— Ясно, — сказал Коля. — Что дальше?

— Дальше мы поедем на аэродром и, — Жилин посмотрел на часы, — в двадцать два ноль-ноль будем в Москве. Вопросы есть?

Коля вздохнул: он очень не любил прощаний.

— Тогда хоть пошли сначала пообедаем, — сказал он.

— Отчего же, пошли, — сказал Жилин и встал.

Когда стратоплан выскочил из туч, Коля увидел солнце низко над облаками и густосинее небо вверху. Жилин в соседнем кресле посапывал, свесив с подлокотника огромную коричневую лапу. Подошла стюардесса со столиком на колесах. На столике стояли стаканы с чаем, бутылки всевозможных напитков и тарелки с бутербродами. Стюардесса была хорошенькая и очень вежливая. К сожалению, она была очень занята и разговора не получилось. Коля отказался от еды и напитков и стал смотреть сквозь прозрачный потолок в темное небо. Там уже горели яркие немигающие звезды, и вдруг, перегоняя стратоплан, прошла крупная красно-синяя звезда. Это был Спу-20.

Год назад курсанты проходили на Спу-20 четырехмесячные курсы теории аннигиляционного привода. На «Звездочке», так межпланетники называли Спу-20, было очень интересно. Там шла тогда окончательная доводка «Молнии» для межзвездной экспедиции. Там производились эксперименты по использованию прямоточных фотонных двигателей. Там было много замечательных капитанов и инженеров. Там курсанты увидели Краюхина — он совершил свой последний внеземной перелет, чтобы увидеть «Хиус-Молнию». Он подошел к Николаю (они не виделись уже три года) и сказал: «На таких кораблях ты будешь летать, как мы и не мечтали. Если бы видел отец...», и заковылял дальше, широкий, сутулый, угрюмый. Все останавливались и прижимались к стенам, давая ему дорогу. Он рано состарился, ведь ему не было и шестидесяти пяти. Когда отец погиб на Венере, Коле было двенадцать. Краюхин вызвал его к себе и сказал: «Твой отец не вернется, Коля. Он остался там». Он больше не сказал ничего, взял Колю за

плечо и пошел по широким коридорам Комитета в гараж, взял свой вертолет, и они летали весь день над Москвой, не говоря ни слова, и он несколько раз передавал Коле управление. Может быть, он ждал, что Коля будет плакать, и хотел помешать этому, но Коля не плакал. Он плакал накануне, когда прочитал письмо отца, оставленное перед отлетом. На конверте было сказано, когда его вскрыть...

Жилин проснулся, спросил: «Ты чего не спишь?» и опять заснул.

На «Звездочке» вообще было очень интересно. Однажды Ляхов привел их в ангар. В ангаре висел только что прибывший фотонный танкер-автомат, который полгода назад забросили в зону абсолютно свободного полета в качестве лота-разведчика. Танкер удалялся от Солнца на расстояние светового месяца. Это было огромное неуклюжее сооружение, и всех поражал его цвет — бирюзово-зеленый. Обшивка отваливалась кусками, стоило прикоснуться ладонью. Она просто крошилась, как сухой хлеб. Но устройства управления оказались в порядке, иначе разведчик, конечно, не вернулся бы, как не вернулись три разведчика из двадцати, запущенных в зону абсолютно свободного полета. Курсанты спросили Ляхова, что произошло, и Ляхов ответил, что не знает. Это впервые за два года Ляхов ответил им, что он не знает. «На больших расстояниях от Солнца есть что-то, чего мы пока не знаем» — так сказал Ляхов. И только позже они сообразили, что Ляхов поведет «Молнию» туда,

[Одна страница отсутствует.]

Жилина и спросил ее вполголоса, приятно улыбаясь:

— Простите, мы скоро прибываем?

— Через десять минут, — ответила стюардесса, тоже приятно улыбаясь.

Тогда Коля ткнул Жилина локтем в диафрагму и сказал:

— Вставай, Иван Федорович, Москва.

В Мирза-Чарле они прибыли через день утром. Ракетодром Мирза-Чарле отправлял и принимал ионолеты местного сообщения. Он связывал Землю с ее искусственными спутниками. Со времени первых фотонных ракет рейсовые и экспедиционные планетолеты строились, испытывались, грузились, ремонтировались, стартовали и принимались только на искусственных спутниках — чтобы не загрязнять атмосферу Земли радиоактивными отходами. Кроме того, это было много экономичнее и проще технически. Сообщение Земли с возлеземными доками осуществлялось через сеть ракетодромов типа Мирза-Чарле посредством автоматических и пилотируемых ионолетов, использующих для разгона энергию превращения атомарного кислорода верхних слоев стратосферы в молекулярный кислород. Такие ракетодромы сооружались обычно в пустынях (Мирза-Чарле располагался на юге Заунгузских Кара-Кумов, в трехстах километрах севернее Ашхабада) и мало отличались один от другого: несколько сотен квадратных километров, залитых стеклопластом, сотни гектаров складов и мастерских, непрерывные потоки атомовозов, решетчатые башни радиотелескопов и радиомаяков, огромный прозрачный купол СЭУК (система электронного управления и контроля) и — несколько поодаль — аэродром и зеленый городок с обязательной высотной гостиницей на окраине. Через эти стандартные ворота ежедневно уходили в пространство пилоты, инженеры, ученые, десятки тысяч тонн материалов и продовольствия и ежедневно приходили на Землю необыкновенные металлы и минералы, невиданные животные, драгоценные знания. Иногда через эти ворота возвращались на Землю в запаянных прозрачных цилиндрах те, кто отдал жизнь за власть человека над Пространством.

На аэродроме Николаю и Жилину сказали, что командир фотонного планетолета первого класса «Тахмасиб» Алексей Петрович Быков остановился в гостинице, этаж такой-то, номер такой-то. Алексей Петрович был еще не одет. Он стоял посередине комнаты с полотенцем в руках, взъерошенный, в красивом шелковом халате. Совершенно

не меняется, подумал Коля. Такой же рыжий, такой же красный, такой же сердитый, такой же добрый. И у него по-прежнему круглый облупленный нос.

Алексей Петрович усталился на вошедших маленькими глазками и сдвинул брови, похожие на зубные щетки.

— А, — сказал он скрипучим голосом. — Бортинженеры. Здравствуйте, бортинженеры.

Он бросил полотенце на спинку кресла и обнял Николая, на секунду прижавшись холодной щекой к его щеке. Затем он протянул руку Жилину.

— Жилин Иван Федорович, — сказал Жилин. — Назначен в ваше распоряжение.

— Рад, — сказал Алексей Петрович. — Прошу.

Он взял полотенце и сказал:

— Располагайтесь. Я сейчас приду.

Он вышел в соседнюю комнату. Коля сел на диван и спросил вслед:

— Как поживает Антонина Николаевна?

— Хорошо, — отозвался Алексей Петрович из соседней комнаты. — Спасибо.

— А Володя и Верочка?

— Хорошо. Спасибо. Володька ногу вывихнул.

— Что вы говорите! — сказал Коля.

— Да, — сказал Алексей Петрович натужным голосом. По-видимому, он надевал ботинки. — С трамплина прыгал, малек.

— Молодец, — сказал Коля и посмотрел на Жилина.

Жилин сидел у стола, уткнувшись в журнал. Журнал был очень специальный — он назывался «Структуры отражающих слоев».

— Между прочим, — сказал из соседней комнаты Алексей Петрович. — Есть две новости.

— Да? — сказал Коля.

— Ляхов четвертого октября стартует в АСП.

— Это мы уже знаем, дядя Леша. Хорошо получается, правда? Пятидесятая годовщина первого спутника, День Межпланетника и первый пилотируемый старт в АСП.

— Так и задумано, — сказал Алексей Петрович.

— А вторая новость? — спросил Коля.

— Вторая новость не столько важная, сколько удивительная. — Алексей Петрович вышел в гостиную, застегивая пилотскую куртку. — Кангрэн нашел на Меркурии развалины.

— Что-что нашел?

— Какие-то развалины. Плиты, скрепленные металлическими брусками.

— Здорово, — сказал Коля. — Такие же, как на Марсе?

— Ну, этого я не знаю, — сказал Алексей Петрович. — Ляхов получил из Фербенкса фотографию. — Он сел у стола напротив Жилина. — Подождем, увидим. Не очень-то я верю в эти развалины. Кангрэн любит пошуметь.

— Все равно здорово, — сказал Коля. — Пора бы наконец поискать и на Земле.

— Это не нам искать, — сказал Алексей Петрович. — Это пусть глубоководники ищут.

— Они ищут, — сказал Жилин, глядя в стол.

Алексей Петрович посмотрел на него с любопытством и сказал:

— Ну и пусть ищут. А мы полетим на Амальтею.

— Да ну? — сказал Коля и тоже поглядел на Жилина.

Жилин широко улыбнулся.

— У вас там, кажется, супруга работает? — сказал Алексей Петрович.

— Да, — сказал Жилин и улыбнулся еще шире. — Пять лет не виделись.

— Мы знакомы, — сказал Алексей Петрович. — Очень, очень энергичная женщина, Елена Ивановна.

— Да, — сказал Жилин. — Говорят, ее там побаиваются. Я и сам ее побаиваюсь.

Алексей Петрович хотел что-то сказать, но, видимо, раздумал.

— Давайте завтракать, — предложил он.

— Мы позавтракали в самолете, дядя Леша, — сказал Коля.

Алексей Петрович огорчился.

— Ну вот, — сказал он. — Может быть, еще раз позавтракаете?

— Честное слово, дядя Леша, — сказал Коля.

— Мы сыты, Алексей Петрович, — сказал Жилин.

— Ну и черт с вами, — сказал Алексей Петрович. — Сидите голодные.

Он подошел к буфету-автомату, нажал несколько кнопок и через минуту достал из буфета поднос. На подносе стояли три пиалы, соусник, стакан томатного сока и пластмассовая подставка с двумя белыми палочками, завернутыми в целлофан. Острый неповторимый запах распространился по комнате. Жилин вдруг сел очень прямо и вытянул шею. Стул под ним крякнул. Алексей Петрович поставил поднос на стол. Жилин поглядел на поднос и гулко глотнул.

— А может быть, хотите? — снова спросил Алексей Петрович. — Превосходный чифань. Или вы не едите китайский чифань?

— Собственно, а что я ел за завтраком? — рассудительно сказал Жилин, глядя на поднос. — Пустяки. Чай с булочкой.

Коля не выдержал и все-таки захохотал. Жилин был великим поклонником китайской кухни. Он считал ее вершиной гастрономических устремлений человечества.

Алексей Петрович, взявший было палочки, положил их на поднос и оглядел бортинженеров.

— Вы любите жаркое «сы-бао»? — спросил он Жилина.

— Очень, — сказал Жилин и снова глотнул.

— Ой, не могу, — сказал Коля и лег на диван.

— А еще что? — спросил Алексей Петрович, поворачиваясь к буфету.

— Салат с вермишелью из гороха «маш», — сказал Жилин быстро. — Салат из медуз с креветками. И бульон с крабами, если можно.

— А каракатицу с ростками бамбука? — спросил Алексей Петрович, нажимая кнопки.

— М-м-м... Очень! — сказал Жилин. — Перестань верещать, Николай.

— Не могу, — сказал Коля, подтягивая колени к подбородку. Он сипел от смеха.

— Что он понимает, — сказал Алексей Петрович, возвращаясь к столу со вторым подносом. — Все межпланетники любят чифань.

Они принялись за еду, ловко орудуя палочками, то и дело подливая в пиалы темно-коричневую сою. Алексей Петрович ел молча, поглядывая в окно, где на горизонте темнели в белесой дымке исполинские треугольные силуэты ионолетов. Жилин сначала тоже молчал, а потом вдруг начал рассказывать о том, как на островах Мяоледао ловят каракатиц. Коля отдыхал, время от времени вставляя: «Ой, не могу».

— Тогда ее снимают с крючка и надрезают мантию, — сказал Жилин.

— Ой, не могу, — сказал Коля.

Алексей Петрович задумчиво покачал головой и вдруг спросил:

— А скажите мне, бортинженеры, какова температура первичной рекристаллизации стандартного отражателя?

Коля перестал смеяться и сел.

— Сто пятьдесят тысяч, — сказал он.

— Плюс-минус три тысячи градусов, — сказал Жилин.

— Правильно, — похвалил Алексей Петрович. — Температура низкая. А что вам в Школе говорили относительно траекторий в поле Юпитера?

— «В поле Юпитера надлежит идти по возможности вне плоскости системы спутников, усилив противометеоритное наблюдение и держась не ближе ста тысяч километров от поверхности Юпитера».

— Правильно, — сказал Алексей Петрович. — Золотые слова. Найдите это место и заignite страницу, как говаривал капитан Катль.

В соседней комнате замурлыкал видеофон. Алексей Петрович залпом допил сок, приложил к губам салфетку и вышел. Коля и Жилин поглядели друг на друга.

— Ого, — сказал Жилин. — Где мои учебники?

— Слушаю, — раздался голос Алексея Петровича. — Да, я Быков. Что? Очень приятно, здравствуйте. Так... И чем я могу помочь?.. Нет, этого я сделать не могу. Не имею права... Послушайте, господин... э-э... господин Маки... Нет, это исключено. Можете обратиться в Комитет межпланетных сообщений... Да... Нет... Передайте господину академику мои наилучшие пожелания и прочее. Саёнара.

Когда Алексей Петрович вернулся в гостиную, лицо его было краснее обыкновенного. Он убрал подносы, сел в кресло и некоторое время молча глядел на Жилина и Ермакова.

— Вот как, — сказал он наконец. — Господин Быков, академик весьма занят и настоятельно просит отложить старт на полторы недели. Вот как.

— Какой академик? — спросил Коля.

— Академик Сусуму Окада. Он летит с нами. Звонил его секретарь. Но я не отложу старт ни на сутки. Я стартую точно в шесть ноль-ноль шестого октября.

Коля слышал о Сусуму Окада. Это был крупный японский физик, работавший в области создания фантастического вечного двигателя времени.

— Да, это нехорошо с его стороны, — сказал Коля. — А кто еще летит с нами?

Алексей Петрович сразу подобрел.

— Юрковский летит, — сказал он. — И Гришка Дауге. Ты не забыл Юрковского и Дауге, малек?

Юрковский и Дауге, Быков и Крутиков, Богдан Спицын и отец. Страшный и прекрасный, с детства знакомый рассказ о страданиях, о потерях, о победе. Люди, которые бросили к ногам человечества грозную планету. Люди, которые нашли в черных песках Венеры Урановую Голконду — след удара чудовищного метеорита из антивещества.

— Вот он, — сказал Коля и ткнул пальцем в сторону Жилина. — Он рассказал мне эту легенду на первом курсе, и мне пришлось поправлять его, потому что он называл Юрковского Диковским. Всякий малек знает эти имена.

— То-то, — сказал Алексей Петрович.

— Вас называют первыми Десантниками, — сказал Коля.

Алексей Петрович покачал головой.

— Что ты, Коля, — сказал он. — Десантники всегда возвращаются.

— Но ведь и вы вернулись, Алексей Петрович, — сказал Жилин.

— Не все, — сказал Алексей Петрович. — И будет об этом.

Коля помолчал, затем спросил:

— Вы давно их видели в последний раз, дядя Леша?

— Десять лет, — сказал Алексей Петрович. — Но мы переписывались.

— Десять лет, ой-ой-ой, — сказал Коля и посмотрел на Жилина. — А я видел Юрковского в позапрошлом году. Он приезжал в Школу.

— Ну, будет, — сказал Алексей Петрович. — Наш ионолет стартует в четырнадцать тридцать. У нас есть еще время. Николай, садись за стол. Вынимайте ваши записные книжки, бортинженеры. Посмотрим, чему вас учили.

И началось избиение.

Потом Стругацкие отказались от такого традиционного вступления, и все написанные «вводные» главы были убраны. Известный нам «Путь на Амальтею» (первоначально, вплоть до

подготовки одноименного сборника, называвшийся иначе — «С грузом прибыл») начинается с середины полета — все уже встретились, давно вылетели и теперь приближаются к Юпитеру...

Но и приведенному выше варианту начала нашлось применение. Как заметит внимательный читатель, некоторые эпизоды превратились в повести в воспоминания Жилина; многое перешло сначала в рассказ «Почти такие же», а из него — в одноименную новеллу повести «Полдень. XXII век», кое-что (например, описание ракетодома) можно найти в «Стажерах»...

В «Пути на Амальтею» можно обнаружить следы и другого замысла — повести под названием «Страшная большая планета». Ее фрагмент, сохранившийся в авторском архиве, представлен в данном томе как отдельный текст. Все существенные подробности, связанные с этой «попыткой АНа взять в одиночку, штурмом, сюжет о звездолете, провалившемся в Юпитер», приведены в «Комментариях к пройденному».

А вот приведенное далее начало, за исключением пары эпизодов, так и осталось лежать в черновиках, хотя в нем присутствует немало интересных подробностей о персонажах и реалиях того мира.

Гл. I. Товарищи межпланетники

Василий Ляхов посмотрел на часы и сказал:

— А не пора ли нам, товарищи?..

— Ну что ж... — сказал член Совета Космогации и поднялся. На лице его появилась неуверенная улыбка. Он явно не мог решить — обнимать ему участников перелета сейчас или позже, у выхода в Главный кессон. Начальник Спутника-9 открыл дверь и пророкотал как в бочку:

— Прошу.

Все потянулись к двери, предупредительно пропуская вперед экипаж Первой Звездной. Их было семеро в синих рабочих комбинезонах, и когда они шли по узким коридорам, встречные прижимались к шершавым стенам, давая дорогу, и провожали их глазами. Многие возвращались и шли следом.

Состав Первой Звездной был хорош. Алексей Петрович Быков знал их всех, одних лично, других — понаслышке. Четверо ученых, трое пилотов. Ученые были все как на подбор молодые ребята, плечистые, с крепкими шеями. Они шли впереди и громко переговаривались на трех языках. Биолог Дьердь (Быков возил его на Амальтею год назад) что-то рассказывал, размахивая длинными руками, а китаец-кибернетик время от времени пронзительно вскрикивал: «Ах, какой я впечатлительный!» И каждый раз корреспондент, который шел рядом с Быковым, досадливо кричал в свой диктофон. Ему явно хотелось, чтобы все шло как следует — все-таки Первая Звездная. Один раз он даже пробормотал внятно: «Черт знает что. Никаких эмоций. Идут, как в столовую». Это был еще очень зеленый корреспондент, и он, вероятно, представлял себе Первую Звездную как торжественные похороны. В известном смысле он был, пожалуй, прав: перелет продлится восемь лет на субсветовых скоростях, а на Земле за это время пройдет лет десять-двенадцать. Кое-кого из нас они, вернувшись, не застанут, подумал Быков и посмотрел на пилотов.

Они шли сразу за учеными и очень старались не наступать им на пятки. Три матерых межпланетных аса, и каждый из них командовал в свое время фотонным планетолетом, и каждый из них налетал сотни миллиардов километров, и каждый из них мог бы командовать «Фотоном», но командиром назначили Ляхова. Ляхов первый поднял «Фотон» в пространство и первый развил на нем рекордную скорость — сто двенадцать тысяч километров в секунду. И потом — это был Ляхов.

Алексей Петрович глядел в его необъятную сутулую спину и думал, что Ляхову уже за сорок.

Кибернетик снова вскричал: «Ах, какой я впечатлительный», и корреспондент крикнул.

— А вы смотрите на пилотов, — сказал Быков. — Как идут! Картина!

У пилотов был очень сосредоточенный вид.

— Да-а... — сказал корреспондент восхищенно. — Замечательно идут.

Он принялся бормотать в диктофон, и до Быкова донеслись слова «коридоры, озаренные ровным, немигающим светом» и «когорта передового человечества». Корреспондент был на удивление зелен.

Когда все свернули в главный коридор, Алексей Петрович оглянулся. Сзади шло человек пятьдесят. Все молчали. Экипаж «Фотона» шел впереди, и между ним и провожающими лежала полоса отчуждения. Глупо, решил Алексей Петрович и рассвирипел. Какого черта. Люди летят работать, а не помирать. Он посмотрел на постную физиономию корреспондента, пошевелил губами и догнал Ляхова. Они пошли рядом.

— Ну что, Алексей, — сказал Ляхов, расплываясь в довольной улыбке. — Завидуешь?

— Еще бы, — сказал Алексей Петрович.

— Чего я боюсь, — сообщил Ляхов, — так это ближайших десяти минут. Придется обниматься с начальником Девятого.

Он осторожно оглянулся и вздохнул.

— Да, — сказал Алексей Петрович. — Я с ним стараюсь за руку не здороваться. Лапа у него, как экскаватор.

— Он меня обнял при встрече, — сказал Ляхов. — Теперь у меня что-то внутри скрипит и щелкает.

— Главное — вовремя отскочить, — сказал Колкер. Он летел на «Фотоне» бортинженером. — Подскочить, изящно поклониться и отскочить.

— Обидится, — сказал Ляхов и снова вздохнул. — Щелкает, — сообщил он.

Третий пилот молчал. Быков не знал его близко. Он знал только, что фамилия его Мартови и Ляхов в разговорах зовет его обычно Моркови. При комплектовании этой экспедиции старались подобрать людей не семейных. Для Мартови сделали исключение. Это был превосходный межпланетник. Два года назад он первым в мире исследовал пространство за Плутоном и нашел там второе кольцо астероидов.

— Послезавтра я лечу на Амальтею, — сказал Алексей Петрович.

— Ну-ну, — сказал Ляхов.

— Василий, — сказал Алексей Петрович. — Не задирай нос, Василий.

— Увидишь на Амальтее Тальба, — сказал Колкер, — передай ему, что все его рассуждения — чепуха. Он поймет. Я хотел ему написать, но так и не собрался.

— Можно радировать, — сказал вдруг Мартови. Все поглядели на него. Жена Мартови работала на Амальтее, на Джей-станции. Он даже не смог попрощаться с ней, подумал Быков. Последний рейсовый планетолет на Амальтею ходил три месяца назад. Он так и не повидал жену перед отлетом и теперь увидит нескоро. Зато он увидит Другое Солнце. Через четыре года он увидит чужое Солнце — красное, дымящееся протуберанцами, заслоняющее полнеба. Дурак, подумал Алексей Петрович. Зачем я заговорил об Амальтее.

— Ну, начинается, — сказал Ляхов.

Процессия остановилась перед Главным кессоном, и Быков увидел, что к ним приближаются член Совета и начальник Девятого. Начальник потирал руки. Лицо у него было решительное.

— Подскочить, изящно раскланяться и отскочить, — пробормотал Колкер.

Алексей Петрович отступил и стал смотреть. Член Совета жал руку каждому из участников и говорил что-то, улыбаясь. Зеленый корреспондент сверкал вспышкой. Он был не один. Вспышками сверкали еще четверо с горящими глазами. Алексей Петрович увидел, как Колкер попытался осуществить свой маневр, как он подскочил к начальнику, но раскланяться не успел — начальник схватил его и стал душить. Во всяком случае, у Колкера было лицо именно удушаемого. Ляхов покорно ждал своей очереди рядом.

Сначала все было довольно чинно, корреспондент мог быть доволен: провожающие почтительно толпились вокруг, а участники в промежутках между объятиями и

рукопожатиями стояли в напряженных позах и нетерпеливо улыбались. Но потом Ляхов крикнул на весь зал: «До свидания, товарищи!», и толпа надвинулась.

Алексей Петрович успел расцеловаться с Ляховым и Колкером и пожать руку длиннорукому Дьердю. Зеленый корреспондент осветил его вспышкой, сказав: «Извините, я хотел не вас», и кинулся напролом к Ляхову. Но Ляхов уже шагнул в кессон. Все зашумели. Толстая пластметалловая плита стала медленно опускаться, и семеро в кессоне стояли и махали руками. Все они были немного бледны, и Алексей Петрович увидел, как Мартови вдруг резко отвернулся и стал натягивать вакуум-скафандр. Плита опустилась.

Алексей Петрович еще долго стоял в опустевшем зале. Они будут в походе восемь лет. Четыре года туда и четыре — обратно. Восемь лет ледяной пустоты вокруг. Восемь лет невообразимой, ни с чем не сравнимой пустоты. Семь лет из восьми они проведут в анабиотическом сне, где-то между смертью и глубоким обмороком. И они увидят Другое Солнце. А я послезавтра лечу на Амальтею в шестой раз. И в шестой раз увижу Юпитер с высоты в сто тысяч километров. В шестой раз выгружу продовольствие и ученых, в шестой раз погружу ученых и контейнеры с образцами...

— К черту, — сказал Алексей Петрович. — Послезавтра я лечу на Амальтею. Сегодня должны прибыть Дауге и Юрковский. Будем пить шампанское и послезавтра вместе полетим на Амальтею...

В комнате Алексея Петровича сидел Михаил Антонович Крутиков и пил чай. Стол он придвинул к дивану. На столе стоял чайник и большая банка с вареньем, к которой была прислонена раскрытая книжка. Михаил Антонович был красен и более обыкновенного благодушен.

— Алешенька, — сказал он.

— Здравствуй, штурман, — откликнулся Алексей Петрович, подтащил стул и уселся.

— Налей-ка и мне, — сказал он.

Михаил Антонович взял книжку и положил на диван. Алексей Петрович заглянул в банку.

— Гм, — сказал он с сомнением.

— Третий стакан пью, — торопливо сказал Михаил Антонович и стал наливать чай.

— Гм, — повторил Алексей Петрович. Он отхлебнул горячего янтарного чая, зацепил ложечкой варенья и, причмокнув, прищурился на штурмана. — Проводили «Фотон». Привет тебе от Ляхова.

— Спасибо, Алеша. — Михаил Антонович покачал головой. — Какие смельчаки. Ай-яй-яй, какие это смельчаки...

— Ты бы не полетел? — осведомился Алексей Петрович.

— П-полетел бы, — сказал Михаил Антонович, потупясь.

Алексей Петрович засмеялся. Он знал, что штурман тайком подавал заявление, которое было, однако, отклонено в самой вежливой форме. Михаил Антонович много переживал по этому поводу. «Не пора ли мне на покой, Алешенька?!» — проникновенно вопрошал он. Но на покой ему было явно рано. Он по-прежнему оставался лучшим штурманом современного межпланетного флота, хотя за последние десять лет прибавил в весе семь кило. Теперь Алексей Петрович, взяв его под локти, уже не мог поднять, как раньше.

Михаил Антонович допил свой стакан и взялся за чайник.

— Гм, — сказал Алексей Петрович.

Рука Михаила Антоновича дрогнула, но он все-таки налил себе полстакана и сердито поглядел на Быкова.

— Не «гмыкай», пожалуйста, — сказал он, подумал и добавил: — Черт возьми.

Некоторое время они в полном молчании пили чай и скребли ложками по стенкам банки с вареньем. Потом Алексей Петрович спросил:

— Где Коля?

— На «Хиусе», — сказал Михаил Антонович.

— Странно, — сказал Алексей Петрович, — что он там делает?

— Он копается в вычислителе, — сказал Михаил Антонович. — Я сказал ему, что там все в порядке, но он считает, что там не все в порядке.

— Первый рейс, — задумчиво сказал Алексей Петрович, — первый дальний рейс. Амальтея, Юпитер, Джей-станция — для него это так ново. Волнуется?

— Коленька? Нет, что ты!

— Ермаковская кровь, — сказал Алексей Петрович. — Впрочем, врет он все. Волнуется, конечно.

Михаил Антонович вздохнул.

— Когда прилетят наши мальчики? — спросил он.

— Сегодня или завтра. Я думаю, сегодня.

Десять лет мы не виделись, подумал Алексей Петрович. Шли все по разным дорогам. Даже отпуска у нас были в разное время. Один раз я чуть-чуть не поймал Володьку Юрковского, но оказалось, что он вылетел накануне. Это было три года назад, на Таити. Я жил потом в комнате Юрковского и нашел его письмо ко мне, которое он забыл отправить. А потом в Москве я слышал, как объявляли по радио о его докладе в Доме ученых, но нужно было улетать на Юпитер. Все на тот же Юпитер. И с Дауге та же история. Он долго болел, милый Иоганьч. И очень трудно было ему снова попасть в Пространство. Но он добился, и они долго работали на Венере вместе с Юрковским, а потом Дауге послали на Марс и он почему-то перестал писать. Говорят, ему снова не повезло там — кажется, была зимняя буря и его засыпало. Но он еще ухитрился год назад слетать на Амальтею, и наши корабли встретились в пространстве и прошли на расстоянии каких-нибудь пять тысяч километров друг от друга... Мир тесен, но трудно быть вместе, когда один планетолог, а другой — командир фотонного корабля. Хорошо, что хоть Миша — штурман. Алексей Петрович посмотрел на Крутикова с удовольствием. Десять лет...

— Ляхов летит уже полтора часа, — сказал Михаил Антонович.

— Да-а, — сказал Алексей Петрович. Полтора часа — это значит, скорость его сейчас около пятидесяти километров в секунду и он уже за Марсом. Пассажиры уже заснули, а Ляхов в крутом пике выводит «Фотон» перпендикулярно эклиптике. Перегрузка раза в три, в глазах — мурашки, в ушах — звон. Колкер глотает спорамин, а Мартови тайком от командира пытается связаться с Амальтеей. Солнце уходит, слабеет, тонет в бездне... Через три-четыре часа Ляхов выйдет в зону абсолютно свободного полета над плоскостью Солнечной системы. Там еще не бывал никто. Разве что он сам, когда испытывал «Фотон» год назад.

— Михаил, — сказал Алексей Петрович. — Мы с тобой просто старые извозчики.

Михаил Антонович молча убирал со стола.

— Жалкие старые извозчики, — повторил Алексей Петрович. — И предел наших возможностей и способностей — проскочить, не теряя скорости, через пояс астероидов. И все. А скорость такая, что ее и сохранять не стоит: полторы тысячи, две тысячи...

Алексей Петрович замолчал и обернулся. Дверь плавно отъехала в сторону, и в комнату влетел розовощекий плечистый парень в клетчатой рубашке. Он стал в позу и провозгласил:

— Товарищи межпланетники! Григорий Иоганнович Дауге!

Михаил Антонович уронил поднос и наступил на него. В дверях появился Дауге — черный и сухой. Он подошел к Алексею Петровичу и сильно ударил его по плечу.

— Петрович! — сказал он.

Алексей Петрович поднялся и тоже ударил его по плечу. У Дауге подкосились ноги.

— Петрович! — закричал он и кинулся обниматься. Несколько минут все обнимались. Михаил Антонович всплакнул. Дауге, измятый и взъерошенный, рухнул на диван.

— Николай! — рывкнул Алексей Петрович, обращаясь к плечистому парню. — Где шампанское! Бегом!

— Да-да, Коленька, — закричал Михаил Антонович, — бегом, бегом, пожалуйста!!

Плечистый парень кинулся вон из комнаты.

— Пойдите! — взывал Дауге, простирая руки. — Подождите! Юрковского подождите!

— Как так — Юрковского? — сказал Алексей Петрович. — Он тоже здесь?

— Ну да! Мы прилетели вместе.

— А где он?

— Он моет свое чудище, — сказал Дауге, приглаживая волосы.

— Какое чудище? — спросил Алексей Петрович.

— Уж не женился ли он? — сказал Михаил Антонович.

Дауге хихикнул.

— Сами увидите, — сказал он. — Будьте покойны, на это стоит посмотреть.

Он оглядел всех и сказал:

— Петрович, Мишка. Постарели, морды стали какие-то солидные. Михаил, — взревел он, — срам! Разъелся, как гусак. Восемьдесят пять кило как минимум!

— Восемьдесят восемь, — сказал Алексей Петрович.

— Позор! Штурман! Межпланетник! Восемьдесят восемь! Срам! А ты, Алексей! Тебя не узнать. Откуда у тебя такое выражение на физиономии?

— А что?

— А то самое! Впрочем, понятно — капитан. Кэптн оф вотарлесс сии. «Бесконечно чужой, беспокойный душой, бороздящий эфирные волны»!

— Да ну тебя к черту, — сказал Алексей Петрович, — какие там еще волны...

— «Без улыбки в глазах, только трубка в зубах, беспокойный, упрямый, бессонный»... Ужасно дурацкие стихи Володька писал во младости своей. Господи, мы десять лет не виделись. — И Дауге принялся весело ругаться по-латышски.

— Высох, высох, — повторял Михаил Антонович, сидя рядом с ним на диване и глядя его по плечу, — совсем высох, Гришенька... Черный совсем стал.

Алексей Петрович полез в буфет, вытащил стаканы, стал расставлять их на столе. Вошел Коля с двумя бутылками под мышкой.

— Ух и холодные, черти, — сказал он широко улыбаясь.

Дауге смотрел на него без улыбки, очень внимательно.

— Николай Анатольевич Ермаков, — сказал он медленно.

— Как вырос, как вырос, мальчик, — сказал Михаил Антонович.

— Ты молодец, Николай Анатольевич, — так же медленно продолжал Дауге. — Ты мне нравишься. И ты действительно очень вырос.

— Все растут, — сказал Алексей Петрович. Он не любил, когда хвалят вообще. — Что там у тебя было с вычислителем, Николай?

— Ничего не было, — сказал Коля Ермаков, усаживаясь за стол. — Дядя Миша прав, там все в порядке. Но зато я видел старт «Фотона».

— Как так? — Дауге посмотрел на часы. — Собирались стартовать в двадцать два...

— Нет, — сказал Алексей Петрович. — Они уже два часа в полете.

— Ах ты, какая жалость, — сказал Дауге. — Я хотел попроситься с Ляховым.

— Они уже два часа в полете, — повторил Алексей Петрович.

— Но как же, черт возьми, — сказал Дауге, растерянно озираясь, — ах, какая жалость...

Алексей Петрович хотел сказать, что еще не все потеряно, что нужно только подождать лет десять-двенадцать, но вдруг заметил, что Михаил Антонович медленно

поднимается с дивана и рот у него открыт и глаза — тоже. Алексей Петрович оглянулся на дверь и увидел Юрковского. Юрковский улыбался, и брови у него были те же, что и раньше, — густые, черные, только на лбу блестели залысины и волосы поседели, а на плече у него, на широком, обтянутом роскошной материей плече...

— В-ва... — неожиданно и совершенно невразумительно произнес Михаил Антонович.

— Что это? — сказал Алексей Петрович и встал.

Юрковский неторопливо, вразвалочку двинулся к столу. На плече его, неестественно задрав страшную прямоугольную голову, сидела здоровенная мокрая ящерица.

— Володя, — сказал Алексей Петрович, — что это?

Ящерица медленно мигнула. У нее были огромные, выпуклые, очень темные глаза.

— Это? — сказал Юрковский очень обыкновенным голосом. — Это — Варечка, а что?

Он подошел к Алексею Петровичу и протянул к нему руки.

— Обними меня, капитан, — сказал он.

Алексей Петрович увидел, как Варечка поднялась на задние лапы и шевельнула полуметровым хвостом, сплюсненным с боков.

— К чертям собачьим, Владимир, — с чувством сказал Алексей Петрович. — Убери, пожалуйста, эту гадость.

Тогда Юрковский захохотал и обхватил Алексея Петровича длинными руками.

— Капитан, — заорал он прямо в ухо брыкающемуся Быкову, — капитанчик! Не бойся! Она не кусается.

Ящерица неслышно соскользнула на пол и кинулась в угол, где стала столбиком и принялась озираться. Тогда Алексей Петрович обнял Юрковского и прижал его к себе. Юрковский взмолился о пощаде, но сзади его схватил за ухо Михаил Антонович и стал тянуть, приговаривая: «Ах ты паршивец, поросенок ты этакий!»

— Алексей! — сипел Юрковский, извиваясь судорожно. — Не буду! Мишка! Троглодиты! Спасите!

Дауге хохотал, дрыгая ногами, а Коля Ермаков стоял в сторонке и глядел на Юрковского. Глаза у него блестели.

Потом Алексей Петрович отпустил Юрковского и сказал:

— А теперь давайте пить шампанское.

Юрковский упал в кресло и начал тихо стонать. Он стонал на разные лады долго и жалобно, до тех пор пока Алексей Петрович не протянул ему стакан.

— Пей, — сказал Алексей Петрович.

— Не буду, — сказал Юрковский.

— Пей, — повторил Алексей Петрович, надвигаясь.

Юрковский взял стакан и поднялся.

— Ох, — сказал он, хватаясь за поясницу.

Все стали вокруг стола с поднятыми стаканами. Алексей Петрович обвел всех глазами и сказал глухо:

— Вместе.

— Вместе, — сказал Юрковский.

— Вместе, — сказал Дауге.

— Слава богу, — вздохнув, молвил Михаил Антонович.

Они выпили, не чокаясь, и Николай Ермаков выпил вместе с ними. Мокрая ящерица шелестя выскользнула из своего угла и вскарабкалась на плечо Юрковского.

— Так, — сказал Алексей Петрович, уставясь на нее. — Уж не собираешься ли ты взять ее на Амальтею?

— Умгу, — сказал Юрковский, ласково дернув ящерицу за хвост. — Обязательно.

— Что? — сказал Алексей Петрович ужасным голосом. — В мой корабль?!

— Умгу, — сказал Юрковский и осведомился: — А нет ли у вас чего-нибудь съестного? Смерть как есть хочется.

Коля Ермаков метнулся к буфету, а Дауге сказал:

— Эту дрянью — прощу прощения, это милое существо — Владимир Сергеевич изволят таскать с собой везде. Однажды он пришел с ней на прием к министру.

Юрковский ел хлеб с маслом.

— Не мог же я оставить ее дома одну. Она страшно скучает в одиночестве. Зато на приеме было очень весело.

— Могу себе представить, — сказал Алексей Петрович. — Николай, там должна быть курица.

— Курица — это хорошо, — сказал Юрковский.

— Нет здесь курицы, дядя Леша, — сказал Коля Ермаков из буфета.

— Поищи, — сказал Алексей Петрович и посмотрел на Михаила Антоновича. — Впрочем, не стоит.

— Тут есть какая-то рыба, — сообщил Коля Ермаков.

— Рыба — это великолепно, — сказал Юрковский нетерпеливо. — Вы очень медлительны, юноша.

Коля поставил на стол блюдо с заливным. При виде заливного Юрковский заурчал.

— Уксусу и горчицы, — воскликнул он.

— А ведь Володька не узнаёт, — сказал Дауге. — Ей-ей, не узнаёт.

— Кого? — осведомился Юрковский, жуя и причмокивая.

— Колю Ермакова ты не узнаешь, — сказал Дауге.

Юрковский оторвался от рыбы и посмотрел на Колю.

— Черт возьми, — сказал он. — Ведь это Николашка.

— Ясно даже и ежу, — сказал Коля Ермаков.

Все засмеялись. Михаил Антонович заливался серебристым колокольчиком, и Дауге хлопнул его по спине.

— Николашка, — сказал Юрковский торжественно, — да ведь ты совсем мужчина! Я, черт возьми, произвожу тебя в Николаи.

Он взял кусочек рыбы и сунул его под нос ящерице. Ящерица сидела неподвижная как чучело и медленно мигала.

— Не хочет, — сказал Юрковский. — Еще рано.

— Эта тварь, — пояснил Дауге, — виноват, эта очаровательная старушка кушает раз в сутки. Дышит она, кажется, тоже раз в сутки, а что касается сна, то она не спит вообще. Так, во всяком случае, говорит Володька, но, по-моему, он врет.

— Отнюдь, — сказал Юрковский. — Всё так. Варечка родилась на Марсе, где дышать трудно и мало еды. И она вообще неприхотлива. Когда нас с Дауге однажды засыпало, мы провалялись под завалом часов пятьдесят. И когда нас откопали, то мы с Дауге моментально угодили в госпиталь, где и провели полмесяца в разнообразных развлечениях, а Варечка только потеряла хвост и переднюю ногу, но вскоре обросла вновь.

Алексей Петрович смотрел на друзей со странным чувством. Все было так, как раньше, и все-таки совсем не так. Юрковский стал совсем седой. Щеку Дауге пересекал тонкий старый шрам. Они шутили и болтали, как прежде, но Алексей Петрович почему-то не верил шуткам. Не то они говорят, думал он, не то. Неужели нам не о чем говорить, кроме как об этом чуде...

— Это чудо приспособляемости, — разглагольствовал Юрковский. — Я держал ее долгое время в термостате, но потом она удрала оттуда и стала жить в чисто земных условиях, как мы с вами. Один раз ее облили серной кислотой. Я уверен, что если ее сунуть в поток плазмы твоего «Хиуса», Алексей, ничего не случится.

Ящерица круглым глазом уставилась на Быкова. Алексей Петрович поглядел на нее с ненавистью. Юрковский наконец умолк и откинулся на спинку стула, катая хлебные

шарики. Все замолчали, только время от времени шумно вздыхал чувствительный Михаил Антонович. Вместе, думал Алексей Петрович. Вы понимаете, что это такое — вместе? Или вы этого не понимаете? Вот я помню все. Багровые тучи над черными пустынями Венеры. Берега Дымного моря. Перекошенный, вплавившийся в растекшийся гранит «Мальчик». Сто пятьдесят тысяч шагов. Обуглившееся тело Дауге, хрип Юрковского в наушниках. С тех пор прошло много лет. Я многое узнал и многое повидал. Я видел Бурый Джуп с Амальтеи и сверкающие поля колец Сатурна. Я узнал, что такое сын. Ведь вы оба не знаете, что такое сын. И сына я назвал Володей, потому что жене не нравилось имя Григорий. Но каждый раз, когда мне приходилось слышать или читать стихи, я вспоминал Юрковского. И каждый раз, когда я видел черноволосого сухощавого человека, у меня ёкало сердце, но это был не Дауге. Мне очень хочется сейчас рассказать вам об этом. Как орал на Михаила Антоновича, когда тот вздыхал: «И где-то сейчас наши мальчики? Каково им там?» Как просился на рейсовый танкер Венера — Земля. Как потом добивался перевода на грузовой планетолет второго класса, ходивший четыре раза в год к Марсу, и мне сказали: «Вы слишком хороший капитан для таких полетов»...

— Кто-нибудь еще летит с нами? — спросил Юрковский.

— Да, летит, — медленно сказал Алексей Петрович. — Летят еще двое. Летит Шарль Моллар — радиооптик, и один японец — некто Окада Сусуму.

— Ничего себе — некто, — сказал Юрковский. — Действительный член Академии Неклассических Механик.

Алексей Петрович равнодушно сказал:

— Вот как? Ну, академиком мы возили. И не раз. Академики очень любят Юпитер.

— Я так и не понял, будем мы облетать Юпитер или прямо пойдём на Амальтею, — сказал Дауге.

— Как же, — сказал Михаил Антонович. — Обязательно. Четыре витка вокруг Юпитера.

— Потом, мы летим не одни, — сказал Алексей Петрович. — Мы стартуем вместе с «Викингом». На «Викинге» полетят киношники. Будут снимать Джуп, «Хиус», Амальтею, Джей-станцию...

— Они делают фильм «Страшная большая планета», — тихонько вставил Коля Ермаков.

Юрковский криво усмехнулся и сказал жестко:

— Это будет интересный фильм. Очень интересный. Героический.

— Н-да, — сказал Алексей Петрович, знавший хорошо, что такое Юпитер.

— Вот чего я все-таки никак не могу понять, — задумчиво произнес Дауге, уставясь в потолок, — зачем нам все это. Венеру мы штурмовали, потому что там была Урановая Голконда. На Марсе выращивают хлореллу. Прелестно. Но ради чего погиб Поль Данже? На Юпитере мы угробили массу средств и несколько замечательных капитанов. А ведь Юпитер — это нуль, ничто. Толстый водородный пузырь...

— А зачем Ляхов ушел в Первую Звездную? — сказал Алексей Петрович.

— Да. Зачем?

— Че-ло-век, — сказал Юрковский.

— Ну и что?

— Всё, — сказал Юрковский. — Просто — Че-ло-век. Сначала он говорит: «Я хочу есть», — тогда он еще не человек. Потом он говорит: «Я хочу знать» — и становится человеком.

— Ясно даже и ежу, — сказал Коля Ермаков вполголоса.

Алексей Петрович посмотрел на часы и сказал:

— Ляхов вышел в зону абсолютного полета. Вы бы лучше рассказали, что нового в мире.

— Этот ваш че-ло-век, — сказал Дауге, — еще не знает толком, что делается в центре Земли, а уже размахивается на звезды.

- На то он и че-ло-век, — сказал Юрковский.
 — Ладно, — сказал Дауге. — Расскажи лучше про сороконожку.
 — Могу, — сказал Юрковский. — Но сначала мы выпьем.

...В это время Василий Ляхов кончил укладывать пилотов в анабиотические ящики и остался один. Он сидел перед пультом в капитанской рубке,пил содовую прямо из бутылки и прислушивался, как у него что-то скрипит и щелкает внутри. «Фотон» двигался со скоростью 150 километров в секунду. Это была еще очень маленькая скорость.

Гл. II. Шарль Моллар, радиооптик

В комнате было полутемно, только вспыхивали разноцветные огоньки на пульте управления и на громадном, в полстены, экране ослепительно горело на солнце фантастических форм сооружение.

— Ну, видишь теперь? — спросил Быков.

— Угу, — сказал Дауге неуверенно и, подумав, добавил: — Ни черта я, вообще-то, не вижу. Что это за громадина?

Теперь было видно, как медленно поворачивается вокруг оси блестящая толстая труба, утыканная иглами антенн, опутанная мерцающей металлической сетью. Вокруг трубы, нанизанные на нее как бублики на веревку, крутились тороидальные спутники. Дауге насчитал их шесть, но труба не влезала в экран целиком, и других спутников просто не было видно.

— Это склад 18, — сказал Быков. — А «Хиус» во-он там, в верхней части трубы, у кессонов. Ну, неужели не видишь?

— Нет, — сказал Дауге. Он не видел ни «Хиуса», ни верхней части трубы. Их закрывала голова диспетчера. Диспетчером был Валька Страут, и он был занят сейчас ужасно — попросить его убрать голову было бы просто неловко. Кроме того, он важничал и говорил «коротко, ясно и всегда правду». Он чувствовал себя солдатом Космоса.

Кроме чудовищной трубы склада, на экране не было ничего. Дауге не видел даже звезд. Труба, опутанная противометеоритной сетью, висела в бездонной тьме и светила на солнце так ослепительно, что Дауге иногда начинало казаться, что она пульсирует. Но это был, конечно, обман зрения.

Валька Страут зашевелился и сказал, по-видимому в микрофон:

— Це-десять, це-десять. Ты готов?

— О да, — откликнулся це-десять из репродуктора. — Вполне готофф.

— Це-десять, — строго сказал Страут. — Выходи на старт, даю «зебру».

— Данке, — сказал це-десять.

В пульте что-то загудело, труба на экране погасла. Стало светлее — по экрану побежали змеясь узкие волнистые линии. Дауге увидел в голубоватом свете сосредоточенное лицо Страута с насупленными жиденькими бровями. Потом на экране снова появилась черная бездна, но теперь она была утыкана ослепительными точками звезд. В верхнем правом углу экрана сверкал белый шарик, но был так далеко, что совершенно нельзя было разобрать, что это такое.

Потом из нижнего угла наискосок медленно выползла тяжелая туша звездолета и повисла в центре экрана.

— Ну и старье, — сказал тихонько Дауге. — Импульсник типа «Астра».

— Это Рихтер, — сказал Быков строго. — Рихтер и «Лорелея».

— А-а, — сказал пораженный Дауге. — Так вот она какая, «Лорелея».

Двадцать с лишним лет назад космогатор Карл Рихтер на своем корабле «Лорелея» совершил беспримерную по смелости высадку на Меркурий, где потерял половину экипажа и свои глаза. Оставшись в корабле единственным пилотом, он, ослепший и

израненный, сумел привести к Земле изувеченный корабль и остался его капитаном навсегда.

— Це-десять, — сказал Страут. — Старт!

— Есть старт, — отозвался голос из репродуктора.

— Долгой удачи и спокойной плазмы, товарищ Рихтер, — сказал Страут. — И не забывайте про Леониды!

— Данке, мой малтшик, — откликнулся Рихтер. — Трудно в мои годы забыть про Леониды.

Послышался короткий смешок, и все стихло. Из дюз «Лорелеи» ударили бесшумные струи пламени, корабль медленно прополз по черному небу и скрылся за экраном.

— Спутник-9 Земля — Цифэй Луна, — сказал медленно Страут. — Груз — стройматериалы и жидкий кислород.

— Каботаж, — сказал Дауге. — Он что — до сих пор слеп?

— Да, — сказал Быков.

— А электронные преобразователи?

— А! — Быков махнул рукой.

В репродукторе щелкнуло, и раздраженный голос произнес:

— Диспетчер?

— Да, — сказал Страут. — Диспетчер Страут, Ю Эс Си Ар.

— Це-два, — сказал голос. — Капитан Холмов. Валька, ты мне дашь «зебру» или нет?

— Не дам, — сказал Страут. — Леониды.

— Леониды, — произнес капитан Холмов с невыразимым презрением. — Может быть, я из-за твоих Леонид и вторые сутки здесь проторчу?

— Может быть, — сказал Страут.

Холмов помолчал и потом сказал просительно:

— Валя, голубчик, у меня ученые бунтуют. Дай мне «зебру», пожалуйста.

— Нелетная погода, — сказал Страут металлическим голосом. — Леониды, метеорный поток высокой плотности, полеты к внешним планетам прекращены вплоть до особого распоряжения.

— Пожалуйста, — сказал Холмов угрожающе.

— Иди вон и не занимай линию, — сказал Страут. — Отключаюсь.

— И черт меня сюда принес, — тоскливо проговорил Холмов. — Надо было...

В репродукторе щелкнуло.

— То есть, — сказал Быков, — ты и меня не выпустишь, Валентин?

— Сегодня — нет, — сказал Страут. — Завтра — пожалуй.

— Ладно, — сказал Быков, — завтра так завтра. Мне, собственно, и нужно — завтра.

Репродуктор снова заговорил, на этот раз по-китайски. Страут отвечал коротко и потом переключил экран. Алексей Петрович увидел черное небо и знакомые очертания своего корабля.

— Узнаёшь? — сказал он Дауге.

— Нет, — сказал Дауге.

— Это «Хиус». Новый «Хиус». Мой.

— Он похож на перевернутый бокал, — изрек Дауге.

Фотонный корабль неподвижно висел в центре экрана. Он действительно очень напоминал фужер для шампанского с толстым дном.

— Я таких не видел, — сказал Дауге. — На марсианских трассах работают старенькие «Хиус-1» и «Хиус-3».

— Еще бы, — сказал Быков. — Такая рюмочка сожгла бы любой ракетодром. У него мощность в семь раз больше, чем у старой черепахи.

Старой черепахой межпланетники называли первые модели фотонных кораблей.

— Это «Хиус-9», — сказал Алексей Петрович. — Для планет с атмосферами не годится, тем более если там есть люди. Действует только на трансмарсианских линиях.

— Красавец, — сказал Дауге. — А где жилые помещения?

— Донышко рюмки, — сказал Быков. — Там два этажа. Верхний для жилья, нижний для грузов.

— Чтобы быть подальше от зеркала? — медленно сказал Дауге.

Быков кивнул. Они разговаривали вполголоса, и Страут, кричавший в микрофон по-китайски, заглушал их. На экране появился край какого-то огромного сооружения. «Хиус», медленно разворачиваясь, становился зеркалом вверх, приближаясь к ослепительно сверкавшей площадке. Потом изображение вдруг сменилось, и Дауге увидел давешнюю толстую трубу с тороидальными спутниками — склад. В верхней ее части, маленький, чуть заметный, шевелился «Хиус».

— Ого, — сказал Дауге совершенно невольно.

Алексей Петрович посмотрел на него блестящими глазами.

— Бог мой, — сказал Дауге, словно оправдываясь. — Я сто лет не был на Земле. Никогда не думал, что Спутник-9 — такое колоссальное хозяйство.

— А что такое?

— Ну, вот эта труба, например, — сказал Дауге. — Это же чертова громадина. Километров сто, наверное, в длину?

— Да, — сказал Алексей Петрович. — Сто двадцать.

— Бог мой. У нас на Марсе ничего такого нет.

Алексей Петрович засмеялся и сказал в спину Страуту:

— Ты слышишь, Валентин? У них на Марсе...

— На ваш Литгл Арес я бы не пошел в директоры, — сказал Страут не оборачиваясь. — Не мешайте, — быстро добавил он.

— А ты видал Спутник-3? — спросил Быков. Дауге помотал головой. — А Спутник-10 — «Звездочку»?

— Нет, — сказал Дауге униженно.

— А что ты вообще видел?

— У нас на Марсе противометеоритные истребители, — сказал Дауге.

Быков засопел так выразительно, что Дауге предпочел промолчать и стал смотреть на экран. Там над краем трубы склада висел «Хиус». Он висел «вверх ногами» — зеркалом вверх — и был сейчас особенно похож на фужер.

— Один-один-шесть-три? — быстро спросил Страут.

— Да, — так же быстро ответил Алексей Петрович и, повернувшись к Дауге, прошептал: — Это код автоматического управления. Смотри.

В тишине что-то звонко щелкнуло, и с потолка вдруг опустились какие-то суставчатые стержни, черными тенями пересекая экран. Страут ухватился за них и застыл в странной позе, скособочившись. Он не отрываясь смотрел на экран.

Из трубы вдруг выдвинулись странно изломанные металлические щупальца — пять и потом еще пять. Судорожно подергиваясь, они потянулись к «Хиусу» и потом вдруг разом вцепились в донышко фужера. Это было похоже на кальмара, хватающего кита. Страут, крихтя, привстал с кресла — светлая его шея стала темной. Щупальца оторвали дно фужера, медленно притянули его к трубе и потом втянулись внутрь вместе с ним. Дно «Хиуса» стало вдвое тоньше.

— Ф-фу, — сказал Страут и сел. — Чертова тяжесть.

— Триста тонн, — сказал Алексей Петрович. — Ты могуч, Валентин.

Валентин вытер лоб платком — запахло духами.

— Придется все-таки вызвать Мака, — сказал он. — Наши никак не могут отрегулировать манипуляторы. Спину сломишь на этих гектотоннах.

— Да, — сказал Быков. — И это в мире невесомости.

— Веса нет, но инерция остается, — сказал Страут и принялся говорить в микрофон. Рукоятки манипулятора тихо покачивались над его головой.

— Понял? — спросил Быков.

— Это была разгрузка? — сказал Дауге.

— Это была разгрузка, — сказал Алексей Петрович. — А сейчас будет погрузка.

Дауге помолчал, а потом сообщил:

— У нас на Литтл Арес тоже есть манипуляторная.

Алексей Петрович засопел.

— А загрузка производится на складе, — сказал он. — Весь грузовой этаж или трюм сменяется, как обойма. Есть недостаток. Жилой отсек обнажается, и в прошлый раз у Михаила взорвались контрабандные консервы, которые он забыл в чемодане в своей каюте.

— Бедный Михаил, — сказал Дауге.

— Они взорвались вместе с чемоданом, и все это прилипло к стенам, замерзло мгновенно, конечно, но потом растаяло.

— И ты заставил его вылизать все это со стен языком? Ты, флибустьер космоса.

— Что-то вроде того, — согласился Быков. — Я устроил ему разнос а-ля Краюхин. Он слишком толст для консервов, наш штурман.

Страут кончил разговор и снова взялся за манипулятор. Загрузка заняла несколько больше времени. Надо было точно подогнать сменный этаж, и это было довольно трудно. Страут пыхтел и принимал самые невероятные позы. Межпланетники молчали, чтобы не сболтнуть под руку, и только Дауге один раз прошептал: «Сейчас он встанет на голову». Потом Страут упал в кресло и сказал сипло:

— Это надо, черт возьми, механизировать. Так нельзя.

Межпланетники почтительно молчали. Правда, Быков вспомнил, как десять лет назад грузили «Хиус-1»: в течение нескольких дней протаскивали десятки тонн груза через игольные ушки четырех метровых люков. И на загрузке было занято человек сто рабочих и уйма различных механизмов. Но Быков промолчал. Если человек на работе потеет, и пыхтит, и поминает черта, и багровеет — значит, где-то что-то надо механизировать.

В репродукторе послышался знакомый тенорок Михаила Антоновича:

— Валя, — сказал он. — Превосходно. Мне ничего, кажется, не придется регулировать. Большое спасибо вам, Валя.

— На здоровье, — вежливо откликнулся Страут.

— Точность — два-три миллиметра, — сказал Михаил Антонович. — Это необыкновенно. Херцберг в прошлый раз дал сдвиг в девять сантиметров.

— Херцберг — старый коновал, — сказал Страут.

— Ммм... — раздалось в репродукторе.

Херцберг считался одним из лучших манипуляторщиков Девятого. Дауге хихикнул.

— Херцберг работал у нас на Литтл Арес, — сказал он.

— Я не пошел бы на ваш Литтл Арес даже заместителем Краюхина, — сказал Страут не оборачиваясь. Он был полон достоинства. — Михаил Антонович, уводите, пожалуйста, «Хиус». Я сейчас буду грузить «Викинг».

— Да-да, конечно, — торопливо откликнулся штурман. — Немедленно. Конечно. Еще раз — большое спасибо.

— Не за что, — сказал Страут с великолепной небрежностью.

Быков посмотрел на Дауге.

— Ну что ж, пошли. Спектакль окончен.

— Я хочу посмотреть на «Викинг», — сказал Дауге.

— Пошли, пошли, тебя ждет Юрковский.

— Ах, да. Жаль. Я очень хотел...

— Валентин, — сказал Быков, поднимаясь. — В общем, мы пошли. Спасибо.

— Ага, — сказал Страут. — Счастливо, ребята.

— Надеюсь, ты завтра дашь мне «зебру».

— Еще бы, — сказал Страут. — Желаю удачи.

Они пошли к дверям, как вдруг репродуктор каркнул:

— Диспетчер. Диспетчер.

— Диспетчер Страут, Ю Эс Си Ар.

— Це — двадцать два, капитан Шиптон. Прошу посадку.

— Это твои ученые, Алексей, — сказал Страут. — Кэптэн Шиптон, даю третий пассажирский, код один-один-тринадцать, база — двадцать семь, двадцать восемь, триста один. Повторяю: даю третий пассажирский...

— Ну, вот и прибыли спутники, — сказал Алексей Петрович. — Надо встречать. Пошли, Иоганыч.

— Капитана Шиптона я хорошо знаю, — сказал Дауге. — Он работал у нас на Марсе.

Они услышали, как Страут, кончив повторять цифры, крикнул им вслед:

— На ваш Марс я не пошел бы даже Десантником.

— Все ясно, — сказал Дауге и закрыл дверь.

Юрковский сидел в своем номере за столом, заваленным бумагами, и писал. Он мрачно посмотрел на Дауге и сказал:

— Знаешь что, Григорий. К чертям таких соавторов.

— Прости, Володя. Я...

— Разгильдяй ты, — сказал Юрковский.

Дауге крикнул и, присев за стол напротив Юрковского, взял пачку листов. Это была книга, которую они написали вместе. Она называлась «Планетология и проблемы космогонии».

— Завтра мы улетаем, — сказал Юрковский, — три четверти корректуры лежат нетронутые, а соавтора черт носит по Спутнику, и никто не знает, где он.

— Я был в диспетчерской, — пробормотал Дауге, бессмысленно листая корректуру.

— Я все видеофоны оборвал, — продолжал Юрковский. — И один раз мне сказали, что какой-то Дауге полчаса назад улетел на Землю по вызову Краюхина.

— Ну, ладно, ладно, — пробормотал Дауге. — Давай, где тут моя половина...

— Твоя половина уже просмотрена, — сказал Юрковский, — осталось просмотреть мою. И пошлет же господь соавтора-разгильдяя!

Дауге схватил пачку листов и сел на диван, но тут же вскочил с коротким воплем. С дивана бесшумной тенью соскользнула ящерица и уселась посреди комнаты, недовольно поворачивая квадратную голову. Она была оранжевая в мелкую клеточку, такая же, как обшивка дивана.

— Это называется — мимикрия, — сказал Юрковский.

Дауге перевел дух и снова уселся на диван — на этот раз осторожно, в три разделения.

— Сейчас она станет серой, — сообщил Юрковский, глядя на ящерицу. — Варечка, жизнь моя...

Дауге остервенело шуршал бумагой, не поднимая глаз. Он был полон невысказанных слов.

Стало тихо. Варечка долго сидела, неподвижная, с закрытыми глазами, потом уползла в угол и оттуда рассматривала обоих, шевеля мокрой кожей на горле.

— Вот это фраза, — сказал Дауге. — «Принимая во внимание (4), учитывая, что наклонность должна быть функцией σ , а также замечая, что (7) при условии (2) обращается в величину, которая, будучи умножена на σ , даст...» и так далее. Всего... раз-два-три... девять строчек. И в конце нет точки.

— Ужасная фраза, — согласился Юрковский. — Я выписал ее из твоей последней статьи.

— Что ты говоришь?! — И Дауге принялся чиркать пером.

Через некоторое время Юрковский сказал:

— Вот еще перл: «Взглянем на Солнечную систему с северного полюса эклиптики...»

— А что?

— Я ее вычеркну.

— Почему?

— Это мне напоминает одного студента, который рассказывал о галактическом вращении: «Посмотрим на небесный свод и увидим массу звезд». — «И все они вращаются», — добавил один из членов комиссии.

— По-моему, это звучит совсем неплохо: посмотрим на небесный свод.

— Это звучит, как корреспонденция о пуске ТЯЭС: «Инженер нажал рубильник, и ток медленно потек по проводам».

Дауге хихикнул и взял новую пачку листов. Варечка задремала в углу серым столбиком.

Когда в дверь постучали, Юрковский поднял голову и сказал:

— Меня нет дома.

— Меня тоже, — сказал Дауге.

В дверь постучали еще раз — громче, из коридора просунулась голова, осмотрела присутствующих и произнесла:

— Войдите.

— Вот именно, — сказал Юрковский.

Дверь отъехала в сторону, и на пороге появился невысокий сухощавый человек в сером с иголки костюме.

— Mais non! — сказал он, всплеснув руками. — Pardonnez-vous, non войдите, я хотел узнать: войтить?

— Конечно, — сказал Юрковский, поднимаясь и запахивая купальный халат. — Конечно, войтить, и немедленно.

Человек в сером подошел к нему, несколько секунд шевелил губами и наконец произнес, великолепно картавя:

— Шарль Моллар, радиооптик. Лечу avec vous на Амальтею.

— Владимир Юрковский, планетолог. Чрезвычайно рад познакомиться.

Они пожали друг другу руки.

— Григорий Дауге, планетолог, — сказал Юрковский.

Дауге поклонился и пожал руку Моллару.

— А где же Быков? — спросил он.

— Capitaine marchand, мсье Быкофф... — сказал Моллар и взмахнул руками. — Как это сказать?.. Э-э-э...

— Он не встречал вас? — спросил Дауге.

— Нет, — сказал Моллар и посмотрел на Варечку. — Прекрасный... э-э-э... чучелó! Я говорю только по-русски со вчера. Я нашел вас трудно. Я встречал здесь один соотечественник — он прекрасно говорил по-русски, и я нашел вас.

— Вы отлично говорите по-русски, — сказал Юрковский, поглядывая на Варечку, приоткрывшую один глаз. — Просто прекрасно.

— Да вы садитесь, мсье Моллар, — сказал Дауге, подвигая кресло.

— Спасибо, — сказал Моллар и покачал головой. — Я иду в свой кабинет. Я весь запылен. — Он пошевелил пальцами. — Метеоритная пыль! Надо принять душ, n'est pas?

— Же парль франсе, — сказал Дауге с ужасным акцентом.

— Нет-нет, — вскричал Моллар. — Только не так! Только по-русски!

— Конечно, мсье Моллар, — сказал Юрковский. — Конечно. Мы не дадим мсье Дауге говорить по-французски. Это было бы бесчеловечно. *N'est pas*, Григорий Иоганнович?

Моллар, весело улыбаясь, оглянулся вокруг и встретился глазами с Варечкой, медленно приближающейся к нему из своего угла.

— О, — сказал он. — *Се n'est pas* чучело!

— Это Варечка, — сказал Юрковский. — Она родилась на Марсе.

— Прелестно, — сказал Шарль Моллар, пятясь, — прелестно.

В дверях он столкнулся с Колей Ермаковым.

— Здравствуйте, — сказал Коля.

Юрковский взял ящерицу за шиворот, проволока по полу и кинул в ванную комнату.

— Вы ей очень понравились, — сказал он Моллару.

— Прелестно! — воскликнул Моллар. — Я надеюсь, она тоже съедобна. Я ел игуан на Амазонке — они мне тоже очень понравились.

Все засмеялись, а Юрковский сказал:

— Не беспокойтесь, мсье Моллар, она очень редко ест.

— Но, наверное, помногу сразу, *n'est pas*!

Юрковский простер руку к Коле Ермакову и сказал:

— Это наш бортинженер, Ермаков Николай.

— О! — вскричал Моллар, сверкая улыбкой. — *Le petit ingénieur*. Как жизнь — хорошё-о?

— Хорошо, — сказал Коля.

— Как девúшки — хорошё-о?

— Хорошо, — сказал Коля. — *Воп*.

— Моллар, — сказал Моллар. — Зовите меня Шарль, *mon petit*, я буду звать вас *Nicolas*!

Потом он повернулся к безмолвствующему Дауге и сообщил ему:

— Иду в свой кабинет. Надо посмыть метеоритную пыль!

— Йес, — сказал Дауге, — *натюрлихь!*

— *Non, non*, — закричал Моллар, скрываясь за дверью, — только по-русски!..

— Утешный парень, — сказал Юрковский. — Но где наш отец родной?

— Он должен был встречать Моллара, — сказал Дауге.

— Я видел его, — сказал Коля. Он стоял у стола, рассматривая листы корректуры. — Алексей Петрович ходил встречать ученых, но никого не нашел. Он в ярости и сейчас будет здесь.

— Алексей в ярости, — задумчиво сказал Дауге, — это интересно.

Алексей Петрович вошел не постучавшись и рухнул в кресло.

— Николай, — сказал он. — Почему ты здесь?

— Корабль к походу готов, — сказал Коля, подобравшись.

— Так, — сказал Алексей Петрович. — В таком случае, где штурман?

— Михаил Антонович проверяет курс.

Алексей Петрович посмотрел на Колю в упор и веско произнес:

— Проверку курса штурман производит вместе с бортинженером.

— И с капитаном, — сказал Дауге так, чтобы его никто не услышал.

— Михаил Антонович выгнал меня обедать, — сказал Коля сердито.

— Так. Ты обедал?

Юрковский сказал:

— Я бы поел лукового супа.

Алексей Петрович посмотрел на него, выпятив челюсть.

— Где Моллар? — спросил он.

— Моется в душе, — сказал Дауге. — По-моему, он прекрасный парень.

— Он сразу же полюбил Николашку, — сказал Юрковский. — Они уже на «ты».

Алексей Петрович пробурчал что-то неразборчиво и встал.

— Пошли обедать, — сказал он. — Сусуму сегодня прибыть не изволил. Они изволили телеграфировать, что задерживаются в Москве в Академии Наук. Черт меня побери, если я буду его ждать. Николай, иди свяжись с Михаилом — пусть немедленно идет обедать. Скажи, что я запрещаю ему нарушать режим. Владимир, хватит причесываться, ты нас задерживаешь. Григорий, перестань читать.

Юрковский бросил халат на диван и стал натягивать пиджак с испуганным лицом. Дауге бросился ему помогать. Вдвоем они надевали пиджак в течение трех минут, после чего Алексей Петрович, багровея, рывкнул:

— Ну!

— Яволь, — вскричал Дауге, искусно дрожа с головы до ног, — оф коуз натюрлих!

— Я вполне готов, — заявил Юрковский. Он был при галстукке, в длинном щегольском пиджаке, из-под которого торчали голые ноги.

— Штаны, — сказал Алексей Петрович.

— Да, конечно, — засуетился Юрковский. — Дауге, где мои штаны? Скорее, суп остывает!

— На штанах спит Варечка! — отчаянным голосом прокричал Дауге из гардеробной.

Юрковский посмотрел на Алексея Петровича остановившимися глазами. Он был бледен.

— Придется идти так, — сказал он. — У меня больше нет штанов. Капитан, я готов понести любое наказание.

— Ну вас к черту, — сказал Алексей Петрович, расплываясь. — Хватит.

— Я готов ко всему, — сказал Юрковский, бледнея еще больше. — Я виноват и не прошу снисхождения. Варечка заснула и будет теперь спать двое суток. Я вынужден лететь на Амальтею так. — Он кончиками пальцев приподнял полы пиджака.

— Ладно, — сказал Алексей Петрович. — Просто меня расстроили эти ученые. Вы представить себе не можете, какая с ними возня.

— Мы тоже в некотором смысле ученые, — сказал Дауге.

Они стояли и смотрели, как Юрковский натягивает на себя брюки.

— Откуда у тебя шрам под коленкой? — спросил Алексей Петрович.

— Марс, — сказал Юрковский. — У меня много шрамов. С каждой планеты по шраму. Ну что ж, пошли?

Они вышли в коридор и зашагали к лифту. В коридоре было пусто и светло. Весь этаж был отведен под гостиницу, и все были на работе.

— Вот здесь живет Страут, — сказал Алексей Петрович.

— Он что — Десантник? — спросил Юрковский, небрежно заламывая бровь.

— Нет, диспетчер. Вот Иоганыч его знает.

— Серьезный товарищ, — сказал Дауге. — Он не пошел бы работать на Марс даже Десантником.

— Ах, вот как, — сказал Юрковский. — А взяли бы его, если бы он все-таки согласился?

— Нет, — сказал Быков медленно. — У него искусственное легкое. Он штурмовал Япет.

— Черт возьми, — сказал Юрковский, оглядываясь на дверь номера.

Дождаясь лифта, они услышали, как в коридоре кто-то запел приятно, хотя и несколько сипло, по-французски.

— Это Моллар, — шепнул Дауге в восторге. — Сейчас начнется кино.

Алексей Петрович посмотрел на него, насупившись, и спросил:

— Моллар? И что же он поет?

Дауге послушал и перевел:

— Что-то в таком роде: две ласточки целуются за окном моего звездолета в ледяной пустоте-те-те-те. И как их туда занесло? Они очень любили друг друга и сиганули туда случайно, полюбоваться на звезды. Тра-ля-ля, и не все ли вам равно?

— Отлично, — сказал Юрковский. — Вот твоё призвание. Ты переводишь как ЛИАНТО. «Сиганули туда случайно» — шедевр!

— Тра-ля-ля, — сказал Быков. — Так. Подождите-ка меня здесь.

Он повернул за угол, и песенка смолкла.

— Я не хотел бы быть Молларом, если бы Моллар был даже Десантником, — сказал Юрковский.

Дауге кивнул, и оба, подкравшись, выглянули в коридор, откуда доносились мощные командирские раскаты.

— То, что останется от Моллара, — сказал Юрковский, нагледевшись всласть, — не сможет оценить лукового супа. Все-таки мы с тобой хорошие ученые, Иоганыч. И знаем, как плохо не представиться капитану немедленно по прибытии.

— Я думаю, что Окада Сусуму лучше вообще не прилетать сюда, — добавил Дауге.

Юрковский кивнул.

Когда, спустя пять ужасных минут, Быков и Моллар подошли к лифту, капитан был багров и взъерошен. Моллар шел, засунув руки в карманы пестрой жилетки, и...

— Я, кажется, сошел с ума, — сказал Юрковский. — Он посвистывает.

— Да, — сказал Дауге. Во взгляде его светилось восхищение.

Моллар посмотрел на планетологов, подмигнул и пропел негромко:

— *Les hirondelles, les hirondelles...*

Капитан Быков ринулся в кабину лифта.

У Авторов были претензии и к этому началу. Они начинают переделывать его, но, не закончив исправления, отвергают вовсе. А в архиве осталось вот что:

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СПУ-17

Спу-17, семнадцатый по времени запуска на орбиту постоянный искусственный спутник Земли, представлял собой вполне автономную систему складов, заправочных станций, стартовых конструкций и жилых помещений, большею частью торовидных, вращающуюся вокруг общего центра тяжести. Спу-17 был крупнейшим межпланетным портом для рейсовых и исследовательских кораблей. Он был построен несколько лет назад, и здесь уже была размеренная налаженная жизнь, были свои старожилы и новички, были свои традиции и обычаи, существовали свои мнения и разногласия. Алексей Петрович любил Спу-17 и отлично знал многих работников Спу-17, и многие работники Спу-17 отлично знали его. Он даже пользовался некоторыми привилегиями на Спу-17. Он мог посещать диспетчерскую, присутствовать на совещаниях, которые проводил Директор Спу-17, и даже подавать советы. Возможно, это объяснялось тем немаловажным вообще в жизни обстоятельством, что постоянный экипаж Спу-17 был укомплектован главным образом однокурсниками и близкими товарищами Алексея Петровича по Высшей Школе Космогации, а также тем, что Алексей Петрович был одним из немногих тогда командиров кораблей на трансмарсианских трассах. Алексей Петрович сказал Страуту, что сам придет наблюдать за погрузкой «Тахмасиба», и вышел из рубки Диспетчерской. Диспетчерская соединялась с жилыми отсеками узким, овального сечения коридором с мягкими пружинящими стенами. На середине коридора Алексей Петрович встретился с двумя юношами, тащившими в Диспетчерскую какой-то механизм: в Диспетчерской монтировалась дополнительная система сверхманипуляторов. Механизм был похож на большую многолучевую звезду и цеплялся за стены, и юноши громко выражали свое недовольство друг другом. Увидев Алексея Петровича, они замолчали и прижали механизм к стене. Алексей Петрович вежливо поблагодарил и стал протискиваться между механизмом и противоположной стеной. В тот момент, когда лицо его оказалось вровень с

покрасневшим от напряжения лицом одного из юношей, зажато в неудобной позе позади механизма, раздалось звонкое «бом-памм» и затем длинное свистящее шипение. В коридоре потянуло холодом, и в лицо Алексея Петровича ударил воздух. Лицо юноши мгновенно сделалось белым как снег. Даже немного желтоватым. «Шшшшшшшшш» — визжал воздух, вырываясь из коридора в Пространство. Алексей Петрович схватил юношу за шиворот, дернул вперед и огромными скачками понесся по коридору, волоча его за собой. «Я сам! — завопил юноша. — Колька, беги!» Сейчас же загрелись звонки сигнала противометеоритной тревоги. Алексей Петрович вышвырнул юношу из коридора в жилой отсек, обернулся и уперся ногой в закрывающийся люк. Надо было поглядеть, что случилось со вторым пареньком. Стены коридора уже покрылись инеем и клубились паром, но можно было разглядеть, что в коридоре остался только звездообразный механизм, а второй парень исчез за закрытым люком Диспетчерской. Алексей Петрович убрал ногу, и люк захлопнулся. «Все в порядке», — сказал он юноше. Затем он отправился к себе. Метеориты часто попадали в различные узлы ИС, но жертв никогда не было. Щели затягивались сами через пять минут после удара, затем приходили ремонтники и накладывали страховочные заплатки.

В его комнате сидел Михаил Антонович Крутиков и пил чай. Михаил Антонович был толст, лыс, красен и по обыкновению добродушен. Стол он придвинул к дивану. На столе стоял чайник и большая банка с вареньем, к которой была прислонена раскрытая книжка. Когда Алексей Петрович вошел, Михаил Антонович взял книжку и положил ее на диван.

— Здравствуй, Алешенька, — сказал он. — Садись чай пить.

— Здравствуй, штурман, — сказал Алексей Петрович. Он подтащил стул к столу и уселся напротив Михаила Антоновича. Он заглянул в банку с вареньем и с сомнением сказал: «Гм».

— Третий стакан пью, — торопливо сказал Михаил Антонович и стал наливать чай.

— Третий, значит, — сказал Алексей Петрович. Он отхлебнул горячего чая, зацепил ложечкой варенья и прищурился на штурмана.

— Третий, — подтвердил штурман. — Отличное варенье делает тебе твоя Антонина Николаевна.

— Я говорил со Страутом, — сказал Алексей Петрович. — В восемнадцать тридцать подавать «Тахмасиб» на погрузку.

Михаил Антонович взглянул на часы. Было десять пять.

— Успеется, — сказал он.

— Штурман, — сказал Алексей Петрович. — Где твои бортинженеры, штурман?

Михаил Антонович опустил глаза и стал скрести ложечкой по блюду с вареньем.

— Иван на «Тахмасиб», — сказал он с запинкой. — Копаются в вычислителе. Редкий парень, Алешенька. Из него выйдет о-отличный штурман. Он составил алгоритм...

— А где Колька? — прервал его Алексей Петрович.

— Колька... — Штурман шарил глазами где-то поверх головы Алексея Петровича. — Коленка... это... Он, кажется... это...

— Он в радиорубке, штурман, — сурово сказал Алексей Петрович. — И ты это отлично знаешь. Ты его покрываешь, штурман.

— Ничего подобного, — сказал штурман, алея еще больше.

— Покрываешь. Мальчишка и месяца не пробыл на спутнике, а уже обжимается с какой-то вертихвосткой-радисткой. Уже на ты со всеми бабами на Спутнике. А ты его покрываешь.

— Она не вертихвостка, — запротестовал штурман. — Она очень славная девочка. Очень скромная и милая. И он с ней не обжимается, а беседует о... о кибернетике.

— Знаю я эту кибернетику! — рявкнул Алексей Петрович. — Черт знает что. Через восемь часов подавать корабль на погрузку, штурман жрет чай, один бортинженер занимается исследованиями, другой крутится с девчонками. Черт знает что!

— Не ори, пожалуйста, — сердито сказал Михаил Антонович, подумал и добавил: — Черт возьми.

Алексей Петрович отлично знал, что «Тахмасиб» был готов к погрузке уже два дня назад и что сердится он, собственно говоря, на Николая. Хотя, по совести, не стоило сердиться и на Николая. Парень превосходно справлялся с работой, только оказался редкостным проказником. В нем не было и следа отцовской сосредоточенности. Первый рейс, самостоятельный дальний рейс, Амальтея, Юпитер, Джей-станция, а он крутится вокруг девчонки. Как будто перед отъездом на курорт. Алексей Петрович вспомнил свой первый рейс. Десять лет назад, «Хиус-два», первый фотонный корабль. Волнение, бессонная ночь «на пороге». А для нынешних мальчишек это все равно что ожидание электрички, два шестнадцать, Москва — Кратово, остановки по всем пунктам. Впрочем, может быть, так и нужно?

— Алешенька, — сказал Михаил Антонович. Он уже поостыл от непривычной вспышки раздражения и, как всегда в таких случаях, просил мира. — Алешенька, ведь сейчас наши мальчишки приезжают.

— Да, — сказал Алексей Петрович. — Я и то смотрю, запаздывают.

Десять лет мы не виделись, подумал Алексей Петрович. Пошли по разным дорогам. И отпуска у нас были в разное время. Один раз я чуть не поймал Володьку, но оказалось, что он уже вылетел накануне. Не мог подождать несколько дней. Это было три года назад на Таймыре. Я жил потом в комнате Юрковского и нашел его письмо ко мне, которое он забыл отправить. А потом в Новосибирске я слышал, как объявляли по радио о его докладе в Доме ученых, но нужно было улететь на Юпитер. Все на тот же Юпитер, на Джей-станцию. И с Дауге та же история. Пока он отлеживался по черноморским и средиземноморским курортам после поцелуев Урановой Голконды, я продирался через тернии науки в Высшей Школе, а затем он снова вышел в Пространство и долго работал на Венере вместе с Юрковским. Они все время работали вдвоем, он и Юрковский, и они год назад ухитрились слетать на Амальтею. Наши корабли встретились в Пространстве и прошли на расстоянии каких-нибудь десяти тысяч километров друг от друга... Тесен мир, тесно даже Пространство, но трудно встретиться, если одни — планетологи, а другие — рейсовики. Хорошо еще, что хоть Миша — штурман. Алексей Петрович с удовольствием посмотрел на штурмана. Десять лет...

— Налей-ка еще, — сказал Алексей Петрович. — Эх, ты... покровитель порока.

Михаил Антонович расплылся в улыбке и уже открыл рот, чтобы сказать что-то, как вдруг дверь с коротким всхлипом отъехала в сторону, и в комнату влетел Коля Ермаков — тонкий, гибкий, в клетчатой рубашке с засученными рукавами и расстегнутым воротом. Он вытянулся по стойке смирно и провозгласил:

— Григорий Иоганнович Дауге!

Михаил Антонович вскочил, толкнув животом стол. Алексей Петрович медленно поднялся. В дверях появился Григорий Иоганнович Дауге, межпланетник и планетолог, милый друг Григорий Иоганнович, черный, сухой, с высоким залысым лбом, с заросшим шрамом через правую щеку, с веселыми светлыми глазами. Секунду он стоял на пороге, переводя взгляд с Алексея Петровича на штурмана и обратно.

— Сволочи, — сказал он радостно. — Здравствуйте, черти.

— Иоганыч, — сказал Михаил Антонович.

Алексей Петрович молча пошел к Дауге, обходя его сбоку. Дауге, не спуская с него глаз, двинулся к нему, тоже норовя зайти сбоку. Они сошлись посередине комнаты.

— Петрович! — воскликнул Дауге и ударил Быкова по плечу.

— Иоганыч! — сказал Быков и тоже ударил Дауге по плечу. У Дауге подкосились колени.

— Петрович! — завопил он и бросился обниматься. — Боров здоровый! Мишка, черт!

Несколько минут они обнимались. Михаил Антонович всплакнул, дожидаясь своей очереди. Коля Ермаков стоял у дверей и глядел во все глаза. Алексей Петрович оторвал Дауге от себя и швырнул его Михаилу Антоновичу. Михаил Антонович принялся тискать Дауге, прижимая его к толстой доброй груди. Алексей Петрович некоторое время смотрел на них, затем не вытерпел — оторвал Дауге от штурмана и принялся тискать сам. Дауге вырвался и, измятый и взъерошенный, повалился на диван.

— Черти, — сказал он. — Мишка, Алеша! Постарели, морды стали какие-то солидные... Лешка, ведь тебя не узнать! Откуда у тебя это гусачье выражение на роже?

— А что? Какое такое гусачье?

— А вот такое. Впрочем, понятно. Капитан. Кэптн ов вотерлесс сииз. «Бесконечно чужой, беспокойный душой, бороздящий эфирные волны...»

— Поди ты, — сказал Алексей Петрович.

— Высох, высох, — повторял Михаил Антонович, сидя рядом с ним на диване и глядя его по плечу. — Совсем высох, Гришенька, черный стал...

— «...без улыбки в глазах, только трубка в зубах, беспокойный, упрямый, бессонный...» Ужасно дурацкие стихи Володька писал во младости...

— Постой, — сказал Алексей Петрович. — А где же Володька?

— Здесь, здесь, не волнуйся.

— Да где же?

— Вы разве не вместе прилетели? — спросил Михаил Антонович.

— Вместе, — сказал Дауге, приглаживая волосы. — Но он... В общем, он моет свое чудище.

— Какое чудище? — спросил нетерпеливо Алексей Петрович.

— Он что, женился? — спросил Михаил Антонович.

Дауге хихикнул.

— Сами увидите, — сказал он. — На это стоит посмотреть.

— Я пойду разыщу его, — сказал Алексей Петрович. — Что это, право...

— Ни-ни, не вздумай, — сказал Дауге. — Он сейчас придет.

— Ох, — сказал Михаил Антонович. — Прямо не верится. Сколько ждал этого момента, а теперь не верится.

— Штурман, — сказал Дауге нежно. — Разъелся, штурман. Распустил тебя этот рыжий. Восемьдесят пять кило как минимум, да?

— Восемьдесят восемь, — сказал Алексей Петрович. — А после обеда — девяносто два.

— Позор, — нежно сказал Дауге. — Ах, черти вы, черти. А вот и Володька, рекомендую.

Михаил Антонович встал с дивана, рот у него был широко раскрыт, глаза тоже. Алексей потряс головой и зажмурился. В дверях стоял Юрковский. Юрковский улыбался, и брови у него были прежние — густые, черные, только на лбу блестели залысины, и волосы на висках поседели, а на плече его, на широком, обтянутом роскошной материей плече...

— К-как?.. — невразумительно промямлил Михаил Антонович.

— Что это? — сказал Алексей Петрович.

Юрковский неторопливо, плавной скользящей походкой двинулся к столу. На плече его, неестественно задрав страшную квадратную голову, сидела здоровенная мокрая ящерица.

— Володя, — сказал Алексей Петрович. — Что это?

Ящерица мигнула. У нее были выпуклые темные глаза.

— Это пустяки, — сказал Юрковский. — Это Варечка. Обними меня, капитан.

Он пошел к Алексею Петровичу с протянутыми руками. Ящерица поднялась на задние лапы и шевельнула полуметровым хвостом, сплюсненным с боков.

— Обними меня, мой краснорожий друг, — сказал Юрковский, приближаясь.

— К чертям собачьим, Владимир, — сдавленным голосом сказал Алексей Петрович.
— Убери ее.

Тогда Юрковский захохотал и обхватил Алексея Петровича длинными руками.

— Капитан! — заорал он. Быков брыкался и вырывался, и он орал ему прямо в ухо:
— Капитанчик! Не бойся! Она не ядовитая!

Ящерица неслышно соскользнула на пол и кинулась в угол, где встала столбиком и принялась озираться. Тогда Алексей Петрович обнял Юрковского и прижал к себе. Юрковский захрипел и закатил глаза, Михаил Антонович схватил его сзади за ухо, Дауге на диване хохотал и дрыгал ногами, а Коля Ермаков стоял у дверей и глядел на них блестящими глазами. Он впервые видел их всех вместе, этих фантастических людей, участников фантастического похода его отца.

— Ах ты паршивец, поросенок ты этакий, — приговаривал Михаил Антонович.

— Я тебя научу, пижон, как являться по начальству! — рычал Алексей Петрович.

— Взбутетеньте его, любезного, — орал Дауге.

А Юрковский вопил:

— Алексей! Не буду! Мишка! Здравия желаю, товарищ капитан! Ваше благородие! Троглодиты! Спасите!

При этом он сипел и судорожно извивался. Наконец Алексей Петрович отпустил Юрковского и сказал:

— А теперь будем пить шампанское. Распорядись, старший штурман.

Юрковский упал в кресло и начал тихо стонать. Он стонал на разные лады долго и жалобно, а Михаил Антонович тем временем достал из холодильника запотевшую бутылку и поставил на стол стаканы. Алексей Петрович, наклонивши голову набок, критически рассматривал Юрковского, затем поглядел на Варечку, застывшую в углу, и сказал с сожалением:

— Мало я его подавил.

Он откупорил бутылку, наполнил стакан и протянул Юрковскому:

— Пей, — сказал он.

— Не буду, — сказал Юрковский. — Убийца.

— Пей, — повторил Алексей Петрович.

Юрковский взял стакан и поднялся.

— Ох, — сказал он, хватаясь за поясницу.

Алексей Петрович наполнил стаканы.

— Ермаков, — сказал он. — Возьмите стакан.

Коля Ермаков подошел к столу и взял стакан. Все стали вокруг стола с поднятыми стаканами. Алексей Петрович обвел всех глазами и тихо сказал:

— Вместе.

— Вместе, — сказал Юрковский.

— Вместе, — сказал Дауге.

— Вместе, мальчики, — сказал Михаил Антонович. — Как в старину.

Они выпили, не чокаясь. Коля Ермаков поставил пустой стакан и опять отошел к двери. Ящерица, шелестя, вылилась из угла и взобралась на плечо Юрковского. Алексей Петрович уставился на нее.

— Ты воображаешь, что возьмешь ее с собой на Амальтею? — сказал он.

— Обязательно, — сказал Юрковский, ласково щелкнув ящерицу в морду.

— Ты воображаешь, что возьмешь ее на мой корабль?

— Несомненно, — сказал Юрковский. — Она же не ядовитая.

— Володька везде таскает ее с собой, — сказал Дауге серьезно. — Однажды он пришел с нею на прием к министру.

Юрковский развалился на стуле, закинув ногу на ногу. Ящерица сидела у него на плече, покачиваясь, чтобы сохранить равновесие, задрав голову с отвисшей кожей под горлом и цепляясь за материю пиджака шестипалыми лапами.

— Не мог же я оставить ее дома одну, — сказал Юрковский. — Она очень скучает, когда одна. Зато на приеме было очень весело.

— Так, — сказал Алексей Петрович, вертя в пальцах стакан.

— Володька не берет ее с собой только в театр, — сказал Дауге.

— Да, друзья, — сказал Юрковский оживленно. — Походил я в театры в этот отпуск. За всю жизнь походил. Представляешь, Лешка, за месяц был восемь раз в Большом и шесть раз в Зале Чайковского.

— Бедная Варечка, — сказал Дауге вполголоса.

— Ничего не поделаешь, пришлось ей поскучать. Министр, знаешь, это одно, а милиция — это совсем другое.

— Врет он, — сказал Дауге. — Милиция здесь ни при чем. Володька оставлял свою гадину дома, но по театрам-то шлялся все равно вдвоем!

— Тц-тц-тц, — сказал Михаил Антонович.

— Это вранье, — сказал Юрковский, слегка краснея.

— Тц-тц-тц, — сказал Алексей Петрович.

— Знаете, — сказал Дауге, — симпатичная такая особа. Журналистка. Высокая, статная, кровь с молоком. Рашн бьют, так сказать.

— Чепуха, — сказал Юрковский недовольно. — Бьют. Чепуха.

— Попался бычок на веревочку, — сказал Михаил Антонович.

— Да ничего подобного, — сказал Юрковский. — Просто моя хорошая знакомая. Я ее знаю вот с такого возраста. — Юрковский показал ладонью от пола, с какого возраста он знает свою хорошую знакомую. — Мы были знакомы домами. И она заядлая театралка. Вот я и попросил.

— У нее громадный недостаток, — сказал Дауге. — Она терпеть не может Варечку.

— О, черт подери, — сказал Юрковский. — Ты знаешь кто, Дауге? Ты банный лист.

— Нечего теперь, — сказал Дауге.

Юрковский взял со стола кусочек булки и сунул в нос ящерице. Ящерица сидела неподвижно, как чучело, и медленно мигала.

— Не хочет, — сказал Юрковский. — Еще рано.

— Она жрет раз в сутки, — пояснил Дауге. — Дышит она тоже, кажется, раз в сутки. И Володька говорит, что она совсем не спит. Но это уж, по-моему, вранье.

— Ничего подобного, — сказал Юрковский. — Всё так. Варечки водятся на Марсе, где дышать трудно и мало еды. Варечка вообще неприхотлива и вынослива. Однажды нас с Дауге засыпало, и мы провалились под завалом часов пятьдесят. Когда нас откопали, мы с Дауге моментально угодили в госпиталь на полтора месяца, а Варечка только потеряла хвост и переднюю лапку, но вскоре обросла снова.

Алексей Петрович смотрел на друзей со странным чувством. Все было так, как раньше, и все-таки совсем не так. Юрковский поседел. Щеку Дауге пересекал заживший шрам. Они шутили и болтали, как прежде, но Алексей Петрович почему-то не верил шуткам. Разве такой должна быть встреча, о которой они все мечтали столько лет? Неужели больше не о чем говорить, кроме как об этом марсианском чудище?

— Это чудо приспособляемости, — разглагольствовал Юрковский. — Я долгое время держал ее в термостате, но потом она удрала оттуда и стала жить в чисто земных условиях, как и мы с вами. Однажды она свалилась в бак с серной кислотой. Я уверен, что если ее сунуть в плазму твоего «Хиуса», Алексей, ничего с ней не случится. С Варечкой, я имею в виду.

Ящерица круглым глазом уставилась на Быкова. Алексей Петрович смотрел на нее с ненавистью. Юрковский наконец умолк и стал катать хлебные шарики. Все молчали, только время от времени вздыхал чувствительный Михаил Антонович. Вот мы и вместе, подумал Алексей Петрович. Вместе. Вы понимаете, что такое вместе? Или вы всё забыли, друзья? Вот я помню всё. Багровые тучи над черными пустынями Венеры. Берега Дымного моря. Перекошенный, вплавленный в растекшийся гранит танк. Сто пятьдесят

тысяч шагов до спасения. Обуглившееся тело Дауге, хрип Юрковского в наушниках. Потом... Потом прошло десять лет без вас. Я многое узнал и многое повидал. Я видел обглоданные Пространством камни астероидов и Бурый Джуп с Амальтеи. Я стал мужем и отцом. У меня есть дети. Ведь вы оба не знаете, что такое дети. Сына я назвал Владимиром, потому что в русском алфавите «в» стоит перед «г». Я все время думал о вас. Каждый раз, когда мне приходилось слышать или читать стихи, я вспоминал Юрковского. Каждый раз, когда я видел черноволосого сухощавого человека, у меня ёкало сердце, но это был не Дауге. Мне очень хотелось бы рассказать сейчас об этом и послушать, что вы на это скажете. У меня много добрых друзей, но вы всегда были самыми лучшими и близкими...

— Между прочим, — сказал Алексей Петрович. — Завтра стартует Ляхов.

— Надо будет повидаться с ним, — сказал Юрковский.

— Я приглашен на старт, — сказал Алексей Петрович. — Я передам ему, что вы хотели его видеть.

— Что, не удастся? — сказал Дауге.

— Нет. Они сейчас под охраной медкомиссии.

— Жаль, — сказал Дауге. — Хорошо бы повидать Ваську.

— Еще не все потеряно, — успокоил его Алексей Петрович. — Придется только подождать лет десять-двенадцать, пока он вернется.

— Жаль, — повторил Дауге. — Мы и так не виделись десять лет.

— Помнишь, Володенька, — сказал Михаил Антонович, — как ты поругался с Васей? Тогда, перед самым стартом на Венеру?

Юрковский кивнул.

— Ох и дурак тогда был Володька, — сказал Алексей Петрович.

Юрковский промолчал.

— Энтузиаст-одиночка, — хихикнул Дауге.

Десять лет назад, на ракетодроме Седьмой полигон, когда Василий Ляхов вернулся из испытательного полета с «Хиусом-2», Юрковский сильно поругался с ним по вопросу о том, кому принадлежит ведущая роль в межпланетных исследованиях. Юрковский обвинил тогда Ляхова в отсутствии романтики и в неприличной любви к Земле, во взгляде на Пространство просто как на очередную сферу производственной деятельности человека. Юрковского тогда здорово высек Краюхин.

— Ладно, — сказал Юрковский. — Ты передай ему от нас привет, Алексей.

— Передам, — сказал Алексей Петрович.

— Кстати, — сказал Дауге. — Кто-нибудь еще летит с нами?

— Летит, — сказал Алексей Петрович. — Летит на Амальтею один специалист по радиооптике — некто Шарль Моллар, и один ученый японец — некто Сусуму Окада.

— Некто, — обиженно сказал Михаил Антонович. — Ничего себе — некто. Сусуму Окада, действительный член Академии Неклассических Механик. Лауреат премии Юкавы и Нобелевской премии. Почетный член АН СССР.

— Здорово, — сказал Юрковский.

— Ничего, — равнодушно сказал Алексей Петрович. — Академиков мы возили. И не раз. Академики очень любят Юпитер.

— Я так и не понял, — сказал Юрковский. — Будем мы облетать Юпитер или прямо пойдём на Амальтею?

— Если ваш академик не опоздает, мы по его просьбе сделаем три-четыре витка вокруг Юпитера. Он хочет там что-то проверить. А если опоздает к старту — прямо на Амальтею.

Михаил Антонович хотел что-то сказать, но не решился и только покачал головой.

— Вот чего я все-таки никак не могу понять, — задумчиво сказал Дауге, уставясь в потолок. — Зачем нам все это. Венеру мы штурмовали потому, что там Урановая Голконда. Актиниды и прочее. Марс нам нужен для колонизации, для опытов по

созданию новой атмосферы. Это все ясно. И спутники больших планет. Тоже ясно. Металлы, минералы, новые формы жизни, трали-вали семь пружин. Но ради чего погиб Польш Данже на Юпитере? На Юпитере мы угробили массу средств и несколько замечательных капитанов. А ведь Юпитер — это нуль, ничто. Толстый водородный пузырь...

— А зачем Ляхов уходит в Первую Межзвездную? — сказал Быков.

— Да, зачем? Вот послушайте. — Дауге положил ладони на стол. — Завтра Ляхов уходит в Первую Межзвездную. Если так будет идти дальше, то лет через десять-двадцать мы пошлем первую экспедицию на звезду. Представляете? Мы — звездолетчики. Люди вне времени. Мы уходим навсегда. Фактически мы умираем. Мы летим долгие годы, добираемся до чужого мира, до чужих планет у чужих звезд и делаем там то, что должны делать. Потом мы опять долгие годы летим обратно, возвращаемся на Землю и замечаем, что попали на три века вперед. Нас встречают внуки наших правнуков и сообщают, что города, где мы родились, больше не существует, там теперь музей, но зато нам построен памятник. Мы осматриваем памятник и пытаемся понять, что здесь, собственно, изображено. «Вот это вы, товарищ Дауге», — говорят мне. Я смотрю на самого себя и осведомляюсь, почему у меня рога. Ответа я не понимаю. Ясно только, что это не рога. Мне говорят, что двести лет назад, кажется, было в моде так изображать героев бесконечных пространств, но что в точности это неизвестно, и надо справиться в Центральном Бюро Вечной Памяти. При словах «вечная память» у нас возникают нехорошие ассоциации, которые, однако, не кажутся нехорошими внукам наших правнуков. И мы начинаем чувствовать, что снова попали в чужой мир. Результаты, полученные нашей экспедицией, встречаются очень сдержанно. Мы отчетливо ощущаем, что они представляют узкоисторический интерес. Праправнукам уже все известно. Они уже успели побывать на той планете, откуда мы пришли, и успели побывать там не раз, не два, а пять. Они делают такие перелеты в два-три месяца, потому что, видите ли, обнаружено некое свойство пространства-времени, которого мы не понимаем, называемое как-нибудь вроде тирьямпампации. Мы, возвратившиеся, смотрим друг на друга и думаем в унисон: «А стоило ли?»

— Конечно, стоило, — убежденно сказал Михаил Антонович.

Алексей Петрович смеялся, покачивая головой, и повторял: «Ну и выдумал. Ну и распотешил, Иоганыч».

— Стоило? — спросил Дауге. — А зачем?

— Че-ло-век, — сказал Юрковский.

— Ну и что?

— Всё, — сказал Юрковский. — Че-ло-век. Сначала он говорит: «Я хочу есть» — тогда он еще не человек. Потом он говорит: «Я хочу знать» — и становится человеком.

— Это ты, братец, загнул, — сказал Алексей Петрович.

— Ну, скажем, так. Стремление познавать, чтобы жить, превратилось теперь в стремление жить, чтобы познавать.

— Отличный афоризм, — восхищенно сказал Михаил Антонович. — Люблю афоризмы.

— Этот ваш че-ло-век, — сказал Дауге сердито, — еще не знает толком, что делается в центре Земли, а уже размахивается на звезды.

— На то он и че-ло-век. Потому мы и лезем на Юпитер, потому Ляхов и уходит в Межзвездную.

— Все это так, — сказал Дауге, — но очень уж все это туманно. Неопределенно.

— Дурень ты, — рассердился вдруг Михаил Антонович. — Право, дурень, Гриша. На Юпитере исследуют возможности создания двигателя времени. Не знаю я, что ищут наши в Зоне АСП, а на Юпитере работают с экспериментальной проверкой асимметричной механики. Мы еще, может быть, полетаем на кораблях с двигателями времени.

— Bravo, штурман, — сказал Юрковский.

— Ни одна крупинка знаний... — начал ободренный Михаил Антонович, но Алексей Петрович перебил его:

— Вот что, ангелы, — сказал он. — Мне сейчас на корабль. Располагайтесь здесь.

Обед в пятнадцать. Штурман, проследить за режимом.

— Слушаюсь, — сказал Михаил Антонович.

— В восемнадцать погрузка. Я могу провести вас в диспетчерскую, — сказал Алексей Петрович. — Я покажу вам такое, чего вы на своем Марсе и не нюхали. Пойдете? Дауге нерешительно поглядел на Юрковского.

— Понимаешь, Петрович, — сказал он. — У нас корректура.

— Какая корректура?

— Корректура статьи. Нужно успеть до старта.

— Успеете.

— Нет уж, — сердито сказал Юрковский. — Я буду работать. А Гришка пусть идет, если хочет.

По глазам Дауге Алексей Петрович видел, что ему очень хочется пойти.

— Ладно, — сказал он. — Я зайду за тобой в половине шестого.

* * *

В зале Диспетчерской было полутемно, только вспыхивали разноцветные огоньки на пульте управления, и на широком, в полстены, экране горело на солнце фантастических форм сооружение.

— Видишь теперь? — спросил Быков.

— Вижу, — неуверенно сказал Дауге и добавил после молчания: — Ни черта я, вообще-то, не вижу. Что это за громадина?

Было видно, как медленно поворачивается вокруг продольной оси блестящая толстая труба, утыканная иглами антенн, опутанная мерцающей металлической сетью. Вокруг трубы, нанизанные на нее, как обручи на палку, крутились тороидальные спутники. Дауге насчитал их шесть, но труба не помещалась на экране целиком, и других спутников просто не было видно.

— Это Большой Склад, — сказал Быков. — А «Тахмасиб» во-он там, в верхней части трубы, у манипуляторных отсеков. Ну, неужели не видишь?

— Нет, — сказал Дауге. Он не видел ни «Тахмасиба», ни верхней части трубы. Их загораживала голова диспетчера. Дежурным диспетчером был Валя Страут, и он был занят сейчас ужасно, так что попросить его подвинуться было бы просто неловко. Кроме того, Страут важничал и говорил «коротко, ясно и всегда правду». Он чувствовал себя солдатом Космоса.

Кроме чудовищной трубы Большого Склада, на экране не было ничего. Дауге не видел даже звезд. Труба, опутанная противометеоритной сетью, висела в бездонной тьме и сияла на Солнце так ослепительно, что Дауге иногда казалось, что она пульсирует.

Страут шевельнулся, придвинул к себе микрофон селектора и сказал:

— Зэт-фюнф, зэт-фюнф. Берайт?

— Я, — откликнулся зэт-пять. — Иммер берайт.

— Зэт-фюнф, — строго сказал Страут. — Гее ауф цум старт. Гебе «зебра».

— Данке, — сказал зэт-пять.

В пульте что-то загудело, труба на экране погасла. Стало светлее — по экрану побежали волнистые линии. В голубом свете стало видно сосредоточенное лицо Страута с насупленными жиденькими бровями. Затем на экране снова возникла черная бездна, только теперь она была утыкана светлыми точками звезд. В верхнем правом углу экрана засиял белый шарик, но он был, по-видимому, очень далеко, и разобрать, что это такое,

было нельзя. Потом из нижнего левого угла наискосок медленно выползла на экран тяжелая туша планетолета.

— Смотри-ка, — сказал Дауге, — старье какое. Импульсник типа «Астра».

— Это «Лорелея», — сердито сказал Быков. — «Лорелея» и Рихтер.

— Вот оно что, — сказал пораженный Дауге. — Вот она какая, «Лорелея»!

Двадцать с лишним лет назад Карл Рихтер на своем корабле «Лорелея» совершил беспримерную по смелости высадку на Меркурий, при которой потерял половину экипажа и обе ноги. Оставшись на корабле единственным пилотом, искалеченный, он сумел привести к Земле поврежденный корабль и остался его капитаном навсегда.

— Зэт-фюнф, — сказал Страут. — Старт!

— Есть старт, — отозвался голос из репродуктора.

— Удачи и спокойной плазмы, геноссе Рихтер, — сказал Страут. — Не забывайте про Леониды.

— Данке, майн кнабе, — откликнулся Рихтер. — В мои годы не забывают про Леониды.

Все стихло. Из дюз «Лорелеи» ударили бесшумные струи пламени, корабль медленно прополз по черному небу и скрылся за краем экрана.

— Спу-17 Земля — Цифэй Луна, — сказал Страут. — Груз — титан и вода.

— Он что — до сих пор калека? — спросил Дауге.

— Да, — сказал Быков.

— А биопротезы?

— А! — Быков махнул рукой. — Рихтер — человек старого закала.

В репродукторе щелкнуло, и раздраженный голос произнес:

— Диспетчер?

— Йес, — сказал Страут. — Диспетчер Страут, Ю Эс Си Ар.

— Зэт-два, — сказал голос. — Капитан Холмов. Валентин, дашь ты мне сегодня «зебру» или нет?

— Не дам, — сказал Страут. — Леониды.

— Леониды! — произнес капитан Холмов с невыносимым презрением. — Может быть, я из-за твоих Леонид и вторые сутки здесь проторчу?

— Может быть, — сказал Страут.

Холмов помолчал и сказал просительно:

— Валентин, голубчик, у меня ученые бунтуют. Дай «зебру», будь другом.

— Нелетная погода, — сказал Страут металлическим голосом. — Метеорный поток высокой плотности, старты к внешним планетам запрещены вплоть до особого распоряжения.

— Честью прошу, — сказал Холмов угрожающе.

— Капитан Холмов, — сказал Страут. — Убирайтесь вон с линии.

— Зверь, — сказал капитан Холмов. — В будущем году перейду работать в Диспетчерскую...

В репродукторе щелкнуло, и голос оборвался.

— То есть, — сказал Быков, — ты и меня не выпустишь, Валентин?

— Сегодня — нет, — сказал Страут. — И завтра нет. Послезавтра — пожалуй.

— Ладно, — сказал Быков. — Мне, собственно, и надо послезавтра.

Репродуктор снова заговорил, на этот раз по-китайски. Страут ответил коротко и переключил экран. На экране теперь было черное небо и странные очертания какого-то корабля.

— Узнаешь? — сказал Быков Дауге.

— Нет, — сказал Дауге.

— Это «Тахмасиб». «Хиус-9». Мой «Хиус».

— Он похож на перевернутый бокал, — изрек Дауге.

Фотонный корабль неподвижно висел в центре экрана. Он действительно напоминал фужер для шампанского с очень толстым дном.

— Я таких еще не видел, — сказал Дауге. — У нас на марсианских трассах работают «Хиус-3» и «Хиус-4».

— Еще бы, — сказал Быков. — Такой бокал спалил бы любой ракетодром. У него мощность в восемь раз больше, чем у старых черепах.

Старыми черепахами межпланетники называли первые модели фотонных кораблей.

— Для планет с атмосферами он совершенно не годится, — сказал Алексей Петрович. — Особенно, если на них есть люди. Работает исключительно на трансмарсианских линиях.

— Красавец, — сказал Дауге. — А где жилые помещения?

— Дно бокала, — сказал Быков. — Там два этажа. Верхний для жилья, нижний — для грузов.

— Это чтобы быть подальше от зеркала? — усмехнулся Дауге.

Быков не ответил. На экране появился край какого-то огромного сооружения. «Тахмасиб», медленно поворачиваясь, приближался к ослепительно сверкавшей площадке. Изображение вдруг сменилось, и Дауге увидел давешнюю толстую трубу с тороидальными спутниками — Большой Склад. В верхней части трубы крошечный, еле заметный, шевелился «Тахмасиб».

— Здорово, — непроизвольно вырвалось у Дауге.

Алексей Петрович поглядел на него с усмешечкой.

— Это тебе не у вас на Марсе, — сказал он.

— Понимаешь, — сказал Дауге, словно оправдываясь, — я сто лет не был на Земле. Что только здесь не наворотили за это время!

— Например?

— Ну вот эта труба, — сказал Дауге. — Это же невообразимая громадина. Километров сто, наверное, в длину?

— Сто двадцать, — сказал Алексей Петрович. — И восемь в ширину.

— С ума сойти. У нас на Марсе ничего подобного не было.

Алексей Петрович гулко захохотал и сказал в спину Страуту:

— Ты слышишь, Валька? У них на Марсе!

— На ваш Марс я не пошел бы и в директоры, — сказал Страут не оборачиваясь. — Не мешайте, — быстро добавил он.

— А ты видел Спу-3? Нет? А «Звездочку»? Тоже нет?

— Нет, — сказал Дауге униженно.

— А что ты вообще видел, планетолог?

— У нас на Марсе противометеоритные истребители, — робко сказал Дауге.

Быков засопел так выразительно, что Дауге замолчал и стал глядеть на экран. Теперь опять весь экран занимал «Тахмасиб», вернее, его «дно». Было хорошо видно, что дно состоит из двух дисков, наложенных один на другой. Внизу под «Тахмасибом» в блестящей площадке верхней части Склада открылись черные люки.

Страут обернулся:

— Один-один-шесть-три? — быстро спросил он.

— Да, — так же быстро ответил Быков. Он сказал Дауге вполголоса: — Это код автоматического управления. Смотри.

В тишине что-то звякнуло, и с потолка вдруг спустились какие-то суставчатые стержни, черными тенями пересекая экран. Страут ухватился за них и замер в странной скособоченной позе. Он не отрываясь глядел на экран. Из черных люков под «Тахмасибом» выползли гигантские металлические суставы — пять и за ними еще пять. Неровно дергаясь, они протянулись к «Тахмасибу» и вдруг разом вцепились в дно «бокала». Это было похоже, как будто кальмар схватил кита. Суставы, словно ощупывая, поползли по дискам, затем застыли. Страут, кричя, приподнялся. Черные тени стержней

суматошно двигались на экране. Суставы рывком выдвинули из дна верхний диск, затем медленно притянули его к трубе и скрылись в открывшемся посередине люке. Дно «Тахмасиба» стало вдвое тоньше.

— Поразительно, — льстиво сказал Дауге.

— Дрянь, — сказал Страут сердито. — Старье допотопное. Второй год просим отрегулировать биомеханические манипуляторы — нет, они там всё, видишь ли, усовершенствованиями занимаются. А ты здесь потей: манипуляторов десять, а рук у тебя всего две. Черт бы их побрал.

Он вытер лоб платком — запахло хорошими духами. Рукоятки манипулятора тихо покачивались над его головой.

— Понял? — спросил Быков.

— Это была разгрузка? — сказал Дауге.

— Это была разгрузка, — сказал Алексей Петрович. — А сейчас будет погрузка.

Дауге помолчал, затем сказал:

— У нас на Марсе тоже есть манипуляторская.

Алексей Петрович засопел.

— А загрузка производится внутри, на складе, — сказал он. — Весь грузовой отсек, трюм, сменяется, как обойма. Он стандартный. Есть недостаток. Жилой отсек обнажается, и в прошлый раз у Михаила взорвались консервы, которые он забыл в чемодане в своей каюте. Михаил тайком нарушал режим. А я и не знал.

— Бедный штурман, — сказал Дауге.

— Тресковая печень. Они взорвались вместе с чемоданом, и все это прилипло к стенам, мгновенно замерзло, конечно, но потом растаяло.

— И ты заставил его вылизать стены языком? Ты, старый пират.

— Вроде того, — согласился Быков. — Я устроил ему разнос а-ля Краюхин. Он слишком толст для тресковой печени, наш штурман.

Страут снова взялся за манипулятор. Загрузка заняла несколько больше времени. Надо было точно подогнать сменный этаж, и это было довольно трудно. Страут пыхтел, и постанывал, и принимал самые невероятные позы. Быков и Дауге молчали, чтобы не сболтнуть под руку, и только раз Дауге пробормотал с благоговением: «Он сейчас встанет на голову». Потом Страут упал в кресло и сипло сказал:

— Так нельзя. Здесь, черт возьми, нужны биоманипуляторы.

Быков и Дауге почтительно молчали. Правда, Быков вспомнил, как десять лет назад грузили «Хиус-2»: несколько дней протаскивали десятки тонн груза через игольные ушки четырех люков. И на загрузке было занято человек сто рабочих и уйма всевозможных механизмов. Но Быков промолчал. Если человек на работе потеет, и пыхтит, и поминает черта, и багровеет — значит, где-то что-то уже не соответствует своему назначению.

В репродукторе послышался знакомый тенорок Михаила Антоновича:

— Валя, — сказал он. — Отлично. Мне ничего, кажется, не придется регулировать. Спасибо вам, Валя.

— На здоровье, Михаил Антонович, — вежливо сказал Страут. — Пожалуйста, уводите «Тахмасиб». Сейчас на разгрузку подойдет «Викинг».

— Да-да, конечно, — торопливо сказал штурман. — Сию минуту. Еще раз, большое спасибо.

— Не за что, — с великолепной небрежностью сказал Страут.

Быков поглядел на Дауге.

— Спектакль окончен. Если хочешь, посмотрим «Викинг».

— Юрковский меня ждет, — с сожалением сказал Дауге.

— Тогда пойдем.

— Диспетчер, диспетчер, — каркнул вдруг репродуктор. — Диск из кэптн Кавамото. Корэ ва Кавамото сэнтэ да.

— Йес, кэптн Кавамото, — быстро сказал Страут. — Тэйк зэ форт эмбаркмэнт, уан-уан-фифтин, бэйз туони сэвен. Репит...

— Мы пошли, Валентин, — сказал Быков. — Спасибо.

Он поднялся. Дауге тоже поднялся.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, — сказал Страут.

— Кавамото я хорошо знаю, — сказал Дауге Быкову. — Он работал у нас на Марсе.

Они услышали, как Страут, кончив повторять цифры, крикнул им вслед:

— На ваш Марс я не пошел бы даже Десантником.

— Все ясно, — печально сказал Дауге и закрыл дверь.

Одна из причин, по которым Стругацкие решили отказаться и от этого варианта, была, видимо, в изменениях, которые претерпел образ Быкова. Не может Быков «Страны багровых туч» — служака-военный, ограниченный эмоционально (вернее, эмоции у него столь глубоко спрятаны, что даже Авторам не дано проникнуть в его душевные переживания), всегда ровный и внешне отстраненный — превратиться за десять лет в столь чувствительного, нервно-эмоционального субъекта...

И вот уже нет ни встречи персонажей, ни начала полета. Пишется новый вариант первых страниц повести. Он ближе к окончательному варианту, но здесь еще присутствуют ранее задуманные Коля Ермаков и Сусуму Окада...

КАПИТАН БЫКОВ ЗАСТУПАЕТ НА ВАХТУ, А АКАДЕМИК ОКАДА ПРОСИТ АУДИЕНЦИИ

Проснувшись, капитан Быков долго глядел в низкий потолок каюты и старался вспомнить, что ему снилось. Снилось что-то хорошее и печальное, и очень далекое, чего уже совсем не помнишь наяву, — не то милая девушка-студентка в белом платьице, не то весенняя ночь над туманной рекой. Сон вызвал забытые непривычные ощущения, неясные и приятные, и Быкову хотелось удержать эти ощущения. Но они медленно уплывали вместе с обрывками сна и, наконец, исчезли совсем. Быков полежал еще немного, затем огорченно крикнул и поднялся. Он проспал четыре часа, пора было заступать на вахту.

Он принял два душа, водяной и ионный, прибрал постель и задержался у стенной ниши с книгами. Управление корабля было полностью автоматическим, вахта сводилась к периодическому и выборочному снятию показаний контрольных приборов, поэтому межпланетники обычно знакомились на вахте с книжными новинками по своей специальности. Быков взял «Теорию времени и пространства» — сборник статей крупнейших физиков. Книжка вышла недавно, перед самым стартом «Тахмасиба». Быков не успел прочесть ее и сейчас, бегло листая исписанные незнакомыми формулами страницы, подумал, что это будет нелегко. Сборник открывался статьей академика Сусуму Окада «Введение в сигмарный анализ». Быков понятия не имел о сигмарном анализе, однако знал, что без него в теории времени и пространства далеко не уедешь. Он вздохнул, сунул книжку под мышку и, застегивая пилотскую куртку, вышел в коридор.

В коридоре было пусто. Дверь в кают-компанию была открыта, и оттуда доносились голоса.

— Не могу назвать этот ход удачным, — сказал голос академика Окада. Голос был скрипучий и показался Быкову противным.

— Посмотрим, — отозвался голос Юрковского. — Посмотрим, господин Окада.

Окада и Юрковский третий день играли партию в четырехмерные шахматы. Эту сумасшедшую игру, в которой доска и фигуры существовали лишь в воображении и в четырех пространственных измерениях, выдумал, наверное, сам Окада. В первый же день после старта Юрковский предложил академику сыграть в трехмерный морской бой, выиграл четыре партии из пяти, и теперь академик брал реванш. Он играл в уме, а Юрковский после каждого его хода изводил на схемы и расчеты целые тетради.

Радиооптик Шарль Моллар предлагал биться об заклад, что Юрковский сдастся не позже двадцатого хода. Дауге был уверен, что Юрковский продержится тридцать ходов, но биться об заклад не предлагал.

Быков вошел в кают-компанию. Окада сидел в низком кресле и курил сигарету, лениво перелистывая журнал. Сусуму Окада был профессор, действительный член Академии Неклассических Механик, лауреат Нобелевской премии и премии Юкавы. У него было еще несколько степеней и званий, которые трудно запомнить с первого раза. Он считался крупнейшим специалистом в асимметричной механике и был стар, как Мафусаил. Говорили, что он лично знал Юкаву и видел Тодзё за неделю до казни. Этому было легко поверить, стоило поглядеть на его сморщенную физиономию и лысый, в сером пуху, череп. Никто не знал, что ему понадобилось на Амальтее, и бортинженер Жилин высказал чудовищное предположение, что престарелый академик будет строить на спутниках Юпитера фантастические «вечные» двигатели времени, о которых много писали в последнее время в связи с достижениями асимметричной механики.

Юрковский сидел за столом и грыз карандаш. Лицо у него было хмурое и решительное, и он торопливо перебирал листки записей. На его плече, вцепившись шестипальными лапами в материю пиджака и задрвав страшную прямоугольную голову, сидела марсианская ящерица Варечка. Ее полуметровый, сплюснутый с боков хвост свисал вдоль бока Юрковского и был темно-синим — под цвет костюма Юрковского. Планетолог вывез ее из пустыни Большого Сырта три года назад и всюду таскал за собой. Ящерица была безвредной и совершенно ручной, но имела отвратительную привычку укладываться спать на диванах и креслах, где немедленно принимала цвет и узор обивки. В результате никто теперь, не исключая и самого Юрковского, не садился на диван или на кресло, не похлопав предварительно по сиденью ладонью.

Когда Быков вошел, Варечка повернула к нему голову, задрожала морщинистой кожей на горле и медленно мигнула. Юрковский сказал:

— Да, господин Окада. Все верно. Пешка е-один-гамма-ни. Гардэ, как говорилось когда-то.

— Не могу назвать этот ход удачным, — повторил Окада и сложил журнал. — Ферзь же-шесть-эпсилон-до. Ферзь уходит, как привидение.

— Здравствуйте, господин профессор, — сказал Быков.

— А, капитан Быков, — сказал Окада. — Добрый день, капитан.

— Здравствуй, Лешка, — рассеянно сказал Юрковский. — Да пошла ты, чтоб тебя... — сказал он сердито.

Ящерица серо-синей молнией соскользнула с его плеча, встала столбиком в углу и принялась осматриваться.

— Проигрываешь? — сказал Быков. — Который ход?

— Семнадцатый, — ответил Юрковский. — Не мешай.

— Тогда у Шарля еще есть шанс, — сказал Быков.

Окада с крихтением поднялся и, мелко семеня ногами, приблизился к нему.

— Когда вы рассчитываете быть на месте, капитан? — осведомился он.

— На Амальтее? — спросил Быков.

— Нет, — сказал Окада. — У Юпитера.

Быков насторожился.

— Полагаю, мы войдем в космогационную область Юпитера через двадцать часов, не позже.

— Угу. — Окада на секунду задумался. — Да. Отлично. Мне надо поговорить с вами, капитан.

— К вашим услугам, господин профессор.

— Совершенно приватно, капитан.

— Ага.

— И, вероятно, разговор займет некоторое время.

— Ага.

Быков поглядел на Юрковского. Юрковский грыз карандаш и соображал. Быков поглядел на Варечку. Варечки уже почти не было видно. Она пожелтела, как обивка стены.

— Хорошо, господин профессор, — сказал Быков. — Мне сейчас на вахту, а вот через четыре часа соблаговолите зайти ко мне.

— В каюту? — спросил академик.

— В каюту. Честь имею.

Быков прошел через кают-компанию и вышел в лабораторный отсек. За его спиной Юрковский сказал с торжеством:

— Конь бе-четыре-эпсилон-хэ! Вам шах, господин Окада!

— Отнюдь, господин Юрковский, — отозвался академик. Быков приостановился, чтобы дослушать. — Кони так не ходят. Ваш конь прошелся по четырехмерной спирали.

Быков затворил за собой дверь. Лабораторный отсек был до отказа забит аппаратурой академика Окада. Вся она была незнакома Быкову, кроме вделанных в стену перископов с замшевыми нарамниками. Возле одного из приборов сидел Григорий Иоганнович Дауге и просматривал ленту автоматической записи. Дауге поглядел на Быкова, прищурился и сказал:

— Капитан, эхой! По бим-бом-брамселям! Свистать всех наверх! Как дела, капитан?

Дауге был чем-то доволен. Он возился в лаборатории все свободное время. Как-то так случилось, что Окада заставил работать на себя и его, и Юрковского, и Моллара, и даже штурмана Михаила Антоновича. Все они копались в этих непонятных приборах и бегали к Окада с какими-то вопросами и листками.

— Ничего дела, — сказал Быков. — Вот иду на вахту.

— Бог помощь, — сказал Дауге. — Удачи и спокойной плазмы.

— Тебе тоже. Понимаешь, — сказал Быков. — Приснился мне сейчас сон...

Он остановился.

— Это ничего, — рассеянно сказал Дауге, торопливо разматывая ленту. — Сны видят даже кошки, если верить тете Полли.

— Да, — сказал Быков. — А Володька продолжает биться с академиком.

— Ему тоже надо пожелать удачи, — сказал Дауге. — И особенно спокойной плазмы. Что?

— Ладно, — сказал Быков. — Я пошел.

Он стал подниматься по трапу.

— Какой у них ход? — спросил Дауге вдогонку.

— Семнадцатый, — сказал Быков.

Он вошел в рубку управления. У пульта сидел штурман, Михаил Антонович Крутиков. В рубке было светло и тихо. Негромко шелестел вычислитель, уставясь неоновыми огоньками контрольных ламп. Михаил Антонович посмотрел на Быкова маленькими добрыми глазками и спросил:

— Хорошо поспал, Лешенька?

— Хорошо, — сказал Быков. Он хотел было рассказать штурману о своем сне, но вспомнил, что рассказывать, собственно, нечего.

— Когда снимал показания?

— По расписанию, Алешенька. Час назад.

Быков кивнул, включил бортовой журнал и пробормотал в микрофон скороговоркой:

— Пятнадцатое четвертое семь ноль две капитан корабля Быков принял вахту у штурмана Крутикова.

Затем он положил «Теорию времени и пространства» на стол и провел обычный контроль. Он начал с системы аварийной сигнализации. Все оказалось в порядке. Значит, двигатель работает бесперебойно, плазма поступает в заданном ритме, магнитные ловушки не барахлят, электронный киберштурман ведет корабль согласно программе, и

остается проверить немного. Быков обогнул выпуклую стену — кожух реактора, — подошел к пульту контроля отражателя и вынул запись. Он стоял, прислонившись к беззвучно гудящей обшивке кожуха, и разматывал плотную тонкую ленту. На эту ленту автоматически записывались данные исключительной важности. «Тахмасиб» был фотонным кораблем, и основной частью его двигателя был гигантский параболический отражатель, придающий кораблю сходство с фужером. Отражатель был покрыт составом, обладающим свойством отражать почти все виды лучистой энергии и элементарных частиц. Отражатель отражал практически сто процентов потока энергии, падающего на него из фокуса, где взрывались ежесекундно, превращаясь в излучение, тысячи порций дейтериево-третиевой плазмы. Отражатель состоял из трех рабочих слоев и двух аварийных. Несмотря на свои удивительные свойства, состав постепенно выгорал, не выдерживая стотысячных температур. Кроме того, отражатель разъедался метеоритной коррозией — многими тысячами микроскопических частичек вещества в Пространстве. Но отражатель был жизнью корабля. Если отражатель прогорит, корабль погибнет. Корабль превратится в пар, в ослепительную мгновенную вспышку. Поэтому отражатель меняли через каждые сто астрономических единиц, пройденных с работающим реактором. И поэтому тончайшие приборы каждые две минуты замеряли состояние рабочего слоя отражателя и записывали данные на ленту.

Быков заложил ленту в читающее устройство. Все было в порядке и здесь. Он проверил запас лент в контролирующем автомате, взял еще раз наугад несколько пробных отсчетов по всей поверхности отражателя и вернулся к Михаилу Антоновичу.

— Иди отдохни, Миша, — сказал он.

Михаил Антонович яростно замотал головой. Так он отвечал, когда был очень занят. Штурман работал. По столу были разбросаны листки голубой бумаги, покрытые строчками формул. Полуавтоматическая приставка к электронному вычислителю была включена и гудела, мигая лампочкой включенной блокировки по «фи» на пульте. Быков подошел к столу и опустился в кресло. Михаил Антонович вдруг спел дрожащим тенорком: «Ласточки, ласточки», замолк и опустил голову, шевеля губами.

Быков смотрел на него с уважением. Зная математику так, как знал ее Михаил Антонович, можно было прочитать сборник по теории пространства и времени за несколько дней. Штурман прекрасно освоился с сигмарным анализом — у Быкова хранился дарственный оттиск его статьи «Относительно четвертой фундаментальной теоремы Окада». Статья начиналась словами: «Рассмотрим отражение пространства Римана в сигма-неограниченное гиперпространство Окада — Саблина...» и обосновывала заключение о том, что «пространство Римана деритринитивно пронцаемо в сигма-смысле». Михаил Антонович был чрезвычайно доволен, получив этот результат. «Это — шаг! — говорил он. — В будущих звездолетах в двигателе времени будет кусочек и моего труда». Впрочем, он тут же спохватывался и добавлял извиняющимся голосом: «Окада просто не заметил этого возможного следствия. Надо написать ему. Обязательно». При встрече академик долго жал штурману руку и дважды отрывисто произнес: «Чрезвычайно рад. Польщен».

Михаил Антонович, не отрываясь от записей, протянул руку к пульту и пробежал по клавишам, быстро переставляя пальцы. Рука его стала похожа на огромного хищного паука. Вычислитель загудел громче и остановился, сверкнув стоп-лампочкой.

— Ласточки, ласточки!.. — пропел Михаил Антонович дребезжащим голосом и замолк.

Из выводного устройства на стол перед ним выпала табулограмма.

— Благодарю вас, — сказал штурман. — Извините... Ласточки, ласточки... — снова пропел он и снова оборвал внезапно.

Быков встал, прошелся по рубке, заложив руки за спину, заглянул в широкоугольный перископ, где в черном круге дрожал сплюснутый полосатый Юпитер, и снова уселся в кресло.

- Слушай, Михаил, — сказал он. — Отвлекись-ка на минутку.
 — А? — сказал штурман, подняв голову.
 — Отвлекись на минуту.
 — Что, Алешенька?
 — Окада хочет говорить со мной, — медленно сказал Быков. — О чем?
 Штурман наморщил лоб и поморгал.
 — Понятия не имею, Алешенька.
 — А ты не врешь?
 — Что ты!
 Быков сказал сквозь зубы:
 — Хотел бы я знать, что делается на моем корабле.
 — Алеша, — укоризненно сказал штурман.
 — Ладно, занимайся.

Быков взял книгу и раскрыл ее на первой странице. Несколько секунд Михаил Антонович смотрел на него, затем покачал головой и вернулся к работе. Потом Быков спросил:

— Слушай, Миша, что это такое: «Гомосистемное полуотражение в полиполярных координатах»?

Более поздние рукописи повести почти не сохранились — только разрозненные страницы на обороте других черновиков. Вот, например, машинописный набросок некоторых сюжетных линий повести:

Планетолет «Тахмасиб» с грузом прибыл.

Шуточки с ящерицей: консервная банка к хвосту. Мимикрия — Варечка легла на пульт управления, и на ней были видны приборы. Окада на корточках перед ящерицей, стоящей столбиком, полчаса разглядывают друг друга.

Николеньку все поучают. Окада <до> всех снисходит. Окада 96 лет, двенадцать раз омоложение. Хвастались лучевыми ударами, Окада сказал: «Вы видите перед собой жертву Хиросимы, лежал в госпитале, был ранен на Борнео, лейтенант императорской армии. Жил при императоре Тайсё, Сёва, Мак-Артуре. Знал самого Юкава — эх ви-и!»

Николенька — шалун. Бегаёт за девками. «Колька где-то обжимает свою операторшу». Устраивает хохмы в «Тахмасиб». А<лексей> П<етрович> заставляет его заниматься. Ему сказали, что на Амальтее есть хорошенькая киска — он расспрашивает. А<лексей> П<етрович> по часу в сутки производит с молодыми инженерами практику: эволюции корабля.

Моллар. В такие часы просится за борт. Лентяйствует. Всегда всем доволен. «Если бы я был Фаустом». — «А когда вас обрабатывал Быков?» — «Да, не стал просить удлинить такое мгновение».

На одной из уцелевших страниц черновика после слов: «Он выбирался вторым и застрял и все-таки лег носом в холодный пол, но быстро пришел в себя и тогда увидел у самого лица ботинок Быкова. Ботинок нетерпеливо притопывал» — была интересная вставка: «Наверное, это нелегко — притопывать ногой при перегрузке, подумал Жилин. Надо будет попробовать».

Опубликованная версия повести отличается от изначальных авторских планов кардинально. Изменена сама цель полета (первоначально задумывался эксперимент с «двигателем времени», который везет с собой Окада), изменен стиль (БНС в «Комментариях» называет его «хемингуэвским лаконизмом»). И наконец, весной 1960 года, уже в ходе подготовки первого авторского сборника Стругацких в издательстве «Молодая гвардия», выяснилось, что некоторые предлагаемые авторами заглавия не устраивают редакцию. Для повести это закончилось заменой прежнего названия «С грузом прибыл» на другое, Авторам особо не удовлетворявшее, но, как оказалось, окончательное — «Путь на Амальтею».

Публикация повести в одноименном авторском сборнике отличается еще и тем, что в эту книгу вновь, как и в «Страну багровых туч», был добавлен краткий словарь научных и

фантастических терминов. Все пояснения даны к заглавной повести, кроме самых последних, три из которых относятся к рассказу «Почти такие же», а четвертое (про микротом) — к «Чрезвычайному происшествию».

Объяснение некоторых научных и технических терминов, встречающихся в тексте

Радиооптика — раздел физики, изучающий закономерности генерации, распространения и взаимодействия с веществом радиоволн. Инженер-радиооптик — специалист по радиоастрономическим устройствам.

Большая Антенна — антеннами астрономы называют радиотелескопы.

Мезовещество — вещество, в атомах которого электроны заменены мезонами (*фант.*).

Плазма — состояние вещества, при котором атомы полностью ионизированы и электроны свободны. Дейтериево-тритиевая плазма — плазма смеси тяжелого (дейтерий) и сверхтяжелого (тритий) водорода.

Астрономическая единица — единица измерения расстояний в Космосе, среднее расстояние от Земли до Солнца, 150 миллионов километров.

Прямая космогация — теория и практика вождения фотонных межпланетных кораблей, которые, обладая большим запасом свободного хода, способны двигаться не по «круглым» траекториям, обусловленным исключительно силой тяготения Земли, Луны, Солнца и планет, а по кратчайшим расстояниям в Пространстве (*фант.*).

Алгоритм — здесь — программа решения космогационной задачи, подаваемая на вычислительное устройство.

Инерционный эллипс — орбита тела, вращающегося вокруг планеты, когда на него действует только сила притяжения этой планеты.

Периодический — ближайшая к центру Юпитера точка орбиты спутника Юпитера или ракеты, выведенной на траекторию вокруг Юпитера.

Спу — сокращенно от слова «спутник»; применяется уже сейчас.

Сигма-тестер — переносной прибор для контролирования параболического отражателя фотонного корабля (*фант.*).

Неотождествленная линия — линия в спектре, происхождение которой не определено.

Черное выпадение зрения (или «черная пелена») — род временной слепоты, иногда поражающей человека при испытаниях на перегрузки.

Стохастическая машина (от «стохастический» — «случайный») — устройство для получения совершенно случайных, т. е. функционально друг с другом не связанных, чисел.

Ферритовый накопитель — один из узлов вычислительного устройства.

Микротом — инструмент для производства пригодных для микроскопического исследования тонких срезов кусочков органов и тканей растительных и животных организмов.

Словарик этот безо всякого ущерба для формы и содержания повести исчез из последующих изданий «Пути на Амальтею», как и в случае со «Страной багровых туч». Больше книг с подобными пояснениями у АБС не было. Правда, можно вспомнить «Понедельник начинается в субботу», снабженный комментариями Саши Привалова, но это уже, как говорится, совсем другая история...

При переизданиях печатная версия «Пути...» изменялась очень мало, за исключением публикации в журнале «Наука и техника» (Рига, 1961), но там просто-напросто печатался сильно сокращенный вариант. Однако же без некоторых изменений обойтись не удалось. Настали времена, когда повесть было предписано избавить от любых китайских следов. Из подобных специфических «чисток» повестей Стругацких эта, похоже, оказалась, самой первой. Результаты мы можем наблюдать и сейчас. Например, заместитель начальника Высшей Школы Космогации назывался в первом (авт. сб. «Путь на Амальтею», 1960) и втором изданиях (ж. «Наука и техника»,

1961) Чэнь Кунь. Но уже в третьем издании (сб. «В мире фантастики и приключений», 1964) он — Тодор Кан, а в последующих (уже по непонятным мотивам) — Сантор Ян. Соответственно менялось и прозвище: «Железный Чэнь» — «Железный Кан» — «Железный Ян».

Когда Жилин вспоминает, как он проспорил, утверждая, что знает все марки автомобилей, в рукописи неизвестная ему машина называется «Счастливый Дракон», новая китайская марка», в первом издании — «Золотой Дракон», новый китайский атомокар», в сборнике «В мире фантастики и приключений» — «Влтава», новый чешский атомокар», позже — «Золотой Дракон», новый японский атомокар».

При подготовке «канонического» текста для новейших изданий повести правка и восстановление текста были минимальными. В частности, измененные имена и названия не менялись обратно на исходные — за долгие годы читатели к ним уже привыкли.

«Человек из Пасифиды»

Рассказ представлен в архиве двумя страницами раннего варианта и полностью сохранившимся черновиком, довольно близким к опубликованной версии. В более позднем варианте рукописи автором значился А. Бережков, ресторан назывался не «Тако», а «Ика», газета — не «Токио-симбун», а «Асахи-симбун». Вот сохранившаяся часть раннего варианта:

— Это случилось первого апреля, рано утром, — сказал лейтенант Исида, — в самый разгар «сиохигари».

Он отложил веер, нагнулся, взял палочками и аккуратно отправил в рот кусочек маринованной редьки. Нас разделял низенький столик «цкуэ», уставленный тарелками, блюдами и горшочками. Рядом со столиком стояли черные бутылки. Было жарко и душно. Сквозь щели бамбуковой шторы на веранду падало горячее солнце ясной японской осени. Лейтенант Исида был в легком шелковом кимоно, но его круглое лицо и наголо обритая голова блестели от пота. Время от времени он снимал очки и прикладывал к мокрой переносице пестрый платок.

Собственно, Исида не был лейтенантом. Он служил в морской обороне в звании младшего инспектора какого-то ранга. В императорском флоте до капитуляции это звание соответствовало чину лейтенанта. Поэтому я звал его либо по имени, либо «тюи» или «тюи-доно» — «господин лейтенант». Так было короче и, кажется, больше ему нравилось. Вообще, он относился ко мне очень благожелательно. Японский язык я знал плохо, и мы разговаривали по-английски. Запив редьку долгим и громким глотком холодного пива, он сказал:

— Вы знаете, что такое «сиохигари»? Нет? Тогда я объясню, если не возражаете. Дословно это значит «собираение ракушек при отливе». Дело в том, что на песчаном морском дне у побережья, обычно скрытом под водой, селятся массы съедобных ракушек. В большие отливы дно обнажается. Тогда жители побережья, все — взрослые, дети, старики — спешат воспользоваться случаем. Особенно велики отливы в конце марта — начале апреля. Это «сиохигари» совпадает с наступлением весны, и в ясную погоду жители устраивают настоящие пикники. Они подтыкают подола повыше, заходят подальше в мелкую воду, и начинается веселая охота. Для женщин и особенно для ребятишек это целое событие. Они скребут песок граблями и совками, отыскивают ракушки и устрицы, вылавливают в лужах рыбу, ищут под скалами крабов и маленьких «тако» — осьминогов. И при этом смеются, визжат и кричат во все горло.

На следующее утро у него сильно болела голова, не хотелось шевелиться. Апрельское солнце проникало через щели бамбуковой шторы и неприятно щекотало зажмуренные веки. Скрипнули раздвигаемые сёдзи — хозяйка боязливо заглянула в комнату. «Надо вставать», — покорно согласился Исида. Он открыл глаза, громко, с прискуливанием, зевнул и сел, щурясь на солнечные пятна на циновке. У изголовья,

чистые и выглаженные, лежали мундир и брюки. Капитан Исида вскочил, похлопал себя по голому животу и занялся гимнастикой.

В тот момент, когда он делал стойку на одной руке, внизу под окном зафыркал автомобиль. Знакомый пронзительный голос крикнул:

— Исида-сан! Исида!

«Като?» Исида легко перевернулся, мягко, как кошка, упал на пятки и поднял штору.

— Да! — хрипло рявкнул он.

Рассказ печатался в журнале «Советский воин» (1962) и в сборнике «Только один старт» (1971) с некоторыми изменениями (в частности, полностью отсутствовало начало — товарищеская вечеринка и сон Исида). В более полном виде (но почему-то без уже публиковавшегося авторского предуведомления) он вошел в сборник «Фантастика-72», а затем в несколько собраний сочинений.

В собрании сочинений «Сталкера» начало текста было восстановлено, в последующих изданиях рассказ публикуется полностью.

«Спонтанный рефлекс»

Этот рассказ был опубликован в 1958 году в восьмом номере журнала «Знание — сила». Как видно из нескольких сохранившихся черновых вариантов, работа велась в основном в сторону сокращения объема, уменьшения научности и увеличения увлекательности. Была переделана завязка рассказа — убран эпизод, предшествующий тому, как Урм остался один. Вариантов подобного начала было несколько. Вот один из них:

СПОНТАННЫЙ РЕФЛЕКС (научно-фантастический рассказ)

1

Урм стоял посередине комнаты, а Николай Петрович и Ратиани озадаченно глядели на него. Затем они поглядели друг на друга. Николай Петрович сказал:

— Попробуем еще раз?

— Попробуем.

Николай Петрович откашлялся.

— Урм, — начал он, — подойди...

— Пароль, — торопливо подсказал Ратиани.

— Урм-Ар, подойди сюда.

Урм медленно повернул к ним плоское лицо. Они затаили дыхание. В узких глазах Урма зажглись и мгновенно погасли зеленые огоньки. Сухой, лишенный интонаций голос произнес:

— Не хочу.

— Неслыханно, — пробормотал Ратиани.

— Урм-Ар, — сказал Николай Петрович, четко выговаривая каждый слог, — Урм-Ар, почему ты не хочешь подойти?

— Мне надоело, — ответил Урм.

Николай Петрович выругался.

— погоди. — Ратиани поскреб подбородок, подумал. — Вот что. Урм-Ар, помножь двести пятьдесят семь тысяч шестьсот тридцать девять на триста восемьдесят три.

Прошла секунда, другая.

— Ответ, — сказал Урм. — Девяносто восемь, точка, шестьсот семьдесят пять, точка, семьсот тридцать семь.

— Правильно? — спросил Николай Петрович.

Ратиани пожал плечами.

— Откуда я знаю? Я же не считал... Наверное, правильно. Ты заметил, что он считает медленнее?

— Пожалуй...

Они помолчали. Ратиани грыз ногти. Николай Петрович встал и обошел вокруг Урма.

— Фантастический урод, — пробормотал он. — Похож на помесь купеческого комода с кенгуру.

Урм невозмутимо молчал. Николай Петрович вернулся к столу и посмотрел на Ратиани.

— Ну, что будем делать?

Ратиани опять поскреб подбородок, скрипя двухдневной щетиной.

— Не знаю, дорогой, — сказал он. — Не знаю. Странное дело. В жизни не видел ничего подобного.

— Сознательное неповиновение, — сказал Николай Петрович. — Подумать только! Он не хочет, ему надоело... Прямо голова кругом идет. — Он наморщил лоб, шумно вздохнул. — Сознательное... Чушь, конечно. Но сами мы не разберемся. Придется оставить для Стремберга. Стремберг...

— Товарищ Стремберг вышел, — объявил Урм. — Что ему передать?

Ратиани схватился за голову, а Николай Петрович вскочил, разъяренный.

— Передай Стрембергу, скотина ты этакая, что в тебе слишком много ослиного упрямства!

— Хорошо, — безразлично сказал Урм.

— Черт знает что. — Николай Петрович сел, затем снова вскочил. — Слушай, Ратиани, либо это огромная, небывалая победа, либо...

Он замолчал.

— Либо? — спросил Ратиани.

— Либо... Посмотри на Урма!

Урм тихонько покачивался на коротких ногах, поворачивая куполообразную голову вправо и влево. Черные оттопыренные раковины ушей шевелились, в глазах вспыхивали и гасли зеленые огоньки.

— Кто-то идет, — сказал Ратиани.

Дверь распахнулась, и на пороге появились Стремберг и инфраоптик Костенко, оба веселые, замерзшие, с ног до головы покрытые снегом.

— Наконец-то, — пробормотал Николай Петрович.

— Добрый вечер, дрессировщики! — крикнул Стремберг. — Как дела?

— Здравствуйте, как поживаете, — сказал Урм.

— Отлично, Урм, здравствуй, Урм...

Костенко отряхивал доху и топал ногами в унтах, не спуская глаз с Урма.

— Вот ты какой, оказывается, — сказал он. — Я думал, ты повыше, постройнее.

— Ничего. — Стремберг вытер мокрое красное лицо носовым платком. — Ничего, нам его не женить. Правда, Урм-Ар?

— Для передачи Стрембергу, — сказал Урм. — Во мне слишком много ослиного упрямства.

— Что такое? — изумленно спросил Стремберг.

— Слишком много ослиного упрямства, — повторил Урм.

Стремберг повернулся к Николаю Петровичу.

— Это еще слишком мягко сказано, — мрачно проворчал тот. — Он не слушается.

— То есть?

— Он отказывается выполнять приказания, — пояснил Ратиани. — Говорит, что ему надоело.

Костенко захохотал, разевая широкую белозубую пасть.

— Может быть, требует прибавки жалования?

— Может быть, — сухо ответил Николай Петрович.

Стремберг сел к столу, взял у Ратиани папиросу, закурил.

— Рассказывайте, — потребовал он.

— А что здесь рассказывать? — сердито сказал Николай Петрович. — После обеда, когда ты уехал, взялись за проверку логических цепей. Шахматные задачи, интегральные уравнения и прочее. Сначала все шло хорошо. Но когда перешли на систему силы и движения... Да ты попробуй сам.

— И попробую, — сказал Стремберг. — Урм-Ар, шаг назад!

Урм качнулся, но не двинулся с места. Костенко перестал улыбаться.

— Смотри-ка...

— Урм-Ар, шаг вперед!

— Не хочу, — сказал Урм.

Воцарилось молчание. Костенко встал и отошел к двери.

— Я плохо разбираюсь в этих ваших анализаторах и полях памяти, но... Мало ли что ему придет в голову!

Стремберг положил окурок на край стола.

— Та-ак, — медленно сказал он. — Это я, пожалуй, не учел.

Николай Петрович и Ратиани вопросительно взглянули на него.

— Что ты не учел? — осведомился Николай Петрович.

— Понимаешь... Мне еще не все ясно, конечно. Может быть, спонтанные дуги... Господи, конечно! — Он хлопнул себя по лбу. — Конечно, спонтанные дуги! Институт битком набит счетными машинами, а я, идиот, не попытался даже рассчитать возможные варианты рефлексов! Но тогда...

Стремберг остановился, уставившись на Урма невидящим взглядом.

— Ничего не понимаю, — честно признался Ратиани.

— Я тоже, — сказал Николай Петрович.

— И я тоже, — подумав, сказал Костенко. — Что такое спонтанные дуги?

— Спонтанные дуги, — рассеянно сказал Стремберг, — это самопроизвольно возникающие дуги.

— Понятно, — упавшим голосом сказал Костенко.

— Слушайте, товарищи. — Стремберг вскочил на ноги и крепко потер ладони. — Если я не ошибся, это будет изумительное открытие. Мы перевернем всю нашу науку... — Он взглянул на часы. — Десятый час. На сегодня довольно. Сейчас едем ко мне ужинать, о делах больше ни слова.

Николай Петрович нерешительно оглянулся на Урма.

— Нет, нет, — сказал Стремберг. — Отложим до завтра. Вам нужно как следует отдохнуть, а мне как следует подумать. Завтра у нас много нового и, обещаю вам, весьма и весьма интересного. Спонтанные дуги, черт побери! Программирование было перед обедом, а после обеда появились спонтанные дуги. Разумеется, программа триста тридцать три и спонтанные дуги... Пошли, одевайтесь. Жена обещала угостить нас превосходным шашлыком. Ратиани, любишь шашлык?

— Люблю, — ответил Ратиани. У него был слегка обалдевший вид.

Николай Петрович выходил последним. На пороге он задержался, чтобы погасить свет. Когда лампа погасла, в темноте сверкнули зелеными искрами глаза Урма. Николай Петрович передернул плечами и захлопнул дверь.

— Фантастический урод, — пробормотал он.

[Далее текст отсутствует.]

А вот совершенно иной вариант начала рассказа, также отброшенный Авторами. Как видим, здесь действуют одни только ученые, без Урма.

СПОНТАННЫЙ РЕФЛЕКС
(научно-фантастический рассказ)

1

Стремберг пришел около восьми часов вечера.

— Наконец-то, — сказал Николай Петрович. — Где это тебя носило?

— Все там же, — ответил Стремберг. — В реакторной меня носило.

Он потопал ногами в унтах, кряхтя стащил с себя и встряхнул доху. На пол посыпалась снежная пыль. Николаю Петровичу хотелось спросить, что нового, но он спросил:

— Метет?

— Метет. В двух шагах ничего не видно. Шустов у тебя?

— У меня. И Шустов, и Рябкин, и новый инфраоптик. Пойдем на кухню, я угощаю шашлыком. Чудесный шашлык.

— Я не хочу есть, — сердито сказал Стремберг.

— Тогда выпьешь. Есть хорошее «Твиши» и полбутылки сухого. Водка тоже есть.

— Водки я выпью, — сказал Стремберг.

Он вытер платком мокрое красное лицо, и они пошли на кухню. На кухне у накрытого стола сидели толстый энергетик Шустов и новый специалист по инфракрасной оптике, жилистый сутулый Костенко. Они молча трудились над шашлыком. Маленький Рябкин, сотрудник ионизационной лаборатории, ходил из угла в угол, заложив руки за спину. Стремберг сел за стол и налил себе водки. Рябкин остановился и сказал:

— Ого! По-видимому, опять не удалось привить дизелю мозг морской свинки. Или вас так волнует завтрашнее представление?

Стремберг промолчал. Николай Петрович полез в холодильник за ветчиной.

— Хорошенькое представление, — сказал он. — Двенадцать человек из Москвы и девять из Новосибирска...

— Дело серьезное, — согласился Рябкин. — Москвичи, они народ такой... Только ведь и нас около сотни, верно? Так что волноваться особенно не стоит. Подумаешь, комиссия! Сколько их у нас каждый год бывает...

Стремберг выпил залпом и налил еще.

— Ты закусывай, — сказал Николай Петрович.

Стремберг свирепо взглянул на него, выпил и снова налил.

— Да что ты ее так голяком хлещешь? — рассердился Николай Петрович. — Шустов, парторг, скажи ему!

Шустов молча жевал шашлык, прикрыв под очками крохотные светлые глазки.

— Ты какую программу поставил? — спросил вдруг он.

Стремберг ответил, не поднимая головы:

— Общую. По условиям испытаний.

— Только?

Стремберг помолчал. Николай Петрович закашлялся и стал суетливо придвигать к нему тарелку с ветчиной. Стремберг сказал:

— Еще я «три тройки» поставил.

Рябкин шумно вздохнул. Стало тихо, слышно было, как воет над крышей пурга и стучат в окно мириады снежинок.

— Та-ак, — медленно сказал Шустов. — «Три тройки», значит. Программа триста тридцать три. Давай-ка сюда твое «Твиши», или как его там, — обратился он к Николаю Петровичу.

Тот торопливо нырнул в холодильник, достал бутылку.

— Ты его не ругай, Шустов, — сказал он. — Это мы все так решили в лаборатории. Либо пан, либо пропал. Пусть комиссия решает, хорошо это или плохо. Чего уж там...

— С директором согласовали? — спросил Шустов и, не дожидаясь ответа, сказал: — Вы помните, что завтра выступаете не вы одни? Завтра Урм выступает за весь институт. Не только за вашу лабораторию. Кто дал ему магнитные мускулы? Кто дал ему слух, зрение и прочее? Кто дал ему энергию? Это вы помните? Вы можете взять на себя всю ответственность?

— Все будет хорошо, — бодро сказал Николай Петрович. — Мы совершенно уверены.

Шустов взглянул на мрачно потупившегося Стремберга и с сомнением покачал головой.

— Не знаю. Я бы не рисковал. А впрочем... Налей, что ли!

Николай Петрович обтер рукавом запотевшую бутылку и разлил вино по стаканам.

— Хорошее вино «Твиши», — шепотом сказал он.

— Я слышал, что у вас с этой самой триста тридцать третьей не все в порядке, — заметил Рябкин.

— Не слушается? — спросил Костенко.

Стремберг раздраженно пожал плечами, а Николай Петрович хмыкнул презрительно:

— Не слушается... Он и не должен слушаться. Это же не дрессированная собака. Что-то там есть непонятное, это правда. Иной раз даже жутко становится.

— А что именно? — быстро спросил Шустов.

— Я же говорю, что мы не понимаем. Да ты знаешь... Вот отключаем все рецепторы, чистим анализатор и память до крайней возможности... Кажется, все в порядке. И вдруг он снова начинает.

— Что?

— Вести себя начинает, вот что. Месяц всей лабораторией бились, ничего не смогли поделать. Что-то в анализаторе или в памяти. Стремберг вот считает, что каким-то образом при программе «три тройки» самопроизвольно возникают новые рефлекторные связи, не поддающиеся ни учету, ни контролю. Похоже, что он прав, конечно. Но только из-за этого отказываться от такой программы — нет уж, извините. Довольно старую жвачку пережевывать.

Лицо Николая Петровича приняло обиженное выражение, и он медленно выпил свой стакан вина. Стремберг молчал, нервно барабанил пальцами по скатерти.

— Все дело в вашей губчатой платине, — сердито сказал Рябкин. — Я вам говорю, что мы с ней костей не соберем. Да разве можно учесть все, что происходит в миллионах... в десятках миллионов ячеек? Удивляюсь, как это ваш Урм и без трех троек еще не отправился грабить на больших дорогах... Помяните мое слово, в один прекрасный день все эти Франкенштейны вырвутся на свободу и устроят вам красивую жизнь.

— Это я называю критикой слева. — Стремберг криво усмехнулся. — Толька Рябкин так верит в нашу работу, что переоценивает ее возможности.

— Всякий поверит, — сказал Рябкин, — кто побывал в вашей кунсткамере в реакторной.

— Что же ты предлагаешь? — насмешливо спросил Николай Петрович.

— Разумеется, он предлагает ионные трубки, — сказал, смеясь, Шустов и похлопал Рябкина по плечу. — Правда, Толя?

— В нашей ионизационной лаборатории... — начал Рябкин.

— В вашей лаборатории! — воскликнул Николай Петрович. — В вашем ионизационном обозе не сделали за три года ничего путного. Правда, зато они не боятся комиссий.

— А чего им бояться? — словно нехотя сказал Стремберг. — К ним приходят: «Покажите, что вы сделали, голубчики?» А они отвечают: «Пока показать ничего не можем, все у нас в процессе работы». Очень удобно и неудач никогда не бывает.

— Еще как бывают-то! — Николай Петрович злорадно хихикнул. — Вот три года назад... Тебя еще не было, Шустов... Три года назад заговорила в них совесть, и они предложили для одного объекта свою систему управления. Систему ионных трубок. Это была самая что ни на есть ионная система из всех систем управления в мире. И поставили они ее на «Тестудо-три». Помнишь, Рябкин? Рябкин!

— Он помнит, — сказал Шустов. — Что было дальше?

— По программе, по простой, прямо-таки примитивной программе... Слышишь, Рябкин?.. «Тестудо-три» должна была пройти через тайгу к линии железной дороги, дойти до светофора и вернуться обратно, спилив предварительно дерево в тридцать сантиметров толщиной. Так это было, Рябкин? Поправь меня, если я ошибаюсь. Ель в тридцать сантиметров толщиной. Или сосну? Рябкин!

— Он не помнит, — сказал Шустов. — Ну?

— Ты понимаешь, Шустов, что «Тестудо-три» с ионными мозгами, по общему мнению ионизационной лаборатории, являлась венцом творения Института Экспериментальной Кибернетики. По мнению всей их лаборатории и лично товарища Рябкина.

— Я так не говорил! — крикнул Рябкин и налил себе вина.

— Ну, может быть, я немного ошибся. Продолжаю. Было ясное июньское утро...

— Июльское...

— Да, кажется июльское. «Тестудо-три» при скоплении народа — не очень большом, правда, ибо все, кто знал об ионной сущности бедной машины и не был обязан по долгу службы рисковать жизнью, предпочитали следить за испытаниями издали в бинокли и подзорные трубы — «Тестудо-три» стартовала. Сначала все шло хорошо. Черепаха прошла через тайгу довольно аккуратно, понюхала рельсы, дошла до светофора... Ты слышишь, Рябкин? Рябкин!

— Он слышит, — сказал Шустов.

— Да, дошла до светофора и... и спилила светофорный столб.

— Какой пассаж!

— Да, у дирекции были неприятности с железнодорожниками.

— Как же это получилось, Толя? — укоризненно спросил Шустов.

Костенко давился от смеха.

— Все равно, — упрямо сказал Рябкин, — самая плохая ионная система безопаснее самой хорошей из ваших платиновых и железных губок.

— Безопасней! — негодуя сказал Николай Петрович. — А если бы на месте того светофора был начальник станции? Ты представляешь? Начальник станции, перепиленный пополам при исполнении служебных обязанностей!

— Ладно. — Рябкин отвернулся. — Дай бог, чтобы завтра ваш Урм...

В прихожей зазвонил телефон. Николай Петрович вышел. В открытую дверь была видна его широкая спина, обтянутая синим свитером.

— Я слушаю... Да, я... Добрый ве... Что? — Голова его ушла в плечи.

— Чу, слышу пушек гром, — тихонько сказал Рябкин. — Судя по выражению его спины, известие не из приятных.

— Так... так... А какой идиот оставил дверь открытой? Ладно, разберемся. Я сейчас буду. Оповестите всех дежурных.

Он бросил трубку, шагнул к вешалке и сорвал с нее шубу.

Стремберг вскочил, словно подброшенный пружиной. Шустов спросил:

— Что случилось?

— Одевайтесь все. Это Урм. Он поднялся в зал и... Одним словом, кто меня любит — за мной.

Видимо, было сочтено, что такой зачин повести содержит многовато как необязательных разговоров, так и упоминаний алкоголя. Впрочем, кое-чему из этого Авторы затем нашли более удачное применение. Так, история «Тестудо-три», спилившего не совсем то, что полагалось по

программе испытаний, трансформировалась в похожий эпизод с «кентаврами» в «Испытании «СКИБР»». А сам «Тестудо» вновь появился в «Забытом эксперименте» в виде танка специального назначения — мощного, но начисто лишённого интеллекта (и уже без намеков на то, что название машины попросту означает на латыни черепаху)...

Была убрана также слишком наукообразная и скучная концовка рассказа:

Николай Петрович Востряков, заместитель директора Института Экспериментальной Кибернетики, рассказал авторам следующее.

Идея УРМа — Универсальной Рабочей Машины — возникла в связи с необходимостью создания автоматов для работы в чрезвычайно сложных, не поддающихся предварительному учету обстоятельствах.

Как известно, любой кибернетический механизм программируется в соответствии с условиями его работы. Например, кибернетические землеройные машины, обслуживающие строительство Большого Кара-Кумского Канала, рассчитаны на сравнительно простые операции: они выбирают грунт в заданном направлении и на заданную глубину, автоматически сменяют изношенные или сломавшиеся детали. При резких непредвиденных изменениях структуры или плотности грунта они сигнализируют диспетчеру, который меняет их программу применительно к новым условиям. Благодаря этому, между прочим, было сохранено для археологов большое древнее захоронение, оказавшееся на трассе канала.

В подобных машинах, рассчитанных на простые и монотонные операции, роль управляющего центра — «мозга» — выполняют несколько десятков реле. Этим машинам не нужна память, они обходятся весьма несложным набором восприятий — изменения прочности грунта, изменения температуры, давления ртутного столба и так далее.

Другое дело, если машина предназначена для разнообразных действий в непрерывно меняющейся сложной обстановке.

Для разработки и создания моделей таких машин был организован Институт Экспериментальной Кибернетики, и УРМ является своего рода творческим отчетом огромного коллектива ученых, инженеров и техников за пятнадцать лет напряженного труда.

Первая и основная задача состояла в том, чтобы построить достаточно вместительный и вместе с тем компактный аппарат управления — управляющий сектор, анализатор и память. В обычных цифровых и переводческих машинах для этого используют триггеры — электронные реле и ферритовые решетки. Иногда применяются наборы ионных трубок. Но такой «мозг» получается слишком громоздким, и машина на десятки тысяч логических ячеек — элементарных органов, получающих, хранящих и отдающих сигналы, — занимает огромные залы. Очевидно, следовало идти в другом направлении.

Начальник Лаборатории Программирования Василий Федорович Стремберг много лет работал над заменой триггеров и ферритовых решеток металлическими пенопластами. Мысль эта не новая, но трудности были настолько велики, что большинство специалистов у нас и за границей вскоре отказались от нее. «Мозг» нового типа — платино-германиевую пену — Стрембергу и его сотрудникам удалось изготовить сравнительно недавно. Одновременно была разрешена представлявшаяся неразрешимой проблема программирования на таком «мозге». Управление УРМа заключено в объеме в несколько кубических дециметров и состоит из платино-германиевого анализатора и «памяти» — ферритового пенопласта.

У человека в мозгу несколько миллиардов клеток. У обычной цифровой машины — не больше ста тысяч триггеров. У УРМа было сразу задействовано около восемнадцати миллионов логических ячеек. Это дало возможность запрограммировать реакции на множество положений, на различные варианты изменения условий, а также выполнение огромного количества разнообразных операций.

Следующей задачей была разработка совершенной рецепторной системы. Чем больше рецепторов — органов восприятия, подающих сигналы на управление, — тем более точной и логичной будет реакция механизма. УРМ располагает пятнадцатью рецепторами, причем каждый из них сам по себе представляет огромное достижение в области той или иной отрасли техники. У него есть радиоприемники, инфраглаз, обычное зрение, ультрафиолетовое зрение, гамма-глаз, орган обоняния, акустические рецепторы для восприятия инфра-, ультра- и обычного звука, устройство для видения потоков заряженных и нейтральных частиц, анализатор печатного письма, анализатор человеческой речи и так далее. Кроме того, у УРМа есть гироустройство для сохранения равновесия, визуальный и локационный определители расстояния, хронометр, барометр, гигрометр. Вся рецепторная система УРМа чрезвычайно точна и надежна.

Наконец, много сил положила на УРМа и Лаборатория Силы и Движения. Источником энергии машины служит плутониевый реактор большой мощности, питающий девять мощных электромоторов, тридцать пять соленоидов, рецепторную систему и схему усиления. Остроумно разработанные и точно выполненные системы рычагов позволяют УРМу совершать около пятисот различных движений с практически любой скоростью и в любой последовательности.

Как работает УРМ? Создавая «мозг» УРМа, Лаборатория Программирования заложила в него некоторые аксиомы, так называемые рефлекторные цепи, с которых, собственно, и начинается поведение всякой кибернетической машины. Благодаря этим готовым рефлексам машина «знает», где верх, где низ, ходит по дорожкам и не топчет газоны, ищет двери и не ломится сквозь стены, знает хозяина и слушается его голоса и так далее. Кроме того, «память» машины загружается типовыми реакциями на наиболее вероятные условия, в которых ей придется работать. Так, УРМ отступает перед глубоким обрывом, удирает (и всегда в нужную сторону), если на него падает стена или рухнувшее дерево, не приближается к источникам интенсивных излучений, уступает дорогу поезду и грузовику.

Когда УРМ включен, показания рецепторов, преобразованные в двоичный шифр, начинают непрерывно поступать в анализатор. Анализатор устроен таким образом, что, получая восприятия, он сравнивает их с тем, что у него уже есть в памяти, и из всех возможных комбинаций ответной реакции на эти восприятия выбирает наиболее выгодную и логически оправданную с точки зрения выполняемой УРМом в данный момент операции.

Благодаря огромной емкости «мозга» УРМа оказывается возможным запрограммировать реакции на все мыслимые обстоятельства. Так, если бы УРМ выполнял земляные работы на Кара-Кумском Канале и наткнулся на древнее захоронение, он бы не только мог дать об этом знать диспетчеру, но и начал бы самостоятельно, с большой осторожностью и аккуратностью раскапывать находку, счищать с нее налипший грунт, мыть обнаруженные черепки и складывать их в укромном местечке.

Но Лаборатория Программирования не остановилась на этом. Легко видеть, что было бы чрезвычайно невыгодно применять УРМа на таких работах, как рытье каналов, строительство и тому подобное. С самого начала УРМ был предназначен для работы в условиях, где присутствие человека-надзирателя невозможно физически. Например, в океане на больших глубинах, на других планетах. Но вся беда в том, что и составитель программы не может предсказать точно, какие условия будут окружать машину в подобных случаях, и, следовательно, не может задать УРМу реакции на эти условия. Тогда Стремберг предпринял попытку создать самопрограммирующуюся машину. Анализатору была задана новая готовая рефлекторная цепь, сущность которой сводится к тому, чтобы побуждать УРМа самостоятельно заполнять пустующие ячейки памяти. Следует помнить, что таких ячеек у УРМа десятки миллионов. И результат получился совершенно неожиданный. Новый готовый рефлекс оказался источником возникновения десятков новых, не предусмотренных программистами рефлексов. Эти самопроизвольные

рефлекторные дуги, или спонтанные рефлексы, как окрестил их Стремберг, направили деятельность «мозга» УРМа в совершенно новом направлении. Пока «мозг» управляется готовыми рефлексами, которые вложены программистом, можно предсказать все действия УРМа в любой обстановке. Но с появлением спонтанных рефлексов УРМ выходит из повиновения и начинает «вести себя». Так случилось и в памятный зимний вечер, когда УРМ вырвался из своего подвала и разрушил трансформатор.

Приходится признать, что, по крайней мере в настоящее время, наделять машину способностью программировать свои действия не представляется возможным. С таким же успехом можно было бы позволить железнодорожным составам выбирать время и путь следования по своему усмотрению. Для уточнения программы действий универсальной рабочей машины в условиях, не предусмотренных программистом, пока приходится идти по более медленному, но зато гораздо более верному пути: оттачивание аналитических способностей «мозга», дальнейшее усовершенствование рецепторной системы и... ликвидация самой возможности возникновения спонтанного рефлекса.

Сохранились и более поздние черновики рассказа — как фрагментарные, так и практически полные. Фамилии ученых и само их число постепенно менялись: ближе к окончательной версии из текста исчез Шустов (часть его функций отошла к Рябкину), а Стремберг был исправлен на Пискунова.

Реакции УРМа в части черновиков выглядели еще более человеческими:

Он был поражен. <...> Он испытал то смутное чувство, которое человек называет «ощущением нереальности окружающего». Урм не любил смутных ощущений...

<...>

Он испытал что-то похожее на умственный шок, который испытывает галлюцинирующий человек, протянувший руку к стакану на столе и схвативший воздух. Человек в таких случаях говорит что-нибудь вроде «Мама моя!..», Урм отшатнулся и сказал голосом Хозяина:

— Здравствуйте! Ну и дела!..

Это должно было означать: «Никогда в жизни больше не войду в зеркало!»

Погоня за УРМом в черновике описана более подробно, более эмоционально и со всяческими нюансами. К примеру:

Последние слова Николай Петрович выкрикнул уже на бегу. Шустов кинулся вслед за ним, но споткнулся и с минуту барахтался в сугробе, ругательски ругая проклятую пургу, свинаячьего Урма и вообще всех, причастных к происшествию.

<...>

— Бежать туда всем вместе, найти его и... ну, и схватить.

— Схватить! — Стремберг взорвался. — Схватить! За что прикажете? За штаны? Полтонны весу, живая сила удара кулака — триста кило... Чушь какая!

<...>

Глаза их привыкли к кромешному мраку, и они увидели низкое мглистое небо и белесое свечение сугробов под ногами. Несколько раз они валились в какие-то ямы, срывались с невысоких обрывов. Наконец Стремберг остановился и, тяжело дыша, сел прямо в снег.

<...>

Костенко присел рядом на корточки и стал отдиравать ледяную корку с усов и бороды. Корка не отдиралась, и он тоненько повизгивал от боли.

<...>

— Побежали? — предложил Костенко.

— По... погодите... Передохнем... немного...

Стремберг снова сел в сугроб, не выпуская руки Костенко, шумно, со свистом дыша, потом наклонился, схватил горстью снег и сунул в рот.

— Понимаете... у меня легкие... обожжены. Не могу... бегать.

Он снова зачерпнул снега и приложил к лицу.

— Простудитесь, — нерешительно сказал Костенко.

<...>

Горячая металлическая поверхность толкнула Костенко в лицо, и он кувырком покатился в сугроб.

<...>

— Ну что ты, дорогой, успокойся! — бормотал Шустов, глядя его взъерошенные заиндеветшие волосы.

— Эх, я же говорил вам... — мрачно сказал Рябкин, но Николай Петрович оборвал его.

— Говорил, говорил, — крикнул он. — Молчи ты, ионная трубка... Стремберг, дружище, неужели ты не понимаешь? Ведь это же победа! Неожиданная и громадная победа!

Все с изумлением уставились на него, а он пританцовывал от возбуждения и хлопал себя по бокам.

— Победа! Ну что вы глаза вытаращили? Разве вы не видели? Ведь это сознательное неповиновение! Сознательное, понимаете?

Стремберг выпрямился.

— Погоди... О дьявол, я ничего не соображаю.

— Хороша победа, — брюзгливо проворчал Рябкин. — Машина не слушается человека, и он называет это победой. Что же тогда провал?

Из письма АНС к БНС: «С. Р. им весьма понравился, за исключением конца (твоего конца). Я это предвидел и привез им свой конец. Мой конец им не понравился еще больше». Какая именно из двух перечисленных концовок рассказа представлена своим черновым вариантом далее — неизвестно. Может быть, ни та и ни другая, а еще какой-то вариант, тоже не вошедший в окончательный текст?

В шесть часов утра вернулся маленький Рябкин. Он положил на стол солидный пакет с бутербродами, стащил с себя доху и стряхнул снег с унт. На столе, как и много дней назад, лежал Урм — покорный, неподвижный, с раскрытой грудью и без головы. За соседним столом Стремберг сосредоточенно копался острой иглой микроэлектromетра в блестящем, круглом как мяч «мозге» непослушного Урма. Николай Петрович, осунувшийся и слегка охрипший за ночь, беседовал с Костенко, водя волосатым пальцем по листу кальки. Костенко почтительно слушал, вздыхал и то и дело вытирал пот со лба.

— Бутерброды есть, — сообщил Рябкин тоном заговорщика. — С сыром. И с ветчиной.

Стремберг нетерпеливо мотнул головой. Николай Петрович просто не услышал, но Костенко вздрогнул и оглянулся.

— И с телятиной тоже есть, — сказал Рябкин.

— Я бы съел, — жалобно сказал Костенко и виновато взглянул на Николая Петровича.

Стремберг усмехнулся.

— Нет, серьезно... Со вчерашнего дня не евши. Давайте, товарищи, а?

Он запустил руку в пакет. Николай Петрович укоризненно крякнул и принялся сматывать схемы в трубку.

— Раб желудка, — сердито сказал он, но не удержался и тоже выбрал себе бутерброд. — Ладно. Расскажу тебе в общих чертах, не вдаваясь в подробности.

— Вот-вот, — обрадовался Костенко. — В самых общих, так сказать, чертах. Давай, Николай Петрович.

Рябкин хихикнул, сел на угол стола и заболтал короткими ножками.

— И расскажу. — Николай Петрович с досадой взглянул на него, затем снова повернулся к Костенко. — Ты специалист по инфракрасной оптике, но раз уж попал на работу в Институт Экспериментальной Кибернетики — должен знать такие вещи.

— В самых общих чертах, — подсказал Рябкин.

— Хотя бы. Итак, кибернетическая машина «УРМ» имеет пятнадцать рецепторов... то бишь органов чувств. Инфраглаз, обычное зрение, гамма-глаз, обоняние, акустические рецепторы — инфра-, ультра- и обычные, радиолокаторы, гигрометр и так далее. Кстати, все эти «глаза» и «уши» и связанные с ними устройства сами по себе являются замечательными техническими новинками, нашей гордостью. Двести с лишним человек работали над Урмом больше пяти лет...

— Понятно, Николай Петрович...

— Дальше. Урм снабжен мощным источником энергии — портативным атомным реактором-бридером — и великолепной силовой и двигательной системой. Бессмертная заслуга Лаборатории Силы и Движения. Ну, как и во всяком мало-мальски сложном кибернетическом устройстве, показания рецепторов преобразуются в двоичный шифр и подаются в анализатор, в память, а затем снова через анализатор на усилители и в рабочую часть. Это довольно элементарно и имеется в каждой цифровой машине. Но чем УРМ отличается от обычного кибернетического устройства?

— Действительно, чем? — с интересом спросил Костенко и взял пятый бутерброд — с сыром.

— У обыкновенной цифровой машины — десятки тысяч триггеров. У Рябкина — в его ионизационном обозе, или, что то же самое, в ионизационной лаборатории, — пытаются ставить ионные трубки, и такая машина занимает целый зал. У нас — пенопласт. Вон в том шарике, с которым возился Стремберг, — десятки миллионов ячеек...

— Э-э... Что такое пенопласт?

— Наш пенопласт — платиновая или ферритовая пена с прослойками диэлектрика. У Урма задействовано сейчас восемнадцать миллионов логических ячеек. У человека в мозгу несколько миллиардов клеток...

Костенко перестал жевать.

— Значит, главное — количество логических ячеек?

— Да.

— Но это ж не принципиально!..

— Ха! В том-то все и дело! Чем больше логических ячеек, тем сложнее и гибче программа, которую можно задать машине. Вот, например, последняя программа Стремберга — это же шедевр! Готовая рефлекторная цепь, побуждающая Урму заполнять пустующие ячейки памяти. Урм получил замечательное свойство — стремление узнавать новое. Тут, дорогой, с триггерами, с ионными трубками далеко не уедешь. Тут нужны миллионы ячеек! И вот...

— А как задается такая программа?

— Мнэ-э... Это, знаешь ли... М-м-м... Словом, это пока не подлежит огласке... Ну, ты понимаешь...

— Ладно, — сказал Костенко, — давай дальше.

— Да-а-а... И вот тут-то и начались все эти чудеса. В металлическом мозгу начали возникать непредусмотренные нами связи, понял? Непрограммированные, самопроизвольные, спонтанные, если хочешь, рефлексы. Машина начала вести себя! Она стала выбирать между двумя заданными ей рефлексам: рефлексом повиновения и вот этой вот программой Стремберга...

— Увы и ух! — со скорбью произнес мстительный работник «ионизационного обоза».

— Что? — рывкнул Николай Петрович, резко поворачиваясь к нему.

— Я сказал «увы и ух», — вежливо пояснил Рябкин. — Шустов сейчас бегаёт по институту и выясняет убытки, которые возникли как результат вышеупомянутого... кхе-кхе... выбора...

— Ладно, — умиротворяюще проговорил Костенко, доедая последний бутерброд, — не ссорьтесь. Урм — знатная машина, и эти спонтанные рефлексы... Над ними надо подумать...

— Ещё бы! — разгорелся Николай Петрович. — Никогда ещё моделирование сознания не достигало такого успеха. Урм сопротивлялся, он не хотел, ему надоело... Помоему, это качественный скачок. Количество ячеек перешло в качество, в новое качество, сходное с сознанием. Это, конечно, не настоящее мышление, но! Кто поручится, что, кроме мышления, нет других форм разумного отношения индивида к обстановке?

Стремберг встал наконец и потянулся:

— Избавь меня, Коля, от философии, а от прочего я сам избавлюсь. И начну я с этой проклятой программы. Завтра соберём Урм, и завтра же я его кастрирую — уничтожу программу... этот самый шедевр. Нам нужна очень умная машина, а не очень глупый человек. Спонтанных рефлексов и второй охоты с бульдозерами нам тоже не надо...

— Слушай, Стремберг!.. — взмолился Николай Петрович.

— Сказано, Коля! Нам нужен Урм — Универсальная Рабочая Машина. И такой УРМ у нас не останется без работы. А вот когда-нибудь потом, когда мы сами станем умнее и опытнее, мы создадим Урм — Ученого, Рабочего, Мыслителя, — и пусть он тогда потягается с нами — своими создателями.

После появления в журнале рассказ много лет не переиздавался вообще, а с 90-х годов входил только в собрания сочинений и многотомники.

«Шесть спичек»

О первых вариантах этого рассказа БНС подробно рассказывает в «Комментариях к пройденному», представляя как собственно «Шесть спичек», так и более ранние попытки написать нечто о фантастических свойствах человеческой психики — «Затерянный в толпе» и «Кто скажет нам, Эвидаттэ?..».

Вкратце напомним, что «Затерянный в толпе» — это попытка «солевой» реализации идеи, предпринятая Б. Стругацким. Затем последовал его же рассказ «Кто скажет нам, Эвидаттэ?..». Там уже, как писал БНС, «появляется фамилия Комлин и эксперименты по облучению мозга быстрыми частицами». И хотя текст был признан Авторами непригодным для дальнейшей переработки, он послужил отправной точкой для нового — и на сей раз удачного — подхода к теме.

Вариант, более близкий к окончательной версии, но содержащий ещё некоторые элементы предыдущих попыток, сохранился в архиве лишь частично.

ВОСЬМОЙ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПОЛГОДА

Комлин Александр Николаевич, сотрудник Института Высшей Нервной Деятельности, 29 лет. Несчастный случай при эксперименте, связанном с облучением частицами высоких энергий. Доставлен 16 сентября в бессознательном состоянии. При общем вполне удовлетворительном состоянии организма — психическая травма первой степени, потеря памяти, сильное нарушение координации движений. Симптомов лучевой болезни нет. Будучи приведен в себя, кричал, метался, рвал одежду. Связность речи потеряна. Реакция

Петера—Чернявского — 57.12. Применена радиотерапия по методу Чернявского.

...Ослепительно белые вершины Комо. Горячий клубок Сиу погрузился в вечерние заросли, и дыхание теплого ветра гонит по меркнувшему небу розовые легкие облака... Джунгли темнеют. Джунгли чуть колыхнутся, нависая над тяжелой черной водой Ста, где в желтой тине у самых берегов лениво шевелят прозрачными плавниками большие белые рыбы в ожидании Вечерних Песен. Когда с горячих болот придет слоистый туман и ляжет, как плоское облако, над неподвижной водой, вершины Комо померкнут, и наступит час Вечерних Песен. Небо станет черно-синим, и одна за другой поднимутся из далеких лесов четыре Ночных Огня, белых, как священные рыбы Ста. Это моя родина. Здесь мой дом у самого берега, хороший высокий дом, где так прохладно в период Зноя и так тепло в период Туманов. Здесь мой народ — племя славных копыеносцев, прозванных Победителями Дао — страшных лесных драконов, спускавшихся с Комо в период Туманов. Где все это? Что со мной? Уже разгорался огонь вечернего костра, и звучала в ушах Песня Белой Рыбы, и зоркий Хитта закричал, что видит кончик первого Ночного Огня, высунувшийся из-за темной стены джунглей... Уже плескалась вода у берега под плавниками священных рыб, поднявшихся из ила, и пустила первую трель добрая птица Кли, подавая знак, что беззубые Дао заснули и она слышит их сонный храп... Уже поднялась, опираясь на копьё, старая Акка, не отрывая глаз от оживающего пламени костра, и стихли голоса и смех невидимой толпы соплеменников... Что произошло? Все исчезло сразу, мгновенно, как исчезает копьё, брошенное в воду, не оставляя после себя даже всплеска. И как река возвращает копьё, так память возвращает образы — родные и далекие, похожие на сладкий сон, но это не сон. Наверное, сон — это язык, не слушающийся меня, чужой голос, исходящий из груди — из чужой груди, слабой, тщедушной и белой, и — если открыть глаза — белолицые карлики, закутанные в странные одежды, бесшумно скользящие вокруг меня... Но не надо открывать глаз. Уши доносят скрипы и шорохи, кто-то бродит рядом и переговаривается хриплым каркающим шепотом... Не надо открывать глаз — они увидят низкий потолок, и непонятные предметы вокруг, и маленькое холодное Сиу на толстой короткой ножке, изливающее слабый свет, и — самое страшное — чужое тело на белом ложе, покрытое толстой греющей материей тело, к которому прикреплена теперь моя голова... Кто вы? Язык не слушается, хрип течет из горла, густой, как горячий болотный ил. Кто вы, карлики, отнявшие мое тело у моей головы? Пустите меня! Развяжите веревки, прижимающие тело! Я хочу петь Вечернюю Песню, а для этого надо сесть! Я хочу петь Песню Кли, но ведь я... не помню ее. Я не помню своего имени... Пустите!.. Ослепительно белые вершины Комо, когда Ночные Огни погружаются в Горячие Болота...

17 сентября. Общее состояние удовлетворительно. Около часа ночи — сильная вспышка болезни: бред, бснование. Введен в состояние искусственного сна. Весь день пролежал с закрытыми глазами. Радиотерапию перенес спокойно. Реакция П.-Ч.: утром — 59.0, вечером — 76.3. Улучшение заметно. Сознание возвращается.

* * *

В палате висел прозрачный уютный сумрак. Маленькая лампа-ночник слабо освещала аккуратно застланную койку у дальней стены, затянутое тяжелой портьерой окно и вторую койку — на ней лежал человек, до подбородка укрытый мохнатым больничным одеялом. Его лицо резкой тенью выделялось на яркой белизне подушки. Рядом сидел другой в накинутом на плечи халате.

— По-моему, это был очень удачный опыт, — сказал сидевший нерешительно. Тот, что лежал, шевельнулся, согнул ногу под одеялом, не отвечая.

— Тебе было очень больно? — спросил сидевший.

— Нет... Впрочем, я не помню. — Голос больного был глух. Говорил он заметно запинаясь, словно подбирая слова. Одеяло соскользнуло на пол, сидевший торопливо нагнулся и поправил его.

— Больше всех напугался, наверное, Дим Димыч, — снова заговорил посетитель. — Он весь трясся, когда приехала скорая помощь... Ты ведь сильно кричал, знаешь...

— Я... совсем... помню... плохо... — с расстановкой проговорил лежащий. — Плохо помню... я... — Он оборвал, не договорив.

— Знаешь, как это было, Витя? Сначала все, как обычно: я включил психотрон, киноаппараты. Ты сидишь железно — не шевелишься, глаза открыты, молчишь. Тишина, психотрон верещит — всё в полном порядке... И вдруг — на седьмой минуте — вопль! И какой! У меня волосы встали дыбом. А ты кричишь, кричишь, кричишь... Я давно всё выключил, бегаю вокруг, раскупориваю камеру, а ты — кричишь! И тут врывается Дим Димыч и с ним — этот новенький из охраны, оба оцетинились, Димыч рвет кобуру, никак пушку вытащить не может и — на меня! Ну, и смех и грех, ей-богу!

Посетитель неуверенно засмеялся, потом наклонился вперед, пытаясь разглядеть лицо лежащего.

— Слушай, Витя, ты, может, думаешь, тебе вредно разговаривать? Наоборот — мне все врачи говорят, расшевелите вы его! Он-де с нами говорить не хочет. Ты говори, говори, Витька, это тебе полезно.

Лежащий снова шевельнулся под одеялом:

— Понимаешь... Ты не думай... Я не... не нездоровый... То есть... Словом... Я хорошо себя чувствую, но... Не говорить... не гово... говориньетн-ну...

— Что? — Сидящий придвинул свое лицо вплотную к лицу больного. — Что, что? Повтори, повтори, Витя...

Глаза больного выкатились, остекленели, из сведенного судорогой рта выскакивали какие-то странные хриплые слова.

— Ануо гуанни узна ро дао...

— А, опять, — прошептал посетитель, отшатываясь. Он поспешно, чуть дрожащими руками, вытащил из бокового кармана пиджака плоский блестящий диктограф, включил его.

— Н'наа вуэна нао гоаон'наа...

Голос слабел, задыхался. Подбородок больного опустился, веки упали на расширенные зрачки. Голос смолк. Сидевший подождал еще немного, выключил диктограф и положил его на тумбочку рядом с лампой.

— Витя.

— Мм, — сказал больной. — Видал? И все время, все время я и там, и здесь... Ты понимаешь?

Теперь он говорил тихо, но почти не запинаясь и не хрипел.

— Ты записывай, записывай все это. И скажи этим кретинам, чтобы разрешили поставить здесь магнитофон — ведь мой, с позволения сказать, бред — это единственное, что доходит оттуда... Ты меня понимаешь, Кристо?

— Это не единственное, Витя... — Кристо помолчал и вдруг выпалил, словно окупился в ледяную воду: — Есть еще рисунки!

— Что-о! — Больной приподнялся.

— Рисунки, товарищ Комлин! Черт с ними, с докторами, они...

— Они считают меня обыкновенным сумасшедшим.

— Да. Они запретили мне это показывать: возвратный процесс, патологический стимул и все такое...

— Где рисунки, покажи! — Комлин быстро поднялся и сдвинул абажур: яркий свет брызнул на его худощавое лицо, бронзовое от загара.

— Ого! — сказал Кристо, роясь в кармане. — А ты не так плох!

— Господи, ну конечно! Давай, давай!

Оба склонились над большой записной книжкой в толстом кожаном переплете.

— Вот. Номер один, — сказал Кристо.

Комлин жадно схватил листок бумаги и поднес его к свету. Губы его разжались, брови поползли на лоб.

— Да, — сказал он после минутного молчания, — да...

На желтоватом клочке твердые четкие штрихи сливались в чудесную странную картину: пылающий огонь, несколько человеческих фигур у костра, бесформенная глухая чаща вокруг и темное, неуловимо прозрачное ночное небо с четырьмя узкими светлыми серпами, висящими над вершинами леса... Странное неземное очарование струил этот диковинный пейзаж. Теплый ветер, полный аромата незнакомых цветов, влажный и тяжелый... Шорохи затаившегося леса, крик ночной птицы, дыхание тех, что сидели у костра...

— Слышишь? — спросил Комлин, чуть шевеля губами.

— Да. Надо только взглянуть внимательно и... и... я не знаю, как это объяснить...

— Я тоже не знаю. Но это можно слышать...

Они надолго замолчали, вглядываясь в чудесное изображение.

— А номер два? — спросил наконец Комлин.

— Это неоконченный рисунок, — сказал Кристо с заметным сожалением. — Ты не успел его закончить — пришел в себя.

— Вновь обрел здравый рассудок, — невесело ухмыльнулся Комлин, рассматривая второй листок. — Не пойму, к чему здесь эта башня в джунглях...

— Ты же не успел закончить, Витя, — повторил Кристо.

— Дда-а... — протянул Комлин. — Опять заросли и какая-то явно металлическая башня. Но это — уже день...

Он повертел рисунок в руках и вернул его товарищу.

— Подумать только — это нарисовал я! Ты же знаешь, как я рисую, Кристо?

Он снова откинулся на подушку и закрыл глаза.

— Ты... помнишь это? — осторожно спросил Кристо.

Комлин мотнул головой.

— Нет. Этого я не помню, но...

— Но...

— Именно, но! — Комлин устроился поудобнее, закинул руки за голову. — Это больше всего похоже на очень яркий сон. Иногда бывает так: идешь по малознакомой улице и вдруг чувствуешь, что все это где-то видел — серые дома, пустой тротуар, лужу посреди мостовой... И потом вспоминаешь — во сне! Или — просыпаешься утром... Уже не спишь, но еще не проснулся совсем и... и... И, понимаешь, рядом — знакомые стены и остатки твоего сна — какие-нибудь люди, или чаща, или какой-нибудь забор с объявлениями... Это очень трудно объяснить...

— Да-да! Я тебя почти понимаю...

— В жизни это не играет никакой роли, поэтому у нас нет даже слов, чтобы верно описать такое ощущение. А то, что я испытываю, очень похоже на такое вот состояние.

Кристо тихонько потянулся к диктографу и включил его.

— Вот сейчас, например, я почти здоров. Мои прежние ощущения кажутся сном, и, как всякий сон, они расплывчаты и не поддаются словесному описанию... А бывает, я помню, наоборот: эта палата кажется сном, а я — совсем другой человек — удивляюсь этому странному сну...

[Далее текст отсутствует.]

Один из следующих вариантов еще называется «Восьмой за полгода», но сюжет гораздо ближе к окончательной версии, получившей в конце концов заглавие «Шесть спичек». (О том, что у А. С. Грина уже есть рассказ с точно таким же названием, ни Авторы, ни издатели могли просто не

знать — он был переиздан несколькими годами позже.) Начало в черновике было более обстоятельным:

1

Инспектор наконец перестал копаться в бумагах и сказал:

— Н-ну, хорошо. С кого же, собственно, мы начнем?

— Как вам будет угодно, — сказал Директор Института.

— А вы, товарищ Леман, не злитесь, пожалуйста.

— А я, товарищ Рыбников, не злюсь.

— Ну и отлично, — сказал Инспектор. — Тогда начнем с этого вихрастого мэнэса.

Симаков, кажется?

— Как вам будет угодно, — сказал Директор необычайно вежливо. Он передвинул рычажок видефона и спросил, не глядя на голубоватый экран: — Младший научный сотрудник Симаков вызван?

— Вызван, Иосиф Петрович, — ответил женский голос.

— Пусть войдет.

Инспектор Рыбников сел поудобнее и устался на большую, обитую стеганой кожей дверь. Дверь дрогнула, приоткрылась, и в образовавшуюся щель протиснулся младший научный сотрудник Симаков. Он прочистил горло и, несколько склонившись вперед, осведомился:

— Разрешите?

— А вы, пожалуйста, садитесь, товарищ Симаков, — сказал Инспектор, приветливо кивая. — Вот сюда, пожалуйста. И не стесняйтесь.

— Благодарю вас, — прошептал Симаков.

Он оторвался от дверной ручки, деревянным шагом подошел к директорскому столу и ухватился за толстую спинку черного тяжелого кресла. Кресло было напротив Инспектора. Симаков снова кашлянул и опустился на сиденье, забыв поддержать узкие серые брюки. Затем он пригладил вихор на макушке, кашлянул еще раз и дрыгнул коленкой, словно собираясь перебросить ногу на ногу, но не решаясь это сделать.

— Мы с вами уже виделись сегодня, — сказал Инспектор. — А теперь я хотел бы задать вам несколько вопросов. Вот вы показывали нам лабораторию. Начальник ее — товарищ Комлин, а вы, кажется, его заместитель и теперь — исполняющий обязанности?

— Да, — сказал Симаков и поглядел на Директора.

Инспектор тоже поглядел на Директора. Директор внимательно изучал пустую, залитую асфальтом и солнцем площадь под окном.

— А не могли бы вы, товарищ Симаков, — спросил Инспектор, — рассказать мне, чем занималась ваша лаборатория последние, скажем, полгода?

— Да, разумеется... — Симаков запнулся и снова поглядел на Директора. — Э-э... Лаборатория выполняла заказ... Э-э... Заказ одного из...

— Виталий Константинович, — проговорил Директор, по-прежнему глядя в окно. — Товарищ Рыбников — инспектор Управления охраны труда при Совете Министров. Он в курсе.

— Да-да, разумеется, — заторопился Симаков. — Лаборатория выполняла заказ Управления межпланетных сообщений. В сентябре прошлого года нам была предложена исследовательская тема относительно воздействия космического излучения и вообще частиц высоких энергий на психическую деятельность человека. Следовало выяснить несколько вопросов. Какие изменения вызывает такое облучение в сером веществе. Какие именно участки спектра энергий оказываются наиболее эффективными в смысле воздействия. Каковы внешние признаки поражения коры. Существуют ли достаточно простые методы борьбы с последствиями таких психолучевых травм, и как их предупредить... Вот приблизительно в таком плане.

Симаков наконец решился перекинуть ногу на ногу. Впрочем, он сам этого не заметил.

— Лаборатория выполнила эту тему? — спросил Инспектор, играя карандашиком.

— Нет. Еще нет, — озабоченно произнес Симаков. — То есть основные результаты, разумеется, получены, обобщены, готовится доклад, но появилось еще немало любопытнейших проблем. Вот, например...

— Простите, товарищ Симаков, — поспешно сказал Инспектор. — Это страшно интересно, но вот мне сейчас пришел в голову еще один вопрос.

— Слушаю вас, — сказал Симаков. Он казался несколько обиженным.

— А скажите... Вот прибор в небольшой комнатке рядом с вивариумом. Это ведь генератор нейтринных пучков, если я не ошибаюсь.

Симаков насторожился и подобрал ноги.

— Да, — сказал он.

— Это новейшая аппаратура. Вы ее получили недавно?

— Совсем недавно.

— И Комлин работал именно с этим генератором.

Симаков поглядел на Директора и подумал.

— Андрей Андреевич действительно с ним работал, — сказал он и принялся успокаивать бунтующий вихор.

— Почему я спрашиваю? — сказал Инспектор. — Дело в том — вы это знаете лучше меня, — что облучение нейтринными пучками представляется мне как-то не связанным с основной темой лаборатории. Я имею в виду заказ Управления межпланетных сообщений. Нейтрино несет весьма небольшую энергию, и потом... Изучение нейтринного облучения вряд ли может принести практическую пользу, если говорить о нуждах межпланетников...

Директор поджал губы. У него давно болела шея, на площади перед Институтом не происходило ровно ничего интересного. Но он упрямо сидел отвернувшись. Так он выражал свой протест. Директор был молод и страстно ненавидел комиссии и инспекции. Рыбников ему особенно не нравился. «Выпытывает, — думал он со злостью. — Все ясно, как шоколад, но выпытывает».

Симаков сказал нерешительно:

— Видите ли, Андрей Андреевич вел на этом генераторе некоторые эксперименты по своей собственной теме. Это был его собственный замысел...

— А вы в курсе его работы? — прервал Инспектор.

— Да... То есть в самых общих чертах. Я в основном работал над заказом Управления, но... Андрей Андреевич делал недавно доклад, там он говорил кое о чем...

Директор наконец обернулся к ним лицом.

— Комлин сделал этот доклад за два дня до несчастья. Копия доклада приложена к делу, вы можете с ней ознакомиться.

— Обязательно ознакомлюсь, — сказал Инспектор. — А теперь скажите мне, пожалуйста, товарищ Симаков, кто принимал этот нейтринный генератор?

— Я, — сказал Симаков. — Я лично принимаю все приборы, поступающие в лабораторию.

— Генератор был в порядке?

— Безусловно. Генератор работал прекрасно. Я сам отрегулировал его, и Андрей Андреевич был очень доволен моей работой.

Инспектор записал в блокнот несколько слов и поднялся.

— Благодарю вас, товарищ Симаков. Извините, что оторвал вас от работы.

Симаков вскочил, пожал протянутую руку и, неловко поклонившись в пространство между Директором и Инспектором, устремился прочь.

— Минуточку! — окликнул его Инспектор. — А вы не замечали, товарищ Симаков, в последнее время и в день несчастья, в частности, чего-либо необычного в поведении Комлина?

Симаков был уже одной ногой за порогом.

— Н-не знаю... Пожалуй, нет. — Он сделал рукой жест, выражавший удивление и полную неосведомленность.

— Спасибо. — Инспектор сел и принялся вертеть карандаш в пальцах.

Низко над площадью повис небольшой пассажирский вертолет. Сверкая ртутным серебром фюзеляжа, тихонько покачиваясь, принялся медленно поворачиваться вокруг оси. Сел. Откинулась дверца, из черного квадратного отверстия вылез спиной вперед человек в сером комбинезоне, легко спрыгнул на асфальт и неторопливо пошел к зданию Института, на ходу раскуривая папироску. Директор узнал вертолет Рыбникова. «На заправку ходил», — рассеянно подумал он.

Рыбников положил карандаш на стол и сказал:

— Вызовите, пожалуйста, эту девушку-лаборанта, товарищ Леман, будьте добры.

2

Беседа с Еленой Григорьевной Нилиной, старшим лаборантом физической лаборатории Комлина, прошла прекрасно. Этому, вероятно, способствовало то обстоятельство, что в самом начале беседы Директор покинул кабинет, сославшись на необходимость присутствовать на каком-то совещании. «Очень, очень милая девушка», — почти растроганно думал Инспектор все время разговора и называл старшего лаборанта не иначе как Леночкой. «Добрый и милый человек», — думала Леночка и недоумевала, почему Симаков, вылетевший из кабинета бомбой, заявил: «Вежливый бюрократ и въедливый притом» — и принялся разглаживать вихор с таким видом, словно в кабинете его драли за волосы.

Отпустив старшего лаборанта, Рыбников подвел некоторые итоги. Из беседы выяснилось, во-первых, что пострадавший Комлин был человеком совершенно замечательным: талантливый специалист, знает все и обо всем, делает не меньше шести докладов на семинарах ежегодно, пишет чудные стихи, не выходит из лаборатории и пробегает стометровку за десять и пять десятых. Начальник заботливый, чуткий, внимательный, умелый, строгий, всегда спокойный, любитель пошутить, непреклонный в решениях, прекрасный, отличный, не в пример другим, — ангел без крыльев за спиной, но с ежовыми рукавичками в правом верхнем ящике стола.

По правде говоря, все это мало заинтересовало Инспектора: он читал личное дело Комлина, там об этом говорилось, но, конечно, на тон ниже и несравненно более сухо. Гораздо более интересными показались Рыбникову сведения другого рода. Что-то случилось с начальником лаборатории после того, как он сделал первое обзорное сообщение по результатам работы над темой Управления межпланетных сообщений. Сначала он увлекся установкой нейтринного генератора: целыми днями просиживал в маленькой комнате рядом с виварием, просил не мешать, работу по незаконченной теме переложил на заместителя. Это продолжалось две недели. Через две недели Комлин оставил свою келью, совершил обход лаборатории, подписал бумаги, устроил два публичных разноса, очень весело пошутил, засадил Симакова писать полугодовой отчет и вновь заперся в маленькой комнате, прихватив с собой Александра Горчинского, лаборанта.

Здесь следует заметить, что семь главок черновика «Восьмого за полгода» в конечном итоге стали тремя главками окончательной версии, при этом одна главка не вошла в итоговую версию совсем. Одной из причин этого могла быть избыточная категоричность суждений Инспектора, у которого интуиция явно движется впереди фактов, а выводы делаются раньше уяснения всех обстоятельств дела...

Собственно, о причинах несчастья ни один из опрошенных не сообщил пока ничего конкретного. Но Инспектор уже составил для себя вполне определенное представление об

этом деле. В Управлении охраны труда он работал давно, был очень опытен, и в этом деле ему было ясно все, что должно было его интересовать как Инспектора Управления. Ясно, что неисправность аппаратуры, небрежное с ней обращение, неопытность работников здесь ни при чем. Ясно, что нарушения правил безопасности — во всяком случае, в общепринятом смысле — тоже не было. Ясно, что эксперименты Комлина, в чем бы они ни состояли, никому в лаборатории и в Институте повредить не могли, никому... кроме Комлина. Ясно, наконец, что Андрей Андреевич Комлин проводил опыты над собой и никто в Институте — ни Симаков, ни Леночка Нилина, ни тем более Директор — ничего об этом не знал. Ясно также, кто должен знать о причинах несчастья больше других: Александр Горчинский, «личный» комлинский лаборант. Ясно, что этого Горчинского надо вызвать и допросить с пристрастием, и что Горчинский будет путать и отмалчиваться, и что придется на него рявкнуть, и что в конце концов Горчинский, как комсомолец и честный советский человек, которому в конечном счете противны ложь и запирательство, расскажет все, что знает... Ясно и то, что знает он немного и больше подозревает, чем знает наверняка.

Инспектор Рыбников уже сейчас мог бы приняться за «Отчет по делу Комлина Андрея Андреевича, начальника физической лаборатории Центрального Института Мозга» — до такой степени ему было все ясно. Однако надо еще поговорить с Горчинским и изучить материалы, изъятые из сейфа Комлина, и не только потому, что это поможет разобраться в «Деле» полностью и окончательно. Инспектор не был только Инспектором. Он стремился узнать как можно больше о работе Комлина. Интуиция старого научного работника подсказывала ему, что за всеми отрывочными сведениями, которыми он пока располагал, за несчастьем с Комлиным кроется история замечательного открытия, и что не зря Андрей Андреевич Комлин уже четвертый день неподвижно лежит на больничной койке в полусне-полубреду, запрокинув щетинистый круглый череп, покрытый странными кольцеобразными синяками. Говорить он не может, врачи вводят в его организм укрепляющие вещества, и на консилиумах часто и зловеще звучат слова: «сильнейшее нервное истощение, поражение центров памяти, поражение речевых и слуховых центров...»

Комлин сделал какое-то открытие, производя на себе опаснейшие эксперименты. Это было бы подвигом, если бы не считалось преступлением, ибо вот уже столько лет страна жила лозунгом: «Самое важное, лучшее и ценное — это Человек и его судьба».

Итак, Горчинский и материалы. Но сначала Горчинский. Инспектор потянулся к видеофону и попросил:

— Простите, пожалуйста, нельзя ли мне вызвать товарища Горчинского?

— Пожалуйста, — немедленно ответил женский голос. — Саша, вас вызывают.

Видефон донес до Рыбникова какую-то басовитую реплику, в которой можно было разобрать только «Господи!» и «соизволил». Затем дверь распахнулась.

Далее Горчинский «объяснял» Инспектору вопросы нейтринной акупунктуры гораздо подробнее:

— Извольте, — прогудел он, словно раздумывая, — извольте, можно и поподробнее. Изучалось воздействие сфокусированных нейтринных пучков на серое и белое вещество головного мозга, а равно и на организм подопытного животного в целом. Фокусировка производилась последовательно на зональный слой, наружный и внутренний зернистые слои, на ганглиозный слой и на слои больших пирамидальных и полиморфных клеток. Такая именно последовательность эксперимента обусловлена удобством последовательной смены разносфокусированных нейтринных присосков...

Горчинский говорил монотонно, без выражения и с совершенно равнодушным видом.

— ...Попутно с фиксацией патологических и иных изменений организма в целом, производились — с помощью обычной аппаратуры — измерения тока действия, дифференциального декремента и кривых лабиальности в различных тканях, а также замеры относительных количеств нейроглобулина и нейростромина...

— Позвольте, позвольте, — пробормотал пораженный Инспектор. — Что такое этот... нейростролин?

— Нейростромин? — переспросил Горчинский. — Нейростромин — это один из протеидов серого вещества...

— Ага, — произнес Инспектор, багровея вновь: он начал понимать.

— ...относится к рибонуклеопротеидам, — добавил Горчинский, словно извиняясь за необходимость уточнять такие банальные истины.

Инспектор откинулся на спинку кресла и с восхищенной яростью думал: «Ну и подлец! Ну и хулиган! Ну, погоди ты мне...» Директор по-прежнему глядел в окно, дробно постукивая белыми сухими пальцами по столу. Горчинский продолжал, не меняя тона:

— Одновременно производились также микроскопические срезы коры с последующим химико-физическим анализом в целях выяснения изменений, возникающих в нейронах и невроглии. Как известно, в невроплазме кроме обычных в любой клетке органоидов содержатся неврофибриллы и субстанция Нисселя — или, что то же, тигроидное вещество. Оказалось, в частности, что нейтринное облучение задерживает тигролиз и — более того — при определенных условиях увеличивает количество... [Далее текст отсутствует.]

Более подробно описывались и другие случаи нарушения техники безопасности:

— В вашем Институте... А в других институтах? А на предприятиях? Комлин — это восьмой случай за последние полгода. Восьмой! Варварство, варварский героизм... Извольте видеть: в январе двое океанологов-практикантиков — мальчишка и девчонка — выгружают из батистата приборы и самовольно опускаются на дно Сейшельской впадины. Восемь тысяч метров. Мальчишка умер, девчонка отдышалась и заявила, что приборы дают противоречивые показания. В феврале буквально за минуту до старта выволакивают из беспилотной ракеты аспиранта-метеоролога. Очень торопился товарищ, ему нужно было проверить какие-то там данные. В том же феврале на Таймыре взорвалась фотонная ракета. Пятеро сотрудников в ясном уме и трезвой памяти садятся в автомобиль и едут на место взрыва. Двое умирают, трое гниют заживо, заявляют, что добыли ценнейшие данные, и называют вас рутинером и консерватором. Каково? В марте выходит из строя реактор на одной из сибирских АЭС. Кибернетические манипуляторы повреждены, и инженер лезет в реактор голыми руками. В апреле...

— Умер?

— Кто? Инженер? А вы как думаете? И еще были дела... в апреле, в июне.

И в более поздних вариантах черновика «Шести спичек» существуют отличия от окончательного варианта рассказа.

Указание на время происходящих событий в рукописи: «Четвертое поколение социалистического мира». В окончательной публикации — уже «Четвертое поколение коммунистов».

Учитывая, что дело все же происходит в будущем, Авторы убирают замечание директора, обращенное к Горчинскому: «Вы не на суде, Инспектор не следователь. Не будьте мальчишкой... Помогите распутать это дело...». Они вычеркивают типовые для времени написания фразеологические обороты из речи Инспектора. Например, такие: «А дело в том <...> что я не специалист по нейтринной акупунктуре. Я специалист по теории приводов. Всего лишь. И судить по собственным впечатлениям не имею права. Партия послала меня на эту работу не для того, чтобы фантазировать, а для того, чтобы знать. А вы — мальчишка, товарищ Горчинский. Комсомолец, научный работник, а в партизанщину ударился. И еще истерику здесь закатывает».

В окончательном варианте директор распорядился, чтобы вскрыли сейф Комлина с рабочими записями. В черновике читаем:

— Да, документы, — вспомнил Директор. — Они затребованы больницей. Врачи пытались уяснить причину заболевания Комлина, но так ничего и не поняли. Говорят, слишком много физики. — Директор слабо улыбнулся. — Я уже звонил им, документы они перешлют.

И далее Директор сообщает Инспектору свои соображения по этим рабочим записям:

Перед Директором лежали две пачки документов — тонкая и пухлая. Листки тонкой пачки были исписаны ровным четким почерком, по которому опытный графолог без труда установил бы, что имеет дело с человеком волевым, принципиальным, себе на уме, с рассудком, подавляющим чувства. Это были записи Директора. Пухлая пачка содержала чертежи, диаграммы, графики и даже рисунки. Целый ряд листков был покрыт строчками записей, напоминающих арабскую вязь. Здесь были просто листы писчей бумаги, листки из блокнотов, листки из тетрадей в линейку, в клеточку и в косую линейку, квадратики оранжевой и голубой миллиметровки. Нужно было действительно прекрасно знать физику, химию и физиологию, чтобы разобраться в этом хаосе бумаг, безбожно вдобавок перепутанных врачебной комиссией, в рабочих записях Андрея Андреевича Комлина.

В черновиках более подробно описываются сами записи Комлина, перечисляется ряд фактов, большую часть которых Авторы потом убрали.

Комлин начал с экспериментов над животными и получил целый ряд любопытных, но не совсем понятных результатов. Оказалось, например, что нейтринные уколы (терминология Комлина) оказывают на животных действие, аналогичное действию некоторых сильных наркотиков на человека.

«Странно, — писал Комлин, — что общего между мексиканским кактусом пейотлем и потоком нейтрино? Те же эффекты: состояние нирваны, повышенная возбудимость, реакция на внешнее электромагнитное поле, смешение рецепторных восприятий...»

На расстоянии десяти сантиметров от черепа облученной обезьяны помещался сильный электромагнит. Вращение электромагнита вызывало, по-видимому, поворачивание изображения в глазах животного: обезьяна беспомощно размахивала руками, словно пытаясь за что-нибудь ухватиться, и валилась набок. Дальнейшее вращение электромагнита заставляло обезьяну делать попытки встать на голову.

Вероятно, Горчинскому первому удалось заметить, что при сильном звуке облученное животное не только и не столько настораживало уши, сколько жмурилось или закрывало морду, словно от сильного света. Внимательное изучение этого эффекта обнаружило, что зрачок подопытного животного сужался при крике, стуке или ином звуковом раздражении.

«Раздражение слухового органа ведет к возникновению ощущения вспышки света! Полная аналогия с действием пейотля. Непонятно, но интересно. Молодец, Саша!»

Этот отрывок вычеркнут, на полях рукописно: «Зачем пейотль — лучше мецкалин!» И далее — снова более подробные описания экспериментов:

Служитель вивария жаловался, что некоторые из животных иногда словно теряют память, и показывал на руках следы укусов и царапин.

Одна из обезьян совершенно перестала есть бананы. При виде банана вскакивала, начинала жалобно кричать, порывалась спрятаться.

<...>

У некоторых животных вырабатывались новые рефлексy без всякой к тому причины, а старые, выработанные искусственные рефлексy исчезали. Такое ненормальное состояние длилось иногда довольно долго, но всегда не дольше трех суток.

<...>

«Я сказал Саше, что хочу проверить метод иглы на себе. Это ошибка, но я все равно не мог бы от него этого скрыть. И все же это ошибка: мальчишка слишком увлечен проблемой».

<...>

Во всяком случае, сохранилась запись Комлина: «...только что всыпал Саше за опыты. Удручен». Кто именно удручен, неясно. Вероятно, Горчинский.

<...>

Вот что, например, пишет Комлин по поводу одного из замечательных результатов облучения нейтринными пучками.

«Я бы назвал это мнемогенезисом, или творением памяти, как угодно. Более всего это походит на раздвоение личности, но это явление несомненно более сложное и странное. У меня осталось только ощущение необычайно яркого сна, какие бывают чрезвычайно редко. Бывает: проснешься утром и еще не совсем придешь в себя. Одновременно видишь и остатки своего сна — какая-то полужнакомая улица, дощатые заборы, лужица под ногами, — и тут же рядом, на этом и в этом — стены спальни, штора на окне, стеллаж с книгами, сползшее на пол одеяло. Одно в другом и рядом с другим. Минутами я не мог отличить, где бред, а где явь. Прямо из воды бассейна (имеется в виду, вероятно, тот самый бассейн в Голубом парке, где Веденеев видел Комлина в воскресный вечер) поднималась густая чаша, а над ней — сверкающие на солнце серебряные купола. Или какая-то каменистая пустыня, голая, как ноготь, которая однажды всплыла перед глазами, когда я сидел дома в кабинете. Я не мог ничего понять. Минутами мне казалось, что пустыня понятна и близка мне, а стены кабинета — что-то дикое, бредовое.

Меня поражают рисунки. Я не помню, когда их сделал, и я ли. Во всяком случае, сюжеты мне так же незнакомы, как и талант художника. Никто и никогда не поверит мне, что рисунки сделаны моей рукой».

Рисунков было два. Директор показал их Рыбникову. Один из них был на желтоватом блокнотном листе и изображал большого зверя, похожего на пантеру, набросанного несколькими смелыми штрихами, словно наспех. Этот рисунок казался занимательным и не более того. Но другой!..

На большом листе ватмана твердые четкие штрихи сливались в чудесную странную картину: пылающий огонь, несколько человеческих фигур у костра, бесформенная глухая чаша вокруг и темное, неуловимо прозрачное ночное небо с четырьмя узкими светлыми серпами, висящими над вершинами леса... Странное неземное очарование струил этот диковинный пейзаж. Темный ветер, полный аромата незнакомых цветов, влажный и теплый... Шорохи затаившегося леса, крик ночной птицы, дыхание тех, что сидели у костра...

Инспектор, человек пожилой и отнюдь не сентиментальный, ощутил какое-то теснение в груди.

— Слышите? — спросил Директор, едва шевеля губами.

— Да. Надо только взглядеться внимательнее и... я не знаю, как это объяснить...

— Я тоже не знаю, — прошептал Директор. — Но это можно слышать.

Был еще и третий рисунок. Это был, по-видимому, результат попытки Комлина срисовать большого зверя. Рисунок ничего не струил, не вызывал теснения в груди, и его нельзя было слышать. «Детей пугать», — написал Комлин в правом нижнем углу.

«У меня нет объяснения всему этому, — писал далее Комлин по поводу мнемогенезиса. — Либо нейтринное облучение способствует возникновению очень ярких галлюцинаций, и творение памяти здесь ни при чем, либо мнемогенезис. Искусственные

связи в мозгу, дающие впечатление чего-то виденного и теперь приходящего на ум. Интересно бы посмотреть на себя в такой момент. Это должно выглядеть как сумасшествие: возникают новые связи, новая память, а все вокруг остается прежним. Чингачгук, неожиданно и внезапно очутившийся на искусственном спутнике. Это похуже, чем Генька, обнаруживший вдруг в себе умение ходить на задних лапах и неистребимое желание носить поноску».

«Пока я «здесь», меня нет «там». Пока я Комлин, я не Чингачгук. Мнемогенезис нельзя изучать на эксперименте. Во всяком случае, на эксперименте над собой. Разве что рисунки, сделанные рукой Комлина, пока у него была память и умение рисовать Чингачгука. Эти рисунки — большая удача. Это доказательство. И проблема сумасшествия! Подумать».

<...>

Больше по поводу мнемогенезиса в записках Комлина ничего не было обнаружено. Обращает на себя внимание странная и непонятная запись: «Вижу за углом и сквозь бумагу», — и крупными буквами на всю страницу: «Отвертка в кармане у Саши — галлюцинация?»

<...>

Оставшиеся несколько страничек были посвящены наиболее интересному и удивительному из всех открытий Комлина.

— Тут он упоминает о полтергистах, — сказал Директор. — Вы знаете, что это?

Инспектор подумал.

— Нет, — сказал он. — Понятия не имею.

— Это слово взято из арсенала спиритов. — Директор сильно потер щеки ладонями. — Poltergeist — дословно «звучащий призрак». За рубежом это слово теперь употребляется в другом смысле: «человек, способный усилием воли управлять материальными явлениями».

— Гм, — сказал Инспектор недоверчиво и стал слушать дальше.

«Сочинители романов о полтергистах — дураки и мошенники, — писал Комлин. — Никто из них даже не удосужился подумать, возможно ли такое явление, а если возможно, то почему. В романах полтергисты ворочают сейфами — и всё усилием воли. Чепуха в квадрате. <...>»

<...>

Оставался только листок с последними цифрами, полученными уже, вероятно, за несколько часов до несчастья.

— Ну, что вы на это скажете? — спросил Директор.

— Он дошел до шести спичек, — сказал Инспектор задумчиво.

— Комлин — гений! — Директор стиснул руки и стал ходить по кабинету. — Вся физиология мозга — вверх дном. Какая гениальная и простая мысль! Пучок нейтрино... Не хирургический нож, не грубая бомбежка нуклонами и жестким излучением, а маленькими нежными нейтрино! Теперь только работать, работать...

— Вы забыли о Комлине, — сухо сказал Инспектор.

Директор остановился.

— Да... конечно. Комлин... Комлин — гений. Он великолепный человек, и он сделал великолепное открытие. Теперь надо продолжать по его следам.

«Нет, голубчик, — подумал решительно Инспектор. — Директором Института ты не будешь. Ты пойдешь по следам Комлина, но за тобой будут следить, чтобы ты не обрил голову».

Рассказ был опубликован в 1959 году в журнале «Знание — сила» и в сборнике «Дорога в сто парсеков», а годом позже, в слегка измененном виде, в авторском сборнике «Шесть спичек».

При переизданиях продолжали вноситься исправления, хотя теперь уже незначительные. Так, постепенно удалялись слишком наукообразные формулировки и избыточные пояснения (например: «На этом этапе, когда Комлин еще не разрабатывал метод лечения, а только

доказывал его принципиальную осуществимость, никакой прямой необходимости эксперимента над человеком не было»).

В первых изданиях «Шести спичек» были и авторские ошибки, позже устраненные. К примеру, в публикациях 1959 года описывается спиралька, подвешенная в вакуумном колпаке, и тут же, комментируя этот опыт, Комлин пишет в дневнике: «Воздух (насколько я понимаю) начинает в точке приложения поля двигаться турбулентно». Понимает он, конечно, неправильно — воздуха в вакууме нет, поэтому уже годом позже, в авторском сборнике «Шесть спичек», эта фраза убрана.

«Испытание “СКИБР”»

В архиве АБС полностью сохранились две черновых редакции рассказа — ранняя, под названием «Репетиция “СРР”», и более поздняя, уже довольно близкая к публикационным вариантам. В последнем из этих черновиков (причем уже после рукописной правки поверх машинописи) «система роботов-разведчиков» стала «системой киберразведчиков», а название превратилось, соответственно, в «Испытание “СКР”». Впрочем, правка названия продолжалась и дальше: на первой странице той же рукописи «СКР» зачеркнуто и заменено на «Скибр», но в тексте это изменение не отражено.

(Вообще говоря, вариаций краткого наименования кибернетической системы было много и в рукописях, и в последующих публикациях: «СРР», «СКР», скибр, «СКИБР», «Скибр», а кое-где и просто система. Когда использовалось слово «скибр», то оно даже склонялось: скибра, скибров...)

Ранний черновик содержит ряд фрагментов, которых нет ни в одной из последующих версий рассказа. Например, во время испытания (в терминологии данной версии — репетиции) некоторые события происходят совершенно иначе. Так, управляющая роботами-разведчиками машина-«мозг» при встрече с танком не берет его под контроль, а устраняет проблему чисто силовыми методами:

Что-то звонко треснуло, и по ржавой броне башни скользнула ослепительная фиолетовая вспышка. Танк подпрыгнул. Дзан! Над кормой танка взлетел султан белого дыма. Дзан! Дзан! Часть бортовой брони, словно от страшного удара, отскочила и налилась тусклым красным светом. Танк прополз еще немного и остановился. Дзан! Бом! «Кентавры» треугольником стояли вокруг него и по очереди расстреливали «страйками» — крошечными ампулами с замкнутыми в магнитные кольца струйками дейтериевой плазмы. Через минуту несчастное чудовище запылало, и стрельба прекратилась. Стало очень тихо, слышно было, как что-то шипит и трещит в изувеченной машине.

Акимов шумно вздохнул и упал на сиденье рядом с Ниной. Он был бледен. Сермус растерянно покашливал и смотрел на ленивые языки багрового огня. Быков по-прежнему сидел неподвижно, только слегка втянул голову в плечи.

— Очень страшно было, — сказала Нина дрожащим голосом.

Акимов тряхнул головой.

— Да, немного неожиданно, — проговорил он. — Я никогда бы не подумал... «Страйки» даны роботам для разрушения препятствий — стен, завалов...

— Но ведь танк и был препятствием, — сказал вдруг Быков.

Акимов поднял глаза и вновь поймал в зеркале его взгляд, странный, мучительно напряженный, словно он хотел и не мог заставить себя сказать что-то.

— Правда, танк и был препятствием, — как эхо повторил Акимов. — Мы отстаем, — сказал он. — Поехали.

Поскольку танк выведен из строя, его уже невозможно использовать на следующем этапе испытания, и на минном поле приходится подрываться одному из роботов-разведчиков.

— Фон, фитите, Нина Ифановна? — сказал Сермус. — Пелый столпик. Это конец маршрута. Но сейчас путет самое интересное.

Нина еще не успела найти глазами «пелый столпик», когда под одним из «кентавров» внезапно с громом вырос оранжевый веер. Полетели комья земли. «Кентавр» отшатнулся и попятился. «Оранг» остановился. Остальные «кентавры» тоже.

— Имитация икс-обстановки, — сказал Акимов.

— Имитация чего? — спросил Быков.

— Икс-обстановки. — сказал Акимов. — Обстановки, которую невозможно предвидеть. Минное поле.

— Час от часу не легче, — пробормотал Быков. — Как в историческом фильме.

Но Акимов уже не верил в его иронию. Быков, прославленный космолетчик, был чем-то встревожен. И его тревога была необъяснимым образом связана с Акимовым, рядовым инженером-кибернетистом. Это было невероятно, но это было так.

Нина тронула его за руку.

— Смотри, — сказала она тихо. — Ему оторвало ногу...

Вездеход остановился перед краем минного поля. «Кентавр» с черной единицей на спине, облепленный влажной землей, стоял над дымящейся воронкой. На месте левой передней ноги у него беспомощно шевелился короткий обрубок. Нога валялась в стороне в нескольких метрах.

— Ничего, — сказал Акимов рассеянно. — «СРР» — система самовосстанавливающаяся. Завтра к утру все будет в порядке.

В последующих вариантах рассказа «Оранг» еще до минного поля перехватывает управление танком, так что загонять на мины киберразведчиков необходимости больше нет. Однако нет теперь и повода упомянуть об их способности к самовосстановлению.

Концовка рассказа после того, как Быков сделал Акимову, говоря словами другого автора, предложение, от которого он не сможет отказаться, выглядела первоначально так:

Быков стоял лицом к прозрачной стене, глядел на серое небо и думал: сколько лет говорили и писали о конфликтах между чувством долга и тягой к личному счастью. Но кто говорил или писал о человеке, который заставлял сделать выбор?

С минимальными разночтениями та же концовка перешла и в более поздний черновик. Но некоторые сомнения по поводу ее удачности у Авторов, видимо, все-таки были. В рукописи появилась любопытная помета БНС: «Неясно. М<ожет> б<ыть>» «о человеке, которого заставляют сделать выбор». В итоге к черновику на отдельной странице прилагается совершенно другая версия завершающего абзаца, которая затем стала использоваться в части публикаций.

Может возникнуть вопрос: почему только в «части публикаций», а не во всех? Дело в том, что после первопубликации в 1959 году в журнале «Изобретатель и рационализатор» рассказ вышел в следующем году в сборнике «Альфа Эридана» и авторском сборнике «Шесть спичек», причем под разными названиями (соответственно, «Испытание “СКР”» и «Испытание “Скибр”») и с весьма заметными разночтениями. Поскольку в качестве источника текста для многих последующих переизданий произвольным образом выбиралась одна из этих публикаций, у читателей легко могло возникнуть недоумение: какой же из вариантов рассказа является «более авторским»?

В варианте детгизовского сборника «Шести спичек» полностью отсутствует эпизод с минным полем. Видимо, «милитаристскую» линию в книге для детей решено было урезать до первой (и достаточно мирной по последствиям) встречи скибров с танком, а взрывы сохранить только в рассказе «Поражение», где это как-никак незаменимый сюжетобразующий элемент...

Отличается часть разговора Акимова и Нины.

Вариант «Альфы Эридана» (переиздавался в 1986 г. в сборнике «Жук в муравейнике» и в 1991 г. — в библиотечке журнала «Полиграфия»):

— Быков будет лететь долгие годы. День за днем, месяц за месяцем. Вокруг ледяная пропасть. — Она поежилась. — Далеко впереди сверкает крохотная звездочка. Интересно, какая у него жена? И кто она? Ты не знаешь?

— Не знаю, не видел, — сказал Акимов. — Я и Быкова никогда не видел.

— А на аэродроме? Ты ведь встречал нас на аэродроме.

— Я видел только тебя, — признался он.

Вариант «Шести спичек» (переиздавался в собраниях сочинений «Текста» и «АСТ»):

— Быков будет лететь долгие годы. День за днем, месяц за месяцем. Далеко впереди сверкает звездочка... — Она заглянула ему в глаза. — А ты бы полетел?

— Еще бы! — сказал он. Он даже усмехнулся. — Только меня не возьмут.

— Почему?

— Потому что я слишком узкий специалист. А в такие экспедиции отбирают людей с двумя, с тремя специальностями... Мне не чета.

— Все равно, — сказала она. — Ты лучше всех.

Были и иные мелкие отличия. Например, в варианте «Шести спичек» почему-то не упоминается, что Сермус приехал несколько лет назад из Дортмунда, отличается там и название университета, где планирует работать Акимов (Новосибирский, а не Новоенисейский). Но главная разница — в концовке.

Вариант «Альфы Эридана»:

— Дело, собственно, в том, что... Да. Видите ли, две недели назад наш кибернетист сломал позвоночник. Спортивные игры, несчастный случай. Да. Он лежит в госпитале... Говорят, он уже никогда не сможет летать.

«Турболет улетает через полтора часа», — подумал Акимов. И вдруг он понял, о чем говорит Быков.

— Сломал позвоночник? — спросил он. — И никогда уже не сможет летать?

Быков кивнул, не поднимая глаз.

— Никогда. А мы стартуем через неделю.

Тогда Акимов вспомнил ночь, многие ночи, яркий спутник «Цифэй» над бледными тенями далекого хребта. И маленькую хрупкую Нину, которая так счастлива, что они будут вместе и навсегда.

— Я понимаю, — сказал Акимов.

Быков молчал, глядя себе в колени.

— Я понимаю, — сказал Акимов. — Я тоже кибернетист. Вы хотите, чтобы я...

— Да, да, — сказал Быков. — Мы стартуем через неделю. У нас совсем нет времени... Да, конечно. Я тоже понимаю, это тяжело. Шесть лет туда и шесть обратно... И большой риск, конечно... Только... — Он растерянно взглянул на Акимова. — Вы понимаете, экспедиция немыслима без кибернетиста.

Акимов медленно поднялся.

— Что касается работы, — поспешно заговорил Быков, — пожалуйста. Вы можете работать во время рейса. Книги, микрофильмы, консультации... У нас есть отличные математики. Я понимаю, это слабое утешение, но...

Не год, не два, а двенадцать. Это будет двенадцать лет без Нины. Акимов не знал, как он скажет ей. Он знал только, что в его глазах сейчас то же выражение мучительного напряжения, какое он видел сегодня в глазах Быкова.

Он повернулся и пошел к двери. На пороге он обернулся и сказал с горьким удовлетворением:

— Вы, оказывается, совершенно обыкновенный человек.

Быков стоял лицом к прозрачной стене, глядел на серое небо и думал. Да, он, Быков, совершенно обыкновенный человек. Такой же, как и остальные восемь миллиардов обыкновенных людей, которые работают, учатся, любят на нашей планете... и вдали от нашей планеты. И любому из них было бы так же тяжело на его месте. Просто невыносимо тяжело.

Вариант «Шести спичек» (более оптимистический, но, скажем прямо, куда менее достоверный):

— Дело, собственно, в том, что... Да. Видите ли, две недели назад наш кибернетист сломал позвоночник. Спортивные игры, несчастный случай. Да. Он лежит в госпитале... Говорят, он уже никогда не сможет летать.

«Турболет улетает через полтора часа», — подумал Акимов. И вдруг он понял, о чем говорит Быков.

— Сломал позвоночник? — спросил он. — И никогда уже не сможет летать?

Быков кивнул, не поднимая глаз:

— Никогда. А мы стартуем через неделю.

Акимов встал, не спуская глаз с Быкова, и снова сел.

— Мы обратились в Институт экспериментальной кибернетики, — сказал Быков, — и нам порекомендовали вас. Вы абсолютно здоровы, вы отлично знаете свою систему, вы... Разумеется, если вы откажетесь, мы найдем кого-либо другого. Я понимаю, принять такое решение трудно... очень трудно...

— Нет, — поспешно сказал Акимов. — Я согласен. Разумеется, я согласен. Никто лучше меня не знает систему. Лучше меня и Сермуса. Но у Сермуса слабое здоровье...

— Я знаю.

Акимов почувствовал себя спокойнее и вдруг понял, почему Быков вел себя так странно. Звездолетчик Быков опасался, что кибернетист Акимов откажется от участия в полете. И звездолетчик Быков приехал сюда специально для того, чтобы уговаривать кибернетиста Акимова. Акимову стало смешно. Да, Быков — пожилой человек, и он уже забыл, что значит быть молодым и всей душой стремиться к неведомому. Акимов торопливо перебрал в памяти своих друзей и знакомых. Любой из них не стал бы колебаться и минуты.

— Кроме того, — продолжал Быков, — у Сермуса большая семья.

Тогда Акимов вспомнил ночь, многие ночи, яркий спутник «Цифэй» над горизонтом. И маленькую, хрупкую Нину, которая так счастлива, что они будут вместе и навсегда.

— Но мне понадобится помощник, — сказал он возможно спокойнее. — Сервомеханик.

Быков поднял на него бледные глаза и поджал губы.

— Сколько она весит? — спросил он резко.

— Кто? — не понял Акимов.

— Ваша жена, конечно.

Акимов вытер ладонью испарину на лбу.

— Не знаю точно. Кажется, сорок пять килограммов.

— Звездный перелет, — сказал Быков, — это не прогулка. Это опасно...

Акимов промолчал.

— Хорошо! — сказал Быков. — В экспедиции есть две женщины. Пусть будет и третья.

Акимов встал, кивнул и пошел к двери. На пороге он обернулся и сказал насмешливо:

— Не советую вам мерить людей на килограммы, товарищ Быков. С вашего разрешения, я сейчас попрошу Нину Акимову зайти к вам.

Быков отвернулся к прозрачной стене. Дождь прекратился, серые тучи разошлись, открывая синее небо, в каплях на стекле загорелись крошечные радуги. «Старый дурак! — подумал Быков. — Старый брюзгливый дурак! Интересно, сколько поколений еще потребуется, чтобы старые брюзгливые дураки перестали повторять: “Вот были люди в наше время...”?» Он сказал не оборачиваясь:

— Да, пожалуйста, попросите, товарищ Акимов.

Когда готовилось собрание сочинений в «Сталкере», в рассказ были внесены изменения, приближающие текст к версии «Альфы Эридана». (В частности, была, разумеется, включена сцена с разминированием.) По согласованию с Б. Н. Стругацким рассказ получил новое, третье по счету

окончание, обнаруженное в рукописях, — довольно близкое варианту в «Альфе Эридана», но с приведенным выше последним абзацем, где Быков размышляет о совсем иных вещах. Впрочем, массовый читатель, скорее всего, и не заметил этого изменения...

«Забытый эксперимент»

В авторском архиве помимо разрозненных фрагментов обнаружены два полных черновика рассказа. Это ранняя версия с обширной рукописной правкой поверх машинописи и более поздняя редакция, которая гораздо ближе к окончательному тексту.

В первоначальном варианте «Забытого эксперимента» используемое физиками средство передвижения безымянное и именуется атомокар. Название «Тестудо» внесено всюду по тексту при рукописной правке, но понятие «танк высшей защиты» появится уже в более поздних редакциях. Не было в раннем черновике и названия «Институт неклассических механик», лишь в паре мест фигурировала некая аббревиатура ЦГРИС, исправленная затем на ИНКМ.

Прелюбопытные вещи происходили с именами персонажей рассказа. Двое из них при дальнейшей переработке обменялись между собой профессиями и, соответственно, частью реплик. Вместо водителя «Тестудо» Полесова в раннем черновике есть человек с очень похожей фамилией и такими же именем и отчеством — Петр Владимирович Колесов (или просто Петя Колесов), но здесь это молодой физик. Атомоходом же, напротив, управляет Иван Иванович. Он, видимо, тоже достаточно молод, поскольку обычно именуется просто Иваном, иногда Ван Ванычем или Иван Иванычем. (В более поздних версиях, когда Иван Иванович превратился в пожилого физика, он всегда упоминается с полным именем и отчеством.) При чтении приведенных ниже отрывков читателю стоит помнить об этой «рокировке».

Полный разницей наблюдается почему-то с именем и отчеством Беркута: в разных местах рукописи обнаруживаются «Илья Фомич», «Константин Андреевич» и «Авенир Сергеевич». А в опубликованных версиях рассказа этот персонаж вовсе по имени-отчеству не называется — коллеги (Иван Иванович и Леминг) обращаются к нему просто «Беркут», а младший по должности и по возрасту Полесов — исключительно «товарищ Беркут».

Что касается событийной части, то ранний черновик содержит множество мелких и крупных разночтений с известной нам версией рассказа. Помимо прочего здесь гораздо больше и уточняющих описаний, и ссылок на некие предшествующие события, и реплик персонажей. И хотя Авторы при последующей переработке рассказа сочли, видимо, многие из этих подробностей избыточными, некоторые из них, несомненно, заслуживают упоминания.

Ниже представлены более или менее протяженные фрагменты черновика, которые в итоговый вариант рассказа не вошли совсем или вошли в сильно измененном виде.

Несколькими точными штрихами дается понять, что последствия случившейся когда-то в этих местах техногенной катастрофы были действительно ужасны и что об этом нельзя ни на секунду забывать и за пределами «запретной зоны».

— Вылезем? — спросил Беркут.

— Да, — сказал Иван и выключил двигатель.

Беркут крякнул и потянулся к люку.

— А защитные костюмы? — спросил Петя Колесов, еле живой от жары.

Иван замотал головой.

— Не надо. Здесь не опасно. Можно и без.

<...>

— Я вам завидую, — сказал из кухни биолог. — Мы не можем углубляться на ту сторону дальше, чем на двадцать пять километров.

— Сильная радиация? — спросил Беркут.

— Да. У нас есть спецкостюмы, но там они плохо помогают. Там тысячи гектар тайги засыпаны радиоактивным пеплом и совершенно непроходимы. Я просто не представляю, как вы будете пробираться через завалы.

— Ну, у нас все-таки атомокар, — сказал Беркут.

Он встал, подошел к окошку и распахнул его.

— Не открывайте, — сказал биолог, появляясь в дверях с шумящим чайником.

— Душно, — сказал Беркут.

Биолог быстро поставил чайник на стол и захлопнул окошко. Беркут с изумлением глядел на него.

— На свет летят насекомые, — сказал биолог.

— Ну и что же?

— Они летят с той стороны.

— Послушайте, — сказал Беркут. — Неужели они такие страшные — эти животные с той стороны? Со времени взрыва не прошло и пятидесяти лет, неужели мутации?

— Да, — сказал биолог сумрачно. — Мутации.

Изначально у начальника биостанции нет имени, он называется везде просто биологом. В более поздних черновиках при первой встрече он представляется как Круглис. Но в раннем черновике Круглис — совсем другой человек, и вот что сказано в этой связи:

Биолог сказал:

— Эта станция организована лет восемь назад, и до меня здесь был начальником Александр Иосифович Круглис. Он, собственно, и затеял все это дело. На той стороне не прекращаются какие-то физические процессы. Радиация практически не уменьшилась за эти полста лет, и животные страдают ужасно. Первое поколение сейчас уже вымерло, все последующие изуродованы. Мы вынуждены крутиться только вокруг да около и до сих пор знаем еще мало. Круглис однажды рискнул и отправился в глубь территории в обычном спецкостюме. Он принес фотографии и заболел. Его вылечили в конце концов и сняли с работы за недисциплинированность, но то, что он принес...

Биолог отодвинул чашку и закурил.

— Вы сами увидите, что там творится. Эти животные совершенно потеряли инстинкт самосохранения. Они не боятся ни людей, ни машин. Возникают совершенно новые формы — уродливые и страшные. За последнее время в эпицентре происходит что-то вообще уже непонятное. Иногда сотни самых разнообразных животных вдруг устремляются с той стороны без всякой видимой причины и... Это зрелище не для нервных. Мы работаем уже несколько лет, набрали большой материал, но до чего же мало мы способны разобраться в причинах и следствиях. Факты, факты, факты и никаких обобщений... Многие виды просто вымерли. Например, медведи — вымерли нацело. Другие приспособляются, хотя я не знаю, можно ли употреблять этот термин. Приспособление — это реакция организма, нейтрализующая действие окружающей среды, когда эта среда вдруг изменяется. Не знаю, способна ли наша земная жизнь на такую нейтрализацию радиации. Я думаю, они все в конце концов вымрут, все живые существа на той стороне.

— Перспектива, — грустно сказал Петя Колесов.

И еще о радиации, в разговоре перед самым отправлением «Тестудо» с биостанции:

Беркут спросил:

— А какую максимальную радиацию зарегистрировали ваши разведчики?

— Максимально допустимую по программе, — сказал Иван. — Девяносто рентген. Больше они не в состоянии вынести. При данной программе, конечно.

— Это что — в ста километрах от эпицентра?

— Да, — сказал Иван.

— Чепуха какая-то. — Беркут пожал плечами. — Этого же не может быть. У нас же есть радиационная карта этой местности.

— Все верно, Константин Андреевич, — сказал Иван. — Но радиация изменилась резко, скачком.

— Может быть... Впрочем, чепуха. — Беркут замолчал, а потом сказал: — Вот что, Иван Иванович. Во-первых, перестройте программу ваших киберов, и пусть их девяносто рентген не пугает.

- Можно, — кивнул Иван.
- Пусть их не пугает даже двести.
- Хорошо.
- Далее. Я хочу связаться с Лемингом, чтобы он был в курсе. Я думаю, мы все-таки пойдем туда. Надо же кому-то это сделать.
- Правильно, — сказал Петя.

Дальнейшие события происходят уже «за кордоном». Первоначальный вариант сцены, где экипаж «Тестудо» оказывается под действием непонятного излучения, сильно отличается от «канонического».

В кабине было совсем темно, только ярко мигали разноцветные огоньки на Петинем радиопередатчике. Снаружи была ночь, шел дождь, и слышно было, как гудят деревья под ветром.

- Ну что — так и будем сидеть в темноте? — сказал Петя Колесов.
- Могу включить свет, — отозвался Иван. Было слышно, как он возится у пульта управления, щелкая переключателями. — Только свет не поможет. Беркут вздохнул. Свет не поможет — это верно, подумал он.
- А питание вы проверили, Иван Иванович? — спросил Петя.
- Иван помолчал.
- Питание я проверил, — сказал он. — Я вообще уже все проверил...

Яркий голубой свет вдруг ворвался в кабину. Это осветился экран. На мгновение все увидели страшно изломанные, перекрученные стволы сосен, черные, словно обугленные, ветви, густую поросль двухметровой травы и туман. Чуть мерцающий, слоистый голубой туман, в котором тонула тайга, дорога, завалы, сосны, наполовину выдранные из земли, дико растопырившиеся скрюченными корнями... Потом экран погас.

- Понятно? — спросил Иван.

Понятно, подумал Беркут. Экран не работает. Связь с внешним миром прервана. Атомокар стоит, запутавшись в переплетении саженных стволов, и совершенно неясно, что делать дальше.

- А вы заметили киберов? — Петя рассмеялся. Это был нервный смех.
- Да, — сказал Иван. — Жмутся поближе.

Беркут не успел различить кибернетических разведчиков в голубом мареве, но он видел их десять минут назад, когда экран еще работал. Киберы неподвижно стояли в полуметре от атомокара и были похожи на дворняжек, почуявших волка. Они не хотели идти в туман. Точнее, не могли...

- А что если попробовать проварьировать их программу, — сказал Беркут.

— Я уже пробовал, — откликнулся Иван. — Не действует ни одна из программ. Они словно с цепи сорвались... Словно у них система движения отказала, — добавил он.

— Уд-дивительное дело, — сказал Петя. — Температура нормальная, радиация — ничего особенного...

- Семьдесят рентген, — сказал Иван.

— Ну, для них это чепуха, насколько я понимаю. В первый раз вижу киберразведчиков, которые трусят. — Петя снова засмеялся.

- Я тоже, — сказал Иван и принялся щелкать переключателями.

Беркут уперся локтями в колени и положил голову на ладони. Ладони уперлись в прозрачный шлем. Они все сидели в спецкостюмах. Ветер грозно взревел где-то высоко в верхушках уцелевших деревьев и потом затих, и стало слышно, как дождь барабанит по спектролитовому колпаку кабины.

- Передатчик работает? — спросил Иван.

— Нет, — сказал Петя. Он сказал это очень безмятежно. Это звучало так же, как его смех.

- Может быть, все-таки включим свет? — предложил Беркут.

— Давайте, — сказал Иван, и в кабине стало светло.

Иван повернулся и посмотрел на физиков. Шлемы были спектролитовые, они не отражали света, и Беркут очень хорошо видел лицо Ивана — смуглое, длинное, с багровым пятном на правой щеке.

— Передатчик не работает, — сказал Иван. — Экран не работает. Киберы отказали.

Никто не возразил. Возражать было нечего. Можно было только добавить: мы ослепли, потеряли руки и потеряли ноги. И неизвестно, что именно делать дальше.

— Что меня беспокоит, — сказал Петя, — так это странные ощущения.

— Какие? — сказал Беркут.

— А вы ничего не чувствуете? — спросил Петя.

— У меня болит щека, — сказал Иван.

Петя посмотрел на него.

— Нет, — сказал он. — Я имею в виду другое. У меня такое ощущение, словно я отсидел кончики пальцев на руках. Этакое легкое покалывание...

— Пожалуй, — неуверенно сказал Беркут. У него уже давно онемели пальцы, но он не придавал этому значения.

— Потом я время от времени начинаю задыхаться, — сказал Петя, — не хватает дыхания. И какой-то странный шум в ушах.

— Это дождь, — сказал Иван.

— Нет, это не дождь, — протянул Петя.

Все трое замолчали, прислушиваясь к своим телам. Сначала ничего не было, только пальцы казались чужими и что-то действительно тоненько звенело в ушах. Потом Беркут вдруг почувствовал удушье. Он выпрямился в кресле и глубоко вдохнул воздух. Удушье исчезло. Тогда он посмотрел на приборы. Все было в порядке. Ничто в кабине не угрожало человеку, защищенному спецкостюмом.

— Ну как? — спросил Петя.

— Н-да, — сказал Беркут. — Это похоже на горную болезнь.

Иван вдруг закашлялся и прохрипел с трудом:

— Очень похоже. Только я никогда этим не страдал.

— Давайте попробуем еще раз, — сказал Беркут. — Попробуйте включить экран, Иван Иванович...

Снова легкое, недолгое удушье, звон в ушах, немеющие пальцы... Иван повернулся к пульту. Экран вспыхнул на мгновение и погас. Снаружи ничего не изменилось — тайга, завал, туман. Только киберы стояли уже ближе к атомокару. Почти совсем вплотную. Еще двадцать сантиметров, и они попадут в мертвую зону, где их вообще нельзя будет увидеть.

— Туман надвигается, — сказал Иван.

Петя тихонько чертыхнулся и повернулся к радиоаппаратуре.

В чем дело, думал Беркут. Отказали практически все механизмы. Это же невозможно, совершенно невозможно. Ну, хорошо. Снаружи, конечно, не божий рай. Сумасшедшая радиация, воздух ионизирован и не пропускает радиоволны. Но ведь Петя пытался связаться по гравипередатчику. Гравипередатчик отказал тоже. Киберы отступают. Они не работают ни по одной из программ. И эти странные ощущения...

Беркут тяжело глотнул воздух. Душно. В кончиках пальцев быстрые маленькие иголки...

— Вот что, — сказал вдруг Иван. — Я иду напролом.

Пожалуй, подумал Беркут, больше ничего не остается. Но это очень, очень опасно.

— Забираю киберов и иду напролом, — сказал Иван.

На мгновение экран снова осветился. Кибернетические разведчики исчезли. Остался завал, черные, мокрые стволы покосившихся деревьев, слоистый голубой туман.

— Ну что ж, — сказал Беркут. — Двигайте, Иван Иванович.

Иван пошевелился в темноте.

— Все пристегнитесь, — сказал он. — Тщательно пристегнитесь.

Он включил свет. Каждый уселся поудобнее и широкими мягкими ремнями пристегнул себя к креслу.

— Проверь аппаратуру, Петр, — сказал Беркут.

— В порядке, — откликнулся Петя. — Принайтовлена. Наглухо.

— Я пойду медленно, — сказал Иван. — Если мы вылезем из полосы тумана, все будет в порядке. По-моему, все дело в тумане.

— Похоже на то, — сказал Беркут. — Какое-то излучение совершенно нового типа. Наши приборы не улавливают его.

— Ладно, — сказал Иван. — Вы только не извиняйтесь, пожалуйста. Главное — не провалиться в какую-нибудь яму... Но в общем-то могли снабдить вас аппаратурой и поновее.

— Это же нельзя было предвидеть, — сказал Беркут.

— Иван Иванович, вы уж поверьте, — сказал Петя, — это действительно нельзя было предвидеть. Это же совершенно непонятное и неизвестное излучение... Если это вообще излучение.

Иван промолчал.

— И вас, Иван Иванович, тоже могли бы снабдить машиной поновее, если так рассуждать, — сказал Петя. — Чтобы она не реагировала на это поле.

Иван снова промолчал.

— Да и киберы ваши не на высоте, — сказал Петя. — Трусят ваши киберы. Почему бы вам было не взять киберов поновее, чтобы они не трусили этого излучения.

— Перестань, Петр, — сказал Беркут. — Займись лучше своим делом.

Иван выключил свет. В темноте глухо заворчал двигатель, и атомокар тяжело качнулся. Что-то отвратительно захрустело под гусеницами.

— Мои дела в полном порядке, — сказал Петя. — Только не работает гравипередатчик и совершенно ни к черту не годится радиоаппаратура. Этот атомокар просто отвратительно оборудован. Это не супер-УКВ, а старое барахло.

— Перестань, Петр, — сказал Беркут, прислушиваясь к тому, как медленно, но неуклонно немеет тело. Быстрые иголки бегали теперь уже в плечах.

Атомокар гудя и дрожа лез в гору. Выше, выше. Еще выше. Толчок. У Беркута лязгают челюсти. Еще выше — к самому небу. Слепой механизм карабкается по склону бесконечно высокой горы, а с той стороны — обрыв. Вот сейчас. Сейчас. Сейчас...

Экран вспыхнул и погас. Впереди не было завала — только стволы деревьев и туман. Атомокар начал медленно сползать. Беркут, сжимая зубы, чтобы они не лязгали при толчках, слышал в наушниках тяжелое дыхание Ивана. Как он ведет машину? Ведь руки онемели совершенно, иголки пляшут где-то совсем рядом с сердцем. Скоро одна уколется, и конец. Странное, удивительное излучение. Но можно очень хорошо понять животных, которые бегут от голубого тумана...

Сопоставление этого отрывка с его окончательной версией очень наглядно показывает, в каком направлении Авторы изменяли текст. Устранены смысловые повторы, резко уменьшено число диалогов, вся значимая информация из убранных разговоров перешла в описания и ощущения. В то же время появились новые подробности, более выигрышные для создания зримой и психологически достоверной картины происходящего. Это и «шалающие» приборы, и мысли водителя, ожидающего, что реактор вот-вот пойдет вразнос, и упоминание, что он побывал на Горящем Плато на Меркурии, и сетования одного из физиков, что надо было все же рискнуть и прорываться к эпицентру на турболете...

При дальнейшей правке черновика была устранена и любопытная, но ставшая избыточной для сюжета линия с работающим в эпицентре загадочным передатчиком. Кроме того, в первоначальном варианте рассказа очевидцем событий, происходивших здесь до взрыва (то есть почти полвека назад), мог быть только Беркут.

— Черт побери, — сказал Беркут.

Он хорошо помнил эти места, хотя с тех пор прошло уже полвека. Девять семиэтажных зданий стояло здесь тогда, три подземные лаборатории и аэродром. Строились еще два здания и еще одна лаборатория. Тайгу отодвигали прочь, расширяя аэродром. Сейчас здесь был бы город, вполне порядочный город, если бы не это несчастье. Говорят, зарево видели за четыреста километров, и удар отметили все сейсмостанции Земли.

— Все-таки разрушения не так уж велики, — сказал Петя. — Я думал, здесь ничего нет, только голая земля.

Иван сказал медленно:

— Не понимаю, что здесь можно найти. И как вы будете искать.

— Мы будем искать по пеленгам, — сказал Беркут.

Иван покачал шлемом:

— Вы сами говорите, что пеленги очень редки.

— Каждые девять часов с небольшим, — сказал Петя. — И передача длится около восьми минут. Следующая передача, — он поглядел в свои записи, — через полтора часа. Но мы уже сейчас можем найти точку передачи по прежним наблюдениям.

— И что будет дальше? — спросил Иван. — Что вы, собственно, надеетесь обнаружить?

— Этого никто не знает, — сказал Беркут. — За этим мы и пришли сюда. Никто не понимает, как здесь появился передатчик, откуда он взялся и почему молчал сорок восемь лет до сих пор.

— За этим мы и пришли сюда, — повторил Петя.

Иван снова покачал головой.

— Киберов пустить? — спросил он. — Киберы могли бы отыскать радиопередатчик, если он работает на батареях, на гравиакумуляторах или если здесь есть электростанция, атомная, тепловая — все равно.

— Можно, — согласился Беркут.

Киберы на экране быстро побежали по склону воронки и скрылись в развалинах. Иван выключил двигатель и поднялся, с трудом шевеля руками и ногами.

— Устал и голоден, как собака, — сказал он.

— Давайте поедим и вылезем наружу, — предложил Петя. — Пеленг будет через час, не раньше.

— Хорошо, — сказал Беркут. — Давайте. Здесь очень слабая радиация. Это само по себе удивительно.

Решению физиков лезть в развалины предшествуют серьезные размышления и споры.

— А ну-ка дайте координаты, — сказал Беркут и поглядел на Петю.

Иван стал диктовать.

— Точно, — сказал Петя. Голова у него была задрана, губы надуты. Он делал стойку. — Зона, где работает передатчик.

Этого следовало ожидать, подумал Беркут. Там не мог быть обыкновенный передатчик.

— Опять от ваших киберов толку нет, Иван Иванович, — сказал Петя весело.

Беркуту не было весело. Киберы не пойдут на поиск — это ясно. Значит, либо надо возвращаться, либо — идти самим. Конечно, можно вернуться. Без сомнения, здесь, в зоне взрыва, происходят процессы необыкновенные, и экспедиция, увы, не подготовлена для их изучения. Следовательно, делать им тут как будто нечего. Дебет — обнаружено неизвестное ранее поле энергии неизвестного типа, кредит — экспедиция не может это поле изучить за неимением приемников. Ну что ж, и это — немало.

Петя принялся торопливо убирать посуду и остатки еды.

— Я свяжусь с Лемингом, Авенир Сергеевич, — сказал он. — Надо идти туда и посмотреть, в чем дело.

Приемники этого поля, вообще говоря, есть, думал Беркут. Тело. Тело реагирует на это поле.

— Ну так как, Авенир Сергеевич? — спросил Петя.

Леминг, конечно, прикажет отойти. Это правильно, но это бессмысленно. Кому-то ведь надо начинать. Пока об этом поле больше всех знаем мы: его не улавливают обычные приемники энергий — ни электромагнитные, ни микрокорпускулярные, ни даже гравитационные. Следовательно, приемник изготовить невозможно и невозможно оборудовать механизм, улавливающий это поле. Остается тело. Легкое удушье, онемение, укол в сердце. Может быть, холмики белой плесени на коже и на глазах. Тело. Все равно, чье. Например, наше.

<...>

Развалины лежали молчаливые и черные под высоким солнцем, и противоположный край воронки плясал в жарком мареве. Все молчали, а потом вдруг заговорили разом и спорили до тех пор, пока вдруг не запел передатчик. Это снова заработала таинственная станция, посылая сигналы откуда-то из руин. Тире-точка-тире-точка-тире, тире-точка-тире-точка-тире... Надо было идти по этим пеленгам. Потому что сигналы были необъяснимы. Потому что их надо было объяснить. Потому что никто не мог понять, откуда они берутся. Потому что они были связаны со странным излучением, единственным приемником которого пока было тело. Мое тело, твое тело или тела наших товарищей...

В подземелье, согласно прежнему «штатному расписанию», лезут Беркут и Колесов. Иван остается в машине, и между ним и Лемингом происходит примечательный разговор, из которого выясняется, что о сохранившемся «двигателе времени» неведомо не только водителю, но и прочим членам экспедиции. В более поздних редакциях физики информированы гораздо лучше, они изначально знают, что ищут, поэтому надобность в эпизодах с передатчиком отпала.

Сначала он связался с кабинетом Леминга. Это ему удалось не сразу, но потом голос из репродуктора произнес:

— Алло, двенадцатый! Беркут, слушай меня. Я — Леминг.

— Ну! — сказал Иван свирепо. Ему не понравился этот голос. Кроме того, он хотел не слушать, а сообщать.

— Беркут, Беркут. Слушай приказ. Немедленно уходи. Атомокар находится в зоне работы «двигателя времени». Возможны взрывные явления. Уходи немедленно. Как меня понял? Повтори.

Иван несколько секунд оторопело глядел на передатчик, потом сказал:

— Ни черта не понял насчет «двигателя времени». Уйти не могу. Беркут и Колесов в подземной лаборатории. Уйти не могу. Слышите? Уйти не могу.

Репродуктор некоторое время молчал. Иван перешел на прием и сидел, кусая губу, — ждал.

— Слушай, водитель, — сказал наконец голос. — Отведи машину как можно дальше и жди. Высылаю турболет с базы ЦГРИС в Лантаниде. Понял меня?

— Понял, — сказал Иван. — Отвести машину и ждать.

Черта с два, подумал он.

Дальше Иван лезет в подземелье, вытаскивает на себе Беркута, а Петя Колесов идет за ними сам (то есть ролями в этом эпизоде меняются уже все персонажи). А затем дело подходит к финалу со всеми необходимыми объяснениями. Здесь тоже многое отличается от «канонической» версии:

Беркут пришел в себя и сразу сел в кресле озираясь. Иван и Петя смотрели на него. У них были очень серьезные лица.

— Слава богу, — сказал Иван и перевел дыхание.

Петя заулыбался. Беркут вспомнил клубки голубого света, зажмурился и спросил:

— Все целы?

— Вполне, — сказал Иван, улыбнулся и стал смотреть на экран.

Атомокар стоял снова на гребне воронки. Отсюда были видны исковерканные обломки какого-то механизма. Изломы металлопласта ярко блестели на солнце. Беркут вспомнил, что это — автоматический турболет. Леминг говорил ему о нем. Этот турболет был послан на разведку полтора месяца назад, когда впервые были пойманы сигналы передатчика, работающего в эпицентре. Турболет не вернулся. Ему повезло меньше, чем нам, подумал Беркут.

— Петр, — сказал он. — Свяжись с Лемингом.

— Леминг выслал сюда турболет, — сообщил Иван, обернувшись.

— Гм, — сказал Беркут. — Не стоило бы. Здесь уже есть один турболет.

— Есть связь, — сказал Петя.

Беркут поднялся. Тело было легкое, даже следа не осталось от томительного бессилия, пронизанного тысячами иголок.

— Леминг, — сказал Беркут в микрофон. — Я Беркут. Слушай меня внимательно.

— Немедленно убирайтесь оттуда, — рявкнул Голос.

— Спокойно, Леминг, — сказал Беркут. — Слушай меня внимательно. В зоне взрыва уцелела подземная лаборатория. Я теперь вспоминаю. Пятьдесят лет назад здесь был начат эксперимент по осуществлению преобразования хода времени в энергию. Был заложен двигатель времени. Отдача его мала. Но с течением времени энергия накапливалась. Значительных выходов энергий ожидали лет через двадцать пять — тридцать. Произошел взрыв в лаборатории мезонов. Институт погиб. Но двигатель времени уцелел, он работал, он излучал за счет хода времени. Это же асимметричная электродинамика, Леминг. Вспомни! Такой же двигатель заложили семь лет назад на Амазонке.

— Господи, — сказал Голос. — Ты что, не говорил с водителем?

— Нет, — сказал Беркут, оглядываясь на Ивана. — Я не успел.

— Я уже радировал вам, — взревел Голос. — А теперь убирайтесь оттуда, пока целы!

— Спокойно, Леминг, — сказал Беркут. — Убираться отсюда не надо. Присылай сюда людей. Больше людей. Пришли Кузьмина, Еселеву и Акопяна. Обязательно пришли Акопяна, Леминг!

— Во-первых, я уже выслал турболет, — сказал Голос необычайно язвительно, — там летят два врача. Один из них Никольский — он вправит вам мозги. Во-вторых, уходите, потому что возможны взрывы. Я говорил с Акопяном. Он, кстати, тоже летит.

— Ну, — сказал Беркут. — Если он летит сюда, какой смысл нам уходить отсюда. Вспомни периодичность взрывов, Леминг. Следующий взрыв будет не раньше тридцатого.

Репродуктор некоторое время молчал, потом изрек:

— Ладно. Только не рискуйте. Там черт знает какое излучение.

— Это излучение, по-моему, не из опасных, — сказал Беркут. — Оно только временно парализует. Мы уже нюхнули пороху.

— Ладно, — повторил Голос. — Желаю удачи. Не рискуйте.

Беркут отвалился на спинку кресла, посмотрел на своих спутников и сказал:

— Это началось в середине прошлого века. Был разработан принцип «вечного двигателя», выделяющего энергию за счет хода времени. То есть за счет особого свойства времени различать будущее от прошедшего, причину от следствия...

— Причинная механика, — сказал Петя Колесов и покосился на Ивана.

Тот промолчал.

— Да, — сказал Беркут. — Этот принцип позволял создать механическую систему, вырабатывающую энергию «из ничего». Время тоже обладает энергией, и эту энергию оказалось возможным выделять. Но производительность такого механического двигателя была мала. Требовались сотни лет, чтобы выход энергии стал положительным и сколько-нибудь существенным. Но потом был осуществлен двигатель электромагнитного типа. Его построили и запустили в этом институте, когда я был еще семнадцатилетним лаборанчиком лаборатории сверхвысоких частот. В то время я только краем уха слышал об этой работе. У меня не хватало знаний, чтобы все понять и усвоить. А потом был взрыв. О поставленном эксперименте забыли, потому что погибли все, кто ставил его. И потому что было так много другой работы. И вот теперь, когда двигатель стал давать чудовищные массы энергии — энергии совершенно особого типа, заметьте, — как-то никому не пришло в голову, что здесь происходит...

Беркут помолчал и добавил:

— И этот радиопередатчик. Это казалось мистикой. А на самом деле он установлен при двигателе и питается от него. Он и установлен на тот случай, если за пятьдесят лет произошли бы какие-нибудь перемены. Вот и все.

Все долго молчали, и Иван думал, что понял он очень мало и что просто позор, имея дома книжку «Асимметричная механика и электродинамика», до сих пор не прочитав ее. Потом Петя сказал:

— Турболет.

В ясном небе показалась блестящая точка. Она повисла над воронкой и стала медленно опускаться, разрастаясь.

— Гравилет, — поправил Иван угрюмо.

— Акопян летит, — сказал Беркут мечтательно. — Ну, теперь держитесь.

Петя долго молчал, следя за опускающейся громадиной, и потом сказал задумчиво:

— Это будет чертовски трудное дело: расчистить весь этот район и избавиться от радиации.

— Ничего не поделаешь, — сказал Беркут. — Придется.

Нетрудно заметить, что само объяснение сути «двигателя времени» было сначала весьма кратким. В более позднем черновике, где все имена и профессии у героев уже вполне «каноничны», Авторы решили расширить это описание. Но в результате детализация оказалась даже несколько чрезмерной. Там были, например, такие фрагменты:

Вот что узнал Полесов.

Еще в конце прошлого века были получены экспериментальные доказательства анизотропности времени — неодинаковости свойств времени по направлениям. «Атомы времени», наименьшие в природе промежутки (в которые время еще остается временем, вставил Иван Иванович), оказались различными для прошлого и будущего, для правого и левого, для подвижного и неподвижного, для причины и следствия. Еще раньше один талантливый ленинградский ученый высказал предположение, впоследствии блестяще подтвердившееся, что ход времени связан с определенной энергией, подобно тому как связана энергия с массой по известной формуле Эйнштейна. Была установлена зависимость между «атомами времени» и их энергией, определены условия освобождения этой энергии, показана принципиальная возможность «двигателя времени» — устройства, осуществляющего преобразование хода времени в энергию.

Кстати, и это известно сейчас каждому школьнику, главным источником энергии Солнца и звезд, а также планет-гигантов, являются не термоядерные реакции, как считалось раньше, а именно разница в ходе времени в северных и южных полушариях этих вечных волчков. Термоядерные реакции есть всего лишь побочное следствие причинно-механических процессов — это было доказано Лемингом и Иваном Ивановичем, которые несколько лет наблюдали Юпитер на знаменитой «Джей-станции» на Амальтее, Пятом спутнике планеты-гиганта.

Наконец, на этом принципе были рассчитаны различные механические системы. К сожалению, сразу же выяснилось, что производительность таких причинно-механических систем ничтожна. Для самых совершенных из них требовались сотни лет, чтобы выход энергии стал положительным и сколько-нибудь существенным. Но развитие причинной механики привело к созданию причинной электродинамики, и здесь дело пошло легче. Теория показала, что причинно-электродинамические системы выдадут энергию значительно скорее.

<...>

— Вот-вот. Вы видели там высокие прозрачные колонны? Это энергоотводы. Двигатель расположен этажом ниже, а энергия стекает в эти колонны, накапливается в них и время от времени выбрасывается. Мы в Институте пробовали рассчитать, в каком виде должна выделяться эта энергия. В недра Солнца, да и в недра Юпитера, заглянуть пока невозможно, и были разработаны две гипотезы. Одна утверждала, что из разницы в ходе времени рождаются готовые минимума-частицы — нейтрино, гравитоны, негатрино, позитрино. Но подтвердилась, по-видимому, вторая гипотеза, которую разработала группа Леминга. Леминг выдвинул понятие проматерии, некантованной основы всех частиц и электромагнитных колебаний. Выделяясь большими массами, она должна частично квантоваться на частицы и античастицы, фермионы и бозоны и на электромагнитные поля, а частично вступать во взаимодействие с уже готовыми, наличными атомами и полями.

— Голубой туман?

— Вероятно. Для проматерии нет преград, поэтому она легко проникла в наш танк и так неприятно воздействовала на приборы и на наши тела. И на кибернетических разведчиков. Природу этого воздействия еще предстоит выяснить... И вообще здесь много предстоит выяснить. Первый действующий двигатель времени!

Первый из этих фрагментов был изъят из окончательной версии рассказа совсем, а во втором всю объяснительную часть вполне успешно заменила фраза: «А в каком виде выбрасывается, в общем-то никто не знает».

Рассказ публиковался сначала в журнале «Знание — сила» (1959), а затем в сборнике «Шесть спичек». В собраниях сочинений переиздавался только второй из этих вариантов.

Отличий в этих изданиях очень много, но в основном они мелкие и несущественные, хотя порой встречаются и достаточно любопытные. Причиной некоторых из них явно была специфика «детгизовского» издания, вынудившая Авторов отказаться от слишком «взрослых» подробностей. К примеру, в журнальном варианте лось-мутант описан так же, как в черновиках: «Беркут увидел его рога. Они потрескались и сочились кровью. Белая скользкая плесень покрывала рога». Вариации отдельных слов в разных изданиях порой тоже представляют интерес. Фонарь над шлагбаумом в сборнике стал из ядовито-красного малиновым. Биолог стал обращаться к Полесову не «уважаемый», а «мальчик». Мутации характеризуются уже не как «страшные и уродливые», а как «странные и удивительные». Крапиву Иван Иванович называет не «сволочью», а «просто сущим наказанием». «Причинная механика» стала «тау-механикой». И так далее и тому подобное...

«Частные предположения»

Этот рассказ интересен тем, что вполне обычная для черновиков многовариантность здесь перешла и в публикации. Существуют две сильно отличающиеся друг от друга печатные версии, главное различие которых — во второй главе. Хотя в обоих случаях события излагаются от лица Ружены (жены звездолетчика Петрова), это совершенно разные фрагменты, почти не сводимые один к другому. Поэтому, в частности, факт наличия двух вариантов даже специально оговорен в библиографических описаниях «Частных предположений».

Изучение черновиков позволило узнать еще более любопытные вещи. Сохранился текст, во многом похожий на одну из версий будущей второй главы: вечерний разговор Ружены с Валей

Петровым вскоре после его возвращения из звездной экспедиции. Но есть два существенных отличия. Во-первых, глава написана хотя и в третьем лице, но с точки зрения самого Петрова, а не его жены. Во-вторых, часть имеющегося здесь материала позднее составила новую, завершающую главу рассказа, где звездолетчик Валентин Петров подробно вспоминает о том, что же произошло с ним и его товарищами. Его именем эта глава и стала называться, а обновленная вторая глава осталась за Руженой.

Имеющийся в архиве машинописный текст был сначала безымянным, а заглавие «Астролетчик Валентин Петров» дописано карандашом уже позже. Вот как выглядит эта глава с учетом позднейших авторских правок.

Астролетчик Валентин Петров

— Будет дождь, — сказала Ружена.

Они сидели на диване перед окном и глядели в низкое хмурое небо над матовыми крышами города.

— Да, — сказал Валя. — Я очень давно не видел дождя. Там не было дождей.

— Почему? — спросила Ружена.

— Не знаю. Не было.

Быстро темнело, и они сидели, не зажигая света. Валя посмотрел на свою ладонь, лежащую на пальцах Ружены. Ладонь казалась темной, почти черной. Ружена положила голову ему на грудь и обняла его за плечи.

— Не надо, Руженка, — тихо сказал он.

Ружена почувствовала под своими пальцами его пустой рукав.

— Не говори глупостей, — сказала она.

— Но это же, наверное, очень неприятно...

— Не говори глупостей, — повторила она. — Лучше помолчи.

— Мы и так все время молчим, — сказал он.

Она не ответила.

Ветер колыхнул поднятую штору, и было слышно, как сзади в комнате зашуршала бумага. Ветер был довольно холодный и влажный. Валя закрыл глаза.

— Как здорово — ветер, — сказал он.

Ружена спросила:

— Ветра там тоже не было? — она говорила невнятно, и он почувствовал ее шевелящиеся губы сквозь рубашку. Губы были горячие.

— Там тебя не было, — сказал он.

В городе зажглись огни, и тучи стали красноватыми и опустились еще ниже. Потом пошел дождь. Он барабанил по стеклам, и порывы ветра приносили много крупных мокрых капель.

— Хочешь, я закрою балкон? — сказала Ружена.

— Ой, не надо! — сказал он.

Она засмеялась тихонько, и он стиснул ее пальцы. Она перестала смеяться и сказала:

— Валька! — у нее был очень напряженный голос.

Он отпустил ее руку.

— Сумасшедший, — сказала она.

— Прости, Руженка, я не хотел...

Она подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— Ты стал какой-то железный, — сказала она. — Твердый, как полено. И ужасно сильный.

— Да, — сказал он. — Так и должно быть. Я стал невозможно сильный. Все калеки — сильные.

— Не в этом дело, — сказала она. — Это — не от того...

— Да, — сказал он. — Не от того. Это от перегрузок...

— Не надо, — сказала Ружена. — Не надо рассказывать. Подожди.

Она снова положила голову ему на грудь и затихла, прижавшись. Дождь все шел, крупный и сильный. У балконных дверей скопилась лужица, и струйка черной воды медленно поползла по полу в комнату. Валя следил, как она ползет, подбираясь к его ногам. Он вдруг вспомнил, как умер Сережа Завьялов, и такую же черную струйку на шершавой поверхности пульта управления.

— Не надо, — сказала Ружена.

Он понял, что снова сжал ее руку слишком сильно.

— Прости, — пробормотал он. Он старался не глядеть на струйку воды у своих ног.

— Не надо вспоминать, — сказала Ружена. — Постарайся сегодня ничего не вспоминать. Не будем сегодня вспоминать.

— Очень жалко Сергея, — медленно сказал он.

— Очень, — сказала Ружена. — Он был такой славный.

— Он был замечательный, — сказал Валя.

Ружена молчала. Она знала, что это не забыть. Не забыть, как тот отвратительный толстяк сказал: «Петров просто испугался. Это бывает в Пространстве». И как всего неделю назад пришел Саня Кудряшов и сидел целый вечер, согнувшись у стола, молчаливый и жалкий. И она знала, что он так любит, что страшно сидеть с ним рядом, и думала, что это судьба, а Саня вдруг сказал: «Ведь он же мог просто погибнуть, Ружена. Просто погибнуть в обыкновенном рейсе». Он хотел утешить ее и поэтому сказал так. Она простила бы его, если бы Валя не вернулся. Через год или два она простила бы его, потому что он был прав. Те, кто так любит, всегда правы. Но Валя вернулся, и теперь тот вечер надо забыть. Хорошо бы забыть сегодня же...

Они оба вздрогнули, когда зазвенел телефон, и Валя посмотрел на Ружену нерешительно.

— Это не ко мне, — сказала она и отвела глаза.

Телефон зазвонил снова.

— Вот черт, — сказал Валя.

Она молчала. Телефон зазвонил снова, и она отодвинулась и села, поджав ноги на диване, и стала поправлять волосы. Она молчала и смотрела в окно на дождь и слышала, как Валя прошел через комнату и включил стереозвук. Стены засеребрились голубоватым светом, и Валя сказал сердито:

— Ну, что?

Ружена оглянулась. На экране темнело насупленное лицо Ларри.

— Помешал, — сказал он сумрачно.

— Ладно, — сказал Валя. — Рассказывай, что случилось.

— Ничего не случилось, — сказал Ларри. — Просто я подсчитал гравитационную поправку. На Земле прошло двадцать девять суток и семь часов, значит, поправочный коэффициент...

— Иди ты к черту, — сказал Валя почти ласково, но Ружена знала, что он не шутит.

Ларри тяжело вздохнул и несколько раз кивнул головой.

— Хорошо, — сказал он.

Валя стоял перед экраном и ждал. Ларри снова вздохнул.

— Артур улетел в Булонь, — сказал он. — Улетел, как сумасшедший. Ты с Руженой... Я решил подсчитать и...

Он замолчал, всматриваясь в лицо Валентина. Валентин молчал.

— Спокойной ночи, — сказал Ларри.

— До завтра, Ларри, — сказал Валя.

Экран погас. Ружена слышала, как Валя резко отключил телефон. Что-то упало со столика перед экраном и покатилося по полу. Потом Валентин подошел к балкону и закрыл дверь. Ружена встала.

— Будем пить чай, — сказала она. — Хочешь?

— Угу, — сказал Валя. Он стоял, сутулясь, черным силуэтом на фоне красноватых туч. — Значит, Ашмарин и Гало в Пространстве. Бедный Ларри... Он один сейчас.

— Надо было позвать его, — сказала Ружена.

— Нет, не надо, — сказал Валя. — Давай пить чай.

Он прошел через комнату и включил свет.

— Ничего не изменилось, — сказал он, оглядываясь. — Будто и не было этих семнадцати лет.

— Двадцати девяти дней, — сказала Ружена. — И семи часов в придачу.

— Да, конечно, — сказал он и засмеялся.

Глаза у него заблестели, и он стал похож на прежнего Валентина Петрова. Он был таким же много лет назад, в Дао-Рао, где они познакомились во время подводной охоты. Никакой рыбы не было, и они просто постреляли из пневматических ружей по водорослям, а потом долго сидели на песке и разговаривали. Он был быстрый, стремительный в движениях и все время острил. Видно было, что он очень хочет понравиться, но понравился он не сразу. Он понравился, когда перестал острить.

Ружена принесла чай и налила ему в его любимую кружку, а сама села напротив и стала смотреть, как он пьет.

— Замечательный чай, — сказал он с наслаждением. — Только ты умеешь делать такой чай.

— Я совершенно не умею делать чай, — сказала Ружена. — Я в этом ничего не понимаю.

— Порта варил удивительный кофе, — сказал Валя.

И он стал рассказывать, как Порта варил кофе и они вшестером пили его из маленьких чашечек, которые Порта возил с собой во все экспедиции. Кофе был очень горячий и черный, и было удивительно вкусно отхлебывать его маленькими глотками и заедать сливовым вареньем, и Порта сокрушался, что нельзя курить на корабле. Он говорил, что кофе состоит из кофе, варенья и табачного дыма, но никто ему не сочувствовал, потому что из всех шестерых он курил один. Вахтенный загонял его в ванную и там ставил под вентилятором, и Порта сидел там в мрачном одиночестве и злился. Но он ничего не мог поделать — таковы были правила.

— Он ужасно сердился, — сказал Валя. — А потом, когда начались перегрузки...

Он замолчал и уткнулся в чашку.

— Ну, — сказала Ружена.

— Потом он уже не сердился, — сказал Валя. — Налей мне еще.

— Нет уж, — сказала Ружена. — Теперь ты рассказывай. Ты ведь еще ничего не рассказывал. Рассказывай про перегрузки.

Валя смотрел на нее, как она разливает чай. У нее были белые тонкие руки, и она очень неумело орудовала чайником.

— Слушай, — сказал он. — Ты сто лет не поила меня чаем.

— Рассказывай про перегрузки, — сказала Ружена. — Очень были большие?

— Перегрузки были ой-ей-ей, — сказал он. Как об этом расскажешь. Это надо испытать.

— Очень интересная информация, — сказала она серьезно. — Исчерпывающая. Ой-ей-ей — это значит раза в три-четыре?

— Умгу, — сказал он в чашку.

Перегрузки были шестикратные и доходили до восьмикратных. На обратном пути, когда Сережа Завьялов умер, они в течение двух месяцев летели с восьмикратными перегрузками. Но труднее всего было в начале перелета, когда они еле-еле выносили четырехкратные перегрузки. Они могли только лежать в амортизаторах. Автопилот наращивал ускорение на один процент в сутки. Вместе с ускорением рос вес тела. Через семьдесят дней он увеличился в два раза, через сто дней — в три, через сто сорок — в четыре раза. Через сто шестьдесят дней только Сабуро Микими мог пройти от кают-

компании до рубки, не потеряв сознания по дороге. Остальные могли только ползать, а маленький толстый Порта мог только лежать. В глазах плавал красный туман, обвисала кожа на лице, покрываясь трещинами от чрезмерного натяжения, желудок отказывался принимать твердую пищу, и кости отвратительно хрустели в суставах при каждом движении... Они надеялись приспособиться со временем. Они приспособились, но на это понадобились годы. Все высохли — даже Порта, — окрепли кости, и мышцы стали твердыми. Но на это понадобились годы...

— Валя! — тихо позвала Ружена.

Он не сразу очнулся. Он сидел перед ней и глядел куда-то мимо нее. Воротник рубашки расстегнулся, и в вырезе темнела сухая коричневая грудь с выступающими ключицами.

— Мы большие молодцы, — сказал он медленно. — Мы настоящие космогаторы.

Он думал о перегрузках и о том, что немногие из нынешних пилотов были бы способны повторить такой перелет. Но им не понадобятся такие перегрузки. Теперь ясно, что можно идти при троекратных, максимум четырехкратных, перегрузках. Но мы-то этого не знали, подумал он и сказал:

— Хочешь знать, почему мы вернулись так быстро?

— Очень, — сказала Ружена.

— А как ты сама думаешь?

Ружена покачала головой.

— Н-не знаю, — сказала она. — Ты сказал, что локальное время перелета — семнадцать лет.

— Да.

— Земное время перелета — полтора месяца. — Она снова покачала головой. — Я знаю, вы шли на субсветовых скоростях. Значит, релятивистские эффекты были велики, но специальная теория относительности дает обратный эффект. На Земле должно было пройти больше времени, чем на вашем корабле. — Она закусил губу. — И потом... Специальная теория относительности здесь вообще неприменима. Ведь вы шли с ускорением. Вы все время находились в гравитационном поле.

— Умница, — сказал он с нежностью. Она смотрела на него немного испуганными глазами. — Нет, ей-ей, умница. Ты схватила суть!

— Правда? — сказала она.

Он полез через стол поцеловать ей руку и уронил чашку. Чашка упала на пол и покатилась, оставляя за собой водяную дорожку. Валя поднял чашку и уронил стул.

— А ну его к черту, — сказал он и пнул стул ногой. — Ты схватила самую суть, Руженка, и мне тебе больше нечего объяснять. Все равно ты больше ничего не поймешь, жалкий гуманитар.

Он все-таки поднял стул и уселся на него верхом задом наперед.

— Я тебе только вот что скажу. Как ведет себя время в системах, движущихся ускоренно, не знал до нас никто. Были только разные частные случаи. Знаешь, как это пишут: «Таким образом, при некоторых частных предположениях относительно силового поля...» и так далее. А мы теперь знаем — доказали на опыте: при больших ускорениях, на субсветовых скоростях можно управлять временем. Можно сделать так, что звездолет вернется через сто лет, а пилоты состарятся на год. Что-нибудь в этом роде будет с Быковым и с Горбовским. Они вернутся молодыми, но Земля состарится. У них мало ускорение. А если лететь так, как летели мы, все будет наоборот. Постаревший пилот возвращается к своей по-прежнему юной супруге. Здорово я тебе все объяснил?

— Здорово, — сказала Ружена.

— Не велик ли я?

— Велик, — сказала Ружена.

Он снова был Валею Петровым. Он смеялся во весь рот и очень гордился собой.

— Не я ли глава семьи?

— Ну, конечно же, — сказала Ружена.

— А ты понимаешь, как все это здорово?

— Еще бы, — сказал Ружена. Она понимала. Он никогда больше не уйдет от нее надолго. Он будет возвращаться постаревший и окаменевший от перегрузок, но он будет возвращаться скоро. Мириады километров разделят их, но никогда их не разделят годы.

— Завтра нагрянут гости, — сказал Валя и потянулся. Было очень странно и непривычно видеть, как он потягивается с одной рукой. — И надо лететь к министру. И надо готовить доклад...

— Вы привезли много материала? — спросила Ружена.

— Мы привезли массу материала. Мы привезли фильм «Планета Ружена, на которой не бывает дождей».

— А там правда не бывает дождей? — сказала Ружена. Ей было очень приятно.

Он вспомнил белесоватое небо, потрескавшуюся глину под ногами и ослепительно сверкающие под белым солнцем низины, покрытые сухой солью.

— Один раз мы там увидели облачко, — сказал он. — По этому поводу Порта варил кофе. Ружена — очень сухая планета. И там солнце — не в пример нашему — белая звезда ВК 17073. По сравнению с ним — наше солнце просто медный таз.

Он вскочил, выбежал из комнаты и вернулся с изумрудной тростью.

— Смотри, — сказал он. — Зеленая кора, а под ней розовая древесина. Это белковая растительность. Но Порта нашел там и небелковую жизнь.

Трость была очень тяжелая, и на ней глубоко была выжжена надпись «Ружена». Ружена потрогала коричневые буквы.

— А что случилось с Порта? — тихо спросила она.

Валя не ответил. Он никогда не отвечал на такие вопросы.

— Мы привезли девятнадцать культур разных микроорганизмов, — сказал он. — Штук тридцать гербариев, такое вот зеленое дерево в кадке и целую батарею банок с заспиртованным населением. И мы привезли такую коллекцию минералов... Я могу тебе назвать двадцать человек, которые облизнутся, увидев все это. И в первую очередь Константин Робертович Ченчик.

Ченчик был замминистра по внеземным ресурсам.

— Ты снова полетишь туда? — спросила Ружена, разглядывая трость. Она спросила совсем небрежно, совершенно между прочим, и Валя улыбнулся. Она очень внимательно рассматривала трость.

— Конечно, нет, — сказал он. — Туда полетят другие. Там будет оборудована база. Ружена — очень удобное место для базы. С Ружены мы будем стартовать дальше — к системе ВК 902, а оттуда к ВК 1335 — к красному гиганту. Это очень далеко.

Она все рассматривала трость. Он хотел еще рассказать про Тайю, звезду, к которой они летели и которая обманула их надежды. Там не оказалось планетной системы. Тайя была двойной звездой, и у нее был спутник — красная, почти потухшая звезда. По поверхности спутника ползали большие темные пятна, и Ларри обнаружил у него медленную неправильную пульсацию гравитационного поля. Это было очень важно, но Порта требовал планету. Теплую, окутанную атмосферой планету, полную жизни. Порта был биолог, хотя знал, кажется, все на свете, кроме дескриптивной лингвистики, и он очень настаивал на перелете к ВК 17073. Там они открыли Ружену. Там остался Порта, а Микими и Сережа Завьялов оставили там так много своей жизни, что им не хватило ее на обратный путь. Это все-таки было ошибкой — лететь к ВК 17073, подумал Валя. Надо было не слушать Порта и возвращаться прямо от Тайи.

Он тряхнул головой и сказал:

— Пойдем на балкон, Руженка. Погасим свет и будем смотреть на город.

Дождь прекратился. Остались низкие тучи, светлые от ночных огней, и сырой порывистый ветер. Валя жадно глотал влажный воздух и вспоминал, как они сегодня опустились на ракетодром и долго не решались выйти из корабля. Они стояли втроем у

распахнутого люка, вот так же жадно глотали ветер Земли и никак не могли понять, удался их опыт или нет. Вокруг тянулась равнина, на севере из-за горизонта торчала какая-то блестящая стрела, и Артур Лепелье сказал дрожащим голосом: «Двадцать второй век». Он сказал, что этой стрелы не было, когда они улетали. Ларри и Валя тоже не помнили этого сооружения и молчали, и каждый думал: неужели все пропало, неужели все пропало.

— Руженка, — сказал Валя. — Ты не знаешь, что это за блестящая башня стоит на ракетодроме?

— Какая башня? — спросила Ружена. — Не знаю.

— Наверное, ее построили за этот месяц, — сказал Валя. Он засмеялся. — Знаешь, когда я понял, что опыт удался? Когда увидел тебя. Теперь я вспоминаю и начальника ракетодрома, но тогда я не узнал его. Просто забыл за семнадцать лет, какой он, и мне показалось, что это новый.

— А меня ты сразу узнал? — спросила Ружена.

— Сразу.

— А я тебя не сразу.

— Ну еще бы, — сказал он.

— Я все время думала, что это сон, — сказала Ружена. — Я и сейчас так думаю. Ты просто мираж...

— Твердый, как полено, — сказал Валя.

— Нет, в самом деле, со мной никогда еще не было так... Мне кажется, что на самом деле ты еще там, где Быков и Горбовский, среди звезд. Впереди звезды, позади звезды, а меня нет... Я какую-то чепуху говорю, не слушай меня, пожалуйста...

Как Быков и Горбовский, подумал он. Да, они еще там. Быков уходил первый все к той же Тайе и сбрасывал мощные радиомаяки через каждые пятьдесят тысяч астрономических единиц, чтобы обозначить трассу. Сигналы семи таких маяков удалось уловить, а всего их должно было быть девятнадцать. И один из маяков просигналил: «Был здесь. Четвертый локальный год. Горбовский». Мы, наверное, обогнали их, подумал Валя. И Быкова, и Горбовского. Они придут к Тайе и найдут там наши радиобакены.

— Да, — сказал он. — Только звезд нет — ни впереди, ни сзади...

— Почему? — спросила Ружена.

— Доплеровская слепота. При субсветовых скоростях эффект Доплера смещает излучение звезд в невидимые глазом области. Звезды можно видеть только с помощью специальных преобразователей. А если смотреть в обыкновенные телескопы, то вокруг — тьма. Беспросветная тьма. Это очень неприятное впечатление — смотреть в обыкновенные телескопы, Руженка. Кажется, что, кроме тебя, ничего не существует...

Ружена передернула плечами.

— Я замерзла, — сказала она.

Он последний раз обвел глазами горизонт и сказал:

— Ну и пойдем спать. Завтра будет тяжелый день.

— А вдруг я проснусь, а тебя нет, — серьезно сказала Ружена.

— Так, наверное, и будет. Завтра я рано-рано улечу в Москву. Я даже будить тебя не буду.

— Разбуди, — сказала она.

Он быстро уснул, а Ружена еще долго сидела рядом в постели и смотрела на его лицо. Лицо казалось темным, почти черным в полумраке ночи. Он спал спокойно, только один раз вдруг сказал быстро: «Осторожнее, Ларри. Ему больно». И через минуту: «Выгони Артура вон. Он не привык смотреть на это...»

Никогда больше он не уйдет надолго. Он будет возвращаться постаревшим, и когда-нибудь вернется совсем старым, но никогда больше не придется ждать годами. Человек, управляющий временем. Человек, подаривший людям своего века далекие миры. Просто хороший человек, который вернулся и никогда больше не уйдет надолго.

В черновике есть примеры того, как в ходе правки Авторы отказывались от каких-то изначальных фрагментов. Так, были несколько сокращены те места, где роль повествователя (хотя и от третьего лица) переходит к Ружене. Между тем там содержались любопытные штрихи. Вот воспоминания о первой встрече с Валей:

Он совсем не был похож на межпланетника. Межпланетники обычно говорили о чем угодно, кроме своей работы, а он очень любил рассказывать, и это шло ему.

А разговор о Людвиге Порте перебивался абзацем, не доведенным до конца даже в машинописи: часть текста была просто повторена в рукописи чуть дальше, часть убрана совсем. Наиболее интересен начальный фрагмент:

Ружена слушала молча. Она знала, что теперь Валу не остановить. Ей совсем не хотелось слушать все это, ей хотелось молчать, и просто чувствовать его рядом, и смотреть на дождь за окном. Или вспомнить их жизнь с самого начала, с самого первого поцелуя. Или целоваться. Или поговорить о двух замечательных инкунабулах, которые она нашла два дня назад в архиве. Это были очень интересные книги, и в одной из них Ружена нашла записку, на пожелтевшей бумаге...

Вместо фраз про инкунабулы (подтверждавших, кстати, что Ружена в этой версии рассказа — не артистка) после рукописной правки появились другие:

За этот вечер они поцеловались уже, наверное, сто раз, но ведь до этого они не целовались полтора месяца. А Валя не целовался семнадцать лет, и могло случиться так, что им вообще никогда не пришлось бы целоваться.

Но в конце концов Авторы решили вообще отказаться от этих подробностей и просто продолжить далее разговор о полете.

Ранняя версия первой главы, рассказанной поэтом Кудряшовым, пока не обнаружена. А во второй главе, как нетрудно увидеть, оказалось много материала, который выигрышнее смотрелся бы отдельной главой в форме монолога, рассказа самого начальника экспедиции. Так Авторы вскоре и поступили.

Но что делать с прежней второй главой? Оставлять ли в ней в «облегченном» виде прежний разговор Валентина с женой или же переписать главу заново, полностью изменить тематику и композицию? Например, всего в нескольких строках упомянув, что было после возвращения Третьей Звездной, подробно рассказать о Ружене и Валентине задолго до полета? Авторы решили попробовать оба пути.

В архиве АБС имеется полный черновик одной из новых редакций рассказа — как раз той, где вторая глава была переделана радикально. Это машинопись с обильной правкой, причем в ряде мест первоначальный текст зачеркнут столь густо, что уже не прочитывается.

Рассказ предполагалось снабдить эпиграфом, и в черновике приведены два последовательных варианта. Первый эпиграф — это японское и русское название главы «Что рассказал на допросе у судейского чиновника дровосек» из рассказа Акутагава Рюноске «В чаше». Он не имеет отношения к сюжету «Частных предположений», но указывает на сходный прием изложения — многократное описание примерно одних и тех же событий с точки зрения разных людей. Однако человек, недостаточно знакомый с творчеством великого японца, эту ассоциативную связь просто не поймет. Поэтому, видимо, появился другой эпиграф, прямо указывающий на источник и названия рассказа, и исходной идеи. «Парадокс профессора Фока», упомянутый БНС в «Комментариях к пройденному», здесь представлен прямой цитатой:

«...из формулы (62.16) следует, что если продолжительность ускоренного движения равна $3/4 T$, то никакого отставания часов не получится, а при $t^* = T$ получается даже опережение. Не следует, однако, забывать, что формула (62.16) не является общей, а выведена в довольно частных предположениях относительно характера движения».

В. А. Фок. Теория пространства, времени и тяготения. 1955 г.

Впрочем, в итоге Авторы обошлись без эпиграфа вообще, ограничившись менее наукообразными «теоретическими обоснованиями» в самом тексте.

Первая и третья главы этого черновика в целом похожи на публикационные варианты, но некоторые разночтения заслуживают внимания.

Несколько иначе выглядел психологический портрет самого Валентина Петрова. В черновике было, например: «Он был фанфарон, позер и авантюрист от природы». Стало иначе: «Он был немножко фанфарон и позер. И он был необыкновенный смельчак». А во фразе «Он и в двадцать четвертый век войдет, наверное, так же — снисходительно улыбаясь и постукивая себя по изношенному ботинку тросточкой, вырезанной господь знает на какой планете» были сделаны две замены: «снисходительно» на «весело» и «господь» на «бог».

Вот пример, когда минимальная правка ощутимо смещает акценты. В словах Петрова «Я потерял свои авторазгрузчики» всего-то «я» было заменено на «мы». Пустяк? Возможно. Но вот другая сходная замена: Петров говорит Ружене: «Я вернулся и привез тебе в подарок далекие миры. Ты видишь, я вернулся!» Вторая фраза остается, первая же выглядит совсем иначе: «Мы вернулись и привезли Земле в подарок далекие миры».

В раннем черновике имя космического корабля, которым командовал Петров, не названо совсем, а позже Авторы долго его выбирали и многократно меняли и по мере подготовки машинописного черновика, и при дальнейшей правке. Первоначальный вариант — «Таризель» (потом это имя получит звездолет Горбовского). Далее появляется «Гаргантюа», а сразу за ним — «Грангузье». Из переписки Авторов следует, что выбор названия определялся не только гигантскими размерами этих персонажей Рабле, но и самими их именами, производными от слова «глотка»: обыгрывалась «всеядность» корабля-прямоточника, его способность поглощать в качестве топлива межзвездные массы. Один раз в машинописи появляется и «Муромец» (от великанов недалеко до богатырей), и хотя он исправляется на «Грангузье», в дальнейшем вариант с «Муромцем» и будет окончательным.

По мере работы над черновиками рассказа иначе описывался и сам облик корабля: сравнение с елочной игрушкой сохранилось, а вот с шампанским фужером — нет.

Иначе именовалась техника: стратопланы были еще конвертопланами. На разных стадиях работы над рассказом можно найти и космогаторов, и межпланетников, и астролетчиков, и, наконец, звездолетчиков.

В этом черновике, как и в предыдущем, экспедиция продолжалась по локальному бортовому времени семнадцать лет, но на Земле за это время прошел всего месяц. В дальнейшем месяц был заменен на полгода, что сделало, кстати, некоторые эпизоды (с башней на ракетодроме, с попытками Кудряшова ухаживать за Руженой) куда более убедительными.

И — подробнее — о самой Ружене. В полном черновике представлена переделанная версия ее «персональной» главы, не имеющая практически ничего общего с приведенным выше черновиком главы «Астролетчик Валентин Петров». Фамилия у Ружены здесь Кунертова, как и в журнальной первопубликации. В последующих книжных изданиях того же варианта Ружена уже Томанова. А «каноническим» впоследствии был признан второй вариант главы, и Ружена там — Наскова. По каким соображениям в названиях главок менялась фамилия героини, неизвестно (в самом тексте рассказа она, кстати, не встречается). Но это удобно, чтобы различать между собой тот или иной публикационный вариант.

Текст второй главы рассказа в версии, отличной от сложившегося сейчас в публикациях АБС канона, есть резон привести целиком. Несколько отступая от принятого для рассмотрения вариантов правила «сначала рукописи — потом публикации», мы сочли более верным представить эту главу не по черновику, а по более доработанной публикационной версии из сборника «Альфа Эридана» (1960).

Артистка Ружена Томанова

В тот день Валя вернулся поздно. Он долго мешкал в своем кабинете, что-то фальшиво насвистывал, преувеличенно сердито накричал на мартышку. Я поняла, что все кончено. Я села и не могла подняться. Валя вошел и остановился возле меня. Я чувствовала, как ему трудно заговорить. Потом он нагнулся и поцеловал меня в волосы. Так он делал всегда, когда возвращался домой, и на секунду у меня появилась сумасшедшая надежда. Но он сказал тихо:

- Я улетаю, Руженка.
- Когда? — спросила я.
- Через декаду.

Я встала и принялась собирать его в дорогу. Он любил, чтобы я собирала его в дорогу. Обычно он ходил вокруг меня, пел, мешал и дурачился. Но сейчас, когда я

собирала его в последний раз, он стоял в стороне и молчал. Может быть, он тоже вспоминал вечер на взморье.

Десять лет назад мы давали шефский концерт в санатории межпланетников в Териоках. Было страшно выступать перед самыми смелыми в мире людьми. Страшнее, чем перед обычными слушателями, пусть каждый третий из них артист, каждый пятый — ученый, а каждый десятый — и артист и ученый. Объявили меня, я спела арию Сольвейг и «Звездный гимн». Кажется, получилось удачно, потому что меня несколько раз вызывали.

На обеде после концерта возле меня сел молодой межпланетник. Некоторое время он молчал, потом сказал:

— Мне понравилось, как вы поете.

— Спасибо, — сказала я. — Я очень старалась.

Но я знаю, что ему понравилось не только мое пение. Он тоже понравился мне. Он был длинный, не очень складный, с худым загорелым лицом. Лицо у него было некрасивое и очень милое. И хороши были умные веселые глаза. Хотя, вероятно, я заметила это гораздо позже. Ему было лет двадцать пять. Я спросила, как его зовут.

— Петров, — сказал он. — Собственно, Валентин Григорьевич Петров.

Тут он почесал согнутым пальцем кончик носа и добавил:

— Но вы зовите меня просто Валя. Хорошо?

Он поглядел на меня испуганно и даже втянул голову в плечи. Я засмеялась. Он был необыкновенно милый.

— Хорошо, — сказала я. — Я буду звать вас просто Валя.

Потом мы танцевали, потом стемнело, и мы пошли гулять на взморье. Мы стояли лицом к желто-красному закату. Валя рассказывал мне о последней — неудачной — экспедиции к Ганимеду. Я слушала, и мне представлялось, что, кроме меня, он никому в целом свете не рассказал бы так о своей ошибке, которая привела экспедицию к неудаче. Я слушала, глядела на закат, и больше всего мне хотелось сказать Вале что-нибудь доброе и ласковое. Но я еще не смела. Валя остановился и сказал:

— Ружена, я тебя люблю.

Я не знала, что ответить, и он спросил:

— Ты на меня сердишься?

Мы поцеловались. Я осталась в Териоках, и это была самая счастливая неделя в моей жизни. Так я стала женой межпланетника.

Мало-помалу я все лучше узнавала Валу. Он всегда был веселый, внимательный, ласковый. («Ласковый! — возмутился однажды Сережа Завьялов. — Все мы ласковые под голубым небом. Ты бы поглядела на своего Валечку, когда «Навои» попал в метеоритный поток...») И он был совершенно особенный человек. Похожих на него я не встречала даже среди его друзей. Конечно, он не один такой, но я-то таких больше не встречала.

Он очень любил свою профессию и знал в ней все новое из теории и техники. Но довольно скоро я обнаружила, что главные его интересы лежат в какой-то другой области. В промежутках между рейсами (и, наверное, во время рейсов) он штудировал новейшие исследования по теории тяготения, по асимметричной механике, по специальным разделам математики. У нас собирались его друзья и ночи напролет спорили на ужасном русско-французско-китайско-английском жаргоне. У них были какие-то грандиозные планы, но я и не пыталась понять что-либо.

Как-то весенним вечером, четыре года назад, Валя спросил, как бы я отнеслась к его участию в звездной экспедиции. Я знала, что такие звездные экспедиции, о них много говорили и писали в последнее время. Корабль улетает с возлсветовой скоростью к дальним мирам и возвращается через сотни лет. Я сказала:

— Я умру.

Я знала, что умру, если он навсегда уйдет от меня. И еще я сказала:

— Ты не сделаешь этого. Пожалуйста, не делай этого.

Он испуганно посмотрел на меня и втянул голову в плечи. Затем он сказал с улыбкой:

— Собственно, это еще не так скоро.

Но я знала, что он уже решил. Тень этого разговора легла на мою жизнь. Через два года стартовала Первая звездная. Ее вел ближайший друг Вали, Антон Быков. Еще через год улетел Горбовский. Валя сказал мне:

— Следующим буду я, Руженка.

Он знал, что причиняет мне боль. Но он хотел подготовить меня. А мне хотелось кричать от боли. Мне захотелось, чтобы он ослеп или сломал позвоночник, только бы остался со мной. Но я знала, что все бесполезно. Он был разведчиком великой и проклятой Вселенной и не мог быть никем другим. Поэтому я ничего не сказала.

Нас часто навещал Саня Кудряшов. Валя и Саня знали друг друга с детства. Саня был поэт. Мне казалось, что он был единственным человеком, который понимал и жалел меня. Нет, конечно, Валя тоже понимал и жалел.

И вот осталась последняя неделя. Она прошла быстро — самые горькие семь дней в моей жизни. Нас доставили на стартовую станцию Цифэй, с которой совсем недавно ушли корабли Быкова и Горбовского. С нами был Саня. Я знала, что это Валя пригласил его, и знала, для чего. Валя все понимал. Я глядела на Валу, а куда глядел он и что он видел, я не знаю. Но его пальцы сжимали и мяли мою руку, словно старались запомнить ее.

Было объявлено время старта. Валя обнял меня. Я думала, что сойду с ума. Я оттолкнула его, и он попятился, глядя мне в глаза, пока не исчез в люке. Между нами легли столетия.

Я осталась одна. Я сказала Сане, что хочу быть одна. Рядом со мной кипела огромная прекрасная жизнь, люди учились, любили, строили, а я не могла быть с ними. Я перестала петь, никуда не выходила, ни с кем не разговаривала. Я завидовала. Или, может быть, я надеялась. Вероятно, где-то в глубине моей души упорно жила уверенность, что Валя может совершить невозможное.

А потом мне сообщили, что «Муромец» возвращается. Я не удивилась. Оказывается, я все время ждала этого. Не помню, как я позвонила Сане, как я попала на аэродром. Кто-то осторожно, но очень решительно втолкнул меня в кабину конвертоплана и опустил в кресло. Я поблагодарила. Появился Саня, и конвертоплан взлетел. Пассажиры — межпланетники, ученые, инженеры — гадали о причинах возвращения «Муромца». Один отвратительный человек даже сказал, что Петров струсил. Мне было смешно: никто из них не догадывался, что Валя возвращается ко мне.

Мы бесконечно долго стояли и глядели на черный силуэт «Муромца» на горизонте. Потом с синего неба упал вертолет. Из вертолета вышли трое и направились к нам. Впереди шел высокий худой человек в потрепанном комбинезоне. Он был однорукий, лицо его было похоже на глиняную маску, но это был мой муж — самый смелый и прекрасный человек на свете. Я закричала и побежала к нему. Он побежал мне навстречу.

В тот день я никому не отдала его. Я заперла двери и выключила видеофон. Может быть, мне не следовало так поступать. Ведь Валу ждала вся планета. Но я ждала его больше всех.

— Тебе было трудно? — спросила я.

— Нам было очень трудно, Руженка, — ответил он.

— Ты любил меня там?

— Я любил тебя везде. Там осталась планета, которую я назвал твоим именем. Только я уже не знаю где. Там остался Порта. И моя рука тоже осталась там. Это была злая планета, Руженка.

— Почему же ты назвал ее моим именем?

— Не знаю. Собственно, это прекрасный мир. Но он дорого нам достался.

Он улыбался, и мне казалось, что он такой же, как десять лет назад на взморье в Териоках. Я взяла его за плечи и поглядела в глаза.

— Как тебе удалось вернуться, Валя?

Он ответил:

— Я очень хотел, Руженка. Я очень люблю тебя, поэтому я вернулся. Ну и, конечно, немного физики.

А вот некоторые фрагменты черновой версии, которые в представленный выше вариант главы не вошли. Это мысли и воспоминания Ружены о муже:

Особенно хороша была улыбка. Он все время улыбался, как ребенок, робко и вместе с тем вызывающе.

<...>

Такие люди ни минуты не могут усидеть на месте. Они вечно ищут, куда-то стремятся, свирепо борются и часто гибнут. Сотни лет назад их жгла инквизиция, а позже они с голыми руками бросались на танки, плевали в морды гестаповцам и гибли в первых «горячих лабораториях». Вот таким был Валя, и мне неловко было вспоминать, как я хотела утешать его, когда он рассказывал о своем неудачном походе на Ганимед.

<...>

Тень этого разговора легла на нашу жизнь. Никто не знает, даже Валя, почему мне так удалась тогда мадам Баттерфляй.

Наступил день старта Первой звездной. Ее вел один из ближайших друзей Вали, Антон Быков, угрюмый грузный дядя с маленькими светлыми глазками. Мне кажется, он не любил меня, но он очень любил Валу, и я всегда была приветлива с ним. На прощальном ужине он сказал Вале:

— Человек, который предает дело своей жизни ради женщины, предаст в конце концов и женщину.

Он сказал это Вале, а глядел на меня. Он словно предупреждал меня. Но я знала все и без него. Валя молчал, улыбаясь. Наверное, у них был давний спор, который так и не закончился. Быков улетел навсегда. В ту ночь я не смогла заснуть; я только слушала ровное Валино дыхание.

<...>

Он был разведчиком великой и проклятой Вселенной, и он не мог предать дело своей жизни ни ради женщины, ни ради чего-нибудь другого.

Это то, что сказал Петров при расставании жене и что она потом вспоминала не один раз:

По-моему, я сходила с ума. Мне слышалось, что он шепнул мне на ухо: «Я привезу тебе в подарок самые дальние миры».

Это то, каким увидела Ружена мужа после встречи: «Он был старше на семнадцать лет, и все же был моложе на двадцать семь». И, наконец, это кредо Валентина Петрова: «Я не мог предать дело своей жизни, но я не мог без тебя. Поэтому я вернулся».

В завершающей, третьей главе черновика гораздо чаще обыгрывается само понятие «частные предположения»:

— Значит, — сказал Ларри, — это действительно при частных предположениях.

— Да, — сказал я. — Но нужно испытать это на практике.

<...>

— Но есть амортизаторы, — сказал Микими, улыбаясь мне через стол.

Я видел, что моя идея очень нравится ему.

— Чепуха! — вдруг крикнул Артур. — Перегрузки, амортизаторы... Я не верю в частные предположения!

Некоторые подробности полета изложены иначе:

Очень скоро мы поняли, что не в силах переносить и тройную перегрузку. Порта был плох. Мы убавили ускорение звездолета до двух земных. Потянулись месяцы и годы. <...> Ларри и Артур вели астрономические и космологические наблюдения. Порта читал, учился математике. Время от времени мы укладывали его в «саркофаг» на несколько недель, но это ему не нравилось. Он не желал терять времени.

Более сильно сказано о том, кто и что оставил на Ружене: «...а Сережа Завьялов и Сабуро Микими оставили там столько своей жизни, что оставшегося не хватило им на обратный путь». И наконец, иной была концовка:

Правда, меня больше никогда не пустят в Пространство. И Ларри, и Артура. Для этого у нас теперь слишком плохое здоровье. Но зато мы будем обучать сотни других, кто пойдет по нашим следам. Мы ведь знаем столько, сколько не знает ни один человек на Земле. И все началось с расчетов в частных предположениях.

Рассказ был опубликован в двух вариантах, определяемых главным образом содержанием второй главы. Первый из них печатался в журнале «Знание — сила» (1959) и (с некоторыми изменениями, включая замену фамилии Ружены с Кунертовой на Томанову) в сборнике «Альфа Эридана» (переиздания — «Жук в муравейнике», 1986; «Рассказы» в библиотечке журнала «Полиграфия», 1991). Вторым (с Руженой Насковой) впервые вышел в сборнике «Шесть спичек» и неоднократно переиздавался в различных многотомниках и собраниях сочинений.

«Чрезвычайное происшествие»

Своим появлением на свет «Чрезвычайное происшествие» обязано не ярким научным гипотезам на грани и за гранью фантастики, а простому жизненному наблюдению. В «Комментариях к пройденному» об этом рассказано так: «Сюжет этого рассказа осенил БНа в конце лета 1959 года, когда он, проживая в гостинице-общежитии Пулковской обсерватории, яростно и безуспешно боролся с мухами в своем номере. «Да что же это такое! — воскликнул он, наконец, в полном отчаянии. — Кажется, чем больше я их бью, тем больше их становится!» Идея рассказа тут же выкристаллизовалась».

Но от этой идеи до рассказа в окончательном его виде было еще далеко. Представленная в данном томе переписка Авторов за 1959 год дает обильный материал для прояснения исходного замысла и перипетий обсуждения, в комментариях же ограничимся несколькими небольшими фрагментами из писем. То, что БНС в сентябре 1959 г. прислал брату, самокритично именовалось в диапазоне от «эссе» до «сей чудовищный опус», а в последующем письме пояснялось так: «Это не рассказ. Это попытка испробовать свои силы в диалоге и в передаче настроения». Материал не был завершен сюжетно. Теоретически допускалось наличие некоего вступления («ленивый разговор о том о сем, преимущественно о разных страшных приключениях» в компании бывалых людей) и, соответственно, концовки: «А в заключение у межпланетника спрашивают, чем дело кончилось. И он рассказывает, что муха была совершенно безвредна и не несла никакой инфекции. «У нее было восемь ног, и она совершенно фантастически размножалась — а в общем-то это была обыкновенная муха» <...>. А потом муху научились убивать по мере надобности и теперь делают из нее органопласты с миллионом достоинств».

Представление об этом «эссе» дает сравнительно недавно обнаруженный черновик, имеющий два рукописных заголовка: «Три часа» и «Маленькая неприятность». Заметим, что этот материал не был доступен БНС к моменту написания «Комментариев к пройденному», поэтому там нет расшифровки аббревиатуры ТЧ, активно использовавшейся Авторами в переписке, но впоследствии благополучно забывшейся.

По содержанию перед нами изложение непрерывного действия, по форме же рукопись составлена из разных кусков — кое-где это склейка, кое-где страницы с разным видом машинописи. Правка вносилась и карандашом, и чернилами разного цвета, но не по всему тексту, поэтому, например, один и тот же персонаж может на разных страницах именоваться по-разному.

Далее мы представляем полный текст этого черновика с учетом всей внесенной авторской правки. Комментарии по ходу текста минимальны, но для удобства чтения специально оговорены все переходы (склейки и изменение шрифта машинки).

ТРИ ЧАСА

Это был тяжелый перелет. Конечно, в нем не было ничего необыкновенного: рейсовый перелет Сатурн — Земля, груз — продовольствие, горючее (тяжелая вода) и четыре комплекта СКИБР. Скибры (системы кибернетических разведчиков) предназначались планетологам, остальное — строителям. На Япете строили мощный комбинат по переработке органопластов и очень спешили, потому что приближался сезон бурь и туманов. Они так спешили, что не нашлось ни одного инженера, который согласился вернуться на Землю, хотя четверо просрочили свои отпуска. Начальник строительства просил помощи, и пришлось сделать четыре рейса с грузами для строительства, потому что у них не хватало грузовиков. Виктору Борисовичу не понравился Япет. Это была паршивая планета, и стартовать с нее было еще хуже, чем садиться.

К Земле пошли, не отдохнув, и захватили младшего врача группы обслуживания Канаки. Канаки нездоровилось. Виктор Борисович видел на Япете троих работников группы обслуживания, и у них у всех был такой вид, словно им нездоровится. У знакомых пилотов, водивших корабли к Япету и к внешнему кольцу Сатурна, был тоже нехороший вид, но все-таки лучше, чем у Канаки.

Виктор Борисович перевернулся на другой бок и сладко зевнул. Все-таки насколько просты и даже скучноваты рейсовые перелеты. Этот перелет не считается. Если бы не четыре рейса к Япету и не задержка в поясе астероидов, то не перелет, а курорт. В поясе астероидов потеряли скорость и уклонились от курса, пришлось помучиться. Все вымотались-таки, особенно Канаки — бедняга не выносит перегрузок. Когда его в последний раз вытащили из амортизатора, он был желтый и сразу же побежал делать себе инъекцию. Он через каждые два часа делает инъекцию, от которой ломит все тело, а потом ходит разбитый.

А в общем, все это позади. Через три часа — Земля, можно будет, во-первых, выспаться, во-вторых, выспаться не на шутку и, в-третьих, наконец, отоспаться. А потом три дня отпуска и прочие удовольствия. Виктор Борисович снова зевнул. Он так устал, что даже заснуть не мог. Все устали. Сейчас на вахте Туммер — носатый и длинный, как шест. Виктор Борисович представил себе Туммера, как тот стоит, сутулясь у вычислителя, и, выпятив челюсть, рассматривает голубую ленту записи контрольной системы. Потом Туммер как-то расплылся, а вычислитель стал похож на старый замшелый валун. У валуна были шершавые мокрые бока, и под ним темнела гладкая вода, и если присмотришься — в шевелящихся водорослях стоит щука с черной спиной, неподвижная и прямая, как палка. И около самого уха вдруг прогудел шмель...

Виктор Борисович всхрапнул и проснулся. В каюте было темно. Он пожевал губами и замер. Где-то очень близко гудел шмель.

— То есть как — шмель? — сказал вслух Виктор Борисович. — Каким образом в моей каюте — шмель?

Он поднялся в постели, поджал ноги и включил ночник. Муха замолкла. Виктор Борисович огляделся и увидел на простыне темное пятно. Он наклонился и увидел, что это не шмель. Это была муха.

— Мама моя, — сказал Виктор Борисович.

Муха сидела неподвижно. Она была совсем черная, с черными растопыренными крыльями.

Виктор Борисович тщательно прицелился, подвел к мухе ладонь с подобранными пальцами и схватил. Потом он поднес кулак к уху. В кулаке шевелилось, шуршало и вдруг начало зудеть так знакомо, что Виктор Борисович сразу вспомнил уроки рисования.

— Муха в звездолете, — сказал он и посмотрел на свой кулак с изумлением. — Вот это — да! Надо показать ее Туммеру.

Он стал одеваться, и это было довольно сложно, потому что кулака он не разжимал, а потом забежал в ванную и помылся левой рукой. В кулаке шуршало и щекоталось. Он выскочил в коридор и быстро пошел в рубку, огибая выпуклую стену.

В рубке стоял Туммер с темным осунувшимся лицом. На экране телепроектора чуть вздрагивая колыхалась Земля. Она была совсем близко — бело-голубая, пятнистая, ущербленная с востока.

— Здравствуй, Тум, — сказал Виктор Борисович торжествующе.

— Умгу, — сказал Туммер и посмотрел на него запавшими глазами.

— А ну, угадай, что у меня здесь, — сказал Виктор Борисович, осторожно потрясая кулаком.

— Дирижабль, — сказал Туммер. Он страшно устал. Земля была совсем близко, и он очень хотел на Землю.

— Нет, не дирижабль, — сказал Виктор Борисович и сел в кресло. — Муха. Муха, старый тумблер!

Туммер сказал скучным голосом:

— Ферритовый накопитель работает плохо. Я не могу вести корабль на автомате.

— Ну, смени накопитель, — сказал Виктор Борисович, выслушивая свой кулак.

— Нет уж, штурман, лучше ты смени вычислитель, — сказал Туммер. Он включил выводное устройство и стал смотреть ленту записи.

— И смену, — сказал Виктор Борисович. — Ты понимаешь — она меня разбудила. Она забавно жужжит, совсем как комар.

— Меня бы она не разбудила, — сказал Туммер сквозь зубы.

— Шуршит, — замирающим голосом произнес штурман. — Мама моя, до чего же я соскучился по Земле...

Туммер посмотрел на него слипающимися глазами и подумал: Земля. Земля — это хорошо, это просто великолепно. А мухи — ну их к черту. На экране колыхался ущербный диск. Еще три часа. Сейчас выйдет на вахту капитан, и можно будет часок поспать. А если капитан разрешит спать до самого прибытия, то и три часа. Только он не разрешит: на подходе надо быть в рубке, в особенности если посадку дадут на Шестую базу. Там недалеко стоит большой рефлектор Объединенного института, и подход должен быть точным.

Он посмотрел на штурмана. Виктор Борисович сидел в напряженной позе, приложив кулак к уху. Он блаженствовал.

— О господи, — сказал Туммер. — Ну что у тебя за лицо, Виктор.

— Шуршит, — сообщил штурман.

В рубку вошел капитан планетолета Константин Ефремович Станкевич и следом Лидин — бортинженер, явно хорошо поспавший и потому — с веселыми глазами.

— Я ж говорил вам — не спит, — сказал веселый Лидин, тыкая пальцем в штурмана.

— Почему вы не спите? — спросил капитан.

— С ним что-то случилось, — сказал Туммер ядовито. — Посмотрите на его лицо.

— Вы знаете, что у меня здесь? — спросил штурман.

— Что? — сказал Лидин, загорааясь любопытством.

— Муха!

— Да ну!

— О господи, — сказал Туммер, которому все это надоело. — Я спать пойду, Константин Ефремович. Ваша вахта.

— Покажи, — потребовал Лидин. У него был такой вид, будто он никогда в жизни не видел мух.

Виктор Борисович приоткрыл кулак и осторожно просунул туда два пальца левой руки.

— Откуда на корабле муха? — удивленно спросил капитан.

— Она разбудила меня, паршивка, — нежно сказал штурман, разглядывая муху, которую он держал за ногу двумя пальцами. — Она ноет совершенно как комар.

— Осторожнее, Витя, — сказал Лидин, — ты сломаешь ей ногу. У-у, скотинка!.. Зудит!

— Она мне не нравится, — сказал Туммер.

— Это почему же? — спросил штурман.

— Черная, — сказал Туммер неприязненно.

— Сам ты черный, — сказал Лидин. — Иди спать.

Капитан молча рассматривал муху.

— Все-таки откуда на корабле муха, — сказал он. — Это, между прочим, ваше дело, Виктор Борисович.

Штурман выполнял обязанности сантехника.

— Вот именно, — сказал Туммер. — Расплодил на корабле мух, и ферритовый накопитель работает отвратительно.

Штурман пробормотал что-то невразумительное и подался к двери, неся перед собою муху, как тарелку с борщом. Лидин шел рядом.

— Через полтора часа я всех подниму, — сказал вслед капитан.

— Конечно, — сказал Виктор Борисович невпопад.

Втроем — штурман, Лидин и Туммер — они зашли в кают-компанию.

— Давайте оторвем ей ноги и пустим в таком виде, — предложил Туммер.

Лидин и Виктор Борисович поглядели на него с ужасом.

— Мухоловы, — сказал Туммер презрительно и лег на диван, задрал ноги на спинку. Он моментально заснул, а штурман стал рассказывать Лидину, как ему приснилась заводь, и валун, и комары, а потом оказалось, что это муха.

— Выкупаться в такой заводь, — трагически произнес Лидин. — Полежать на солнышке...

— И голубое небо, — сказал штурман, глядя на муху.

— М-м-м!..

— И квасу выпить, — сказал штурман. — Хочешь квасу, Толя?

— Квас, — сказал Лидин. — М-м-м!.. Очень!

Штурман погладил муху по головке и сказал:

— Я отвезу ее на Землю и собственноручно выпущу.

— Дай-ка ее мне, — сказал Лидин.

Штурман отвел его руку.

— Что ты! И не думай даже. Это ж не обыкновенная муха — она зудит как комар.

— Это ученая муха, — сказал вдруг Туммер. — Она бежала из цирка.

— У, Туммер, — сказал Лидин. — Старый испорченный тумблер.

Туммер крепко спал.

Далее — прямо посреди машинописи — фамилия одного из персонажей рассказа начинает писаться не как в окончательном варианте, а иначе — Туммлер.

— Ржавый тумблер, — сказал штурман.

— Вон из моей каюты, — пробормотал Туммлер, потерявший ориентировку.

В кают-компанию вошел, держась за поясницу, доктор Канаки. Он кряхтел и прихрамывал на обе ноги.

— Какие-то мухи, — сказал он.

— Вот, — сказал штурман с гордостью.

Канаки взял муху за крыло, и она завопила на всю комнату.

— Осторожнее, доктор, — сказал Лидин и даже привстал.

Канаки внимательно рассматривал муху, держа ее у самого носа.

— У нее восемь ног, — сказал он медленно.

— Ай-яй-яй, — сказал Туммлер, приоткрыв один глаз, — и что же теперь будет! Вон из моей каюты.

— Это не муха, — сказал Канаки. У него вдруг запали щеки. — Я думал — это антракс морио, но это вообще не муха.

— Как так? — сказал штурман с раздражением.

— Слушайте, — сказал Канаки. — Какие дезинсекторы у вас есть?

— А что? — спросил Виктор Борисович и встал.

Лидин тоже встал.

— Слушайте, — повторил Канаки. У него стал совсем замученный вид. — Пойдемте... Идите за мной. Скорее...

Туммлер проворчал им вслед: «Наконец-то! То-то радость...» — и принялся ворочаться на диване, устраиваясь. Ему казалось, что он у себя в каюте. Простыня сползла на пол, и он никак не может найти ее, а вставать не хочется...

Канаки повел их в свою каюту. В коридоре Лидин вдруг закричал: «Муха!» Они увидели муху, медленно ползущую у карниза под самым потолком. Муха была черная, с черными растопыренными крыльями. В каюте доктора их было несколько. Одна сидела на подушке, две ползали по стакану на столе. Канаки прогнал их резким движением, и они поднялись в воздух, звеня, как комары.

— З-зabавные мухи, — неуверенно сказал Виктор Борисович и посмотрел на Канаки. Канаки стоял неподвижно, отвесив нижнюю губу, и следил глазами за мухами.

— Пойдемте к капитану, — сказал он. Голос у него был странный.

— Зачем? — спросил Лидин.

Канаки повернул к нему белое лицо.

— Я же вам сказал — это не мухи. Это не земные мухи, понимаете?

— Мама моя, — сказал штурман и гадливо вытер правую ладонь о куртку.

— Ах, вот оно что, — пробормотал Лидин.

Черная муха закрутилась перед его лицом, и он отшатнулся и ударился спиной в закрытую дверь.

— Пшла! — крикнул он, судорожно отмахиваясь.

Штурман все еще тер руку о куртку.

— Перестаньте, — сказал Канаки. — Это же глупо. Идите помойте руки, оботрите их спиртом, а куртку — вон. И нужен дезинсектор. Что у вас есть?

— Есть леталь, — сказал штурман.

— Еще?

— Все.

— Хорошо, — сказал Канаки. — Я сам это сделаю. Идите мойтесь. Скорее.

Он все еще держал муху в руке, и Виктор Борисович видел, как сильно дрожат его пальцы.

— Да бросьте вы эту гадость! — почти крикнул Лидин. Он уже стоял в коридоре и поминутно озирался.

— Она мне нужна, — сказал Канаки. — Вторую вы мне, что ли, поймаете?

— Вы идете к капитану? — спросил штурман. Ему очень хотелось со всех ног кинуться в ванную, но он сдерживался.

— Да, — сказал Канаки. — А вы идите мойтесь. Да идите же!..

В ванной штурман торопливо стянул с себя куртку, бросил ее в мусоропровод и кинулся к умывальнику. Он мылил руки, тер их губкой и намыливал снова. От горячей воды руки стали красными и распухли, а он все тер, тер и снова намыливал.

Это было страшно. Это было самое страшное, что может произойти на корабле. У планетолета очень толстые стены, и все, что через эти стены проникает, опасно. Все равно что — метеорит, гамма-излучение или какие-нибудь восьминогие мухи. И страшнее всего — мухи. Это бывает редко, но когда это случается... лучше бы это не случилось никогда.

Штурман вытер руки спиртом и подставил их под струю кипятка, скрючившись над умывальником. Он вспомнил, как три года назад участвовал в спасении экспедиции на Каллисто. Там их было семеро — два пилота и пятеро ученых, — они занесли в корабль фауну и флору ядовитой планетки и долго кричали в эфир, умоляя, требуя, надрываясь. Каюты и коридоры корабля были затянуты клейкой прозрачной паутиной, под ногами чвакало и расплзлось что-то невыносимо омерзительное, а в кают-компании лежал в кресле Рудольф Цадер, белый и неподвижный, и лохматые сиреневые паучки бегали по его губам...

Виктор Борисович очнулся и увидел свое лицо в зеркале над умывальником и красные опухшие руки, от которых валил пар. Он закрыл кран, тщательно вытер руки полотенцем, а полотенце бросил в мусоропровод. Там, на Каллисто, только четверо дождались спасательных отрядов, и двое потом все равно умерли, потому что никто не знал, как их лечить.

Он вышел в коридор и огляделся. По потолку ползали мухи. Их было много — штук двадцать. Они размножаются, подумал штурман. Они необычайно быстро размножаются, а до Земли еще два часа полета. Он быстро шел по коридору и несколько раз спугивал мух, сидевших на шероховатом полу. Они стремительно взмывали вверх с тонким зуденьем и повисали в воздухе перед самым лицом.

В рубке на столе перед вычислителем стояла стеклянная баночка, наполовину наполненная мутноватой жидкостью, от которой воняло даже через притертую пробку. По стенкам баночки ползала муха. Канаки, видимо, помял-таки ей крылья, и она не могла летать, только время от времени принималась зудеть, и каждый раз Лидин вздрагивал, поводя плечами.

Виктор Борисович подошел к столу и стал смотреть на муху в банке. Все молчали, только Лидин сказал сквозь зубы:

— Леталь в действии, — и криво усмехнулся.

Канаки сидел в кресле перед столом, положив подбородок на руки, и покусывал губы. Капитан Станкевич стоял у пульта спиной в комнату и смотрел на экран. По экрану бегали размытые полосы: капитан настраивался на прием с Земли.

Мутная жидкость в баночке была дезинсектором леталь. Леталь убивал насекомых практически мгновенно. Он мог бы убить быка, но восьминогая муха об этом, вероятно, не знала и даже не догадывалась. Она ползала по стеклу, мокрая, помятая, и злобно зудела.

— Может быть, хватит? — сказал Лидин. Видно было, что он старается взять себя в руки. — Три с половиной минуты. Плевала она на ваш леталь.

— Неужели у вас на корабле больше ничего нет? — медленно сказал Канаки. — Может быть, есть ультразвуковые насадки?

Виктор Борисович покачал головой. На рейсовых планетолетах инсектицидная техника ни к чему. Рейсовые планетолеты — это корабли типа «пространство-пространство». Рейсовикам не приходится высаживаться на планетах, и биологическая защита им не нужна. Леталь используется только для общей дезинфекции после каждого рейса.

— На кой нам, извините, черт ультразвуковые насадки, — сказал Лидин. — Они нам так же нужны, как спасательные пояса.

— Понимаю, — сказал Канаки и снова уставился на муху.

Виктор Борисович оглядел потолок. Мух в рубке еще не было. Потом он заметил, что Лидин рассматривает его руки — лиловые и распухшие, — и торопливо засунул их в карманы. Руки с трудом пролезли в карманы, и стало так больно, что штурман даже крякнул с досадой. И все зря, подумал он. Эту дрянь не берет даже леталь. «Пять кубических сантиметров на литр воды... Уничтожает все виды насекомых, их личинки и яйца...» Он посмотрел на муху в банке. Муха отвратительно зудела.

— Так, — громко сказал капитан и повернулся к ним лицом. — Всем немедленно принять горячий душ. Раз. Обтереться спиртом. Два. Ультрафиолетовые облучатели. Три. В голом виде и с максимальным старанием. Подготовить и продезинфицировать спецкостюмы. После процедур — в спецкостюмы. Подготовить амортизаторы, буду тормозить в два раза быстрее, чем обычно, значит, будут перегрузки. Выполняйте, Виктор Борисович. Доктор, я могу рассчитывать на вас?

— Да, конечно, — сказал Канаки довольно вяло.

— Все. Действуйте. Нас ждут на Земле.

— Черта лысого они дождутся, — сказал Лидин негромко и встал. Он все еще глядел на муху.

Виктор Борисович подошел к двери, открыл ее и, отшатнувшись, снова закрыл. Многоголосый воющий звон ворвался в рубку.

— Мама моя! — сказал штурман, растерянно оглядываясь.

— Что там, что? — быстро спросил Лидин. Он кинулся к двери и распахнул ее настежь.

Они увидели мух, сотни мух, ползающих по стенам и потолку коридора. Надрывный звон стоял в воздухе. Лидин захлопнул дверь и остановился, держась за дверную ручку и не оборачиваясь.

— Надо предупредить Туммлера, — сказал он с трудом. Шея его покраснела и заблестела влажно. — Там спит Туммлер. Они сожрут его.

Канаки медленно поднялся и хромя подошел к нему.

— Нам все равно придется всем идти по коридору за спецкостюмами и прочим. И почему они обязательно должны сожрать нас? — он говорил мягко, почти ласково. Лидин смотрел на него расширенными глазами. — Мухи не опасны, я думаю. Опасна инфекция, а ее, может быть, и нет вовсе.

Виктор Борисович сказал хмуро:

— Давайте так. Выходить по одному и быстро закрывать за собой дверь. Ты, Анатолий, первый. Возьми Туммлера и идите с ним на склад за костюмами. Костюмы несите в госпитальный отсек. Вы знаете, где у нас госпитальный отсек, доктор?

Канаки кивнул.

— Ну вот. Вы идите прямо туда, я вас догоню. Я пойду последним.

— Ладно, — сказал Лидин. Он глубоко вздохнул, резким движением распахнул дверь и выскочил в коридор. Дверь с треском захлопнулась.

Виктор Борисович посмотрел на Канаки.

— Н-да, — сказал тот. — Я в таком темпе не сумею.

— Ну, как сумеете, — сказал штурман. Он взялся за ручку двери. — Раз, два, вперед!..

Канаки кинулся в дверь, споткнулся о комингс, но не упал, а только болезненно охнул. Снова ворвался звенящий стон и снова оборвался. Штурман повернулся к капитану:

— Связи нет, Константин Ефремович.

Капитан откликнулся очень спокойно:

— Еще рано. Через шесть минут. Вы идите, идите, Виктор Борисович.

Штурман стремительно выскочил в коридор.

Следующий абзац идет после пустой строки и продолжается на новой странице — прямо с полуслова — другим шрифтом пишущей машинки.

В коридоре ползали мухи. Их было так много, что стены казались черными, а под самым потолком повисли словно бархатные занавески. Воздух был наполнен тысячеголосым звоном, и Виктор Борисович не слышал собственных шагов. До госпитального отсека он дошел за минуту и за это время убил двух мух. Одна попала ему

на ладонь, и он раздавил ее в кулаке, сам того не желая, и пожалел об этом: ему захотелось отрезать себе руку. У дверей госпиталя он остановился. Из-за поворота вышли Туммлер с Лидиным. Туммлер с заспанными глазами тащил два спецкостюма, Лидин — три. Большие матовые шары шлемов стукались друг о друга, но стука не было слышно за звенящим воем. Штурман остановился, глядя на них, поминутно отмахиваясь от наседающих мух.

— Дьявол, сволочи! — шипел Лидин, затравленно озираясь и бешено вертя головой. — Гады, какого черта они все лезут на меня.

Он не мог даже отмахиваться: ему мешали спецкостюмы.

— Муха знает на что садиться, — сказал Туммлер не оборачиваясь. — Что ты корчишься, бортинженер, это же просто восьминогая муха.

— Мерзость... м-мерзость, — шептал Лидин. Глаза у него были совсем белые.

Они подошли к двери, и штурман сказал мрачно:

— Я буду открывать дверь, а вы проскакивайте по одному.

— Я, кажется, сейчас заору, — сказал Лидин.

Он вдруг ужасно оскалился и стал давить ногами ползающих по шершавому полу мух. Они не успевали взлетать.

— Прекрасно, — сказал Туммлер, следя за ним спокойными глазами. Муха села ему на кончик носа, и он осторожно сдул ее, выпятив нижнюю губу. — А теперьними ботинки. Мы тебя не пустим с грязными подошвами.

— Иди ты к черту, — тоскливо сказал Лидин. — К черту. К чертовой матери. К чертовым чертям...

Штурман открыл дверь, и Лидин устремился туда со всех ног. Туммлер придержал дверь ногой.

— Проходи, — сказал он штурману.

Штурман торопливо вошел, пропустил Туммлера и захлопнул дверь.

— Сумасшедший, — сказал он сердито. — Нашел время для хороших манер.

— Э-э, Витя, — сказал Туммлер, бросая костюмы прямо на пол. — Какая разница?

— Он наклонился к уху штурмана и сказал шепотом: — В каждом костюме по десятку мух. Я сам видел, как они оттуда вылетают, как из помойки.

Виктор Борисович покосился на Лидина, но тот ничего не слышал. Он торопливо раздевался, беспрестанно шевеля губами. Дело дрянь, подумал штурман. Лидин просрочил отпуск. Нервы у него стали ни к черту.

Они тщательно помылись под душем и растерлись спиртом. Канаки потребовал, чтобы они вдобавок приняли еще и ионный душ, и впрыснул каждому сыворотку против песчаной горячки — единственной внеземной инфекционной болезни, которая была известна до сих пор. Это было достаточно бессмысленно, потому что единственным местом, где были найдены возбудители песчаной горячки, была Венера, но никто не протестовал. Потом были тщательно промыты и продезинфицированы спецкостюмы.

В спецкостюмах все почувствовали себя почти в безопасности, и Лидин даже принялся что-то напевать под нос, когда они шли по коридору, давя черных мух толстыми подошвами, а Туммлер сказал:

— Лучший способ поймать тигра — самому залезть в клетку. Куда ни поглядишь — везде тигр за решеткой.

Виктор Борисович побежал в амортизаторную, которую Туммлер называл усыпальницей, потому что амортизаторные ящики напоминали саркофаги. Это была большая комната с голыми гладкими стенами и низким потолком. Вдоль стен стояли двухметровые ящики из матового спектролита — амортизаторы. Их было шесть, и они оказались в полной исправности, только по их крышкам ползали мухи.

Возвращаясь в рубку, штурман заглянул в кают-компанию. Там одиноко сидел доктор Канаки, откинув на спинку кресла голову в спектролитовом колпаке. Он казался очень одиноким в большой ярко освещенной комнате, и Виктор Борисович хотел позвать

его с собой в рубку, но сдержался. Скоро начнется подход, рубка тесновата, доктору нечего там делать.

Стены коридора были сплошь покрыты черным шевелящимся слоем мух. Виктор Борисович хлопнул по стене рукой, и сотни насекомых взлетели, наполняя воздух звенящими стонами. В рубку штурман вошел облепленный мухами.

Капитана не было. Перед экраном сидели Туммлер и бортинженер. Они тоже были облеплены мухами и беседовали с начальником Третьей грузовой базы. Лицо начальника занимало почти весь экран и казалось зеленоватым и обеспокоенным.

— А! Штурман Ливанов, судя по ширине плеч, — сказал начальник с натужным весельем. — Раздавлен несчастьем и засижен мухами.

— Здравствуйте, — сказал штурман.

— Здравствуйте, здравствуйте, — сказал начальник Третьей базы. — Предстоит тяжелый подход, а? Станкевич хочет тормозить на трех витках.

— Да, — согласился штурман. Он представил, что такое тормозить на трех витках, и сразу вспотел. Это означало, что будут перегрузки в шесть раз, а амортизаторы рассчитаны на троекратное ускорение.

— Амортизаторы в порядке? — деловито осведомился начальник Третьей базы и, не дожидаясь ответа, сказал: — Тут вас уже ждут тридцать три удовольствия. Мы подняли на ноги весь медперсонал Малой Земли.

Малой Землей называли всю систему искусственных спутников планеты — гигантский космический город-порт межпланетных кораблей.

— Да мы, собственно, здоровы, — сказал Виктор Борисович.

— Конечно, конечно, — тотчас согласился начальник.

— Это всего лишь восьминогая муха, — сказал Туммлер.

— Ну, разумеется, — начальник был согласен со всем. — Извините, — сказал он и отодвинулся, превратившись в туманное зеленое пятно.

Они услышали его голос:

— Ни в коем случае... Приготовьте карантинный корабль... Как минимум десять дней... — Потом голос заговорил гораздо тише и слов разобрать было уже нельзя.

— Все ясно, — сказал Лидин.

— Что тебе ясно? — осведомился Туммлер.

— Нас на десять дней посадят в карантин — вот что, — сказал Лидин.

Штурман хотел сказать, что десять дней в карантине — это еще можно пережить, но тут вошел капитан в спецкостюме.

— Товарищи межпланетники, — сказал он. — По амортизаторам!

На экране снова появилось лицо начальника Третьей.

— Ну что, капитан? — сказал начальник.

— Все в порядке. — Капитан подошел к экрану вплотную. — Итак, три витка. Предупредите по всей Малой Земле, пусть прекратят полеты.

— Сделано, — сказал начальник. — Все уже сделано. Очередь за вами.

— Хорошо, — сказал капитан. — Мы идем.

Дальнейший текст после пустой строки опять напечатан на другой машинке.

Виктор Борисович улегся на спину, захлопнул крышку и стал смотреть, как саркофаг заполняется амортизирующей смесью. Крышка саркофага изнутри казалась прозрачной, и было видно, как по ней ползает муха. Потом голос капитана в наушниках сказал:

— Управление беру на себя. Минут через двадцать начну тормозить, и если кому-нибудь станет плохо, сообщайте немедленно.

На пульте управления перед лицом штурмана загорелись неонки. В трех амортизаторах из шести были установлены такие пульты. С их помощью можно было управлять кораблем при больших перегрузках, не вылезая из саркофагов. Виктор

Борисович ловко перевернулся на бок и, приблизив колпак шлема к стенке амортизатора, оглядел комнату. Там уже ползали мухи. Через двадцать минут начнется торможение, и их вес возрастет в несколько раз.

— Слушайте! — сказал Виктор Борисович. — Может быть, они сдохнут от перегрузки! — Он был в восторге от своей идеи.

— Нет, — сказал Канаки. Судя по голосу, он улыбался. — Насекомые выдерживают очень большие перегрузки. Земные мухи выдерживают пятнадцатикратные перегрузки часами.

— Ну, так то — земные, — сказал Виктор Борисович упавшим голосом.

Некоторое время все молчали, и было слышно, как свистит носом задремавший Туммлер. Потом Лидин сказал:

— Ползают.

— Я не могу понять, как они попали на корабль, — сказал капитан. — Вы уверены, что это неземные мухи, доктор?

— Да, конечно, — откликнулся Канаки. — Они похожи на траурницу — антракс морио. Но крылья целиком черные, восемь ног. И у них нет глаз. На Земле не знают восьминогих мух.

— Может быть, мы подцепили их на Япете? — сказал Лидин.

— На Япете нет таких мух, — сказал Канаки. Он покряхтел тихонько, видимо устраиваясь. — Я думаю — это споры. Они миллионы лет могли носиться в пространстве, пока не попали, наконец, на благоприятную почву. Если это так — нам повезло. Таких случаев еще не бывало.

— Блуждающая жизнь, — медленно сказал штурман. — Я слышал об этом. Но я почему-то не считаю, что нам повезло.

— Вот именно, — проворчал Лидин.

Туммлер звучно зевнул и сказал свежим голосом:

— Я не понимаю, чем вы недовольны. Эти мухи — хоть одна кого-нибудь укусила? Вы представляете, если это были бы пчелы! Сейчас у нас были бы вот такие физиономии. Или — другой вариант — из спор развиваются клопы...

Он начал с большой живостью развивать свою мысль. Лидин хохотал бодрым смехом, но штурман уже не слушал.

Далее идет склейка с фрагментом, снова напечатанным на другой машинке. Там Туммер сначала назывался Тумблером, но затем это имя везде исправлялось на Тумллера, Виктор Борисович до внесения правки был Робертом Ивановичем, а Лидин — не Анатолием, а Сергеем. Впрочем, ближе к концу черновика все измененные имена начинают включаться и в машинописный текст.

Он услышал приглушенное «з-з-з-з» и, сразу перестав улыбаться, осторожно повернул голову и сразу увидел муху. Она сидела внутри шлема на выступе наушника и тихонько зудела.

— Меня поражает, с какой скоростью они размножаются, — сказал Канаки.

Штурман прицелился и ударил муху головой. Она взлетела с громким зуденьем и исчезла из виду. Виктор Борисович мотнул головой и ударился затылком о шлем. Зуденье смолкло.

— ...первую видел Виктор, — сказал голос Тумллера. — Когда это было, штурман?

Виктор Борисович покрылся потом — муха сидела прямо перед глазами на лицевой стенке шлема. Пока она молчала, но она могла занять в любую секунду, и тогда все узнают, что враг проник еще дальше и отступать некуда.

— Эй, штурман! — крикнул Туммлер встревоженно. — Ты что, спишь?

— Виктор Борисович, — позвал капитан.

Штурман, весь мокрый, ударил лицом по мухе и раздавил ее.

— Штурман! — заревел Туммлер во весь голос.

— Что? — отозвался Виктор Борисович хрипло.

— Ты заснул, что ли?

— Ага, — сказал штурман, рассматривая останки мухи, прилипшие к лицевой стенке. Он подумал, что кое-что, наверное, прилипло к щеке, и его ударило в холод.

— Ну, извини, — сказал Туммлер. — Мы тут просто выясняли вопрос, кто первый увидел муху — ты или доктор.

— Я, — сказал штурман, чтобы что-нибудь сказать.

— Нет, я, — сказал Канаки.

— Послушайте, — проговорил вдруг Лидин. — Тут кто-то зудит.

Канаки громко принялся рассказывать, как он увидел первую муху. Это был довольно скучный рассказ, и до штурмана донеслось тонкое отвратительное зудение в наушниках.

— Ей-богу, кто-то зудит, — сказал Лидин дрожащим голосом.

— Это вам мерещится, Анатолий Андреевич, — спокойно сказал капитан.

— Нет, не мерещится, — сказал Туммлер. — Что, здорово у меня получается?

Зудение стало очень громким.

— Тьфу, — сказал Лидин с облегчением. — Это ты, Тум?

— А что — здорово?

— Очень здорово, — сказал Лидин. — Я думал, что это муха у меня в скафандре.

— Теперь я буду тебя пугать по ночам, бортинженер. — Туммлер зазудел снова, но теперь было ясно, что это не муха.

Все примолкли. Штурман лежал на спине и думал, чем все это кончится. Если мухи несут инфекцию, он обречен. Все обречены. Он смотрел на раздавленную муху. На стенке осталось одно черное крыло, пять лап и брюхо. Ему показалось, что муха еще шевелится, но это был обман зрения.

На сей раз шрифт машинки меняется прямо посередине строки.

Штурман посмотрел на часы. Десять пятнадцать. Прошло полтора часа с начала биологической атаки. Виктор Борисович вспомнил, что не ел уже десять часов, но есть не хотелось. Стоило поглядеть на раздавленную муху перед носом, чтобы пропал самый безудержный аппетит. Чтобы не смотреть, штурман закрыл глаза. Мама моя, подумал он, до Земли еще полтора часа полета. Девяносто минут лежать, закупоренным в загаженном скафандре. Штурман почувствовал тошноту и открыл глаза.

Сначала ему показалось, что раздавленная муха исчезла. Потом он увидел ее. Что-то странное происходило с этой раздавленной дрянью. Она явно шевелилась. Штурман пригляделся и судорожно проглотил слюну. Его снова прошиб пот. Останки мухи были покрыты мельчайшей черной мошкаррой. Мошкара ползала по расплюсненному брюху — маленькие черные мошки с черными растопыренными крыльями. Их было штук тридцать, и они копошились, расползаясь в стороны по стенке шлема. Они еще не могли летать, но уже зудели — тоненько и до отвращения знакомо.

— Слушайте... — сказал штурман с трудом шевеля губами.

В наушниках промычал Туммлер.

— Ну, — сказал он недовольно.

— В-вы спите? — спросил штурман.

— Все спят, — сказал Туммлер и позвал: — Толя, доктор.

Никто не отозвался.

— Константин Ефремович, — сказал штурман.

— Да? — отозвался капитан.

Штурману захотелось выскочить из амортизатора, сорвать с себя спецкостюм и заорать благим матом, но он только сказал:

— Я... пожалуй... засну... — Он проглотил слюну. — Я засну, Константин Ефремович.

Зудение усиливалось. Сейчас его услышат все, кто не спит... и Лидин, который спит. Лидину пора в отпуск. Нервы у него стали как тряпки.

— Я... отключусь, — сказал штурман.

— Конечно, Виктор Борисович, — сказал капитан. — Но я сейчас начинаю торможение. Не думаю, чтобы вы смогли заснуть.

— Все равно... пожалуйста, — сказал штурман и выключил радиэфон.

Теперь можно было бы и заорать. Мошки зудели уже очень громко. Виктор Борисович видел, как шевелится черная голая нога мухи. Если присмотреться — она покрыта мельчайшими порами, и из каждой поры торчит головка маленькой мушки. Они вылезали прямо из тела. Так вот почему они так быстро размножаются, подумал штурман. Каждая клетка тела несет в себе зародыш. Эту муху нельзя убить. Она возрождается стократно повторенная, и остается только сухой мелкий порошок. Этим мошек сотни, очень скоро они станут взрослыми и облепят лицо, руки.

— Я, пожалуй, не выдержу этого, — сказал он вслух. — Надо вылезти и сменить спецкостюм. Я тут с ума сойду с ними.

Но он остался лежать на спине, сжав кулаки так, что стало больно обожженной коже. Нечего разводить панику. Будем терпеть.

— Будем терпеть, — сказал он громко. — Слышишь ты, дрянь черная, я буду терпеть. И мы скоро будем на Земле, и тогда держись, ты, черная безмозглая подлость.

Мошкара ползала по спектролиту, по пластмассовым наконечникам баллонов с какао и соком, по выступу микрофона. Мошек было много, и некоторые уже пытались взлететь. От мертвой мухи остался мелкий черный порошок, и штурман сдул его, как сдувают пепел с пиджака. Он лежал на спине, крепко прикусив нижнюю губу, и не закрывал глаз. Он не хотел закрывать глаз, потому что больше всего ему хотелось закрыть их.

Капитан Станкевич очнулся и помотал головой, приходя в себя.

— Станкевич, Станкевич, я — Третья база, отвечай. Станкевич, Станкевич...

— Есть Станкевич, — сказал капитан и с трудом откашлялся.

— Константин Ефремович, жив?! — закричал кто-то в самое ухо.

— Жив, кажется. — Капитан поморщился — невыносимо кололо глаза.

— Ты с ума сошел, Константин, — пробасило в ухо. Это был начальник Третьей Грузовой Межпланетной базы Кусков. Его можно было сразу узнать по могучему басу и командирскому тону.

— Сумасшедший, — сказал Кусков. — Ты же собирался тормозить на трех витках, а сделал только полтора. Ты же всех там раздавил...

— Подожди, Кусков, — сказал капитан и позвал в микрофон. — Товарищи! Виктор Борисович!

— Есть, — сказал штурман слабым голосом.

— Виктор Борисович, вылезайте из амортизатора и вытаскивайте остальных. Можете?

— Отчего же, — сказал штурман и как-то странно задышал.

Капитан снова переключился на волну базы.

— Слушай, Володя, — сказал он. — Вы что-нибудь предприняли?

— Еще бы, — сказал Кусков. — Тут сидит Лунд, начальник...

— Знаю, — сказал капитан. — Лунда я знаю. Сейчас я вылезу из ящика и пойду в рубку, устрой мне, пожалуйста, телевизионную связь.

— Ладно, — сказал Кусков. — Только вот что...

— Потом. Потом, Володя.

Капитан непослушными руками переключил систему подачи амортизационной смеси на всасывание. Ему было плохо. Планетолет подошел к Земле на очень большой скорости, надо было тормозить, и тормозить быстро. Капитан Станкевич решил на маневр, на который никогда бы не пошел в другой ситуации, — он затормозил на протяжении всего полутора оборотов вокруг Земли. Это означало перегрузки в восемь раз, временами — в десять. Тут не помогали никакие амортизаторы.

Станкевич откинул крышку саркофага и выглянул наружу. Стены были черными. Под потолком свисали черные бархатистые занавески. Тысячи мух ползали по полу. На соседнем амортизаторе сидел в бессильной позе человек. Кажется, это был Канаки. Широкоплечий штурман помогал вылезти кому-то из другого ящика.

— Ох, плохо, — сказал расслабленный голос Лидина. Штурман вытащил его из амортизатора, плотно подхватив под мышки. — И в ушах какой-то звон, — продолжал Лидин. — Это опять ты, Тум?

— Нет, — сказал Туммлер сердито. Он стоял по колено в своем амортизаторе, похожий на привидение, вылезавшее из гроба.

— Опять звон! — сказал Лидин.

Капитан услышал знакомое зудение.

— Просто у вас включена внешняя связь, Анатолий Сергеевич, — сказал он.

— Нет, не включена, не включена!..

— А теперь тоже слышите? — спросил вдруг Канаки.

Капитан посмотрел на него и успел заметить, что он держит руку на переключателе радифона.

— Слышу, — сказал Лидин. — А вы-то сами слышите?

Туммлер вылез из ящика и сказал:

— Вот что, Анатолий. Не разводи здесь истерик, ради бога. Потерпи со своими галлюцинациями еще полчаса...

— При чем здесь галлюцинации! — крикнул Лидин очень громко. — У меня в скафандре мухи: я слышу, как они зудят!

— Это у меня в скафандре мухи, — сказал штурман. У него был хриплый усталый голос. — У тебя ничего нет, Лидин. Успокойся.

— У тебя?.. — сказал Лидин растерянно.

— Да, у меня, и еще у кого-то, не могу понять, у кого. А у тебя их нет. Если бы они были, ты бы это заметил... Они не только зудят, — добавил штурман, помолчав.

— Так, — сказал капитан. — Анатолий Сергеевич, прошу вас, пройдемся со мной. Вы мне нужны. А те, у кого мухи, смените спецкостюмы и приходите в рубку. И вообще, все это скоро кончится...

Он резко повернулся и вышел в коридор, и Лидин молча последовал за ним. Тогда Виктор Борисович откинул шлем. Он стоял посреди комнаты, зажмурив глаза, и лицо его было грязным и потным, и десятки мух звенящим роем вырвались из костюма, раскрытого у шеи, и смешались с сотнями мух, висящих в воздухе амортизаторной.

Туммлер подошел к нему и взял его за плечи. Штурман не видел его лица за матовым шлемом. Он открыл глаза и сказал:

— Тут они по крайней мере не лезут в рот и в нос.

Он чихнул три раза подряд, очень громко и с огромным наслаждением. Потом он увидел, что Канаки тоже снял шлем и сидит на краю саркофага и вертит головой, словно ему жмет галстук.

— У меня было только две, — сказал Канаки. — Потом их стало четыре, а сейчас вот уже восемь вылетело, и, по-моему, есть еще.

Туммлер вдруг кинулся прочь. Виктор Борисович проводил его глазами и сказал:

— Наверное, капитан его вызвал. Пойдемте и мы, доктор.

— А спецкостюм менять не будем? — спросил Канаки поднимаясь.

— А ну их, — сказал штурман. — Все равно через полчаса начнется повальная дезинфекция.

Они вышли в коридор, и Канаки начал скучно рассказывать, что он испытал и как пытался перебить мух головой.

— Но я не раздавил ни одной, — сказал он печально, — а теперь болит шея.

— Ваше счастье, — сказал штурман, — я вот раздавил... Послушайте, — сказал он растерянно, — а где дверь в рубку?

Дверь в рубку должна была быть где-то здесь — Виктор Борисович чувствовал это инстинктивно, но ее не было. Была сплошная стена, покрытая толстым слоем мух. Стало значительно темнее — слой мух покрывал голубые трубки ламп, протянутые под потолком.

Виктор Борисович стал шарить рукой по стене, отыскивая ручку двери. Тучи мух взлетали с устрашающим воем и снова опускались на прежнее место.

— Что за черт! — сказал Виктор Борисович. Ему стало страшно.

Он огляделся и увидел длинный туннель с черными стенами, сумрачный незнакомый туннель. Стены медленно колыхались, словно дышали. Доктор стоял рядом с растерянным лицом.

— Н-не можете найти? — спросил он, заикаясь.

Виктор Борисович молча кивнул и снова стал шарить по стене руками. Мухи вились перед глазами, норовя сесть на лицо.

Потом он наконец нащупал ручку и открыл дверь. Он не узнал рубки так же, как только что не узнал коридора. Это была какая-то мрачная черная комната с шевелящимся ковром на полу. Капитан и Лидин стояли перед экраном телевизора, поминутно смахивая руками мух то с экрана, то со своих шлемов. Туммлер согнувшись возился у вычислителя.

— Давайте наденем шлемы, чтобы можно было разговаривать, — сказал Виктор Борисович доктору и нацепил свой шлем. — Как дела? — спросил он. Мухи вились перед лицом и ползали по подбородку, но теперь он не обращал на них внимания. И их было немного — гораздо меньше, чем раньше.

— Сюда бы десяток пауков, — сказал Туммлер. — Десяток старых заслуженных крестовиков.

— Десяток тысяч, — сказал Лидин.

— А что говорит Земля? — снова спросил штурман.

— Земля приказала долго ждать, — сказал Лидин с ужасной интонацией, и Туммлер проворчал:

— О господи! Этот бортинженер...

— Нет, — сказал Лидин, не меняя тона. — В самом деле — на Земле начат сбор всех мухоядных пауков и всяких птичек. Мобилизованы пять миллионов студентов и школьников. Только пауки размножаются медленно, поэтому...

— Перестань, Лидин, — сказал Виктор Борисович. Ему очень не нравился этот тон.

Лидин замолчал и стал давить мух пальцами. Штурман хотел остановить его, но потом решил, что лучше не надо. Пусть его. Скоро это кончится.

Капитан наконец отозвался:

— Придется подождать, — сказал он. — Они пока еще не придумали, как нас отсюда вытащить.

— Ну, за этим дело не станет, — сказал Канаки бодрым голосом. — Дайте нам пяток ультразвуковых насадок...

— Да, несомненно, — сказал капитан.

Они стояли и смотрели, как Лидин бродит по рубке и давит мух. В рубке становилось все темнее, и Виктор Борисович думал, что было бы, если бы хоть пяток таких мух попал на Землю. Он уже не верил в ультразвуковые насадки.

На Земле, по-видимому, тоже не верили в ультразвуковые насадки. Во всяком случае, они предложили очень сложный план. Экипаж корабля с помощью автоматической ракетки-такси предлагалось перебросить на карантинный корабль, где их и их костюмы подвергались тщательной дезинфекции. Карантинный корабль был тоже полностью автоматом. С него экипаж перебрасывался (уже в новых спецкостюмах) на следующий корабль, где повторялась та же процедура и где межпланетники должны были просидеть несколько дней, пока не появится уверенность, что все они здоровы и мух больше нет. Если же мухи появятся, процедура повторяется еще раз и так далее...

План изложил им Лунд — худой седоволосый Лунд, начальник медслужбы Малой Земли. Он говорил монотонно, полузакрыв глаза, и время от времени прерывал себя стереотипной фразой: «Сгоните ваших мух с передатчика: я вас плохо вижу». Они тоже плохо видели его, хотя экран оставался единственным светлым пятном в рубке. Шевелящийся ковер на полу покрывал ноги по щиколотку.

Когда он кончил, они долго молчали, и Виктор Борисович представил себе вереницы карантинных планетолетов, забитых черными мухами, одиноко и неприкаянно висящих в пустоте. Против плана никто не возразил, только Лидин, который очень хотел скорее почувствовать себя человеком, а не куском гнилого мяса на солнцепеке, робко сказал:

— А может быть, все-таки попробовать ультранасадки?

Ему никто не ответил, а капитан сказал:

— Мы согласны.

— Хорошо, — сказал Лунд. — Тогда ждите: через пять-десять минут прибудет такси. И сгоните ваших мух с передатчика, я ничего не вижу.

Туммлер поднялся и согнал мух с передающей установки.

— Я все-таки не понимаю, — сказал он. — Я убивал их, я давил их ногами, но покажите мне хоть одну дохлую муху.

— Не ищите, — сказал штурман. — Даже не пробуйте.

— А что происходит?

— Я потом расскажу. Потом. Когда все кончится.

Доктор встал.

— Мне нужен герметический контейнер, — сказал он.

— Зачем? — удивился штурман.

— Я посажу туда десяток мух.

— Бросьте, доктор, — сказал Туммер недовольным голосом. — После нас останется очень большой контейнер, и скоро он будет набит до отказа.

— Может быть, даже не один, — вполголоса сказал штурман.

— Слушайте, — сказал доктор. — Где я могу взять контейнер? Я не собираюсь рисковать. Я знаю Лунда, он способен взорвать этот корабль, как только мы выберемся отсюда.

— Так и будет, наверное, — сказал штурман.

— Тем более, — сказал доктор. — Ну?

— Пойдемте, я дам вам контейнер, — сказал штурман, поднимаясь.

— А может быть, все-таки не стоит? — сказал Лидин торопливо. — Может быть, не стоит? Вы подумайте, что будет, если...

— Я буду осторожен, — сказал доктор. — Я буду очень осторожен. Я не могу не взять несколько экземпляров. Это же уникальные существа. И мы до сих пор не знаем, как они попали на корабль.

— Не нужно спорить, — сказал капитан. — Доктор прав. Пойдемте, уже пора. Такси ждет нас.

Утопая ногами в дышащем ковре, они подошли к двери. Доктор попытался уступить капитану дорогу, но тот жестко взял его под руку и протолкнул вперед.

— Капитан идет последним, — сказал он.

Он задержался, оглядывая рубку. Теперь даже экрана не было видно. Слабый красноватый свет еле озарял черную мохнатую нору.

— Капитан идет последним, — тихо повторил он и захлопнул дверь.

Все уже прошли к верхнему кессону, но капитан слышал тяжелое прерывистое дыхание Лидина и звенящее зудение мух, ползающих по лицу доктора Канаки.

Здесь черновик заканчивается. Как видим, многое из представленного текста затем перешло в «Чрезвычайное происшествие», но и различий немало. Прежде всего, к происшествию активно привлечена Земля, в каноническом же варианте космолетчики волей Авторов справляются с проблемой сами. Весьма оживляет сюжет сцена с мухой, проникшей в скафандр Виктора Борисовича, и с его рефлексиями по этому поводу. Биолога в составе экипажа пока что нет, зато присутствует исчезнувший потом доктор Канаки.

И, разумеется, нет никакой развязки: идут приготовления к неким действиям, но сами эти действия не показаны. Что дело каким-то образом закончилось благополучно, ясно только из наброска от руки на обороте последнего листка (заодно это, видимо, попытка мотивировать второй вариант заглавия):

— У нас здесь была маленькая неприятность.

— Ничего себе маленькая, — вздохнул... [Фраза не закончена.]

— Вот именно. Где я еще найду такой прекрасный экз<емпля>р улитки?

— Подготовь, пожалуйста, карантинный корабль.

Ответное письмо АНС содержало нелицеприятный разбор присланного текста. Разумеется, немалые претензии были к сюжету: «Как только читатель добирается до того места (стр. 7), где становится понятным, что мухи представляют опасность, он, читатель, немедленно представляет себе, что будет дальше: безнадежная борьба экипажа, стремление взорваться, лишь бы не завезти заразу на Землю, и, наконец, полная и безусловная дезинсекция на платформе инсектицидов или ультранасадок. Спасти сюжет могла бы только неожиданная, по возможности юмористическая развязка». Из замечаний по техническим деталям приведем важнейшее: «Что они жрут, эти мухи, раз они так здорово размножаются? <...> Самое главное: опять-таки: что они жрут? Можно сделать, что они жрут кислород, тогда понятна будет и торопливость капитана: они в два счета сожрали весь воздух на корабле. Надо подумать».

В переписке Авторов переработанная АНС версия называется «Мухи», но полный черновик под таким заглавием в архиве не обнаружен. Однако примерно к этому периоду должна относиться пара разрозненных машинописных страниц — 21-я и 24-я. Действие рассказа здесь уже близко к завершению, доктор Канаки, видимо, уже исчез, зато появился некто Дойл, изъясняющийся по-русски примерно в стиле Моллара из «Пути на Амальтею», только с поправкой на английский язык вместо французского.

Судя по тому, что и у Дойла в шлеме оказалась муха, была сделана попытка переживания Виктора Борисовича оттенить чем-то юмористическим. В дальнейшем, поскольку «мухи жрут воздух», без их попадания в скафандры Авторы решили, видимо, обойтись вовсе. (В результате, правда, члены экипажа стали с немыслимой ловкостью облачаться в спецкостюмы, не пропустив внутрь ни одной мухи.)

Кроме того, здесь несколько более внятно, нежели в окончательной версии, изложено, каким же образом можно эффективно бороться с мухами на Земле.

Из дальнейшего текста не очень понятно, кому же на самом деле принадлежит титанианская улитка — Дойлу или некоему биологу, который Дойлом быть не может никак, поскольку по-русски изъясняется свободно.

— Я потом расскажу. Потом. Когда все это кончится.

— Ты думаешь, это кончится?

Дойл стал скучно рассказывать, что он почувствовал, когда обнаружил у себя под шлемом муху, и как он пытался убить ее головой.

— Ноу я не убил и не раздавил никак, — сказал он печально. — Зато теперь боулит шея.

— Ваше счастье, — сказал штурман. — Я вот раздавил...

Они шли к рубке длинным тоннелем с черными стенами, сумрачным незнакомым тоннелем. Стены тоннеля медленно колыхались, словно дышали.

— Как вы думаете, мистер Дойл, эти мухи — заразные? — спросил вдруг Лидин.

Кто-нибудь должен был спросить об этом, и Виктору Борисовичу стало приятно, что спросил Лидин, а не он.

— Я не полагаю, — ответил Дойл рассеянно. Затем он оживился и сказал: — Нет оснований полагать. Очень разные организации. Думайте — тшеловек и дальний, отшень дальний космический уондерер... э-э... пришелётс.

Они пришли в рубку. Здесь тоже все было незнакомо. Капитан спросил:

— Туммер, циркуляция и кондиционирование?

— Выключены.

— Штурман, готовность?

— Все готово, — сказал Виктор Петрович.

— Люки, двери?

— Все отдраено... за исключением внешних.

— Лидин, состояние вакуум-скафандров?

— Проверено.

Страница 24 начинается с половины фразы:

было ни одной мухи, хотя дверь туда была открыта.

— Черт, — пробормотал Лидин.

— Вот именно. Они попадают в воду и расплзаются в пыль. Делаются грязь. В атмосфере Земли слишком много влаги для них. Муха попала в облако — грязь. Спора попала в облако — пыль. Всё. Нет мухи на Земле.

Биолог помолчал, поднес к глазам пластмассовую коробочку с мухами, затем поднес ее к уху и счастливо улыбнулся.

— Вот только почему я взял на себя смелость... Это уникальные существа. Редчайшие... Редчайшие...

Глаза его вдруг округлились, на лице изобразилась растерянность.

— Моя улитка! — сказал он и помчался из рубки.

Межпланетники переглянулись.

— Если бы мы знали... — сказал Лидин.

— И что бы было, если бы мы знали? — сказал Туммер.

Капитан поднялся.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — сказал он, не глядя на Туммера. — Ложимся на обратный курс. Очередная вахта!

Виктор Борисович поглядел на часы. Мама моя, подумал он, до конца моей вахты осталось целых тридцать минут. Неужели прошло всего два с половиной часа?

Сменившись с вахты, он зашел в каюту Дойла. Дойл горестно вздыхал над доньшком стеклянного баллона. Внутреннее давление разорвало и баллон, и титанианскую улитку, и ключья слизняка, высушенные пространством, присохли к стенам и потолку помещения.

— Это был такой экземпляр! — жалобно сказал Дойл, увидев штурмана. — Такой экземпляр! Ту бэд. Ту бэд, индид.

От повторения подобного языкового приема Авторы в дальнейшем отказались, и в окончательном варианте Дойл исчез. Его место занял биолог Малышев, который в одном лице и скорбит о погибшей титанианской улитке, и дает все финальные разъяснения для недоверчивых членов экипажа и для непонятливых читателей.

Из рабочих записей АНС известно, что рассказ был доработан в ноябре 1959 г. и стал называться «Чрезвычайное происшествие». Черновик рассказа с новым заглавием сохранился. Разночтения его с публикационным вариантом не принципиальны, за исключением эпиграфа, который в рукописи был полнее и выглядел так:

...Исследователи сообщают о межзвездном планктоне, о спорах неведомой жизни в Пространстве. По виду эти споры похожи на рыбью чешую — тонкие слюдовидные пластинки, размером менее квадратного миллиметра. Вероятно, лучевое давление не позволяет им приблизиться к внутренним планетам, потому что протяженные скопления их встречаются только за орбитой Марса. Происхождение их до сих пор остается неясным...

Хотелось бы также отметить, что при чтении окончательной версии рассказа достаточно хорошо видна неполная убедительность предложенной развязки. Мух просто «вывели за скобки», вычистив из данного конкретного корабля (а что предполагается делать со следующими кораблями?). Земля в отличие от исходной версии не то что не принимает участия в спасении корабля, а даже по ходу событий не ставится об этой «маленькой неприятности» в известность. За энергичностью сюжета можно и не заметить, что на некоторые вопросы ответов просто нет. Почему эта форма небелковой жизни выглядит именно как восьминогие мухи? Где эти мухи могли освоить питание воздухом раньше? Видимо, правильно будет ответить: так захотелось Авторам.

А вот без некоторых данных в тексте ответов, право же, лучше было обойтись. Или изложить их как-то иначе. Это касается поведения биолога, который, будучи пойман при попытке сохранить несколько мух на предмет дальнейших исследований, с блеском распропагандирует весь экипаж, произнеся речь о вреде предрассудков и полнейшей безопасности для человечества этих милых созданий. Впрочем, тогда господствовали представления о способности передовой советской науки предотвращать любые опасности и решать любые проблемы по мере их возникновения...

Рассказ предлагался в журналы «Знание — сила» и «Юность», но по разным причинам публикации эти не состоялись, так что впервые «Чрезвычайное происшествие» было опубликовано в 1960 году в авторском сборнике «Путь на Амальтею». Далее за пределами многотомников и собраний сочинений рассказ переиздавался редко (например, в рижском авторском сборнике «Жук в муравейнике», 1986). Кроме того, в сборнике «Формула невозможного», вышедшем тремя изданиями в 1980–1989 гг., представлен сильно упрощенный вариант текста (адаптация для изучающих русский язык). Специального интереса эти публикации не представляют и здесь не рассматриваются.

Подготовлено: С. Бондаренко, В. Казаков

II. Публицистика

Опубликованное

Аркадий Стругацкий. Исполнение мечты

Литература и жизнь (М.). — 1959. — 16 сент.

14 сентября, в 0 часов 02 минуты 24 секунды по московскому времени, беспилотная космическая ракета землян достигла Луны. Она летела с огромной скоростью — более трех километров в секунду — и, разумеется, мгновенно разрушилась в яркой вспышке страшного удара. Но такова была конструкция первого в мире лунолета, что вымпелы с гербом нашей Родины и с надписью «Союз Советских Социалистических Республик. Сентябрь, 1959 год» остались целы. Они вонзились в вековечную пыль или скатились на растрескавшиеся скалы и навсегда останутся там памятником замечательной победы советского труда и советской науки. Вероятно, впервые за всю историю двойной планеты Земля—Луна поверхности нашего естественного спутника коснулся предмет, созданный не слепой природой, а разумом и руками.

Это была древняя мечта человечества, порожденная неутолимой жаждой знания, — дотянуться до неба, до Луны, до планет и звезд и узнать, что они собой представляют. До нас дошли сказки, легенды, первые фантастические истории, рассказывающие о путешествиях на Луну, — как и в других случаях, нетерпеливая мечта начала с фантазий. Пожалуй, нет и не было на Земле народов, в творчестве которых не отразилось бы стремление очутиться в загадочной черной бездне, усеянной звездами. К Луне и к звездам путешествовали и античные авторы, и герои народных сказок. Бурей занесло на Луну великого враня барона Мюнхаузена, а бессмертный Сирано де Бержерак, дурача графа де Гиша, предложил ему на выбор целых шесть способов добраться до Луны — в том числе и воздушный шар, и пороховую ракету, и «магнитный двигатель». Ганс Пфалль у Эдгара По достиг Луны на воздушном шаре. Люди рассчитывали попасть на Луну всевозможными средствами — от нечистой силы и пузырьков с росой до парусных кораблей и воздушных шаров включительно. Это и понятно — слишком велик был тогда разрыв между мечтой и знаниями.

Но шло время, человек узнавал о природе вещей все больше, и мечта принимала все более определенные очертания. И не на игре ума, а на достаточно точном математическом расчете строят свой проект достижения Луны герои Жюль Верна во второй половине прошлого столетия. Артиллерист Барбикен и его спутники летят на Луну в пушечном ядре, выпущенном из исполинского орудия. Герои Верна облетели Луну, рассмотрев наш спутник с близкого расстояния.

Сейчас мы знаем то, чего не знал Жюль Верн: никакие виды порохов не способны сообщить снаряду космические скорости, необходимые для того, чтобы оторваться от Земли; в момент выстрела пассажиры внутри снаряда неминуемо погибли бы — оказались бы просто-напросто раздавленными дном снаряда; невесомость внутри свободно летящего снаряда оставалась бы на протяжении всего путешествия, а не только в той точке траектории, «где притяжения Земли и Луны уравновешивают друг друга».

Великий фантаст многого не знал и кое-чего не учел — когда он писал роман о лунном перелете, еще не было работ великого Циолковского, заложивших основы теории космических полетов. Заметим, между прочим, что это не мешает роману до сих пор оставаться одной из любимых книг молодежи. Это объясняется, конечно, незаурядными литературными достоинствами книги, точнее, великолепными образами героев — смелых, честных, самоотверженных людей. Кроме того, как и во многих других романах, Жюль

Верн предвосхитил некоторые позднейшие открытия, например, использование ракет для управления космическим кораблем или вулканическую деятельность на Луне.

Штурмовать Луну из пушки пытались после Жюль Верна некоторые другие писатели, гораздо менее известные, а спустя некоторое время великий фантаст Герберт Уэллс послал своих героев на Луну при помощи устройства, экранирующего тяготение. Как известно, мистеры Кэвор и Бэдфорд обнаружили на Луне необыкновенную утилитарную цивилизацию разумных муравьев. Для английского романиста фантастика была лишь средством литературной проверки его довольно одиозных экономических построений. Но именно за фантастику ценят Уэллса современные читатели и за большой писательский дар, который вводит нас в мир необычайных приключений.

Что же касается кэворита, вещества, обладающего «непроницаемостью к энергии тяготения», то до самого последнего времени подобная мысль считалась досужим вымыслом, не имеющим под собой никакой научной почвы. Но наука о природе тяготения находится еще в пеленках. А в наше время каждый день приносит все больше доказательств того, что человек рано или поздно осуществляет все, что выдумывает. И кто знает, возможно, придет день, когда первые гравитабли, космические корабли, использующие искусственно созданные поля тяготения, покинут Землю и устремятся в пространство.

Правда, осуществление подобных идей представляется делом отдаленного будущего. А пока романисты изобретали межпланетные снаряды, оснащенные экранами тяготения, плюс- и минус-материей, зеркалами для создания световой тяги, корабли, которые выбрасывались за пределы Земли гигантскими катапультами, пороховыми и электромагнитными пушками, в маленьком городке Калуге рождалась новая наука: теория реактивного движения, теория космических полетов, грандиозный практический план завоевания Человеком Вселенной.

Даже нам, почти современникам Константина Эдуардовича Циолковского, представляются необыкновенными упорство и гений калужского учителя, ученого-самоучки. А наши потомки и подавно с восхищением и благоговением будут оглядываться на замечательного человека, который в нищей царской России, окруженный невежественными и тупыми чиновниками, без помощи, без поддержки, почти без средств и без инструментов, одной лишь силой своего таланта, подкрепленной неистребимой верой в возможности человеческого разума, облек большую мечту людей в первые леса точных математических вычислений. Это он, Циолковский, показал, что самым выгодным и пока единственным средством оторваться от Земли является ракетный двигатель. Это он рассчитал траектории лунных и планетных перелетов. Это он впервые выдвинул идею искусственных спутников — внеземных обсерваторий и промежуточных баз для межпланетных кораблей. Это он указал человечеству путь к заселению межпланетных пространств, рассказал в своих «Грезах о Земле и небе», как может выглядеть такая «межпланетная цивилизация». Многоступенчатые ракеты, теория ракетного топлива, принципиальная схема космической ракеты... Всеми своими теперешними успехами теория и практика покорения космоса во многом обязана Циолковскому.

Итак, трудами Циолковского, а также других исследователей (Кондратюк, Цандер, Тихонравов) мечта получила мощное научное обоснование. Но она еще оставалась мечтой. Путь к ее осуществлению лежал через долгие годы большевистского подполья, через залп «Авроры», через создание первого в мире социалистического государства. Он, этот путь, обеспечен был превращением нашей Родины из нищей страны в «страну мечтателей и ученых», вооруженную мощной индустрией, мощным сельским хозяйством, обладающую огромными энергетическими возможностями, вырастившую великолепные кадры рабочих, техников и ученых. Нет, совсем не случайно первые вымпелы землян, сброшенные на лунную поверхность, украшены гербом Советского Союза. Именно Советскому государству, которое в силу социалистического строя способно сконцентрировать на решении той или иной проблемы самые лучшие кадры, самые

лучшие предприятия и самые лучшие материалы, суждено было стать родиной первых искусственных спутников и космических ракет, как и первой атомной электростанции, первого по мощности ускорителя элементарных частиц, первого атомного ледокола.

Путь к осуществлению мечты лежал и через решение множества научных и технических проблем. Никому из писателей-фантастов и в голову не приходило, сколько трудностей придется преодолеть строителям космических кораблей. Оказалось, что космические ракеты немыслимы без автоматики, кибернетики, электроники, бесполезны без быстродействующих электронно-счетных машин, компактных и точнейших приборов управления и измерительных приборов, они не сдвинутся с места без больших количеств высококалорийного топлива, без жаростойких материалов. Все это требовало упорного и вдохновенного труда ученых, инженеров, рабочих многих и многих профессий и специальностей. Только высокий уровень научной и технической культуры теоретиков, конструкторов и производственников дал возможность осуществить мечту. А такой высокий уровень достигнут только в стране социализма.

И вот пришел день, когда лунный перелет стал фактом. Мечта осуществилась. Человек дотянулся до космического тела — пока только до ближайшего. Вероятно, в скором времени первые космонавты ступят на почву Луны, и Луна перестанет быть объектом научной фантастики. Она станет объектом исследований селенографов и селенологов, по ее безводным морям и скалам поползут вездеходы, люди построят на ней обсерватории, космические станции, может быть, целые города. Люди заглянут на другую сторону Луны, разгадают тайну светлых полос, тайну изменения окраски в некоторых кратерах и многие другие тайны Луны.

Но мечта не стоит на месте. Ее провозвестники, писатели и поэты, тянутся дальше, в коммунистическое будущее мира. Их герои уже пересекают Солнечную систему по всем направлениям, высаживаются на Марсе, на Венере, на спутниках планет-гигантов. В превосходном научно-фантастическом романе «Туманность Андромеды» И. Ефремов показывает нам, что и в далеком будущем не прекращается борьба, гигантская благородная борьба Человека против природы. Человек уже не обороняется, он наступает. Эскадры звездолетов летят к далеким мирам, пытливая мысль бросает Человека на новое, невиданное завоевание — на преодоление физической природы пространства и времени.

III. Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1959

Борис — брату, 3 января 1959, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Вот получай это дерьмо. К чертовой матери! Этот рассказ нельзя исправить, его можно только переписать заново, а на это меня явно не хватает. И вообще, чертовски трудно переделывать рассказ, который кажется тебе совершенным. Одним словом, я вынужден ограничиться сокращением рассказа по объему, совершенно не изменяя его по существу. В настоящем виде рассказ занимает что-то около 25 страниц машинописи, и я не представляю, как можно его сократить дальше, не выхолащивая окончательно. И так пришлось выбросить несколько отличных мест — начало, соображения о мнемогенезисе, пейотль. В общем, я чувствую себя настолько виноватым перед тобой, что готов допустить (и простить) любое вмешательство парней из «З-С». Черт с ними, охота им печатать разное багно — пусть печатают. Но в сборник, я считаю, рассказ должен идти в его первом варианте, и никаких гвоздей.

С завтрашнего дня принимаюсь за «ГП» и буду работать над ним с наслаждением.

Крепко целую, всем привет [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Только что мне позвонили и сообщили, что «завтра (т. е. в воскресенье) в девять утра по первой программе будет передаваться инсценировка по рассказу А. и Б. Стругацких “Урм не повинуется”». Нетривиально! Нам пока везет с рассказами — тьфу-тьфу!

Аркадий — брату, 4 января 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

Прежде всего поздравляю тебя и Адочку с новым прыжком нашим в Космос. Многое мне, правда, непонятно. В частности, если ракету направляли только до Луны, то для чего ей задали вторую космическую? А если ее хотели сделать планеткой, то почему на ней не установили солнечных батарей для передатчиков? Постарайся узнать, чего хотелось и планировалось, и напиши.

Льщу себя надеждой, что завтра буду уже иметь «8зПГ», это совершенно необходимо. «ГП» тоже желательно иметь как можно скорее. В этих видах ты, если очень занят, только наметь необходимые по твоему мнению изменения (хотя бы на отдельном листке) и дай образцы твоей стилистики, а все остальное сделаю я сам. Хотели передать наш «СР» по радио, да помешала речь Хрущева. Ничего, передадут в следующий раз.

Я все-таки не оставляю мысли о «Забытом эксперименте». Психология психологией, а фантастика без смелейшей фантастики — это тоже не дело. Можно сделать небольшую повестушку а ла «Извне» в трех-четырех главах, написанных от лица разных людей. А идея та, о которой я тебе когда-то говорил: гигантский волчок, сохранившийся при взрыве, выдает энергию в виде магнитного поля огромного напряжения, которое превращается в тепло, дает вспышку, и поле снова спадает до минимума, а затем снова начинает накапливаться и т. д. Подробности ужасны. И роботы. И робот-матка, который управляет рабочими роботами. И прочее. Вот и все. А в общем нужно приниматься за «СБП». Меня здесь вызывали в Детгиз, хвалили, но посоветовали немного обмажорить конец. Я объявил, что это только первая часть трилогии, меня похвалили, стали нас усиленно уважать, но обмажорить все-таки посоветовали еще раз. С чем я и отбыл. Обойдется, я думаю.

Всё. Привет, Арк.

«Урм не подчиняется» передали-таки. НичеГо. Мама расскажет.

Да, вот еще что. Перешли мне все материалы по Плутону и его спутнику, которые мы присочинили и рассчитали.

Арк.

Аркадий — брату, 8 января 1959, М. — Л.

Здравствуй, Боря.

Говорить о твоей работе над «8зПГ» сейчас не буду, хотя и очень хотелось бы. Но сейчас над нами угроза во сто крат серьезнее. Вчера я встретился с Касселем у него дома, мы могли говорить совсем откровенно, и выяснилось следующее. В этот день его вызвал к себе Пискунов (директор Детгиза) и объявил ему, что в таком виде «СБТ» не пойдет. Слишком мрачно на фоне всеобщего ликования по поводу запуска ракеты. Считается, что мы таким образом вторгаемся на всенародный праздник с предсказаниями о похоронах. Кассель исчерпал все аргументы, терпение и последние капли служебной этики и пригрозил, что уйдет из издательства, но это не помогло. Пискунов аргументы выслушал, согласился и сказал: «И все-таки так книга не пойдет. Уберите хотя бы часть трупов». Причем, заметь, Пискунов рукопись не читал, говорит о ней со слов других и еще не знает ни о погибшем Поле Данже, ни о катастрофе англичан, ни о погибшем бенгальце.

Кассель советует поступиться частью, чтобы не погубить всё. Итак, у нас два пути: либо забрать у них свою рукопись и вернуть аванс, либо спешно начать разработку оптимальных путей к отступлению. Если мы решим забрать рукопись, говорить больше не о чем: я еду в Детгиз, забираю всё, и мы переводим на Детгиз монету со своих книжек. Если говорить о путях к отступлению, то надо предусмотреть такие возможности: 1. Простое мажорирование. Это значит — в конце книги вместо нашего эпилога дать нечто этакое, со стягами, лозунгами и всенародным праздником. Это лучшее, на что мы могли бы рассчитывать, если бы Пискунов, что весьма маловероятно, согласился бы не воскрешать наших покойников. 2. Воскресить только одного, очевидно, это будет Богдан Спицын. Я пересмотрел все возможные варианты и пришел к выводу, что лучше всего для этого оставить Богдана с Крутиковым на «Хиусе». Тогда: а) Переработке подвергается только одна глава — последняя. б) Это достаточно логично — оставить пилотов на корабле, а взять в экспедицию только геологов. в) Переработка остальных глав будет минимальной — даже «Венера показывает зубы», где потеряется и затем находится под обвалом Дауге, после чего и заболевает. Здесь мы теряем только второе столкновение Юрковского с Быковым. 3. Воскресить Данже, переделать «Сигнал бедствия» и воскресить Спицына. Данже воскресить сравнительно легко — сделать не сообщение о его гибели, а сообщение о его удаче: влез в экзосферу Юпитера и выскочил обратно. Чем и как переделать «Сигнал бедствия» — ума не приложу. С Богданом так же, как и в 2.

Причем, заметь, при всех условиях от нас потребуют стягов в конце.

Я буду драться как лев за книгу. Тебе же надлежит в кратчайшие сроки разработать все три варианта отступления, если, конечно, мы решим отступить, а не погибнуть. Подумай и напиши конкретно, какие будут твои предложения.

Теперь вот еще что. Ты, вероятно, уже постиг, что значит работать на службе и заниматься писательством по вечерам. Очень трудно, я тебя понимаю. Учитывая твою слабую грудь и склонность к инфарктам, разрешаю тебе на период твоего вхождения в счетные машины, электронику и прочее перекладывать часть работы на меня. Но при этом предупреждай меня, пожалуйста, сразу, что ты можешь и чего ты не можешь. «8зПГ» был бы давно переделан, если бы ты имел довольно сообразительности отказаться от переделки. А мне теперь приходится работать наспех.

Вот всё. Жду ответа. Время пока есть, но не задерживай.

Привет всем, поцелуй маму и Адочку. Твой Арк.

Борис — брату, 11 января 1959, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Надо выбираться из этой ж...ы. Ясно, что отступать мы не будем: книга должна быть издана. Будем сражаться. Мне не вполне ясно, сколько именно трупов требует воскресить

Пискунов, но если он согласится на Богдана плюс знамена в конце, это будет в конце концов не так уж страшно. Хуже, если он потребует воскресить вообще всех. Уповая на оптимальный вариант, я мыслю так:

1. Ни в коем случае не убирать «Сигнал бедствия» и бенгальца. Я и не думаю, чтобы они уж очень на этом настаивали — тут трупы сугубо иностранные.

2. Богдана воскресить и, как ты предлагаешь, оставить в ракете. Чтобы свести переделки к минимуму, заставим его заболеть и всю дорогу пролежать в постели в полусне-полубреду. Дауге завалить камнями и прикончить его только вместе с «Мальчиком». Если это принято — займись пока ты. С Данже делай что хочешь, пусть, например, они узнают о его спасении уже на «Циолковском».

3. Знамена я возьму на себя и постараюсь что-нибудь выжать. Когда кончу со знаменами, отправлю их тебе, и ты дашь мне новое задание.

Не совсем ясно со сроками. Узнай и отпиши. Означает ли все это, что редакция изменила свои планы и пустит «СБТ» гораздо позже? Узнай и напиши. Вообще разузнай все-таки, что конкретно они хотят изъять. В конечном итоге я предлагаю соглашаться на всё, отступить мы не можем и не должны. Итак, жду от тебя:

1. Что им от нас конкретно нужно?

2. Каковы сроки переделки?

3. Какие у тебя есть еще соображения по переделке. Мне твой предварительный план нравится. Завтра же сажусь за знамена.

Высылаю «ГП». Существенных изменений немного, и если тебе не понравится, можешь изъять. Я ввел все эти штуки, чтобы хоть немного оправдать рассказ как «научно-фантастический». Вообще же получилась отличная вещь, и драться за нее придется здорово. Бедный ты!

На этом всё, [подпись].

R<ost> T<extum>. Но какая это сволочь там нашептывает Пискунову? Вот кого бы я собственноручно...

Аркадий — брату, 15 января 1959, М. — Л.

Дорогой Бобкинс!

Получил «ГП». Злорадствовал ужасно: ты, провозвестник нового стиля, утвердитель хеммингуизма в НФП, вписал самым обычным стилем и даже, по мнению наших, сильно ослабил то небольшое новое, что, опять-таки по мнению наших, удалось в рассказе. Вот так-то, брат-хэмми-эх-да-гуэевец! Искать, батюшка, надо, искать, а не копировать. Но эпизод мне нравится, и я его оставляю, хотя немного изменю характеристики. Кстати, почему ты решил оставить японку?

С «СБТ» пока ничего страшного. Пока ясно, что нужны в конце знамена — смотри только, нежные и деликатные! — так что ты уж постарайся. Что-нибудь насчет будущего Венеры: сковать ее, заковать, переменить атмосферу, сделать землей обетованной, так ее и не так! Вот в таком плане. Я говорил с замглавредом — симпатичная бабенка, сидит на НФП пятнадцать лет, говорит, что ничего сколько-нибудь сравнимого с «СБТ» не видела за последние пять лет, и пророчит книге большое будущее, чуть ли не бессмертие. «Вы уж постарайтесь, голубчики, — говорит она. — Не дайте пропасть книге, не садитесь на улей голым гузном». Я обещал постараться и спросил, как это сделать. Безнадежно. Понимаешь, совершенно безнадежно. Дело не в трупях, не в деталях, а в тоне и колорите. Вот Кассель предлагает для спасения смягчить сумасшествие Дауге или убрать его (сумасшествие) совсем. Не знаю, может быть, он и прав. Хотя этот псих, на мой взгляд, приятно разнообразил будни экспедиции. Подумай и отпиши немедленно. Кстати, о сроках. Знамена нужны при всех обстоятельствах, и потребуются они к первому, не позже. Так что пиши и скорее присылай, чтобы я имел возможность тоже поработать.

Так о чем бишь я? Да, колорит. Несомненно, сумасшествие Дауге весьма и весьма влияет на зловещий колорит повести, и без него будет значительно светлее. Подумай, на

отказаться от старых традиций: меня просто раздражают эти люди в древнеримских тогах, любители походить в голом виде и как-то ухитряющиеся остаться в рядах лучших, хотя круглые сутки ни черта не делают — только купаются, размышляют о чувстввах и рассуждают на разные темы, поминутно ссылаясь на время, которое отстоит от них на тысячу лет (можно подумать, что между нашим временем и временем действия романа ровным счетом ни черта не происходило). И все они до отвращения известные и знаменитые — ведь ни одного простого человека нет в романе, только — крупнейшие, известнейшие, талантливейшие, красивейшие, ...ейшие, ...ейшие и снова ...ейшие. И бая (нехорошего человека) сразу узнаешь по «низко посаженным, хрящеватым ушам», и у индивидуалиста просто нет никакого выхода, кроме как впасть в животное состояние, и в комнате, где сидит 14 гавриков, никак не чувствуешь присутствия более чем трех, и этот инфракрасный крест! Боже! Этот крест с линзами! Раньше я грешным делом думал, что это механизм, но теперь вижу: научные фантасты дошли до точки, они больше не могут придумать ничего нового в области неизвестных форм жизни. И эти электрические медузы, питающиеся, как теперь ясно, исключительно мясом человекообразных существ. И если даже принять во внимание, что сапиенсы чрезвычайно частые гости на этой планете (три звездолета! Бр-р-р), все-таки неясно, как они ухитряются учуять живое мясо под стальным скафандром (герметически — увы — закупоренным), а если они жрут скафандры, то почему бы им не жрать непосредственно звездолеты? Вообще отсюда следует, что планета богата залежами стали, пластмассы и прочих строительных материалов, каковые в пищу вечно голодным медузам и идут. Одним словом, человека там нет — ни старого, ни нового. Что и прискорбно.

На том кончаю. Пришли, ради бога, хоть одно осмысленное письмо, где изложи подробно положение вещей.

[подпись]

Аркадий — брату, 21 января 1959, М. — Л.

Дорогой Бебкин!

Прежде всего отмечу, что немало обескуражен твоей обидой на невиннейшее хи-хи-с по поводу исправления. Я злорадствовал, это так, но только по одной причине: я убедился в том, что был прав, а именно — что хэминг-эх-да-гуэевский стиль совершенно не годится для острых моментов в научной фантастике, что он исчезает немедленно, как только на сцену выдвигаются вещи или события, фантастические с точки зрения героев. Еще туда-сюда, когда речь идет об обыденном для героев, каким бы фантастичным это ни казалось читателю. Но острые моменты невозможны. И если можно и нужно искать какой-то новый стиль для нас, то он не должен быть современным западным. И если хочешь знать, мне самому «ГП» не очень нравится и я буду весьма мало огорчен, если его не напечатают. И вот мой вывод: эпизод с чудовищем придется убрать — совершенно выпадает из тона, девицу сделать русской — будут дурацкие вопросы: а как туда попала эта японка? И то и другое довольно жалко, но увы.

Теперь о положении с «СБТ». Удивлен и разочарован, что ты не понимаешь положения. Кажется, я тебе его описывал дважды. Ты сейчас знаешь столько же, сколько и я, и даже столько же, сколько и они сами. Повторяю: чего они хотят — я не знаю, ты не знаешь, они, оне тоже-таки не знают. Они хотят «смягчить», «не выпячивать», «светлее сделать», «не так трагично». Конкретно? Простите, товарищи, мы не авторы. Конкретные пути ищите сами. Мне не нравится то-то и то-то, но это мое личное мнение, и вы можете меня не слушать, это ваше право, думайте сами. Понял, наконец, как идет разговор? И при этом мольбы: не губите книгу, не подставляйте ее под удары. Так какого ты, брат мой, ... , от меня хочешь? Что я тебе могу еще, так сказать, сообщить? Я писал тебе возможные варианты, чтобы ты знал, к чему надо быть готовым в худшем случае. Тов. Н не нравятся умертвия, тов. НН — колорит, тов. ННН — сумасшествие, и все они не согласны друг с другом, но согласны в одном: надо смягчить, светлее сделать, не так

мрачно и пр<очее>. И вот печальный вывод, брат мой. Мало написать хорошую книгу. Надо еще за нее подраться.

А в остальном, прекрасная маркиза, все так себе. Прислать тебе экземпляр я, естественно, не могу: их было три, один у Касселя, другой у художника, третий у жюри конкурса. Я доходчиво излагаю, понятно? Что касается «83ПГ», то я таки его подправил, а лучше или хуже получилось — не знаю, то есть знаю, что хуже, но в приемлемых ли границах — бог ведает. Я, брат, уже совсем дошел. На работе гонка — к съезду, драка — увольняли одного хорошего парня, так мы здесь с ног сбились, насилу отстояли, ежедневно — лопни, а выдай страницу перевода с японского и т. д. Я запыхался немного, понимаешь ли. И еще кутерьма с «83ПГ» и с «СБТ», и все это как-то втиснулось в две-три недели. И дома еще в дополнение ко всем радостям домработница женится и уходит.

Ну, сейчас легче станет. Да мы железные, отдышимся.

Ну, будь здоров. Целую всех, жму руку, Арк.

Борис — брату, 30 января 1959, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Запоздал, прости. Вот что я смог из себя выжать, тащась по дороге переделок. Опять ты, наверное, будешь ругаться. Но, черт побери, чем это не знамена в нашем стиле? По-моему, это может пойти. Очень, очень надеюсь.

Теперь насчет «ГП». Воля твоя, но я бы не стал ни выбрасывать японку, ни изымать эпизод с чудищем. Без японки пропадает колорит, без чудища рассказ перестает быть фантастическим, и его не возьмут. Но, повторяю, воля твоя.

Пока больше писать нечего, жму руку [подпись].

При сем же решил препроводить:

а). Матерьялы по «СБП».

б). Один из вариантов «знамен». Здесь должно было быть еще письмо от Михаила с описанием Голконды и записка Краюхина: «Уважаемый А<лексей> П<етрович>. Прошу Вас зайти ко мне завтра в 16.00. Есть серьезный разговор».

Вот теперь, пожалуй, всё.

Аркадий — брату, 7 февраля 1959, М. — Л.

Дорогой Бобкинс!

Получил твою бандероль. Мне очень понравилось, и сейчас же позвонил Касселю и сел обрабатывать стилистически. Впрочем, обработка свелась к тому, что я кое-что добавил, кое-что поприумял, так что в основном все осталось, как у тебя. Сейчас перепечатал и сегодня, наверное, отнесу в Детгиз.

Там, кстати, опять для нас неприятности. Какой-то идиот выступил якобы против упоминания в научной фантастике о военных. В крайнем случае нам придется превращать Быкова в бывшего капитана, взятого в УМПС из начальников транспортного отдела геологического сектора в Казахстане. Но я еще не уверен. Посмотрим.

Целую, привет Адочке.

Поцелуй маму,

твой Арк.

Борис — брату, 8 февраля 1959, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Рад, что угодил, хотя, по-моему, все равно дерьмо — я имею в виду знамена. Может быть, лучше дать в плане повествования. Высадка на Венере — по письму Юрковского, а потом А<лексей> П<етрович> на танке, с геологами, штурмует Дымное море. Эпизод с киберами, испугавшимися красной пленки. («Ага, — злорадно подумал А. П., — мы не боялись!») И вспомнил, как Юрковский резал пленку ножом.) А потом возвращение по «улицам» еще недостроенного города. Обглоданный ажур металлоконструкций на фоне багрового неба, суета, краны, различные там бульдозеры и на площади — тяжелый монолит «Мальчика», вплавленного в камень. И надпись:

Первым
Тем,
кто жив,
и тем,
кто бессмертен.

А? Ежели что — я попробую развернуть, только пришли свои соображения и то, что напридумывал.

Рад, что кое-что из нашего все-таки идет. Но если ты выбросил японку и чудовища — это ошибка. Это я тебе могу сказать как читатель. Я тут думаю, думаю и думаю. Сюжеты, конечно, есть. Но... не то. Всё не то. Думаю все-таки в ближайшее время заниматься «Возвращением», а, в общем-то, что-то тянет на рассказик типа «ГП», но из быта межпланетников. Что-нибудь этакое, обыденное. Рабочий день биолога — охранителя и изучателя некоего заповедника где-нибудь на Марсе. Живет такой гаврик на территории своего заповедника — этакое пятна жизни, их немного на Марсе, — изучает, селекционирует. Как ты вообще относишься к мысли такого вида: возьмем некое марсианское растение. Растение это, вообще говоря, земного типа, но насобачилось жить в условиях мощной ультрафиолетовой радиации, кислородной скудости и недостатка света. Но в общем, повторяю, оно сходно с земными, уже хотя бы потому, что от кислорода не помирает. И вот его перетащили на Землю. Тепло, влажно, огромный свет. То-то оно развернет свои возможности. И вот сидит наш гаврик на плантации таких растений и изучает. И что-нибудь с ним происходит. Что — я еще не знаю. Скажем, кто-нибудь начинает жрать эти поросли. Или, уходя, он неплотно закрывает дверь в свое жилище и туда забирается гад. Что-нибудь очень простенькое, на одних настроениях. Надо, мне кажется, попробовать. Надо привыкать к мысли, что оригинальных и ярких сюжетов у нас практически не будет, и учиться делать кое-что из ничего. А пока я буду писать «Возвращение» и молиться за то, чтобы сражение с властями кончилось у вас с Касселем благополучно.

И вот что, Арк. Я теперь живу главным образом в Пулкове, поэтому рациональнее всего писать мне по адресу: Ленинград, Пулково, Гостиница, Стругацкому Б. Н. Ибо в Пулкове я торчу пять с половиной суток в неделю.

Я уже не временщик, но постоянный работник. По возможности преуспеваю и имею уже моральное право небрежно и фамильярно похлопывать свой любимый табулятор по печатающему механизму. Все это очень здорово, но не думаешь ли ты, о брат мой, как смачно было бы удалиться от наших проторенных дорог, окунуться в жизнь и отдаться свободному пописыванию. Это было бы весьма смачно, несмотря ни на что, но сначала, конечно, надо поработать на электронных машинах. Я думаю, что это дело ближайшего года-двух.

Ну, в общем, пока. Пиши по новому адресу. Все целуют всех.

[подпись]

Аркадий — брату, 17 февраля 1959, М. — Л.

Здравствуй, Бобкинс.

Прости, что задержался с ответом. Был весьма занят — большая задолженность по переводу. Вот окончу этот перевод и баста. Больше переводить не буду.

Есть новости.

а) Есть указание безусловно и безоговорочно убрать из всех НФП книг, связанных с атомной энергией и космическими перелетами, военных. Ни одной папахи, ни одной пары погон быть не должно, даже упоминание о них нежелательно. Поэтому мы, посоветовавшись с Касселем, быстро, двумя-тремя смелыми мазками перекрасили Быкова в демобилизованного офицера, уже пять лет работающего зам. нач. по технической части колонны вездеходов штаба Туркестанского геологического округа. Это прошло, по словам Касселя (я еще не видел, это его редактора), совершенно безболезненно, образ почти не пострадал, все остальное сохранилось в неприкосновенности. Так что не огорчайся.

Кстати, пока больше никто не заикается о воскрешении мертвых, поскольку имеется конец «в другом ключе».

б) Месяц назад я бросил в пасть Детгиза «Извне». Бросил без особой надежды, потому только, что Кассель попросил что-нибудь небольшое для «Мира приключений». Результат потрясающий. Кассель и Андреев (помнишь, тот критик, с которым мы виделись у Касселя — ярый ефремовец и вообще наш) пришли в буйный восторг. Они говорят, что это много лучше многого, а ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ рассказы — вообще превосходны. Третий рассказ, как отдающий уэллсовским духом, необходимо изменить — чуть-чуть, в смысле поменьше ужасов и побольше дерзания человеческого. Я заикнулся было, что необходимо бы сначала закончить «СБТ», но они в один голос набросились на меня и заорали, что время не терпит, что «СБТ» уже вот-вот пойдет в производство, а вот «Извне» нужно срочно подготовить к редколлегии «Альманаха», для чего следует внести только упомянутые изменения. А «СБТ» Кассель заканчивает на днях и отдает мне на «добро», после чего, если к тому времени будут готовы иллюстрации, рукопись пойдет в набор и т. д.

Теперь я предлагаю вот что: А) дай на всякий случай еще один вариант «счастливого конца» к «СБТ» — старый мне понравился, но в том, что ты очеркнул и наметил в последнем письме, есть нечто более интересное. Б) Подумай — только подумай — над возможными изменениями в «Извне» и дай мне наметки. Учти, оба эти дела достаточно срочные.

Да, еще одна новость. Создается комитет научной фантастики при «Мосфильме», и Андреев предложил мне принять участие. Я сказал: а) только с братом и б) надо подумать.

Вот все. Напиши скорее соображения и второй вариант. Очень жду. Да расскажи, что там у вас с семейными делами.

Целую всех крепко, ваш Арк.

Аркадий — брату, 17 февраля 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

Только что отправил тебе письмо и вот пишу снова. За эти три часа произошли некоторые события, кои считаю своим долгом скорее довести до твоего сведения.

Я позвонил к Касселю (я часто звоню ему, так как до меня дозвониться трудно), и он сообщил мне, что секция научно-популярных фильмов Союза работников кино взялась за работу в области научной фантастики. Их делегация побывала в Голливуде и пришла в уныние от постановки этого дела там. По ее докладу отдано кем-то распоряжение заняться научной фантастикой у нас. Они обратились в поисках тем к Касселю, ибо он, оказывается, тоже в прошлом работник кино. Он выдал свой редакционный портфель, они смотрели и похваливали, пока не добрались до «СБТ». Тут они и остановились. Руководитель этой секции Игорь Афанасьевич Васильков вызвал меня к себе, и я только что вернулся от него. Очень мило говорили, «он вдове толковал про долги и аренду, и какая вдова...» Одним словом, нам предлагают: А) Передать секции сценаристов наш роман на экранизацию или Б) Написать сценарий самим. Парашу о передаче права на экранизацию я с негодованием отмел. Думаю, ты похвалишь меня — я сказал, что если мы что-нибудь и предпримем, то это будет наш собственный сценарий. В душе я, конечно, уже загорелся этой идеей, да и ты, я думаю, тоже. Мы ничего не теряем, во всяком случае. Порядок работы: а) Мы подаем заявку — краткое изложение того, зачем нужен наш фильм и что он дает зрителю. б) В том случае, если заявка будет принята, мы пишем либретто — двадцать страниц с изложением сюжета и выигрышных научных мест. В том случае, если либретто будет на секции утверждено и войдет в годовой план кинопроизводства за подписью министра, мы получаем аванс и пишем сценарий. в) В том случае, если сценарий будет принят, мы получаем пятьдесят процентов еще и начинаем войну с режиссером. Вот и все.

Как всегда, наш НФП фильм будет снимать студия научно-популярных фильмов. Так что отдуваться по съемкам придется в основном тебе.

Теперь так. Я уже прикинул так и этак и пришел к убеждению, что вдвоем нам сценарий не осилить: не говоря уже о технике этого дела, ни ты, ни я ни черта не знаем ни об администрации, ни о возможностях и практике кино. Поэтому я предлагаю и настаиваю взять в соавторы нашего Касселя, который хорошо знает книгу, отлично знает кино, превосходно знаком с повадками киноволоков и сможет отстаивать наши взгляды перед самыми свирепыми комиссиями. А самое главное — у Касселя на совести не один сценарий. Как я узнал, он этим делом грешил много и получалось у него неплохо. К тому же сейчас, когда я встречаюсь с нашим иллюстратором, я вижу, что чисто сценической фантазии, декоративной, так сказать, у Касселя куда больше, чем у нас с тобой. Поглядел бы ты, что он сделал с «Мальчиком», в какие он его ракурсы ставит!

Одним словом, требую скорейшего подтверждения согласия на учреждение фирмы «Кассель, Стругацкий и Стругацкий». Вперед, в кино! Вечная слава героям, павшим в этих самых... мизансценах и наплывах или как их там.

Отвечай одним большим письмом сразу и на это, и на предыдущее. И не задерживайся.

Привет, твой Арк.

Аркадий — брату, 21 февраля 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

Псылаю этот little piece¹. Глянь, поправь. Это по мотивам одного английского рассказа, сознаюсь.

Ставлю тебя в известность также, что Варшавский из «З-С» был в «Молодой гв<ардии>», поручено составить срочно сборник советск<их> н-ф рассказ<ов>. Он впихнул наш «СР» и тщится втиснуть «8зПП» (ныне «бс»).

И еще — журнал «Рационализация и изобретательство» просит у нас напечатать главу из «СБТ».

Целую, Арк.

Борис — брату, 22 февраля 1959, Л. — М.

Дорогой Аркашендия!

Премного обрадован письмом твоим — видно, есть еще бог на земле и на небе и не даст он пропасть двум честным советским писателям.

Экранизация «СБТ» — это вещь. Весьма рад, что именно СБТ привлекла благосклонное и милостивое внимание пресветлого Игоря Афанасьевича <Василькова> (дай бог мне запомнить имя-отчество его и фамилию, дабы помолиться во время ближайшего же комсомольского или профсоюзного собрания). И конечно же, я горю идеей. И конечно же, согласен на вовлечение благостного Касселя, хотя он в общем и не христианин. И будет очень здорово увидеть своими глазами страну багровых туч, хотя я плохо себе представляю, как наши киношники справятся с этой задачей и где студия научно-популярных фильмов найдет толковых артистов для такого дела. Короче говоря, я — ЗА и всегда готов, но... Дорогой соавтор, зачем нам, собственно, нужно самим заниматься экранизацией? Только не пойми мои соображения как отказ. Если ты приведешь порядочные резоны, я готов с ними всегда согласиться. И вообще — я за тобой в огонь и в воду и ни от какого общего дела никогда не откажусь. И все-таки — но. Именно, следующие «НО».

I. Написание сценария нам лично (тебе и мне) ничего, кроме денег, не принесет. Ни какого-то нового необходимого опыта, ни совершенствования мастерства, ни... кхм... славы. Мы только рискуем попасть в толпу гонорарщиков, стремящихся лишь к разнообразным проталкиваниям одного и того же. А это не к чести нашей будет. Короче, занимаясь сценарием, мы не получим ничего, кроме денег, и нисколько не продвинемся вперед по нашей дороге. Хотя деньги (замечу мимоходом), эти проклятые бумажки —

¹ Здесь: скетч (англ.).

вещь тоже не очень плохая и способны усладить. Но не ты ли говорил, что не это сейчас важнее всего?

II. Возня со сценарием отнимет время. А времени у нас, мне кажется, немногим больше, чем денег, и беречь его стоит. А у нас обширные планы. Нам надо заканчивать сборник (еще два-три рассказа). Нам надо писать СБП. Нам, черт побери, надо больше думать о новом, чем о старом, — темы-то иссякают! А сценарий отберет — не может, по моему, не отобрать — много времени и сил — духовных и физических. Не думай, что это простые слова — отберет, обязательно отберет. Одной ругани с Касселем и киношниками наберется на три-четыре рабочих человеко-месяца.

Вот таковы мои «НО». Обдумай их. Повторяю, для меня в данном случае (как и всегда) твое мнение важнее моего собственного. И если ты скажешь «Давай!», я немедленно дам. Но прежде все обдумай. Ибо в активе — столько-то тысяч, а в пассиве — потеря темпа, отвлечение от главного, задержка на дороге на Океан. Ибо сказано: «Надо глядеть, чтобы видеть, надо идти по Дороге», а мы будем топтаться на месте, увеличивать текущие счета и много терять в глазах своих друзей (а может быть, и читателей, ибо фильм — говорю заранее — будет плохой, я не верю в Наупоп-фируму). Итак, обдумай все, но помни, что я всегда с тобою заодно и готов на все. И никогда не заявлю: «Я же говорил тебе еще тогда!» Словом, я твой, но предварительно подумай.

Теперь об «Извне». Черт бы их всех подрал. Опять та же ситуация. Я только что перечитал третий рассказ. Отлично написан! Лучше первых двух. Ну что им еще надо? Чтобы Лозовский, подыхая от жажды и отчаяния, толкал речи о роли познания и партийного руководства? Я просто не знаю, что делать. Ну, можно смягчить некоторые выражения. Можно вставить порывы гордости за себя и за человека в туннеле в виде отдельной тирады. Можно, чтобы он оставил там листок бумаги с кратким очерком истории человечества на Земле (во время одного из припадков отчаяния и неверия в свои силы). Пусть он больше действует разумно и планоно: пытается преследовать одного из «пауков», надеясь, что тот его выведет к Людям; пытается составить план корабля; больше ругается и меньше плачет. Не представляю, на что еще способен даже очень сильный, умный и образованный человек в такой ситуации, а выходить за пределы ситуации и лакировать — это не по-нашему, это нехорошо. Важно, что он до последней минуты не жалел о своем поступке даже в те моменты, когда полностью осознавал свое бессилие. Вот и все, что я могу придумать.

Относительно СБТ. Бог с ними и с их идиосинক্রазией к военным. Только сократи срок его пребывания в штатском состоянии — год или полтора, чтобы все-таки пахивало капитаном.

Засим кончаю, целую крепко в лобик, не забывай, что я живу как бобик.

[подпись]

Аркадий — брату, 10 марта 1959, М. — Л.

Дорогой мой Боб!

Ждал от тебя письма, в частности твоих соображений по скетчу, но так и не дождался. Решил написать сам, думаю, что ты сейчас очень занят и не можешь ответить.

а) «Глубокий поиск» в «Вокруг света» провалился. Я еще не знаю подробностей, но одним из существенных возражений против него было, видимо: «Не может быть, чтобы в будущем ученые работали в такой тесноте». Больше разговаривать там я не стал, хочу показать «ГП» Варшавскому, Касселю и Андрееву.

б) Делаю я сейчас вот что: работаю с Касселем по «СБТ» — окончательная отделка, не позже двадцатого повесть должна пойти в производство; для этого опять приходится все перепечатывать на машинке — Кассель правит беспощадно, но в общем правильно; сто с лишним страниц уже готово. Читал и правил верстку «б спичек»; на мой взгляд, получилось неплохо. Пишу сейчас рассказ «Репетиция “СРР”», половину уже написал, это предназначается для журнала «Изобретатель и рационализатор».

в) Говорил с Касселем относительно соавторства в сценарии, он мнется. Кстати, совершенно не согласен с твоей концепцией относительно киношной работы. Если и есть силы, которые способны в какой-то мере повлиять на НФ в кино в хорошую сторону, то это мы. Наемные сценаристы сделают из картины «Тайну двух океанов». Нельзя отдать им на растерзание нашу «Страну». Кроме того, у меня есть замысел создать сценарий из четырех-пяти киноновелл: собираются бывшие одноклассники и рассказывают друг другу, что интересного произошло с ними за время разлуки: «Спонтанный рефлекс», «Глубокий поиск», что-нибудь типично межпланетное, что-нибудь о героизме тех, кто работает в геологии и в ядерной физике.

Вот мои дела. Теперь у меня к тебе просьба. Сходи в журнал «Нева» и предложи им «Человека из Пасифиды». Мы ничем не рискуем, а я вижу, что этот журнал напечатать может. Попробуй. Только оставь у себя копию на всякий случай. И вообще постарайся завязать там хорошие отношения с редакторами. Учти, у нас уже есть известная репутация, от нас уже нельзя так просто отмахнуться. Держись солидно, ты уже не новичок — три рассказа напечатано. Если они предложат тебе писать по линии «НФ» — соглашайся. Сейчас НФ в фаворе, надо утверждаться. Хорошими вещами, конечно.

Вот и все. Пиши, пожалуйста, скорее. Плохо, когда нет от тебя писем. И думай, думай над рассказами.

Большой привет маме, крепко ее целую, и Адочку тож.

Ваш Арк.

Борис — брату, 14 марта 1959, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Прости за долгое молчание. Я действительно был здорово занят, но дело даже не в этом. Я не хотел отвечать, пока не кончу обдумывать этот скё-ё-ётч. И вот к какому выводу я пришел. Подобно тому как Горбатова не исправит даже наш советский колумбарий, так и я не в силах справиться с упомянутым скё-ё-ётчем. Сей литтл пиис из э типикэл даблкей, и никто ему не сможет помочь. Оформление его на редкость убого, идея — неплоха, но не принадлежит, как я понял, ни тебе, ни, тем более, мне. Кроме того, мне представляется недостойным честных советских писателей заниматься фабрикацией разнообразных скетчей, спитчей, литтлпиисов и прочих литературных анекдотиков. Оставим оный жанр для Ленча, Полякова, Слободского и других жертв мутаций. Перефразируя фривольный куплетец Пита Сигера, позволю заметить (себе): «World in the pieces is better, than little pieces in the World». Не сердись, но имеющийся у меня экземпляр скё-ё-ётча я попридержу, уповая на то, что у тебя нет дубликата, а вторично писать его заново ты поленишься.

Что касается «ГП», то остается только пожалеть человека, чтение коего зависит от таких зануд, что сидят в «Вокруг света». Не могут не вызвать жалости и отвращения их попытки представить коммунистическое общество посредством автомобилей-вертолетов-зубочисток с туалетом на два очка. Будем надеяться, что найдутся редактора поумнее.

Мне очень жалко и обидно, что не могу принять участие в правке «СБТ»: это, вероятно, нерационально? Кассель, говоришь, правит беспощадно? Ну-ну. Что-то будет. Смогу ли я узнать? Не придется ли мне возопить по прочтении: «СБТ ли?»

Не понял, что именно ты пишешь для «Изобррационализатора». «Репетиция»... чего? Это — новый рассказ или главка из «СБТ», как они просили? Что-то все просят «главку из СБТ» и никто, однако, не печатает. Странно.

Теперь по поводу освоения целины, то бишь «Невы». Целину ломать — дело, как известно, благое, но как это делается? Представления не имею, куда и к кому именно там обращаться, в какой форме это делать и вообще. Ты консультируй уж меня, бога ради. И помоги разрешить проблему такого вида. Уезжаю я из города в 8.45, возвращаюсь — в 19.10. В воскресенье, по-видимому, редакция отдыхает. Как, значить, быть? Ичто делать? Исчего начать? В общем-то, конечно, можно вырваться, скажем, под предлогом удаления зуба, так что консультацию ты мне все-таки дай.

Теперь опять же о киноработе. Ты меня не убедил. Более того, ты даже не попытался это сделать. Давай пока не будем ничего предпринимать. Пусть выйдет «СБТ». Пусть эти молодчики выпустят какой-нибудь фильм. Тогда и посмотрим по обстоятельствам. А теперь займемся лучше СБП. А?

Моя литдеятельность пока ограничивается порчей бумаги. Только что просмотрел свой последний (третий) вариант «Возвращения». «И глаза его потемнели словно от большой внутренней боли». То есть невыносимо трудно писать рассказ, где главное — не действие, а мысли. Получается тягуче, напыщенно и богомерзко. Этаким Эренбург-Тургенев. Завтра, в воскресенье, примусь в четвертый раз. Хочется написать хороший рассказ. Такой, как «ГП», а может быть, и лучше. Но это чертовски, невыносимо трудно. Буду стараться.

В общем пока все, жду писем [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Не сердись за скё-ё-ё-ё-ётч, он, ей-богу, не в жилу.

Аркадий — брату, 19 марта 1959, М. — Л.

Здравствуй, дорогой мой друг и брат!

Получил твое письмо, спасибо, наконец-то ты разразился. Скё-ё-ётчик действительно матовый, ничего не скажешь. Но все-таки будем его держать в резерве. Впрочем, об этом убудке говорить нечего. Перейдем к делу.

Сейчас я заканчиваю «Репетицию “СРР”» и полагаю прислать ее тебе еще до конца марта. Возвращай, постарайся, скорее. У меня странное чувство: не то это потрясное г..., не то что-то до странности любопытное, хотя и не в литературном смысле. В общем, посмотришь и исправишь.

Покушения на главы из СБТ были, но я, признаться, их отверг. Книга уже на мази, и подводить журналы не хочется: напечатают в мае-июне, а книга — глядь — вышла. Им будут неприятности.

Я сейчас редактирую нашего первенца, вожусь с ним и всячески обсасываю, и чем дальше, тем меньше он мне нравится. Все-таки это трив<иальная> классика: и диалоги, и сюжет, и ситуации, и приемы. А ты бы поглядел, что выкручивает Полещук! Вот это настоящий талант. Он написал уже третий роман. Второй — блестящая полусказка «Повесть о Механикусе и Говорящей собаке» — это, брат, шедевр. Талантище! Она выйдет в «Мире приключений» вместе с нашим «Извне», вероятно.

Теперь вот что. Я всегда старался, чтобы совесть твоя была спокойна. Стараюсь и на этот раз. Я в третий раз перепечатаваю «СБТ» и в третий раз плачу четыреста (400) руб. в советских дензнаках. Так что, если захочешь, можешь, так сказать, соответствовать.

Теперь о «Возвращении». Пришли мне три своих неудачных варианта, хочу поглядеть, по какому ты пути идешь. Все три. У меня сильное подозрение, что ты прешься не по той дорожке — слишком тебя занимает психология. От одной психологии добра не жди. Буду ждать с нетерпением. С этой вещью, кстати, надобно не медлить. У нас договор с «Знанием — силой».

Кстати, о «Знании — силе». Получил ли ты за «Мешок»? Срочно отпиши, иначе я попаду в неловкое положение в тамошней бухгалтерии. Вышел уже и третий номер с «Шестью спичками». Я еще не видел. Как только получу возможность, пришлю тебе экземпляр с «Мешком» и пару экз<емпляров> с «Шестью спичками». И вот еще: если у тебя есть охота, пиши маленькие рецензйки на хорошие научные книжки — «З-С» их охотно принимает. Хотя и калечит при этом.

Что касается «Человека из Пасифиды», то это делается просто. Рукопись укладывается в конверт, к ней прилагается короткое письмо — я такой-то и такой-то, прошу принять и рассмотреть, вот мой телефон и адрес, в случае, если не пригодится, прошу немедленно известить, чтобы я мог забрать обратно. Затем конверт заклеивается и относится на почту. Если А дочка свободна, она может завезти лично, спросить, кто занимается художественной литературой, и вручить ему, сказав, что муж-де работает

допоздна и приехать не может. Вот и все. Шевелитесь, друзья мои. Надо и вам узнать эту сторону дела.

Вот пока все. Итак, жду «Возвращение».

Да, наша идея «СБП» горит синим огнем. НИКАКИХ боев в межпланетном пространстве. Даже смотреть не будут. Надо придумать что-то другое.

Целую крепко, ваш всегда Арк.

Да, Борис, узнай, куда и когда мама собирается ехать на лето. Надо настоять, чтобы съездила хорошо и богато, ни в чем себе не отказывая.

Аркадий — брату, 23 марта 1959, М. — Л.

Дорогой мой Бобкинс!

Вот, добил наконец «Репетицию “СРР”». Сразу скажу: я этой вещью недоволен. На мой взгляд, она растянута, в ней есть много лишнего, а также есть то, чего у нас в рассказах никак не должно быть: лобовая мораль. Но, не в пример тебе, я не считаю, что должен добиться совершенства сам. Я отдаю рассказ в твое полное и безраздельное пользование. Главные требования к тебе: а) по возможности сократить; б) по возможности дополнить активными эпизодами или хотя бы несколькими строчками, чтобы рассказ стал живее; в) подать туда хоть немножко твоего знаменитого «юмора положения». Следовало бы также, пожалуй, сделать героиню менее трусливой, если найдешь возможным и нужным.

Вот так-то. Еще довожу до твоего сведения, что работа над СБТ идет полным ходом, вносятся изменения и вставки, выбрасываются целые эпизоды. Скоро я пришлю тебе весь новый экземпляр, тогда прочитаешь и увидишь. Что не понравится — по мелочам, конечно, — можно будет еще исправить в верстке.

Жду «Возвращения». Не надо его «доводить». Отдавай для доводки соавтору. Потом, по получении от соавтора, будешь еще работать.

Но гляди, «РСРР» не задерживай долго. Худо ли, хорошо ли, она должна быть у меня к апрелю. Постарайся, брат, сделай из этого г... конфетку. Уж больно мне идея (научная) нравится.

Вот пока все.

Целую крепко, твой Арк.

Аркадий — брату, 27 марта 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

Деньги получил. 600 руб — напрасно. Ладно, выпью за здоровье.

Посылаю окончательный вариант. Полагаю, многое тебя удивит, а может быть, и рассердит. Но я больше не мог с ними бороться. Здоровье и нервы, знаешь ли.

Так-то.

Целую, Арк.

Борис — брату, 29 марта 1959, Л. — М.

Возвращаю «РСРР». Опять ты будешь недоволен. Я не укоротил, но удлинил. Знаменитого юмора не подбавил. И вообще рассказ мне очень понравился, и неясно, чего ты ноешь. Прекрасный рассказ. Я только слегка переменял сцену репетиции. Пусть «Оранг» будет несколько могущественнее и умнее, а? А в общем ты, по-моему, молодец. Меня, правда, смущал несколько этот танк. Как-никак, а раздобыть танк для репетиции в те времена будет, вероятно, труднее, чем сейчас для аналогичной цели — паровоз Стефенсона. В общем рассказ мне очень нравится, и, в принципе, можно в нем и вообще ничего не менять, хотя, повторяю, на мой взгляд «Орангу» было бы нетрудно раскусить этот кибертанк.

«Возвращение» пока не шлю: жди максимум через неделю.

[подпись]

Р<ost> Т<extum>. А может быть, лучше не «Репетиция», а «Испытание»? Как-то попроще звучит.

Не мог бы ты мне переслать «ГП»? Очень хочу его иметь. 3-го номера «З-С» еще не видел.

Аркадий — брату, 2 апреля 1959, М. — Л.

Дорогой Бобик!

Посылаю тебе копию рецензии Андреева на «Извне». Вот подумай. По-моему, принципиально менять ничего не надобно, а изменить только тон вещи — побольше юмора и бодрости и чего-нибудь — ты уж попробуй, извернись — в рассуждении братства Разума во Вселенной. А «пауков» можно где-нибудь в последней трети главы сделать посередобольнее, пусть они, скажем, оказывают ему посильную поддержку продовольствием (покорно останавливаются, когда он кидается на жратву, которую они несут), а также пусть ведут себя, как добродушные домашние животные. Но жажду оставь и покажи, что пауки не могут догадаться, чего он хочет. В общем, подумай.

Посылаю тебе также первый сюжет. По такому образцу будем теперь обмениваться сюжетами. Первый вариант пишет тот, кто подал заявку. Сюжет в двух экземплярах, один у заявителя, другой — соавтору.

Заявку подготавливаю. Но все еще не знаю, подать ли ее в Детгиз или в Мол<одую> гв<ардию>. Или даже в «Трудрезервиздат», именуемый в просторечье «Презервативиздат».

Почти все твои поправки к «Испытателю “СРР”» приняты. Отредактировал, сдал на машинку.

Вот все. Приеду утром тридцатого. Нужно обобщить опыт и посмотреть. По-моему, уже выявились кое-какие закономерности.

Привет маме и Адочке. Ваш Арк.

«СУМАСШЕДШИЙ МИР»

Время действия: ок. 2000 г.

Место действия: околосолнечное пространство.

Действующие лица:

1. Командир корабля «Искатель» Кузьмин, якут, 40 л.
  2. Штурман Багров, 35 л.
  3. Борт-инженер, я, Ерошин, 30 л.
  4. Врач Малышева, 30 л.
- Практиканты-космогаторы
5. Второй штурман Ландсберг, 20 л.
  6. Второй бортинженер Васильев, 20 л.
  7. Третий бортинженер Чен Ним, корейка, 20 л.

Содержание:

Новый планетолет «Искатель» в годичном испытательном рейсе. Совершает в данный момент полет инерциальный, по орбите, перпендикулярной эклиптике. Вдруг обнаруживает новую планету, не простую, а двойную, компоненты весьма слабые, диаметр каждой — порядка 200–300 км. Определение орбиты дало: наклон к эклиптике ок. 80°, перигелийное расстояние — 700 млн км, афелийное — 1,5 млрд км. Наблюдение за вращением показало, что центральная планета имеет массу, равную массе Земли, т. е. состоит из вещества огромной плотности (нужно подсчитать — какой), и имеет густую атмосферу. Инфракрасное излучение не соответствует альбедо. Спутник — вторая компонента — вполне нормальный. Светимость их мала, поэтому они долго не были открыты.

Кузьмин радирует на Землю об открытии. Тем временем Ландсберг и Васильев предлагают высадиться и посмотреть. Кузьмин категорически отказывает: «Искатель» в

испытательном рейсе, кибернетических разведчиков для предварительного обследования у них нет, а в атмосфере планеты творятся жуткие вещи — вспышки, всплески и так далее. Ландсберг и Васильев настаивают и со вздохами вспоминают о тех временах, когда высаживались без кибернетических обследований и действовали как Колумбы. Но Кузьмин призывает их к порядку.

Тем временем с Земли предложили остаться и вести наблюдения в ожидании испытанного исследовательского корабля «Ленинград», оснащенного всем необходимым для разведки. Кузьмин делает «Искатель» искусственным спутником и ждет. Но в первую же «ночь» Ландсберг и Васильев украдкой залезают в спасательную ракету и удирают вниз, на планету. Кузьмин устраивает ВОПЛ. Что делать? Сопляки погибнут, как пить дать. Ждать несколько суток до подхода «Ленинграда» нельзя. С другой стороны, «Искатель» мало приспособлен для посадок на планетах с атмосферами, рисковать остальными людьми страшно. Тогда Кузьмин решает посадить экипаж на спутник и попытаться сесть самому. Но остаться никто не захотел, все рвется в бой. И они нырнули на «Искателе» все вместе.

Против ожиданий, посадка удалась без труда. Атмосфера спокойна, только в стратосфере бушуют электрические вихри. Еще когда спускались, заметили в одной точке вспышки дюзового пламени: азбука Морзе, но ничего не понять. Радиосвязи так и не было. Полетели на вспышки и скоро приземлились возле них. Вышли в скафандрах. Вся поверхность покрыта живым тестом. Волны из теста, смерчи из теста, пирамиды, башни, тучи из теста. Кажется, что тесто рвется ввышину. Едва включили радио, чтобы связаться с беглецами, как тесто набрасывается на них. Хоронит их. Погребает их. Приходится отбиваться струями плазмы. Взрывы.

Наконец, после некоторых приключений, отыскивают беглецов. Их спасательная ракетка плотно забита тестом, и освободить ее нет никакой возможности. Пока идут обратно, отбиваясь, оставшийся в «Искателе» Багров выжигает плазмой дорогу. Удирают.

Вся планетка — необычна и уникальна, она гость из других участков вселенной. Предполагается, что в центре она имеет одно ядро из ядерного вещества, окруженное плотными облаками электронов, на которых уже располагается кора обычного вещества.

Тесто — исполинская молекула псевдожизни, непрерывно распадающаяся и снова усваивающая продукты распада за счет энергии радиоизлучений, которыми периодически обдаёт ее ядро планеты. Но в промежутках между этими «вздохами» ядра тесто голодает. Поэтому оно и набросилось так жадно на радиоприемники, поэтому оно лезет в небо ловить космическое радиоизлучение.

Но это всё гипотезы. Исследования продолжаются. Три комплекта роботов исчезли на этой планете, хотя последний комплект имел оптическую и звуковую связь, а не радио.

А планету назвали «ЧЕННИМА» — потому что первым на ней высадился Ландсберг.

Тема: любовь и рыцарство против дисциплины.

Борис — брату, 10 апреля 1959, Л. — М.

[Надпись почерком АНС: «к “Забытый эксперимент”».]

Дорогой Арк!

Вот он — сюрприз. Когда отплюешься, подумай, как его можно изменить. Я ошалел совершенно. Сейчас 12, завтра вставать в полвосьмого. Но решил кончить во что бы то ни стало. Подробное письмо напишу тебе завтра.

Пока.

Р<ost> Т<extum>. Получил «ГП» и «PCPP». Выпили с Витькой <Новопашенным> вдвоем пол-литра, и я потерял вечер, мммааа!

Борис — брату, 12 апреля 1959, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Теперь можно, когда ты уже успокоился, поговорить. Следовало бы начать с «СБТ», но я потерял свои заметки, кои делал при прочтении, а потому поговорим позже, когда найду. А впрочем, можно и сейчас.

Ну что ж! Прежде всего будем честными и признаемся, что из нашей попытки выдать нечто принципиально новое ничего не вышло. Обыкновенная жюльверновщина с небольшой даже долей немцовщины. Образы достаточно убоги, ситуации достаточно избиты, приемы в меру стары. Одним словом, вполне респектабельный н<аучно>-ф<антастический> роман эпохи первой фазы коммунизма. Не более. Ладно. Первый блин комом. Будем рассматривать это дело как шаг к членской книжке ССП. Кстати, Кассель твой... Впрочем, молчу. Но, знаешь ли, вставить при редактировании двенадцать раз слово родина с большой буквы в роман, где оно слово употреблялось раза два, не более, и в гораздо более скромной форме — это надо уметь. В общем, что там говорить — ничего уже не поделаешь. Я только выписал несколько совершенно уж невыносимых ляпов, кои приведу ниже.

Прочел я рецензию Андреева, и так на душе стало уныло — уфф! Хорошо. И это сделаем. Но ты мне скажи: так будет всегда? Что-то здесь не так. Нельзя же пичкать людей все время одним и тем же. Ну какое тут, к черту, светлое человечество, единство разума и пр<очее>? Мы же показываем блестящий эпизод — Человек и машины! Замечательный человек, смелый человек, наш советский человек. Ну какого он черта должен, оставшись без жратвы и питья, мечтать о Едином разуме! Ефремов, видите ли. Не так уж хорошо выдает Ефремов свои идеи. Идеи хорошие, форма убогая. Да и трудно другую придумать, оставив при этом человека человеком. В общем, ну их к черту, будем выполнять социальный заказ.

Теперь о заявках. Ты это слово, вероятно, употребляешь в двух смыслах. О заявках на рассказ потом. О заявке на сборник. Подавай, Аркашенька, в МолГвард. К псам Детгиз. А лучше, пожалуй, в Презерватиздат. Там, кажется, к нам относятся лучше. Хотя, если вспомнить «Шесть спичек»... Нет, попробуем МолГвардию. Может, там будет лучше. Хотя, если вспомнить «Извне»... Н-да.

Теперь о сюжетах. Я внимательно и с интересом прочел либретто «СМ», пригласил вставшие дыбом волосы и попросил Адочку принести двадцать капель нитроглицерина на кусочке сахара. Голос у меня был при этом слабый. Потом я взял карандаш и прикинул плотность двойной планеты. Тридцать тонн на к<у>б<ический> сантиметр. Приблизительно в пять раз меньше плотности самых горячих белых карликов. Такой плотности должна соответствовать температура (даже для вырожденных ядер) никак не меньше нескольких тысяч градусов. По произведении такого рода расчета я ощутил необыкновенное желание увидеть если не материал, из которого сделан планетолет «Искатель», то по крайней мере молекулу, которая бы не распалась при указанной температуре. Это показалось мне невозможным, и я принял рюмку коньяку. Затем я подумал, что светимость такого сооружения должна быть во всяком случае не больше чем в десять раз меньше светимости Солнца. Наконец, планета с массой, равной двойной массе Земли, оказала бы такое влияние на движение близлежащих планет, что, вероятно, спутало бы все расчеты механиков времен Ньютона и всемирный закон и до сих пор оставался бы, наверное, гипотезой второго класса. Потом коньяк произвел свое действие, и я решил, что это апрельская шутка. Однако на письме значилась дата 2.04.1959. Кончилось тем, что я пришел к мысли, что это запоздалая апрельская шутка, и лег спать с зубной болью. На другой день я соединил головки счетчиков со щетками нижнего блока восприятия чисел и терпеливо перенес соответствующие нарекания. Теперь я уже совершенно оправился, так что ты не беспокойся. Все это я пишу для того, чтобы уточнить место действия. Об остальном можно говорить, лишь получив первый вариант. Возможно, ты придумаешь что-нибудь смачное. Тогда все предыдущие соображения потеряют силу. А в таком виде рассказ можно, пожалуй, лишь послать в Радиокомитет в редакцию передач для детей под заглавием: «Что напутал барон Мюнхгаузен?» Что у тебя

за тяга к сумасшедшим сюжетам? Я совершенно не вижу цимеса. Надо, я считаю, писать рассказы типа «ГП» и «РСРР» — эпизоды, частности, без кровопролитий и сверхчеловекопожертвований. А в общем — пиши. Уж ты-то более чем кто-нибудь способен сделать из г... конфетку. Тому примеров тьма. Не считаю, конечно, «бС» — здесь, вероятно, не твоя вина.

Кстати, у меня есть идея. Надо создать цикл рассказов на тему: «Под чужим небом». Это рассказы о быте людей на других планетах. Об этом никто еще, по-моему, не писал. Все пишут о первооткрывателях, о конквистадорах, о тех, кто грудью на пулемет. А мы давай напишем о быте. Человек уже закрепился, настроил домов. Появились старожилы. Они работают. Биологи, геологи, метеорологи, астрономы. Организовываются станции и обсерватории. Все это разбросано на чудовищных площадях. Одиночество. Станный мир. Одновременно и привычный уже — и странный! Все время неожиданности, иногда — удивительные. Вот простор и для фантастики, и для героизма, и для бытописания. А? Это можно сделать и для Венеры, и для Марса, и для Луны. И для других звездных систем. У меня пока нет определенных сюжетов на примете, просто я предлагаю в поисках сюжетов направляться именно в эту область.

А теперь, товарищи, прослушайте историю о самой короткой телеграмме.

ИСТОРИЯ О САМОЙ КОРОТКОЙ ТЕЛЕГРАММЕ

Несколько лет тому назад в Израиле, в районе Мертвого моря при раскопках некоего древнего монастыря были найдены так называемые Кумранские документы — летописи (на пергаменте и металле), освещающие начало христианства и таинственный пробел в жизнеописании Христа (именно годы жизни 15–30 великого комбинатора идей). Документы попали в руки одного попа, который, прекрасно понимая, какая чудовищная ценность находится в его распоряжении, немедленно удрал в Америку. Однако слух о Кумранских документах дошел до министра вооруженных сил Израиля — известного археолога, весьма культурного человека. Тоже зная, с какой стороны у бутерброда масло, министр находит следы попа и устремляется за ним в США, где приходит к попу на дом под видом бедного еврея, готового уплатить за документы несколько миллионов долларов. Поп принимается ломаться: ему неудобно продавать христианскую документацию какому-то паршивому жиду, а посему он и заламывает цену совершенно фантастическую. Дело затягивается весьма. Тем временем Бен-Гурион, обеспокоенный отсутствием вестей от министра, уехавшего с толстой чековой книжкой, рвет на себе пейсы и совершенно не представляет, как он может повлиять на ход событий. Потом он садится за стол и составляет телеграмму в Нью-Йорк. Телеграмма звучит так (адрес придуман мной — Б. С.):

Америка, США, Нью-Йорк, отель «Кока-Кола», м<исте>ру Ахицумпаровоз.

Ну?

Телеграмма оказала свое действие. Министр перестал торговаться и вскоре вернулся в Израиль с документами.

Самое занимательное в этой истории то, что она истинная. Приблизительно в таком же виде она опубликована в предисловии к лондонскому изданию Кумранских документов.

Теперь несколько слов о поправках, каковые мне все-таки хотелось бы внести в «СБТ». Не говоря уже об огромном количестве опечаток, которые, надо думать, ты исправишь сам, необходимо убрать следующее:

Стр. 149. Выбросить термин «математическая физика». МФ есть не что иное, как теория дифференциальных уравнений в частных производных и теория интегральных уравнений. По контексту — это не в жилу. Пусть они оперируют формулировками из арсенала тензорного исчисления, если им так уж нужно оперировать.

Стр. 274. «В шлем плюнул, вот что не гоже». Нечто такое убогое, что меня чуть не вырвало. Выбросить эту фразу к черту! Вычеркнуть!

Стр. 212. «Не утонул бы Ермаков». Выбросить к черту. Заменить прежним вариантом: «Не утонуть бы». Ибо всякая прямолинейность омерзительна.

Стр. 303–304. Не «оГлой-хорхой», а «оЛгой-хорхой».

Кроме того, очень хотелось бы оставить прежнее название: «Страна...», а не «В стране...» И непонятно, если можно изменить название так, как его изменили, то почему нельзя поставить «Люди Земли»? И неплохо бы вышвырнуть вон эти лучевые автоматы. Подумаешь, фантазия! Чувствуется рука Касселя.

Стр. 330. Не «Это так... Хорошо лечь» и т. д., а «Это так хорошо — лечь» и т. д.

И прочая, и прочая, и прочая... Всего не перечтешь, я смирился.

Ну хорошо. Ждал я от тебя сегодня письма, чтобы сразу и ответить, — не дождался. Примусь теперь за «Извне». Будь здоров, привет от наших [подпись].

P. S. Приезжай обязательно! То-то выпьем со вкусом. Мы тебя очень ждать будем.

«ГП» и «РСРР» получил. Теперь бы еще получить «СР» — и все в порядке.

Аркадий — брату, 15 апреля 1959, М. — Л.

Дорогой Бобкинс!

Дождался письма от тебя и пишу ответ.

1) «Забывтый эксперимент» (шифр, естественно, «ЗЭ») получился, на мой взгляд, вполне хорошо. Но печать торопливости на нем очевидная. В частности: первые две части чересчур растянуты, исполнены подробностей, не играющих совершенно, тогда как последние части очень беглы и смутны; читатель, по сути, так и не понимает, что произошло, объяснить надо лучше — я не говорю о физических принципах, а о сюжете; кое-что просто недодумано — напр<имер>, если новое излучение не фиксируется приборами, то почему оно остановило роботов? Но в общем, повторяю, хорошо. Я сейчас спешно работаю над «ЗЭ», привезу его с собой, и мы посмотрим вместе, что можно сделать еще.

2) «Испытание “СКР”» одобрено и идет в № 7 «Изобррацион» без сокращений и почти без поправок.

3) Удручен, что мой сюжет так провалился. Ай-ай-ай. Но ты, конечно, прав вполне. Дерьмо, так и будем считать. Твоя идея сборника «Под чужим небом» много лучше и заслуживает внимания, конкретной разработки и детального определения сюжетов. Надо дать рассказов шесть. Но об этом поговорим по приезду. А самое главное все-таки — это «СБП», прежде всего надо подумать об этом.

4) «СБТ» называется-таки просто «Страна багровых туч». Это я так ошибся. На титулах в рабочей рукописи значится «Страна».

5) Кассель в третий раз просит нас дать заявку на сборник. Думаю, так и придется сделать, тем более что если ты справишься с «Извне» быстро, то сборник в одну повесть и три-четыре рассказа издадут в следующем же году, а стоять это нам ничего не будет. Сборник подготовлю я, пока ты будешь потеть над «СБП». «Презервиздат» и «МГ» — трусы трясущиеся, и нам очень, очень везет, что мы имеем дело с Касселем. Хочешь пример? Вот. Сейчас в «МГ» выходит сборник лучших образцов новой советской НФ. Начинается он, как легко понять, ефремовским «Сердцем Змеи» и включает наш «Спонт<анный> реф<лекс>» (кстати, его опять сегодня передают по радио, сволочи). Так вот, редактор выступил против «СР» на том основании, что изображается «БУНТ МАШИН», и понадобились объединенные усилия составителя, двух консультантов и одного главного редактора, чтобы доказать, что «СР» включить необходимо. А ведь эта вещь уже всем известна. А вот Кассель — он хватается за «Извне», за «СР» и даже обещает пропихнуть «ГФ», если ему удастся, хотя он и не уверен. Так, короче, подавать заявку или нет? Напиши сейчас же по получении этого письма и тут же сообщи, как идет работа с «Извне». И немедленно — немедленно — вышли черновики «Возвращения».

б) На рецензию Андреева не обижайся. И если хочешь знать, это действительно социальный заказ: заказ ЦК ВЛКСМ, противопоставить нашу НФП тому, что идет в Европу из Америки. Я читал этот доклад и при встрече расскажу тебе подробнее.

Вот, кажется, и все, что я имел... э-э... так сказать, сообщить. Мотай на ус.

А Кассель, между прочим, да и многие другие, убежден, что «несмотря на довольно очевидные недостатки, ваша повесть будет иметь очень большой резонанс, А. Н.».

Кассель даже в официальных разговорах зовет нас «братья-разбойники». «Так это вас называют «братья-разбойники»? Ах-ах, никогда бы не подумал!»

Целую, поцелуй всех, Арк.

Борис — брату, 20 апреля 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Посылаю тебе эти обглодыши. Как видишь, у меня не пошло. Я залез в дебри психологии и совершенно отрешился от Действия. М<ожет> б<ыть>, ты что-либо придумаешь, а я сажусь за «Извне» — задача сложная, но — раз соц<иальный> заказ, ничего не поделаешь.

Заявку подавай в Детгиз. Хорошо бы толкнуть сборник в составе:

1). «Извне».

2). «СР» (назвать «Спонтанная дуга»).

3). «ГП».

4). «ИСКР» (хорошо бы — «Испытание СКИБР», а?! Это звучит: «Мои скибры вошли в запретную зону!»).

5). М<ожет> б<ыть>, «ГФ» или «8зПГ». Если отделаем «ЗЭ» — тоже неплохо.

Теперь вот что. Шкловский выдвинул гипотезу, что спутники Марса — искусств<енные> образования. По его расчетам получилось, что это пустотелые сооружения, запущенные 400 млн лет назад «как памятник уходящей цивилизации» (его слова). Подробности выясню и отпишу. Это, черт возьми, тема!

Пока все. [подпись]

Аркадий — брату, 8 мая 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

Посылаю тебе модель для пролога к «СБП», новый вариант «ГП» и экземпляры «ЗЭ» и окончания «Извне».

Хочу тебя порадовать: пришла (уже!) верстка «СБТ». Нам удивительно повезло, как раз в тот момент, когда мы с Касселем потели над последним вариантом рукописи, Таллинская типография оказалась в прорыве и слезно запросила Детгиз дать немедленно работу. Вот Детгиз и дал. И вместо полутора-двух месяцев мы получили верстку через полмесяца. Кассель говорит, что теперь книга выйдет не позже конца июня.

Должен, правда, и огорчить тебя. То, что в оригиналах выглядело как отличные иллюстрации, сильно поблекло, огрубело и плохо смотрится. Сейчас я сяду за правку, а когда правка будет перенесена на рабочий экземпляр, вышлю дубликат тебе. А вообще лучше дождись готовой книги.

Теперь вот что. Кассель просит подкинуть ему что-нибудь для шестого номера альманаха. Как славно было бы, если бы мы успели управиться с «СБП». Но это нужно сделать к началу августа, в крайнем случае — до сентября. Как ты на это смотришь? Отпиши. Сегодня иду в «Знание-смачно» торговать «ЗЭ».

Маме и Адочке привет и поцелуи.

Твой Арк.

Аркадий — брату, 20 мая 1959, М. — Л.

Дорогой мой Боб!

Вот уже двадцатое, больше полумесяца, как мы расстались, а я все не имею от тебя ни строчки. Договор ты не соблюдаешь, чем повергаешь меня в горестное недоумение. В

окрестностях пятнадцатого я все ждал вождя-бандероли, но так и не дождался. Ах-тех-тех-тех-те... Эти мне братья и соавторы!

Отнес я в «З-С» наш «ЗЭ». Прочли и засмутились. Все им, видишь ли, подходит, а только много слишком разговору и действия мало. Я взбеленился, отправился к ним и прочел Варшавскому получасовую лекцию об отношениях большой литературы и НФ. Понимаешь, никто, по-видимому, не разделяет всерьез нашу установку о том, что НФ может и должна быть большой литературой. По их мнению, в НФ должны быть взрывы, умирания и пр<очее>, и никакой психологии. Мне трудно все это доказывать, ведь это наша вещь, понимаешь? Доказывать, что твоя вещь — это вещь! Хвастовство, да и только. Кажется, я их не убедил, но они обещают подумать. Может быть, придется кое-что изменить, в смысле сокращения прямой речи. Как ни странно, именно это им мешает больше всего.

«СБТ» тщательно считал, исправил, кое-где поправил бесчинства Касселя. Сегодня пришлось случайно заехать на съезд, в Кремль, искал своего одного японца. И неожиданно столкнулся с Кимом и Касселем. Га-га-га! Го-го-го! А мы только что о вас говорили. А пропо, сборник я собрал и отдал Касселю неделю назад, причем «СР» выбросил ко всей трох-тибидох. Так вот, Кассель рассказал, что книготоргфюеры, прочитав верстку, потребовали тираж «СБТ» в размере 25×10^4 экз., явление малопрецедентное. Это (буде будет осуществлено) несколько укрепит наши финансовые позиции, но и только, поэтому я не особенно обрадовался. А вот другое. Кассель первым из редакторов очень похвалил «ГП» и «ИспСКР». Значит, пробиться можно-таки. В тот момент, когда он перешел к «ЗЭ», нас прервали, и мне пришлось удалиться. Но завтра я ему позвоню и выясню все до конца. Ефремов сборник одобрил и похвалил, что в нем не будет «СР» — стандарт, как он говорит, и я согласен, и рад, что допер до этого самостоятельно.

Теперь третья. Как я тебе говорил, нас включили в сборники на иностранных языках. Срочно необходимы наши фотографии. Пришли срочно свое фото, по возможности жанровое (с книгами или у приборов). Я предложил твое у теодолита (помнишь такое?), но ретушеры отказались работать с ним, слишком темное. Снимись на хорошую яркую и контрастную карточку у счетных машин, вот это будет здорово. Мне тоже предстоит сниматься.

Ну все, жду письма и бандероли. Твой Арк.

Поцелуй Адочку.

Борис — брату, 22 мая 1959, Л. — М.

Здравствуй, дорогой Арк!

В данный момент я сижу в Пулкове, в комнате № 18, о которой ходит дурная слава. Пытался закончить первую главу, но сдох, потому что в голове шумит и хочется спать. Я был здорово занят последнее время. Подвалило вдруг дел на станции, два вечера в неделю уходят на китайских товарищей, которые вместо гласных употребляют почему-то согласные и до сих пор не могут отличить построчную печать от итоговой. Кроме того, пришлось потратить довольно много времени на опровержение теории относительности, но из этого ничего не вышло. Получены, вообще говоря, любопытные результаты, но главную трудность так пока и не удалось обойти.

Однако работаю и над главой, хотя по обыкновению и отстаю от графика. Дело оказалось весьма сложным. Набить содержанием двадцать страниц, на коих ничего существенного не происходит, — это тебе не фунт. Не веришь — попробуй сам. Одну идейку я таки реализовал, но этого мало. Мешанина фраз. Дерьмо кошачье. Катцендрек. Но не сдаюсь.

Мать твою! Ей-богу, только сейчас вспомнил, что надо было еще полмесяца назад позвонить в «Неву»! Оттуда до сих пор ни гласа, ни воздыхания. Вот сволочи. Ужо я их. Однако как звонить — не знаю. Из Пулкова неудобно — до черта посторонних. Из дома — поздно. Может, разразится письмом?

Очень рад, что гранки уже есть. Жду не дождусь, когда ты пришлешь и мне — подержаться. И думать не могли не посылать. Жажду!

Как там у вас, на съезде? Небось, заседаете? Отпиши по возможности. Интересно, что там будет на секции НФ.

Смерть спать хочется. Если есть хоть одна новость — отпиши. Жду и тружусь.

[подпись]

Аркадий — брату, 23 мая 1959, М. — Л.

Здравствуй, Боб.

По-прежнему с прискорбием отмечаю полное отсутствие известий от ленинградского филиала АБ и Ко. Но мирюсь. И сам удивляюсь своему долготерпию.

Пишу я тебе вот по какому поводу. Вчера вечером мне звонил Варшавский и сообщил, что «ЗЭ» всем в редакции очень понравился, в том числе и ему самому по вторичном чтении. Это очень симптоматично: рассказ просто непривычен для этого жанра. Он нетрадиционен. «Это настоящая художественная литература без скидок. Попробуйте читать Нагибина, если вас в шутку предупредят, что это детектив. Вы будете разочарованы. Вот так же и здесь». Одним словом, претензия одна: нужно либо дать больше в научной части, либо меньше. Я думаю, лучше меньше. Быстренько сделай и пришли мне новый вариант научной части, где написано очень мало. Придумай что-нибудь.

Теперь так. «Знание — сила» устраивает нам с тобой бенефис. Они дают в 8 или 9 номере сразу два наших рассказа, наши портреты и биографии. Молодые, так сказать, таланты. Я срочно сажусь за «Букет». Его надо сдать в редакцию в конце июня. Пришлю я его тебе до десятого июня. А ты, повторяю, прямо сейчас же садись за работу и дай краткий вариант научной части.

Привет всем, твой Арк.

Вариант должен у меня быть до пятницы во всяком случае.

Борис — брату, 26 мая 1959, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

При сем препровождаю:

а) Включение в «ЗЭ». Черт знает, что им там нужно. Я попытался сократить научную часть, но мне, кажется, это не удалось. Во всяком случае, я разбавил ее прямой речью. Включение начинается от слов «Но все-таки я постараюсь объяснить» (стр. 29) и кончается перед словами И<вана> И<вановича> «Мы построим здесь город...» (стр. 32).

б) Пародию на наши произведения. Пародия написана одной моей знакомой — большой поклонницей (и, кажется, вполне искренней) нашего творчества. Я ей прочел на днях «ИсСКР» и «ЗЭ», и она сказала: «Растете, гады!» Стиль, дескать, есть, и вообще «это вам не Сапарин». Пародия, по-моему, хороша.

Как видишь, главы пока нет. Но она будет, и скоро. Сегодня полвечера провел в фотографировании. Что-то будет? Очень тебе, Аркашенька, благодарен за долготерпение в смысле главы. Ты, по-видимому, хорошо представляешь, каково это — писать ни о чем в фантастическом произведении.

А в общем-то дела хороши, тьфу-тьфу! Последние письма от тебя просто вдохновляют. Стоит и жить, и работать стоит. Можно, значит, пробиться, черт побери всё.

Да! Адочка была в «Неве». «“Человек из Пасифиды”»? (Не заглядывая ни в какие реестры.) Как же! Рецензия одобрительная. Сейчас читает редколлегия. Мы вам в ближайшее время позвоним!» Так что и здесь дело, кажется, на мази, но я-то не очень доволен — слишком это тенденциозная вещичка. Не люблю таких. Не наш стиль, не наше амплуа. Пусть Лагин пишет. И Брянцев-Казанцев. А здорово Казанцеву вмазали на страницах «Астрономического журнала»! За его вопли по поводу Тунгусского метеорита. Сам Перель писал — крупнейший в СССР специалист по истории астрономии. Язвительно писал, с наждачком-с!

С полюса вернулся Козырев. Привез доказательства, но Лабейш — его лаборант — качает головой и бормочет: «Не нравится мне это. Фанатик он. И методы его мне не нравятся. Уйду я». Вот так-то.

Ну, засим лобзания и пр<очее>.

[подпись]

P. S. А мама уехала. Пытался всучить ей тысячу — черта с два! Никаких шансов. А ты говоришь!

Верстку! Верстку давай!!! Зреть жалаю!

Да! Подана мысль. Не изменить ли фамилию Полесов. Кое-кому приходит сразу на память В<иктор> Мих<айлович> Полесов — гусар-одиночка с мотором. Э? Пусть уж лучше Колесов.

Аркадий — брату, 29 мая 1959, М. — Л.

Здравствуй, дорогой Боб.

Получил вариант научной части (как раз вовремя) и пародию. Пародия действительно хороша. Ничего не скажешь, стиль тот. Научная часть мне нравится, думаю, подойдет. Сегодня иду к Варшавскому и отдам.

Рад, что «Нева» не отвергла. Наверное, теперь возьмут. Тем более что сейчас опять у нас в литературе антиколониальные веяния. Если «Нева» возьмет, я думаю, мы выбросим «ЧиП» из сборника. Нечего ему там болтаться и колорит портить.

Есть уже гранки «ИсСКР», сегодня пойду смотреть. Что до верстки «СБТ», то звонил Кассель, он дает. Заеду к нему, возьму и вышлю.

Усиленно работаю над «БР». Очень трудно, сам понимаешь. Но две трети уже сделал. Остается самая сложная — последняя. Я построил рассказ несколько необычно, любопытно, как ты его воспримешь. Но метод, по-моему, неплох, и даже если «БР» не понравится тебе, нужно будет этот метод не упускать из виду.

Сейчас мне кроме всего прочего поручено написать сценарий для третьей передачи о научной фантастике (есть у нас такие передачи по телевидению). Передача посвящена «Гуманности Андромеды». Я потребовал иностранные НФ-фильмы. Кажется, разрешают. На днях поеду в Белые Столбы выбирать. То-то поглазею! Жаль, тебя нет со мной. А передача будет 13 июня.

Вероятно, придется встретиться и с Ефремовым. Познакомимся.

Вот и все.

Поцелуй Адочку, привет, твой Арк.

Аркадий — брату, 2 июня 1959, М. — Л.

ПРОЧИТАТЬ ПОСЛЕ РАССКАЗА!!!

Дорогой Боб.

Посылаю тебе то, что вышло у меня из «Букета роз». Как видишь, рассказ не окончен. И это не от лени, уверяю тебя. Третью и последнюю новеллу по праву должен написать ты. Почему? Прежде чем ответить на этот вопрос, хочу пояснить тебе идею рассказа — на тот случай, если она тебе еще не совсем ясна.

Как видишь, эпиграфом к рассказу взят подзаголовок из новеллы Акутагава «В чаше». Содержание новеллы следующее. В бамбуковой чаше нашли убитого самурая. Ведется следствие. Взят разбойник, который изнасиловал жену самурая и убил его самого. Новелла дает три версии убийства: одна — версия разбойника (по его словам, он убил самурая на дуэли и отверг любовь его жены), версия жены (ее исповедь: разбойник заманил их в чашу, ее изнасиловал и скрылся, а она, опозоренная, убила мужа) и версия духа убитого (после того как разбойник изнасиловал его жену, самурай сам закололся). Все три версии оправданы обстановкой и тем, что нашли около трупа, и ни одна версия не объясняет, куда делся кинжал, которым был убит самурай. Меня заинтересовал этот прием. Я решил применить его в нашем творчестве, но без этих загадок. Мы даем происшествие с межпланетником с трех точек зрения. Две я уже дал. Третья, его, межпланетника, собственная, — на тебе. В отличие от Акутагава, я решил дать не версии

события, а версии облика героя — с трех точек зрения. Поэт считает, что Валентин — фантастически удачливый авантюрист, настолько удачливый, что сумел вернуться в свое время вопреки законам, божьим и человеческим. Жена считает, что Валентин вернулся потому, что не мог быть без нее — и Валентин это не опровергает. И вот его, Валентина, собственная версия — он — первооткрыватель, из тех, кто ищет новые и необычайные пути, из тех, кто хочет работать не на далеких потомков, а на современников. Мысль ясна? Эту идею ты должен выразить в своей новелле, легонько, без нажима. Так, чтобы было ясно: он вернулся не потому, что чертовщина ему помогла, а потому, что он был вооружен совершенным знанием. И вернулся не к жене, а ко всем людям, которых эта его жена олицетворяет. Повторяю, легко, без нажима и не в лоб. Ничего, если возможны кривотолки, этого не бойся. Пиши по хэмминг-да-эх-гуэевски.

Я не могу писать эту новеллу потому, что слишком наладился на минорный и экзальтированный лад предыдущих двух. У меня получатся сплошные сопли. Но я могу дать тебе план, как я представляю себе эту третью новеллу, — план для тебя, конечно, не обязательный. Вот он:

1) Герой, будучи на пороге звездных экспедиций, исследует работу по теории тяготения и сталкивается с упоминанием о парадоксе Фока. Здесь введи термин «частные предположения». Это гвоздем засаживается в его голову. Только что изобретенные прямоточные ракеты дают возможность проверить все на практике. Он собирается устроиться так, чтобы во время рейса создать эти самые «частные предположения», и открывает, что при полете возле звезд с пульсирующими гравитационными полями эти частные предположения еще более съедобны. Он договаривается со своими друзьями использовать Третью звездную для эксперимента.

2) Описание полета. Здесь дай простор фантазии. Необычайные миры, чудовища, странные свойства пространства и времени и так далее. Это дать необходимо, чтобы подогреть интерес к рассказу ВСЕХ читателей. Это будет динамика рассказа.

3) Коротенько — возвращение, они сами себе не верят. И мысль о необходимости летать в будущем только так. Облететь всю вселенную за год-два земных и за двадцать-тридцать небесных.

Меморандум: а) Не больше семи страниц. Ни в коем случае не больше. б) Мажор. Это рассказывает не желчный от неразделенной любви поэт, и не женщина, влюбленная в мужа до грыжи, а межпланетный волк, спокойный, веселый, не лишенный юмора и очень обрадованный тем, что эксперимент удался. Понимаешь? Он скушал и просит еще. Вот это мне и не удалось бы. Но не забудь при этом, что он любит жену. в) Постарайся внедрить во всех разделах новеллы о самом себе черты героя, как он представляется нам: первооткрыватель, возмущенный мыслью, что природа не позволяет ему работать на современников. г) Все это не освобождает тебя от обязанности править то, что сделано мною.

Не знаю, может быть, я не прав, выбрав такую форму. Но уж очень заманчиво было. «Метод нескольких прожекторов». Как это ни странно, Ленке понравился и метод, и содержание первых двух новелл.

Теперь о сроках. Варшавский просил дать этот рассказ не позже десятого. Мне понадобятся по крайней мере три дня для машинистки. Так что буду ждать примерно седьмого. Бросай все и за работу. Будет очень жалко, если ты опоздаешь. О том, что ты управишься с темой, — не сомневаюсь. «ЗЭ» идет отлично. Жду фотографии. По получении и прочтении письма немедленно ответь, очень волнуюсь.

Да, по-моему, заголовок «Частные предположения» подходящий. Он имеет два смысла, что всегда хорошо в заголовках. Но можно и другие. Например, «Немного физики». Или еще что-нибудь.

Вот все. Целую крепко тебя и Адочку.

Как дела с «Чел<овеком> из Пас<ифиды>»?

Борис — брату, 4 июня 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Буду краток.

а). Спасибо за внимание (имеется в виду верстка).

б). Есть два вопроса:

1). Надолго ли верстка у меня? Когда возвращать?

2). Могу ли я корректировать (в смысле: стоит ли или уже поздно)?

Повесть получилась дерьмо. Желтая макулатура. И рисунки — дерьмо.

Вариант главы отошлю в течение двух ближайших дней.

Пиши мне все время на Пулково. Я здесь.

Целую [подпись].

Привет Леночке. А знаете ли вы, что сейчас в Союзе строится Институт, основной задачей коего является разработка проектов внеземных обсерваторий?

Фотографии используй как знаешь. Лучшего сделать не удалось — мешают подбородки.

Борис — брату, 9 июня 1959, Л. — М.

Дорогой Арк.

Отсылаю тебе все. На большее в такой короткий срок я не был способен абсолютно. Я и так задержался, нарушив все сроки. Уверен, что придется тебе все переделывать. Но я считаю:

1. Рассказ Ружены ни к чему. Сопли и вопли. Развесистые сопли.

2. Хорошо «Гаризель» назвать «Грангузье» — большая глотка. По-моему, неплохо для прямоточника.

Шлю также вариант «ЧП». Я с него начал, может быть, используешь. Г... в общем страшное. Нельзя этот рассказ давать. Попробуй лучше «ГП» — это было бы во сто крат лучше.

Засим пока [подпись].

Устал я сейчас как собака. Третью ночь подряд сплю по шесть часов.

Подробные описания приключений я не стал делать. Ни к чему это. Больше тайны, больше простора для фантазии читателя.

Аркадий — брату, 13 июня 1959, М. — Л.

Дорогой мой Боб!

Получил рукописи одновременно с телеграммой. Ты все-таки порядочный свин. Надо как-то обязать тебя писать хотя бы раз в неделю, но не знаю — как.

Астролетчик Петров и вообще «ЧП». Ты, брат, все порываешься нести передовое знамя и прочее, а простых вещей, видимо, не способен понять. Я уже не говорю, что сама идея рассказа превосходна — гипотеза о существовании (таки!) ключа к пространству и времени, это служит для истребления пессимизма, и слава за эту идею акад<емику> Фоку и астроному-фантасту Б. Стругацкому. А если нужна идея, то тем паче необходим рассказ. Теперь о форме рассказа. Мне хотелось, как всегда, дать не столько идею, сколько человека. Ты, видимо, не согласен с такой установкой, и это странно, ибо ты всегда ратовал за нее. Ты начнешь отмежевываться, что ты, мол, вовсе не против, а, наоборот за. Так я тебе вот что скажу. Все наши герои будут колченогими уродцами, если мы в должном количестве не будем снабжать их фоном-витамином настоящих и очень важных для человека чувств и переживаний. Я смотрю так: существуют на свете любящие женщины и даже жены. Будут они и в будущем. Чувства этих женщин, как бы слюнявы они ни казались на взгляд суровых флибустьеров вроде тебя, являются чрезвычайно важной характеристикой для человека. Рано или поздно нам все равно придется иметь с этим дело, и я решил начать с «ЧП», ибо расставание навсегда — всегда тема очень волнующая. Поэтому, при всех ее недостатках литературных, тема Ружены и новелла о ней представляются мне необходимыми, хотя с точки зрения научной фантастики и

сюжетно ненужными. Что касается твоего рассказа, то это очень неплохо. Я отделал его всего за три часа и очень им доволен. Превосходно взят тон. Кстати, вот еще зачем необходима была тема Ружены — получился превосходный контраст между переживаниями влюбленной и потому склонной к эгоцентризму женщины и спокойным деловым повествованием мужчины. Не знаю, ты можешь быть сколь угодно (в частности, до пупковой грыжи) против, но, по-моему, этот рассказ — наша удача. И особенно это чувствуется, когда читаешь все три новеллы подряд: резкая смена настроений через каждые семь страниц, твой Цвейг голову бы отдал за такую тему. Другое дело, что рассказ могут не принять. Но, право, от этого он хуже не станет.

Глава «СБП». Смачно. Смачно. Смачно. Нуждается в доделках, в уточнениях (я, например, далеко не сразу сообразил, что дело происходит на ИС), кое-что я хочу вставить, но форма, но колорит, но дух... Одним словом — смачно. Теперь вот что. Думаю, теперь мы со всеми в расчете и можем поработать спокойно. Гнать больше не будем. Но я-то знаю, что без плана у нас ни черта не выйдет. Посему обязываю тебя планом. Не выполнишь — посрамлю. Год работать с тобой не буду, честное слово.

Составление плана предоставляю тебе. Ты будешь работать над СБП, я над сборником рассказов и над новыми рассказами. Только ты подавай темки. Опыт показывает, что темки ты даешь хорошие. Итак, жду разработанного плана, тобой подписанного. И не воображай, что ты уж очень устаешь. Подумаешь, шесть часов сна. Я, брат, уже забыл, когда я сплю больше.

Кассель и Андреев расхваливали наши рассказы, говорят, что мы очень выработали свой стиль и почерк и выросли по сравнению с СБТ неизмеримо. А ведь СБТ считается одной из трех первых НФ книг за последние несколько лет: третьей после Ефремова и «Генератора чудес». Не вкусно, правда?

Вот все. Поцелуй Адочку. Как у нее дела. Привет от Ленки.

Твой Арк.

Аркадий — брату, 19 июня 1959, М. — Л.

Дорогой мой брат!

Вот лежат передо мною два экземпляра договора, из текста коих явствует, что Детгиз в лице главного редактора Компаниец Василия Георгиевича, с одной стороны, и Стругацкий Аркадий Натанович и Стругацкий Борис Натанович, именуемый в дальнейшем «автор», — с другой, согласились выпустить в свет «Шесть спичек». Сборник научно-фантастических рассказов размером до 9 авт<орских> л<истов>, считая в листе 40 000 печатных знаков. Рукопись представлена, за исключительное право издательство обязуется уплатить гонорар из расчета 3 (три) 000 (тысячи) руб. за авт<орский> лист. И так далее. Тут же лежит и бланк «В бухгалтерию Детгиза».

Я намерен: а) немедленно подписать оба экземпляра и вернуть их в Детгиз. Причем подписать за тебя и за себя, без волокиты. Я должен там указать твой адрес, так я дам все-таки ленинградский. б) Заполню бланк бухгалтерии на перевод 25 % в твою сберкассу в Пулкове. Это составит примерно тысячи три. Видишь, как нам доверяют? Сразу аванс. По одобрении получим еще 35 %, остальное — в следующем году, по выходу книги в свет. Да, так о чем бишь я... Вот. Я везде подписываюсь за тебя. Беру, так сказать, смелость.

Что касается названия сборника, то его, на мой взгляд, надо решительно изменить. Предлагаю «Глубокий поиск». А? В общем, жди на книжку деньги и свой экземпляр договора по ленинградскому адресу.

«ЧП», как и «ЗЭ», приняты в «Знании, которое сила» с большим воодушевлением и единогласно. Ты дурак все-таки, брат милый. Ей-ей, «ЧП» — смачный рассказ. Какой великолепный эффект — переход от рассказа женщины к рассказу звездолетчика! И идея... Ах, эта идея Фока, Фока-Стругацкого, что за идея! Я славлю! Слушайте меня! Я славлю! Да, так нам предлагают и просят сделать что-нибудь для № 12. Я готов работать. Только, Боб, подкинь мне идейку, а? Что тебе стоит? Ты дашь идею, я пишу рассказ и одновременно жму сборник, а ты сам методично и без задержек работай над «СБП» и

регулярно шли мне главу за главой. Я не вижу расписания. И вообще я от тебя уже давно ничего не вижу. Почему ты не пишешь, прохвост?

Как дела у Адочки? То, что ты держишь нас в неведении, я рассматриваю как выпад. Напиши, когда и что и как здоровье. Мама уверена, что я в курсе дел, да будет тебе стыдно.

Кстати, я маме выслал триста рублей, пока у меня больше нет. Получу что-нибудь и вышлю еще. И ты не поленись, дотащись до почты и пошли. Ей будет очень приятно.

Да, а что с «Человеком из Пасифиды»?

Садись-ка, дорогуша, за стол и немедленно пиши мне. Свинство все-таки.

Ну, целую тебя и Адочку. Твой Арк.

Борис — брату, 21 июня 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Сообщаю тебе, хотя и с опозданием, что у нас родился сын. Назван Андреем по причине благозвучности сочетания «Андрей Борисович». Он черноглаз (по слухам; я-то его еще не видел), пока спокоен и тощ: вес 2200 при росте 45. Родился он до срока (восьмимесячный) восемнадцатого июня — запиши это в свою книжечку и не премини поздравить сейчас и поздравлять впредь. Ибо это есть пока единственный продолжатель рода Стругацких по линии Литвинчёвых. Появился он на свет божий не вполне тривиально: задом вперед. Неизвестно, что он хочет этим сказать, но сразу видно, что парень боевой и настроен скептически. Сейчас все живы и здоровы, и все очень хорошо. Приехала теща и взяла все в свои руки. Вот так.

Что касается дел, то могу сообщить только, что за несколько дней до Адочка ездила в «Неву» и имела там беседу с неким Дмитриевским — видимо, редактором НФ-литературы в этом заведении. Беседа была долгой. Дм<итрев>ский говорил, что все читали «ЧиП», и всем очень понравился и стиль, и язык, и что он знает нас по другим журналам и одобряет, и что все почти прекрасно, но его удивляет и шокирует, что, так прекрасно начав рассказ, мы кончили его тривиальным жульничеством. Ему явно хочется юн фантастик, а мы предлагаем юн политик. Но в общем это только его личное мнение (между нами, правильное). Редакция еще пришлет нам письменное уведомление.

Одним словом, я понял так, что ему нравимся мы и нравится наш рассказ, но не нравится его сюжет. Черт возьми, это означает, что «Нева» может быть оазисом широколиственных гонораров и ее надо иметь в виду. Кстати, он сообщил, что рассказ читал и хвалил Грин (Э. Грин, конечно. Ах-ах, какая честь!).

Да, хотел написать тебе еще в прошлом письме, но забыл. Проси, умоляй (если надо — встань на колени) — пусть редакторы «З-С» не бесчинствуют в ЗЭ и ЧП. Сейчас эти рассказы во всяком случае оригинальны, но если они начнут там вычеркивать и сглаживать, то получится такое г..., что и деньги за него получать не стоит. Они могут и стиль уничтожить, и общий тон, и то, что нам там нравится больше всего из мелочей, а мелочи — главное при хорошем сюжете. Вдолби им это в голову: «Если идея хороша и интересна, главное в рассказе — мелочи». Это же закон. На этом вся художественная литература держится. Так что пресмыкайся и умоляй. И лучше всего будет, если редактор вообще этих рассказов не коснется своей испепеляющей рукой — бенефис так бенефис.

И еще — I главу, исправив, высылай немедленно: мне она очень нужна для того, чтобы не потерять настроения. А в общем-то это кошмар! Как мы с тобой составили план! Подряд три главы, в которых ничего не происходит: I — встреча друзей; II — встреча друзей с иностранцами; III — быт всех вместе на корабле. Кошмар! Все, конечно, очень мило: учись писать про людей; научись писать про людей — научись писать и т. д., но все-таки — кошмар.

Ну, пока все. Да, появилась в продаже книжечка «В мире фантастики и приключений». Это Лениздат, так что ты можешь и не знать этого. Авторы: Томан, Рысс с кем-то, какой-то Мартынов, А. Беляев («Зв<езда> КЭЦ»), Ефремов («Катти Сарк» и «Атолл Факаоф»). Дерьмо, но тираж 150 тыс. Кроме того, есть еще «Невидимый свет» —

рассказы Беляева (в т. ч. «Мистер Смех»), Зеликовича и Зуева-Ордынца («Панургово стадо» — довольно ничеГо). А вот в серии Географгиза вышли две чудесные вещи: «По следам снежного человека» Иззарда и «Леопард из Рудрапраяга» Корбетта, того самого, который «Кумаонские людоеды». Очень хорошие штуки.

Пока и жду писем. Привет Леночке. Сейчас пойду к Адке, может быть, увижу сына.

Твой [подпись].

Аркадий — брату, 23 июня 1959, М. — Л.

Дорогой мой Боб!

Прежде всего еще раз от себя и от своего семейства поздравляю тебя и Адочку с сыном, пусть растет здоровым, сильным и умным. Имя Андрей — ничего, хорошее имя, но коз фор протест. Итак, в жизнь, Андрей Борисович Стругацкий!

Мама прислала мне письмо, пишет, что у нее плохо с сердцем. Полагаю вызвать ее к себе в Москву и отправить в Прибалтику. Напиши свои соображения.

Письма с планом работы (а не с планом повести) я еще не получил. Рассчитываю получить. Только вот что, брат мой: я приступлю к обработке глав не раньше сентября, ты это учти и поверь, что у меня для этого есть весьма и весьма серьезные соображения. Во-первых, мне необходимы для начала работы по крайней мере две-три главы, чтобы я мог что-то охватить и сделать что-нибудь дельное. Во-вторых, я так измотан переводом + редактурой + работой над сборником + работой с журналом, что боюсь рисковать и портить хорошую вещь. Ключ продолжай тот же, ничего страшного в нем нет. Помни только главный наш закон: максимальная плотность информации. Ничего лишнего и специально-экспрессивного, побольше ярких и сильных мелочей. Лучше пусть главы будут малы по размерам, только не лей туда воды. Кстати, в первой главе воды почти нет, и это меня обрадовало. Вот в том же духе и пиши дальше. Кстати, в первой главе Ляхов отправляется не в звездную, а в Первую заплутониевую экспедицию. Не будем гнать картину. Полетают в пределах одного светового года за Плутоном, вот и хорошо будет.

Вот пока все. Крепко жму руку, поцелуй Адочку и племянника.

Твой Арк.

Привет от всех.

Борис — брату, 25 июня 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Ну, прежде всего за поздравления спасибо большое. Адочка очень интересовалась, какова ваша реакция и что вы именно скажете. Сейчас всё более или менее в порядке. Адочка здорова, сын здоров и начинает постепенно прибывать в весе. Так что all right.

Теперь о делах.

1). Не понял, какое именно из двух моих последних писем ты получил. Во всяком случае, в одном из них был план моей работы. Повторяю: каждый вечер садиться за машинку и писать. В воскресенье писать весь день. В субботу отдыхать. Вот так. Можешь злиться сколько угодно, но, по-моему, это самый рациональный план.

2). Для работы над СБП мне совершенно необходимо иметь все написанное ранее. Поскольку ты все равно не собираешься переделывать главы сейчас, отсылай мне их немедленно по прочтении. Так что план таков: ты немедленно высылаешь мне I гл.; я пишу II и отсылаю тебе; ты читаешь II, делаешь необходимые замечания немедленно и ряд своих соображений записываешь в спец<иальную> тетрабочку, после чего главу возвращаешь мне (по возможности быстро); я пишу III и т. д. Необходимо, чтобы ты: а) Отсылал главы как можно скорее. б) Необходимые замечания направлял мне немедленно. в) Все свои соображения записывал в тетрабочку, чтобы не забыть их впоследствии. Итак, скорее возвращай мне I гл.

3). В I гл. Ляхов отправляется в звездную таки экспедицию. Это именно необходимо, чтобы подчеркнуть, во-первых, как стремительно шагает жизнь, а во-вторых — обыденность нашего перелета и обычность наших героев. Нужно все время подчеркивать

эту скорбь А<лексея> П<етровича>: «Мы просто старые жалкие извозчики». Где-то кто-то делает великие дела, а мы, бедные, плетемся в хвосте событий.

4). Хорошо. Пиши рассказы ты. Насчет сюжетов туго до чрезвычайности. Блестящих идей нет. Для 12-го номера придется, по-видимому, дать «Возвращение» или рассказ о звездном перелете, когда их обгоняют люди будущего. Эта последняя тема может оказаться любопытной. Прилетают на другую планетную систему. Высаживаются. Описание планеты. Этаким полумертвый мир, где царит самозарождение. Жизнь возникает в виде протоплазмы из неживых веществ под действием облучений и температуры (читал про опыты одного француза, кот<орый> вызывал возникновение вируса в крови гусениц шелкопряда, применяя особый режим кормления?). А потом они встречаются машины и людей с Земли. Идея, по-моему, в нашей лит<ературе>ре достаточно нова. Остается только хорошо написать. Больше мне ничего в голову не приходит. Пока.

5). Так получил ты мое письмо, написанное карандашом и датированное приблизительно 15–16–17.06? Напиши.

Вот пока все. Привет от Апочки. Поцелуй Леночке ручку. [подпись]

Р. С. Что касается мамы, то я готов на все, чтобы ей было только хорошо. Сколько угодно денег и прочего, но если она захочет домой, то ради бога! А по-моему, она хочет домой. Во всяком случае, я готов на все.

Р. Р. С. Да! А фотографии мои ты получил или нет?

Аркадий — брату, 27 июня 1959, М. — Л.

Здравствуй, дорогой паршивец!

Получил твое карандашное письмо от 25.06. Очень рад, что твои здоровы. Но у нас здесь очень беспокоятся за ребеночка, ведь он на месяц не донесся. Если ты в курсе, пиши все-таки, как его здоровье, подробнее. Наследник Стругацкий, как-никак, так что учти, мы все здесь очень волнуемся за него и за Апочку. Ты сам-то их видел ли? Если видел — опиши.

Теперь о делах писательских. Я ждал твоего письма с нетерпением, думая увидеть в нем эпиграф с частными предположениями, но ждал втуне. А нужен он немедленно, ибо все уже пошло в типографию. Полагаю, ты вышлешь его сразу по получении сего моего письма.

Что касается твоего плана, то я его в общем поддерживаю. Плохо в нем то, что никаких сроков нет. Это всегда будет ловушкой для твоей сибаритской натуры. Одна надежда — может быть, рождение сына повысит в тебе чувство ответственности. Но о сроках все же подумай. Я по себе знаю — сроки — это здорово дисциплинирует.

Замечания по 1-й главе. Во-первых, я все же настаивал бы не на Первой Звездной, а на Первой Межзвездной. Пусть они летят в пространство парсека на пол — исследовать межзвездный газ для определения возможностей дальних звездных экспедиций. Упомянь, что уже запускались с той же целью автоматы-киберы. Расскажи немножко о предварительных данных. Заметь вскользь о часах на автоматах, которые отстали от земных. Расскажи о том, в каком странном виде вернулся один из автоматов — вывернутый наизнанку, или выкрашенный в другой цвет, или битком набитый железоядными бактериями — в общем, что-нибудь такое, что доказывает: пространство — это не просто пустота, но нечто весьма таинственное и пока непонятное.

Во-вторых, я не вижу семейного положения Быкова. Не чувствую его ярим землянином, каким он должен быть и оставаться всегда. Пусть хотя бы варенье, которое жрет штурман, будет собственного мадам Быковой изготовления. Знаешь, так это, мелкими редкими штришками, сделай их землянами.

В-третьих. Надо бы изловчиться и дать портрет Ермакова-младшего. Не знаю, как это сделать. И его нужно уже сейчас как-то характеризовать — придать какую-нито страстишку и характерную черточку.

В-четвертых. Жизнь шагает стремительно и без звездных экспедиций, и подчеркивать мировую скорбь Быкова ни в коем случае нельзя. Нет у него этой скорби.

Ты забыл, кто такой Быков. Ведь это служака и работяга. Это не Юрковский. Его сетования я бы рассматривал как минутную слабость, которую необходимо немедленно заглушить чувством удовлетворения по поводу своей работы и радостью близкой встречи с друзьями.

В-пятых. Разговор о назначении человека в конце главы. Сюда надо вставить а) афоризм «Стремление познавать, чтобы жить, превратилось со временем в стремление жить, чтобы познавать». Во-вторых — нужно вставить туда прекрасный монолог Горбовского из твоей пробы «ЧП». Вообще должен сказать, что твой Горбовский мне очень нравится. Это образ. Нельзя ли его использовать тут же? Скажем, для образа молодого Ермакова? Подумай. Вот, кажется, все. Если не считать, что сюжет главы несколько скомкан. Жалуешься на нехватку событий, а первая глава ими перегружена. Что до меня, то я бы перенес старт межзвездной во вторую главу — в первой оставил бы только разговоры о ней или мысли, тогда бы прилет Дауге и Юрковского выглядел более своевременным. А уж провожали бы они Ляхова вместе и после проводов встретили бы француза и японца. А первую главу начать с «Хиуса» и с его осмотра. Вернее, после осмотра. Коротко описать «Хиус» с отвинчивающейся крышкой, упомянуть, что в последний раз, когда снимали крышку, взорвались консервы Крутикова, которые он забыл в чемодане с новым костюмом. Вот в таком плане. Но это, конечно, на твое усмотрение. Главу и набросок «ЧП» высылаю.

Теперь о рассказах. «Возвращение» и предложенную тобой тему необходимо сберечь для третьей большой вещи, которую мы будем писать. Идея — скитальцы Вселенной, тебе известная. Герои возвращаются, покрутились на Земле и снова улетают, и снова возвращаются и т. д. Но об этом после.

У меня есть тема, но нет сюжета. Обрывки мыслей. Вот научная сторона: яйцо. Не куриное яйцо, и не твое, а кибернетическое яйцо, семя. Представь себе устройство, в которое заложена программа и возможности развития. Создано оно для того, чтобы обеспечивать межпланетникам уют при прибытии в иной мир. Яйцо падает на поверхность планеты и начинает развиваться. Оно выпускает рецепторы и определяет условия. Затем, в соответствии с этими условиями, начинает перерабатывать почву и атмосферу, превращая их в строительный материал и источник энергии. Затем строит себе приличествующие случаю эффекторы — роботов, которыми само управляет. Затем приступает к главным работам: строит дома, роет пещеры, склады, лаборатории и так далее. Остается ждать прибытия людей. Понимаешь, копирование у природы не только функций управления, но и функций роста, развития. Можно заставить его делать корабли, расширять свой мозг и прочее. Но как из этого сделать рассказ? Может быть, сделать веселый рассказ о яйце с бесконечной программой? Или о яйце, неправильно запрограммированном? Или еще что? Сделай сюжетик, братец, будь добр. И туда же ввести понятие Десантника — это люди, которые сбрасываются на планеты, которые по разным причинам невозможно обследовать приборами. А может быть, Яйцо — предшественник пришельцев на Землю? Понимаешь, падает где-нибудь в Парголово, на огороде. И ужас владельца огорода. И ужасные проявления. И попытки понять, что это за чудище. Подумай на досуге — в автобусе — и отпиши.

Ну вот все. Целую крепко, твой Арк. Все наши и я целуем Адочку.

Может быть, это яйцо свои же земляне — веселые ребята — подкинули во двор к девушке, в которую влюблены, или к профессору, которого хотят развлечь? «Дело о хулиганстве». А?

Борис — брату, 1 июля 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Ну-с, прежде всего, наши дела обстоят достаточно благополучно. Наследник сосет, вопит и прибавляется в весе. Да, я, кажется, еще не писал, что они уже дома — и Адочка, и Андрюшка. Так что все, повторяю, благополучно, и никаких последствий недоношенности нет. Я пока еще не столкнулся по-настоящему со всеми прелестями

отцовства, ибо теща орудует вовсю, и мне только приходится помогать по мелочам. На большее я, впрочем, вероятно, и не способен. Адочка, пожалуй, тоже, и беспомощность наша не имеет границ. Если бы не теща, нам был бы немедленный капут. Вот так.

Далее. Наследник похож, кажется, на меня, хотя понять что-либо пока трудно. Во всяком случае, уши, увы, мои, и глаза тоже, и губы, но нос сомнителен. В общем через годик-другой все станет ясно.

Теперь о делах. Итак, ты не получил моего письма, содержащего эпиграф и ряд теоретических соображений по поводу литтворчества вообще и нашего творчества в частности. Жаль. Весь заряд пропал зря. С эпиграфом дело поправимое — см<отри> ниже — а вот теоретические соображения... Ну да господь с ними. Обойдемся и без.

Твои соображения по поводу СБП кажутся мне стоящими и интересными. Я их продумаю тщательно и использую, вероятно, почти все. Но вот яйцо! Кстати, тебе известна роль мошонки в процессе очеловечивания обезьяны? У примата не было мошонки, и он был вынужден носить свои яйца в руках. Но когда появилась наконец мошонка, он сложил туда яйца и высвободил руки для полезного и преобразующего труда.

Так вот яйцо. Колумбово, так сказать, яйцо. Бедный Колумб! Багратион прославился носом, Петр Великий — пятой конечностью, на долю же Колумба выпало яйцо. И до сих пор даже неизвестно, о котором из двух идет речь — о правом или левом.

Итак, яйцо. Да, загнута затейно. Но. Опять механизмы, опять чистая наука. Одним словом, не будем. Не идет. Эту идею прекрасно можно использовать в каком-нибудь из рассказов или романов, пустив ее мимоходом, между прочим. Это будет эффектно. Тратить на нее рассказ, по-моему, не стоит. Боюсь, что получится излишняя тривиальщина, не говоря уже о том, что такая идея слишком близка к «ИЗвне». И вообще, слишком много пишут о том, как машина заменяет человека. Наши литературные позиции гораздо более подходящи, чтобы с них штурмовать обратную проблему — проблему неиссякаемого человеческого мужества, бесконечных человеческих возможностей, истинно человеческого упрямства, силы, беззаветности. Вот о чем пишут мало, а как раз об этом и надо писать. И мне кажется, что мы лучше всего способны писать именно об этом. Это наше амплуа. И вообще, мне как-то не улыбается писать про хозяина огорода или про веселых парней, подбрасывающих свои яйца во двор к любимой. Но вот идея Десантников — это да! Нужно только придумать для них специальное название, каковое хорошо бы почерпнуть из арсенала английской или японской лингвистики. Что-нибудь звучное. О таких парнях писать стоит. Самые смелые, самые спокойные, самые жизнелюбивые. Понимаешь, редчайшее сочетание самоотверженности и мощного инстинкта самосохранения. Люди, которые обязаны возвращаться! Высший долг их — вернуться живыми. В их работе — это самое главное, иначе все их высокие качества ни к чему. Смелых очень много, отчаянно смелых — тоже, но таких, которые умеют отступить — и не раз, не два — двадцать, как бы заманчиво ни было рваться вперед, — таких единицы. Ты понимаешь меня или я слишком смутно изъясняюсь? Отсюда возможный сюжет: один из десантников лишен почетного звания за излишний риск и превышение обязанностей. Победителей судят. Можно кончить так. Командир, потерявший сознание во время операции и пришедший в себя уже слишком поздно, говорит виноватому: «Если вернемся живыми — вылетишь из Десантников к чертовой матери». И высказывания типа: «Иванов смельчак и герой? Он же погиб...» Одним словом, здесь можно завернуть в плане ГП, без особого сюжета, только на психологии: тот, кто сделал слишком много — не сделал ничего; тот, кто потерял товарища в походе, — дерьмо. Люди типа Горбовского в том варианте, что тебе понравился. Жизнь их — непрерывное усилие. Только трудно придумать условия, при которых приборы так уж совершенно беспомощны. Хотя, конечно, просто можно сказать: с этой планеты ни одно беспилотное устройство не возвращалось, и все. Почему — неизвестно и не становится известно из рассказа, а главное — люди. Люди, которые не понимают, как можно считать

героем человека, погибшего при выполнении задания. Для которых жертвенный героизм — только проявление эгоизма. «Хочешь все узнать сразу? Хотя бы ценой жизни? Нет, ты изволь вернуться, и рассказать, и снова уйти, чтобы снова вернуться. Искалеченным, слепым, беспомощным — но вернуться и рассказать, что ты успел увидеть, пока не ослеп». Жестокость эпохи коммунизма, а?! Ефремов таких людей и не нюхал!

Теперь относительно эпитафии. Привожу его ниже, причем пропуск отмечен как обычно точками, а вставленные мною для связности слова поставлены в скобки (в квадратные):

$$\tau_A - \tau_B = v_0^2/c^2 \times (1/2 T - 2/3 t^*) \quad (62.16).$$

«...Из формулы (62.16) следует, что если продолжительность ускоренного движения [t*] равна 3/4 T, то никакого отставания часов не получится, а при t* = T получается даже опережение. Не следует, впрочем, забывать, что формула (62.16) не является общей, а выведена в довольно частных предположениях относительно характера движения».

В. А. Фок «Теория пространства, времени и тяготения», 1955 г.

В таком вот плане. Я думаю, формулу приводить не надо; взять только то, что здесь стоит в кавычках. Тогда получится очень научно, очень таинственно и в унисон.

Ну, пока, mon cher¹.

Жду ответа. [подпись]

P. S. Да, пришли, пожалуйста, окончательный вариант «ЧП»: Адочка еще не читала.

Аркадий — брату, 3 июля 1959, М. — Л.

Здравствуй, Боб!

Очень рад, что у вас так благополучно — не сглазить бы — с Адочкой и наследником. Это просто прелесть. Мама мне пишет, что очень беспокоится, вы бы и ей написали, что все в порядке.

Теперь, как ты выражаешься, о делах. Значит, яйцо тебе не понравилось, жалко. Понимаешь, я хотел развить эту тему, которую ты в прошлый мой приезд выдавал передо мной: кибернетическая фабрика, которая стыдливо не дает вмешиваться в свое развитие. Мне персонально такая тема, обыгранная в юмористических тонах, представляется смачной. Понимаешь, без Пришельцев и без огородов, просто где-то на опытной станции, или в лаборатории в центре города, или в глуши создается такое опытное яйцо и его запускают, чтобы поглядеть, что из него выйдет. И из него выходит совсем не то или не совсем то, что ожидалось. Озадаченные исследователи карабкаются через побеги, которые это яйцо дало, и никак не могут разобраться во всей этой путанице. А потом выясняется, что оно сделало исполинскую действующую модель наручных часов, которые были забыты в программирующем устройстве, или что-нибудь в этом роде. Пытаются изменить наспех программу, и на свет появляется еще какое-нибудь уродство. Но сама идея правильна, о чем и сообщается читателям в конце рассказа.

Но раз не хочешь, пушай останется. Будем работать над десантом. Я полагаю, другого названия не требуется. Десантники — это достаточно. Меня беспокоит, что в наших рассказах все сильнее и сильнее звучат трагические нотки. Хотелось бы ради разнообразия что-нибудь повеселей, в духе «ГФ». С десантниками это выйдет, конечно, только в деталях. Ладно, буду делать Десантников. Молодой парень поступает в Десантники, и что из этого получается. И нам не обязательно ссылаться на приборы. Они очень просто могут прыгать и после приборов. И даже не обязательно на иные планеты, хотя это проще и интереснее всего.

Жаль, что пропали твои соображения относительно литтворчества. Хотелось бы, чтобы ты это восстановил и прислал.

Ну вот и все. Окончательную редакцию «ЧП» пришлю днями.

Пиши, жду ответа, Арк.

Всем привет и поцелуи.

¹ Мой дорогой (франц.).

Да, а что слышать о «ЧиП»? Что пишут босяки из «Невы»?

Получил я копию подписанного договора на сборник. А ты?

Борис — брату, 7 июля 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Домашние дела в порядке, о них писать особенно нечего. Маме я пишу регулярно, так что не беспокойся. Я выслал ей триста неделю назад и вышлю еще тысячу, когда придет аванс за сборник. Копию договора получил. Напиши маме, что она плохо отвечает мне и я сержусь. И она мало пишет о себе — все о наших делах. Скажи ей, чтобы больше писала о себе.

Теперь о ЧП. Адочке ЧП очень понравился, а мне нет. Он стал, по-моему, еще хуже в окончательном варианте. О втором рассказе я уж и не говорю, но ты и третий отделал так, что он стал сух, как старая болячка. Может, мне кажется, но в первом варианте он был, по-моему, живее. Вот конкретные замечания.

I. Ты выбросил массу «играющих» моментов, как-то: межпланетник с изуродованным лицом и отличными репликами (расск<аз> I); замечание о длине «Муромца» (полкилометра) и его тень над горизонтом (там же); слова Быкова на прощальном банкете (расск<аз> II) о женщине и деле.

II. В III расск<аз>, по-моему, зря выбросил сцену, когда астролетчики неверно поняли Петрова, подумав, что он хочет сделать что-то не то. Менее живо стало, по-моему, выглядеть научное объяснение Петрова (может, мне кажется?). И зря выбросил стишки про ракету — они хороши и здорово отражают сомнение.

III. Териоки как название перестали существовать с 1948 г. Есть Зеленогорск. Учти. И вообще, как тебе эпитафия? Надо бы все-таки вставить. Вообще надо в дальнейшем, по-моему, широко использовать метод эпитафии в качестве основного и по возможности единственного объяснения в рассказе. Тогда можно разгрузить рассказ от науки. Подумай над этим — это плодотворная идея. Вот пока и все. Настоятельно требую учесть все замечания по п<ункту> I моего письма. Остальное — на усмотрение. Я пишу вторую главу: пять страниц уже готово. Сейчас надо бежать за всякими присыпками и примочками, а днями я тебе вышлю свои литсоображения.

[подпись]

Аркадий — брату, 12 июля 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

У меня тоже домашние дела в порядке, двадцать пятого уезжаю с Ленкой на юг и приеду 22.08. Я звонил в бухгалтерию, сказали, что деньги тебе уже перевели. Пошли маме пятьсот, и я тоже пошлю пятьсот. Мне она тоже пишет не очень часто, впрочем.

Теперь о деле. Утверждены результаты конкурса Министерства просвещения РСФСР на лучшую книгу по науке и технике для детей м<ладшего>, ср<еднего> и ст<аршего> возраста. По научной фантастике первую премию получил Ефремов, вторую — Долгушин, третью — мы с тобой. Все остальные остались позади. Так что теперь мы с тобой лауреаты, и нам должны дать по две с половиной косых на рыло. Сегодня Кассель звонил и поздравлял.

Ты так ничего и не написал о «Чел<овеке> из П<асифиды>». Неужто не ответили невежи? Передай им мое порицание.

Теперь о «ЧП». Я и без тебя, брат мой, знаю, что рассказ подсушен. А что я мог сделать? Это журнал, друг мой, а не книжка. Приказано срочно сократить на столько-то строк, вот и пришлось — как из своего тела мясо вырезать. Попробуй-ка. Кровавыми слезами плачешь, а режешь. Но свое мы наверстаем в сборнике. Там мы восстановим все и кое-что еще добавим. И эпитафия там вставим. И название сборника хотелось бы «Частные предположения», только не знаю, пойдут ли на это детгизовцы. И стишки восстановим, но снабдим необходимой ссылкой, что это написал Маршак в 1940 году. А что касается Териок — то мало ли что перестало существовать? А потом опять будет. Кстати, о сцене в III рассказе. Психологически невозможно, чтобы эти люди, которые хорошо знают

командира и знают, очевидно, как он рвался в экспедицию, решили бы, что он струсил. Разумеется, они примут его слова за хохму, только и всего. Поставь себя на их место, и ты поймешь. Так что, возможно, только развить линию хохмы, но никак не подозрения в трусости. Ясно даже и.

Ты так и не написал насчет моей идеи Десантников. Кстати, не могут ли они высаживаться на пятно Юпитера? Или на что-нибудь в этом роде на Уране? Отпиши. Надо же начинать уже. Или спуск в какие-нибудь катакомбы на Земле? Или на Луне? А?

Вот и все пока. Привет всем.

Твой Арк.

Борис — матери, 13 июля 1959, Л. — Гурзуф

Дорогая мамочка!

Письмо твое получил. Очень рад, что у тебя все хорошо. У нас тоже дела не плохи, хотя и не блестящи. Мальчуган худеет, молока у Адки не хватает, и его перевели в больницу, где подкармливают и поят глюкозой. Адочка здорова, теща тоже, а я — тем более. Теща умоталась солидно, но когда Софья Борис<овна> предложила свои услуги, она отказалась под каким-то предлогом. А мне сказала, что боится, как бы С. Б. не переломала младенца пополам. «Ах, она такая порывистая! Она так схватила меня за плечо, что до сих пор болит!» Бедная С. Б.!

У меня все в порядке. Стоит страшная жара, и я наслаждаюсь. Люблю тепло. Регулярно переписываюсь с Арком. Дела идут! Вот пересылаю тебе одну газетную вырезку. Прочти ее повнимательней и увидишь кое-что приятное. А скоро я, вероятно, вышлю тебе нечто более существенное, нежели газетная вырезка. Отдыхай там изо всех сил, не волнуйся, кушай ягоды и купайся. Я тебя всегда помню и люблю. И передавай привет Наталье Петровне и Н. Ф. <Митрофановым>.

Крепко тебя целую, твой [подпись].

P. S. И когда звонишь к нам, уж заказывай подлиннее разговор, а то ничего и сказать не успеваешь.

Борис — брату, 18 июля 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Прости, что долго не отвечал: был здорово занят всякими делами — домашними и служебными. Ну, с домашними делами all right и все хорошо. Со служебными тоже ничеГо: задумали тут измерения фигуры Солнца в целях проверки гипотезы Козырева. Между прочим, был тут доклад Козырева — здорово его лупили, он имел бледный вид, но остался при своем мнении и требует посылки его в Антарктику. В общем, как всегда, создали комиссию. Что-то будеть?!

Теперь о делах.

1). Относительно «ЧиП» ничего не слышно, и я послал их временно в ж... Нет времени для этого.

2). Вторая глава продвигается туго enough¹. Я выдал две сцены — получилось вроде ничеГо, но потом дошел до японца и сел в лужу. Ну, что я могу поделывать, если я этих японцев и в глаза не видел ни разу! Ну да ладно, как-нибудь.

3). Неясно, что ты имеешь в виду, заявляя, что едешь на юг на месяц. А как же ноябрь, в течение коего мы должны были выдать миру кучу разных произведений? Мои планы построены именно в расчете на ноябрь. Не понимаю. И мама не понимает. И Адочка. Необходимы разъяснения. Я протестую — в пределах принципа Ко, конечно.

4). Теперь о Десантниках. Во-первых, почему это я «ничего не пишу насчет твоей идеи Десантников»? Как так — не пишу! Я тебе целое письмо по этому поводу исписал. И ты его получил. Что я могу еще сказать? Идея ясна. Остается сюжет. Дело, конечно, нелегкое. Может быть, просто взять какую-то планету — неважно какую («Она была невелика, эта планета, окутана плотной атмосферой и вращалась около желтой неяркой

¹ Здесь: достаточно туго (англ.).

звезды, похожей на Солнце»). Ее штурмуют. Почему? Может быть, просто из любопытства — человеческого любопытства, такого сильного, что ради него кое-кто рискует сломать шею. Может быть, таков план исследования этой области пространства. Все сроки уходят, а план не выполнен. Может быть, потому, что около планеты нашли исковерканные останки искусственного спутника, неизвестно кем и неизвестно когда сюда заброшенного. Люди здесь обосновались недавно: стоит пара ИС, склады с горючим — перевалочный пункт на пути следования в глубины Пространства. Но нужна почва под ногами, нужны материалы, металл, пластмасса, вода здесь же, на этой планете, чтобы не забрасывать все это из Солнечной системы. И вот идет штурм. Армия продвинулась далеко вперед, а здесь остался опорный пункт врага — Мертвого Мира. И враг не сдается. И вот бросают Десантников: людей, которые «безумству храбрых не поют песни». Эх, тут такие образы наворочать можно! Люди этикие спокойненькие, рассудительные, неспешные, со странными взглядами и принципами, в прошлом прославившиеся и славные ныне. А уж сюжет и приключения — это уж ты сам, будь добр! Вот еще идея: пусть они «высаживаются» в глобулу — плотное облако пылевой материи, где в центре происходит великое таинство: превращение рассеянной пыли в звезду.

5. Что слышно про «СБТ»? Будут ее выпускать или нет?

6. Известен ли тебе американец-фантаст Jack Finney? Тут одной моей знакомой ее приятель-американец прислал три томика разнообразных science-fiction. НичеГо!

Ну, вот пока; привет всем от всех

[подпись].

P. S. Деньги за сборник получил.

Аркадий — брату, 24 июля 1959, М. — Л.

Здравствуйте, родные мои!

Что же это у вас происходит? Борис писал, что все благополучно, и вдруг такая история. Очень, очень неприятно и беспокояно. Но будем надеяться, что все будет благополучно.

Мы с Ленкой завтра отбываем на юг. К сожалению, обратных билетов достать не удалось, и отпуск будет испорчен изрядно. Впрочем, думаю, лучше будет вернуться на самолете. В Москве страшная жара, на меня навалилось сейчас к концу много работы, так что сижу, потею и проклиная всё на все корки. С юга писем нет, видимо, там уже нас ждут.

Очень надеюсь, что в отпуске удастся немного пописать, но кто его знает, как там сложится. Хорошо еще хоть, что деньги есть.

Ну, пока все. Крепко целую, ваш Арк.

Пишите мне по адресу: Краснодарский край, Туапсинский район, Джубга, <...>.

Борис — брату, 1 августа 1959, Л. — Джубга

Дорогой Аркашенька!

Ждал-ждал твоего письма — так и не дождался. Видно, ты мною недоволен. И, наверное, пеняешь, что не уведомил я тебя обо всех событиях с достаточной правдивостью. Эх-ма, а стоило ли? Я рассуждал так: помочь ты ничем не можешь, так зачем расстраивать? В нашей жизни предостаточно неприятных новостей — стоит ли подсыпать их еще родному брату! Но сейчас уж все в порядке. Мама здесь, Андрюшка здоров — разве что страдает насморком, но не сильно. Адочка почти поправилась и уже ходит, ездит, гуляет и все прочее. По ночам Андрюшка повапливает, но в меру (тьфу-тьфу!), и вообще жить можно, хотя работать — нелегко.

Закончил вторую главу. Получилось, по-моему, ничеГо. Принимаюсь за третью, с японцем, чтоб его. Все-таки ужасно — подряд три бытовые главы. Выдержит ли читатель? Ой, трудно! И совершенно не удастся молодой Ермаков, и Дауге какой-то прозрачный — все через него просвечивают, а самого не видно. Но главное, конечно, Ермаков. Пока я ничего предпринимать особенного не буду. И план мой таков: сначала закончу три главы, так сказать, первую часть повести. Потом я их буду переделывать с учетом твоих

замечаний, и, может быть, к тому времени что-нибудь придумается насчет Ермакова. Напиши — присылать тебе на юг вторую главу или пождать. Я думаю — пождать.

Прочел я одну небезлюбопытную статейку все того же Зенгера. Молодец парень — держит курс на фотонные ракеты и хоть бы хны! Статья посвящена некоторым кинематическим эффектам фотонного полета, и там сделаны любопытные вычисления, связанные с эффектом весьма очевидным, но так и не пришедшим в наши тупые головы. Дело в том, что при субсветовых скоростях начинает огромную роль играть эффект Доплера. Если v — скорость ракеты, c — скорость света, то при $v/c \geq 0.297$ возникает зона невидимости впереди ракеты (свет звезд, лежащих впереди, смещается в область ультрафиолета, невидимую простым глазом), при $v/c \geq 0.32$ возникает зона невидимости позади ракеты (свет звезд становится инфракрасным). С увеличением скорости движения зона невидимости впереди и позади растет и при $v \approx c$ ракету окружает полная, непроглядная, абсолютная тьма, а в промежутках — звезды краснеют и голубеют. Представляешь: впереди синие звезды, позади — багрово-красные. И Солнца родного не узнать. Смотри в наружные перископы хоть до пупковой грыжи — тьма! Это обязательно надо обыграть — очень эффектное и без труда объяснимое явление — «доплеровская слепота». Хорошо бы вставить это в «ЧП», но, наверное, уже поздно, а? Тогда вставим в сборник. Кстати, не только мы допустили здесь промах. У Ефремова герои на субсветовых скоростях ($v = 2/3 c$) рассматривают созвездия и что-то там ухитряются увидеть, и даже в новой научпопкнижке «Репортаж из XXI в.» профессор Станкевич (крупный физик) пишет о ракете, несущейся с чудовищной скоростью, и о «звездочке, разгорающейся впереди». На ракетах будут ставить преобразователи (электронно-оптические), и горе штурману, у которого эти преобразователи выйдут из строя. И ракету, пролетающую на больших скоростях мимо звезды, будут окатывать потоки жесткого гамма-излучения. Все это, по-моему, стоит взять на вооружение.

Вот пока все. Жду от тебя приветов. И почему это ничего не слышно о «СБТ»? Долго они еще будут волыннить, дьяволы! И пришлют ли мне номер «Изобррацион» с «ИСКР»? Из «Невы» обещали скоро (на этой неделе) прислать письмо с окончательным ответом. Нас называют там «довольно известные писатели-фантасты».

Ну, крепко жму руку, твой [подпись].

Большой привет от меня и Адочки тебе и Леночке. Загорай, да дело не забывай. С яйцами как пожелаешь, а вот Десантников я жду очень. И вообще — как мне хочется писать рассказы, а не романы! Уф!

Привет от мамочки. Она замоталась, но скоро тебе отпишет.

Аркадий — брату, 7 августа 1959, Джубга — Л.

Дорогой Бобкин!

Получил здесь твое письмо, оно меня очень обрадовало. Хорошо было узнать, что у вас все пришло к благополучному концу, что племянник здоров и Адочка тоже здорова.

У нас тоже все благополучно, но, честное слово, я не создан для южного блаженства. Угнетает жара, злят тучи, опротивела соленая моча в море. Но все-таки в этом году я отношусь ко всему этому более терпимо. Ну ладно, пора о делах.

1) «Изобррацион» получишь не от них, а от меня. Я вернусь, мне там оставили четыре номера, два из них я вышлю тебе. Не обольщайся, иллюстраций там нет.

2) Относительно «доплеровской слепоты». Представь себе, одной из наших тупых голов эта идея таки пришла в голову. Должен, однако, тебя утешить: никакой слепоты и никакого посинения не будет. Не забывай, друг мой, что звезды излучают не только свет видимого спектра, но и непрерывный диапазон радиоволн, а также жесткое γ -излучение. При возлесветовых скоростях радиоволны впереди по курсу спокойно переместятся в видимый спектр, что проделают и γ -лучи звезд позади. Возможно, они, эти звезды, будут иначе окрашены, но и только.

3) Самое главное. Ты пишешь, что тебе хочется писать рассказы, а не романы. Представь себе, я только накануне жаловался Ленке, что мне осточертели рассказы и я

хочу писать романы. Выход напрашивается. Мы поменяемся. Бери на себя рассказы, а я беру «СБП». Значит, так. Ты по получении этого письма незамедлительно высылай в Москву все, что у тебя есть по «СБП»: готовые главы, наброски, планы и прочее, в частности — твои соображения (по возможности подробные) о дальнейшем. Выслав, можешь приниматься за Десантников. У меня Десантники что-то не получаются, я сейчас работаю над яйцами. Яйца — это моя последняя работа в области рассказов. И я по приезде немедленно принимаюсь за «СБП». Но у меня к тебе по поводу рассказов серьезные требования: совершенно необходимо, чтобы ты присылал мне рассказы в таком виде, в каком ты направил бы их в редакцию. Перестань небрежничать. Ты теряешь почерк. Поработай как следует над словом и над фразой, как мы работали над «ЗЭ». Понял? Это совершенно необходимо.

4) В сентябре нам предстоит небольшая работа для «Мира приключений». Там даются четыре цветные вклейки художника-фантаста Соколова, и мы должны дать к каждой небольшую легенду на лист. С Соколовым я договорился, что одна из вклеек будет иллюстрацией к «СБП», так что мы прямо сунем туда отрывок из повести. Ага? Потом, когда он сделает эти картины, я пришлю тебе фоторепродукции и мы поговорим об этом подробнее.

Вот, пожалуй, все.

Поцелуй крепко мамочку и Адочку и поклонись племяннику. Большой тебе привет от Ленки.

Целую, жму руку, твой Арк.

Пожалуй, в Джубгу больше не пиши. А вот когда я приеду в Москву, я должен иметь там все матер<иалы>.

Борис — брату, 20 августа 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Итак, отсылаю тебе этот распроклятуший роман. Не выдержал я, сдался. Не могу три главы подряд писать ни о чем. Как видишь, две главы я кончил, третью написал до половины, но это дерьмо (я имею в виду третью, но это не значит, что две другие стоит нюхать во время еды). Ты будешь все это переделывать. Но:

1). План, по-моему, менять не стоит (в смысле — не стоит менять последовательность событий по главам).

2). Хотелось бы, чтобы ты не выбрасывал сцену в диспетчерской. Конечно, ты там что-нибудь еще придумаешь, но что надо, так это вставить там побольше иностранной речи. Пусть диспетчер говорит на нескольких языках.

3). Конечно, надо вставить в I гл. и куда-нибудь еще историю проникновения в зону АСП в виде бесед. Со всеми аксессуарами: исчезающие радиобакены, пропадающие бесследно лоты-автоматы, железоядные бактерии, зоны непрохождения радиоволн. Можно еще вставить историю о первом совершенно неплановом прыжке в ЗАСП — искатель приключений на частном звездолете собственной конструкции, человек типа Бомбара или Хейердала, исследователь на свой страх и риск. Он не вернулся, но «у него еще есть время и горючее. Последний срок истечет через три месяца». Я все это хотел вставить, но не успел.

4). Глава III написана плохо. Не узнаю, уловил ли ты мою мысль в ней. Я хотел дать один день <в> звездолете без всяких приключений, самые настоящие будни. Что именно делает, скажем, бортинженер во время перелета? Как он ходит и где; на какие приборы смотрит и зачем; много ли у него свободного времени и почему. Словом, рассказ типа «На Биг-ривер» Хемингуэя с подробным описанием того, чем занят герой. Чтобы было видно, что мы знаем, о чем пишем. У меня это не получилось, попробуй ты. И тут же заодно удобно подать устройство «Хиуса». Кстати, надо придумать что-то вместо «Хиуса». «Хиус» — это тип корабля, но каждый звездолет должен иметь свое собственное название.

5). В III главе я совершенно забыл о «Викинге». Это надо не забыть вставить в том или ином виде.

Вот, пожалуй, все, что у меня есть по этому поводу. Засучи рукава и валяй. Я берусь за «Десантников», очень хочется.

А сейчас я буду тебя раздевать по поводу доплеровской слепоты. Очень, конечно, рад, что в одну из наших тупых голов эта идея все-таки пришла. Не будем называть имен, скажем только, что голова эта покрыта густыми черными, хотя и жесткими волосьями. Однако идея сия, придя, вышибла из оной головы все, что там находилось прежде. Только так я могу объяснить, почему вышеназванная голова не вспомнила, что излучение любой звезды происходит почти по закону излучения абсолютно черного тела. То есть: на оси x — частота излучения, по оси y — доля излучаемой энергии: [график — гауссиана]. Я заштриховал диапазон частот, видимых глазом. Ясно, что в силу эффекта Доплера этот диапазон переместится вправо или влево, то есть в область, где количество излучаемой энергии весьма мало. Это значит, что удаляющаяся звезда будет не только краснеть, но и слабеть, пока не сойдет практически на нет. Вот откуда берется доплеровская слепота. Мы наблюдаем, скажем, жесткое γ -излучение звезды в виде видимого света, но этот свет чрезвычайно слаб, ибо весьма мало количество γ -лучей, испускаемых звездой (см<отри> рисунок). Так что Зенгер все-таки не ошибся, слепота будет, э? И о ней, ей-богу, стоит где-нибудь упомянуть.

Очень рад, что книжка вышла. Очень хочу за нее подержаться. Только что прикажешь делать с корректурой? И как вообще книжка могла выйти, если эта корректура у меня?

Дома все благополучно. Хотим с Адочкой переехать в Пулково в гостиницу. Шли мне письма именно на Пулково, сколько раз тебе говорить!

Ну, пока. Привет всем и от всех, твой [подпись].

Аркадий — брату, 25 августа 1959, М. — Л.

Здравствуй, милый друг мой.

Получил бандероль и справку, за что спасибо. Кстати, справок бы надо хоть два экземпляра — в «З-С», но теперь уже поздно. Нынче же отнесу справку в Детгиз — пусть тебе выпишут гонорар по-новому.

О «СБП». Не удовлетворен. То, что ты прислал, черновик. Набор любопытных сцен. Отдельные сцены очень удались, есть хорошие идеи, но и только. Неужели ты полагаешь, что в таком виде можно дать рукопись в редакцию? Опять и опять напоминаю тебе, брат мой: работай не начерно, а так, как ты не постеснялся бы дать в редакцию. Работай над словом и над фразой. Ты теряешь стиль. Много лишнего. Набираешь листаж. Этого не надо. Это у нас в прошлом. Пусть повесть будет всего в пять листов, но чтобы это была повесть новая. Первую главу ты вообще оставил без изменений. Значит, ты не согласен с моей трактовкой Быкова? Ну, ладно, теперь это все позади. Закончу «Яйцо» и возьмусь. Но вот ты будешь работать над «Д» — не забудь, что я тебе сказал. Присылай готовый рассказ. Это ничего, что я потом буду вносить новые слова или сцены. Главное — чтобы рассказ был готовым для тебя. Понимаешь ты меня или нет, пупс несчастный? Сюжет, идея, хорошая сцена — это очень важно, это нужно уметь найти. Но вот писать экономно, искать слово ты почему-то не желаешь. И от этого все время сбиваешься на другой стиль. Тебе, брат, нужно попотеть, попотеть как следует.

Теперь так. Я просил прислать общий план «СБП» — пришли, пожалуйста. И еще пришли рассуждения Горбовского о смысле жизни. Как я догадываюсь, Горбовского ты хочешь взять для «Д» — отличный образ, он очень усилит рассказ. Но тебе вряд ли понадобятся его рассуждения о человеке и природе, а мне они будут нужны. Они получились хорошо. Пришли.

Дальше. Я все-таки вынужден буду изменить порядок повествования. Совершенно нелогично: провожают Ляхова в полет, а Крутиков жрет варенье и читает книгу. Юрковский и Дауге опаздывают на два часа и огорчены, и удивлены этим. Опоздать-то

можно, но это нескладно и, значит, не нужно. Отсюда — необходимо изменить порядок. Это даст возможность и уместно рассказать об исследованиях между звезд.

Ну, ладно. Будем ругаться. Ты меня уел в рассуждении доплеровского эффекта. Поднимаю лапки. Я совсем забыл об этой штуке. Но это совершенно превосходное рассуждение. И его надо вставить непременно со всеми объяснениями. Вот это докажет, что мы знаем, о чем пишем.

А в общем, прекрасная маркиза, все хорошо. Вот только ты, подлец, не перевел французский текст в рукописи. И я не знаю, что делать.

Итак, за работу. Когда прикажешь ждать «Д»? Когда я могу рассчитывать на них? Месяца хватит?

Даю срок: 25 сентября. Идет? А я пришлю тебе «Яйцо» числа 10-го.

Целую крепко, твой лучший брат Арк.

Привет маме и Адочке, и Андрюшке.

P. S. Как тебе показалась «СБТ»?

Борис — брату, 30 августа 1959, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Получил все: «СБТ», Изобрацион и уже повидал «З-С» № 8. С одной стороны, конечно, смачно, но «я танцую на шкуре Шер-Хана, но тяжесть на сердце моем». «СБТ» показалась мне достаточно убогой — с точки зрения содержания, конечно, ибо форма прекрасна. Я с гордостью поставил домашний экземпляр в шкаф — нацелился было между Уэллсом и Ефремовым, но устыдился и втиснулся между Немцовым и Беляевым. «ИСКР» тоже меня огорчило — такой прекрасный конец был — а сделали какую-то мочу за руб-двадцать, хоть и с восьмимиллиардным населением. Но особая срамотища — «З-С». Мало того что там черным по белому упомянута «Страна Багряных Туч», мало того что там я почему-то оказался «оканчивающим аспирантуру» (хотя в смысле реноме эта «описка» может мне дорого обойтись — найдутся такие, что начнут трепаться, дескать завывает себя Стругацкий-младший; не мог ты со мной посоветоваться, что ли?), мало того что многие моментики, кои ласкали мой взгляд, выброшены напрочь и заменены каким-то дерьмом — это ладно. Срамотища таки с «ЧП». Эх, говорил я тебе — выбрось бабу — так не послушался. А теперь люди, мнение которых мне дорого, говорят: дерьмо, и главное дерьмо — в бабе. Будешь делать рассказ для сборника, переделай его к матери, бабу — вон, рассказ Петрова — оживить, расправить: скомкан он зверски (тут уж я виноват). В общем, «ЧП» неудача наша, и очень жаль, ибо идея хороша — в этом сходятся все. Одна отрада — официальное признание и хорошие рисунки. Рисунки хороши — особенно к «ЗЭ» (кроме обложки). Ну ладно, ты не сердись на мое нытье, но уж больно обидно.

Теперь об «СБП». Очень я огорчен, что тебе не понравилось. Мне почему-то нравится и I и II глава, особенно II. Прежде чем ругаться, дам тебе перевод встречающихся там выражений (кстати, неужели в вашей лингвистической семье нет людей, знающих французский? Или ты им стесняешься показывать?):

capitaine-marchand — капитан, в смысле шкипер, кап. корабля

n'est pas? — не так ли?

Les hirondelles — ласточки («лезирондэ»)

avec vous — с вами; не помню, что там еще.

Теперь что касается того, что все это нельзя сдать сходу в редакцию. Во-первых, я и не стремился это доводить; во-вторых, я вообще против твоей идеи. Писать надо начерно, исправлять — начисто. Конечно, если ты настаиваешь, я буду стараться следовать твоему приказу, но мне кажется это нерациональным. Готовый рассказ вызывает у меня лично апатию мысли. Мне не хочется его переделывать, я начинаю ощущать полную беспомощность (особенно если рассказ мне нравится) и оставляю все как есть. Кроме того, доводить чужой рассказ гораздо приятнее, нежели свой, с которым ты свыкся и который тебе за время идейных мучений порядком опротивел. Это же общечеловеческое

свойство — любовь к критике и неприязнь к самокритике. Я убежден, что все писательские пары писали именно так, как я говорю, — недаром каждый из них писал хуже, чем оба вместе. Наверняка один писал быстро, обращая внимание прежде всего на отдельные сцены, эпизоды, слова — вбивал гвоздики, а второй — шлифовал, сжимал, растягивал. Обоим было легко, оба были идейно свободны и чувствовали себя при деле. Одним словом, теперь я буду потеть, если ты этого хочешь (не знаю, получится ли это у меня), но со своей стороны прошу — присылай мне сырые рассказы. Точнее, не присылай готовых. Готовый рассказ сковывает, связывает. С ужасом думаю о твоём «Яйце» — имею в виду, конечно, рассказ: ведь ты же его обмусолил, наверное, на все сто, так что сам Уэллс не исправил бы. Точнее, не нашел бы, что исправить.

Вот я сейчас долго сидел и думал обо всем этом. Все это, пожалуй, чепуха. Пиши как пишется. Просто нам по-разному пишется, и я, наверное, не прав. Но антипатии и симпатии мои все-таки постарайся учесть.

Теперь об изменении порядка повествования. Воля, конечно, твоя, но я бы не изменял порядок, а ввел бы некоторые поправочки. Тебе кажется нескладным, что Михаил жрет варенье, а Юрковский с Дауге опаздывают к старту. Мне это не кажется нескладным: люди работают, а не занимаются проводами. Попасть к старту — это от планетологов не зависит, это зависит от сроков их командировки и от расписания перелетов Земля-ИС. Жрать варенье или провожать — это тоже не Михайлов выбор. Быков сказал, я пойду провожать, а ты кончай доводку механизмов. И все. Вот если бы ты парой штришков показал, что по этому поводу был два часа назад спор — это другое дело. Наконец, на провода, вообще говоря, люди не приходят, а их приглашают. Если бы не так — провожать набегали бы не пятьдесят человек, а две тысячи — кому это надо? Уместно же рассказать об исследованиях среди звезд можно и при существующем порядке, а именно в первой главе, где они сидят за столом и ни о чем толком не говорят. Словом, я за прежний порядок, но с упомянутыми вставками. А вот что было бы хорошо выкинуть, так это третью главу — скоро ты сам почувствуешь, что это было бы прелестно. У меня даже такая мыслишка есть: вставить содержание двух первых глав в одну общую большую главу № 1, а глава № 2 будет уже сразу про Юпитер, когда они совершают первый виток. Будет все компактнее и насыщеннее. И похерится нормализованный план такого рода вещей: сборы, перелет, приключения. Конечно, выбрасывая «перелет», бог весть какого новшества мы не введем, но хоть одно отступление от стандарта и от той же самой «СБТ» будет. Не люблю стандартов; мы же, как известно, «ищем новые формы для изложения своих гипотез». Ты пишешь, что я «не согласен с твоей трактовкой Быкова». Отнюдь! Согласен целиком. И, по-моему, в главах ножниц с этой трактовкой нет: есть маленькая слабость, кратковременная и вполне закономерная. Быков, конечно, служака и работяга, но и он отнюдь не лишен фантазии и не прочь насчет большого дела. Особенно теперь, когда он известный капитэн-маршан и отлично знает себе цену. Он уже не тот стесняющийся Быков, что был в «СБТ», — ого, он кого угодно в гроб загонит и имеет право помечтать о сахаре. Неужели ты веришь в то, что существуют люди, которые прекрасно сознают, что они рядовые и нужные работяги, и в то же время не жалеют иногда, что их нет среди самых первых и лучших? Да нет таких людей!

Вот где основной камешек, так это Коля Ермаков! Дай тебе, Аркашенька, бог здоровычка с этим образом.

Ну, хватит об «СБП». Хочу еще только отметить гнусное подозрение в том, что я гоню листажа. До листажа ли тут! И в мыслях у меня этого не было.

Итак, переменяем руку! Пиши романы, я берусь за рассказы. Думаю, что сборник тоже мог бы взять на себя, хотя исправлять там особенно, пожалуй, нечего. Только «83ПГ» и, конечно, «ЧП». Аркашенька, надо разбиться вдребезги, подобно яшме, но отвоевать название для сборника «Частные предположения». Я думаю, что тут стоит дойти даже до смутных угроз. Если пройдет «Шесть спичек», это будет означать еще одно наше поражение.

Высылаю тебе просимое (не знаю, на кой оно тебе черт). Рассказ очень рассчитываю выслать в следующий понедельник, т. е. 7.09. Жду «Яйцо». В остальном все хорошо. Живем в Пулкове, понемножку избегаем шероховатости в области быта (нянька и проч<ее>). Все здоровы, шлют привет. Кое-кто уже читал нашу книжку и хвалит. Приятно, но эти все люди не настоящие ценители. Они «Жатву» тоже хвалят. Настоящие ценители, вероятно, будут на нас какать.

Словом, целую, всем привет, твой [подпись].

Р. С. Денег пока ни за что еще не получил. А деньги нужны, ох как нужны!

Р. Р. С. «Нева» отвратительно молчит. Ну ее в ж... Пожалеют голубчики еще, да поздно будет.

Р. Р. С. Кстати, как я буду узнавать о результатах твоей работы над «СБП»?

Аркадий — брату, 1 сентября 1959, М. — Л.

Дорогой Борик!

1) Не вини меня, родная. Это не я, а Варшавский. «Пепел над Бикини», «Страна багряных туч», твоя аспирантура — все это явления одного порядка, и к ним я не причастен. Ничего не попишешь, придется потерпеть. Не ругаться же мне с ним из-за этого. Или ругаться?

2) Насчет «ЧП» с тобой и иже с тобой не согласен. Люди, с мнением которых я считаю, говорят, что «ЧП» — это едва ли не лучшее, что мы с тобой сделали — оригинально и по форме, и по идее, и стилю, и по настроению. Но если ты так настаиваешь, можно бабу убрать, хотя это сделает вещь значительно суше и приблизит ее к трафарету. Как бы то ни было, «8зПГ» и «ЧП» будешь готовить для сборника ты — как только пришлешь мне Десантников.

3) Ты так и не написал мне о Десантниках. Работаешь ли ты? Если нет, то немедленно начинай работать. Если да, то не забудь — жду к 15 сентября. Весьма настаиваю, как ты выражаешься. Я дам «Яйцо» числу к 10, как и обещал.

4) В «Неву» позвони и спроси, что они там себе думают. Если они еще не знают, скажи им, что считаешь рукопись у них взятой. Дело в том, что я хочу сунуть ее в «Молодую гвардию» (журнал). Разговаривай вежливо, но решительно. Скажи, что передаем вещь в другой журнал, в московский, но не говори в какой.

5) Сборник будет называться «Извне», и точка. Я уж кланялся Касселю, говорил, что это не отражает, но он неумолим. «Сборник должен называться по первой вещи и по крупной вещи» — так он сказал на мои мольбы и слезы.

Вот, кажется, и вся информация. Насчет денег придется малость подождать. Солидные издательства переводят деньги не сразу, а исподволь. Я, впрочем, напомним в Детгизе, может быть, из уважения к твоим слезам поторопятся. А вообще брось ныть, Борис Натанович. Не так уж плохи наши дела, как год назад, когда мы с трепетом ждали выхода «Спонтанного рефлекса». Ты меня удивляешь, старый зад, и возмущаешь. Мы же только начали. Нам еще расти и расти. Хочешь сразу в Брэдбери? Так не бывает. Мало того, чем дальше мы пишем, тем меньше я понимаю, как надо писать. Но все впереди. Итак:

а) Я несу «Яйцо» и принимаюсь за «СБП».

б) Ты даешь к 15-му Десантников, после чего я направляю тебе на переплавку «8зПГ» и «ЧП».

в) Думаю, либо в ноябре, либо в декабре я приеду, и мы обсудим то, что к тому времени будет сделано по «СБП» и по рассказам.

Согласен, рыжайший? Лентяй ты старый, и ворчун притом. Все равно все говорят, что «СБТ» — хороше-о, интересно, волнительно. На Арбате и на ул<ице> Горького были очереди, и те, кому не хватило, пытались бить стекла. А я купаюсь в вонючих волнах славы и должен массе людей дарить авторские. Между прочим, от нашего с тобой имени (твою подпись я теперь подделываю запросто) подарено Варшавскому, Жигареву (гл<авный> ред<актор> «З-С»), Касселю, Пискунову (директор Детгиза) и дяде Кузе

<Литвинчеву>. Да нужно еще и тете Мане <Теселько>, и дяде Грише, и дяде Коле <Литвинчевым>. И еще товарищи, и Ким, и Ефремову тоже. И Андрееву. Тебе там хорошо ласы точить и зубоскалить, а я здесь отдувайся. Но я бодр, весел, и пишу «Яйцо», и ору веселые песни.

Конец «ИСКР», конечно, изменим. Постараемся, если попустит редактор, оставить прежний. Кстати, есть у тебя экз<емпляры> «8зПГ» и «ЧП»? Если нет, то я тебе вышлю. В общем, отвечай на это письмо как можно скорее, сейчас же. Мне очень важно знать твой ответ на новости и мои предложения.

У нас все хорошо, целую, твой Арк.

Привет всем и поцелуй тож.

Аркадий — брату, 5 сентября 1959, М. — Л.

Дорогой Бобкинс!

Посылаю тебе бывшее «Яйцо», а ныне «Белый конус Алаида» («БКА»). Как видишь, это первый вариант — я пошел навстречу твоим пожеланиям и отделять рассказ не стал. Стилистически он зверски неряшлив, конечно, обрати на это особое внимание. Лыщу себя надеждой, что рассказ вызовет в тебе какие-либо ассоциации и идеи, и ты дашь парочку сма-а-ачных эпизодов, и введешь в речи и поступки побольше яду и иронии.

Я не пишу: прочитай, а когда проблюешься, выброси или переделай. Это само собой разумеется. Теперь так. Я читал рассказ Ленке, она ОК'd его. Ныне же жду с нетерпением «Десантников» и собираюсь приступить к «СБП». Да, вот еще. Все решительно протестуют против выброса бабы из «ЧП».

Крепко целую,

твой Арк.

Борис — брату, 8 сентября 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Прежде всего винюсь: не успел с рассказом. Хотел выслать его вчера, но — не успел. Вышлю, как ты выражаешься, днями. Уж извини. «БКА» получил. НнничеГо. Неясно, почему он так назван, и здорово разит Хемингуэем. Понимаешь, одно дело — взять на вооружение общий стиль писателя, другое — использовать его конкретные частные приемы. А тут — «Снега Килиманджаро» в явном виде. Может быть, ты так и хотел? Тогда зря. Перебьемся и без этого. Но это еще не главное. Главное — Яйцо оказалось удивительно беспомощным. Это же элементарная опасность — непрочность почвы. И Яйцо не нашло выхода, не справилось. Конечно, я понимаю — очень заманчиво «протянуть через века грязную руку преступлений», но — неувязка. Сорри. Это надо как-то увязать. Я подумаю. И как ты вообще — настаиваешь на летальном конце? Из рассказа не вытекает необходимость гибели героя. Это ты отпиши. А в общем, повторяю, вполне ннничеГо! Образы хороши, особенно Гальцев, да и Ашмарин хорош. Сорочинский несколько тривиален, а про толстозадую я и говорить не хочу. Господи, до чего же мы все-таки беспомощны, когда речь заходит о любви вообще и о женщинах в частности! Я эту бабу выкину и, может быть, даже никем не заменю. А может быть, постараюсь что-нибудь разнообразить в сем образе. Я понимаю, без баб не обойтись, но надо их делать солидно, а не по чужим романам. Задача сама по себе заманчивая — женщина эпохи коммунизма, но с этим надо возиться. Пока у нас в активе единственный порядочный образ — Акико. Ладно, я попытаюсь. И в «ЧП» тоже попытаюсь, хотя это будет посложнее.

Теперь о «ЧиП». Вернули. Позвонили на работу, говорили очень вежливо, сказали, что это вполне профессионально, но не подходит. Я их понимаю: рассказ написан хорошо, но смягчению напряженности не соответствует. Я бы не обиделся, если б его и вообще не напечатали. Это не наш жанр, ну его к богу. Давай считать этот рассказ ненаписанным, а?

Сборник будет называться «Извне»? Отчегё же — пусть. Только бы не «Шесть спичек». Я удовлетворен вполне.

Будет просто великолепно, если ты приедешь. Во-первых, мы тут все соскучились, а во-вторых, надо о многом побеседовать и водки выпить. Приезжай, устроимся прекрасно, тем более что младенец сейчас все равно в Пулковке и дома масса свободного места. Возьми отпуск хоть дней на пять, я тоже возьму и будет о-кей.

Да! Вышли мне черновые варианты «83ПГ» и «ЧП». Чистовые у меня есть, но их мало.

«СБТ» в Ленинграде не найдешь. Тетя Лида <Капралова>, говорит, искала — нет. Была и нет. Почему нет? Продавщица (негодующе): «Хорошая книга, потому и нет!» Но очень жалко, что так мало свободных экземпляров. Я фактически никому из своих товарищей подарить не смог, а все требуют. А товарищей у меня (даже округляя с точностью до жен) — семь штук. А подарил только одному. Нехорошо.

Видел я «Последний дюйм». Фильм серенький, но сцена, когда Дэви тащит Бена на полотенце — это силища. Какая музыка, какая песня! Мне страшно хочется сейчас написать что-нибудь вроде этой песни (в том же ритме) в какой-нибудь из наших рассказов. И хочется этот рассказ потом экранизировать. Может быть, что-нибудь получится с «Д».

Дома все благополучно. Все шлют приветы. Андрюшка корчит рожи очень мило. Славная у него мордашка получилась. Этакая курносая и улыбчивая. Любит парень болтать. Сплошное «гав-гав-гав-ноу» и «агю-агю» и временами даже «аку-аку». Дух времени!

Ну, пока. Буду жать рассказ — сначала свой, потом твой. Жму руку и целую, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. А хорош таки рисунок в «З-С», где киберы бегут перед Тестудо в лучах фар. Молодец Гришин. Но почему у него всегда такие плохие заставки?

Аркадий — брату, 10 сентября 1959, М. — Л.

Здравствуй, мин хер Боб.

Получил письмо твое, льщу себя надеждой, что завтра-послезавтра получу и рассказ. Не могу не согласиться с твоей оценкой «БКА» — именно «нничеГо». Так ты узы его. Ату, и вообще — хватай и рви. Летальный исход, несомненно, не обязателен. Но весьма желательно было бы сохранить тему Десантника (или просто межпланетника), которого уже никуда не пускают по немощам его, но который пользуется огромным уважением, истощен этим уважением и старается делать, что может. Конечно, говорить об этом в лоб нельзя — разве что в мыслях его мелькает один эпизод из его бывших походов. Вообще, можно даже не говорить, кем он был конкретно. «Уважаемый человек» и всё. Собственно, толстозадая играет единственную роль по моей идее: ее детская влюбленность — свидетельство величия Ашмарина в прошлом. Я бы не убирал женщину, это очень хороший катализатор настроения. Другое дело, что мне это не удалось показать. Что касается до слабости Яйца, то это, конечно, правильно, однако постарайся оставить его взаимодействие с японским дотом. Хотел бы я знать, сохранилась ли бы взрывчатка такое время? И — как хошь — а немного подвига нужно бы прицепить. А впрочем — теперь все в твоих руках. Работай, браток, без стеснения, но изволь прислать мне машинописный текст чистым, стилистически отработанным и, если возможно, в двух экз<емплярах>, да один непременно оставь себе. Насчет баб ты тоже, пожалуй, прав, делаем мы их скверно, и даже Акико не составляет исключения. Но это как раз тот случай, когда посредственно лучше, чем ничего. Бабы — они, братец, чудесно оттеняют и выделяют характеры, а любовь, как известно, не картошка, но в силу полового размножения занимает в жизни большое место. Вот почкованьем бы...

С большим нетерпением жду «Д». Ты меня долго не мучай, присылай скорее. Кстати, не исключено, что и «Д», и «БКА» мы всунем в сборник, и в журналах тиснем еще в этом году. Абгемахт? Только работай скорее.

Посылаю тебе все, что есть из «83ПГ» и «ЧП». Я прошу тебя, когда будешь работать с этими рассказами, тоже не задерживай. По плану сборник идет в производство в начале

ноября. Нужно поторопиться. Рекомендую все время держать перед глазами журнальные варианты — думаю, там есть что взять, чего нет в черновиках: напр<имер,> эпизод с чтением наизусть Ши Найяня, упоминание о возможности восстановления утраченных органов. Неплохо также, если ты куда-нибудь всунешь идею, смутно мелькающую перед умственным взором Инспектора: люди будущего, огромно здоровые, считающие лучше лучшей электронной машины, наделенные новыми, неизвестными пока органами и — может быть — способные усилием воли передвигать огромные здания, создавать и уничтожать миры. А потом Инспектор, как трезвый человек, сплюнет и скажет: «Ерунда» — и начнет изобличать Директора дальше. Что до «ЧП», то я хотел бы оставить стихи Горбовского и журнальное окончание. А там как знаешь. Что касается до «ИСКР», то я протащу первоначальное окончание.

Ну вот и все. Дома благополучно. Полагаю приехать на неделю-полторы в конце октября. Тогда и согласуем окончательно план дальнейших действий. А может, и «СБП» почитаем.

Целую всех,
твой Арк.

Борис — брату, 12 сентября 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Вот, посылаю тебе сей чудовищный опус. Это не «Д», это гораздо хуже (какой каламбур, а?!). История его проста: мне пришел в голову сюжет, точнее — ситуация. Я сел и ее написал. Отлично понимаю, что это не рассказ. Это может послужить только для вставки куда-нибудь. Я преследовал две цели, пиша это эссе:

- 1). Чтобы создавалось впечатление.
- 2). Чтобы отработать прямую речь. Ее здесь много.

Так что критикуй в этом плане. И не злись, пожалуйста, на этот рассказ. С одной стороны, конечно, потеряны две недели, но с другой — они не пропали даром. Я очень надеюсь на последнее.

Теперь я сажусь сегодня же за «Д» и буду мучительно писать, со вкусом. Боюсь, что с «Д» будет как раз наоборот. «ГЧ» — это сюжет без идеи, «Д» — голая идея и совершенно нет сюжета. Ну ладно, как-нибудь.

Засим целую, с ужасом жду твоего разгромного письма, твой [подпись].

P. S. Что делать раньше: писать «Д» или исправлять «БКА»?

P. P. S. Прилагаемый рисунок есть кадр из немецко-польско-югославского фильма «Астронавты» по Лему. На снимке — Космократор готов к отлету. А?!

Аркадий — брату, 15 сентября 1959, М. — Л.

Дорогой и любезный брат наш и соавтор!

Получил я Ваше ЭССССЭё. Что я могу, так сказать... Конечно, интересно. Читается. Даже волнительно немного. Но! А) Рассказ не оригинален. Ни по замыслу, ни по исполнению. Летальное воздействие на межпланетников неземной фауны (а равно и флоры) было неоднократно описано за границей и с теми же настроениями. См<отри,> напр<имер,> рассказ в «Борьбе за мир» и Азимова «Неудавшаяся миссия». Однако тема — это полбеда. Я всегда стоял за то, что старые темы можно и должно использовать, если ты способен дать что-то новое. Что дал ты? Люди удались. Прекрасные люди, отличные диалоги. Правда, чувствуется этакий надрыв и усталость, как у межпланетных тружеников, эксплуатируемых кровожадной «Компанией Металлов и Минералов, Инкорпорэйтэд». Да это пустяки и легко исправить. (Только не считай, что я против усталости. Но усталость должна быть с другим оттенком.) Далее. Сюжет скверен. Как только читатель добирается до того места (стр. 7), где становится понятным, что мухи представляют опасность, он, читатель, немедленно представляет себе, что будет дальше: безнадежная борьба экипажа, стремление взорваться, лишь бы не завезти заразу на Землю и, наконец, полная и безусловная дезинсекция на платформе инсектицидов или ультранасадок. Спасти сюжет могла бы только неожиданная, по возможности

юмористическая развязка. Далее. Не продуманы и технические детали. А) Что они жрут, эти мухи, раз они так здорово размножаются? Б) Почему против них не действует ультразвук? Откуда эта уверенность? Ультразвук действует на все что угодно, даже на железо. В) Самое главное, опять-таки: что они жрут? Можно сделать, что они жрут кислород, тогда понятна будет и торопливость капитана: они в два счета сожрали весь воздух на корабле. Надо подумать.

То новое, что ты внес в тему — споры в космосе, ты не развил совершенно, старый сундук. Это необходимо развить. Вот, пожалуй, и всё про «ТЧ».

Теперь два слова о дисциплине. Мы работаем очень скверно. Я обязался к двадцатым числам сентября дать в два журнала два наших рассказа. Тебя потянуло на ЭССЭёё. Ладно, дело твое. Я попробую в качестве одного из рассказов толкнуть эссеё, хотя я уже вижу и слышу, как на меня посмотрят и что скажут по этому поводу. Над «ТЧ» еще работать и работать, а где второй рассказ? Я ждал «Д», как рассказ, который будет нуждаться лишь в самых незначительных поправках, иф эни. Давай наперед договоримся работать в унисон с планом. Я понимаю, свобода творческого замысла и пр., но план есть план.

Одним словом, давай так. Срочно работай над «БКА» и высылай. Жду к двадцатому. Я буду в поте спины трудиться над «ТЧ», ибо рассказ стоит того, несомненно, но нужно свершить указанные поправки. Все это нужно срочно, срочно, срочно. Жми, Боренька. Если придет на ум вариант хорошего конца для «ТЧ» — звони или пиши срочно. А «Д» придется отложить. Пойдет, по-видимому, на будущий год.

Мы очень выросли, Бэмби. Я знаю, что еще года полтора назад плясал бы качучу над «ТЧ», но сейчас — нет. Не буду плясать. Мы очень правильно делаем, что тычем друг друга мордой в собственное дерьмо. В этом, я полагаю, основная польза соавторства.

Да, есть тема рассказа. Первый межпланетник, выдравшись, наконец, из объятий и поздравлений, укрывается у себя дома и, с облегчением вздохнув, закуривает. И вдруг из дома напротив радио. Передают «Космические частушки» в исполнении хора Птибурдукова. Поют низкие женские развратно-рязанские голоса. А он слушает, трясась от бешенства, и вспоминает труд, напряжение, опасности, а хор поет: «Милай Петя на ракете, а я на камбаини-и-и...» И рассказ назвать: «Пошлость». А?

Ну всё. Целую крепко, твой любящий Арк.

Всем привет.

Аркадий — брату, 16 сентября 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

Пишу по совершенно особому поводу. Кассель начал работу над сборником и уже брюзжит по поводу «8зПГ». Я его уговорю подождать, но ты не задерживайся, жми на «8зПГ» и на «ЧП» изо всех сил. Одновременно жми на «БКА». Я буду сейчас все время сидеть с Касселем над сборником, а по ночам работать над «ТЧ». Думаю, выйдет хороший рассказ, там только кое-что нужно сдвинуть и подменить. Пошлю его тебе, наверное, числа 20-го и сразу, не дожидаясь твоего ответа, брошу его в «З-С». Потом лучше по ходу переправим. Да помни, я жду — не дожись «БКА». И поспешай с «8зПГ» и «ЧП».

Целую, твой Арк.

P. S. Передай маме, Наталия Петровна <Митрофанова> книгу получила и прислала телеграмму.

Борис — брату, 18 сентября 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Начну я с ругани. Тебе, конечно, хорошо известно, что, подобно рыжеволосому Филби, я — большой спорщик. И что переспорить меня не так-то легко, особенно если при этом наступить мне на зад. И сейчас я буду спорить.

И как это странно у нас всегда получается! Работаю себе, работаю, все тихо-мирно, никакой особенной гонки нет. Знаю, что от нас ждут сборник к середине ноября и рассказ в «З-С». Все распланировал, делаю «Д», готов в случае необходимости отвлечься и

приняться за переделку «БКА» — все рассчитано и идет вполне по плану. И вдруг — трах-бах! Ратуйте! Азохен вейзмер! Уже пожар, и уже мой старший соавтор скачет на бочку, крутит кнутом и кричит: «Вье!» Оказывается, в журналы нужен не один рассказ, а — себе — два! И сейчас же, к двадцатому, ой-ёй-ёй! Горит наш дом! Что, почему, откуда? В первый раз слышу! И не вздумайте отрицать этого — в первый! И я, получив письмо с пожаром восемнадцатого, уже должен сделать так, чтобы готовый рассказ ты получил двадцатого. То есть должен бежать на самолет и совать рассказ бортмеханику-радисту, чтобы он, ради бога, отвез немедленно и доставил с аэродрома на такси. Ратуйте! Вье-е! А рассказ, между прочим, я намеревался отослать числа тридцатого. Ну, что тут делать? Я просмотрел все твои письма и там срок двадцатого упоминается один раз — в письме от 28.08.1947 года, да и то в связи с твоим возможным приездом. И что ты себе думал раньше? И ты все еще ждешь от меня «БКА» к двадцатому? Ого-себе!

Одним словом, ты жди его к двадцатому, а я пока буду работать. Я уже вплотную занялся «Д», и почти разработал сюжетную линию, и сочинил песенку десантников, и даже написал конец рассказа. Теперь я, конечно, это брошу и займусь «БКА», но ты так впредь не делай. И если уж ты так любишь сроки (вещь, вообще говоря, полезную), то, по крайней мере, сообщай их мне заблаговременно, а не с огнетушителем в зубах. И не вообще, как ты часто делаешь: дескать, жду к пятнадцатому — а солидно и с обоснованием. Я уже привык к тому, что ты всегда торопишься, и теперь уже без специального пояснения не могу понять — к пятнадцатому, просто чтоб скорее, или к пятнадцатому, потому что договорился с редактором. А это разные вещи. Ну вот, выяснили отношения. Я виноват, ибо медлю, ты виноват — ибо смутно обрисовываешь обстановку.

Теперь относительно «ТЧ». 1). Немножко истории. Это не рассказ. Я писал его в смутное время, пока ты был на юге. С романом уже покончил, за «Д» еще не принимался, ибо думал, что его пишешь ты. Проявил, так сказать, инициативу, а тут и идея взбрела. Это не рассказ. Это попытка испробовать свои силы в диалоге и в передаче настроения. И писал я его не для печати, потому что ясно и ежу, что в печать его не пропустят. Максимум, на что я рассчитывал, — использовать «ТЧ» когда-нибудь в романе или в повести в качестве эпизода. 2). Относительно идеи и сюжета. Сюжет обсосан — это так. Что касается идеи, то, по-видимому, выразить ее отчетливо мне не удалось, ибо ты ни черта не понял. Дело не в «летальном воздействии внеземной фауны (а равно и флоры)» и не в желании взорваться вместе со звездолетом. Легко видеть, что ни того ни другого в рассказе нет. Надо только прочесть эссёёёёёё без предубеждения. По самому замыслу 8-ногая муха абсолютно безвредна. Я хотел показать очень земных людей, которых пугает не столько инфекция в конечном итоге, сколько сам факт вторжения извне. Как одна и та же муха может вызывать и сладостные воспоминания о Земле, и страх и отвращение людей, которым очень хочется домой, которые почти уже дома, и тут — эта отвратительная гадость. Мне не удалось сделать это. Я слишком большой упор сделал на страх перед болезнями и на всякие ультранасадки. (Кстати, на ультранасадки рассчитывать трудно, ибо ультразвук, кажется, не разрушает молекулярной структуры и не может убить существо, размножающееся почкованием. А?) Потом, меня привлекала мысль показать медленное, но неуклонное наступление Чужого Мира и реакцию на это разных людей. Как они отупевают и только хотят домой, а об взрываться не может быть и речи. Они слишком утомлены для таких действий, слишком хотят домой, к маме. И потом — в течение трех часов мухи только размножаются и не приносят никакого вреда. Это очень важная деталь. Что касается идеи о спорах в космосе, то не вижу, как ее еще нужно развивать. К чему научные разговоры? Достаточно дать эту идею в качестве гипотезы и — хватит. 3). Концовка. Согласен, что хорошая концовка здорово подправила бы рассказ. Я ничего не мог придумать. Вот сейчас закурю и буду думать еще раз... Так. Ни хрена особенного не придумал, но вспомнил, как с самого начала хотел писать это эссёёёёё.

План такой: а) вступление, б) собственно ...ёёёё (то, что уже написано) и в) заключение. Итак:

Вступление. Сидит компания бывалых людей где-нибудь в Ривьере под тентом. Курят безникотинный табак, жуют тянучки и посасывают оршад. Идет ленивый разговор о том о сем, преимущественно о разных страшных приключениях. Один рассказывает, как он горел. Другой — как тонул. Третий заводит разговор о страшных животных чужих миров. Кто-нибудь рассказывает о венерианских болотах. Кто-то — о том, как дрался в течение часа с гигантским крылатым пауком. Все это — кратко и без прямой речи. И вдруг встречается один межпланетник:

«— Муха, — сказал он и несколько раз кивнул головой. — Муха — обыкновенная муха... Правда, не совсем обыкновенная, но очень похожая на обыкновенную...»

И дальше начинается сходу ...ёёёёё. В том виде, как оно есть. А в заключение у межпланетника спрашивают, чем дело кончилось. И он рассказывает, что муха была совершенно безвредна и не несла никакой инфекции. «У нее было восемь ног, и она совершенно фантастически размножалась — а в общем-то это была обыкновенная муха». Звездолеты с мухами (в количестве трех — звездолетов, конечно, а не мух) сгоряча взорвали. А потом муху научились убивать по мере надобности и теперь делают из нее органопласты с миллионом достоинств. «Самый дешевый органический материал — эти мухи. Их разводят в огромных количествах, убивают и варят из них органопласт». Вот и все. Как ты считаешь?

А в общем-то, может, не стоит «ГЧ» пихать в журнал? Смотри, впрочем, сам. Я же берусь за «БКА» и вышлю его буквально днями. Получишь хотя и не двадцатого, но 26-28.

Целую, твой [подпись].

Привет всем и от всех. У нас благополучно, если не считать, что у Андрюшки насморк, у Адочки ангина, а у меня вдруг объявился такой печеночный приступ, что я бегал от боли по потолку и потерял два рабочих дня.

Борис — брату, 21 сентября 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Вот посылаю. После телефонного разговора писать особенно нечего. Однако отпиши, на какой срок ты приедешь — чтобы я мог взять соответствующий отпуск. Не знаю также, как назвать «БКА». Собственно «БКА» — как-то не то. Может быть, «Синее небо»?

Ну ладно. Всем привет

[подпись].

P. S. А хорошо бы маме купить золотые часики. Она давно хочет.

Аркадий — брату, 24 сентября 1959, М. — Л.

Дорогой мой Борик!

Получил «БКА». Ей-богу, хороший рассказ. А? И правильно ты, конечно, сделал, что выбросил к чертям бабу. Даже Ленка признала, что рассказ стал гораздо лучше. Теперь я его перепечатаю, по дороге уберу кое-какое г..., оставшееся от первого варианта, и понесу в журнал.

Посылаю тебе «ГЧ», ныне — «М» (не знаю, как ты отнесешься к названию). Кстати, о названии «БКА». Давай оставим так. А? Белый конус Алаида, так сказать, символ высоких устремлений и прочее. Давай, а? Так вот. Посылаю тебе «М». Такой поворот в сюжете рассматривай как реакцию на четыре (четыре!) подряд прочитанных мною иностранных рассказа о ползучих гадах, забравшихся в ракету, в результате чего пилоты с редким постоянством взрывают свои корабли, причем предварительно паникуют и стреляют друг в друга. Я хотел показать — с одной стороны, традиция, с другой — мощь передовой науки. Вместе с тем я всячески старался оставить все понравившиеся мне места и реплики твоего варианта. Может быть, получилось не очень психологично, но, на мой взгляд, хорошая идея. Погляди, будет охота — подправь. Я полагаю и «БКА», и «М»

включить в сборник. Ты как? Завтра оба рассказа несу в «З–С», там Варшавский выберет один, а другой отнесу в «Изобррацион», все равно какой. Если ты согласен давать их в сборник, внеси необходимые, по-твоему, поправки в «М» и присылай. Вот всё.

Насчет часов — это хорошо. Приеду — займемся. Приехать думаю 25.10, уехать 8.11.

Целую, твой Арк.

Привет всем.

Аркадий — брату, 1 октября 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

Пишу коротко, дней через двадцать увидимся — приехал бы сейчас, но много редакционной работы.

Срочно — хотя можно и не срочно, но лучше — срочно — отпиши, как ты нашел «Мухи». Засим, скорее высылай «ЧП». Очень хочется читать «Десантников».

«БКА» пойдет в № 12 «З–С» (если не ошибаюсь), Варшавский одобрил, и гл<авный> редактор одобрил.

Постараюсь кое-что набросать к встрече по «СБП».

Надо об очень многом поговорить, так что пока не пей, поберегись до встречи.

Целую, твой Арк.

Да, посылаю несколько писем читательской общественности. Не теряй их, надо сохранить.

Борис — брату, 4 октября 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Вот мой вариант «ЧП». Так я себе и представляю: 1 гл. без изменений, а 2-я и последняя — как я предлагаю. Конечно, можно править сколько угодно. Можно и вообще отказаться, но я все-таки предпочитаю этот вариант журнальному.

Теперь возьмусь за «Д». Что касается «Мух», то не спеши с ними. Пусть полежат. По-моему, там надо многое подправить в смысле стиля. Сюжет стал гораздо лучше, а стиль, по-моему, хуже.

Очень жду тебя. Сообщи точнее день, когда придешь. Я не хочу терять ни одного дня из тех, что ты пробудешь здесь, и потому желательно точно заказать отпуск.

Засим гуд байчик, твой [подпись].

P. S. Я еще напишу тебе письмо — и про «Мух» и про всякое.

Борис — брату, 9 октября 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Ну, «Мухи», ну? Конечно, в рассказе теперь есть сюжет — железный и не без фантазии — и бодрый дух. All right! Но с моей точки зрения рассказ стал хуже (Адка считает — лучше). Основное обвинение — тягучие научные монологи, совершенно вышибающие из нашего стиля. Я думаю, если подработать эти монологи, все будет ннничеГо. В общем, торопиться не стоит с этими «Мухами». Главное было — дать рассказ в «З–С», а «Изобррацион» и перебиться может до поры до времени. «БКА» у нас есть, и, по-моему, его вполне можно толкать в сборник и даже в случае чего — выбросив оттуда «ЧП». Кстати, «ЧП». Ты, наверное, материшься, а мне этот вариант нравится. Понимаешь, в чем неувязка в прежнем варианте: там два таких сугубо личных рассказа ведутся от первого лица. Ну как может человек с полной откровенностью рассказывать о своих любовных муках или о своих подвигах. В рассказе поэта все хорошо — там он ничего не говорит о себе. Он описывает только удивительное событие, свидетелем коего ему довелось быть. В случае астролетчика и — в особенности — Ружены дело хуже. Поэтому я изменил форму и попытался все слить в один рассказ. Мне кажется, что он написан ничеГо, надо бы только усилить несколько линию собственно ЧП, а в остальном, по-моему, вполне реалистично, чего и старался добиться. Словом, сейчас с трепетом жду твоих решений.

Вожусь с «Д», дело идет туговато, но надеюсь уж к твоему-то приезду кончить. Что-то будет?! Мне как никогда хочется сделать из этой идеи хороший рассказ. Выйдет ли? Мавр ли?

Снова звонили из «Костра». Молили: а) дать очерк (или рассказ) о Луне (в связи с ракетой-2); б) не забывать их. Не забывать я решительно обещал, а от очерка вежливо отказался. Во-первых, это отняло бы время у меня, во-вторых — у тебя, в-третьих, нам не стоит размениваться по мелочам, э? Дал им на растерзание своего друга Чистякова, он им написал очерк, от которого сильно пахнет художественными приемами бр. Стругацких. Думаю, они будут довольны.

В «Смене» (газета) напечатано об «СБТ» — заметка рекламного типа — «читайте, дескать, интересную книгу». Называется «Хиус летит на Венеру». Я увидел эту газету в руках соседа по автобусу и долго тупо рассматривал заголовок, пытаюсь вспомнить, почему мне знакомы все эти слова. Дошло, когда сосед сказал мне: «Во, Боб, о вас пишут». Вообще книжка таки имеет успех. На экскурсиях в Пулковке ребяташки-школьники задают вопросы, начинающиеся со слов: «А вот в СБТ написано...»

Да, спасибо за посылочку. Рисунки мне очень понравились — художник хорош. Но я надеюсь, ты разъяснил ему, что следовало бы нарисовать вместо этого спрута с глазами и как выглядят каморки «музея». Потом мне понравилось письмо этих ребят. Толковые ребята. Надо обязательно им ответить. О работах Кононенко я тут расспрашивал, но никто ничего не знает. Козырев, наверное, знает, но он сейчас в Крыму.

Вот и все пока. Жду писем, жду тебя самого.

Твой [подпись].

P. S. Приветы всем от всех.

P. P. S. Напиши точно, когда приедешь: двадцатого или двадцать пятого!!!

Аркадий — брату, 10 октября 1959, М. — Л.

Дорогой мой Бобик!

Спасибо тебе за письмо. Ты, вероятно, сам уже заметил, что я не избалован твоими письмами, поэтому не удивляйся за благодарность. Однако, к делу.

а) Я приеду утром двадцать четвертого октября, поезд укажу в телеграмме. Раньше не смогу, ибо в Гослитиздате нужно сделать много дел.

б) «Муху» обрабатываем совместно, потратим день и дадим в «Костер». Возьмут — хорошо, нет — по крайней мере, мы свой долг выполнили. Дадим тогда в другой журнал. Рассказ, кстати, может выйти отличный. Полагаю, у Адки чутье есть. А монологи подправим, это не столь утифительно.

в) О «ЧП». Задница. Выкинуть третий рассказ — ты за кого меня принимаешь, сакер? Я решил: вместо второго рассказа дать с незначительными сокращениями твой вариант от первого, Ружены, лица. Это будет хороше-ё. Вообще, насчет «ЧП» у меня будет к тебе разговор. <...>

г) Тржусь над «СБП». Во-первых, нужно будет изменить название. Что-либо вроде «Водородное чудище» или «Водородный пузырь». Об этом мы подумаем. Во-вторых, я очень изменил как идею, так и план и состав действующих лиц. Очень надеюсь привезти тебе две первые главы. В них я использовал некоторые элементы из твоей третьей, и у нас еще остаются великолепные заготовки для третьей, четвертой и пятой глав. Сегодня-завтра надеюсь закончить первую главу, заготовки для второй уже есть. Короче, нам (если ты одобришь первую и вторую главы) останется поработать только над частично пятой главой и тремя последними, самыми динамичными и потому самыми простыми.

д) У нас будет серьезный разговор насчет сценария и новой повести, прошу мне напомнить, когда я приеду.

Вот, кажется, и все.

Что касается художника, то реализма в изображении всего такого не жди. Он замаскированный абстракционист, он — первый художник-фантаст в нашей стране. У него есть картиночки — закачаешься. Есть картина по нашей идее «СБП» — я ему дал —

планетоле-разведчик спускается в водородную бездну, а внизу, в розоватом сиянии, висит чужой звездолет, а кругом изъеденные обломки скал.

На письма я ответил, можешь не волноваться. В «З-С» есть еще. Кстати, вот видишь, люди хотят, чтобы было много всякой фантастики: и в том числе подпространство (Тибетский опыт).

Ну, целую крепко.

Поцелуй маму и А дочку.

Борис — брату, 14 октября 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Сейчас сидел над «Д». Утер пот и сопли, сходил в сортир и решил черкнуть тебе пару слов в порядке отвлечения от. Получил твое письмо и отвечаю в плане онаго.

а). Итак, встречаю тебя утром 24-го (обязательно встречаю!) и посему в пятницу подаю заявление об отпуске. Эх, и жизнь будет!

б). «Муху» обрабатываем совместно? ОК! Обрабатываем совместно. Но сомневаюсь, что получится отличный рассказ. Вытянуть бы на четыре с минусом, и то хлеб. Хотя ты и здорово там завернул с водородным сквозняком. Но суть-то не в сквозняках. Ну да ладно.

с). О «ЧП». Ну, хорошо. Ну — я задница. Вопрос — почему? Потому что хочу выбросить весьма сухой и не бог весть как интересный третий рассказ? Знаешь, о нем как сказали? «Четыре года мы летели с ускорением 5... тыры-пыры... два года с ускорением 4... тыры-пыры и прилетели». Готово! Семнадцать лет на пяти страничках. Приветик! Лучше и не пытаться эти 17 лет расписывать. Именно потому я и выбрал вариант, за который ты мне хочешь ж... рвать. Пусть будет система полунамеков и полузабытых ситуаций, о которых не слишком-то приятно вспоминать. Вот это — выход. И я совершенно не представляю, как ты этот вариант сделаешь от первого лица. По-моему, моча получится. Впрочем, моча и была, так что хуже не будет, а лучше — может быть.

д). Изменил, говоришь, все в «СБП»? Ну-ну. Это ты правильно сделал. Интересно, что именно ты изменил и каков новый сюжет. Я тут думал и решил: а не начать ли нам изложение с того момента, как они прилетели на Амальтею? С Амальтеи отправляется Ляхов в первую межзвездную. С Амальтеи Быков хочет стартовать к Юпитеру в целях разведки с планетологами, но тут сигнал бедствия, и они идут на помощь. Пушай там гибнут киношники, попавшие в третье кольцо. А заодно попадает и Быкову. Выгода: 1) Менее тривиальный сюжет в том смысле, что не сохраняется обычная цепь: Земля — Пространство — Приключения. 2) Можно поярче подать Ермакова-младшего, которого Быков отдирает от девицы ввиду тревоги. Это будет живо. 3) Можно будет показать быт под чужим небом. Этого еще не было. Невыгода: 1) Пропадает сцена встречи друзей. 2) Пропадает сцена у диспетчера, а диспетчера показать надо — это момент! Правда, можно сделать, чтобы Быков не привез планетологов, а просто дождался их там. И можно сделать Амальтею перевалочным пунктом, тогда и диспетчер пойдет.

В общем, было бы лучше, если бы ты отписал мне свои соображения. Надеюсь получить еще одно письмо от тебя до приезда.

е). Очень рад, что будут разговоры о сценарии и о новой повести. Новая повесть нужна обязательно, а то у нас нет перспективы.

ф). Рисунки, повторяю, мне понравились очень. Ты пишешь, что я жду от худ<ожни>ка какого<-то> реализма, так я его не жду. Откуда ты взял? И очень здорово, что он абстракционист. Обложка — просто прелесть. Кстати, как его фамилия?

Теперь. Предлагается такой план работы во время отпуска:

1) «Мухи». Доработка и сдача в «Костер».

2) «Десантники». Доработка. Или переработка. Или вообще выработка, если я не успею — уж больно туго идет.

3) «СБП». Сделать хотя бы половину начисто. А может быть, и всё.

4) Все, что понадобится впредь. Привези мне «БКА»: у меня нет.

Ну-с, за неимением новостей жму руку и передаю приветы.

[подпись]

P. S. Так когда идет «БКА»?

Аркадий — брату, 15 октября 1959, М. — Л.

Дорогой Бэ-ба!

Ты хочешь письмо? Так вот оно, перед тобой, зачем же ты плачешь? Подтверждаю, буду утром 24-го, № поезда телеграфирую. Я возлагаю на эту встречу большие надежды, с твоим планом работы согласен, хотя там нет «свободных поисков» за бутылкой сухого. Ну, да ты просто по рассеянности. Что касается до «СБП», то сюжет в общем остается неизменным, если не считать того, что сюжет я уничтожаю совсем (как собственно сюжет). Ефремов прав, нужно писать не сюжетом, а эпизодами. А в идеале каждая глава должна быть почти законченным самостоятельным рассказом. Что это такое, я расскажу при встрече. Да ты сам посмотришь мою идею: я уже написал 1-ю главу (Ленка одобрила) и пишу 2-ю главу. Кстати, и думать не могли не закончить к моему приезду «Д». Обижусь, ей-ей. Пиши хотя бы плохо, но было бы от чего отталкиваться. Теперь вот еще что. Из газеты «Труд» звонили с просьбой дать в праздничный номер рассказик на 5–6 машинописных страниц. Погоди, не плюйся. Давай попробуем. Мы еще не писали в таких малых формах, а надо бы попытаться. Подумай над этим. Что-нибудь не гениальное, а? Не сногшибательное, а? Для ниже старшего возраста, а? Побольше веселой пошлой шутки, без надрыва, с улыбкой солдатам, штурмующим Зимний. Подумай. Теперь о «БКА». Идет в № 12 «Знание — сила». Satisfied¹? Фамилия художника — Соколов Андрей Константинович, он же Андрюша и хороший малый. Ортодоксы в худотделе Детгиза уже пытаются его скovyрнуть. Я и Кассель — мы за него деремся. Сборник я уже отдал Касселю, он доволен. Дрался за «ГФ» как лев, отстоял. Подсунул туда же и «БКА», так что экземпляр тебе не отломится. Думаю, пока не поздно, подсунуть туда же и «Мух». Говорили о «СБП». Он говорит: пишите заявку, а как только принесете повесть, мы ее пустим вне плана. И еще: «СБТ» пустят в подписную б<иблиоте>ку НФП в 61 году.

Вот и всё.

Целую крепко, привет всем, Арк.

Аркадий — брату, 20 ноября 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

Дела наши такие:

а) «СЛ» [на полях рукописно: «Странные люди»] отдал Касселю и Варшавскому, пока ответа еще нет. И тот, и другой шибко заняты, вряд ли скоро прочитают. Придется ждать.

б) «ЧрПр» отдал Варшавскому, вероятно, пойдет в будущем году.

в) «СС» [на полях: «Скатерть-самобранка»] сегодня отсылаю в «Огонек».

г) «СП» [на полях: «С грузом прибыл»] будет печататься в «Знание — сила» в августовском-сентябрьском номерах.

д) «СБТ» будет переиздана в шестьдесят первом году вместе с «СП» в серии «Приключения и фантастика» (Детгиз).

е) «6 спичек» в сборнике Молодой гвардии выйдет вот-вот. Но я проглядел верстку и ужаснулся: они допустили несколько омерзительных опечаток, с которыми сделать уже ничего нельзя. Мне даже ругаться не захотелось, махнул рукой и ушел. Впрочем, на следующий день они звонили и пригласили как-нибудь зайти на предмет сотрудничества. Ужо зайду.

ж) Полагаю рациональным подготовить новый сборник, который можно будет издать либо в Молодой гвардии, либо в новом издательстве «Знание».

з) «ГФ» начальство в Детгизе все-таки отвергло, черти бы их взяли. Однако я надежды не теряю. Не выйдет в Детгизе, выйдет в другом издательстве. Есть у меня идея:

¹ Доволен (англ.).

дать «ГФ» в «Наука и религия». Как ты полагаешь? Тезис — чудо есть всего-навсего маловероятное событие. Пусть поглядят.

и) Считал гранки «БКА» и внес все поправки, которые ты предложил (не фундаментальные, конечно).

к) Собрал и отнес Касселю второй экземпляр сборника на иллюстрацию. Соколова отвергли, сволочи. Может быть, дадут ему цветную вклейку только, и то маловероятно. Кто теперь будет иллюстрировать — понятия не имею.

Вот, кажись, и все новости. Очень жду «СГП». Начинаю работу над «Школой». Да, заходил я и познакомился с Ляпуновым — он заместитель пред<седателя> комиссии НФП в ССП. Ругает толстых маститых на чем свет стоит. Он, между прочим, составил блестящую библиографию НФ на русском языке — от А. Конан Дойла до бр<атьев> Стругацких включительно.

Ну, будь здоров, мальчик. Жду «СГП», не забудь. И отпиши, пожалуй. Твой А.

Аркадий — брату, 27 ноября 1959, М. — Л.

Здравствуй, Боб.

Посылаю тебе рассказ о Школе. Как видишь, я постарался впихнуть сюда самое лучшее, что было у нас сделано. На мой взгляд, получилось достаточно связно. Но, увы, не больше. Вот что я хотел бы, чтобы ты сделал:

1) Еще один или два гвоздика в стиле истории с ЛИАНТО.

2) Усилить фантастический фон — не назойливо, а двумя-тремя мелкими деталями обстановки или сравнениями.

3) Сократить до последней возможности диалоги и укрепить описательную часть.

4) Идею «Почти такие же», на мой взгляд, надо сохранить и укрепить. Она держит весь рассказ — сходство и преемственность с нынешней молодежью, только более тонкая, более рыцарская молодежь, чем сейчас, и больше энтузиазма.

В таком духе. Мне здесь пришлось пережить немало скверных минут, когда после статьи академиков «Забытый эксп<еримент>» висел на волоске. Придется убирать оттуда причинную механику. Может, посоветуешь что-либо? «СЛ» Касселю нравится, пойдет в «Мир приключений». А теперь слушай, ты, великий знаток французского языка. В Детгиз пришло письмо из «Крокодила» — оказалось, что в названии книги Данже и в самом имени Данже в «СБТ» сделано тринадцать ошибок. С чем я тебя от души поздравляю. Будет тебе наука — даже когда делаешь черновики, делай добросовестно, проверяя каждое слово. А пока жди в «Крокодиле» заметочку.

Пока всё. Не вижу у себя на столе «СГП». Не вижу писем от тебя.

Привет всем, Аркадий.

О получении этого письма извести немедленно.

Борис — брату, 27 ноября 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Отвечаю тебе с запозданием: занят страшно. Я до того занят, что просто не было времени ответить. На работе горячка — кончается год, надо дожимать план. После работы еду домой: приехала теща, спать в гостинице негде. Дома поем, ложусь спать до десяти, а потом работаю до двух-трех ночи над «СГП». Сам видишь, время забито. Мне тут еще не повезло. Я хотел использовать остаток отпуска для работы над СГП, но в первый же день свалился от гриппа и весь остаток отпуска проболел. Самое лучшее время пропало, теперь вот работаю по ночам. Дела обстоят так: сделаны пролог, I глава и II глава (вот только что кончил). Существенных изменений внести мне не удалось, но все-таки объем растет: сделанное занимает, грубо, 51.5 стр. (раньше было 42.0). Расширение происходит за счет разных мелочей. Не знаю, смогу ли я закончить в срок, но уж во всяком случае интерлог буду писать позже, когда отошлю сделанное. Так или иначе, высылаю всё точно 1.12.59. Если, конечно, ничего не случится (болезни там и прочее).

Теперь по твоему письму.

1. О реакции на «СЛ» отпиши немедленно по получении.

2. Что «С-С» идет в «Огонек» — это нничегё. Все-таки деньги.

3. «6С» в «МолГв» — что там за опечатки, которые нельзя исправить. Напиши, пожалуйста, хоть про одну.

4. О новом сборнике. Я полагаю так: СГП, СЛ, ЧрПр, и еще напишем — «Школа», «Какими вы будете» и, может быть, переделать ГФ в удобном плане, а? Ты подумай пока. Насчет «Науки и религии», вероятно, не выйдет. Такой тезис — чудо есть маловероятное событие — конечно, не пропустят. Это протаскивание Библии. Это научное оправдание того, что Христос действительно вознесся на небо. Броуновское движение — это конечно, но как же это все-таки — значит, вознесся? В сборник, я думаю, не грех будет вставить и кое-что из старого — скажем, ЗЭ или ЧП. Так все делают.

5. Очень жалко, что отвергли Соколова. Вот ведь гады, консерваторы.

Давал читать СЛ ребятам. Хвалят. Говорят даже, что намечаются люди, чего раньше не было. И новый вариант ЧП им понравился. А как тебе нравится уязвление Козырева в «Правде»? Обоср... парня. Нехорошо. Читал я «Сказки народов Африки». Там есть любопытное упоминание о животном Куонованга (или что-то в этом роде). Оно «лишено волос, огромно и очень длинно. Глотало девушек целиком». И ходят упорные слухи, что какой-то француз-летчик сфотографировал звероящеров в центральной Африке. Фильм находится в распоряжении Королевской Британской Академии наук.

Ну, всего. Желаю удачи, твой [подпись].

Р<ost> T<extum>. Посылаю справки. Расстарайся там, чтобы справки эти продлили на 1960 год.

Борис — брату, 30 ноября 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Верный своему коавторскому долгу, высылаю 1.12.59 рукопись СГП после вторичной обработки. Высылаю первый лист и старый скелет. Второй лист оставляю себе для перестраховки. В смысле — страховки. Как видишь, объем увеличился и составляет теперь семьдесят с лишним страниц — больше трех листов. Улучшилось ли качество, суди сам. Я сделал все что мог на данном этапе. Потом, может быть, появятся еще какие-либо идейки. Теперь твое слово, брат и коавтор. Бери СГП! Хватай ее! Настало твое время.

Французские слова в тексте проверены в смысле правописания, но! Учítывая великую Срамотишу с СБТ, молю проверить заново правописание и смысловую лингвистическую корректность. Неужели И. М. <Ошанин> не знает французского?! Я же был убежден и потому даже толком не обсасывал эту «Планетографикь дю Фобос». Ох, и срам же! Ох, и ликуют враги наши! Я хожу красный, как мороженое.

Теперь. Одну мысль, может быть, стоит протолкнуть. Именно: пусть Шарль с гордостью говорит о Поле Данже. Пусть Поль — национальный герой. И еще. Может, сделать Шарля немного разухабистее. А то он у меня совсем раскис. Пусть он говорит не «боже мой», а «черт побери» — парблэ, так сказать. А?

Теперь о ЗЭ. Этого можно было ожидать, но все-таки это удар. Надо спасать. Предложение такое — выбросить всякое упоминание о причинной механике и всю козыревскую терминологию. Разовьем идею Козырева о материальности времени — ведь ее никто не оспаривает, да и не способен оспаривать. Пусть будет тау-механика или Т-механика, рассматривающая время как материальный процесс, несущий энергию. И всё. Попробуй это быстренько сделать и вышли мне. И фантазируй вовсю — тебе карты в руки, ты в этой области велик. Запутай, запутай хорошенько, но двигатель времени надо спасти. Но — вон всякие упоминания о «ленинградских ученых», а идею о питании звезд можно оставить, ибо здесь вопрос все равно открыт.

Теперь о ПТЖ. Мне не понравилось. Здесь ты, братец, подхалтурил и писал совсем не думая. Так мне кажется. Просто переписывал. В таком виде это не годится, и я готов думать, но вот вопрос: не лучше ли планировать мыслительную работу иначе. Думать: а) над интерлогом (интерлог был бы здесь хорош), б) над «Какими вы будете» (этот

рассказ меня влечет гораздо больше). А посему. Я сейчас отдыхаю (ибо измотан) и жду твоих санкций. Как напишешь, так и будет, но учти мои слова.

Да, вот еще. Найди где-нибудь: 1) О действиях перегрузок на организм — конкретное физиологическое действие. Это ты можешь раскопать в разных популярных книгах по космогации. Изучи и все учти. Нам боле ошибаться не след. Я тоже пока это посмотрю, раньше времени не было. 2) О действии тока на человека — в том же плане: как выглядит, что делает в обмороке, как его приводят в сознание, как лечат, как скоро он поправляется. Это тоже надо вставить. Я часа два рылся в нашей Пулковской биб<лиоте>ке и ни черта не нашел, только зря пролистал целый том БСЭ на букву «Э». Это все надо сделать обязательно. Ты человек относительно более свободный — действуй. А я пока займусь перегрузками (параллельно с тобой) и, может быть, прочитаю еще про Юпитер.

Это, пожалуй, все. Получение бандероли телеграфируй.

Целую [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Но срам-то, срам-то какой! Неужели будет в «Крокодиле»? Ай-ай-ай! А может быть, это будет паблисити? Тоже, знаешь, не исключено.

Р<ost> Р<ost> Т<extum>. Выясни же, черт возьми, у Варшавского — получу я З-С в 1960 году или нет.

А письмо одно я уже тебе выслал. Ужели не получил?

Аркадий — брату, 2 декабря 1959, М. — Л.

Дорогой Борис!

Прости, не сразу ответил на твое письмо. У меня был некоторый упадок духа в связи с твоим положением, и я, хорошенько все обдумав, как старший в роде и из соавторов принял решение.

Слушай приказ:

№ 1. Б. Н. Стругацкий со дня получения настоящего письма принудительно освобождается от всех видов творческой и канцелярской деятельности, за исключением поставки общих идей и общих соображений, до 1 февраля 1960 года.

№ 2. Б. Н. Стругацкий обращает особенное внимание на сохранность своего здоровья за указанный период внетворческого отпуска.

№ 3. Вся работа по написанию, перепечатыванию и корректуре рассказов, повестей, а также всего, что понадобится впредь, возлагается на А. Стругацкого.

Приказ окончательный и обжалованию не подлежит.

С нетерпением жду «СГП» — пусть пойдет хотя бы без интерлога. В крайнем случае, интерлог выдавлю из себя — но эфрэйд, хотя там обязательно будет древнемороженая рыба. Срочно отпиши о впечатлении относительно «ПТЖ», дай комментарии и общие идеи и тут же высылай. Жду.

«СЛ» Касселю понравились. Пойдет в «Альманах». В сборник не нужно, пойдет в новый сборник.

Вот все. То, что я пишу в приказе, очень серьезно. Но ты все-таки давай идеи. Вот первый заказ: я начал «Следопытов», нужны гвозди и общее направление. Подумай и отпиши. Я сейчас могу работать много и быстро, нужны только руководящие указания.

Привет всем, поцелуй маму и Адочку и Андрюшку.

Твой Арк.

Борис — брату, 4 декабря 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Чтой-то захотелось черкнуть тебе письмецо. Читал я тут давеча книжку, «Покорение пространства» называемую. Авторов я не помню — это сборник популярных (сравнительно) статей американских авторов. Вот некоторые данные, которые, может быть, могут быть использованы:

1). Действие перегрузок по современным данным.

Человек испытывает перегрузку:

до 3 g — функционирует нормально; наблюдается только сильная мышечная усталость;

3 g — 4 g — способен видеть только прямо перед собой; боковое зрение отсутствует;

4 g — 5 g — через 3 секунды все сливается в серое пятно, которое чернеет: «черное выпадение зрения» (термин из книги);

5 g — 5.5 g — через 5–6 сек. обморок.

Все это в положении «сидя»; эффекты связаны с тем, что кровяное давление становится недостаточным и не способно поднять кровь к голове. Поэтому старики (люди с повышенным давлением) выдерживают перегрузки лучше, чем молодые атлеты (почти точно из книги).

В положении «лежа» выдерживают:

7 g — более 10 минут,

10 g — 100 сек.;

12 g — несколько секунд.

2) Невесомость. Выносят все по-разному: некоторым приятно, некоторым очень плохо. Основные впечатления: дезориентировка, потеря чувства расстояния и положения в пространстве, ощущение «вращения окружающего вокруг неопределенной оси и в неопределенном направлении».

3). Скорость потери внутренней атмосферы через пробоины в оболочке корабля.

Введем величину $\alpha = V/D$, где V — объем кабины, D — площадь пробоины (в кубич<еских> и квадр<атных> футах).

Введем τ — время, за которое давление в кабине упадет в 10 раз; $\tau = f(\alpha)$

α	1000	10 000	50 000
$\tau(\alpha)$	3 ^s	32 ^s	140 ^s

Как видишь, время существенного «обезатмосферивания» довольно велико: воздух вылетает отнюдь не мгновенно. Например, при $V = 27 \text{ м}^3$, $D = 3 \cdot 10^{-4} \text{ м}^2$ (радиус пробоины 1 см) получим $\alpha = 2,7 \cdot 10^5 = 270\,000$ и $\tau(\alpha) > 140^s > 2$ минут. Так что смолопласт хорошо успевает затянуть пробоину.

Еще некоторые сведения: падение давления в 5 раз приводит к потере сознания в среднем через минуту. Значит: если пробоина невелика, то инцидент с консервами возможен: давление упало раза в два, консервы взорвались, а если бы в каюте был Мих<аил> Ант<онович>, ничего страшного с ним бы не случилось (я немного в этом сомневался). Между прочим, при падении давления в 10 раз новая атмосфера должна быть подана не позднее чем через 30 сек., иначе — смерть.

Вот и все сведения из той книжки.

Теперь некоторые мысли относительно СГП:

1). «Тахмасиб» плавает в атмосфере Джупа. Но атмосфера проводит звук! Не наводит это тебя на какие-нибудь размышления? Может быть, они не только многое видят, но и кое-что слышат? За бортом равномерный глухой гул, иногда далекий грохот, а? Или им кажется, что кто-то разговаривает. По-моему, это можно куда-нибудь вставить.

2). Как-то не очень хорошо получается с этими злосчастными консервами. Какого черта чемодан М<ихаила> А<нтоновича> стоит среди его каюты? И каков вообще вид чемодана, в котором взорвались консервы? Может быть, особых разрушений и нет?

3). Надо проследить, чтобы Моллар везде одинаково плохо говорил по-русски. А то он к концу, кажется, начинает уж слишком лихо разговаривать.

4) Суждения об СГП. Адочке нравится, говорит, что совсем не скучно (мне все кажется, что скучновато). Лида Камионко сказала, что это шаг вперед и что наши способности пока еще растут, но «СЛ» ей не понравились.

А теперь будь здоров, очень жду твоих писем и указаний.

[подпись]

Р. С. Обязательно раздобудь мне номер «З-С» с «БКА». И как все-таки — подписал меня Варшавский или нет. Если да — поблагодари сердечно.

Аркадий — брату, 9 декабря 1959, М. — Л.

Дорогой Борик.

Получил твое письмо. Спасибо за информацию, все, что у нас написано, не противоречит сведениям, полученным тобою, так что в этом смысле менять ничего не потребуется. Что я делаю?

а) Доперепечатаваю СГП. Черновик для предварительного ознакомления сдал в Изобррацион. Они, если возьмут, напечатают скорее.

б) Сделал интерлог. Пять страничек, ничего особенного, молодежь на Амальтее. Не знаю даже, посылать ли тебе.

в) Нашим СГП понравилась. Говорят, что впечатление от СБТ она не портит, образы развиты и прочее.

г) Готовлю сборник для Мол<одой> гвардии — обещают издать в 1960-м. Войдут: СГП, ГФ, СЛ, ЧП, ЗЭ, ЧрПр. Хотелось бы еще поддать туда «Почти такие же», но ты забраковал.

Вот и все. А жаль, что «Поч<ти> т<акие> ж<е>» не будет сделана. Она бы славно подошла для «Юности», я полагаю.

Да, в середине месяца будет дискуссия по НФ в советском кино, и мы, участники, смотрим иностранные и свои фильмы. Уже посмотрели американскую «Борьбу Миров», сейчас иду на японскую «Годзиллу». Вот как, серенький козлик. Завидуешь, поди. Потом, если захочешь, опишу.

После сборника полагаю засесть за Следопытов. Повторяю, жду здоровый приключенческий сюжет с загадками и весельем. Дело будет на Плутоне. Вот все. Надо бежать.

Поцелуй маму и Адочку, твой Арк.

Звуки в бездне буду использовать, но без упора.

Борис — брату, 12 декабря 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Я тобой недоволен. Во-первых, ты очень долго не отвечал на письмо с бандеролью, и я здорово волновался. Во-вторых, что за глупое письмо с приказом. Я вовсе не так плох, чтобы принимать такие меры. Просто сразу после отпуска навалилось много работы, а теперь я отдохнул и снова готов к бою. Так что с удовольствием кладу с прибором свое полуметровое «вето» на твой приказ. Я молод, здоров (тьфу-тьфу!) и в отличной форме. И, конечно, всегда готов. В-третьих, зачем тебе сейчас «Следопыты»? Вот ведь ты какой! Просил же я тебя ответить на мой план — так ни слова не выдал! План мой такой: а). Сделать рассказ (или даже два) — он нам нужен, у нас исчерпаны запасы. б). Сделать повесть. Конкретно: рассказ «Какими вы будете»; повесть — «Возвращение». Ну, чем это плохой план? «Следопыты» сейчас ни к чему и совершенно не разработаны, а «Возвращение» в общих чертах продумано. За него и надо браться. Обязательно напиши ответ на эти соображения, желательно — в категорической форме. Мне надоело болтаться без дела по вечерам, а взяться ни за что не могу, ибо ощущаю discordance¹ в наших действиях. Ты старший — тебе последнее твердое слово, но с учетом.

Далее. Интерлог пришли мне обязательно. Хочу его прочесть, и он, может быть, натолкнет меня на мысли. Жду.

«ПчТЖ», повторяю, написан слабо, и мне как-то не хочется им заниматься: не вдохновляет. Пусть полежит и обрастет. А рассказы нам нужны. Наше ампуа — рассказы и повестушки. Нужно пока жать именно в этом плане. А второй сборник получается как-то жидковат. Слишком много старых рассказов: их должно быть не больше одного. Поэтому надо в ближайшие полгода дать по крайней мере два-три рассказа (это —

¹ Несогласованность (англ.).

помимо повести). А насчет идей — слабовато. Я тут давеча читал книгу Бома «Причинность и случайность в физике» или что-то в этом роде. Есть у меня мысль: написать рассказ о нарушении причинности. Это можно сделать в двух планах. Что-нибудь вроде «ГФ» — что было бы, если бы нарушились причинные связи явлений или, скажем, нарушилось бы свойство единственности причинных связей. Или же — серьезнее — кажущееся нарушение причинности, т. е. фактически проявление неизвестной причинной связи. Скажем, «творение» материи «из ничего». Просто осуществляются какие-то тонкие малозаметные изменения условий, вызывающие создание известных видов материи из неизвестных. Внешне это выглядит как нарушение закона причинности — возникает нечто, не имевшее причины для своего появления. Это — очень общая идея, ее нужно как-то конкретизировать. Подумай об этом. Я тоже буду думать.

Очень жду твоего письма с окончательными руководящими указаниями. Хватит трепаться, пора за дело браться.

Твой [подпись].

P. S. И опять же ты не пишешь — подписал меня Варшавский или нет! Вот ведь черт возьми!

Аркадий — брату, 15 декабря 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

Получил твое письмо и отвечаю незамедлительно. Очень рад, что ты оправился и готов к новым боям. Ну, раз так, давай работать.

а) СГП сдал на машинку, как получу, вышлю тебе экземпляр. Кстати, вероятно, СЛ идет в 3–С февральский №, а СГП — в «Мир приключений». Это по предложению Касселя дать СЛ в сборник, ибо он считает, что СЛ — весьма хорошо. Я сейчас дерусь с дураками за ЗЭ. Состав сборника таким образом полностью определен и имеет такой вид: Извне, Глубокий поиск, Шесть спичек, Испытание СКИБР, Забытый Эксперимент, Частные предположения, Поражение, Станные люди. Всего по моим подсчетам 10,6 авт<орского> л<иста>.

б) Если не хочешь, молодоговардейский сборник можно, конечно, отставить. Хотя не понимаю, собственно, почему. На мой взгляд, было бы неплохо. Да ладно, отставим. Кстати, перевели ли тебе из Мол<одой> гв<ардии> деньги?

в) Согласен на твой план. Будем писать роман «Возвращение» и рассказы. Ты бери рассказы, я поведу роман. Пиши в первую очередь «Таковыми вы будете». Одновременно думай относительно причинной непричинности. Нам очень не хватает рассказа с совершенно свежей научной идеей. Такой рассказ был бы весьма и весьма кстати. Итак, план ближайших работ будем считать утвержденным. Начали. Кстати, насчет идей ты всегда жаловался, что слабовато, а вот дали же превосходные рассказы.

г) Что касается до того, подписал ли тебя Варшавский, то я, честно говоря, просто все забываю его спросить, мы всегда видимся в страшной спешке. Но я полагаю, что подписал. А почему бы и нет? У тебя есть основания сомневаться? Ужо завтра спрошу еще раз.

Вот и все. Хватит трепаться, давай за дело браться.

Твой Арк.

Аркадий — брату, 16 декабря 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

Спешу сообщить, что Варшавский тоже радуется «СЛ» и они, вероятно, пойдут в «3–С» № 2. Кассель хорошо отозвался о «СГП», это пойдет в «Мир приключений».

«Огонек» решительно отверг «Скатерть». Ну и хрен с ними.

Вот что мне, собственно, от тебя нужно. Срочно давай идеи для «Возвращения». Я более или менее разработал первую часть, но мне нужны хорошие планы для части о «кхацках» и, самое главное, для части последней — «Творцы Миров», о человечестве в канун четвертого тысячелетия. Расстарайся, брат. Часть о перелете к кхацкам должна

быть сильно приключенческая, а последняя часть — психологически-утопическая с диковинами и гвоздиками.

Вот, собственно, и все.

Крепко целую, всех целую, Арк.

На «З-С» подписан, только не на Пулковое, а на Л<енингра>д, домой.

Аркадий — брату, 18 декабря 1959, М. — Л.

Здравствуй, Боб.

Прежде всего — неприятные новости. В «З-С» Жигареву попала вожжа под хвост, и он наших «СЛ» взять отказался. Варшавский с ним вдребезги разругался по этому поводу и сейчас же направил меня в «Юность». Вот пойду и попробую. В остальном все по-прежнему. Кассель очень хорошего мнения о «СГП», мы уже начали редактировать. Как только сойдет с машинки — немедленно пошлю тебе экз<емпляр>. Да, он опять сетует (но не очень громко) на гаерство и фамильярность наших героев. Борюсь, как могу. Между прочим, он высказал замечание, на мой взгляд, не лишнее. Наш француз — кочующий француз. Любитель и любимец девушек. Я отбиваюсь, но тут мне пришла в голову такая идея: что, если француза заменить на японца? Все оставить, как есть, только заменить имя и некоторые буквы. Например: «Как зизнь — хоросо-о? Как девуськи — хоросо-о?» Чего мы этим достигнем? А вот чего. Во-первых и главных — совершенно нетривиальный образ японца. Кстати, песенку тоже можно прелестно переделать — там вместо тра-ля-ля будет ёй-ёй и вместо ласточки — два журавля. Во-вторых, подключим к космосу азиатов. В-третьих, язык буду контролировать я сам. А? Но если ты не считаешь это возможным, можно бороться дальше. Вот все.

Целую, привет Адке и племяннику.

Аструг.

Борис — брату, 18 декабря 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Получил твое письмо. Очень приятно получить от тебя письмо, особенно когда ты пишешь разумные вещи и не сообщаем дурных вестей. Прежде всего относительно письма.

а). Состав сборника для Детгиза мне нравится. Хорошая получилась подборка. Еще пара таких сборников, и можно будет сверху вниз глядеть на самого Ивана Великого. «Шесть спичек», правда, как-то не в дугу, но ежели удастся сохранить рукописный вариант да еще оставить название 8зПГ, то сойдет. По этому разделу твоего письма у меня два вопроса: 1. Что редакторы говорят относительно СГП, иф эни; 2. Когда выйдет сборник? В феврале, как думали раньше, теперь, надо думать, уже не выйдет? Если СЛ идут в З-С, я очень рад, хотя и сомневаюсь, что это выгорит без ужасных купюр. По этому поводу еще один вопрос: когда же выйдет «Мир приключений» с СГП? В каком хотя бы году?

б). Откуда ты взял, что я против сборника в МолГв? Я очень даже за! Я просто хотел бы, чтобы там было поменьше вещей из детгизовского сборника, но, в конце концов, наше дело подать заявку и подписать договор, а вещи к тому времени наберутся (тьфу-тьфу). Ведь точно так же было и с детгизовским сборником — от первоначального варианта остались рожки да ножки. Так что если можно протолкнуть сборник в МолГв — толкай, и изо всех сил. Правда, по той легкости, с которой ты в своем письме отказываешься от этой надежды, чувствуется, что все рассуждения насчет МолГв — молитва вечерняя, звон бубенцов издалека. Но если шансы все-таки есть — толкай! (И отпиши мне вразумительно, как в этой области дела.)

в). Относительно плана. Будем считать его утвержденным. Я берусь за ТВБ.

г). Все-таки выясни вопрос насчет подписки у Варшавского.

Теперь прежде всего, чтобы не забыть, — получил ли ты от мамы свитер? Она беспокоится. Далее имею тебе представить краткий отчет о необычайно бурном заседании Ученого совета ГАО 15.12.

Повестка дня: отчет комиссии по проверке экспериментальных обоснований причинной механики. Состав комиссии: проф<ессор> Хайкин (завотделом Радиоастрономии, очень талантливый ученый-теоретик, крупный специалист по теоретической физике, весьма милый и честный человек, а потому не в чести у высокого начальства); Кайдановский (радиооптик, брюзга и педант, человек недалекий, но старательный, Козырева терпеть не может, как, впрочем, и Хайкин); Сухарев (крупный советский специалист по астроинструментам, очень талантливый, энциклопедист, человек мягкий, добрый, любитель рассказывать случаи из жизни, связанные с неестественной смертью — смерть от пожара, от удара электротоком, от падения с купола и пр<очее> — в Козыреве тихо сомневается); Калиняк (тот самый в замызганном пальтишке, что сфотографировал центр галактики; чрезвычайно скрупулезный человек, до всего докапывается, близкий друг Козырева, но в причинную механику не верит ни на грош). Докладчик — Хайкин.

Хайкин: Комиссия изучила эффект, получаемый Козыревым на лабораторных весах. Весы подвешивались на вибрирующей опоре, уравнивались двумя грузами равной величины, но один из грузов подвешен на жесткой нити, другой — на пружине. При вибрации точки подвеса всей системы стрелка весов показывала отклонение, словно груз на пружинке становился тяжелее. Козырев объясняет это наличием особых сил и рядом опытов на разных широтах показал, что эффект отклонения зависит очень четко от широты. (Настолько четко, что Козырев предлагает этот способ в качестве независимого метода определения широты места без астрономических наблюдений.) Изучение эффекта показало, что наблюдается он очень уверенно. Был произведен подсчет, из которого следует, что: 1) этот эффект можно объяснить из чисто классических соображений (действие центробежных сил, смещающих коромысло в целом); 2) классические эффекты должны быть настолько сильны, что предсказываемый Козыревым эффект должен нацело замыкаться, ибо измерения должны получаться очень неуверенно именно из-за разных классических влияний. Прочие опыты Козырева не рассматривались, ибо выяснилось, что они не дают уверенного результата: эффект может наблюдаться, а может и не наблюдаться по причинам, каковые сам Козырев вразумительно объяснить не в состоянии. Все.

Слово предоставляется Козыреву. Он очень волнуется. Никогда его еще не видели здесь таким. Он начинает нести какую-то ахинею насчет множества результатов, им полученных, на которые комиссия не соизволила обратить внимания. Он считает рассуждения и вычисления Хайкина неверными. Он сам подсчитал влияние центробежных сил, и у него получилась величина в сто раз меньше, чем у Хайкина, и эффект этот должен быть направлен в сторону, отличную от наблюдаемой (т. е. должен утяжеляться груз на жесткой нити).

Хайкин, с места: Вы можете привести сейчас этот расчет?

Конечно, могу, говорит Козырев и, резко изменив тему, начинает говорить о другом. (Вопрос о вычислениях провалился в дискуссионную трещину и там погиб.) Он обсуждает очень важную проблему, отмеченную комиссией. Дело в том, что опыт с весами, по мнению Козырева, обнаруживает горизонтальную составляющую несимметричных сил (н-сил). Для обнаружения вертикальной составляющей служит другой опыт — с маятником. Так вот, оказывается, что горизонтальные силы обнаруживаются всегда (опыт с весами всегда удается), а вертикальные силы почему-то иногда вдруг пропадают и маятник не обнаруживает их месяцами. С точки зрения Козырева это бессмыслица: либо меняется широта места, что невозможно, либо никаких н-сил нет, а есть только классические эффекты, очевидные (по Хайкину) для весов и неясные пока для маятника. Козырев же объясняет это меняющейся чувствительностью приборов: весы более чувствительны, маятник более капризен. Он говорит долго и сбивчиво и в конце концов заявляет, что его опыты были повторены работниками

Гидрографического управления, и просит у Ученого совета пятьдесят тысяч на постройку более точной аппаратуры. Он имеет очень жалкий вид, и зал медленно скатывается на его сторону — люди чувствительны.

Выступает Хайкин и опровергает Козырева. Хайкину палец в рот не клади. Козырев шипит с места: вы ничего не поняли, Семен Эммануилович. Нет, я понял, говорит Хайкин злобно. Короткая перебранка. Ясно, что Хайкин понял, и зал застывает в неустойчивом равновесии.

Встает Немиро, астрометрист классической школы. Как? — восклицает он. — У вас не сохранились дневники наблюдений, Николай Александрович? Козырев разводит руками и мямлит, дескать, опыты я провел и дневники утерялись, я не слишком их сберегал. Немиро благородно кипит: но это же ужасно! Утерять дневники! Попросите, и мы представим вам дневники наблюдений 1848 года! Утерять дневники! Ужас! Это действительно ужас, это слишком подозрительно выглядит: дневники утеряны, и теперь никто не может судить о точности и повторяемости эффектов. Ясно, что Козырев виляет, и зал скатывается в противный лагерь. Вопрос с места: а приборы, на которых вы делали опыты, сохранились? Или они тоже утеряны? Это <...>, широтник, редкая бесталанная дубина, решил пошутить. Шум в зале. <...> не любят, но сейчас он прав.

Страсти разгораются. Собрание длится уже три часа — невиданные масштабы! — но конца не видно. Председательствующий — директор ГАО, член-корреспондент АН СССР, профессор, доктор физико-математических наук Михайлов диктаторски закругляет ораторов (высунувшемуся было Львову — «шлюхе от философии» — он заявляет, что никому не интересно его слушать. Зал ворчит, всем интересно, ибо Львов предлагает зачитать, что пишут в английской прессе относительно причинной механики. Но Михайлов непреклонен. Он устал, он хочет домой, и он прекрасно знает, что это заседание ничего не решит, что Козырев либо крупный авантюрист, либо фанатик, и что уже в верхах утверждена настоящая комиссия, в которую входят крупнейшие советские теоретики и экспериментаторы во главе с самим гигантом Фоком. Козырев обречен. Настоящая комиссия не оставит камня на камне ни от теории, ни от эксперимента). На сцену прорывается могучий подполковник лет тридцати пяти — сорока, моряк. В руках у него листки, и он покрывает всех чудовищным голосом: «Вот, понимаете, я — представитель Гидрографического управления ВМФ. Нас, понимаете, интересует работа Николой Александровича, потому что она позволяет определять широту места без производства астрономических наблюдений. Мы, понимаете, провели эти эксперименты со своими весами и вот, понимаете, выписки из дневников (потрясает бумагами) и вот, понимаете, цифры!» Начинает рассказывать и писать на доске. Зал в восторге. Очень колоритный и свежий человек. Горят золотом погоны на синем мундире. Длинная цепкая рука армии. «Значит, понимаете, получается, что вы не правы, профессор». Это — Хайкину. Публика лежит и плачет. Все в восторге. Никто еще не слышал такого обращения, только в плохих фантастических романах читали. «И мы, понимаете, просим. Окажите человеку поддержку, дайте ему, понимаете, средств. А если надо — пожалуйста. Военно-морской флот дает самолет. Летайте, понимаете, пожалуйста. По всем широтам, понимаете». Зал ревет в восторге. Но Михайлов, весь в красных пятнах, ломит безудержно. Он закругляет собрание. Он объявляет состав настоящей комиссии (мертвая тишина, Калиняк, встав, представляет ее членов, рассказывает кто они — это все физики, их мало кто знает среди нас), он объявляет, что комиссия приступит к работе в начале марта, он предлагает оказать Козыреву всяческую поддержку (кроме материальной), улучшить аппаратуру, помочь советами и прочее и прочее и т. д. и т. п. Собрание кончилось.

На другой день было много разговоров, и я выяснил следующее.

1. Фок уже в течение двадцати лет считает Козырева сумасшедшим. «Они затравят его, Борис. Затравят! Но правда восторжествует! Вспомните, как, затравленный, застрелился Бальцман! Как травил Эйнштейна! Правда восторжествует!» (Это

референтша директора, влюблена в Козырева и всячески сколачивает ему популярность; в науке не смыслит ни бельмеса, но знакома с весьма высокостоящими товарищами и всегда в курсе.)

2. На собрании инкогнито присутствовал представитель от отдела науки ЦК. После собрания был принят Михайловым и имел с ним беседу, длившуюся семь с половиной минут.

3. Михайлов на другой день слег больной. Не выдержал старик напряжения: четыре часа на ногах, на шее у двухсот беснующихся слушателей.

4. Столовая ГАО прогорела в этот день на десять тысяч рублей. Из-за собрания обедал только один человек, обед пропал.

5. Подполковник Гидрографуправления оказался бывшим начальником одного из наших ребят-радиоастрономов. Тот сказал о нем кратко, но выразительно: «Жулик и невыносимый халтурщик. Карьерист».

6. Три дня спустя Козырев повторил опыт, свинтив с весов те детали, которые, по мнению Хайкина, давали классический эффект центробежных сил. Обновленные весы снова дали прежний эффект!!!

7. Хайкин вчера забрал назад свою докладную записку (отчет о работе комиссии) и взял три дня отпуска за свой счет.

Вот так-то! Как видишь, каша страшная. Никто ничего теперь не понимает. Скептики не стали большими скептиками, оптимисты не стали большими оптимистами, но все сильно запуталось. Ясно, что Козырев ни к черту негодный экспериментатор. Ясно, что он научный халтурщик и карьерист. Чрезвычайно подозрительны его махинации с дневниками наблюдений, совершенно неубедительны его возражения Хайкину, отвратительное впечатление произвели его уклончивые речи на собрании, когда он всячески уворачивался от прямых вопросов. Но все-таки пункт 6 и пункт 7 производят на меня большое впечатление. По-прежнему всё впереди. По-прежнему не сказано последнее слово. По-прежнему неясно, чем все это кончится — великим торжеством свежих идей (плюс Нобелевская премия, которую так жаждет Козырев) или разгромным выговором по Академии и страшным позором Козырева и нашей науки, что самое гадкое. Поживем — увидим. Лично я решительно против Козырева и всеми руками и ногами за его идеи. Идеи восторжествуют, в этом я уверен. Не сейчас, так через сто лет, и я горжусь, все равно горжусь нашим ЗЭ.

Вот это я письмишко выдал! Ого-го! Попробуй-ка на него не ответить немедленно и исчерпывающе!

Твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. А как я БКА жду! Ой!

Аркадий — брату, 23 декабря 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

Большое спасибо за обстоятельное письмо. Старайся и впредь таким же образом информировать меня об этих делах, ибо это лишнее оружие в наших руках при борьбе со всякого рода перестраховщиками. Теперь отвечаю тебе по порядку твоих вопросов:

1) Шесть спичек идут, увы, в журнальном варианте, и это еще ничего, а то могли вообще сборник перенести на следующий год. Виноват здесь Кассель, который не изменил вовремя названия сборника, а теперь Книготорг отказывается менять, ибо проспекты уже разосланы по всей стране и за ее пределы.

2) Кассель СГП доволен и уже включил ее в переиздание на 1961 год вместе с СБТ в подписную биб<лиоте>ку приключений. Сейчас СГП пойдет в «Мир приключений» с иллюстрацией (цветная вкладка) Соколова.

3) Сборник выйдет, по-видимому, в апреле. Мир Приключ<ений> — в середине года.

4) Вчера я собрал и отнес в Мол<одую> гв<ардию> наш второй сборник в составе: С грузом прибыл, Человек из Пасифиды, Чрезвычайное происшествие, Глубокий поиск, Странные люди. Таким образом, дублируются только ГП и СЛ. Но еще неизвестно, что скажут в Мол<одой> гв<ардии>. Во всяком случае, мы всегда сможем заменить какой-либо рассказ новым, если напишем вовремя. Помимо этого я подал в Мол<одую> гв<ардию> заявку на «Возвращение» (прилагается копия). Иначе рукопись пойдет самотеком, а это гораздо хуже, чем если она пойдет в плане редподготовки издательства. Заявка дает в общем большие преимущества.

5) Работай над ТВБ, но не забудь дать мне перспективный план для последних двух частей «Возвращения» и соображения по первой части.

6) Варшавский тебя подписал на Ленинград, свитер я получил, но это, конечно, тебе уже известно. Во всяком случае, еще раз передай маме большое спасибо.

7) В «Литературе и жизни» за 18.12 опубликована статья Томана «Фантазировать и знать». Статья малозначительная, Томан в своих взглядах на фантастику целуется с тобой, но там упоминается и мы. «Особенно удачными считаю я повести «Черные звезды» Савченко и «Страна багровых туч» А. и Б. Стругацких. Оба эти произведения, написанные с серьезными знаниями науки и техники, не нуждаются ни в какой скидке на жанр... Произведения Савченко и Стругацких не лишены, конечно, недостатков, но в целом удача их несомненна». Каковы недостатки, Томан за недостатком места не упоминает. Вообще СБТ имеет странно большой резонанс. В 12 № 3–С ты увидишь хвалебную рецензию Гуревича. Мариэтта Шагинян, при встрече с Касселем и Андреевым, визжала, что «ваши Стругацкие — прелесть» и что она два дня подряд читала СБТ вслух с мужем и дочерью. Она даже не возвращает Касселю его дарственный экземпляр, а достать СБТ совершенно невозможно даже на складах Книготорга и Детгиза. На просмотрах в кино меня персонально знакомили — подвели за ручку — к нашим гигантам, Казанцеву и Тушкану, и они изволили милостиво говорить со мной — «Э, прекрасную повесть вы написали... э... прекрасную». И вообще отношение к нам в издательствах и редакциях весьма изменилось. Теперь нам говорят так. Я: Здравствуйте. Моя фамилия Стругацкий. Он: «А-а-а! Здравствуйте, Аркадий Натанович! Впрочем, может быть, вы Борис Натанович? Нет? Все равно, очень приятно. Что же вы, батенька, не приходили? Брезгуете нашим журналом? (Издательством?) Ай-ай, нехорошо. Вот другие не брезгают». Такой разговор у меня был в «Юности», куда я отнес «Странных людей». Впрочем, результатов пока нет. Варшавский спит и видит, что СЛ поместят в «Юности» и тем самым «утрут нос Жигареву, у которого не вовремя началась течка» (так в 3–С называют приступы дурного вкуса у Жигарева). В «Юности» СЛ вызвали недоумение, смешанное с легким испугом и робким удовольствием. Теперь рукопись должна пойти к Катаеву. Если он пропустит, все в порядке. Нет — ничего не попишешь. Считается, что в следующий понедельник все будет известно.

Вот, кажись, и все новости, если не считать того, что мне теперь все время приходится участвовать в разных мероприятиях, встречаться с фигурами, по каковому случаю мне насильно купили новый костюм. Да, еще новость. Вчера в Доме Дружбы я встретил Ляшенко, который сообщил мне пренеприятную новость: Ефремов больше писать научной фантастики не будет. Будет писать только исторические вещи. Если как Великая Дуга — это отлично. Но... Посмотрим.

Да, вот еще что. Ефремов при встрече с Касселем выразил грустное изумление по поводу того, что мы не подарили ему, рецензенту, экземпляр СБТ. Кассель где-то из-под полы купил нам экземплярчик (цену назвать отказался). На днях мы едем к Ефремову вручать. Это я тебе к сведению. Подписываюсь за тебя. Вот все. Жму руку, целую, твой Арк.

П. С. Подумай насчет успеха СБТ. Урок ли это? Надо ли принять во внимание?

В Издательство «Молодая гвардия»
от Стругацкого А. Н. и Стругацкого Б. Н.

ЗАЯВКА

Предлагаем Издательству «Молодая гвардия» включить в план редакционной подготовки (или в перспективный план) научно-фантастическую повесть «Возвращение» (условное название), над которой мы в настоящее время работаем. Повесть «Возвращение» составит ориентировочно 15–17 авт<орских> листов и будет представлена в рукописи в распоряжение Издательства к 1 января 1962 года.

Сюжет. В самом начале 21 века одна из первых межзвездных экспедиций, производившая эксперименты по движению на возлесветовых скоростях, выпадает из «своего» времени и возвращается после перелета, продолжавшегося несколько лет, на Землю конца 22 века. Перелет был трудный, выжили только два члена экипажа — штурман и врач. Они и являются героями повести. Оказавшись в коммунистическом будущем, они сначала теряются, не зная, смогут ли стать полезными членами общества, но затем находят свое место в общем строю, спешно наверстывают каждый в своей области все, чего добилось человечество за прошедшие два века, и приглашаются принять участие в дальней звездной экспедиции, имеющей целью найти во Вселенной братьев Человека по разуму. На новейшем по новому времени корабле (гравитабль, оборудованный «двигателями времени») они достигают довольно отдаленной планетной системы, на одной из планет которой обнаруживают разумную жизнь. Следует встреча с иным человечеством, описание их жизни и приключения на незнакомой планете. Земляне с точки зрения этих людей являются новой, чрезвычайно стремительной и активной формой жизни. «Медленное человечество» по условиям эволюционного развития на их планете очень плохо приспособлено к быстрому и активному прогрессу, настолько плохо, что, несмотря на значительно более длительную историю, чем история человечества на Земле, они едва успели добраться до употребления не очень сложных машин. Тем не менее «медленное человечество» продолжает упорно, хотя и очень замедленными темпами, двигаться вперед. Оказав «братьям по разуму» посильную помощь, земляне, несколько разочарованные, возвращаются на Землю. Они прибывают в Солнечную систему через тысячу лет. Земля изменилась неузнаваемо, все планеты земного типа «выправлены» и стали такими же цветущими и заселенными мирами, как сама Земля. Планеты-гиганты «разрабатываются» в качестве неисчерпаемых источников даровой энергии для грандиозных экспериментов по исследованию структуры пространства и времени и для сверхдальней связи с другими мирами Вселенной. Люди научились «творить» любые вещи из любого вещества. Оказавшись в этом мире, герои снова на некоторое время теряются и снова находят свое место среди многих миллиардов «властелинов» необычайных машин, «творцов» новых миров и замечательных художников.

Идея. Показать две последовательные ступени развития человечества будущего. Показать неисчерпаемые технические и творческие возможности человечества. Показать, что люди будущего — именно люди, не утратившие ни любви, ни дружбы, ни страха потерь, ни способности восхищаться прекрасным. Показать некоторые детали коммунизма «во плоти». Показать несостоятельность «теории» ограниченных возможностей познания для человека, взятого отдельно.

Аркадий — брату, 24 декабря 1959, М. — Л.

Дорогой Боб.

Давеча был я в «Известиях», обсуждали там работы Андрюшки Соколова. В общем все отнеслись к его картинам благожелательно и предали анафеме художников и прочих, кои не только игнорировали жанр научной фантастики в искусстве, но вдобавок еще и мешали этому жанру развиваться. После этого мы пошли в студию к художнику Герасимову и надрались там до решения ума. Но это так, между прочим. Главное не в этом.

В «Известиях» ко мне подошел Иващенко, заведующий отделом литературы и искусства у Аджубея, и спросил, почему мы ничего не хотим дать в «Известия». Я ответил, что даже не думал о такой возможности. Он порекомендовал подумать и добавил, что газету удовлетворил бы даже какой-нибудь отрывок из чего-нибудь еще ненаписанного. Это нас ни к чему не обязывает, лишь бы было интересно и хорошо читалось. Я сказал, что подумаю. Затем я вспомнил, что у нас есть пролог к «Следопытам» — отправление Первой Межзвездной. Он как раз невелик, если его подработать и пообстругать, все будет хорошо. Попробуем? На всякий случай посылаю тебе этот вариант: посмотри, стоит ли. Я лично думаю, что попробовать стоит. Отвечай не задерживаясь.

Жму руку, твой Арк. Привет всем.

Борис — брату, 29 декабря 1959, Л. — М.

Дорогой Арк!

Сиюю это я сейчас в своем рабочем кабинете дома, то бишь в гостинице. Прямо передо мною — зеркало в облупленной раме, под ним — умывальник. Умывальник — ничеГо себе, но полочка для принадлежностей разбита и подвязана веревочкой. Справа от меня ванна. В ней стоит скамеечка, на скамеечке таз, в тазу — пеленки. Над ванной висят на веревке Андрюшкины портки, числом двое, одни женственно-розовые, другие лазурные. Сиюю я в великолепном кресле, в зеркало видно, как мерно качается ручка на ржавой цепочке. Снизу поддувает из неведомой бездны, сверху капает.

Получил я все: бандероль с СГП, деньги из МолГв, твои письма — всего четыре, в т<ом> ч<исле> заказное. Читал я их — в общем радовался. Дела, видно, неплохи, только жалко, что гибнут в мерзости 8зПГ, что у сборника будет такое идиотское название (по самому неудачному рассказу), и еще мне завидно, что ты там возвращаешься в высших сферах, а я прозябаю в темноте. Однако ближе к делу.

Ввиду полученных от тебя сведений (а также некоторых соображений, изложенных ниже) предлагаю следующее:

1). Изменить план работы (по кр<айней> мере моей) на ближайшее время. Именно, я буду работать а) над «прологом» для Известий, б) над СГП. Пролог надо несколько подправить и, конечно, попытаться сунуть Аджубею. Я мыслю изменить там в основном начало, слишком уж техническое и какое-то неуклюжее. В остальном все, кажется, ОК. Что касается СГП, то надо тебе сказать, что, прочитав ее в первый раз, я пришел буквально в отчаяние. Поправок немного, слов нет; есть новые хорошие мысли, и интерлог пойдет, но какая дикая эклектика в стиле! Худшие страницы СБТ в нашей новой вещи! Я буквально озверел. Как хочешь, но я буду править обратно, а ты должен победить Касселя. Я подумаю и пришлю вместе с исправленной вещью те доказательства и посылки, которыми ты будешь его бить. Это будет трудно — придумать такие аргументы, — но я постараюсь. Само собою, буду править и интерлог. Итак, в первую очередь — пролог и СГП. ТВБ я пока отставляю, как в силу срочности указанной работы, так и по другим соображениям (см<отри> ниже).

2). А не приехать ли тебе в Л<енингра>д этак в конце февраля, в начале марта? Мы бы написали «Возвращение» и начали бы «Следопытов». Подумай об этом. Мама — за, Адка — тоже, а я бы попытался вырвать отпуск — очередной или за свой счет. Подумай и напиши об этом.

Теперь относительно ТВБ. Я начал с того, что изучил литературу. Прежде всего, я раздобыл книгу Быстрова (крупный наш анатом) «Прошедшее, настоящее, будущее Человека». Не вдаваясь в проблемы прошедшего и настоящего, я изучил главу, имеющую прямое отношение к Homo Futuris. Вот что я извлек из этой главы.

В настоящее время единственным анатомическим методом изучения будущего человека как вида является метод изучения так называемых профитических изменений в строении скелета. Это уклонения от нормы, обратные атавистическим, т. е. никогда не наблюдавшиеся у человека прошлого. Например — уменьшение числа позвонков в

копчике, исчезновение первого и последнего позвонков позвоночника, исчезновение верхних ребер или их недоразвитость, исчезновение или недоразвитость зубов мудрости и клыков и т. д. Изучая эти изменения, современные анатомы склонны их рассматривать как выражение общих эволюционных тенденций человеческого организма. На этом основании рисуется облик человека будущего: огромная шарообразная голова с высоким прямым лбом, с маленьким безносом лицом, с беззубой пастью. Голова сидит на узких плечах почти без ключиц, а плечи опираются непосредственно на бедра — позвоночника нет, ребер нет. Длинные трехпалые руки, длинные четырехпалые ноги. Рост — 150 см. Я уже потирал руки и пускал слюни, предвкушая появление такого паренька в хижине метеорологов и выражение лиц как метеорологов, так и редакторов, но тут заметил, что книга имеет заключение. Я стал читать заключение. Заключение начиналось словами: «Прежде всего, автор хочет отметить, что совершенно не согласен со всем тем, что излагалось в предыдущей главе». Выяснилось, что автор считает непреложным фактом, что по крайней мере 100 тыс. лет назад человек выпал из общего хода эволюции, ибо ему уже более ничем не грозили любые отклонения от нормы. Борьба за выживание исчезла. Физические достоинства перестали играть роль. Выживают больные, слепые, глухие, калеки и даже люди, у которых позвоночник не может опираться в таз и проваливается во внутренности (есть такая болезнь, больные теперь носят корсеты и хоть бы хны, а раньше они бы просто вымерли). Природа все еще играет, мутации изменяют то одну, то другую часть организма, но все это в эволюционном смысле бесплодно, ибо эти изменения не являются ни полезными, ни вредными, не мешают и не помогают. Кончается книга словами: «Автор уверен, что человек далекого будущего ничем не будет отличаться от нас с вами». Автор, правда, говорит и об евгенике, слабо ее поругивает и утверждает, что она еще ничего хорошего как наука не дала. Я прочел кое-что относительно евгеники в книге двух американцев «Наследственность человека». Книга интересная, но слишком сложная (предназначена для генетиков и врачей). Я понял так, что в наше время евгеника выглядит бледно. Она противоречит современной морали, и никто ей не может помочь. Достижения ее ничтожны, а вреда она уже наделала ой-ёй-ёй — немцы, конечно, постарались, как всегда. Во всяком случае, авторы предостерегают евгеников от вмешательства в гос<ударственные> дела и предлагают им побольше заниматься конкретными вопросами наследственности, дабы избежать срама.

Как видишь, применительно к ТВБ картина получается неутешительная. Из анатомической эволюции человек явно выпал (у Быстрова это звучит убедительно); евгеника, вероятно, отпадает — особенно в будущем, где условия жизни будут хороши и процент уродов явно уменьшится; остается только изменение психологическое, но тут пути совсем уж неясны. Будет ли развиваться мозг как орган памяти? Будет ли развиваться мозг как орган мышления? Появятся ли новые свойства нервной системы? Это вопросы, на которые трудно ответить «нет», но еще труднее обосновать «да». Кто был умнее — Пифагор или Эйнштейн? Если взять младенца кроманьонца и перенести в наше время — сможет он вырасти инженером? Как меняется мозг с увеличением его тренированности (с возрастанием общих знаний)? Есть ли граница в возможности познания для одного человека (пусть он живет вечно и не стареет)? Достигнута ли эта граница сейчас, может ли быть она достигнута, чем физиологически она обусловлена, что будет ее отодвигать вглубь и будет ли?

Обо всем этом надо думать и думать и что-то читать, а я не знаю — что. Без ответов на эти вопросы, без минимальной научной базы рассказ получится явно не может. Что делать?

Остаюсь твой [подпись].

Р. S. Все твои действия одобряю. Дави, дави в высоких сферах. И толкай сборник в МолГв.

Р. Р. S. Всех поздравляем с Новым годом!

Борис Стругацкий. Письма супруге, 1959

Борис — супруге, 18 июня 1959, Л.

А дочек!

Я пришел и ничего не понимаю.

И говорят — в 11-й палате тебя нет — это говорят роженицы, торчащие из окна. А в списке ты есть. Что делать? Жду ответа!

Борис — супруге, 18 июня 1959, Л.

Дорогой Адок!

Поздравляю тебя, молодчина ты и умница. И все тебя ужасно поздравляют. Буду сегодня звонить в Череповец. То-то радости! Умница, голубчик.

Целую крепко-крепко обоих!

Твой [подпись].

Борис — супруге, 19 июня 1959, Л.

Дорогой А дочек!

Крепко тебя целую. Кушай, пожалуйста, если только пропустят медики. Давеча шоколад не пропустили, хотя вся 18-я хором утверждала, что пропустят. (Особенно авторитетно высказывалась по этому поводу, конечно, Г<алина> П<анова>. При этом у нее был вид матери-героини. Впрочем, у нее всегда такой вид.)

Меня тут вся обсерватория поздравляет, а я все это передаю тебе. Поздравлений тридцать, не меньше.

Г. П. (неутомимая наша Г. П.!) сегодня полчаса пилила Положенцева, после чего он подошел ко мне и «сам» предложил мне уехать. И я, естественно, уехал.

Ты молодчина, Адок. Я тебе этого парня вовек не забуду, хотя вызывает сомнение его малый вес при нормальном росте. Парень идет не в папу. Гм. Подождем, пока вырастет, и посмотрим, на кого он похож.

Вообще, сейчас вы с парнем в центре внимания общественности. Ведутся солидные разговоры о весе, росте, пеленках, колясках, каких-то там присыпках, примочках и «конвертах». И, конечно, все почтительно замолкают, когда Г<алина> Т<имашкова> авторитетно вставляет: «А вот когда я в последний раз...» Кстати, Андрюшка родился, оказывается, точно в тот же день, когда и Новопахенная Ирка. Нетривиально, а?

Вот ряд высказываний по вашему поводу:

Поттер: Ну?! Парень? Ну?! Как это ты сумел? Хе-хе-хе...

А. А. Киселев (тихо завидует. Он тоже хотел парня).

Леночка <Каретникова>: Поздравляю! Хи-хи-хи! А какие у него габариты? Хи-хи-хи! (Краснеет и удаляется в клозет.)

Тимашкова: А вот когда я в последний раз...

Толя <Ефимов>: 2200? Ну, ничего-о-о! Вот Кеплер даже семимесячным был!..

Чистяков: А где А дочка? В больнице? Ну?!

И т. д. и т. п. и пр.

В общем, надо бежать к тебе и все это относить.

Крепко-крепко целую и тебя и Каляма. Приду еще завтра. Найди способ отписать мне:

1) Как ты себя чувствуешь?

2). Каков Калям.

3). Чего ты хочешь.

Пока, пока. Везу тебе компот, черешни и кислых конфеток.

Твой навсегда [подпись].

Борис — супруге, 21 июня 1959, Л.

Дорогой мой Адочек!

Наконец-то могу написать тебе в спокойной обстановке, а то все наспех. Прежде всего, ты молодец и герой. Я всегда это знал, и теперь ты еще раз это подтвердила. Слава богу, что все кончилось и кончилось хорошо. Что Калям родился досрочно — тоже неплохо, если учесть, что делать все досрочно сейчас в моде и что ты таким образом на месяц меньше будешь вести монастырский образ жизни. А через каких-нибудь шесть-восемь месяцев мы с тобой уьемся до положения риз и вообще. И ты сможешь снова наряжаться, как встарь, и стричь волосы самым произвольным образом, и кокетничать с окружающими — и все это наконец будет иметь снова смысл и будет производить неотразимое впечатление.

Мне очень нравится Калям, хотя я его и не видел ни разу. Мне нравится, что у него черные глаза (надеюсь, на этом его сходство со мной кончается), что он иногда спит и что он настроен скептически — как иначе объяснить его манеру входить в Мир таким экстравагантным способом, хотя каждому ясно, что через узкие двери следует проползать головой вперед? По-моему, все это характеризует его как человека с юмором, независимого и презирающего традиции и предрассудки. Я рад сыну, я очень рад нашему сыну, я чертовски рад такому нашему сыну. Пусть он всегда будет так: лицом к своей молодчине маме и холодным задом к окружающему. И если он будет так же свободен в обращении, как его папа, и так же красив, как его мама, и так же свободолюбив и неприхотлив, как папа и мама вместе, — то это будет еще тот парень, не хуже В. Хавина. Или, скажем, Х. Поттера.

Я вчера, как пришел домой, поел и лег отдохнуть. И отдыхал до девяти утра. Черт возьми, я почти не спал последнее время! А этот ужасный четверг! Я примчался к тебе, как только мне сообщили, что все кончилось, и в вестибюле — в этом мрачном морге — сидел писал тебе первую записку. Из-за двери кто-то вопил мужским голосом, рожая, а у стены сидели два темных, как ночь, гражданина, и взгляд их был аккомодирован на бесконечность, и на физиономиях немой вопрос: «Чья это кричит — моя или евонная». А потом, когда я пытался всучить рыженькой медсестре шоколад для тебя, а она, такая-сякая, не брала, присутствующая тут же какая-то девица бесчувственно заметила: «Раньше надо было дарить». Но я ее простил. Я ехал домой и всех прощал по дороге, и даже поздравляющую Леночку простил, хотя у нее был исключительно глупый вид. И мы все, кто были в Пулкове, — Лидка, Герка <Тимофеева>, Сашка <Берлин> и я — распили шампузу за твое и Калямово здоровье и весь вечер обсуждали «Курс лекций для беременных женщин». А потом пришел Новопашенный и начал мяукать, изображая младенца, и комментировать мои слова и поступки. Комментировать было что. Думаю, я был похож на кретина перед операцией. Во всяком случае, я им все простил. Но теперь Новопашенный говорит со мной уже почти как с равным, хотя и намекает постоянно на мои физические недостатки («А что если он унаследует?..» — страшным голосом, сопровождая это высказывание взглядом безупречным по значению и безошибочным по направлению).

А вообще-то новорожденный, так сказать, отец жалок. Его гонят и проклинаят. Ему говорят, что «пришли поздно: осталось пять минут, а у меня куча народу с передачами». У него не принимают шоколад, а когда он уничтоженно лепечет что-то насчет сына, ему рычат: «О младенцах справок не даем». Книг у него тоже не принимают, а на цветы в его руках смотрят, как на переполненный унитаз. Ему говорят, что они грязные, и он начинает беспомощно бормотать, что помоем их и не знает только где. Он спрашивает, что делать с передачей и не нужно ли составить перечисления (был такой отец, он даже у меня вызвал жалость, хотя я был уничтожен вдребезги за три минуты до него). Он ничего не подозревает и, конечно — упаси бог, — ничего не имеет в виду. Он просто не знает, как это делается, но на него бросают испепеляющие взгляды и с королевским достоинством отвечают, что «у меня, как видите, даже карманов нет и прятать ваши огрызки некуда».

Потом он шатаясь удаляется и некоторое время пытается выйти в дверь, на которой написано «Посторонним вход строго воспрещен», хотя его и тянут за штаны сердобольные отцы, уже по тем или иным причинам пришедшие в равновесие. Во дворе он долго блуждает среди кустов, деревьев и старых сараев, и заглядывает во все окна, и пытается заглянуть даже на чердак, и тщится вскарабкаться по гладкой стене, и подставляет под вожденное окно плевательницу, которая под ним разваливается. Домой он ехать не может, хотя там гниет третьеводняшный суп, и отправляется к знакомым, которые не знают, что с ним делать, и поят его вином. И он сидит, похожий на хронического шизофреника, пьет водку как воду и вообще вселяет неудержимое веселье.

Шутки шутками, а я лично никогда еще не чувствовал себя таким идиотом, как в эти дни. Я ничего не мог запомнить и бродил как во сне. И даже позволял вездесущей Г<алине> П<ановой> утешать себя, хотя в другое время несомненно послал бы ее в штаны. Спать я не мог, читать — тоже. И вообще непонятно, как я остался жив. Меня мог раздавить любой, самый опытный шофер, и я бы этого не заметил и только сказал бы «Извините».

Ну, в общем ладно. Все хорошо, что хорошо кончается. Крепко-крепко тебя целую. Скорее выходи, я хочу поцеловать тебя не, так сказать, платонически, а вполне физически. Любимая моя Адонюшка.

[подпись]

Борис — супруге, 21 июня 1959, Л.

Дорогой Адок!

Пишу две строчки, хочу тебя обрадовать. Звонил Аркаша. Он очень тебя поздравлял, и Леночка вопила в трубку, что целует. Новости хорошие. Рассказы в «З-С» идут отлично. «З-С» умоляет о рассказе для 12-го номера (это традиционный номер для научн<ой> фантастики). Арк подписал договор на сборник. Сборник выйдет в 1960 г., аванс придет в ближайшее время. Но, по моим подсчетам, аванс будет маленький — 3–4 тыс. СБТ в военной цензуре. А не выдали ли мы некую гос<ударственную> тайну?

Крепко тебя целую, мой Адок. Лобзни Каляма.

[подпись]

Борис — супруге, 25 июня 1959, Л.

Дорогая Адочка!

Вот я и дома. Накормила меня Ант<онина> Ник<олаевна> <Карпелюк> сытнейшим и вкуснейшим обедом, я отвалился от стола и побрел в свою обитель. Предварительно, правда, я некоторое время занимался тем, что искал Нинин <Бронниковой> адрес, но тщетно. И вообще, я ничего найти уж не могу. Ни адреса, ни квитанций за белье — ничего. Все как сквозь землю провалилось. Ну, бог с ним. Как-нибудь переберемся.

Ну, что бы тебе такое написать? Как-то ничего не происходило за последние дни. Разве что вскочил у Новопашенного на подбородке прыщ. Обсуждался он весь день с соответствующими комментариями, от которых корчились в судорогах блюстители порядка и нравственности — Чистяков и Панова. Потом выяснилось, что большинство предпочитает, чтобы я двести раз произнес за обедом слово «моча», чем Чистяков хоть один раз выдернул из-под кого-нибудь стул. Все предпочли моральные травмы физическим. Одним словом, жизнь вошла в обычную колею, исключая то, что меня каждый третий человек останавливает и осведомляется: «Ну, как Адочка? Как дитя?» Я уже выработал стандартные формы ответов, и все идет хорошо.

Что-то я последнее время ужасно устаю и никак не могу отоспаться. И с чего бы это? Все о тебе пекусь и думаю. Как там, думаю, моя Адонюшка? Скушно ей, наверное, в тюрьме сидеть. Но зато ты хоть лето увидишь — немножко, но увидишь. И травку, и всякую там разнообразную муравку, и ветра теплого нюхнешь. В конце августа ты уж привыкнешь ко всему, научишься все делать, появится свободное время. Рефератики мне сделаешь. Вот оно и хорошо будет.

А я сейчас пойду обмерять диван: пролезет он в дверь или нет. А о деньгах не беспокойся — возьму с Новопашенных полкуска, и ладно. Ну, до субботы, моя хорошая. Целую вас обоих крепко. Не хворайте, поправляйтесь и скорее возвращайтесь домой.

Ваш [подпись].

Р. С. Письмо мое получилось коротеньким, т<ак> что присовокупляю сюда еще кое-что. Только, Адоня, умоляю — сохрани Арк<ашины> письма. Обязательно!

Борис — супруге, 29 июня 1959, Л.

Дорогая Адонюшка!

Пишу тебе (надеюсь) последнее письмо. Еще полдня сегодня и полдня завтра, и ты, наконец, дома. Очень это хорошо, ибо я соскучился по тебе очень.

Вчера пошел я к ребятам. Собралось нас четверо: Борька, Володька, я и еще Женька Зеймаль — ты его не знаешь — очень отменный парень. Ну, конечно, купили водки, называемой «Водка», бутыль вина для предракового Луконина и разнообразную снедь, в т<ом> ч<исле> полкило студня. Громов убрал кучу, наложенную Варькой еще на прошлой неделе (он сейчас на холостом положении, так что сама понимаешь), поставил на это место стол, покрыл его белой скатертью и расставил стаканы и графин с уксусом.

Выпили с большим смаком, травили анекдоты и ругались страшными словами, ввиду полного отсутствия женщин. Я с большим эффектом преподнес известие № 1 и был поздравлен и облеплен поцелуями. Тебе тоже передано приветов килограмма полтора. Потом мне рассказали, что у Махлиных родился очень слабенький ребенок: всего 2300, а ведь родился он в срок. Зовут его Алексей Евгеньевич, кушает он плохо и поправляется крайне медленно. И вдобавок у Тани не хватает молока (это при ее-то габаритах!). Потом Зеймаль сказал, что раз у нас оба парня названы на букву «А», то Луконину следует тоже родить парня и назвать его для симметрии Аароном. Вообще было очень хорошо. Володька совершенно не изменился (он, по-моему, вообще не меняется), а Борька похудел ужасно и стал прямо-таки как скелет. Ему каждый день приходится ездить в Петергоф, где он с кучей китайских аспирантов организует микробиологическую лабораторию и засоряет фонтаны, бросая в оные навоз коний свежий для того, чтобы получать какие-то там препараты. Ленка <Гагинская> сейчас как всегда на Ворскле, Лариса <Луконина> уехала в Крым делать дипломную работу, Луконин тоже скоро уезжает — сначала в Крым (тоже, вероятно, делать какую-нибудь, гм, работу), а потом в экспедицию на Сурхан-Дарью, в пустыню. Звал меня с собой, называя при этом меня «своим дорогим папунчиком». Он тоже написал какую-то книжку, кажется, в основном научную, и ждет, когда ее выпустят. Я ему сказал, сколько еще придется ждать, и он стал посылать меня в разные закоулки человеческого тела. Много говорили о литературе, но к этому моменту все уже так накачалось, что я, во-первых, ни черта не понял из того, что говорилось, а во-вторых, все забыл. Очень хорошие анекдоты выдавал Зеймаль, но, черт возьми, я их тоже забыл почти все, за исключением анекдота «О роли одной части тела в процессе очеловечивания обезьяны». Ты мне потом напомни, я расскажу. И еще был анекдот про двух грузин по разные стороны Куры, тоже напомни. Да, и был еще английский анекдот про новобрачных в первую ночь. Это я все пишу, чтобы окончательно не забыть. Потом мы очень долго беседовали о противозачаточных средствах, Громов, оказывается, большой специалист в этой области. Потом — это было часа в два — Зеймаль позвонил какому-то человеку, которого называл Сергеем Сергеевичем и беседа с которым звучала примерно так: «Сергей Сергеич, а ты бы сейчас пошла и купила. А? Что? Что ты, дорогая!.. А ты уже видела? Не видела?! Эх, Сергей Сергеич, Сергей Сергеич...» И так далее. Потом он очень быстро собрался и ушел. Мы еще посидели часа полтора и сидели бы дольше, но у Лукончика разболелся живот, а у меня — зуб, а Громов впал в протрацию и то посылал нас в далекие края, то требовал, чтобы вызвали такси, потому что он боится не дойти до клозета. Тут-то мы и разошлись. На улице было полно народу, которые, согласно афишам, провожали белые ночи, но они, по-моему, просто торчали в подворотнях и держались друг за друга (кто за что).

Вот так, малышка моя. Бегу к тебе. Выйди к окошечку. Крепко целую.
Твой [подпись].

Борис — супруге, 30 июня 1959, Л.

Дорогой мой Адочек!

Только что кончил кое-какие дела, имеющие прямое отношение к Калямму, и наконец-то водрузил себя в возлюбленное кресло по соседству с еще более возлюбленным диваном. Что же ты, маленькая, не выглянула? А я побежал было снова к окошку, надеялся, что успею к моменту, когда ты будешь его затворять. Однако ж, не успел, видно. Но я все-таки выкурил там сигаретку и побеседовал с рабочим классом, который тут же что-то чинил в количестве двух мужчин. Беседа была на тему «Ну что — не вышла красавица?» — «Отчего же, вышла» и т. д.

Думаю, Адок, что в среду останусь в Пулкове. Перенесу наших товарищей из КНР с четверга, а уже в четверг жди у окошка в то же время.

Сейчас мне грустно очень и одиноко, но вчера было еще хуже. В Пулкове дул свирепый ветер, выл по-вурдалачьи и бился в окна. И до того же было муторно да сумно! Сидели втроем: я, Лидка да Чистяков. Точнее — лежали: Лидка на своей постели, а мы с Ч<истяковым> — на твоей. И Чистяков орал, чтобы я не прикасался к его зад. Ты же понимаешь — очень мне нужен его зад. Говорили в основном про клозеты, и Чистяков, конечно, выступал в роли морального реформатора и заявлял, что сейчас начнет материться. Но только несколько раз уныло промямлил «мать вашу, мол, за ногу». А Лидия преимущественно заливалась смехом, сгибаясь по обыкновению пополам. Потом Чистяков уехал, но пришли Герка с Сашкой. Они посмотрели итало-американский фильм «Война и мир» и рассказывали, что Пьер Безухов там более всего напоминает стандартного героя с застрахованной улыбкой, а охота на зайцев с гончими происходит на фоне далеких, но совершенно несомненных горных хребтов, покрытых вечными снегами. Но Наташа Ростова, говорят, хороша, и вообще фильм хорош, хотя краски весьма неважные. Потом я им прочитал вслух главу из «Сталки» и они сказали «н-ничеГо». Потом Сашка проснулся и сказал, что ему пора ехать, и они с Геркой исчезли. Лидка ушла стирать штаны (свои), а я одиноко сидел и пил чай без сахара и через полчаса тоже ушел, проскочив мимо Жени, вопящей от невинного страха под простынями. Первое, что я увидел (хотя в коридоре было очень темно), были Герка с Сашкой. Я их не узнал, конечно, и пошел к себе спать. Там я застал совершенно измученного китайца (к нам поселили китайца). Бедняга не знал привычки Котляра сидеть в клозете по тридцать мин<ут> и более и страдал ужасно. Я его проводил в другой клозет, но там тоже было занято. Не знаю, как он выпутался из этой истории, утром вид у него был неважный.

Получил письмо от Аркаши. Ничего нового там нет: письмо было отправлено накануне телефонного разговора.

Панова ходит мрачная и изъясняется отрывисто. Сегодня мы ехали вместе, но я ее с собой не позвал, так что завтра она будет, наверное, олицетворением невинных мук. Толе <Ефимову> понадобился объектив от ФЭД'а. Он поехал в город и купил там фотоувеличитель. Вывернул из него объектив и ходит кум королю. За обедом мы пили квас и замерзли как собаки. Потом обогрелись в первом номере, и Чистяков читал «Курс для беременных женщин». Название одной из частей он зачитал так: «Гимнастика для женщин до и после». Я спросил, до чего и после чего, и он заявил, что не может больше находиться со мной в одной комнате и уходит к балерине.

Вот так, маленькая, и живем. Очень я тебя жду. Очень люблю и хочу видеть. Скорее бы. Целую крепко-крепко тебя и Андрюшку, родные вы мои.

[подпись]

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1958–1959

1959

Состояние дел на 1 января:

«СБТ» в Детгизе — отдан художникам и на конкурс.

«Человек из Пасифиды».

«Гигантская флюктуация» [предыдущая и эта строки справа обведены фигурной скобкой с надписью «не у дел»].

«Извне» — «Т–М» 1, 1958.

«Спонтанный рефлекс» — «З–С» 8, 1958.

«Пепел Бикини» — издан в Детгизе 1958.

«Глубокий поиск».

«Восьмой за полгода» [предыдущая и эта строка справа обведена фигурной скобкой с надписью «у Бориса на переделке»].

«Извне» (повесть).

«Спонтанный рефлекс».

«Гигантская флюктуация».

«Человек из Пасифиды» [последние 4 строки обведены справа фигурной скобкой с надписью «готовится сборник рассказов (у Бориса)»].

Планы:

«Возвращение».

«Букет роз».

«Страшная большая планета».

«Забытый эксперимент».

Еще раз попытаться осуществить лозунг «Рассказ в 2 месяца».

Переводы:

«Зона пустоты» Номы Хироси совместно с Рябкиным. Гослитиздат, 1959–60.

По работе:

«Речные заводы» т. 2.

На очереди новеллы Акутагава.

1 января, чт

Проснулись у Гайдадымовых, выпили шампанского, а я и водки. Дома смотрели телевизор, возились с детьми.

2 января, пт

Сделал 65-ю главу Ши Найаня. Взял авторучку, подаренную дедом <т. е. И. Ошаниным> к дню рождения, она очень сложная и подтекает. Но писать все равно можно. Еще 31-го Сашка <Горбовский> принес две повести: David Duncan «Dark Dominion» и W. J. Stuart «Forbidden Planet». Кроме того, у Сашки еще сборник в шесть новелл.

Было обсуждение тезисов Хрущева.

Затем я поехал к дяде Кузе <Литвинчёву>, там встретился с мамой и Леной <Воскресенской>. Хорошо посидели.

3 января, сб

Сделал 66-ю главу Ши Найаня.

Пришла верстка Сайкаку.

Читаю «Forbidden Planet».

Выпили и закусили, играли в пинакль.

Запуск ракеты в сторону Луны! Ура! Ура! Ура!

4 января, вс

Дома. Привел в порядок документы и ящики стола. Написал письмо Борису. Слушали радиопостановку «Урм не повинуется» по рассказу Стругацких «Спонтанный рефлекс».

Ракета прошла около Луны и стала искусственной планетой.

Проводили маму домой.

5 января, пн

Выиграл по лотерее 20 р. Делаю Ши. Получил для детей два подарка.

W. J. Stuart «Forbidden Planet». Полет на Алтаир-4, чтобы выяснить судьбу пропавшей экспедиции. Остался в живых один человек, который предупреждает не приземляться. Он постиг мудрость древних обитателей Алтаира-4, его подсознание материализовалось и убивает все самостоятельно.

Сделал главу Ши Найаня и отдал на машинку четыре главы. Звонил Северцев, обещает дать стихи к субботе.

Сделал порцию Нома.

6 января, вт

Дома. Сделал две порции Нома. Ездил получить членский билет СЖ. Ездил и встретился в Детгизе с И. Ильинским — нашим художником. Пожалуй, у него пойдет. Очень интересно видеть, как то, что ты написал, перевоплощается в образы. Худ<ожественный> редактор говорила, что читать очень страшно, и жена Ильинского ночью мучилась кошмарами. Пискунов требует, чтобы было больше оптимизма. А я не могу в толк взять, чего они хотят.

Борис прислал «8зПГ». Моча. Ничего практически не сделал.

7 января, ср

Сделал главу Ши Найаня и тут же порцию Нома.

Звонил Кассель, сегодня в 8 часов будем встречаться у него. Боюсь только, что он будет [иероглифами «пьян»].

Нужно делать «8зПГ» самому, и этим я сейчас займусь.

Был у Касселя. Удар. Они хотят мажорировать книгу за счет воскрешения хотя бы одного погибшего. Так им, видите ли, представляется слишком мрачным. Я в панике. Настроение ужасное. Кассель говорит: будем думать, как выходить из положения.

Дома меня малость утешали.

Работал над «8зПГ».

8 января, чт

Сделал главу Ши Найаня и порцию Нома.

Написал письмо Борису с сообщением о катастрофе.

Сидел над «8зПГ».

9 января, пт

Весь день сидел дома и делал «8зПГ». Начал в 9.00, закончил в 20.00.

Звонила старуха <т. е. М. Виташевская> с сообщением о намерении уволить Горбовского. Ругался.

Звонил Варшавский, требует, чтобы я привез «8зПГ». Отрадно.

Читал «6 Great Short Novels of Science Fiction».

10 января, сб

Stuart Cloete «The Blast». Рассказ о том, как в 1972 г. началась война, Нью-Йорк взорван, затем чума, и выжил только герой. Жил 20 лет один, затем встретился с индейцами.

Robert Heinlein «Coventry». Далекое будущее. В Америке чистота и благонравие. Всех, кто не хочет подчиняться, посылают либо на нервную перестройку, либо в территорию, отгороженную от остального мира силовой стеной. Там есть три гос<ударст>ва, воюющие между собой, свирепые и злые, оставшиеся на уровне современности.

Сделал полглавы Ши. Съездил и отдал Варшавскому «83ПГ».

Вечером выпили. Хорошо бы уйти из Гослитиздата.

11 января, вс

Дома. Перевел две порции Нома. Очень трудно, наверное, потому, что хочется спать.

Витька исправил телевизор.

12, 13 января, пн, вт

Сплошной скандал из-за увольнений. У нас старуха предложила Горбовского, но мы на месткомке доказали, что это невозможно. Кто-то должен был уходить, т. к. беременная Глазунова отказывалась. Тогда решил уйти я. На меня смотрели как на помесь святого с идиотом и в конце концов не разрешили. Тогда был создан заговор: Горбовского исключили фиктивно, на самом деле он так и остался у нас. И так, и девки сыты, и яйца целы.

Прочитал Анну Ливанову «Три судьбы» (Знамя 3, 4, 1958). Неплохо.

Звонил Варшавский, сказал, что лежат у него гранки «Мешка» и что «83ПГ» принят, нужно только переделать его. Звонил также Игорь <Ильинский>, мы должны встретиться с ним и с Касселем.

Murray Leinster «The Other World». Прекрасно сделанная повесть о том, как 5 тыс. лет назад в Египте открыли способ проникать в соседний мир. Этим воспользовались цари и тираны, которые нашли там убежище и стали паразитировать на нашем мире: воровать себе рабов и наложниц, оружие и продукты. Бунт рабов и штурм одного из дворцов. Слезоточивые газы и обрезы.

Anthony Boucher «Barrier». Остроумное сочинение о путешествии по времени в гос<ударст>во, где хранят спокойствие и единообразие. Там же установили временной барьер. На него налетела масса путешественников по времени. Каша. Любопытно представление о парадоксах путешествия по времени.

За эти дни не сделал ни строчки Нома.

14 января, ср

Дома. Сделал 2 порции Нома и написал рецензию на «Сигнал». Договорился о встрече с Касселем и Ильинским. Сидели в Детгизе два часа — спорили о рисунках. Потом меня повели к Вере Александровне <Морозовой> (зам<еститель> глав<ного> ред<актора> по НФП), и она отливала мне комплименты. В частности, сказала, что за 5 лет это лучшая книга. Отдал Касселю «Извне», а он передал Вере Александровне.

Затем ездил к Варшавскому. Он рецензию принял и похвалил, сделал замечания по «83ПГ» — она всем понравилась, думаю — эффектным концом. Читал гранки «Мешка». Варшавский таки подсократил. Видел иллюстрации.

Борис прислал смиренное письмо и «ГП». Элемент чудовища, который он ввел, ничего, неплохо. Посмотрим.

James Blish «Surface Tension». Корабль, распыляющий семена людские по вселенной, потерпел крушение на планете, покрытой водой. Они оставили зародыши микролюдей-водяных и погибли. Описываются попытки микролюдей прорваться через поверхность воды.

15 января, чт

Весь день нумеровал и считывал Ши Найаня. Рогачев все еще не дает статью, м-м-мать... Письмо Борису.

Уходит Маруся — женится. Настроение в семье поганое.

Прочитал Сологуба «Мелкий бес» — страшно и гнусно.

16 января, пт

Дома. Сделал две порции Нома. Правил верстку Ихара, размечал примечания. Больше ничего не успел сделать.

Theodore Sturgeon «Maturity». По теории, что человек умирает от старости раньше, чем достигает полной зрелости. Одному удалось при помощи впрыскивания дать возможность достигнуть. Вскоре он кончает себя, оставив записку: «Enough is Maturity¹».

17 января, сб

Сидел над оформлением Ши Найаня.

Дома выпил и рано лег спать.

18 января, вс

Дома. Сделал две порции Нома и обработал «8зПГ». Сверял по французскому переводу. По-моему, неплохо. Перевод нужно будет делать по возможности свободным.

Вечером Е. Е. <Ошаниной> захотелось вина, сбегал на Киевский, взял коньяк и цимлянское. Было довольно весело.

19 января, пн

Потею над Ши Найанем. Звонили из «ВС», высылают мне верстку Циолковского на предмет рецензии. Посмотрим. Звонил и Варшавский, требует «8зПГ».

Ездил в «З-С». Отдал Варшавскому «8зПГ». А он потребовал, чтобы я оживил рецензию на «Сигнал». Посмотрим.

Привезли мне из «ВС» верстку Циолковского. Прислал Рогачев статью. Горе мне!

Однако Ши Найаня я сделал и сдал на петит.

20 января, вт

Дома. Две порции Нома. Потею над рецензией. Рецензию слегка переделал и послал 2-ю страницу в «З-С».

Перечитывал «ГП». Нет, все-таки Борькин эпизод вставлять нельзя. Обойдемся. Читал верстку Циолковского. Ума не приложу, о чем там можно писать.

Читал «Счастливчик Джим». Сма-а-ачно!

21 января, ср

Вскрыл пакет с рогачевским предисловием и уныл. Ужасно. Аморфно. Ни к черту. Сдал Ши без статьи — будь что будет. От Пинус пришла корректура, правку перенес, сдал в производств<енный> отдел. Звонил Варшавскому, он ничего, не огорчился. «8зПГ» у них на машинке. В общем ОК.

Письмо от Бориса. Обижается.

Вечером читал «ГП». Никак не могу понять, что может пойти на пользу этой вещи. От Циолковского решил отказаться.

22 января, чт

Послали письма Борису и маме.

На работе делать было совершенно нечего. Отбоярился от рецензии на Циолковского, слава богу. Купил Лондона «Мартин Иден» и Николаеву «Битва в пути».

¹ Здесь: Зрелость — это способность сказать «довольно!» (англ.).

Удрал с работы на час раньше, сделал порцию Нома и начал печатать «ГП». Посмотрел «В дни Октября» — хорошо.

23 января, пт

Дома. Сделал 2 порции Нома.

Ездил в «ВС», отдал Циолковского.

Весь день печатал «ГП». Закончил, god damn¹.

<...>

Звонила Иоффе, просила дать в Детгиз рецензию на «Детей рассвета».

24 января, сб

Быков оставил мне 12 № «Ин<остранной> л<итерату>ры» и книгу Иоффе.

Готовится наступление на старуху.

Заболела Наташка <Воскресенская>.

25 января, вс

Дома. Сделал две порции Нома. Передвинули мебель в кухне и в большой комнате, теперь мы с Ленкой будем спать на кухне.

Бегал в ларьки, пытался достать «Юность», но уже всё раскупили.

Жрал и читал «The Dark Dominion» by David Duncan.

Все никак не доберусь до своей картотеки заграничной НФ.

26 января, пн

Ничего не делаю. Договорился с Фельдман о работе с Акутагава. Логунова принесет Акутагава завтра. Со среды начну работу. Пришла верстка 1-го тома Ши Найаня (3 листа).

Ходил на заседание в комиссию ВОКСа. Был доклад Иваненки о поездке в Японию, был разговор об издании японской л<итерату>ры.

Читал «Cor Serpentis» Ефремова в «Юности». НичеГо. Хуже его возможностей. Это в противовес «The First Contact».

Ленка на меня сугубо дуется.

27 января, вт

Дома. Две порции Нома. Перешел на 116 стр. Да, вчера поздно вечером звонил И. Ильинский насчет иллюстраций.

Съездил в «В<округ> с<вета>», отвез «ГП».

Прочитал:

David Duncan «The Dark Dominion». Готовится запуск «The Black Planet», спутника-крепости, при помощи которого США будет владеть всем миром. Одновременно открывается вещество белых карликов, стремящееся к своему родственнику. Нападение других наций, взрывается горячее, тогда «Black Planet» заправляется магелланием и улетает.

28 января, ср

Получены рецензии на Фельдман. Верстка Ши Найаня. Написал заявление Директору о необходимости увеличить гонорар Марковой.

29 января, чт

Сделал пять страниц «Расёмон». Очень приятно работать. Здесь и текст, и что угодно. Да, вчера звонил Варшавский, требовал изменить название «8зПГ». Остановились (таки!) на «Шесть спичек». Договорились, что в пятницу заеду посмотреть иллюстрации. Он сократил рассказ на 50 строк, выкинул слово «полтергизм». И правильно сделал, на мой взгляд.

Вечером зашел к Малышеву, он болен. Поболтали, отдал ему его рукопись «Турецкие сказки».

Дома небольшое столкновение с Ленкой: забыл купить подарок.

¹ Черт побери (англ.).

Затем сходили на Смоленскую, купили шампанского, коньяку, закусок и дома вчетвером с Е. Е. и И. М. <Ошаниными> отпраздновали.

30 января, пт

Сделал 8 страниц «Расёмон» и «Носовой платок». Звонила Евгения Николаевна <Васильева> из «ВС». Рассказ «ГП» ей понравился, она его хочет сунуть в № 6, посвященный охране природы. Каково? Только хочет побольше о китах и о планктоне. Ездил к Варшавскому, но напрасно. Художник не приехал. Согласились увидеться в понедельник.

Вчера от мамы грустное письмо: ей кажется, что молодежь выживает ее из комнаты, <...>.

Да, вчера звонил Касселю. Он болен, но рвется на работу. Планирует уйти из Детгиза, а меня поставить на свое место.

Сделал порцию Нома.

31 января, сб

Сделал две порции Нома. По приказу директора разобрали весь хлам в коридоре, большую часть просто выбросили, остальное упрятали в шкаф. Пусть старуха сама разбирает, что нужно, а что в архив.

1 февраля, вс

Сделал две порции Нома. Дошел до 3-й части. Думаю поднажать и уж пока не трогать чистовую работу. Полагаю, я успею сделать ее месяца за два, если успею черновой перевод сделать к 1 мая. Это сейчас значит примерно 105 стр. на 3 месяца, т. е. на ~ 90 дней. Думаю, страницу-полторы в день делать я смогу. Учредить нормальную порцию в 1,5 стр.

Остаток дня валял дурака.

2 февраля, пн

Сделал 6 стр. Акутагава. Больше сделать невозможно.

Звонил Лева Петров — он, оказывается, приехал только 10.01. Ужо после 4-го повидаемся.

Смотрел по телевизору на споры фантастов — выступили Немцов, Казанцев и Андреев. Потом смотрели Германа о Дзержинском. Ничего.

Сделал 1,5 порции Нома.

Набрал примерную обстановку «Второй Земли».

3 февраля, вт

Дома. Сделал 2,5 порции Нома. Готовим квартиру к клопину разгрому.

Загадили нам спальню и большую комнату.

Читал растрепанный английский детектив «Red Harvest», автор неизвестен. Кошмар. Трупы и мордобой.

4 февраля, ср

Сделал пять страниц Акутагава, проглядел статью Рогачева. Точка.

Отправил «Расёмон» и «Нос<овой> платок» Фельдман с реверансами.

Взял у Эммы <Боровика> Шпанова «Войну невидимок».

Купил будильник.

Борька прислал вариант окончания — очень хороший, смачный. Этим мы и возьмем.

Сделал 1,5 страницы Нома. Буду счет вести на страницы.

5 февраля, чт

Сделал 1,5 страницы Нома. Старухи нет. Володька Быков собирается в Пакистан. Мишка <Малышев> принес «Туманность Андромеды», я отдал «почитать» Томке <Редько>. Затем Томка подарила мне «Индийские рассказы» со своими переводами.

Была комиссия. Я разговаривал с Вайсманом и с Шурой <Дмитриевой>. Рассказал все начистоту. Старухе должно положить конец.

Дома у нас чахнет Алешка.

Стилизовал Борисов эпилог. Думаю, сойдет.

6 февраля, пт

Дома. Добил стилизацию эпилога (получилось 6 страниц) и отправился в Детгиз к Касселю. Там Кассель рассказал, что:

1) Главлит запретил в космической НФП упоминать об армейцах. Таким образом, Быков превращается просто в демобилизованного офицера и начальника колонны вездеходов Туркестанского геологического округа.

2) Об умертвиях и воскрешениях пока замолкли. Считается, что мы предупреждены, а остальное — наше дело.

Делал с Наташкой уроки.

Сделал две страницы Нома. На очереди — стр. 130.

Отправил Борису письмо.

7 февраля, сб

Звонила С. К. Беркман. Насчет рецензии на книгу Иоффе. Договорился через 10 дней. Во вторник еду к Иоффе узнавать содержание.

Сделал послесловие. Из 40 стр. Рогачева осталось едва 13.

Сделал 1,5 стр. Нома.

Выпили, ходили с Ленкой за подарками матери и тяпнули шампузо в гастрономе. Купили 10 метров ткани на занавески.

8 февраля, вс

Дома. Терзал Наташку с уроками. Сделал 2,5 стр. Нома. Мощный обед был для дня рождения.

Смотрели «Дороги войны». Очень здорово на мой взгляд.

9 февраля, пн

Сделал 6 стр. Акутагава. Купил трехтомник Чехова. Надо скорее выкупить подписные книги — давно уже не ходил. Завтра к Иоффе.

Сделал 1,5 стр. Нома.

Болела от чирья шея, напился водки, поставили мне согревающий компресс.

10 февраля, вт

Дома. Сделал 2 стр. Нома.

Был у Иоффе. На сегодняшнее собрание авторов и редакторов японисты не приглашены. Иоффе дала мне содержание «Детей рассвета». Буду делать рецензию.

Пообедал в «Каме». Водки дают только 100 гр.

Выкупил из подписных Диккенса 9, Чапека 1, 3.

Купил Адамова «Победители недр» и «Изгнание владыки».

Зашел в Детгиз, отдал Черненко 4-й том антологии китайской поэзии.

11 февраля, ср

Сделал 6 строк Акутагава («Чистота О-Томи»). Сделал 1,5 страницы Нома, ужасно устал и лег спать.

Письмо от Бориса, очень хорошее.

12 февраля, чт

Сегодня в редакции только Мельникова, Малышев и я. Старуха на обществе в ВОКСе. Уезжает в Ленинград, ругаться с Колоколовым.

Володя Быков ложится в больницу.

Читаю «Война невидимок». Dreck¹.

Письмо от мамы. Хорошее. Сделал 1 стр. Нома. Больше не хочу.

13 февраля, пт

Дома. Сделал 2 стр. Нома — уже 91 стр.

Сделал 6 стр. Акутагава. Наказал Наташку — оставил без телевизора.

¹ Dreck — дерьмо (нем.).

Звонил к Касселю. Кассель в восторге от «Извне», но считает, что нужно в третью часть добавить «ефремовского душка». Считает, что «Извне» пойдет в «Мир приключений» 5. Над «Страной» работает. Когда шел разговор, у него сидел Андреев. Он предлагает мне принять участие в кинематографической комиссии по НФП. Приглашал на чашку кофе (как-нибудь).

Варшавскому дозвониться не смог.

14–15 февраля, сб–вс

Написал рецензию на Сёдзо Катаяма. Потом праздновали в «Пекине» Ленкин день рождения и упились на 1000 руб.

В воскресенье ничего не делал.

16 февраля, пн

Сделал 6 стр. Акутагава. Послал Фельдман «Чистота О-Томи», «Вагонетка» и «Холод». Кроме того, у нее «Расёмон» и «Носовой платок». Сейчас делаю «Мандарина».

Горбовский принес «The Man Who Mastered Time» by Ray Cummings и «Overlords from Space» by Joseph E. Kelleam.

Сделал 1,5 стр. Нома.

17 февраля, вт

Дома.

Ray Cummings «The Man Who Mastered Time». Юный путешественник по времени влюбляется в девицу в 28000 году. Скучища. Написано в лучших традициях неторопливого жюльверно-диккенсовского повествования.

Сделал 1,5 стр. Нома.

Звонил (на всякий случай) Касселю. Оказывается, «СБТ» заинтересовались киношники. Кассель послал меня в Дом Кино к Василькову Игорю Афанасьевичу. Хотят иметь сценарий. Я послал Борису два письма. Хочу иметь соавтором по сценарию — Касселя.

Отнес в Детгиз рецензию и книгу «Дети рассвета».

18 февраля, ср

Приехала из Л<енингра>да старуха. Разговаривает весьма мило.

Сделал 5 стр. Акутагава. Начал «Генерала».

Очень скверно себя чувствую, вероятно недосыпаю.

Наши все ходили на «Казимира», а я оставался с детьми.

Сделал 1 стр. Нома. Больше не мог, устал.

Joseph E. Kelleam «Overlords from Space». Уже двести лет владеют Землей пришельцы из других вселенных — Зарлы. Они бессмертны и рожают синтетически. Они летают от планеты к планете и по использованию истребляют их одна за другой. Люди в рабстве. Но они восстают и свергают его. Зарлы бегут. Их ошибка — они не учли силы любви.

19 февраля, чт

Сiju над «Генералом». Звонил Варшавский. Ему поручено составить сборник нашей НФП («Молодая гвардия»), и <он> вставляет туда «Спонтанный рефлекс» и «Шесть спичек». Придется поработать.

Звонили из журнала «Рационализация и изобретения» (ул. Кирова 13, 1-й подъезд, 3-й этаж), Павел Генрихович Вельтман. Просят главу из «СБТ». Сказал, что зайду в субботу для переговоров.

Сделал 7 стр. Акутагава. Сейчас пошло значительно легче.

Сделал 1,5 стр. Нома, читаю «Что такое полупроводник» Анфилова.

20 февраля, пт

Дома. Сделал 1,5 стр. Нома.

Проглядывал томик Fredric Brown «Star Shine» и нашел там чудный скетчик «Preposterous» («Нелепый»). Прекрасная тема для своего скетча. Написал скетч «Трезвый ум». Для героя взял имя Гайдадымова — Виктор Борисович.

21 февраля, сб

Сделал 1 (!) стр. Акутагава. Ездил в «Изобретатель и рационализатор». Этот журнал собирается стать популярно-художественным и стремится давать фантастику в каждом №. Отправил «ТУ» Борису. С «Из<зобретателем> и Р<ационализатором>» договорился, что дам им рассказ месяца через два на 13–14 стр. Думаю дать им об испытании системы роботов для звездолета и о том, как техника соблазняет лететь. Затем ездил к Варшавскому, получил верстку. По-моему, сокращено очень неплохо. Во всяком случае, рассказ хороший и вполне читается.

Дома пили.

22 февраля, вс

Дома. Сделал верстку «бс».

Сделал 2 стр. Нома. Юбилей — 100 стр., 156-я стр. текста. Осталось 74 стр.

Смотрел «Над Тиссой». НичеГо.

Сделал концовку для «СР», завтра отнесу к Варшавскому.

23 февраля, пн

Сделал 7 стр. Акутагава. Старуха пыталась заставить меня сдать Акутагава до мая. Я не соглашался.

Отвез Варшавскому верстку и вариант «С<понтанного> Р<ефлекса>».

По случаю праздника Армии девочки подарили всем подарки. Мне достался портмоне, я поменялся с Павлом <Лином> на портсигар.

Володька завтра выздоравливает и выходит домой.

Звонил в «ВС». Евгения Николаевна обещала дать ответ через 5 дней.

24 февраля, вт

Дома.

Сделал 2 стр. Нома. Отправил Варшавскому Олеся Бондаря «Фантастику». Пытался начать «Репетицию СРР», но запнулся.

Philip K. Dick «The World Jones Made». После 3-й войны. Один мутант получил способность видеть на год вперед. Играет под Гитлера на фоне разной космической дряни. В конце концов гибнет.

Margaret St. Clair «Agent of the Unknown». Муть. Кукла — фокус физических идей, диктатура на Земле, борьба и все выдохлись. Дон цепью убивает диктатора.

25–28 февраля, ср-сб

Заболел гриппом и сидел большею частью дома. Пришел «З-С» с «Мешком». Иллюстрации скверные, но ничего. Главное — дело. Все время планирую «РСРР». Думаю сегодня начать. Из встречи с Касселем почему-то ничего не вышло.

Письмо от Бориса — сомневается в целесообразности вмешательства в кинодело.

<...> Ежедневно делал по 1 стр. Нома.

Читал «Зрелые годы Генриха», Чехова, Адамова, «Сигнал», «Что такое полупроводники».

Сегодня вечером все ушли в «Пекин» отмечать день рождения Поликарпа <Афанасьева>, и я остался с детьми. Было весело, не работал.

Сделал ок<оло> 3 стр. РСРР. Плохо. Все надо снова.

1 марта, вс

День выборов. Я, как бригадир, ушел в 3 часа. Дома повозились с детьми, посидели — из Ташкента приезжала родственница Ошаниных, Елена Львовна Somebody¹ <Майская>, очень приятная дама, — затем отправились к Гайдадымовым. Пили водку и шампанское.

2 марта, пн

Сидел на работе и тосковал, было такое ощущение, точно опять заболел. Затем позвонил Кассель. Я удрал с работы и был у него ок<оло> 15. Сидели до 17, он передал часть отредактированной рукописи, говорит, нужно сдать в набор не позже 15–20 марта, пока типография свободна. Начнем работать.

Смотрел по ТВ «Петер».

Придется как-то распланировать работу: 1) Акутагава, 2) Нома, 3) СБТ, 4) Репетиция СРР.

И еще — заказал Борису стихи вместо гумилевских.

3 марта, вт

Отпросился у старухи на неделю работать дома. Заболели Машка <Стругацкая> и Наташка. Теперь нужно все очень тщательно планировать. Думаю делать так (в порядке очереди): а) СБТ, б) Нома, в) Акутагава, г) Реп<етиция> СРР.

Сделал всю порцию СБТ — 108 стр. Теперь отдать на машинку.

Сделал 1 стр. Нома.

Получил от Горбовского сборник: «Men Against the Stars».

Willy Ley «Men Against the Stars». С Луны отправляют 60 кораблей на завоевание Марса. Большая часть кораблей гибнет — взрывается горючее. Бунт среди тех, кто еще не взлетел. Начальник базы стреляет в бунтовщиков. Его хотят арестовать за убийство. В это время прилетает один из немногих кораблей, достигших Марса. Они разгадали тайну взрывов, отныне дорога в пространство открыта.

Robert Moore Williams «The Red Death of Mars». Археологи исследуют причины исчезновения Марса. Находят странные образования, похожие на огромные рубины. Это кукольная стадия живых газообразных существ, питающихся радиоактивным распадом и калием, содержащимся в организме человека. Склад замороженных марсиан. «Рубины» осаждают корабль. Всех спасает вода — «рубины» от воды гибнут.

Lewis Padgett «The Iron Standard». На Венере. Венузианцы не желают иметь ничего общего с людьми. У них планетой правят профсоюзы, выродившиеся в диктатуру, убивающую все новое, подавляющие изобретения и изменения. Но люди обманывают их, чтобы не умереть от голода.

4 марта, ср

Годовщина моего дневника.

Дома, как и год назад.

Сделал 1 стр. Нома. Сделал 12 стр. Акутагава. Съездил в изд<ательст>во, отдал СБТ на машинку, пообещав Клаве +20 %.

Harry Walton «Schedule». Склока в системе Сатурна. Кто первый застолбит маяк на радиоактивной Рее. Предательство — в баки одного из кораблей подброшен сахар. Предательство оборачивается против предателя.

Да, вчера «Вокруг света» забраковал «ГП». Попробуем «Знание — сила».

¹ Здесь: имярек (англ.).

А. Е. Van Vogt «Far Centaurus». Обвели нас с Борисом. Корабль путешествует к α Centauri 500 лет, и когда прибывают туда, оказывается, что люди там уже давно есть.

Hal Clement «Cold Front» — скука. Торговец на одной планете.

Murray Leinster «The Plants». Потерпевший аварию от пиратов корабль садится на планету, сплошь покрытую цветами — разумными. Назначение их интеллекта — заставлять других делать все для себя. Они останавливают пиратов и дают возможность wrecked'am¹ вернуться домой.

Е. М. Hull «Competition». Звездное скопление, и в нем борьба за финансовое могущество. Борьба с преступлениями и гадостями. В целом — тоска, в деталях есть интересные вещи. Напр<имер,> замок со стражем — единственным представителем вымершей цивилизации.

5 марта, чт

Дома. Плохо, что американцы тоже запустили 4-ступенчатую ракету на Луну.

Сделал 1 стр. Нома.

Сделал 12 стр. Акутагава. Получил повестку в военкомат на 7-е. Завтра «Барышня Рокуномия».

L. Ron Hubbard «When Shadows Fall». Земля гибнет, огромные империи отделились от нее и забыли ее. Посылают воина, финансиста и «Ranger'a». Первых двух с позором изгоняют. Но Ranger напомнил империям, что они — дети Земли. И империи ринулись питать и обновлять Землю.

Заполнил картотеку НФ. Теперь у меня 98 имен.

Читал F. Brown. Поспал.

Вечером переделал начало «PCPP».

6 марта, пт

Дома. Сделал 1 стр. Нома. Да, вчера звонил я Мишке, оказывается, Горбовского снова зачислили к нам, правда — временно.

Сделал 13 стр. Акутагава: «Рокуномия» и 3 стр. «Нанкинского Христоса».

Ездил в издательство за военным билетом. Старуха подала прошение об отпуске. Говорят, больше она не вернется.

Вечером выпили. С «CPP» не работал.

7 марта, сб

Дома. Сделал 1 стр. Нома. Внушительная пачечка уже получилась — 111 стр.

Сделал 12 стр. Акутагава — «Нанкинский Христос» до конца.

Ездил в Военкомат (он теперь на Студенческой 44), получил предписание на занятия с 16 по 30 марта.

Читаю «Поединок» Зубавина — очень даже ничего.

8 марта, вс

Дома. Сделал 1 стр. Нома. После этого засел за «CPP» и к ночи сделал 8,5 стр. — 1-й раздел. Это значительно превышает нужный мне объем — 6 стр. Т<аким> о<бразом,> уложиться в 14 стр. мне никак не удастся. Ладно, будем делать, как выйдет.

Смотрели «Розу ветров» — удивительное Г. 5 новелл, одна другой хуже.

9 марта, пн

Старухи нет. Лилька <Урицкая> и Сонька <Хохлова> подступают с ножом к горлу, они не успевают работать.

Звонил Кассель. Он там у себя сказал, что работает со мной, чтобы я не проговорился. Обещает дня через 2–3 встретиться.

¹ Потерпевшим кораблекрушение (англ.).

Звонил в бухгалтерию «Известий» на предмет гонорара за «Дружбу народов». К-0-38-40 (336, 231). Ездил, почти 389 р.

Сделал 12 стр. «Учителя Мори». Трудно. Приходится много менять.

Прочитал Овалова «Букет алых роз».

10 марта, вт

Дома. Отвел Наташку в школу. Теща больна.

Делал Акутагава. Ездил «собирать урожай»: в Детгизе 250 и в «З-С» 600. На обратном пути купил еды и коньяку. Купил также бумаги и Винера «Кибернетику».

Выпили. И. М. <Ошанин> рассказывал о своих депутатских делах.

Сделал 12 стр. Акутагава: закончил «Учитель Мори», начал «Кэса и Морито».

11 марта, ср

В Изд<ательст>ве страшный ажиотаж по поводу старухи. Выясняются все новые обстоятельства. Сонька рассказала о гадостях, которые старуха о ней говорила.

Взял у Клавочки перепечатанную «Страну» — 107 стр.

Сделал верстку Ихара — 8 листов.

Сделал Акутагава 6 стр. Читал «Товарищи по оружию». Письмо Борису.

12 марта, чт

Обсуждали доклад комиссии о деятельности старухи.

Сделал 12 стр. Акутагава — «Счастье» и «Дзюриано Китискэ».

Звонил к Касселю. Он вызывает завтра к 8 вечера.

Вечером вычитал порцию «СБТ» и начал составлять для нее примечания.

13 марта, пт

Дома. Закончил словарик для «СБТ». Наши все ушли, я один в квартире. Дочитал «Товарищи по оружию». Все-таки это не литература.

Сделал 3 стр. «РСРР».

По настоянию Рощина сделал на 1,5 стр. отчет о яп<онской> л<итерату>ре в Изд<ательст>ве.

Был у Касселя. Взял бутылку коньяку.

1) Ругал за то, что его обманула интуиция: мы недостаточно круто повернули с языком и мелочами будущего.

2) Рассказал о том, что ему дали выговор за Полещука.

3) О замысле с Ефремовым: «Сотворение мира — люди как боги».

4) Отказался от участия в кино.

5) Смешно рассказывал о Казанцеве и о Немцове.

6) Полещук написал третий роман — тоже очень хороший.

Дал мне еще ок<оло> 70 стр. Срок сдачи в производство — 20.03.

14 марта, сб

Подписал в печать Сайкаку до конца. Вожусь с версткой «Речных заводов». Наша публика требовала собрать профгруппу по поводу старухи, но местком отсоветовал.

Сделал 12 стр. Акутагава.

Вечером ничего не делал — читал «Ромашку». Пили коньяк.

Звонил Вельтман из «Изобретателя и рационализатора».

15 марта, вс

Дома. Сделал 3 стр. «РСРР». Ездил к Юрьеву, взял у него два НФП американских журнала. Поговорили с ним, он поклонник Хемингуэя, Фолкнера, Стейнбека. Но не чужд и фантастики. Посоветовал ему начатый перевод повести Колдуэлла отнести в «Иностранную литературу».

Правил рукопись, полученную от Касселя. Теперь все хорошо, вставлен эпизод, когда Богдан получает передачу с Марса. Сидел до половины второго.

Ленка весь день куксилась — накануне немного переиграли, кроме того, у нее болит зуб, а к вечеру заболел еще и глаз.

16 марта, пн

Сделал 12 стр. Акутагава. Звонил Варшавский: 1) «З-С» № 3 вышел, 25-го можно за гонораром. 2) В пятницу в М<олодой> г<вардии> сбор научных фантастов у Жемайтиса в 16.00. 3) «СР» перепечатан и ждет очереди. Звонил Игорь Ильинский, у него почти все готово, хочет нам показать. Днями сообщит, когда.

Прочитал «Космический патруль».

Суд над старухой! Мне дали справку для военкома с извинением за мое отсутствие, и я с Ярославцевым сидел в бухгалтерии и ждал. Выступала сначала старуха с докладом — доклад не получился, она мямлила оправдания и превозносила гениальность свою. Затем Томка Редько с содокладом — старуху мордой об стол. Затем выводы комиссии. Директор. Я — о натравливании одной части редакции на другую. Ярославцев — о низведении редактора до роли холуя. Горбовский — очень хорошо о взятках. Быков и Малышев. Затем Шура Дмитриева, Ляндрес — старуха болела 7 1/2 месяцев в самое ответственное время, а редакция выкарабкалась. Может быть, выполнение плана идет вопреки Виташевской? Но я и Ярославцев уже ушли домой. Устал я смертельно.

Письмо от Бориса. Ругает скетч.

17 марта, вт

Дома. Сделал 1 стр. Нома. Звонил Томке — она мне рассказывала о ходе бюро. Сделал 14 стр. Акутагава — закончил «Муки ада». Еще раз звонила Томка. Говорили о том, как быть дальше. Решили рекомендовать заведующим редакцией Малышева — хотя бы временно. Хотя он мог бы быть, на мой взгляд, хорошим постоянным заведующим. Да я мало в этом смысле.

Был на занятиях в Клубе Горбунова. Тоска. Написал черновик 1 стр. «РСРР».

Настроение пакостное. Ленка бузит.

18 марта, ср

Пересчитал Акутагава. Осталось 275 стр. След<овательно>, должен закончить 13 апреля. Тогда можно еще успеть.

Сижу в клубе Горбунова. Перерыв между лекциями.

Сделал 7 стр. Акутагава. Пришло письмо от Фельдман, она раньше 15–20 апреля начать работать не сможет. Впрочем, прислала два рассказа. Половину моей правки приняла, остальное — по-своему. Я не особенно возражаю.

С Касселем связи не имел. Да, самое главное — старуха уволена с 9 марта. За нее ВРИО — Быков.

Сидел у Бортника, разбирал примечания к Сайкаку. Теперь Сайкаку пошел в печать (если не вернут на сверку).

Письмо маме (мое и Ленкино).

Пришел № 3 Ин<остранной> л<итерату>ры с Грином.

19 марта, чт

Привел в порядок профсоюзные дела. Сделал сверку 11–15 л<истов> «Речных заводов». Закончил «Рассказ о том, как отвалилась голова» — 12 стр.

Взял в б<иблите>ке Грина «Золотую цепь» и «Дорогу никуда».

Звонил Касселю относительно СБТ. Завтра с утра поеду к нему.

Малышев сомневается насчет способности Быкова управиться с людьми. Страдания юного Малышева.

Звонила Иоффе — спрашивала о старухе.

Думаю, до конца сборов Нома делать не буду.

Письмо Борису.

Читал Грина «Дорога никуда». Еще есть «Золотая цепь».

20 марта, пт

С утра печатал «РСРР». Затем съездил к Касселю, взял у него ок<оло> 100 стр. СБТ — осталось еще 100. Ему влетит за опоздание, я предложил дать свои извинения по

поводу того, что занят на сборах и не успеваю работать. Редактуру просмотрел и исправил.

Затем поехал в «Мол<одую> гв<ардию>». Взял у Васильевой «ГП». Она заклинала никому не отдавать, она-де постарается уговорить свое начальство.

Затем сидел на совещании научных фантастов. Было очень интересно. Но Жемайтис — дерьмо на мой взгляд. Говорил с Полешуком — он сообщил, что «Механикуса» снимает с «Мира приключений», ибо № 5 будет печататься в Л<енингра>де и они там сами будут собирать его. Не знаю, как быть с «Извне». Поговорю с Касселем.

Вернулся домой ок<оло> 21.00 и сидел над «РСРР». Как-то уже без энтузиазма. Напечатал аж на 18 стр. Теперь остался разговор с Быковым. Вот и всё.

21 марта, сб

Делал верстку Ши Найаня. Просматривали план редподготовки — пытаюсь вставить «Повесть о Тайра» и «Жизнь женщины».

Была Иоффе, говорили о «Тростнике».

22 марта, вс

Закончил «СРР». Мне она не нравится. Ленке тоже. Пошлю Борису, пусть правит.

Сидел пять часов с Гайдадымовым и переводил ему газету. Умаялись оба до смерти.

Вечером смотрел «Подвиг разведчика».

23 марта, пн

Вечером звонил Кассель, на мой взгляд — пьяный в дугу. Ругал последние главы. Строил фантастические сюжеты. Ох, до чего же надоело!

Итак, в 12.00 я отбыл из Издательства (признавшись во всем Володьке) и помчался к Касселю. По дороге отправил Борису «РСРР». У Касселя мы завтракали, редактировали и обедали, после чего отправился я к сборам на Рещиков пер<еулок>. Вернулся к Касселю в 9, его не было, проболтался час, пока он пришел. И тут получил в глаз: Дауге не умер, его тащат на себе до «Хиуса», а 150 000 шагов сократились чуть ли не вдвое. Смятенный, вернулся я в 1.30 домой и в 2 лег спать.

24 марта, вт

Дома. Отрабатывал редактуру СБТ. К 2.00 поехал в Детгиз к Касселю, он приканчивал последнюю главу и эпилог. Затем съездил в Изд<ательст>во, отдал Клаве на перепечатку. Затем сборы — последние. Вернулся домой простуженный, купил водки и выпил. Лег в 11.00.

25 марта, ср

Сидел с Володей <Быковым> и обсуждал японские книги на 60-й год. Мне заодно подвалило и Индонезию и Корею. Звонил в бух<галтерию> «З-С», поеду туда к 16.00. Снега на улицах совсем нет. А я простужен.

Ездил в бух<галтерию> «З-С», получил 1653. Затем отправился в ВОКС. Был большой спор по утверждению списка рекомендованной л<итерату>ры. Спорили гл<авным> обр<азом> о формулировке обращения в Мин<истерство> Культуры.

Замысел — создать возможность издания не менее 10–15 книг в год. Говорил с Кимом, с Топехой. Звонил Ильинский, условились встретиться в пятницу в 12.00. Звонил Варшавский, много говорили, встретимся в пятницу.

26 марта, чт

Весь день трудились над планом редподготовки. Я привел в порядок свои дела. На мне теперь вдобавок Индонезия и Корея. Скандал! Закончилась перепечатка, по просьбе Касселя сейчас же и отвез. Теперь остается только примечание.

Получен «З-С» № 3. Рассказ оформлен неплохо.

Помылся в ванной.

27 марта, пт

Дома. Отпечатал примечания к СБТ. Отправил экз<емпляр> Борису.

Детгиз: сдали, наконец, в набор. Теперь опасность только со стороны Главлитовской цензуры.

Видели готовые иллюстрации — чудесно. Молодец Ильинский. Особенно хорошо управился с костюмами.

«Зн<ание> — сила»: поболтали с Варшавским. Отдал ему рассказик Лецзы. Дал для прочтения «Глубокий поиск». Поговорили о дальнейших планах — о «Забытом эксперименте» и о «Сумасшедшем мире».

Был с Ленкой в «Пекине», хорошо там посидели, потом зашли к дяде Кузе. Подарил ему подписку на Шолома и экз<емпляр> «Шести спичек».

28 марта, сб

Расpravлялись с Боровиком. Ребята не хотят его брать. Не знаю, вероятно, они все же правы. Отправил Борису журналы 2 и 3.

Дома пили спирт, который принес Витька <Гайдадымов>.

29 марта, вс

Сделал для Глуховой географические имена и названия.

Прочитал и подписал оценку для «Ситти Нурбая».

Сделал 1 стр. Нома (164). Остается еще шестьдесят. Сделано 114.

Сделал еще 1 стр. Нома. Пришел Володя Кузес, рассказывал о своих горестях и неудачах. Ошанину придется отстаивать теперь его квартиру.

Замучили гости — Валька Глухова, затем пинаклисты.

Серьезно повздорил с Леной. Вплоть до того, что она предложила, а я согласился уйти.

30 марта, пн

Приступил, наконец, и к текущей работе. Сделал Акутагава 15 стр. («Оиси Кураноскэ»).

Пришла раб<очая> верстка 2-го тома Ши Найаня.

Звонил Кассель, просил привезти копию СБТ.

Сделал 1 стр. Нома. Купил Эренбурга «Французск<ие> тетради» и «Принцесса Клевская».

С Ленкой помирился, как будто и не ссорился.

31 марта, вт

Дома. Сделал 1 стр. Нома.

Ездил к Касселю, отдал ему последний экземпляр рукописи СБТ. Поговорили о радиолоцировании Венеры. Прибежала зав<едающая> худ<ожественной> ред<акцией> и с воплями стала требовать вторую часть нашей рукописи, которую, оказывается, забрала Калакуцкая. Затем зашел разговор об «Извне». Кассель дал мне рецензию Андреева — неплохую, посоветовал изменить 3-ю главу и подать заявку на сборник рассказов. Подумаем. Болен. Болит шея, во рту противно.

Звонил Борису. Оказывается, «РСРР» ему очень понравилась, и он не знает, что исправлять. Но исправления тем не менее внес. Уже выслал. В конце будущей недели высылает «Возвращение». Сказал, что там какой-то сюрприз.

Прочитал Савченко «Черные звезды». Очень неплохо, на мой взгляд.

Да, Борис предложил систему обмена темами. Я мыслю так. Дается условное название (скажем, «Сумасшедший мир»), затем шифр (космос), действующие лица, сам сюжет.

Звонил Варшавский: послал мне на рецензию рассказ и роман. Спросил, как лучше назвать сборник — объявлен конкурс на название. Я предложил «Завтра — к звездам». Можно еще «Люди Земли».

Составил подробный план «Сумасшедший мир».

1 апреля, ср

Сделал 17 стр. Акутагава — «Обезьяна» и «Menzura Zoili». Меня сегодня купили — послали к Гимпелевич.

Сделал еще 1 стр. Акутагава. Пародию на Панферова все переписывали.

В биб<лиоте>ке вернули сборник амер<иканской> НФП. Марту <Черкасову> послали к Лейбович, а Лейбович — к Марте. Они минут 10 не могли разобраться, в чем дело.

Напечатал для Бориса сюжет «СМ», а также рецензию Андреева. Пусть-ка поработает.

Приходила Маркова, принесла № Infinity. Есть там рассказ Азимова. Получил от Бориса бандероль с «РСРР» — он сделал «Оранга» умнее, удлинил рассказ до 23 страниц. Я думаю, в таком виде рассказ пойдет.

Смотрел «Женитьбу» Гоголя.

Сделал 1 стр. Нома. Ленка ходила на Ice Review¹. Правил Борькин вариант. Будет называться «Испытание “СРР”».

2 апреля, чт

Сделал 12 стр. Акутагава — «Сомнение», потрясающая по силе новелла. Отредактировал и сдал на машинку «ИСРР». Написал Борису письмо, послал копию рецензии Андреева и сюжет «СМ».

Читал верстку быковских индийских рассказов — сплошные сопли. Дома смотрел «Место преступления — Берлин». НичеГо.

Из «З-С» прислали рассказ «Совмещенные точки» и 1-ю часть романа «Наземный бог». Первое — дерьмо. Второе — дерьмо в кубе. Читали всей семьей и ржали: братание широких масс студенчества с американскими миллиардерами.

Сделал 1 стр. Нома.

3 апреля, пт

Дома. Сделал 1 стр. Нома. Машка немного болеет. Я сижу за столиком в большой комнате, а она рядом на кровати бормочет над книжками.

Сделал 17 стр. Акутагава. Какая это прелесть — «Как ждал Бисэй»!

А. Е. Van Vogt «Asylum» — вампиры из пустоты подбираются к Земле. Они высасывают кровь и жизненную энергию. Великая Галактика охотится за ними и обманывает их: один из землян — репортер — сделан дубликатом Великого Начальника Галактики. Он дает себя заманить на галактический пост в системе и там разворачивается — захватывает всех вампиров. Вообще занудь.

Написал две разгромные рецензии: на «Наземного бога» и на «Совмещенные точки». Ух, идиоты проклятые!

Звонил Мишка, уговаривал поговорить с Быковым насчет завтрашнего совещания.

Смотрел «Ревизора».

4 апреля, сб

Не работал. Взял у Клавы «ИСРР». Провели профсоюзное совещание, Быков выступил со своей программой.

Ездил к Юрьеву, получил от него «My Best Science Fiction Story», сборник лучших рассказов лучших фантастов США. Предложил ему перевести «Illusionaries».

Дома выпили. Звонил Ольшанский, мы с ним встретились, были в «Пекине», тоже выпили.

¹ Балет на льду (англ.).

5 апреля, вс

Стал делать Нома, но оказалось ужасно похабно — как солдат в увольнении зажал дамочку в электричке. Пришлось пропустить целых две страницы. Это немного нарушит совпадение нумерации.

Всей семьей гуляли у Университета. Потом пили коньяк. Потом я читал вслух «ИСРР», и К. Е. <Ошаниной> очень понравилось. Вечером смотрел «Голубую стрелу» — ничеГо.

Isaac Asimov «Robot AL76 Goes Astray». Позитронный робот, предназначенный для работ на Луне, затерялся на Земле. У него от удивления перед обстановкой происходит какой-то клик в мозгу, и он строит дезинтегратор, который работает на батарейке от карманного фонаря, но разрушает целые горы. Затем по приказу перепуганного болвана он уничтожает дезинто и забывает о его устройстве.

Eando Binder «The Teacher from Mars». Марсианин приходит учителем в маленький американский городок. Его все ненавидят, травят, чуть не линчуют. Но он терпелив, хотя ему очень худо. Затем у него погибает сын в межпланетном патруле, и все начинают его любить.

6 апреля, пн

Сделал 13 стр. Акутагава. «Осень». Хотел сделать больше, но Быков попросил заняться с ним составлением личных планов. Затем я был на месткоме, а затем рисовал Малышеву карикатуры для газеты.

Сделал 1 стр. Нома — с большим трудом, очень хотелось спать.

Robert Bloch «Almost Human». Бандит завладевает роботом, убивает его создателя и «воспитывает» его. Робот помогает ему в преступлениях. Затем робот влюбляется в его любовницу и убивает его.

John W. Campbell, Jr. «Blindness». Профессор три четверти века старается разгадать секрет атомной энергии, но не может. Ему нужно лететь к Солнцу и заглянуть в его недра. Но как? Профессор изобретает сплав, в котором тепловое движение молекул не хаотично, т. е. магнитно. Оборудует этим холодильником (тепловая энергия сразу в магнитную, та в электрическую, а та в пространство) корабль и подлетает к Солнцу. Три года кружится вокруг Солнца 3 млн км, ослеп, но нашел способ термоядерной реакции. Но он думал переменить мир этим открытием, а мир уже изменен его сплавом.

Edmond Hamilton «The Inn Outside the World». Братство великих людей всех времен и народов, они встречаются вне пространства и времени и беседуют о делах. В земную жизнь категорически не вмешиваются.

7 апреля, вт

Сделал 1 стр. Нома. Сделал 10 стр. Акутагава (закончил «Осень» и начал «Историю одной мести»).

Ездил в «Изобрацион.», отдал Вельтману «Испытание СРР». Вельтман спросил, куда я девал первый экземпляр, и я намекнул, что 1-й экз. идет в сборник рассказов. Затем зашел в Детгиз. Касселя нет, у него сердечный припадок. Я отдал «Черные звезды» и рецензию Андреева и уехал. Вернее, ушел. Хотел зайти в кино, но не было подходящего. Накупил книг — «Новости военной техники», «Трансураниды», «Планеты и их наблюдение», «Радиоспектроскопия». И три толстых тетради. Надо все-таки привести стол и шкаф в порядок.

Henry Kuttner «Don't Look Now». Марсиане с зари человечества владеют Землей. За каждым человеком невидимо стоит марсианин. Один репортер заснял на инфракрасную пленку. Но марсиане хитростью отнимают у него это свидетельство.

Murray Leinster «The Lost Race». Некогда существовала раса хвостатых, создавшая мощные цивилизации в округе диаметром в несколько тысяч световых лет. Они покончили самоубийством, ибо нашли способ заглядывать в будущее.

Сделал еще 11 страниц Акутагава. Закончил «Историю одной мести». Какая необыкновенная силища!

Перебрал книги в шкафу. Да, надо срочно взяться за научную литературу.

8 апреля, ср

Сделал 17 стр. Акутагава («Ком земли»), написал 9 аннотаций. Купил 1,5 кг сосисок.

Звонили из «Вокруг света» — просили развернутую рецензию на НФ, появившуюся в последние годы. Позвонил в «З-С», предупредил Варшавского, что приду в пятницу. Интересно, он ничего не сказал ни о сборнике, ни о «ГП».

Дома ничего не делал, очень хотелось спать. На дворе холодный дождь. Смотрели «Трехминутный разговор» — такое Г!

9 апреля, чт

Сделал 1 стр. Нома. Сделал 17 стр. Акутагава: «Сад» и «Странная история». «Стр<анную> историю» я как-то не совсем понимаю.

John Taine «The Ultimate Catalyst». Изобретен препарат, вызывающий замещение железа в животных тканях магнием, т. е. превращающий гемоглобин в хлорофилл. Дело происходило в последнем диктаторском государстве. Изобретатель накормил этим препаратом диктатора и его банду, и они обратились в чудовищные грибы.

Сделал еще 1 стр. Нома. Вечер свободен без угрызений совести. Борис прислал «Забывтый эксперимент»! Смачно, написано неплохо. Во всяком случае, есть над чем поработать. Там есть некоторые несообразности, но они вполне устранимы.

Прочитал «ЗЭ» нашим, им не очень. Растянута 1-я половина, сжата вторая, несообразности и т. д. Ну, ничего. Мы всё сделаем.

10 апреля, пт

Дома. Сделал 1 стр. Нома. Сделал 12 стр. Акутагава — «Вальдшнеп». Смачно. Прочел до конца 4 части Нома. Читал «Кибернетику» Винера — любопытная мысль о мире, который движется по отношению к нам в обр<атном> напр<авлении> t [времени]. Читал «Машины-математики».

Ездил в «З-С», отдал Варшавскому рецензии, получил еще одну повесть, кажется — Г. Он рассказал, что за «СР» пришлось в «Мол<одой> гвардии» драться, редактор воспринял его как «бунт машин». Затем ездил в киоск «Мол<одой> гв<ардии>», купил «Невидимый свет» и «Аку-аку».

Затем поехал в «Пекин», выпили с Ленкой. По дороге купил томик Ростана. Легли спать в 11.

11 апреля, сб

Сверил 10 листов верстки Ши Найаня (II). Обедать ходил в диетическую. Хорошая столовая. Просто, вкусно и дешево.

Звонил Вельтман. Рассказ им понравился, берут в 7-й номер. Только не нравится «СРР» (как я и ожидал), и просят немного смягчить «ужасы».

Сделал 6 стр. Акутагава («Об отплате за добро»).

Вечером справляли день рождения Нины Евгеньевны <Фортунатовой>, пили и закусывали.

12 апреля, вс

Встал в 6, чтобы поспеть к 7.50 на «Свидание с дьяволом» в «Форуме». Очень неплохой фильм, превосходные кадры, смелые и умные люди. Рядом, оказывается, сидел Варшавский. После кино мы с ним прогулялись (я проводил его домой). Погода чудесная.

Он велел прислать вторые экземпляры рецензий и краткие биографические данные о себе и Борисе — для сборника.

Дома отоспался до 4-х, затем с грехом пополам сделал Нома 1 стр. Разленился ужасно. Совершенно ничего не хочется делать, хоть убей. Вечером смотрел «Огонек в горах». Неплохо для таджиков. Опять-таки фильм о смелых людях. Люблю.

A. E. Van Vogt «Project Spaceship» — дрянь. История создания первой космической ракеты.

Manly Wade Wellman «Space Station № 1». Чудовищный трив. Сидит между Марсом и Юпитером инженер, изгнанный сюда боссом за любовь к его дочери. Бандиты, борьба, инженер с помощью марсианина побеждает, босс его прощает и благословляет.

Jack Williamson «Star Bright». Неудачный вариант «Человека who could work miracles». Дар чуда вызвал удар в голову кусочка метеорита.

13 апреля, пн

Сделал 15 стр. Акутагава («Повесть об отплате за добро»). Смачно! Смачно! Начал было «В роще», но бросил. Готовился к лекции по ПВО. Лекции не было, что меня и обрадовало.

Сделал 1 стр. Нома. Читал «10 лет спустя».

14 апреля, вт

Дома. Сделал 1 стр. Нома. Читал «10 лет спустя».

Звонил Касселю. Он вернул в «150 тыс. шагов» сцены, где Быков идет по воде. Неплохо. Убеждал меня подготовить сборник. Но от Бориса все нет ответа! Ефремов хочет издавать еще один сборник старых рассказов. Но это он, по-моему, зря. Очень зря.

К половине одиннадцатого сделал первую часть «ЗЭ» — 7 стр. вместо 8 Борькиных. Не густо. И не знаю, хорошо или плохо.

Смотрел «Красные листья». Неплохо.

Письмо от Бориса — скверно ругательное.

15 апреля, ср

Сделал 10 стр. Акутагава («В роще»). Взял 2-й том «10 лет спустя». Звонили мне из какого-то «драма» — просят взять на рецензию перевод какой-то пьесы с яп<онского>. Моча, не вовремя. Работать не хочется. Читал «10 лет спустя». Письмо Борису.

Приехал Витька. Распили пол-литра, поболтали. Письмо от мамы. Звонил Борису, поздравил с днем рождения.

Ничего не делал, лег спать. Да, звонил Варшавский, пригласил от редакции «З-С» 23-го в Дубну.

16 апреля, чт

Сдал в печать 10 листов верстки Ши Найаня (т<ом> 2).

Сделал 10 стр. Акутагава («А-ба-ба-ба»). Звонил Вельтман, просил зайти и исправить два места в «ИСКР».

Прочитал лекцию по ПВО. Очень утомительно. Но, кажется, все довольны. Дома сделал 1,5 стр. Нома и пошел с Ленкой за покупками.

Прогулялись хорошо, погода стоит роскошная, великолепная.

Володя уезжает на министерскую коллегия и оставляет меня за себя. Придется быть в редакции.

Звонила Иоффе, предлагает нам «Тростник», хочет рвать с ИЛом. Я предложил Володьке, он будет говорить с Пузиковым.

17 апреля, пт

Сделал 1,5 стр. Нома. Звонили из издательства «Л<итерату>ры на иностранных». Они делают сборник НФ для иностранцев, берется наш «СР» и «6С». Я посоветовал обратиться к Вельтману за «ИСКР». Теперь думаю, правильно ли сделал. Ну, да наплевать.

Сделал 12 стр. Акутагава: «О-Гин» и «Некий социалист».
 Ездил к Вельтману, внес исправления, какие он просил в «ИСКР».
 Заходил на вокзал. За билетами пойду 20-го.
 Дома читал «Бражелона» ч<асть> III.

18 апреля, сб

Сделал 1 стр. Нома. Работать не хочется ужасно. Собрал профвзносы, уплатил 315 р., расклеил. Дочитал Дюма. Звонил Варшавский. Жигарев приглашает в понедельник к 6 ч<асам> на собрание в «З-С». Звонили из «Из<дательст>ва <литературы> на ин<остранных> языках». Зубовский б-р 21, «Изд. <литературы> на ин. яз.», Татариновой. Завтра надо непременно а) Добить хоть частично «ЗЭ». б) Написать рецензию на «Черных муравьев».

Варшавскому «ГП» не понравился. Как НФ это не годится, а как просто литература — сносно. Вот поди и разбирай.

Купил «Наследника из Калькутты».

Приходил Витька, было малость выпито. Читал Кима «Агент особого назначения». Мне понравилось, а тестю и теще очень не.

Завтра буду сидеть над «ЗЭ» и сделаю рецензию.

19 апреля, вс

Дома. Весь день дома. Но сделано только 8–11 стр. «ЗЭ» и рецензия. Зато посидел на славу, доволен собой. Звонил Спицын.

20 апреля, пн

Сегодня идти в «З-С». А 23-го — ехать в Дубну. Как бы это повернуть? Завтра поеду и куплю билеты.

Сделал 30 стр. Акутагава: «Диалог во мраке» и «Лошадиные ноги». Остались только «Зубчатые колеса» — 40 стр.

Помог Павлу переделать в верстке его рассказ. Есть все-таки хорошие рассказы у китайцев. Повесть Кима очень-очень понравилась.

Ездил в «З-С», собрания никакого не состоялось, Дубна тоже отменяется. Взял на рецензию Полещука и квазипереводные рассказы. Из рассказов есть ничего, автору нужно чувство меры и отказаться от заграницы.

Гуляли с Ленкой за продуктами. Измаялись вдрызг. И денег ушло.

21 апреля, вт

Весь день сидел и работал над «ЗЭ». Сделал 4,5 стр. Никак не получаются отдельные фразы. Прочел «Ошибку Алексея Алексеева» Полещука — очень неплохо, я бы сказал — чудесно.

Ездил за билетами в Л<енингра>д — обошлось в 314 руб. Дизель туда, мягкий обратно. Затем заехал к Юрьеву. Получил от него «Station in Space», сборник рассказов Ганна.

22 апреля, ср

Читал «В одном отделении» («Мол<одая> гв<ардия>» 3, 59). Понравилось. Звонил Касселю. Кассель напомнил насчет сборника — я предложил состав: «Извне», «Спонтанный рефлекс», «Человек из Пасифиды», «Испытание СКР», «Забытый эксперимент», «Шесть спичек». Хочу пропихнуть также «Гигантскую флюктуацию». «СБТ» уже в наборе, в конце мая ждут верстку. Затем на конкурсе «СБТ» должна получить какое-то поощрение. Далее, оказывается, меня ищет Платов — организывает выступление фантастов по радио. Кассель просил позвонить вечером и взять его телефон.

Сейчас иду к директору. Быков вызван в военкомат.

Нам таки, кажется, назначают Иванько. Быкова на два месяца берут на сборы. Делал верстку Ши Найяня. Звонил Фельдман, стонет, 4-го привезет все, что успеет.

<...> Борис прислал «Возвращение». Ничего, начало хорошее, надо его развивать.

23 апреля, чт

Сдал верстку Ши Найаня (21–40 л<истов>). Написал письмо Полещуку.

Было открытое собрание по вопросам снижения себестоимости. Ничего, довольно интересно.

24 апреля, пт

Дома. С утра и до позднего вечера сидел над «ЗЭ». Кажется, из стиля таки я выбился. Сделал до 23-й страницы, до того места, когда пойдут объяснения. Звонили из телевидения, предлагают собраться и обсудить вопрос о передачах по научной фантастике. Ездил покупать Наташке подарок (купил «Старика Хоттабыча») и зашел к Касселю. Там сидел Андреев. Поговорили, они спрашивали относительно «Извне». Затем я оставил заявку на сборник рассказов. Втиснул туда и «ГФ».

25 апреля, сб

Сделал 12 стр. Акутагава («Зубчатые колеса»). Был день рождения Наташки и Машки, очень шумно, я два часа развлекал девиц.

James E. Gunn «Station in Space». Сборник рассказов, объединенных одним сюжетом и одними героями. История создания американских космических станций ИС, о том, как плохо и как трудно в пространстве.

Ross Rocklynne «Quietus». Земля опустошена войной, живы только один парень и одна девица. И едва они собрались продолжать род людской, как прилетевшие из пространства пришельцы убивают парня, приняв его за неразумную тварь. Рассказ оставляет очень тяжелое впечатление.

Распили с родителями коньячок и шампанское.

26 апреля, вс

Закончил «ЗЭ». Получилось кругло 28 страниц.

Lewis Padgett «The Twonky». Некто откуда-то случайно попадает на завод, изготавливающий приемники, и, будучи не в себе, строит под видом приемника робота-ментора. Приемник покупают молодые супруги. Приемник пытается переделать их психологию, не удается, и он уничтожает их. В доме поселяется другая пара молодоженов.

Читал Диккенса и «Фьесту».

27 апреля, пн

Сделал 13 стр. «Зубчатых колес». Да, вчера сделал рецензию на «Алексея Алексеева». Дал читать теще, она согласилась.

Выговорил право не быть 30-го — сослался, что буду на экскурсии на БЭСМ. Ходили с Леной за продуктами.

Приехал Витька, долбил философию по энциклопедии. Завтра сдает. Письмо от Полещука.

28 апреля, вт

Сделал сколько-то Акутагава. Написал рецензию на рассказы из З–С. Получена «З–С» № 4. Сапарин «Суд над Танталусом» — моча. И Ленка говорит, что моча. У нас лучше это получается. Звонил Полещук. Жалуется, что Кассель не одобрил «Алексея Алексеева». Был семинар по докладу Хрущева.

Дома Витька, по случаю сдачи философии на 3, принес водки и пива. Выпили. Теща разругалась с И. М. из-за Наташки. Портит она девчонку ужасно, даже жалко. А сделать ничего невозможно. Вот жизнь проклятая. Была бы отдельная квартира, можно было бы бы бы бы. Моча.

Беседовал с Витькой о всякой всячине. Кстати, теперь до меня дошло, для чего делается кислородная продувка.

29 апреля, ср

Акутагава кончился. Теперь дело за Фельдман. Какой это ужас — «Зубчатые колеса»! Нигде не читал такого изображения, как человек медленно сходит с ума. Да. Чему учиться у Хемингуэя? Отсутствию велеречивости и напыщенности. А повторы и недомолвки? Это не совсем то, что мне нужно.

Отправил письмо и деньги на Черное море. Подправил «Глубокий поиск» и отдал на машинку. Убрал по возможности коньяк и духи. Осталась духота.

1–3 мая

С 30-го по 3-е был в Л<енингра>де. Не очень удачно — приехали Адочкины родители. Но мы поработали на славу. Окончательно сделали: «ЗЭ» и 3-ю часть «Извне» (хотя я не совсем уверен, что она и в таком виде понравится Касселю). Разработали подробный план «СБП». К 20-му Борис должен дать 1-ю главу. Раздраконили «Букет роз» — это я должен дать к 15 июня. Вот и все, кажется. Мама здорова, Ада — растит животик.

4 мая, пн

Приехал в 6 утра. Привез теще картофелечистки. Еще не опробованы. Звонили из 71-й школы — завтра в 2 часа моя беседа.

Сдал на машинку «ЗЭ» и «Извне». Звонил Касселю: у него вдруг «идея»: сделать так, чтобы Лозовский овладел механизмами. Идея, вообще говоря, неплохая, но потребовала бы кардинальной переделки повести, а этого делать не хочется.

Прословарил 2 стр. Нома. Думаю, 4-ю часть буду прословаривать, а потом сразу на машинку. Тогда, если по 2 стр. в день, останется 19 дней.

Получил с машинки «ГП». Ей-ей хороший рассказ.

Ходили с Ленкой за продуктами, и я совсем раскис.

5 мая, вт

Немного подготовился к докладу. Прословарил 2 стр. Нома.

Сделал доклад-собеседование на 45 м<инут>. Все довольны, ребята тоже. Купил «Каллисто» Мартынова. Затем с Ленкой взяли в «Пекине» жратву.

Поднес И. М. набор авторучек 170 р.

Пьянствовали, ели китайский чифань. Звонила Иоффе.

6 мая, ср

Ездил к Иоффе, взял у нее «Тростник». Договорился, что завтра подъеду в Инокомиссию, посмотрю материалы по японской НФ.

Вернулся в изд<ательст>во, за это время нашим начальником стал Иванько. Теперь я вспомнил, что слышал о нем от Левы Петрова. Взял с машинки «ЗЭ».

Взял в биб<лиоте>ке Пристли и «Fatal Decisions» немецких генералов.

Отдал на машинку все, что прислала Фельдман.

7 мая, чт

Ездил в Инокомиссию. Ничего интересного у Иоффе нет. Меня срочно вызвал назад Миша — директор хотел определить меня в Павильон советской книги. Я кое-как отбоярился, ругаясь и возмущаясь. Взял у Клавочки перепечатанное «Извне» и первые 5 рассказов Акутагавы. Все-таки Фельдман не литератор. Не понимает. Звонил Кассель — пришла верстка СБТ! Ура. Поеду после работы к нему.

Заехал к Касселю. Верстка почти вся, не хватает 13-го листа и примечаний. Опечаток много. Картинки не нравятся.

Вечером считал «Извне», собрал наш сборник почти полностью — не хватает только «СР».

8 мая, пт

Был на работе, ждал решения судьбы моей по Павильону сов<етской> книги. Кажется, пронесло. Читал верстку «СБТ».

Заехал в «З-С», отдал «ЗЭ». Как раз вовремя, большой ажиотаж вокруг Козырева. Читал рецензию Днепрова — Днепров ни черта не понял у Полещука. Написал тут же опровержение. Варшавский сообщил, что — увы! — «СР» из сборника в Мол<одой> гв<ардии> снят. Испугались, мозгляки.

Пришли Витька с Нелькой < Гайдадымовы>. Сидели и болтали. Я, кажется, болен, плохо себя чувствую и нет аппетита.

До часа ночи читал верстку «СБТ».

9 мая, сб

Читал верстку «СБТ», считывал с машинки Акутагава.

Был на обеде у Мишки, было довольно весело, хотя терзали предчувствия относительно домашних дел. К счастью, все обошлось благополучно.

Смотрел «Кремлевские куранты».

10 мая, вс

Дома. До 13.00 читал верстку «СБТ». Не нравится мне она. Сейчас мы бы ее сделали много лучше.

16 мая, сб

Как-то лень было записывать. Впрочем, ничего принципиально важного не произошло.

1) Подготовил и во вторник (12.05) сдал Касселю сборник рассказов. «СР» оттуда выкинул.

2) Дважды ездил к Варшавскому из-за «ЗЭ». Он считает, что в НФ диалоги и психология ни к чему. Пытался уверить, что, наоборот, очень даже к чему. Процесс продолжается.

3) Считаю Акутагава. Думаю, сумею сдать 22–23-го.

4) Пытаюсь бороться за «Тростник под ветром». Директор от нас бежит.

5) Наши уезжают 23-го. Ездил на вокзал, взял с книжки все деньги. 19-го беру им билеты. Впрочем, обе девки хворают.

6) Прочитал «Наш человек в Гаване». Смачно! Вот бы так писать! Сколько выдумки, остроумия, свежести!

Сегодня опять Акутагава. Да, из ИЛИЯ требуют фото — мое и Борькино. Я подобрал, но не знаю, можно ли с ними что-либо сделать.

21 мая, чт

Лентяйничая отчаянно. Взял для наших билеты — 4 туда и 1 для Ленки обратно, всего 1400 руб., моя месячная получка. Ништо, не сдохнем.

Открылся III съезд ССП. В хлопотах за «Тростник» пришлось мне вчера съездить в Кремль, потолкался по кулуарам, купил НФ: «Аргонавты Вселенной», «220 дней на звездолете», «Властелин мира» и «Последний полустанок», а также возжеленную «Быстрее мысли». Там встретил Кима и Касселя. Немного поболтали, Кассель сообщил, что Книготорг затребовал 250 тыс. экз. «СБТ». Радости мало, разве немного финансовой. Затем, Касселю понравились «ГП» и «ИСКР». Относительно «ЗЭ» сообщить ничего не успел, нас прервали, или я торопился — не помню.

Написал Борису и маме письмо.

Акутагава почти закончен, задержка вышла только со статьей. Статью смотрели Малышев, и Иванько, и Горбовский, исчиркали ее, однако все это по стилю, а не по существу.

Прелесть статья Паустовского в «Литературке»!

Приезжал Исикава с Иоффе, беседовали с Ляндресом. Ляндрес ни мычал ни телился, но после беседы я ему прямо сказал, что книга будет хорошо продаваться, и он ухватился за эту идею. Теперь он на нашей стороне.

Прочитал «Властелин мира» — г... . Томка купила мне «Операцию “Цицерон”». Читаю.

Тружусь над статьей к Акутагава.

22 мая, пт

Пасмурно, $t = 5^{\circ}$. Холодно и зябко.

Сдал на машинку статью Акутагава. Петит и заголовки тоже, еще вчера. Написал письмо Пинус. Во вторник в 17.30 свидание в Телестудии с Гальпериной.

Сдал Акутагава.

Побывал на приеме в Доме Дружбы. Накано и Исикава пили чай и беседовали со старшими, а я и молодые сидели в углу и присутствовали.

Дома звонил Варшавский. Не то в № 8, не то в 9-м нам дается бенефис: два рассказа, портреты, биография. Жигареву «ЗЭ» понравился, Варшавский тоже изменил свое мнение. Все дело, конечно, в том, что это была инерция взгляда на НФ как на лит<ерату>ру низшего сорта. В пятницу поеду к ним. Нужно торопиться с «Букетом роз». Что-нибудь короткое и очень оригинальное.

23 мая, сб

Дома. Все томятся перед отъездом.

Уехали, слава богу. Провожающие и отъезжающие с облегчением вздохнули. Письмо Борису относительно предложения Варшавского и мысль: что, если построить сюжет «БР» по акутагавской «В чаше». По 4–5 страничек:

- 1) Что сказал комиссии Мирового Совета начальник станции на Плутоне.
- 2) Что рассказал друзьям поэт Асмодей Филиппе?
- 3) Что рассказала жена? (Кому?) Возлюбленному?
- 4) Что рассказал сам командир?

Идея очень заманчивая. Попробуем, посмотрим.

Выпили, смотрели по ТВ детектив «Домик на болоте» и «Под небом Мексики». Ничего, интересно.

Читаю «Последний полустанок» Немцова.

24 мая, вс

Был с Малышевым на воскреснике, ломали сарай. Выпачкались ужасно. Вернулся ок<оло> 14.00, выпил коньяку, позавтракал и с наслаждением помылся в ванной под душем. Смачно.

Получил бездельное письмо от Бориса, а также рукопись в школьной тетрадке от ученика 8б класса 71-й школы Брычкова Юрия, 15 л<ет> «Изобретение профессора Мингрона». Написано грамотно, хотя все сплошная Хэллобобщина. Написал развернутый ответ.

Смотрел «У дальних берегов», про героя-азербайджанца Мехти, дравшегося у Триеста. Смачно. Сма-а-ачно!

Смотрел «Евгения Онегина». Очень хорошо. Ошанин говорит, что фильм убьет оперу.

25 мая, пн

Все утро ничего не делал.

Скандаличик из-за воскресников и из-за Боровика.

Обсловарил три страницы Нома. Пожалуй, пора приниматься за собственно перевод. «Акутагава» в производственный отдел.

Пытался что-либо сделать с «Веткой глицинии», но вотще.

26 мая, вт

Дома. Сделал 2 стр. Нома. Хватит. Остальное пусть делает Рябкин. Завтра напишу ему. Ездил к [иероглиф «Ру» или «Лу»], но она сошла с ума. Скверно. Очень жалко.

Ездил в телестудию, встречался с Гальпериной и Андреевой. Мне поручают составить сценарий для 3-й встречи НФантастов на тему «Туманность Андромеды». Я потребовал иностранные научно-фантастические фильмы. Кажется, дадут. Передача состоится 13.06. Проект сценария доставить Гальпериной в пятницу.

Затем, Андреев предлагает свое предисловие к сборнику. Я согласился.

Поехал к Юрьеву. Протрепались с ним до половины десятого. Он купил мне два сборника SF и оставил за мной Favorite Stories. Всего на 65 руб. Вот и славно.

С «ВГ» опять ничего.

27 мая, ср

Нашел. Нужно не «что рассказал», а просто заголовки: «Поэт и ботаник Асмодей Филиппе», «Артистка Симона Малышева», «Командир корабля Михаил Малышев».

Закончил первую новеллу «ВГ». Это уже нечто. Читал Сарояна — какая прелесть! Сдал на машинку «Тростник». Звонил Коршикову, я взял с машинки его перевод «Кота», ничего. Наверное, будем заключать договор. Написал письмо Рябкину с приглашением. Ездил к Спицыну, выпили и поболтали.

28 мая, чт

Весь день писал вторую новеллу и к концу дня закончил. Осталась последняя, самая сложная.

Звонил Вельтман, пришли гранки. Завтра поеду к нему. Итак, на завтра у меня: а) телевидение, б) Вельтман, г) Захарченко, д) Варшавский. Нужно будет срочно набросать план сценария.

Сценарий набросал на трех страницах.

Письмо от Бориса. «ЧизП» в «Неве» одобряют. Возможно, возьмут. Прислано научное обоснование «ЗЭ» и пародия на Бр. С-гацких.

Завтра с утра пораньше обстригаю письма Борису и Ленке. Звонил Касселю, завтра нужно зайти и взять верстку. Это я сделаю, уйдя от Вельтмана.

29 мая, пт

Вчера вечером пришла телеграмма от Ленки. Будет она с заморышем Алексеем <Фортуновым> завтра с поездом 2 в 10.36. Очень неожиданно, но я рад, что Ленка будет дома.

Написал письмо Борису.

Побывал на телестудии, сценарий понравился. Был у Вельтмана. Гранки «ИсСКР» ничего. Исправлений почти нет. Вельтман умоляет написать для них повесть. Да, оказывается, мы в № 7. Был у Касселя, просмотрел 13-й лист, забрал верстку для Бори. Потерял где-то 25 руб. — досада. Купил биографию Эйнштейна. Очень хорошая книга. Ездил в Мол<одую> гв<ардию>, но никого там не застал. Был у Варшавского, договорились, взял доработать «ЗЭ». «ЗЭ» принести ему до 5.06, «БР» — до 15.06. Попробуем. Хочу выбросить и букеты, и ветки. Это сопли. И так достаточно сентиментально. М<ожет> б<ыть>, «Частные допущения»?

Закончил отработку «ЗЭ».

30 мая, сб

Дома. Встретил Ленку. <...> Вечером ходили с Ленкой в «Пекин», хорошо повеселились.

31 мая, вс

Ездили с Ленкой в Пионерскую искать заморышу дачу. Нашли, Ленка говорит, что хорошая. Погода была славная, почти летняя. Перепечатал на машинке первую новеллу, кое-что подправил во второй. Третью будет делать Борька. Весь рассказ назвал «Частные предположения». Очень одолели гости, прямо деваться некуда, ни отдохнуть, ни работать. Одна Надежда как рыба в воде. Тоска.

1 июня, пн

Отпечатал вторую новеллу. Полагаю, завтра отправлю Борису. Звонил Рябкин. Увидимся в среду. Сегодня нужно будет начать работу с Нома. Если по 5 листков в день, то к 1 июля вчерне закончу. А там что бог даст.

Читал Ленке «ЧП». Ей очень понравилось, я даже удивился. Смотрели «Тану» — албанский фильм. Дерьмо.

2 июня, вт

Дома. Написал письмо Борису, просил прислать 3-ю новеллу к 10-му. Если придет к 15-му — будет хорошо. Побегу сдавать письмо.

Письмо отослал. Заодно съездил на кораблике в ЦПКО и вернулся на метро. Славная погода.

Поел, читал Эйнштейна.

Сделал 5 стр. Нома. Чудовищно! Сидел с 4-х до 11-ти с перерывом 2 часа на кино.

3 июня, ср

Отпечатали на машинке весь 1-й том Исикава. Отдал второй. Сделал 5 стр. Нома. Смачно, на работе. Сегодня идет значительно легче.

Просмотрел ок<оло> 30 стр. Исикава. Есть нелепости, надо устранять.

Дома смотрел «Птица-камень», фантастико-приключенческую пьесу. Начало 4, середина 5, конец 1.

Сделал еще 2 листа Нома. Тяжко. Лег в 12.30.

4 июня, чт

Сделал 2 стр. Нома. Звонил Кассель, просит встречи, чтобы а) отдать 500 р., б) сообщил, что проект договора составлен (но на 1500, как для начинающих), в) что из СБТ вырезано еще 16 строк. Неприятный осадок.

Сделал еще 3 стр. Нома. Устал. Купил 2 кг сосисок и 0.7 колбасы.

Сделал еще 2 стр. Нома. Всего 7.

5 июня, пт

Дома. Позвонил Кассель, позвал к себе читать сверку. Пришел в Детгиз, читал сверку «СБТ». Кассель вернул «книгу». Был свидетелем того, как били засранца, уничтожившего савченковские «Черные звезды». 2-ю премию получил «ГЧ», 3-ю — мы. 1-ю — Ефремов. Затем заехал в «З-С», Варшавского не было, и я отдал «ЗЭ» Жигареву. Он спрашивал, скоро ли я принесу второй рассказ и фотографии.

Письмо от Бориса — его фото и благодарность за верстку. Послано 4-го, видимо — рано утром. Думаю, 4-го же он получил и «ЧП».

Сделал 4 стр. Нома. И то 4-ю еще не закончил — сидит у И. М. гость и не дает работать. Придется поздно работать, а ведь страшно хочется спать.

<...>

Плохо. Ничто даже не радует.

6 июня, сб

Сдал сверку 2-го тома Ши Найяня. Написал письма Пинус и Иммерман, фотографировался. Заехал к Касселю, взял 8 л. сверки.

Сделал 2 стр. Нома. Вечером напился до чертей у Гайдадымовых, так что не помню, как попал домой. <...>

7 июня, вс

Сделал до 30 стр. Нома. Читал сверку «СБТ».

8 июня, пн

Отправил маме письмо и 300 руб. Сделал 5 стр. Нома. Взял в б<иблите>ке Тушкана «Джура». Хорошо написано.

Приехали Рябкин и Лобачев. Мы пообедали, выпили коньяку.

Звонил Варшавский, спрашивал, как дела. Звонила Гальперина, просила ехать завтра в Белые Столбы в фильмофонд. Звонил Кассель, звал взять последние 2 листа верстки. Взял.

9 июня, вт

Ездил на телецентр, пропуска не оказалось. М-м-мать! Я взъярился и уехал. Поеду с Касселем на выставку НФ графики в Дом журналистов. Звонил Черненко. Говорят, что собираются переиздать «Пепел Бикини», она просит дать аннотацию.

Ходил на выставку Соколова Андрея Константиновича. Три десятка хороших картин о Человеке в Космосе. Фантазии у него много, он архитектор и любит НФ. Говорили с Касселем, что жалко, что не он иллюстрировал СБТ.

Сделал 5 стр. Нома.

Читал верстку СБТ.

10 июня, ср

Читал Исикава. Отправил Татариновой фото для заграницы. Сделал 5 стр. Нома. Отправил Черненко аннотацию на «Пеп<ел> Бик<ини>». Закончил чтение сверки СБТ. От Бориса ничего. Посылаю завтра телеграмму. Телеграмму послал прямо по телефону.

11 июня, чт

Сделал 5 стр. Нома — 50 стр. Это четверть, будем считать, что полное — 200 стр. Прочел «Путешествие на американский Парнас» («Новый мир», 1, 48). Очень смачно. Звонила Гальперина, в Белые Столбы в следующий вторник. А если Ленка выходит в этот день? Надеюсь все же, что в понедельник.

Пришел от Бориса пакет: вариант 3-й новеллы, кусок самостоятельно-Борисового «ЧП» и 1-я глава СБП. Все очень мило.

12 июня, пт

С утра до 11.30 перепечатал 3-ю новеллу. Затем помылся и отправился в «Наука и религия». Там принят очень хорошо. Но, по-моему, струсят они. Сплавлю им на пробу «ГФ».

Зашел к Касселю, вернул ему сверку и рукопись этого поганого рассказика. Дал на него короткую аннотацию.

Поехал к Варшавскому, отдал ему «ЧП» и фотографии. Взял для потехи рукопись А. Колпакова «Гриада». Уж не тот ли это Колпаков, который «Хэлло-боб» от «Советской России»?

Жара тошнейшая.

Сделал 5 стр. Нома. Смотрел «Ветер» — очень хорошо, только слишком много болтовни. Устал очень.

13 июня, сб

Послал письмо Борису. Была Иоффе.

Звонил Варшавский, сказал, что рассказ «ЧП» нравится. Ура. Кое-что нужно дополнить-подчеркнуть.

Вечером пили, настроение не очень.

14 июня, вс

Очень страдал после питья. И Ленка тоже. Подправил «ЧП».

Читал Колпакова «Гриада». Ничего, обработать можно. Средний романчик, конечно. Возил Ленку в больницу, ее не приняли. Говорят, у нее ничего нет.

Была смачная гроза.

15 июня, пн

Ленку оставили дома, ничего определенного нет. Сделал 5 стр. Нома. Съездил к Варшавскому, отдал ему окончательный вариант «ЧП». Отредактировал ~ 30 стр. Исикава. Звонила Татаринова, просила привезти не-зернистую фотографию. Ну, слава богу, теперь месяц отдохну от литературных дел. Ни к кому больше звонить не буду, чума на все их дома. Буду работать с Нома и читать Диккенса. Кстати, читаю сейчас Сарояна «Приключения Весли Джексона». Весьма неплохо. Смачно.

Сегодня выпили водки.

16 июня, вт

Ездил в Белые Столбы. Разумеется, толку никакого. На эти фильмы требуется разрешение министра. Возвращался обратно на электричке, по дороге ужасная грязь, я испачкался.

Сделал 5 стр. Нома.

17 июня, ср

Сделал 5 стр. Нома. Написал предложения на Иммерман и Коршикова. Сделал 2 листа Исикава.

Читаю Диккенса (очень успокаивает) и Сарояна «Весли Джексон».

Звонил Кассель, сообщил, что «СБТ» подписывается в печать.

18 июня, чт

Сделал 5 стр. Нома. И 2 листа Исикава. Возились с Сашкой и сломали стул. Дома пришел мне пакет из Детгиза: договор на Сборник рассказов и бухгалтерский бланк при том. Не понимаю только, почему назвали «Шесть спичек». Надо явно «Глубокий поиск».

Опять заболел этот тип Алексей. И вдобавок приезжают Сергей Михайлович <Ошанин> с супругой. На Ленку жалко смотреть. Если бы можно было куда-нибудь уехать! Жаль, очень жаль. Все надоело, устал. Звонил Варшавский, сказал, что Жигарев «ЧП» одобрил и просил дать рассказ для № 12. Звонили из «Вокруг света». Думаю, мне удалось дать им понять, что не хочу иметь с ними дела.

19 июня, пт

Сделал 5 стр. Нома (80). Написал письма маме, Борису и Ек<атерине> Ев<геньевне> и детишкам. Оформил договора, подписал за Бориса. Все в порядке. Поеду сдавать в бух<гал>терию.

Съездил в Детгиз. Отдал документы в бух<галтерию>. Зашел к Касселю: оказ<ывается>, «СБТ» у цензора. Очень страшно. Взял почитать «Сокров<ище> Громов<ой> Луны». И на рецензию — «Пропавшая Луна» Поля Кейпона, перев<од> Л. Жданова. Но я думаю — это не перевод, а мошенничество.

20 июня, сб

Сделал 2 листа Исикава. Считается, что Исикава откроет серию «Зарубежный восточный роман». Еще бы да с предисловием Эренбурга... Заехал к Юрьеву, он отдал мне перевод «Силы иллюзии» Кларка и на 60 руб. два НФ. Один уже был у меня в свое время, и я его не прочитал. Другой — что-то об атлантах. Ничего, ничего. Я рад. Затем с Ленкой были у Спицына. Много пили, мало ели. Вернулись поздно.

21 июня, вс

Сделал 5 стр. Нома. Прочел перевод «Силы иллюзии» — скверно Юрьев переводит. Но ничего, ничего.

Дал рецензию на «Гриаду» Колпакова. Гости уехали.

Приходили Витька с Нелькой, выпили 2 бутылки «Тетры».

Позвонил Борис. У него родился мальчик — недоношенный, 8 м<еся>цев.

22 июня, пн

Письмо от мамы. Она очень скучает, жалуется на засилье молодежи <...>. Мне ее очень жалко, но не знаю, что делать. Наши здесь, конечно, закричали: «Пусть едет сюда!» Но это муть и фарисейство. Конечно же, никому, кроме меня, она не нужна, бедняжка. Вот черт, научился же я говорить: нужна, не нужна! Тещино воспитание.

Сделал 5 стр. Нома и 2 листа Исикава. Директор велит ехать на выставку, а я не желаю. Вот так-с. И не буду желать, заметьте.

Прочитал «Последнюю командировку» Чуковского — очень похож на Казакевича. Читаю «Весли Джексона». Все больше слез и печали в нем. Получил в биб<лиоте>ке «Best Science Fiction».

23 июня, вт

Написал письма: маме, детям, Борису. Сейчас придется тащиться в издательство, утверждать Мао Дуня. Дерьмо, сколько теряется времени, однако!

Был на дирекции. Мао Дуня утвердили, заодно я испросил разрешение на недельную работу с Иоффе. Смачно! Завтра еду к 11.

Сделал 5 стр. Нома. Сделал рецензию на «Пропавшую Луну». Дочитал Сарояна. Ах, прелесть какая, просто прелесть!

24 июня, ср

Ездил к Иоффе, на славу поработали — вычеркнули из Исикава самые тошнотные места и повторения. Читал статью Исикава из «Асахи-Симбун» — дерьмовая статья, съезд ругает, нашу литературу ругает. Да ничего.

Сделал 5 стр. Нома.

Читал американское НФП — уже запишу.

25 июня, чт

Сделал 5 стр. Нома. Получились № 6 «Знание — сила» и «Техника — молодежи». НФ нет, но номера интересные. Особенно интересна статья Глебова о механохимии. А у меня идея нового рассказа «Семена». Посмотрим.

Еду к Касселю.

Был у Касселя. Поболтали, поехал за деньгами в Трудрезерв<издат> 188 р. Затем выкупил очередные книжки Диккенса, Толстого, Чапека, Гвена и Франса.

Вечером ходили в кино — «Неподдающиеся».

26 июня, пт

Сделал 5 стр. Нома. Ездил к Иоффе, немного поработали. В очередной раз приеду в понедельник. Ездил к Варшавскому, отдал ему «Гриаду». Оказывается, «Гриаду» печатают в альманахе «Дон», а отдельно ее будет издавать Мол<одая> гвард<ия>. Отдал также «Силу иллюзии». Договорился, что Варшавский известит меня, когда будут иллюстрации. Приехал Ошанин-младший, опять в доме бардак. Уехали с Ленкой к Вале <Глухой>. Выпили, вернулись поздно.

27 июня, сб

Сделал 5 стр. Нома. Написал Борису письмо и получил от него. Хочется есть, жду Крысу. Повеселились у Нельки.

28 июня, вс

Сделал 5 стр. Нома. Ходили на промышленную выставку. Жарко и скучно.

29 июня, пн

Сделал 5 стр. Нома. Ездил к Варшавскому, он предложил мне кое-что переделать в «ЧП». Затем был у Иоффе. Кажется, надоело мне уже возиться с «Тростником».

30 июня, вт

Дома. Сделал 5 стр. Нома. Ленка купила мне новую ручку. Но пишет она неважно и пущает сок. Сменил ленту на машинке. Сейчас отдохну и буду перепечатывать «ЧП».

Перепечатал без 4-й стр.

1 июля, ср

Сегодня Нома делать не буду. Очень устал. Оставлю на работе. Перечиркал половину 1-й части Исикава, сдал на машинку. Допечатал «ЧП», отдал Варшавскому. Получилось 19 стр. Не очень доволен. Видел обложку к № 8 — Полесов тащит Ивана Ивановича. Варшавский на обложку разозлился. Очень хочется есть. Сегодня вечером буду принципиально читать Диккенса.

[Далее с отступом очень крупным почерком.]

3 июля 1959 г.

Так вести дневник и скушно, и тяжело.

Перехожу на систему отчетов.

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1959–1960

Механохимия.

Аденозинтрифосфорная кислота — АТФ.

Полиакриловая кислота.
 Биоточная рука: Кобринский, Брейдо, Гурфинкель.
 Двигатели: Качальский — Израиль.
 Кун, Тюркауч — Швейцария.

Осараги Дзиро. Лауреат «Гэйдзюцуин-сё» — премии Академии искусства (53–55 гг.). «Киго», «Возвращение» — 10–15 а<вторских> л<истов>.
 Эдогава Рампо. Edgar Allan Poe.

Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, 1958–1959

Stuart Don A. «Who Goes There?»

[Значок, соответствующий сборнику «Adventures in Time and Space».]

4 [Оценка АНС по пятибалльной шкале.]

В Антарктиде найден м<еж>/п<ланетный> корабль и в нем замерзшее существо, которое, оттаяв, начинает разбой в лагере полярников. Оно обладало способностью замещать своей протоплазмой протоплазму землян, не изменяя их внешнего вида.

Heinlein Robert A. «The Roads Must Roll».

[Значок, соответствующий сборнику «Adventures in Time and Space».]

2

Забастовка рабочих движущихся тротуаров в городе будущего.

Phillips A. M. «Time-Travel Happens!».

[Значок, соответствующий сборнику «Adventures in Time and Space».]

4

Две дамы в 1915 году, гуляя по Версалию, попадают на несколько минут в 1789 год. Это происшествие выдается за действительно имевшее место.

Williams Robert Moore «Robot's Return».

[Значок, соответствующий сборнику «Adventures in Time and Space».]

3

Раса роботов, обосновавшихся на далекой системе, ищет своих предков. Экспедиция попадает на Землю, вымершую в результате эпидемии. Но роботы не могут поверить, что найденные ими статуи людей изображают их творцов.

De Camp L. Sprague «The Blue Giraffe».

[Значок, соответствующий сборнику «Adventures in Time and Space».]

О влиянии радиоактивности на гены человека и животных.

Marlowe Webb «Flight into Darkness».

[Значок, соответствующий сборнику «Adventures in Time and Space».]

О создании первого космического корабля.

Van Vogt A. E. «The Weapons Shop».

[Значок, соответствующий сборнику «Adventures in Time and Space».]

3

В далеком будущем тиранов от безграничного зла удерживает могущественная организация сверхчеловеков, овладевшая всеми тайнами знания. Это организация не вмешивается в историю, но не дает тиранам окончательно задавить народ и понемногу организует силы демократии.

Bates Harry «Farewell to the Master».

[Значок, соответствующий сборнику «Adventures in Time and Space».]

4

Неведомо откуда прибывает космический корабль, из которого выходит человек и статуя-робот. Какой-то маньяк убивает пришельца. Статуя-робот оказывается хозяином и создателем и корабля, и пришельца. Она умеет по звукам воссоздавать целые организмы.

Miller R. De Witt «Within the Pyramid».

[Значок, соответствующий сборнику «Adventures in Time and Space».]

3

Двое открыли в Юкатане пирамиду, грандиознее, чем пирамида Хеопса. Ее построили пришельцы с планеты с огромным эксцентриситетом, чтобы дожить в анабиозе до очередного противостояния с Землей в 2040 г.

Hasse Henry «He Who Shrank».

[Значок, соответствующий сборнику «Adventures in Time and Space».]

3

Идея: Солнечная система — атом, звездные острова — молекулы, составляющие ультрамакроскопический мир, который в свою очередь является частью атома еще большего мира. То же и об атомах микромира. Изобретен препарат, заставляющий человека сжиматься непрерывно, и этот человек проходит бесконечное число миров в последовательности от микромира к ультрамикромиру и глубже, и глубже, наблюдая удивительные вещи.

William Morrison «Country Doctor».

[Значок, соответствующий антологии «Star Science Fiction Stories».]

4

Доктор Мельтцер на Марсе вызван в космопорт для лечения невиданного чудища, привезенного с Ганимеда. Ему пришлось проникнуть в желудок животного, где он чуть не погиб, ибо чудище закрыло пасть, а желудочный сок разъедал костюм. Выяснилось, что чудище просто беременно.

Kornbluth C. M. «Dominoes».

[Значок, соответствующий антологии «Star Science Fiction Stories».]

3

Делец, с помощью аппарата, изобретенного ученым, которого он содержал, проникает в будущий год и получает информацию о сроках наступления кризиса. Он возвращается и обогащается. Ученый просит своей доли, тот отказывает, и ученый убивает дельца.

Del Rey Lester «Idealist».

[Значок, соответствующий антологии «Star Science Fiction Stories».]

4

В спутник попала бомба. Остался в живых единственный человек — мечтавший завоевать пространство. На Земле вспыхнула война, и когда он очнулся, всё на Земле в пожаре. Он все проклял, сбросил на Землю куда попало бомбы, сел в ракету и улетел навсегда.

Leiber Fritz «The Night He Cried».

[Значок, соответствующий антологии «Star Science Fiction Stories».]

4

Живет на Земле распутник и забияка. Из галактического центра посылают агента исправить его. Агент имеет 7 щупалец и способен к трансмутациям. Он принимает вид женщины и доводит распутника до истерики.

Simak Clifford D. «Contraction» («Устройство»).

[Значок, соответствующий антологии «Star Science Fiction Stories».]

4

Мальчик-сирота живет в работниках у жестоких стариков. Однажды он находит межпланетный корабль с умирающими. Они дают ему на прощание алмаз, который делает жестоких добрыми.

Wyndham John «The Chronoclasm».

[Значок, соответствующий антологии «Star Science Fiction Stories».]

4

В 21-м веке для изучения истории применяют «исторические машины», при помощи которых можно вернуться в любое время. Девушка является к своему пра-пра-прадеду, выходит за него замуж, беременеет и затем вынуждена вернуться.

William Tenn «The Deserter».

[Значок, соответствующий антологии «Star Science Fiction Stories».]

5

В войне между Землей и Юпитером один из юпитерианцев сдался, ибо он ненавидел милитаризм. Но, узнав, что земляне тоже милитаристы, он покончил жизнь самоубийством. Он был в гигантском танке, покрытом льдом, представлял собой одеяло с несколькими мозговыми центрами. Очень хороший story. Дышит метаном, пьет аммиак. Герой — был в плену у юпитерян, научился телепатически разговаривать с ними через отросток-антенну, которую ему приставляли ко лбу.

Gold H. L. «The Man with English».

[Значок, соответствующий антологии «Star Science Fiction Stories».]

4

После операции на черепе пациент стал ощущать наоборот — свет за тьму, холод за тепло, твердое за мягкое и т. д. Он подвергся вторичной операции и почувствовал запах цвета.

Merril Judith «So Proudly We Nail».

[Значок, соответствующий антологии «Star Science Fiction Stories».]

5

На корабле отправляются на Марс пятьсот колонистов. Жена отвергнута медиками, муж не знает, она боится сказать ему. Она сообщает, что не летит с ним, он взбешен, считая ее изменницей, и улетает, так и не узнав причину. В момент взлета она прорывается к кораблю и гибнет в пламени ракеты.

Bradbury Ray «A Scent of Sarsaparilla».

[Значок, соответствующий антологии «Star Science Fiction Stories».]

4

Не очень понятно. Кажется, двое пожилых людей, одна — ворчит, реалистка, другой вспоминает непрерывно о прекрасных прошлых днях. И силой его воображения возникает в ноябрьской ночи летний вечер. И он уходит туда.

Asimov Isaak «Nobody Here But...».

[Значок, соответствующий антологии «Star Science Fiction Stories».]

4

Строили думавшую машину на новых основах, а построили самовоспроизводящее чудище. С трудом удалось утихомирить. И девица вдобавок.

Sheckley Robert «The Last Weapon».

[Значок, соответствующий антологии «Star Science Fiction Stories».]

4

Трое ищут на разрушенном Марсе склады марсианского оружия, чтобы продать их на Земле. Они находят оружие, находят синтетических солдат, убивают друг друга, остается третий, который открывает «последнее оружие» — бездонную пасть, пожирающую всякую протоплазму.

Henry Kuttner, C. L. Moore «A Wild Surmise».

[Значок, соответствующий антологии «Star Science Fiction Stories».]

4

Человек живет одновременно в двух мирах — когда спит — в мире жуков, когда бодрствует — в нашем мире. Психологи того и другого мира одновременно стараются вылечить его и гипнотизируют друг друга — наш видит мир жуков, а жук — наш мир.

Murray Leinster «The Journey».

[Значок, соответствующий антологии «Star Science Fiction Stories».]

3

Юноша из колледжа решает повидать свет, нанимается на грузовик к Плутону, ничего, по сути, не видит и возвращается на Землю с молодой невестой.

Golding William «Envoy Extraordinary».

[Отдельное издание.]

4

Изобретение паровой машины, пороха и компаса в древнем Риме. Изобретатель отправлен послом в Китай.

Isaak Asimov «Lenny».

[Значок, соответствующий журналу «Infinity Science Fiction».]

4

«US Robots and Mechanical Men, Inc.» строит позитронные роботы. Один робот случайно получился идиотом. Старая дева — роботопсихиатр — привязывается к нему и делает своим сыном.

Knight Damon «The Enemy».

[Значок, соответствующий журналу «Venture magazine».]

4

Девушка на планетоиде ищет руды. Натывается на чудовище в панцире и случайно будит его. Чудовище ломает ее трактор. И вот они остаются лицом к лицу — существа разных человечеств, ненавидящие друг друга. Но они помогают друг другу выпутаться из беды.

Ottum Bob «Chrip Me a Story».

[Значок, соответствующий журналу «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».]

3

Развивается легенда, что темы глупых научно-фантастических фильмов и «уэстэрнов» Голливуда их авторам напевают пьяные голуби.

Beaumont Charles «The Vanishing American».

[Значок, соответствующий журналу «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».]

5

Американский клерк с годами становится таким серым, что его перестают замечать. Его не видит ни семья, ни он сам в зеркале. И только совершив необычный поступок — влез на статую льва — он снова становится видимым.

Henry Kuttner, C. L. Moore «Two-Handed Engine».

[Значок, соответствующий журналу «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».]

4+

В отдаленном будущем люди потеряли совесть, понятие зла и добра, и чтобы общество не распалось, счетные машины предложили фурий-роботов, карающих неукоснительно. Начальник машин становится убийцей и в нем просыпается дремавшая века совесть.

Clingerman Mildred «The Last Prophet».

[Значок, соответствующий журналу «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».]

4

Светский дядя заметил, что каждый раз в какой-то час 20 минут ровно люди замолкают. Он узнал, что это значит: бог, уходя от людей, поставил им в головы часы, чтобы в эту паузу они могли прислушиваться к нему. Но люди забыли об этом, и светского дядю никто не хотел слушать.

Arr Stephen «Cause».

[Значок, соответствующий журналу «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».]

5

Некий профессор математики научился создавать усилием мозга ситуации, ему желательные. Но каждая такая ситуация являлась следствием, которому немедленно автоматически возникала причина. Так за столом он умственным усилием разбил рюмку в руке соседа-шантажиста, и сейчас же у него в руке оказался револьвер, а пуля, которая разбила рюмку, оказалась в плече у шантажиста. Игра в покер, самоубийство, пожары на складе, чтобы обеспечить выигрыш.

Dickson Gordon R. «Our First Death».

[Значок, соответствующий журналу «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».]

3

Колония землян на другой планете. Холод, мрак. Умирает девушка-мечтательница. Ее анатомируют, чтобы вскрыть причины смерти. Слабое сердце, и только. Анатомирующие — вожди колонии — холодны, как лед.

Swain Dwight V. «The Transposed Man».

[Отдельное издание.]

3

Вселенной управляет земное Федеральное Пр<авительст>во. Против него действует общество Механиков. Заговоры, убийства, переселение из тела в тело, любовь, подглядывание сквозь стены, мозговой проекционный аппарат. Сумбурно и по-мещански пошло. 97 p.

Vernon Roger Lee «Battle».

[Значок, соответствующий сборнику V. Lee.]

3

Описание участия в истреблении одного города пилота реактивного истребителя. Написано динамично и живо, но тема дрянная.

«Incident in Space».

[Значок, соответствующий сборнику V. Lee.]

4

Патрульный корабль на окраине владений землян встречается с враждебным кораблем. Неизвестные читают мысли на расстоянии и обладают высшей техникой истребления. Предлагают сдаться, но земляне их обманывают — на словах одно, а поступают по другому. Неизвестные терпят поражение, ибо не знают, что такое обман.

«Xenophobia».

[Значок, соответствующий сборнику V. Lee.]

5

Через двести лет люди живут сельским хозяйством, мелкими родами, отделенными друг от друга электрической проволокой. Это произошло после эпохи атомных войн. Прибывает из 20-го века путешественник. Его, как чужака, избивают и сажают в каталажку. Превосходная карикатура на крестьянство.

«The City and the Ship».

[Значок, соответствующий сборнику V. Lee.]

4

Патрульный корабль сражается с единственным на планете городом под прозрачным куполом. Землянам удается одурачить горожан, они захватывают городского робота и с изумлением узнают, что город населен только роботами, оставшимися после эпохи войн.

«The Chess Civilization».

[Значок, соответствующий сборнику V. Lee.]

3

Изобретено устройство, позволяющее переход в любой мир, какой можно себе вообразить. Любитель шахмат попадает в мир, где в основе экономики и политики лежит шахматная игра.

«The Plant World».

[Значок, соответствующий сборнику V. Lee.]

4

На какой-то планете жило разумное растение. Оно истребило всю жизнь на планете и своих сородичей и жило одно. Оно стремилось завоевать и космос. Захватило ракету с людьми и пыталось допытаться, как управлять ею. Но люди разбили растение на две части, части стали воевать между собой, а люди удрали.

«The Stop Watch».

[Значок, соответствующий сборнику V. Lee.]

3

Изобретает прибор, в сфере действия которого останавливается время. Ходит среди застывшего мира, грабит, воюет и в конце концов становится таким «одномгновенником» по природе, без прибора.

«Population Crisis: 2550».

[Значок, соответствующий сборнику V. Lee.]

2

Перенаселенность Земли и ее колоний. В 2550 — 256 млрд людей, и ничего нельзя делать. Предложены меры обеспечить жратву за счет последующих поколений. Впереди — катастрофа.

«The Death Seekers»

[Значок, соответствующий сборнику V. Lee.]

3

Люди создали разумных роботов для обеспечения своей безопасности, а роботы стали заботиться о каждом шаге людей. Люди бессмертны, и им скучно. Борьба против роботов. Часть «Искателей смерти» вырвалась с Земли и улетела искать новые миры.

Wheatley Dennis «They Found Atlantis».

[Отдельное издание.]

3

Широкие массы миллионеров, ученый с батискафом и гангстеры. Батискаф затонул, его утянуло в шлюзы под землей, там 12 атлантов, весьма развитых и умных. Много любви и глупостей. Обнаженные тела и шупанье. 255 р.

Holding Elisabeth Sanxay «The Strange Children».

[Значок, соответствующий журналу «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».]

3

Девушку попросили посидеть вечер с детьми, которых она никогда раньше не видела. К детям ходит привидение — человек, который умерщвлен раньше, чем ему предназначено, и теперь не может перейти в мир иной. Он был убит любовницей, матерью этих детей. Приходит муж и убивает его вторично. Его судят, но мертвого тела нет.

Anderson Poul «Inside Straight».

[Значок, соответствующий журналу «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».]

3

Человечество на одной планете живет с экономикой, основанной на игре. Сильно развита теория случайностей. На них нападает армада кораблей, управляемых логическими машинами. И машины на теории случайностей выигрывают войну.

Anderson Poul, Dickson Gordon R. «The Tiddlywink Warriors».

[Значок, соответствующий журналу «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».]

4

Администратор Земной Империи на отдаленной планете попадает в беду: его жена потерпела крушение на соседней планете и пленена аборигенами. Он отправляется ее спасать со смешными приключениями с туземцами своей планеты.

Wyndham John «Consider Her Ways».

[Отдельное издание.]

5

В лаборатории проводятся опыты с чуинджуатином — бразильским наркотиком. Туземцы утверждали, что, нажевавшись его, душа человека отправляется в неизвестные точки пространства и времени. Героиня предлагает свои услуги и очнулась в будущем, в теле исполинской человеческой самки. В мире нет мужчин — они вымерли давно. Общество устроено по образцу муравейника. 1-й кл. — Доктора, 2-й — матки, предназначенные для родов, 3-й — слуги, 4-й — физические работницы. Затем героиня возвращается, узнав, что причиной гибели мужчин были опыты Перригана. Она убивает Перригана и идет под суд.

Banks Raymond E. «Payload».

[Значок, соответствующий журналу «Galaxy Science Fiction».]

3-

Одна фрахтовочная компания посылает шпиона, чтобы узнать, почему у другой компании низкие цены на фрахт. Оказывается, те просто буксируют грузы. Шпион переходит на сторону второй компании и женится на совладелице. Противно.

Leiber Fritz «What's he doing in there?».

[Значок, соответствующий журналу «Galaxy Science Fiction».]

4-

Прилетел в гости к профессору марсианин. Попросился за нуждой и заснул в ванне. Спать в воде — роскошь для марсиан. А земляне не знали и тревожились.

Tenn William «Sanctuary».

[Значок, соответствующий журналу «Galaxy Science Fiction».]

4

В 2119 году сторонник искусственного отбора при разрешении на женитьбу, спасаясь от линчующей толпы, укрывается в посольстве от 2219 года. Посол не выдает его, ибо взгляды преступника являются господствующими в 2219 году. Чтобы избежать столкновения с правительством, многоженца переправляют в 2219 год. Там его чествуют. Он хочет жениться, оказывается, что он не проходит по нормам отбора, и он взрывает генетическую картотеку. Спасаясь от линчующей толпы, укрывается в посольстве 2319 года.

Asimov Isaak «Galley Slave».

[Значок, соответствующий журналу «Galaxy Science Fiction».]

4

Робота обвиняют в том, что он, работая сверщиком гранок, переделал книгу и издал ее по своему вкусу. Защита подстраивает ловушку истцу, и тот в нее попадает, ибо не знает психологии робота.

Simak Clifford D. «Carbon Copy».

[Значок, соответствующий журналу «Galaxy Science Fiction».]

5

«Чужие» тайно помогают цивилизациям других планет. Один из «чужих» — шутник, он создал поселок и сдал его в аренду. 50 домов сдаются до бесконечности. Арендный агент обалдел от ужаса и изумления. Но он продолжает сдавать, ибо получает большие деньги. Инспекция «чужих» устанавливает, что этот метод не годится для землян и возвращает все в изначальный вид.

Wainwright Ken «The Big Secret».

[Значок, соответствующий журналу «Authentic Science Fiction».]

3-

Работа армейской контрразведки во имя сокрытия факта, что на Луну отправлены люди. Моча.

Stratford Phillip «The Hidden Power».

[Значок, соответствующий журналу «Authentic Science Fiction».]

3

Земные колонисты на планете, которая погранична с империей чужих. Земляне не ищут ссоры и потому позволяют чужим администраторам слегка угнетать себя. Но однажды им надоедает, и они выкладывают карты на стол: они гораздо сильнее чужих.

Bentley William E. «Logical Examination».

[Значок, соответствующий журналу «Authentic Science Fiction».]

4-

Человек в ракете убил своего партнера. В будущем нет смертной казни, там разбираются в мотивах преступления и создают для преступника условия, в которых цель убийства доведена до абсурда — в этом наказание. Психопроверка показала, что человек хотел быть один. Его сажают в его ракету и выбрасывают в пространство без горючего. Он один — навсегда.

St. Clair A. M. «Lunar Bridge».

[Значок, соответствующий журналу «Authentic Science Fiction».]

4

Астрономы заметили у Моря Кризисов мост. Военные США выбрали пилота, который по радио управлял ракетами. Часть ракет приземлилась благополучно и показала Нечто в туннелях. Это Нечто было живое и враждебное. Оно взрывало ракеты. Летчика, чтобы не болтал, посадили в сумасшедший дом. Но он однажды удрал и рассказал журналисту, после чего его опять схватили.

Beecham Alice «Like a Diamond».

[Значок, соответствующий журналу «Authentic Science Fiction».]

4

Девочка смотрит ночью в небо и ждет появления ИС. Там ее отец. Милая новелла. Как только ИС появляется, девочка говорит заклинание. Она все боится, что «звездочка» упадет.

Oliver Chad «Let Me Live in a House».

[Значок, соответствующий журналу «Authentic Science Fiction».]

3

На Ганимеди две семьи дежурных в двух коттеджах под стеклянных колпаком. Чтобы они не сошли с ума, их разум гипнотически приспособлен воспринимать все как должное. Герой — нет. И вот пришел чужой — племя космических паразитов. Герой одерживает верх и попадает в сумасшедший дом. Никто не верит тому, что было.

Presslie Robert «Pilgrims All».

[Значок, соответствующий журналу «Authentic Science Fiction».]

3

Первый человек на Луне находит космический корабль. В нем нечто бесформенное, без массы, но могучее. Жалуется, что он последний из землян, которых выкинули с Земли предки человечества. Просится на Землю, чтобы умереть на ней. Путешественник соглашается. Он переселяется в путешественника и подготавливает нападение на Землю своей эскадры.

Asimov Isaac «Rain, rain, go away».

[Значок, соответствующий журналу «Fantastic Universe Science Fiction».]

4

Сумасшедший рассказ. Новые соседи почему-то боятся дождя и едят много сладкого. Их удалось вытащить на прогулку. На обратном пути дождь. Они бегут под ливнем к дому и растворяются в воде. Остаются только мокрые кучи одежды.

Garrett Randall «But I Don't Think».

[Значок, соответствующий журналу «Astounding Science Fiction».]

4

«Guesser» — человек, способный предсказывать произвольные состояния, используется для стрельбы при сверхсветовых скоростях — попадает в беду на стоянке на одной из планет. Его пробует выручить одна рабыня, но он ее убивает и возвращается на свой корабль. Новелла о рабстве, вошедшем в привычку.

Thomas Theodore L. «Broken Tool».

[Значок, соответствующий журналу «Astounding Science Fiction».]

4

Молодого межпланетника воспитывали в любви к Космосу и довели до того, что он полюбил Пространство и возненавидел все остальное. В нем не осталось ни капли любви к Земле, и он оказался негодным для пространства.

Budrys Algis «Straw».

[Значок, соответствующий журналу «Astounding Science Fiction».]

4

В Новой Атлантиде, свободном городе удовольствий, которым щедро управляет корпорация увеселений. Схватка главы корпорации с бандитским синдикатом.

Anvil Christopher «Leverage».

[Значок, соответствующий журналу «Astounding Science Fiction».]

5

Колония землян на новой планете. Бьются с гнусом, с лесом, с воронами, с хищными птицами. Узнают их природу и побеждают. Хороший рассказ о смекалке и смелости.

Beck C. C. «Vanishing Point».

[Значок, соответствующий журналу «Astounding Science Fiction».]

3-

Мастер изобрел машину, с помощью которой доказал, что реальности не существует. Бред и скука.

Brunner John «The Round Trip».

[Значок, соответствующий журналу «Fantastic Universe Science Fiction».]

3

Вселенная развивается как маятник, выходит из точки, обегает замкнутое пространство и смыкается в противоположной точке. В одной из этих точек — центр покоя вселенной. В ходе развития вселенная в точности повторяется каждый раз, вплоть до индивидуальных черт людей. Шар в этой точке, человек в шаре.

Benedict Myrle «The Dancing That We Did».

[Значок, соответствующий журналу «Fantastic Universe Science Fiction».]

4-

Существа из другого мира — юноша и девушка — внешне похожие на людей, весьма любят друг друга. И они открываются друг другу (у них вертикальный зрачок и четыре пальца на ноге) и совокупаются. Хор ангелов.

Smith Evelyn E. «The Alternate Host».

[Значок, соответствующий журналу «Fantastic Universe Science Fiction».]

4

На планете разумные деревья. На них паразитируют человекоподобные грибы, которым для полного развития нужны еще млекопитающие. Приходит земной корабль, и команда погибает, ибо грибы похожи на голых зеленых девок.

Young Robert F. «Robot Son».

[Значок, соответствующий журналу «Fantastic Universe Science Fiction».]

3

В далеком будущем бог на Земле — верховный правитель электронных машин — сошел с ума. Он остановил метеорологический стабилизатор. На Землю вернулась зима, болезни. Бог посылает своего сына-робота. Это лже-пророк. Потом история с девой Марией и Иосифом повторяется.

Cores Lucy «Deborah and the Djinn».

[Значок, соответствующий журналу «Fantastic Universe Science Fiction».]

4

К богатой одинокой женщине на острове попадает лампа. Случайно она вызывает джинна. Ей жалко его, и она кормит, водит его на танцы, заставляет купить у склочника-соседа землю. Джинна исключают из гильдии джиннов, и они женятся. Очень милый рассказ.

Knight David C. «Beanpeas in the Afternoon».

[Значок, соответствующий журналу «Fantastic Universe Science Fiction».]

4

Колонисты на чужой планете. Эпидемия. Население сильно ubyло. Тогда, чтобы снова размножиться, размораживают добровольцев, присланных в анабиотическом состоянии триста лет назад. И колонист случайно женится на своей пра-пра...-прабабушке.

Doerr Edd «The Woodcutter's Tale».

[Значок, соответствующий журналу Fantastic Universe Science Fiction.]

4

Рассказ лесоруба 14 в. в Германии. В лесу увидел путешественницу по времени из 21 в., принял ее за колдунью и убил ее.

Pratt Theodore «Doorway to Heaven»

[Значок, соответствующий журналу «Fantastic Universe Science Fiction».]

3

После смерти человек попадает в рай, где туман и все удовольствия, которые он может пожелать, вплоть до омоложения. Только он не может изменить свой вид, а также все время одинок, если с ним не хотят знаться.

Farrell Joseph «The Red Hot Deal».

[Значок, соответствующий журналу «Fantastic Universe Science Fiction».]

4

Дьяволopodobный человек с Веги хочет одурачить ученого и дает ему возбудитель вместо эликсира жизни в обмен за формулу превращения свинца в золото. Ученый впал от старости в детство и вызывал дьявола магией. Ученый наказан, в руки «дьявола» попал секрет атомных превращений, но на магический зов прилетела полиция с Веги. Мошенник арестован.

Knox Calvin M. «The Outbreeders».

[Значок, соответствующий журналу «Fantastic Universe Science Fiction».]

4

Две пары выжили при катастрофе корабля на чужой планете. Надо было скрещивать потомков, но одна из пар отказалась. Началась вражда, которая продолжалась 400 лет. Пока не встретились молодые в лесу и не основали новый клан.

Norton Andre «The Stars are Ours!».

[Отдельное издание-перевертыш с «Three Faces of Time».]

5

После атомной войны на Земле истребляют ученых. Группа ученых, спасаясь от тирании, улетает на межзвездном корабле и через 300 лет анабиоза высаживается на чужой планете. Там они оседают, но узнают, что там тоже есть весьма агрессивные племена — остатки цивилизации, погибшей в своей войне. 183 p.

Merwin Sam, Jr. «Three Faces of Time».

4

Существуют тысячи параллельных по времени миров. Это все Земли с примерно одинаковой историей, но одна из этих земель застыла на 2 тыс. лет, на другой после мировой войны установился матриархат с атомными бомбами. Земли, включенные во всеобщую цивилизацию, стараются помочь другим и отражают нападения агрессоров на отсталых. Описаны похождения шпионов Центра — Наблюдателей — в одном античном Риме. 135 p.

Ivar Jorgenson «Hunt the Space-Witch!».

[Значок, соответствующий журналу «Science Fiction Adventures».]

4

Многочисленные миры торгуют между собой, население их и цивилизации смешались. Один спейсер ищет своего названного брата. Выясняется, что тот присоединился к Культуре Ведьмы на одной из планет. Спейсер переживает горестные приключения и в конце концов тоже присоединяется к культуре. Но культ — это мираж. Гипноз. Он вырывается, захватывает ракету и удирает.

Sohl Jerry «One Against Herculium».

[Значок, соответствующий журналу «Science Fiction Adventures».]

3

На Геркулуме способности и пригодности человека определяются машиной. Но директор машин плутует, занижает данные и получает взятки. Один взбунтовался. Он может обратиться в полицию и получить санкцию на убийство. Ему дают пять минут, чтобы скрыться, и сутки, чтобы исполнить. Если не исполнил и пойман — в пустыню, под горячие солнца. Если исполнил — значит, его действительно занизили.

Kirs Alex «Man Overboard».

[Значок, соответствующий журналу «Science Fiction Adventures».]

3-

Эгоист загипнотизировал своего противника, сделал его другим человеком с другой памятью. Но тому удается вырваться, и эгоиста наказывают.

Kleine Walter L. «The Girl Was Dangerous».

[Значок, соответствующий журналу «Science Fiction Adventures».]

3-

Межзвездное братство — торговая лавочка — ведет культурное наступление на планеты, в частности на Землю, через своих шпионов. Одна шпионка попадает в руки синдиката гангстеров, и гангстеры киснут. Девушка тверда, как сталь, и втрое сильнее любого мужчины. Пошлятина.

Garrett Randall «Beyond Our Control».

[Значок, соответствующий журналу «Infinity Science Fiction».]

3

В ИС, выполняющий телевизионные функции, попадает чужой корабль. У него нет горючего. Люди посылают автоматическую ракету с Н-головкой. Чужой забрал головку в качестве горючего, оставил взамен свое оружие, поблагодарил и удрал.

Asimov Isaak «The End of Eternity».

[Отдельное издание.]

3+

Мощная корпорация «Вечность», которая контролирует все события во все времена. Она находится по ту сторону времени. Изменяет реальность по своему вкусу с тем, чтобы человечество не истребило себя. Но она — банкрот. Один из ее членов разрушает ее. Очень много неувязок, хотя задумано неплохо.

190 p.

Van Vogt A. E. «Mission to the Stars» («The Mixed Man»).

[Отдельное издание.]

3

Через 15000 лет. В Большом Магеллановом Облаке на 50-ти солнцах расселились потомки изгнанных с Земли мутантов. Среди них есть Смешанные Люди с двойным мозгом. Они хотели овладеть системой, но провалились. Корабль с Imperial Earth. Интриги и любовь. Поцелуй в диафрагму.

(126 p.)

Hal Clement «Cycle of Fire».

[Отдельное издание.]

4

О дружбе между человеком и представителем чудовищной метаморфической расы на планете двойной звезды. Две цивилизации — «горячая» и «холодная», одна периодически сменяет другую.

(185 p.)

Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, 1959–1961

«Забывтый эксперимент», «Частные предположения»

В «Знание — сила», № 8, 1959 г.

Гранки сданы 13.07.

Опубликованы. 2831.

«Страна багровых туч»

Вышла в свет и разошлась в начале сентября 1959 г.

8448.

5600.

18048.

2500 — премия.

2-е издание в «Школьной библиотеке».

Сигнал подписан 9.03.60.

11.404.

«Дети» («Следы на тропинке», «Дедал»)

Общ<ие> соображения и дело — 19.07.59.

«Десантники», «Странные люди»

Дело — 19.07.59.

Передано писать в Л<енингра>д в августе.

Выполнено и названо «Странные люди» 5.11.59 в Ленинграде.
 Передано Варшавскому 16.11.59. Взято 2.12.59.
 Передано Касселю 17.11.59. Пошло в сборник.
 Передано в «З-С». 13.12.59. Одобрено Варшавским.
 Жигарев вернул с негодованием 16.12.59.
 Передано в «Юность» 17.12.59. Отказ — январь 1960.
 Принято в «Вокруг света» в сокращенном на 1/3 виде — октябрь 1960.
 Вошло в «Возвращение».

«Яйцо»

Дело: 19.07.59.
 «Белый конус «Алаида».
 Закончен 7.09.59, отправлен в Л<енингра>д 8.09.59.
 Получен из Ленинграда 23.09.59.
 Принят в «Знание — сила» 30.09.59.
 Доработан в Л<енингра>де и назван «Поражение» 30.10.59.
 Передан в новом варианте Касселю 17.11.59.
 Гранки в «Знание — сила» 18.11.59.
 Опубликовано в «Знание — сила» 12.59.
 Прислан перевод из Румынии — ноябрь 1960.

«Страшная большая планета»

Принята из Л<енингра>да в августе 1959 г.
 Глава 1. Выпускники. 11.10.59.
 Прекращено. Сделано на 2,5 листах под названием «С грузом прибыл» в Л<енингра>де 14.11.59.

«С ГРУЗОМ ПРИБЫЛ»

Из Ленинграда 2.12.59, 79 стр.
 3-й полный вариант 11.12.59, 89 стр.
 Черновой вариант сдан в «Изобррацион» 8.12.
 Сдано в Детгиз для «Мира приключений» 14.12.
 Сдано в «Науку и труд» 6.01.60, возвращено.
 Вошла в сборник «Путь на Амальтею».
 Вышел в свет в «Молодой гвардии», сигнал в октябре 1960, 30 экз. куплены 15 октября 1960 г.

Сборник рассказов «Частные предположения»

1. «Извне».
  2. «Гигантская флюктуация».
  3. «Восьмой за полгода» (выключен).
  4. «Глубокий поиск».
  5. «Испытание “СКР”» («Испытание “СКИБР”»).
  6. «Забытый эксперимент».
  7. «Частные предположения».
- Сдано в Детгиз в августе 1959 г. Иллюстратор — Соколов Андрей Константинович. 12.10.59. Новый состав, обработка закончена.
1. Извне.
  2. Гигантская флюктуация (исключен) Шесть спичек.
  3. Глубокий поиск.
  4. Испытание «СКИБР».
  5. Забытый эксперимент.
  6. Частные предположения.
  7. Белый конус Алаида (Поражение).
  8. Странные люди — 15.12.59.

Иллюстрации делает Алимов Борис.
 Гранки 18.04.60.
 Верстка 18.05.60.
 Сигнал 14.07.60.
 21953.78 — 25.07.60.

Статья «Исполнение мечты» в «Литературу и Жизнь»

По случаю «прилунения» космической ракеты.
 Написана 14.09.59.
 Отдана 15.09.
 Опубликовано —> «Литература и жизнь» 16.09.59 № 111 (227).
 697.

«Маленькая неприятность» («Мухи»)

Пришла из Ленинграда (название «Три часа») 14.09.59.
 Дело: 15.09.
 Работа — уничтожить дух беспомощности людей.
 2-й вариант: 20.09.
 3-й вариант: 23.09. Название «Мухи».
 Дубликат отослан в Ленинград 24.09.
 Доработано в Ленинграде 1.11.59 и названо «Чрезвычайное происшествие».
 Сдано в «Знание — сила» 16.11.59.
 Возвращено по нашей просьбе.
 Подано в «Юность» 18.12.59, даже не возвращено.
 Опубликовано в сборнике «Путь на Амальтею», октябрь 1960.

«Скатерть-самобранка»

Сделано в Ленинграде 25.10.59.
 Послано почтой в «Огонек» 20.11.59. («ГФ» в «Наука и Религия».)
 «Огонек» отказал 15.12. Письмо 17.12.59.
 Подан в «Огонек» 18.12.59.
 Отказано.
 Включено в «Возвращение».

«Следопыты»

Начато 30.11.59.

Тексты подготовлены: В. Курильский

IV. Приложения

Необходимые пояснения

Этот том собрания сочинений содержит следующие приложения: Комментарии и примечания, Библиография, Указатель имен, Указатель заглавий произведений и их аббревиатур.

Комментарии и примечания касаются специальных терминов, реалий прошлых лет, явных и скрытых цитат, авторских неологизмов и пр. Указаны краткие библиографические сведения о публикациях других авторов, упомянутых в переписке и дневниках Стругацких. Прослежены пересечения между дневниковыми записями и собственно художественными произведениями Стругацких. Отдельно даются примечания к помещенным в томе рисункам.

В примечаниях использован ряд ранее опубликованных материалов из следующих источников:

Миры братьев Стругацких. Энциклопедия: В 2-х тт. / Сост. В. Борисов. — М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”»; СПб.: Terra Fantastica, 1999.

Курильский В. Комментарии / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 10 тт. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2006, 2007.

Составители комментариев выражают благодарность за помощь в атрибуции цитат других авторов в этом томе Владимиру Борисову и Юрию Флейшману.

Подробная информация о библиографии, очередной фрагмент которой предлагается вниманию читателей, содержится в томе 1. Здесь же упоминается лишь самое существенное, что следует знать для поиска нужной информации.

Библиография разделена на фрагменты в соответствии с периодом времени, охватываемым тем или иным томом. Фрагмент может включать до четырех разделов: первый рассматривает художественные произведения Стругацких, второй — их статьи, интервью, выступления и т. п., третий — работу в качестве переводчиков, а четвертый — редакционно-составительскую деятельность. В первых двух разделах произведения, созданные Стругацкими вместе и по отдельности, находятся в разных подразделах. Если фрагмент библиографии охватывает несколько лет, то материал в соответствующих разделах и/или подразделах разбивается по годам и нумеруется независимо. Таким образом, каждая библиографическая позиция имеет уникальный в пределах данного года, раздела и подраздела номер, состоящий из трех частей, разделенных точками.

Указатель имен относится только к реальным персоналиям, упомянутым в художественной прозе Стругацких, их публицистике и переписке. Характеристики даются вынужденно краткие, но позволяющие заинтересованному читателю отыскать в специальной литературе и Интернете более подробную информацию. Определения «русский», «советский» опущены. Если некое имя упоминается как на русском языке, так и на иностранном, описание в Указателе дается один раз, по-русски. При наличии только иноязычного варианта имени информация дается для него с приведением русского эквивалента имени.

Братья Стругацкие в переписке предпочитали использовать вместо полных заглавий своих произведений аббревиатуры. Указатель таких аббревиатур и ранних (впоследствии измененных) названий поможет читателю ориентироваться в весьма обширном и сложном их массиве.

Следует также отметить, что в комментариях и указателях всех томов широко используется уже традиционное для любителей творчества Стругацких сокращение имен

авторов до аббревиатур: А. и Б. Стругацкие — АБС, А. Н. Стругацкий — АНС, Б. Н. Стругацкий — БНС.

Комментарии и примечания

Художественные произведения

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Путь на Амальтею

Беловой вариант не сохранился. Несколько черновых вариантов представлены машинописными экземплярами в папке «Черновики “Амальтеи” и “Стажеров”».

Написано в 1959 г.

Первая публикация — в одноименном сборнике: М.: Мол. гвардия, 1960.

С. 3. *Джей-станция* — название по первой букве английского названия планеты Юпитер (Jupiter).

С. 4. *Хлорелла* — зеленые одноклеточные водоросли. В футурологии и научной фантастике хлореллу традиционно предполагалось использовать в замкнутых системах жизнеобеспечения.

С. 6. *Спорамин* — **БНС**, интервью «Готово будущее мне...»: «...спорамин — это не наша выдумка. Мы с Аркадием Натановичем позаимствовали его у Ивана Антоновича Ефремова. То было время (конец 50-х — начало 60-х), когда мы носились с идеей создать общий для всех советских фантастов Мир Светлого Будущего. Чтобы там использовались одни и те же элементы антуража, одна и та же терминология, — чтобы там были и “скафандр высшей защиты”, и “самодвижущиеся дороги”, и “кохлеарное исчисление”, и “прокол пространства”, и “флаеры” с “птерокарами”...» (Совершенно секретно (М.). — 2001. — № 4). **Сост.**: Термины «спорамин» и «скафандр высшей защиты» взяты из романа И. Ефремова «Туманность Андромеды».

С. 8. *Космогация* — наука вождения космических кораблей. В широком смысле — космонавтика.

С. 9. *Космогатор* — на космическом корабле то же, что навигатор — на морском; штурман.

С. 12. *Как жизнь, хороше́-о? (...) Как деву́шки, хороше́-о?* — См. записную книжку БНС за 1958 г. — запись фраз С. Гейма, посетившего Пулковскую обсерваторию.

С. 14, 158. *Мирза-Чарле*, (*Мирза-Чарле располагался на юге Заунгузских Кара-Кумов, в трехстах километрах севернее Аишабада*) — Населенный пункт Мирза-Чарле (написание топонима неоднократно варьировалось) расположен в северной части Туркмении (ранее — в Марыйской области Туркменской ССР). Упоминается также в «Стажерах», ХВВ и ВГВ.

С. 14. *Урановая Голконда* — Отсылка к СБТ. Голконда — государство в Индии в XVI–XVII вв., славилась добычей алмазов. В переносном смысле — место с несметными сокровищами.

С. 15. *Цифэй* — внеземная станция, спутник Луны (фантаст.). По-китайски означает «старт». Упоминается также в рассказах «Испытание “СКИБР”» и ЧП.

С. 19. *Круговая скорость* — скорость, которую имеет тело, движущееся вокруг планеты по круговой орбите. Зависит от массы планеты и радиуса орбиты.

С. 24. *ЛИАНТО* — упоминается в ПТЖ и ПХХПВ. **БНС**, 1.01.2010: «Эта аббревиатура НИЧЕГО не обозначает. Псевдоквазия (как я это называю). Взято с потолка и сохранилось потому, что хорошая рифма возникла: «не та» — «ЛИАНТа». **Сост.**: «Как я это называю» — цитата из пьесы Е. Шварца «Обыкновенное чудо», рефрен министра-администратора.

С. 25. *Ясно даже и ежу...* — Цитата из стихотворения В. Маяковского «Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий», 1: «Ясно даже и ежу — / Этот Петя был буржуй».

С. 26. *Танниновая мазь* — антиожоговая мазь, содержащая таннин.

С. 32. *Прощай, Солнце (...)* капитан Немо — цитата из главы 14 части 2 и персонаж романа Ж. Верна «Двадцать тысяч лье под водой».

С. 33. «*Мидии со специями*», — сразу определил Юрковский. Он очень любил мидии со специями, но они, к сожалению, были напрочь исключены из рациона межпланетников. — **БНС**, офлайн-интервью, 6.03.2001: Мидии со специями — это, разумеется, наша гастрономическая фантазия. Как раз примерно в те времена (конец 50-х, начало 60-х) нам довелось побывать на Южном берегу Крыма вместе с нашими более опытными друзьями. Они-то и научили нас варить мидий с последующим употреблением под местное вино. Я, помнится, остался к этому экзотическому лакомству довольно равнодушен, а вот АНу оно понравилось очень. Подозреваю, что «мидии со специями» — это именно его изобретение. Что же касается «исключения из рациона»... Мы не знали тогда принципа Паредо, но действовали (инстинктивно) в полном соответствии с ним: «Все, что доставляет нам удовольствие, либо аморально, либо незаконно, либо ведет к ожирению».

С. 36. *Юрковский объявил, что это кольцо. / — Кольцо у Юпитера? — презрительно сказал Дауге.* — Сейчас наличие кольца у Юпитера — общее место. Во время написания повести это было фантастическим допущением.

С. 39. — *В-возможно, все-таки у Юпитера есть ядро. / — Вздор, вздор, — нетерпеливо сказал Дауге.* — По современным представлениям, у Юпитера есть ядро с массой 14–18 масс Земли. Во время написания повести это было фантастическим допущением.

С. 40. — *Этого не могло быть (...)* Это ты так говоришь — скрытая цитата из рассказа Г. Уэллса «Человек, который мог творить чудеса»: «...оно не могло бы произойти. — Это вы так говорите...» Перевод Э. Березиной.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Человек из Пасифиды

Беловой вариант не сохранился. Машинопись последнего чернового варианта — из папки «Неопубликованное законченное (рассказы)». На основании него в 1997 г. С. Бондаренко с согласия БНС проводилось восстановление канонического текста рассказа.

Написано в 1957 г.

Первая публикация: Сов. воин (М.). — 1962. — № 17.

С. 46. *Джапы* — презрительное прозвище японцев американцами.

С. 47. *Каскетка* — легкий мужской головной убор вроде фуражки.

С. 51. *Дарума* — японская традиционная кукла-неваляшка, олицетворяющая Бодхидхарму.

С. 54. *Банзай* — японский боевой клич, аналог русского «Ура».

С. 57. *Уайт Хорс* — White Horse — марка одного из известных шотландских виски. Дословно: «белая лошадь» (англ.).

С. 57. «*Вечная ручка*» — «вечное перо» — перьевая ручка с заправляющимся (наполняемым) баллоном для чернил. С распространением в обиходе шариковых ручек термин перестал употребляться.

С. 58. *...с бешеной вежливостью...* — Ср. параллель в романе А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина»: «...с чудовищной вежливостью...» (главы 12 и 13).

С. 58. *...«давление на квадратный дюйм»...* — Подчеркивается невежество Джерри, не знающего разницы между давлением и силой давления.

С. 58. *Мария Целеста* — судно, покинутое экипажем по невыясненной причине и найденное в 1872 г. в 400 милях от Гибралтара. Классический пример корабля-призрака.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Спонтанный рефлекс

Беловой вариант не сохранился. Машинопись раннего чернового варианта — из папки «Разные черновики».

Написано в 1958 г.

Первая публикация: Знание — сила (М.). — 1958. — № 8.

С. 61. ...*мыслить (...)* *страдать*. — Восходит к строке «...Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...». А. Пушкин, «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...»).

С. 62. *Инфрасвет* — инфракрасное излучение, преобразуемое в видимое прибором ночного видения.

С. 63. *Гефар! Дэйнджэр! Вэйсянь! Абунай!* — Повтор восклицания «Опасность!» по-немецки, по-английски, по-китайски, по-японски.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Шесть спичек

Беловой вариант не сохранился.

Написано в 1958–1959 гг.

Первая публикация: Знание — сила (М.). — 1959. — № 3.

С. 72. <*заглавие*> — такое же заглавие носит и рассказ А. Грина.

С. 73. *Ясно, как шоколад* — фразеологизм начала двадцатого века.

С. 74. *Ши Найань, «Речные заводы»* — китайский роман XV века, основанный на народных сказаниях о подвигах и приключениях ста восьми «благородных разбойников» в правление династии Сун. АНС редактировал второе издание русского перевода романа (М.: Гослитиздат, 1959).

С. 74. ...*как некто Ху Яньчжо, взмахнув стальными плетками, ринулся на неких Хе Чжэня и Се Бао и как некто «Коротколапый тигр» Ван Ин и его супруга «Зеленая»...* — сцены из главы 56 тома 2 романа.

С. 80. *Нуклоны* — общее наименование для протонов и нейтронов — частиц, образующих атомные ядра.

С. 82. ...*и всю четырехзначную таблицу логарифмов от первой до последней цифры.* — До распространения компьютеров и калькуляторов для приближенных вычислений использовались таблицы логарифмов.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Испытание «СКИБР»

Беловой вариант не сохранился.

Написано в 1959 г.

Первая публикация: Знание — сила (М.). — 1959. — № 7.

С. 85. *Турболет* — летательный аппарат с прямоточным турбинным воздушно-реактивным двигателем.

С. 85. *Панургово стадо* — см. эпизод из главы 8 части 4 романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Забытый эксперимент

Беловой вариант не сохранился.

Написано в 1959 г.

Первая публикация: Знание — сила (М.). — 1959. — № 8.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Частные предположения

Беловой вариант не сохранился.

Написано в 1959 г.

Первая публикация: Знание — сила (М.). — 1959. — № 8.

С. 112. *Я ведь только поэт. Я не физик* — перекликается со стихотворением Б. Слуцкого «Физики и лирики» («Что-то физики в почете. / Что-то лирики в загоне»), написанном в том же 1959 г., когда опубликован рассказ ЧП.

С. 117. *...тем медленнее течет в звездолете время, подчиняясь законам теории тяготения.* — На самом деле эффект замедления течения времени предсказан не теорией тяготения, а СТО (специальной теорией относительности).

С. 117. *Дескриптивная лингвистика* — американская школа структурной лингвистики первой половины XX века.

С. 118. *Сегодня в Космос пущена ракета. / Она летит в двенадцать раз быстрее света. / И долетит до цели в шесть утра — / Вчера.* — Точная цитата: «Сегодня в полдень пущена ракета. / Она летит куда скорее света / И долетит до цели в семь утра / Вчера». Стихотворение С. Маршака «По теории относительности» публиковалось с подзаголовком «перевод английской анонимной эпиграммы». В действительности это переложение лимерика А. Буллера: «There was a young lady named Bright, / Whose speed was far faster than light; / She set out one day / In a relative way, / And returned home the previous night» («Punch», 19 декабря 1923 г.).

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Чрезвычайное происшествие

Беловой вариант не сохранился.

Написано в 1959 г.

Первая публикация — в сборнике: *Путь на Амальтею* — М.: Мол. гвардия, 1960.

С. 121. *Титан* — крупнейший спутник Сатурна, имеющий атмосферу, что делает его уникальным среди спутников в Солнечной системе.

С. 121. *Кратер Ломоносова* — расположен на обратной стороне Луны.

С. 123. *Антракс морио* — Anthrax morio — черная траурница (лат.) — муха из семейства жужжал.

С. 126. *Микротом* — инструмент для получения исследуемых под микроскопом тонких срезов органов и тканей.

Из архива

Аркадий Стругацкий. Страшная большая планета

Машинопись из папки «Неопубликованное законченное (рассказы)».

Написано в 1959 г.

Первая публикация: *Собрание сочинений: В 11 т. Т. 11: Неопубликованное; Публицистика.* — Донецк: Сталкер; СПб.: Terra Fantastica Издательского Дома «Corvus», 2001.

С. 135. *Дети капитана Гранта* — заглавие романа Ж. Верна.

С. 136. — *На Мальхиоре, — повторил профессор. — Добавим в скобках «одинадцатый спутник». На Западе еще не все знают, что такое Мальхиора.* — **БНС, 31.12.2010**: Я уже не помню, что здесь имеется в виду. В справочнике 1973 года одинадцатый спутник — Дедал. А Мальхиоры там нет вообще. Не исключено, что в конце 50-х, когда писалась СБП, 11-й спутник еще не был открыт, — мы его «открыли» и нарекли Мальхиорой. Справочник того времени, увы, не сохранился.

С. 137. *Пушкин, «Умирать так умирать, дело служивое»* — «Капитанская дочка», гл. 7.

С. 137. *Ит депендз* — It depends — Как посмотреть (англ.).

С. 137. *Человек рожден для счастья* — В. Короленко, «Парадокс»: «Человек рожден для счастья, как птица для полета».

С. 137. *Какая энергия питает эти недозвезды...* — **БНС, 31.12.2010**: Гигантские планеты как недозвезды — это тогда была расхожая идея. Где мы ее почерпнули, сказать

трудно. Точно я помню только, как об этом говорил Козырев (энергия Юпитера-Сатурна у него получалась из «хода времени»), но это было на год-два-три позже.

С. 138. *Красное пятно* — Большое Красное Пятно — атмосферное образование на Юпитере, открытое Дж. Кассини в 1665 г.

С. 142. — *Солнышко (...) Прощай... навсегда*. — Приблизительная цитата из романа Ж. Верна «Двадцать тысяч лье под водой»: «Прощай, Солнце» (ч. 2, гл. 14).

С. 145. *Пир во время чумы* — заглавие драматических сцен А. Пушкина.

С. 146. *Робинзон, необитаемый остров* — отсылка к роману Д. Дефо.

С. 146. *Виво — эсперо* — <Пока> живу — надеюсь (*исп.*).

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Скатерть-самобранка

Рукопись из папки «Разные черновики».

Написано в 1959 г.

Позднее вошло в ПХХПВ.

Первая публикация — Неизвестные Стругацкие. От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом»: черновики, рукописи, варианты. — Донецк: Сталкер, 2005.

С. 148. *Триггерная ячейка* — триггер (триггерная система) — в данном контексте устройство, обладающее способностью длительно находиться в одном из двух или более устойчивых состояний и чередовать их под воздействием внешних сигналов.

С. 148. *Шекспинска стерлядь золотая...* — цитата из «Приглашения к обеду» Г. Державина.

Аркадий Стругацкий. Трезвый ум

Машинопись из папки «Разные черновики».

Написано в 1959 г. по мотивам скетча Ф. Брауна «Preposterous» («Нелепый»). См. запись от 20.02.59 в дневнике АНС 1958–1959 гг. и его письмо брату от 21.02.59.

Первая публикация: Неизвестные Стругацкие. От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом»: черновики, рукописи, варианты. — Донецк: Сталкер, 2005.

С. 152. «Декамерон» — сборник новелл итал. писателя Дж. Боккаччо.

Варианты рукописей и изданий

«Путь на Амальтею»

С. 156. *Мяоледао* — острова в южной части пролива Бохай в Желтом море.

С. 156. *...похож на толстовского Ивана Гору — весь из костей и железных мускулов, с большим носом и широким ртом, сутуловатый, с могучей впалой грудью и длинными руками.* — Ср. описание этого персонажа в романе А. Н. Толстого «Хмурое утро»: «...развел большими руками...» (гл. 1), «...длинный и сутуловатый...» (гл. 4), «...большой нос его смущенно потянул ноздрей...» (гл. 10).

С. 160. *Найди это место и загни страницу, как говорил капитан Катль.* — Цитата из романа Ч. Диккенса «Торговый дом Домби и сын»: «Перелистайте свой катехизис, покуда не найдете этого места, а когда найдете, загни страницу» (гл. 4). Перевод А. Кривцовой.

С. 160. *Голконда* — см. выше примечание к с. 14.

С. 161. *Джузеппе Бальзамо, граф Калиостро* — отсылка к рассказу А. Н. Толстого «Граф Калиостро».

С. 176. — *Уксусу и горчицы...* — Слова предводителя дворянства по поводу фаршированной головы градоначальника Прыща из «Истории одного города» М. Салтыкова-Щедрина (глава «Эпоха увольнения от войн»).

С. 179. *Леониды* — метеорный поток.

С. 190. *Взбуететень его!* — слова восходят к «Очеркам бирсы» Н. Помяловского: «Взбуететень его!» (очерк «Зимний вечер в бирсе»).

С. 193. *Асимметричная механика* — термин введен Н. Козыревым (Козырев Н. Причинная и асимметричная механика в линейном приближении. — Пулково, 1957).

С. 199. *Большой Сырт* — марсианский топоним. Происходит от латинского наименования залива Средиземного моря у берегов Ливии.

С. 200. *По бим-бом-брамселям!* — См. в т. 5 рабочие записи БНС 1961–1962 гг. № 3. Использовано также в ДР, М и ЖВМ.

С. 200. *Сны видят даже кошки, если верить тете Полли.* — См. повесть Марка Твена «Приключения Тома Сойера»: «...сны и кошка может видеть...» (гл. 18).

С. 202. *Николенька* — реминисценция персонажа повести Л. Толстого «Детство» Николеньки Иртеньева.

С. 202. *Вы видите перед собой жертву Хиросимы, лежал в госпитале, был ранен на Борнео, лейтенант императорской армии.* — Хиросима — первый из двух японских городов, подвергшихся атомной бомбардировке со стороны США (6 августа 1945 г.); Борнео или Калимантан — остров Малайского архипелага, на котором происходили военные действия между Японией и Союзниками во время Второй мировой войны.

С. 202. *...эх ви-и!* — «Эх вы-и!» — восклицание деда из повести М. Горького «Детство».

С. 202. *«Если бы я был Фаустом».* — «А когда вас обрабатывал Быков?» — «Да, не стал просить удлинить такое мгновение». — Отсылка к цитате из трагедии И. Гете «Фауст»: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» (ч. 1, сц. «Рабочая комната Фауста»).

«Человек из Пасифиды»

С. 204. *Сёдзи* — раздвижные перегородки в японском доме.

«Спонтанный рефлекс»

С. 208. *Парторг* — партийный организатор — секретарь низовой партийной организации КПСС.

С. 209. *Франкенштейн* — персонаж романа М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей». Словосочетание «чудовище Франкенштейна» стало нарицательным для обозначения искусственного существа, восставшего против своего создателя.

С. 209. *Ионизационный обоз* — пародируется термин «ассенизационный обоз». См. в т. 1 запись в записной книжке АНС 1954–1957 гг.

С. 210. *Какой пассаж!* — Цитата из комедии Н. Гоголя «Ревизор», действ. 4, явл. 13 и 14.

С. 210. *Чу, слышу пушек гром...* — Ключевая фраза анекдота.

С. 210. *Судя по выражению его спины...* — См. в т. 2 запись в записной книжке АНС 1958 г.

С. 210. *...кто меня любит — за мной.* — Клич Жанны д'Арк.

С. 215. *Бридер* — от англ. breeder — разновидность ядерного реактора-размножителя.

«Шесть спичек»

С. 227. *Чингачгук* — персонаж цикла романов Ф. Купера.

«Испытание “СКИБР”»

С. 231. *«Вот были люди в наше время...»* — Цитата из стихотворения М. Лермонтова «Бородино» («Да, были люди в наше время...»).

«Забывтый эксперимент»

С. 240. ...один талантливый ленинградский ученый высказал предположение, (...) что ход времени связан с определенной энергией... — Имеется в виду Н. Козырев.

С. 241. *Нейтрино* — квант слабого взаимодействия.

С. 241. *Гравитон* — гипотетический квант гравитационного взаимодействия.

С. 241. *Негатрино, позитрино* — на время написания повести — фантаст.; ныне термины используются в гипотетической «единой теории поля».

«Частные предположения»

С. 249. *Конвертоплан* — летательный аппарат, имеющий возможность летать как в самолетном, так и в вертолетном режимах.

С. 250. *Ария Сольвейг* — «Песня Сольвейг» из оперы Э. Грига «Пер Гюнт» по одноименной драматической поэме Г. Ибсена.

С. 252. *Тень этого разговора легла на нашу жизнь. Никто не знает, даже Валя, почему мне так удалось тогда мадам Баттерфляй.* — Опера Дж. Пуччини, героиня которой много лет напрасно ждет мужа.

«Чрезвычайное происшествие»

С. 260. *Муха знает на что садиться...* — ключевая фраза анекдота.

С. 260. *Лучший способ поймать тигра — самому залезть в клетку. Куда ни поглядишь — везде тигр за решеткой.* — Вариация известной шутки из научного фольклора о способах поимки льва.

С. 269. *Уондерер* — wanderer — странник, скиталец (англ.).

С. 269. *Ту бэд. Ту бэд, индид.* — Too bad. Too bad, indeed. — Как жаль. Ох, как жаль. (англ.).

Публицистика

Опубликованное

Аркадий Стругацкий. Исполнение мечты

Рукопись не сохранилась.

Написано 14.09.59.

Публикуется по тексту первого издания: Литература и жизнь (М.). — 1959. — 16 сент.

С. 271. *Бурей занесло на Луну великого враля барона Мюнхаузена...* — Персонаж рассказов о Мюнхаузене, собранных Р. Распе; упомянуты события главы «Второе путешествие на Луну».

С. 271. ...*Сирано де Бержерак, дурача графа де Гиша, предложил ему на выбор целых шесть способов добраться до Луны — в том числе и воздушный шар, и пороховую ракету, и «магнитный двигатель».* — Э. Ростан, «Сирано де Бержерак», действ. 3, явл. 13 (перевод Т. Щепкиной-Куперник) либо действ. 3, сцена 10 (перевод В. Соловьева).

С. 271. *Ганс Пфалль у Эдгара По достиг Луны на воздушном шаре.* — «Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфааля».

С. 271. *О природе вещей* — такое заглавие носила философская поэма Тита Лукреция Кара.

С. 271. ...*на достаточно точном математическом расчете строят свой проект достижения Луны герои Жюль Верна во второй половине прошлого столетия. Артиллерист Барбикен и его спутники летят на Луну в пушечном ядре, выпущенном из исполинского орудия. Герои Верна облетели Луну, рассмотрев наш спутник с близкого расстояния.* — «С Земли на Луну прямым путем за 97 часов 20 минут», «Вокруг Луны».

С. 271. ...еще не было работ великого Циолковского, заложивших основы теории космических полетов. — «Исследование мировых пространств реактивными приборами» и др. работы.

С. 272. ...Герберт Уэллс послал своих героев на Луну при помощи устройства, экранирующего тяготение. — Г. Уэллс, «Первые люди на Луне».

С. 272. Кондратюк, Цандер, Тихонравов — Кондратюк Ю. Завоевание межпланетных пространств. — Новосибирск, 1929, М.: Оборонгиз, 1947; Цандер Ф. Перелеты на другие планеты // Техника и жизнь. — 1924. — № 13; его же, Проблема полета при помощи реактивных аппаратов. — М.: НКТП — Гос. авиационное и автотракторное изд., 1932, М.: Оборонгиз, 1947; Тихонравов М. Ракетная техника. — [М.:] Глав. авиац. ред., 1935.

С. 272. ...«страну мечтателей и ученых»... — Цитируется строка «Марша энтузиастов» И. Дунаевского на слова А. Д'Актиля: «Страна мечтателей, страна ученых!»

Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1959

Письма АБС — как машинописные, так и рукописные. Часть писем авторами не датирована. Такие письма датировались составителями, что отмечено в нижеследующих примечаниях. В этом же разделе помещено и одно письмо БНС матери. Фамилии персоналий, именованных кратко, даются прямо в текстах писем в угловых скобках.

Часть писем публиковалась в издании Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962. — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2008. Настоящее издание дополнено публикуемыми впервые письмами, обнаруженными позднее в архиве АБС и М. А. Стругацкой.

С. 274. ...и никаких гвоздей. — Фразеологизм, восходящий к стихотворению В. Маяковского «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче».

С. 274. P<ost> T<extum> — АБС использовали это сокращение поскольку на клавиатуре пишущих машинок не было латиницы. Но в рукописных письмах употребляли обыкновенное «P. S.».

С. 274. Аркадий — брату, 4 января 1959... — Датировка составителей.

С. 274. Прежде всего поздравляю тебя и Адочку с новым прыжком нашим в Космос. ~ Постарайся узнать, чего хотелось и планировалось, и напиши. — 2 января 1959 г. был осуществлен запуск ракеты «в сторону Луны». Сообщалось, что она прошла около Луны и стала первым рукотворным спутником Солнца. В действительности произошло отклонение аппарата «Луна-1» от расчетной трассы полета к Луне.

С. 274. «Урм не подчиняется» — точное заглавие радиопостановки: «Урм не повинуется».

С. 275. Борис — брату, 11 января 1959... — Датировка составителей.

С. 278. Бай (нехороший человек) — цитата из «Торжественного комплекта» Остапа Бендера из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (ч. 3, гл. 28).

С. 278. «низко посаженным, хрящеватым ушам» — точная цитата из главы 1 романа «Туманность Андромеды»: «Возражать стал только астроном Пур Хисс. Низа с негодованием рассматривала его большой хищный нос и низко посаженные некрасивые уши».

С. 279. А в остальном, прекрасная маркиза, все так себе. — Вариация слов песни «Все хорошо, прекрасная маркиза» (П. Мисраки, Ш. Паскье, А. Блюм; рус. текст А. Безыменского).

С. 281. «Он вдове толковал про долги и аренду, и какая вдова...» — песенка рыцаря и шута из романа В. Скотта «Айвенго» (гл. 40). Перевод песни Ю. Ременниковой.

С. 282. Аркадий — брату, 21 февраля 1959... — Датировка составителей.

С. 282. *Посылаю этот little piece.* — Письмо сопровождало скетч «Грезвый ум».

С. 283. *...задержка на дороге на Океан.* — Реминисценция заглавия романа Л. Леонова.

С. 283. *«Надо глядеть, чтобы видеть, надо идти по Дороге»* — цитата из стихотворения Н. Гильена «Когда я пришел на эту землю...»: «Нужно глядеть, чтобы видеть, / Нужно идти по дороге». Перевод И. Эренбурга.

С. 283. *Наупоп-фируму* — японизированное написание слова «Научпопфильм».

С. 283. *Аркадий — брату, 10 марта 1959...* — Датировка составителей.

С. 284. *«Тайна двух океанов»* — к/ф 1956 г. по одноименному роману Г. Адамова, реж. К. Пипинашвили.

С. 284. *...Горбатова не исправит даже наш советский колумбарий...* — «Горбатова могила исправит» — шутка И. Сталина о генерале А. Горбатове. «Наш советский колумбарий» — цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (ч. 1, гл. 4).

С. 284. *Литтл пиис из э типикэл даблкей* — Little piece is a typical double K — «Сей» маленький кусочек (скетч) — типичный «даблкей» (англ.). **БНС, 25.07.2012, 30.07.2012:** Есть страшное подозрение, что БН (большой знаток иностранных языков) просто забыл, как пишется WC и вообразил, что оно пишется как WK. (Как известно, аналогичная история произошла и с каким-то американским президентом: ставя на документе свою заверку, что все, мол, правильно, — «All correct» — он вместо «AC» начертать изволил «OK»; так родилось Великое Американское О-Кей.) Однако думаю, что все-таки я написал бы «даблюкей», если бы имел в виду WK вместо WC. Но у меня же ДАБЛКЕЙ, то есть КК!!! Не знаю. Шарада.

С. 284. *Перефразируя фривольный куплетец Пима Сигера, позволю заметить (себе): «World in the pieces is better, than little pieces in the World».* — По сообщению БНС (30.07.2012) в значении: «Лучше мир в кусочки, чем такие скетчи в мире» (англ.). Куплет песни Сигера «Hey li-lee, li-lee-lo»: «Listen, folks, here is my thesis, / Hey li-lee, li-lee-lo; / Peace in the world or the world in pieces, / Hey li-lee, li-lee-lo» — «Слушайте, ребята, вот мой тезис / Хей-ли-лии, ли-лии-ло / Мир в мире или мир — на куски / Хей-ли-лии, ли-лии-ло» (англ.).

С. 284. *Ичто делать? Исчего начать?* — **БНС, 21.07.2012:** Обыкновенное «выламывание подростка». Как в интернете любят выламываться: «афтар» и пр. А здесь еще вдобавок явная отсылка к одесской мове.

С. 285. *«И глаза его потемнели словно от большой внутренней боли».* — Помимо того, что это литературный штамп, это еще и контаминация двух близко расположенных фраз из повести А. Новикова-Прибоя «Ухабы»: «Губы его были плотно сжаты, а синие глаза потемнели» и «Лицо у Разуваева покрылось темными пятнами, рот кривился, словно от внутренней боли» (гл. 5).

С. 286. *Аркадий — брату, 27 марта 1959...* — Датировка составителей.

С. 286. *Паровоз Стефенсона* — имеется в виду первый паровоз, сконструированный и построенный Дж. Стефенсоном в 1814 г.

С. 290. *Несколько лет тому назад в Израиле, в районе Мертвого моря при раскопках некоего древнего монастыря были найдены так называемые Кумранские документы...* — Документы, датируемые I-м веком нашей эры, были обнаружены в 1945–1947 гг.

С. 290. *Ахицумпаровоз* — a hitze im паровоз — дословно — «искра, жар в паровозе» (идиш, русский). Идиома со значением «нечто банальное, заурядное».

С. 292. *«Братья-разбойники»* — «Братья разбойники» — заглавие поэмы А. Пушкина.

С. 292. *Шкловский выдвинул гипотезу, что спутники Марса — искусств<енные> образования. По его расчетам получилось, что это пустотелые сооружения, запущенные 400 млн лет назад «как памятник уходящей цивилизации» (его слова). Подробности выясню и отпишу. Это, черт возьми, тема!* — Гипотеза И. Шкловского была опубликована в интервью: Искусственные спутники Марса: Интересная гипотеза

советского ученого // Комс. правда (М.). — 1959. — 1 мая. Гипотеза использована АБС в ПХХІВ.

С. 293. *Сегодня пришлось случайно заехать на съезд...* — III Всесоюзный съезд Союза советских писателей.

С. 293. *Трах-тибидох* — «Трах-тибидох-тах-тах» — заклинание из к/ф 1956 г. реж. Г. Казанского «Старик Хоттабыч».

С. 293. *...нас включили в сборники на иностранных языках.* — См. примечание к записи от 17.04.59 в дневнике АНС 1958–1959 гг.

С. 293. *Подвалило вдруг дел на станции, два вечера в неделю уходят на китайских товарищей, которые вместо гласных употребляют почему-то согласные и до сих пор не могут отличить построчную печать от итоговой.* — **БНС, 25.07.2012:** Китайских товарищей помню отлично. Их было штук пять, и они проходили в ГАО практику, — по всем отделам, по всем темам, старательные и напористые как скарабеи, — и столь же приветливые. (Один из них был, впрочем, вполне человекообразен, он даже играл с нами по вечерам в волейбол и пинг-понг, — по слухам, когда они все вернулись домой к началу культурной революции, в лагерь отправили именно его.)

С. 293. *Кроме того, пришлось потратить довольно много времени на опровержение теории относительности, но из этого ничего не вышло. Получены, вообще говоря, любопытные результаты, но главную трудность так пока и не удалось обойти.* — **БНС, 25.07.2012:** «Опровержение» — слишком сильно сказано. Это был довольно хитроумный расчет, снимающий какую-то мелкую астрономическую проблемку (отсутствие «звезд-призраков» при наблюдении тесных двойных)... Все детали я забыл.

С. 293. *Дерьмо кошачье. Катцендрек.* — Цитата из романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны»: «Wahrscheinlich Katzendreck, HerrOberst» — «По всей вероятности, кошачий кал, господин полковник (нем.) (ч. 2, гл. 5). Перевод П. Богатырёва.

С. 294. *Пародия написана одной моей знакомой...* — Пародия Л. Камионко «Спонтанный поиск» опубликована в «Комментариях к пройденному» БНС.

С. 294. *Стоит и жить, и работать стоит.* — Реминисценция стихотворения В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям»: «И стоило жить и работать стоило».

С. 294. *А здорово Казанцеву вмазали на страницах «Астрономического журнала»! За его вопли по поводу Тунгусского метеорита. Сам Перель писал...* — Перель Ю. Рецензия на: А. Казанцев. Гость из Космоса. В книге «Гость из Космоса». М.: Географгиз, 1958, стр. 104-129, тир. 165000 экз., 4 р. 40 к. // Астрономический журнал (М.). — 1959. — Т. 36. — Вып. 2.

С. 295. *...В<иктор> Мих<айлович> Полесов — гусар-одиночка с мотором.* — Персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

С. 297. *Сопли и вопли* — название стенгазеты редакции газеты «Гудок» в 1920-х гг.

С. 297. *Грангузье* — персонаж романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

С. 298. *«Генератор чудес»* — Долгушин Ю. Генератор чудес (ГЧ). — М.: Трудрезервиздат, 1959.

С. 298. *Я славлю! Слушайте меня! Я славлю!* — Цитата из перевода АНС «Сталки и компания» Р. Кипплинга: «Я славлю! О-о! Слушайте меня!»

С. 299. *Запиши это в свою книжечку* — любимая фраза мистера Адамса, персонажа «Одноэтажной Америки» И. Ильфа и Е. Петрова.

С. 299. *Юн фантастик, юн политик* — une fantastique, une politique — фантастика, политика (франц.).

С. 299. *«В мире фантастики и приключений»* — В мире фантастики и приключений. — Л.: Лениздат, 1959. Содержание: Н. Томан. В погоне за призраком; — Е. Рысс, Л. Рахманов. Домик на болоте; — Г. Мартынов. Невидимая схватка; — И. Ефремов. Атолл Факаофо, «Катти Сарк»; — А. Беляев. Звезда КЭЦ.

С. 299. *«Невидимый свет»* — Невидимый свет. — [М.:] Мол. гвардия, 1959. Содержание: А. Беляев. Невидимый свет; Мертвая голова; Мистер Смех. — Г. Гребнев. Невредимка. — Э. Зеликович. Опасное изобретение. — М. Зуев-Ордынец. «Панургово стадо».

С. 300. ...*«По следам снежного человека» Иззарда...* — Иззард Р. По следам снежного человека. — М.: Географгиз, 1959.

С. 300. ...*«Леопард из Рудрапраяга» Корбетта, того самого, который «Кумаонские людоеды»*. — Корбетт Дж. Леопард из Рудрапраяга. — М.: Географгиз, 1959. Корбетт Дж. Кумаонские людоеды. — М.: Географгиз, 1957.

С. 300. *Но коз фор протест* — no cause for protest — нет причины возражать (англ.).

С. 301. *Аркадий — брату, 27 июня 1959...* — Датировка составителей.

С. 301. *Эпиграф* — **БНС, 12.10.2012**: Это, конечно, «пародийное написание», — отголосок тех времен, когда считалось правильным писать «Евридика», «Езоп» и «Евклид».

С. 303. *Колумбово яйцо* — крылатое выражение, означающее неожиданно простой выход из затруднительного положения. Восходит к историческому анекдоту о Х. Колумбе.

С. 303. *Но вот идея Десантников — это да ~ И высказывания типа: «Иванов смельчак и герой? Он же погиб...»* — Идея реализована в ПХХПВ, новелла «Десантники».

С. 305. *Аркадий — брату, 12 июля 1959...* — Датировка составителей.

С. 305. *И стихи восстановим, но снабдим необходимой ссылкой, что это написал Маршак в 1940 году*. — Имеется в виду эпиграф к рассказу «Частные предположения»: «Сегодня в Космос пущена ракета...» Стихотворение С. Маршака «По теории относительности» публиковалось с подзаголовком «перевод английской анонимной эпиграммы». В действительности это переложение лимерика А. Буллера.

С. 306. *Ясно даже и*. — Любимое АБС выражение «Ясно даже и ежу» из стихотворения В. Маяковского «Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий».

С. 306. *Вот пересылаю тебе одну газетную вырезку. Прочти ее повнимательней и увидишь кое-что приятное*. — Была послана вырезка заметки «Для вас, ребята» («Советская Россия», 1959, 10 июля). В заметке сообщалось о присуждении АБС третьей премии Министерства просвещения РСФСР за лучшую книгу о науке и технике для детей школьного возраста (за рукопись СБТ). Аналогичная информация содержалась в статье «Самые лучшие» («Литературная газета», 1959, 9 июля). См. также письмо АНС от 12.07.59.

С. 306. *И когда звонишь к нам, уж заказывай подлиннее разговор...* — Длительность междугороднего телефонного разговора заказывалась и оплачивалась заранее.

С. 306. *Принцип Ко* — конфуцианский принцип «ко» (яп.) или «сяо» (кит.), означающий почитание родителей и старшего, усердное исполнение сыновнего (дочерного) долга.

С. 307. *«безумству храбрых не поют песни»* — перефразировка строки «Песни о Соколе» М. Горького.

С. 307. *Аркадий — брату, 24 июля 1959...* — Датировка составителей.

С. 308. *Прочел я одну небезлюбопытную статейку все того же Зенгера*. — Брумберг В. [реферат №] 4636 [на статью О. Зенгера] Некоторые оптические и кинематические эффекты при межзвездных полетах // Реферативный журнал «Астрономия и геодезия» (М.). — 1959. — № 6.

С. 308. ...*в новой научпопкнижке «Репортаж из XXI в.» профессор Станкевич (крупный физик) пишет о ракете, несущейся с чудовищной скоростью, и о «звездочке, разгорающейся впереди»*. — Через межзвездные бездны: беседа с профессором Кириллом Петровичем Станюковичем // Васильев М., Гущев С. Репортаж из XXI века. — [М.:] Сов. Россия, 1958. Цитата: «Пройдет 10–15 лет. И снова в черных безднах космоса возникнет

яркая движущаяся к нам с фантастической скоростью звезда, сияющая навстречу солнечной системе своим энергетическим лучом, подобным лучу вперед светящего прожектора. Это включают для торможения первые звездоплаватели свой фотонный двигатель. Несколько смелых маневров — и корабль ляжет на одну из возможных орбит, снова станет сочленом нашей солнечной системы...»

С. 311. *«Я танцую на шкуре Шер-Хана, но тяжесть на сердце моем»* — «Песнь Маугли, которую он пел на скале совета, когда плясал на шкуре Шер-Хана» из «Книги Джунглей» Р. Киплинга («Я пляшу на шкуре (...)»). Перевод С. Займовского.

С. 312. *«ищем новые формы для изложения своих гипотез»* — приблизительная цитата из редакционного предисловия к рассказам «Забытый эксперимент» и «Частные предположения» (Знание — сила (М.). — 1959. — № 8).

С. 312. *...надо разбиться вдребезги, подобно яшме...* — «Яшма вдребезги» — план императора Японии Хирохито 1945 года. Цитата из повести Р. Кима «Тетрадь, найденная в Сунчоне»: «Император утвердил план без всяких изменений. Страна была извещена о принятом решении: воевать до конца, до победы, если даже вся Япония будет испепелена. Если Америка не возьмет обратно Каирскую декларацию, требующую от Японии безоговорочной капитуляции, мы пустим в ход наш план «Яшма вдребезги!» Все японцы должны проникнуться решимостью умереть, разбиться вдребезги, подобно яшме!» Выражение восходит к словам китайской «Книги Северной Ци»: «Великому мужу лучше умереть как разбитый драгоценный камень, чем жить как целая черепица».

С. 313. *«Жатва»* — роман Г. Николаевой.

С. 313. *Не вини меня, родная...* — «Не брани меня, родная...» — зачин одноименного романа. Слова А. Разоренова, музыка А. Дюбюк.

С. 313. *Это не я, а Варшавский. «Пепел над Бикини», «Страна багряных туч», твоя аспирантура...* — Фактические ошибки из редакционного предисловия к рассказам «Забытый эксперимент» и «Частные предположения» (Знание — сила (М.). — 1959. — № 8).

С. 313. *Лентяй ты старый, и ворчун притом.* — Перефразировка из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (ч. 2, гл. 13): «Волчица старая и мерзкая притом!»

С. 314, 325. *НничеГо, отчегё, нничегё* — **БНС, 17.07.2010**: Словечко «ничеГё» придумано было и имело хождение у нас в ГАО, в компании 18-й комнаты. Кто придумал, теперь уже и не вспомнить. По-моему, оно плавно перешло в реальность из известного анекдота: «...А не испить ли нам кофейкЮ, граф?.. ОтчегЁ же...»

С. 314. *Господи, до чего же мы все-таки беспомощны, когда речь заходит о любви вообще и о женщинах в частности!* — **БНС**, офлайн-интервью от 10.06.2012: Мы не умели и даже, по-моему, боялись писать женщин и о женщинах. Почему? Не знаю. Может быть, потому, что исповедовали древний принцип: женщины и мужчины — существа разной породы. Нам казалось, что мы знаем и понимаем мужчин (сами мужчины), но никто из нас не рискнул бы заявить, что он знает и понимает женщин. Да и детей, если уж на то пошло! Ведь дети — это, безусловно, третий особый вид разумных существ, обитающих на Земле. «Племя младое, незнакомое...»

С. 315. *Видал я «Последний дюйм» ~ Мне страшно хочется сейчас написать что-нибудь вроде этой песни (в том же ритме) в какой-нибудь из наших рассказов.* — К/ф 1958 г., реж. Н. Курихин, Т. Вульфович. Песня М. Вайнберга на слова М. Соболя «Тяжелым басом гремит фугас...» («Какое мне дело до всех до вас, / А вам до меня?»), использована в песне десантников в ПХХПВ.

С. 315. *«аку-аку»* — возможно, отсылка к заглавию книги Т. Хейердала «Аку-аку. Тайна острова Пасхи» ([М.:] Мол. гвардия, 1959).

С. 315. *Здравствуй, мин хер Боб.* — Пародируется обращение персонажа романа А. Н. Толстого «Петр Первый» Меньшикова к Петру: «Мин херц».

С. 315. *Абгемахт?* — Решено? (нем.)

С. 316. *Прилагаемый рисунок есть кадр из немецко-польско-югославского фильма «Астронавты» по Лему.* — Польско-восточно-герм. к/ф 1960 г. «Безмолвная звезда», реж. К. Метциг. По роману С. Лема «Астронавты».

С. 316. *...рассказ в «Борьбе за мир»...* — Речь о публикации рассказа А. Иннеса (Э. Табба) «Путешествие будет долгим» в журнале «В защиту мира» (1959, № 97 [6]).

С. 316. *Азимов, «Неудавшаяся миссия»* — I. Asimov, «Misbegotten Missionary» (другое название — «Green Patches»).

С. 317. *Иф эни* — if any. Здесь: если они вообще будут нужны (англ.).

С. 317. *Птибурдуков* — персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».

С. 317. *Рыжеволосый Филби* — персонаж повести Г. Уэллса «Машина времени».

С. 318. *Ратуйте! Азохен вейзмер!* — Рятуйте — помогите (укр.); азохен вейзмер — контаминация «азохен вей» — «плохи дела» и «вейзмир» — «боже мой», «горе мне» (искаж. идиш).

С. 318. *Вье!* — понукание лошади: «Но!» (идиш).

С. 321. *Мавр ли?* — цитата из фельетона И. Ильфа и Е. Петрова «Отдайте ему курсив».

С. 321. *Молили: а) дать очерк (или рассказ) о Луне (в связи с ракетой-2)...* — 14 сентября 1959 г. запущенная второй космической ракетой советская станция «Луна-2» достигла поверхности Луны. См. также примечание к письму АНС от 4.01.59.

С. 321. *В «Смене» (газета) напечатано об «СБТ» — заметка рекламного типа — «читайте, дескать, интересную книгу». Называется «Хиус летит на Венеру».* — «Хиус» летит на Венеру // Смена (Л.). — 1959. — 25 сент.

С. 321. *...это не столь утифительно.* — Автоцитата из «Испытания “СКИБР”»: «О, пока не столь утифительно, Нина Ифановна. Интересное путет посше».

С. 321. *Сакер* — sucker — сосунок, молокосос (англ.).

С. 322. *Тибетский опыт* — глава «Гуманности Андромеды» И. Ефремова.

С. 324. *...после статьи академиков «Забывтый эксп<еримент>» висел на волоске.* — Статья академиков Л. Арцимовича, П. Капицы и И. Тамма «О легкомысленной погоне за научными сенсациями» (Правда (М.). — 1959. — 22 нояб.) критиковала монографию Н. Козырева «Причинная, или несимметричная, механика в линейном приближении».

С. 324. *...в названии книги Данже и в самом имени Данже в «СБТ» сделано тринадцать ошибок. ~ А пока жди в «Крокодиле» заметочку.* — Видимо, заметка не была опубликована. Французский текст в первом издании СБТ: «“La discription planetografic du Fobos” Pole Dangée». Исправленная надпись в последующих изданиях: «“La description planétographique du Phobos” Paul Dangée».

С. 325. *«Сказки народов Африки»* — Сказки народов Африки. — М.–Л.: Гослитиздат, 1959.

С. 326. *Паблицити* — publicity — реклама, огласка, известность (англ.).

С. 326. *Эфрэйд* — afraid — боюсь (англ.).

С. 326. *«Покорение пространства»* — Бэйтс Д. Исследование мирового пространства. — М.: Физматгиз, 1959.

С. 327. *«черное выпадение зрения»* — термин использован в ПХХПВ.

С. 328. *«Борьба Миров»* — англ. к/ф 1953 г., реж. Б. Хэскин.

С. 328. *«Годзилла»* — япон. к/ф 1954 г., реж. И. Хонда.

С. 328. *Наше ампуа — рассказы и повестушки.* — Ср. **БНС**, офлайн-интервью от 6.04.2008: В какой-то момент и по причине, не вполне ясной, писать рассказы стало неинтересно. «Тесно» стало в рамках рассказа. С тех пор прошло лет сорок пять, но ничего не изменилось. По-прежнему тесно. По-прежнему не тянет.

С. 329. *...читал книгу Бома «Причинность и случайность в физике»...* — Бом Д. Причинность и случайность в современной физике. М.: Изд-во иностр. лит., 1959.

С. 330. *...можно будет сверху вниз глядеть на самого Ивана Великого.* — То есть на И. Ефремова.

С. 330. *Иф эни* — if any. Здесь: если вообще что-то (говорят) (англ).

С. 330. ...звон бубенцов издадека. — Песня В. Бакалейникова на слова А. Кусикова «Бубенцы» («Слышу звон бубенцов издадека»).

С. 333. *Аркадий — брату, 23 декабря 1959...* — Датировка составителей.

С. 334. *В 12 № 3—С ты увидишь хвалебную рецензию Гуревича.* — Горин Г. Путешествие на Венеру // Знание — сила (М.). — 1959. — № 12. («Г. Горин» — псевдоним Г. Гуревича.)

С. 335. *Аркадий — брату, 24 декабря 1959...* — Датировка составителей.

С. 336. *Борис — брату, 29 декабря 1959...* — Датировка составителей.

С. 336. ...раздобыл книгу Быстрова (крупный наш анатом) «Прошедшее, настоящее, будущее Человека». — Быстров А. Прошлое, настоящее, будущее человека. — Л.: Медгиз, 1957.

С. 337. *Евгеника* — учение о селекции применительно к человеку, а также о путях улучшения его наследственных свойств. В СССР считалась буржуазной лженаукой.

С. 337. «Наследственность человека» — Ниль Дж., Шэлл У. Наследственность человека. — М.: Изд-во иностр. лит., 1958.

С. 337. *Если взять младенца кроманьонца и перенести в наше время...* — Сюжет реализован в ЖВМ.

Борис Стругацкий. Письма супруге, 1959

Подборка писем БНС Аделаиде Андреевне включает в себя письма 1959 г. Часть писем и записок не датирована. Они датировались составителями, что отмечено в нижеследующих примечаниях. Фамилии персоналий, именованных кратко, даются прямо в текстах писем в угловых скобках.

Публикуются впервые.

С. 338. *Борис — супруге, 18 июня 1959...* — Обе записки датированы составителями.

С. 339. *А этот ужасный четверг!* — В четверг 18 июня 1959 г. родился Андрей Стругацкий.

С. 341. *Борис — супруге, 29 июня 1959...* — Датировка составителей.

С. 342. «*Война и мир*» — итало-амер. к/ф 1956 г., реж. К. Видор.

С. 342. *Потом я им прочитал вслух главу из «Сталки»...* — **Сост.:** Это была рукопись перевода АНС или перепечатка? Весь перевод или отдельные главы? Какова судьба этого экземпляра перевода? Он вернулся к АНС или был им Вам подарен? **БНС, 10.08.2009:** Это, насколько я помню, была рукопись АНа. Не помню, перепечатывал ли я ее на машинке вообще. Рукопись я потом, помнится, дал почитать Володьке Луконину, и он ее замотал. А может быть, она вернулась к АНу? Не помню.

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1958–1959

Тетрадь с записями АНС дневникового характера. Датировка записей — иероглифическая. Часть записей также выполнена иероглифами. Составители признательны Н. Караеву и Д. Макарову за перевод с японского. В публикуемом тексте пометы о записи слов или фраз по-японски сохранены лишь там, где — по мнению составителей — это важно для понимания ее характера.

Публикуется впервые.

С. 343. *David Duncan «Dark Dominion»...* — Duncan D. The Dark Dominion. — NY: Ballantine, 1954.

С. 343. ...*W. J. Stuart «Forbidden Planet».* — Stuart W. J. Forbidden Planet. — NY: Farrar, Straus and Cudahy, 1956.

С. 343. *Было обсуждение тезисов Хрущева.* — Тезисы Н. Хрущева к докладу на будущем XXI съезде КПСС «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг.».

С. 344. *Читал «6 Great Short Novels of Science Fiction»*. — 6 Great Short Novels of Science Fiction. — NY: Dell, 1954. Упоминания рассказов англоязычных авторов в записях этого дневника АНС от 10–16.01.59 касаются именно этого сборника.

С. 345. ...написал рецензию на «Сигнал». — Полетаев И. Сигнал. О некоторых понятиях кибернетики. — М.: Сов. радио, 1958.

С. 346. *Прочитал Сологуба «Мелкий бес»...* — Сологуб Ф. Мелкий бес. — Кемерово: Кн. изд., 1958.

С. 346. *Читал «Счастличик Джим»*. — Эмис К. Счастличик Джим // Иностран. лит. (М.). — 1958. — № 12.

С. 346. *Купил Лондона «Мартин Иден»...* — Лондон Джек. Мартин Иден. — М.: Гослитиздат, 1958.

С. 346. ...*Николаеву «Битва в пути»*. — Николаева Г. Битва в пути. — М.: Сов. писатель, 1958.

С. 347. *Посмотрел «В дни Октября»...* — К/ф 1958 г., реж. С. Васильев.

С. 347. «*Дети рассвета*» — будущее издание: Катаяма Сёдзо. Дети зари. — М.: Детгиз, 1960.

С. 347. *Читал «Cor Serpentis» Ефремова в «Юности»*. — Ефремов И. Cor Serpentis (Сердце Змеи) // Юность (М.). — 1959. — № 1.

С. 347. *Это в противовес «The First Contact»*. — См. упоминание рассказа М. Лейнстера «First Contact» в т. 2 в записи от 2.04.58 дневника АНС 1958–1959 гг.

С. 347. «*Турецкие сказки*» — вышедшее в сентябре того же года издание: Турецкие народные сказки. — М.: Гослитиздат, 1959.

С. 348. *Потом смотрели Германа о Дзержинском*. — Ю. Герман, «В те суровые дни», телевизионная постановка.

С. 348. *Читал расстрепанный английский детектив «Red Harvest», автор неизвестен*. — «Красная жатва» («Кровавый урожай»), первый роман Д. Хэммета. См. упоминание автора и этого романа в ХС.

С. 348. ...*Шпанова «Войну невидимок»*. — Шпанов Н. Война невидимок. — М.: Сов. Россия, 1958.

С. 348. «*Индийские рассказы*» — Рассказы индийских писателей. — М.: Изд-во иностран. лит., 1959.

С. 349. *Смотрели «Дороги войны»*. — «На дорогах войны», к/ф 1958 г., реж. Н. Фигуровский.

С. 349. *Купил трехтомник Чехова*. — Чехов А. Повести и рассказы. В 3-х т. — М.: Гослитиздат, 1959.

С. 349. *Купил Адамова «Победители недр» и «Изгнание владыки»*. — Адамов Г. Победители недр. Изгнание владыки. — Фрунзе, Киргизучпедгиз, 1958.

С. 349. ...*отдал Черненко 4-й том антологии китайской поэзии*. — Антология китайской поэзии. В 4-х томах. / Том 4. Новая поэзия. 1919–1957. — М.: Гослитиздат, 1958.

С. 350. *Горбовский принес «The Man Who Mastered Time» by Ray Cummings и «Overlords from Space» by Joseph E. Kelleam*. — Cummings R. The Man Who Mastered Time / Kelleam J. E. Overlords from Space. — NY: Ace, 1956.

С. 350. *Наши все ходили на «Казимира»...* — Франц, к/ф 1950 г., реж. Р. Потье.

С. 350. ...*читаю «Что такое полупроводник» Анфилова*. — Анфилов Г. Что такое полупроводник. — М.: Детгиз, 1957.

С. 351. *Проглядывал томик Fredric Brown «Star Shine»...* — Brown F. Star Shine. — NY: Vantam, 1956.

С. 351. ...*нашел там чудный скетч «Preposterous» («Неленый»)*. — В переводе Л. Мишина — «Просто смешно!».

С. 351. *Смотрел «Над Тиссой»*. — К/ф 1958 г., реж. Д. Васильев.

- С. 351. *Отправил Варшавскому Олеся Бондаря «Фантастику»*. — Вероятно, имеется в виду рукопись украинского фантаста Олеся Бердника.
- С. 351. *Philip K. Dick «The World Jones Made» (...) Margaret St. Clair «Agent of the Unknown»*. — Dick Ph. K. The World Jones Made / St. Clair M. Agent of the Unknown. — NY: Ace, 1956.
- С. 351. *Читал «Зрелые годы Генриха»...* — Роман Г. Манна «Зрелые годы короля Генриха IV».
- С. 352. *Смотрел по TV «Петер»*. — Амер.-венг. к/ф 1934 г., реж. Г. Костер.
- С. 352. *...заказал Борису стихи вместо гумилевских*. — В СБТ отрывок «Капитанов» Н. Гумилева заменили «Контрабандисты» Э. Багрицкого.
- С. 352. *...«Men Against the Stars»*. — NY: Pyramid Books, 1957. Упоминания рассказов англоязычных авторов в записях этого дневника АНС от 3–5.03.59 касаются именно этого сборника.
- С. 353. *...американцы тоже запустили 4-ступенчатую ракету на Луну*. — Имеется в виду запуск «Пионера-4» 3 марта 1959 г. Аппарат, как и «Луна-1», пролетел мимо Луны на удалении 60 тыс. км, стал спутником Солнца, и свою задачу — фотографирование Луны с близкого расстояния — не выполнил.
- С. 353. *Читаю «Поединок» Зубавина...* — Зубавин Б. Поединок. Записки офицера. — М.: Воениздат, 1957.
- С. 353. *«Роза ветров»* — к/ф 1957 г., частями которого являлись новеллы, снятые в Бразилии, ГДР и СССР режиссерами Ж. Ивенсом, Я. Беллоном, А. Кавальканти, С. Герасимовым, Дж. Понтекорво, А. Виани.
- С. 354. *Прочитал Овалова «Букет алых роз»*. — Овалов Л. Букет алых роз. — М.: Мол. гвардия, 1958.
- С. 354. *...Винера «Кибернетику»*. — Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. — М.: Сов. радио, 1958.
- С. 354. *Читал «Товарищи по оружию»*. — Роман К. Симонова.
- С. 354. *...читал «Ромашку»*. — Далекий Н. Ромашка. — Львов, Кн.-журн. изд., 1959.
- С. 355. *Прочитал «Космический патруль»*. — Возможно, следующий рассказ: Lawson J. Space Patrol // Futuristic Science Stories. — 1951. — № 5.
- С. 355. *Пришел № 3 Ин<остранной> л<итерату>ры с Грином*. — Грин Г. Наш человек в Гаване // Иностран. лит. (М.). — 1959. — № 3. Публикация была завершена в № 4 журнала.
- С. 355. *Взял в б<ibliote>ке Грина «Золотую цепь» и «Дорогу никуда»*. — Грин А. Золотая цепь. Дорога никуда. — Л.: Детгиз, 1957.
- С. 355. *Страдания юного Малышева*. — Перефразировка заглавия романа И. Гете.
- С. 356. *Была Иоффе, говорили о «Тростнике»*. — Роман Исикава Таудзо «Тростник под ветром» вышел в Гослитиздате в 1960 г., открывая серию «Проза зарубежного Востока», в переводе И. Львовой (псевдоним И. Иоффе). Редакторы издания — А. Стругацкий и Т. Редько.
- С. 356. *Вечером смотрел «Подвиг разведчика»*. — К/ф 1947 г., реж. Б. Барнет.
- С. 357. *«Ситти Нурбая»* — будущее издание романа индонез. писателя: Русли Марах. Ситти Нурбая. История несчастной любви. — М.: Гослитиздат, 1961.
- С. 357. *Купил Эренбурга «Французск<ие> тетради» и «Принцесса Клевская»*. — Эренбург И. Французские тетради. Заметки и переводы. — М.: Сов. писатель, 1958, 1959; Лафайет де М.-М. Принцесса Клевская. — М.: Гослитиздат, 1959.
- С. 357. *Прочитал Савченко «Черные звезды»*. — Будущая публикация: Мир приключений. Выпуск 4. — М.: Детгиз, 1959.
- С. 358. *...принесла № Infinity. Есть там рассказ Азимова*. — Infinity Science Fiction (Royal Publications, Inc.) — амер. журнал научной фантастики, издавался в 1955–1958 гг. Рассказ Азимова «Lenny» («Ленни») опубликован в январском номере 1958 г.
- С. 358. *Смотрел «Женитьбу» Гоголя*. — К/ф 1936 г. реж. Х. Локшина, Э. Гарин.

С. 358. *Дома смотрел «Место преступления — Берлин»*. — Вост.-герм. к/ф 1958 г., реж. И. Кунерт.

С. 358. *«Как ждал Бисэй»* — в окончательной редакции: «Как верил Бисэй».

С. 358. *А. Е. Van Vogt «Asylum»...* — Рассказ из сборника «Famous Science Fiction Stories: Adventures in Time and Space» (NY: Random House, 1957).

С. 358. *Смотрел «Ревизора»*. — К/ф 1952 г. по одноименной комедии Н. Гоголя, реж. В. Петров. Показ этого кинофильма и предыдущей «Женитьбы» был приурочен к 150-летию Гоголя.

С. 358. *Ездил к Юрьеву, получил от него «My Best Science Fiction Story»*, сборник лучших рассказов лучших фантастов США. — My Best Science Fiction Story. — NY: Pocket, 1954. См. в публицистике 1963 г. рецензию на этот сборник. Упоминания рассказов англоязычных авторов в записях этого дневника АНС от 5–12.04.59 касаются именно этого сборника.

С. 358. *«Illusionaries»* — рассказ Э. Ф. Рассела из сборника «Space Pioneers» ранее хотел перевести сам АНС.

С. 359. *Вечером смотрел «Голубую стрелу»...* — К/ф 1958 г., реж. Л. Эстрин.

С. 359. *«История одной мести»* — в окончательной редакции: «Рассказ об одной мести».

С. 359. *«Новости военной техники»* — Новое в военной технике. [По данным иностр. печати. Сборник статей]. — М.: Воениздат, 1958.

С. 359. *«Трансураниды»* — Хайд И., Сиборг Г. Трансурановые элементы. — М.: Изд-во иностр. лит., 1959.

С. 359. *«Планеты и их наблюдение»* — Бронштэн В. Планеты и их наблюдение. — М.: Гостехиздат, 1957.

С. 359. *«Радиоспектроскопия»* — Радунская И. Радиоспектроскопия. — М.-Л.: Госэнергоиздат, 1958.

С. 360. *Смотрели «Трехминутный разговор»...* — В. Левидова, «Трехминутный разговор», спектакль Ленинградского театра комедии.

С. 360. *Читал «Машины-математики»*. — Тукачинский М. Машины-математики. — М.: Гос. изд. физ.-матем. лит., 1958.

С. 360. *«Невидимый свет»* — Невидимый свет. Сборник науч.-фантастич. и приключенческих рассказов. — [М.:] Мол. гвардия, 1959.

С. 360. *«Аку-аку»* — Хейердал Т. Аку-аку. Тайна острова Пасхи. — [М.:] Мол. гвардия, 1959.

С. 360. *По дороге купил томик Ростана*. — Ростан Э. Пьесы. — М.: Искусство, 1958.

С. 360. *«Свидание с дьяволом»* — точнее, «Прощание с дьяволом» — польск. к/ф 1957 г., реж. В. Якубовска.

С. 361. *Вечером смотрел «Огонек в горах»*. — К/ф 1958 г., реж. Б. Долинов.

С. 361. *Чудовищный трив*. — **БНС, 26.11.2008**: Имеется в виду «тривиальность».

С. 361. *Неудачный вариант «Человека who could work miracles»*. — Рассказ Г. Уэллса «Человек, который мог творить чудеса».

С. 361. *Читал «10 лет спустя»*. — Роман А. Дюма-отца «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя».

С. 361. *Смотрел «Красные листья»*. — К/ф 1958 г., реж. В. Корш-Саблин.

С. 361. *Звонили из издательства «Литературы» на иноязыках»*. Они делают сборник НФ для иностранцев, берется наш «СР» и «БС». — Опубликованы: СР в сб. «Гость из космоса» (в 1960–1962 гг. на немецком, французском, английском, испанском, финском языках), ШС в сб.: «Сердце змеи» (в 1960–1963 гг. на немецком, испанском, английском, французском языках).

С. 362. *Читал Кима «Агент особого назначения»*. — Ким Р. Агент особого назначения // Молодая гвардия (М.). — 1959. — №№ 2, 3.

С. 362. Прочел «Ошибку Алексея Алексеева» Полещука... — Будущая публикация: Мир приключений: Кн. 6. — М.: Детгиз, 1961.

С. 362. ...«*Station in Space*», сборник рассказов Ганна. — Gunn J. E. *Station in Space*. — NY: Bantam, 1958.

С. 362. Читал «В одном отделении» («Мол<одая> гв<ардия>» 3, 59). — Поваго Ф. В одном отделении // Молодая гвардия (М.). — 1959. — №№ 3, 4.

С. 363. ...купил «Старика Хоттабыча»... — Лагин Л. Старик Хоттабыч. — М.: Детгиз, 1958.

С. 363. *Ross Rocklynne «Quietus»*. (...) *Lewis Padgett «The Twonky»*. — Рассказы из сборника «*Famous Science Fiction Stories: Adventures in Time and Space*» (NY: Random House, 1957).

С. 363. «Фьеста» — роман Э. Хемингуэя «Фиеста (И восходит солнце)».

С. 363. БЭСМ — «Большая (или Быстродействующая) электронно-счетная машина» — серия советских электронных вычислительных машин.

С. 363. Был семинар по докладу Хрущева. — На недавно состоявшемся XXI (внеочередном) съезде КПСС.

С. 364. Взял в биб<лиоте>ке Пристли... — Вероятно: Пристли Дж. Б. Скандальное происшествие с мистером Кэттлом и миссис Мун. — М.: Изд-во иностр. лит., 1958.

С. 364. ...«*Fatal Decisions*» немецких генералов. — Роковые решения. [Сборник статей. На дополнительном титульном листе заглавие «*The fatal decisions*»]. — М.: Воениздат, 1958.

С. 365. Смотрел «Кремлевские куранты». — М. Погодин, «Кремлевские куранты», спектакль МХАТ СССР им. Горького.

С. 365. «Аргонавты Вселенной» — Владко В. Аргонавты Вселенной. — М.: Трудрезервиздат, 1957, 1958.

С. 365. «220 дней на звездолете» — Мартынов Г. 220 дней на звездолете. — Л.: Детгиз, 1955.

С. 365. «Властелин мира» — Дашкиев Н. Властелин мира. — Харьков: Обл. изд., 1957.

С. 365. «Последний полустанок» — Немцов В. Последний полустанок. — М.: Сов. писатель, 1959.

С. 365. «Быстрее мысли» — Кобринский Н., Пекелис В. Быстрее мысли. — [М.:] Мол. гвардия, 1959.

С. 365. Прелесть статья Паустовского в «Литературке!» — Паустовский К. Бесспорные и спорные мысли // Лит. газета (М.). — 1959. — 20 мая.

С. 365. «Операция «Цицерон»» — Мойзиш Л. Операция «Цицерон». [Записки нем. дипломата]. — М.: Воениздат, 1957.

С. 366. «Домик на болоте» — Е. Рысс и Л. Рахманов, «Дом на болоте», телевизионная постановка.

С. 366. «Под небом Мексики» — заглавие в советском прокате мекс. к/ф 1957 г. «*Cielito lindo!*», реж. М. Дельгадо.

С. 366. Смотрел «У дальних берегов», про героя-азербайджанца Мехти, дравшегося у Триеста. — «На дальних берегах», к/ф 1958 г., реж. Т. Таги-Заде. Фильм о герое Второй мировой войны, участнике движения Сопротивления, партизане Мехти Ганифа-оглы Гусейн-заде.

С. 366. Смотрел «Евгения Онегина». — Фильм-опера 1958 г., реж. Р. Тихомиров.

С. 367. Звонил Коршикову, я взял с машинки его перевод «Кота», ничего. Наверное, будем заключать договор. — Будущее издание: Нацумэ Сосэки. Ваш покорный слуга кот / Пер. Л. Коршикова и А. Стругацкого. — М.: Гослитиздат, 1960.

С. 367. Купил биографию Эйнштейна. — Львов В. Жизнь Альберта Эйнштейна. — [М.:] Мол. гвардия, 1958, 1959 (ЖЗЛ).

С. 367. *Смотрели «Тану»* — албанский фильм. — «Тана», албанск. к/ф 1958 г., реж. К. Дамо.

С. 368. *Дома смотрел «Птица-камень», фантастико-приключенческую пьесу.* — П. Маляревский, «Камень-Птица», спектакль Центрального театра Советской Армии.

С. 368. *2-ю премию получил «ГЧ»...* — «Генератор чудес (ГЧ)» Ю. Долгушина.

С. 368. *Взял в библиотеке Тушкана «Джура».* — Тушкан Г. Джура. — М.: Детгиз, 1958.

С. 369. *Прочел «Путешествие на американский Парнас»...* — Памфлет Р. Кима.

С. 369. *Взял для потехи рукопись А. Колпакова «Гриада».* — Будущая публикация: Колпаков А. Гриада. — М.: Мол. гвардия, 1960.

С. 369. *Смотрел «Ветер»...* — К/ф 1959 г., реж. А. Алов, В. Наумов.

С. 369. *...чума на все их дома.* — Реминисценция «Ромео и Джульетты» У. Шекспира: «Чума на оба ваши дома!» (действ. 3, явл. 1), перевод Т. Щепкиной-Куперник.

С. 369. *Кстати, читаю сейчас Сарояна «Приключения Весли Джексона».* — Сароян У. Приключения Весли Джексона. — М.: Изд-во иностр. лит., 1959.

С. 370. *Взял почитать «Сокровище Громовой Луны».* — Гамильтон Э. Сокровище Громовой Луны / Перевод З. Бобырь // Техника — молодежи (М.). — 1956. — №№ 1–4.

С. 370. *...«Пропавшая Луна» Поля Кейпона...* — Caron P. Lost: a Moon. — Indianapolis: Bobbs-Merrill Company, 1956.

С. 370. *Заехал к Юрьеву, он отдал мне перевод «Силы иллюзии» Кларка...* — Вероятно, оговорка АНС: ранее он передавал И. Юрьеву для перевода рассказ Э. Ф. Рассела «Illusionaries».

С. 370. *Прочитал «Последнюю командировку» Чуковского...* — Чуковский Н. Последняя командировка. — М.: Сов. писатель, 1957.

С. 370. *Получил в библиотеке «Best Science Fiction».* — Вероятно, издание: Best Science Fiction Stories and Novels: 1956. — NY: Fredrick Fell, 1956.

С. 371. *Получились № 6 «Знание — сила» и «Техника — молодежи». НФ нет, но номера интересные. Особенно интересна статья Глебова о механохимии.* — Точнее, статья Глеба Анфилова «Загадка мышцы» в «Знание — сила».

С. 371. *«Неподдающиеся»* — к/ф 1959 г., реж. Ю. Чулюкин.

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1959–1960

Книжка включает в себя выписки и цитаты из книг и статей, заметки по обсуждению сценария, адреса и телефоны знакомых. Для настоящей публикации отобраны записи, предположительно относящиеся к 1959 г.

Выдержки из записной книжки публикуются впервые.

С. 371–372. *Механохимия ~ Швейцария.* — Выписки из статьи Г. Анфилова «Загадка мышцы» (Знание — сила (М.). — 1959. — № 6). См. примечание к с. 371.

С. 372. *Эдогава Рампо. Edgar Allan Poe.* — Пояснение возникновения псевдонима «Эдогава Рампо» (чтение иероглифов псевдонима созвучно имени американского писателя) повторено в ХС.

Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, 1958–1959

Тетрадные листы с аннотациями англо-американской фантастики из папки «Переводы». Тематически связано с соответствующими записями дневника АНС 1958–1959 гг.

Публикуется впервые.

С. 372. [*сборник «Adventures in Time and Space»*] — NY: Random House, 1957. Рассказы сборника аннотированы также в дневнике АНС 1958–1959 гг. (см. т. 2 и т. 3).

- С. 373. [антология «*Star Science Fiction Stories*»] — аннотируются рассказы из антологии за 1953 г.
- С. 375. [отдельное издание *Golding William «Envoy Extraordinary»*] — London: Faber & Faber, 1956. См. также примечание к с. 378.
- С. 375. [журнал «*Infinity Science Fiction*»] — аннотируются рассказы из январского номера журнала за 1958 г.
- С. 375. [журнал «*Venture magazine*»] — аннотируется рассказ из январского номера журнала за 1958 г.
- С. 375. [журнал «*The Magazine of Fantasy & Science Fiction*»] — аннотируются рассказы из августовского номера журнала за 1955 г.
- С. 376. [отдельное издание *Swain Dwight V. «The Transposed Man»*] — Swain D. V. *The Transposed Man* / McIntosh J. T. *One in Three Hundred*. — NY: Ace, 1955.
- С. 376. [сборник *V. Lee*] — *The Space Frontiers*. — NY: New American Library, 1955.
- С. 378. [отдельное издание *Wheatley Dennis «They Found Atlantis»*] — Tiptree, Essex: The Anchor Press, 1953.
- С. 378. [отдельное издание *Wyndham John «Consider Her Ways»*] — *Sometime, Never: Three Tales of Imagination* / *Golding W. Envoy Extraordinary; Wyndham J. Consider Her Ways; Peake M. Boy in Darkness*. — London: Eyre & Spottiswoode, 1956.
- С. 379. [журнал «*Galaxy Science Fiction*»] — аннотируются рассказы из декабрьского номера журнала за 1957 г.
- С. 379. [журнал «*Authentic Science Fiction*»] — аннотируются рассказы из июньского номера журнала за 1956 г.
- С. 380. [журнал «*Fantastic Universe Science Fiction*»] — аннотируются рассказы из сентябрьского номера журнала за 1959 г.
- С. 380. [журнал «*Astounding Science Fiction*»] — аннотируются рассказы из июльского номера журнала за 1959 г.
- С. 383. [отдельное издание-перевертыши «*The Stars are Ours!*» и «*Three Faces of Time*»] — NY: Ace Book, 1955.
- С. 383. [журнал «*Science Fiction Adventures*»] — аннотируются рассказы из январского номера журнала за 1958 г.
- С. 384. [отдельное издание *Asimov Isaak «The End of Eternity»*] — NY: Doubleday, 1955.
- С. 384. [отдельное издание *Van Vogt A. E. «Mission to the Stars» («The Mixed Man»)*] — NY: Berkley Books, 1955.
- С. 384. [отдельное издание *Hal Clement «Cycle of Fire»*] — NY: Ballantine, 1957.

Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, 1959-1961

Тетрадь с записями датировок из папки «Письма». Озаглавлена АНС «Свои работы». Публикуется впервые.

С. 385. *Прислан перевод из Румынии — ноябрь 1960.* — *Conul alb al Alaidei. Cheia timpului* / Trad. de R. Tudor // *Povestiri științifico-fantastice* (București). — № 138. — 1960. — Рум. яз. — Загл. ориг.: Белый конус Алаида, Частные предположения.

Примечания к рисункам

Вкл. С. 1. «Тринадцать стульев и Золотой Быков» — обыграны заглавия дилогии И. Ильфа и Е. Петрова. Владимир Быков — редактор Гослитиздата.

Вкл. С. 2. А. Стругацкий был избран профоргом Восточной редакции.

Вкл. С. 3. Надписи: «Для авторов», «Наказана за пререкания», «Для слез раскаяния».

Вкл. С. 7. «Путешествие на запад» У Чэньэня под редакцией С. Хохловой было издано в 1959 г. в четырех томах общим числом страниц 1924.

Вкл. С. 8. «Комментарии Мынцзы к Конфуцию» — трактат ученика Конфуция Мын Кэ или Мын-цзы не был издан Гослитиздатом. Надписи: «Аналого-интегральный сепаратор переводчиков», «Вход в тестер», «Выход для годных», «Выход для шлака», «Выдача протезов и костылей за наличный расчет», «Пробный перевод».

Вкл. С. 14–15. Миша — Михаил Малышев, редактор Гослитиздата.

Вкл. С. 16. ДОСААФ — Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту; ГСО — комплекс «Готов к санитарной обороне СССР»; ГТО — комплекс «Готов к труду и обороне СССР»; МТО — материально-техническое обеспечение; АХЧ — административно-хозяйственная часть; ПВО — противовоздушная оборона. Надпись на корешке книги «Го Мо-жо» — Павел Лин участвовал в подготовке трехтомника «Сочинений» Го Можо, изданного в 1958 г.

Вкл. С. 17–18. КНРА — вероятно, имеется в виду НОАК — Народно-освободительная армия Китая.

Вкл. С. 19–20. Володя — Владимир Быков, редактор Гослитиздата.

Вкл. С. 24. Прем Чанд — индийский писатель.

Вкл. С. 25. «Птичка певчая» — повесть Р. Гюнтекина «Птичка певчая (Чалыкушу)» была издана в 1958 под редакцией М. Малышева. АНС оказывал ему помощь в редактировании повести.

Вкл. С. 32. «1001 ночь» — восьмитомник сказок «Тысяча и одна ночь» был издан в 1958 г. под редакцией К. Глазуновой.

Вкл. С. 1–3, 5, 9 — из стенгазеты № 1 от 1 февраля 1958 г.

Вкл. С. 4, 7, 8, 16 — из стенгазеты № 2 от 8 февраля 1958 г.

Вкл. С. 6, 10, 11 — из стенгазеты № 3 от 15 февраля 1958 г.

Вкл. С. 12–15, 17–24 — из стенгазеты № 4 от 22 февраля 1958 г.

Вкл. С. 25 — из стенгазеты № 5 от 1 марта 1958 г.

Вкл. С. 26–32 — из стенгазеты № 6 от 8 марта 1958 г.

Стенгазета № 6 упоминается в записи от 14.03.58 дневника АНС 1958–1959 гг. (т. 2).

В. Курильский, Р. Муринский, Л. Рудман

Библиография. 1959 г.

1. Художественные произведения

1.1. А. и Б. Стругацких

1.1.1. Страна багровых туч: Науч.-фантаст. повесть / Предисл. изд-ва; Худож. И. Ильинский. — М.: Детгиз, 1959. — 296 с., ил. — (Б-ка приключений и науч. фантастики).

1.1.2. Шесть спичек: Науч.-фантаст. рассказ / Худож. Г. Дмитриев // Дорога в сто парсеков. — М.: Мол. гвардия, 1959. — С. 138—160.

1.1.3. Шесть спичек: Науч.-фантаст. рассказ / Худож. И. Орлов // Знание — сила (М.). — 1959. — № 3. — С. 32—37.

1.1.4. Испытание «СКР»: Науч.-фантаст. рассказ // Изобретатель и рационализатор (М.). — 1959. — № 7. — С. 38—42.

1.1.5. Забытый эксперимент: Науч.-фантаст. рассказ / Предисл. ред-ии; Худож. Н. Гришин // Знание — сила (М.). — 1959. — № 8. — С. 34—39.

1.1.6. Частные предположения: Науч.-фантаст. рассказ / Предисл. ред-ии; Худож. И. Ушаков // Знание — сила (М.). — 1959. — № 8. — С. 40—43. — [1-й вариант].

1.1.7. Белый конус Алаида: Науч.-фантаст. рассказ / Худож. [Н. Гришин] // Знание — сила (М.). — 1959. — № 12. — С. 36—40.

1.1.8. Частные предположения: Науч.-фантаст. рассказ // Заря коммунизма (Дагда, Латвия). — 1959. — 12 сент. — С. 3—4; 15 сент. — С. 3—4; 17 сент. — С. 3—4; 19 сент. — С. 3; 22 сент. — С. 4. — [1-й вариант].

2. Статьи, интервью, выступления

2.1. А. и Б. Стругацких

2.1.1. Объяснение научно-технических терминов, встречающихся в тексте // Стругацкий А., Стругацкий Б. Страна багровых туч. — М.: Детгиз, 1959. — С. 291—294.

2.2. А. Стругацкого

2.2.1. Исполнение мечты // Литература и жизнь (М.). — 1959. — 16 сент. — С. 3. — [О лунном перелете в фантастике и реальности].

3. Работа над переводами

3.1. Моррисон У. Мешок: Рассказ / Пер. с англ. А. и Б. Стругацких // Знание — сила (М.). — 1959. — № 2. — С. 37—40.

4. Редакторская и составительская работа

4.1. Акутагава Рюноске. Новеллы / Ред. А. Стругацкий. — М.: Гослитиздат, 1959.

4.2. Сайкаку Ихара. Новеллы / Ред. А. Стругацкий. — М.: Гослитиздат, 1959.

4.3. Ши Найань. Речные заводы: Роман. Изд. 2-е / Ред. А. Стругацкий. — М. Гослитиздат, 1959.

В. Казаков, Ю. Флейшман

Указатель имен

Anderson Poul William — Андерсон Пол Уильям, американский писатель.

Anvil Christopher — Энвил Кристофер, псевдоним американского писателя Гарри Кристофера Кросби.

Arr Stephen — Arr Стивен, псевдоним американского писателя Стивена Эрнета Райнаса.

Asimov Isaak — см. Азимов Айзек.

Banks Raymond Eugene — Бэнкс Раймонд Юджин, американский писатель.

Bates Harry (Bates Hiram Gilmore) — Бэйтс Гарри (Бэйтс Хайрем Гилмор), американский писатель, редактор.

Beaumont Charles (Nutt (McNutt) Charles Leroy) — Бомонт Чарльз (Натт Чарльз Лерой), американский писатель.

Beck Charles Clarence — Бэкк Чарльз Кларенс, американский писатель, художник-аниматор.

Beecham Alice — Бичем Элис, псевдоним английского писателя и редактора Эдвина Чарльза Табба.

Bentley William E. — Бентли Уильям И., американский писатель.

Binder Eando (Binder Earl Andrew and Binder Otto Oscar) — Биндер Эндо, американский писатель.

Blish James Benjamin — Блиш Джеймс, американский писатель.

Bloch Robert Albert — Блох Роберт, американский писатель.

Boucher Anthony (White William Anthony Parker) — Бучер Энтони, американский писатель, редактор.

Bradbury Ray — см. Брэдбери Рэй.

- Brown Fredric — Браун Фредрик, американский писатель, журналист.
- Brunner John Killian Houston — Браннер Джон Киллиан Хьюстон, английский писатель.
- Budrys Algis (Budrys Algirdas Jonas) — Бадрис Олджис, Будрыс Альгирдас, американский писатель, редактор.
- Campbell John Wood Jr. — Кэмпбелл-мл. Джон, американский писатель, редактор.
- Clement Hal (Stubbs Harry Clement) — Клемент Хол, американский писатель.
- Clingerman Mildred — Клингерман Милдред, американская писательница, редактор.
- Cloete Stuart Fairly Stuart Graham — Клоэт Стюарт, южноафриканский писатель.
- Cores Lucy — Корес Люси (Корес Кортчмар Люси Микаэла), американская писательница.
- Cummings Ray (Cummings Raymond King) — Каммингс Рэй, американский писатель.
- De Camp Lyon Sprague — Де Камп Лайон Спрэг, американский писатель.
- Del Rey Lester (Sierra y Alvarez-del Rey y de los Verdes Ramon Felipe San Juan Mario Silvio Enrico Smith Heathcourt-Brace) — Дель Рей Лестер, американский писатель.
- DeWitt Miller Richard — Девитт Миллер Ричард, американский писатель.
- Dick Philip Kindred — Дик Филип Киндред, американский писатель.
- Dickson Gordon Rupert — Диксон Гордон Руперт, американский писатель.
- Doerr Edd — Доэр Эд, американский писатель.
- Duncan David — Дункан Дэвид, американский писатель.
- Farrell Joseph — Фаррел Джозеф, американский писатель.
- Finney Jack (Finney Walter Braden) — Финней Джек, американский писатель.
- Garrett Randall (Gordon Phillip David) — Гаррет Рэндал (Гордон Филип Дэвид), американский писатель.
- Gold Horace Leonard — Голд Гораций Леонард, американский писатель, редактор, издатель.
- Golding William Gerald — Голдинг Уильям Джеральд, английский писатель.
- Gunn James Edwin — см. Ганн Джеймс Эдвин.
- Hamilton Edmond Moore — Гамильтон Эдмонд Мур, американский писатель.
- Hasse Henry Louis — Хасе Генри Луис, американский писатель.
- Heinlein Robert Anson — Хайнлайн Роберт Энсон, американский писатель.
- Holding Elisabeth Sanxay — Холдинг Элизабет Сэнксэй, американская писательница.
- Hubbard L. Ron (Hubbard Lafayette Ronald) — Хаббард Л. Рон, американский писатель, создатель дианетики и сайентологии.
- Hull Edna Mayne — Халл Эдна Мэйн, американская писательница.
- Jorgenson Ivar — псевдоним американского писателя Роберта Силверберга.
- Kelleam Joseph Everidge — Келлим Джозеф Эверидж, американский писатель.
- Kirs Alex — Кирс Алекс, американский писатель.
- Kleine Walter L. — Клейн Уолтер Л., американский писатель.
- Knight Damon Francis — Найт Дэймон Фрэнсис, американский писатель, редактор.
- Knight David Carpenter — Найт Дэвид Карпентер, американский писатель.
- Knox Calvin M. — псевдоним американского писателя Роберта Силверберга.
- Kornbluth Cyril Michael — Корнблат Сирил Майкл, американский писатель.
- Kuttner Henry — Каттнер Генри, американский писатель.
- Leiber Fritz Reiter Jr. — Лейбер-мл. Фриц Рейтер, американский писатель.
- Leinster Murray (Jenkins William Fitzgerald) — Лейнстер Мюррей, американский писатель.
- Ley Willy — Лей Вилли, американский писатель, популяризатор науки.
- Marlowe Webb — Марлоу Уэбб, псевдоним американского писателя Джесса Фрэнсиса Маккомаса.
- Merril Judith — Меррил Джудит, канадская писательница, редактор, критик.

Merwin Sam (Merwin Samuel Kimball), Jr. — Мервин-мл. Сэм (Мервин-мл. Сэмюэл Кимбол), амермканский писатель, редактор.

Moore Catherine Lucille — Мур Кэтрин Люсиль, американская писательница.

Morrison William — Моррисон Уильям (Сэмачсон Джозеф), американский писатель, биохимик.

Murray Leinster (Jenkins William Fitzgerald) — Мюррей Лейнстер (Дженкинс Уильям Фицджеральд), американский писатель.

Myrle Benedict — Мирль Бенедикт, псевдоним американской писательницы Джорджии Мирль Миллер (Саша Миллер).

Norton Andre (Norton Alice Mary) — Нортон Эндрю (Нортон Элис Мэри), американская писательница.

Oliver Chad (Oliver Symmes Chadwick) — Оливер Чэд (Оливер Симмс Чэдвик), американский писатель, антрополог.

Ottum Bob (Ottum Robert K., Jr) — Оттум Боб, американский писатель.

Padgett Lewis — псевд. Kuttner Henry и Moore Catherine Lucille (см.)

Phillips Alexander Moore — Филипс Александер Мур, американский писатель.

Poe Edgar Allan — По Эдгар Аллан, американский писатель, поэт.

Pratt Theodore — Прэтт Теодор, американский писатель.

Presslie Robert — Прессли Роберт, английский писатель.

Rocklynne Ross (Rocklin Ross Louis) — Роклин Росс, американский писатель.

Sheckley Robert — Шекли Роберт, американский писатель.

Simak Clifford D. — Саймак Клиффорд Дональд, американский писатель.

Smith Evelyn E. — Смит Эвелин И., американская писательница.

Sohl Jerry (Sohl Gerald Allan Sr.) — Сол Джерри (Сол Джеральд Аллан), американский писатель.

St. Clair Margaret — Сент-Клер Маргарет, американская писательница.

Stratford Phillip — Стрэтфорд Филип, американский писатель.

Stuart Don A. — Стюарт Дон, псевдоним американского писателя и редактора Джона Вуда Кэмпбелла-мл.

Stuart W. J. (Macdonald Philip) — Стюарт У. Дж., англо-американский писатель.

Sturgeon Theodore (Waldo Edward Hamilton) — Старджен Теодор, американский писатель.

Swain Dwight Vreeland — Суэйн Дуайт Врилэнд, американский писатель.

Taine John (Bell Eric Temple) — Тэйн Джон, американский писатель, математик.

Tenn William (Klass Philip) — Тенн Уильям (Класс Филип), американский писатель.

Thomas Theodore Lockard — Томас Теодор Локкард, американский инженер и писатель.

Van Vogt Alfred Elton — Ван Вогт Альфред Элтон, американский писатель.

Vernon Lee Roger — Вернон Ли Роджер, американский писатель.

Wainwright Ken — Уэйнрайт Кен, псевдоним английского писателя Эдвина Чарлза Табба.

Walton Harry — Уолтон Гарри, американский писатель.

Wellman Manly Wade — Веллман Мэнли Уэйд, американский писатель.

Wheatley Dennis Yates — Уитли Деннис Йейтс, английский писатель.

Williams Robert Moore — Уильямс Роберт Мур, американский писатель.

Williamson Jack (Williamson John Stewart) — Уильямсон Джек, американский писатель.

Wyndham John — Уиндем Джон (Харрис Джон Уиндем Паркес Лукас Бейнон), английский писатель.

Young Robert Franklin — Янг Роберт Франклин, американский писатель.

Аббот Чарльз Грили — американский астроном.

Адамов (Гибс) Григорий Борисович — писатель.

- Аджубей Алексей Иванович — журналист, главный редактор газеты «Известия».
- Азимов Айзек — американский писатель, популяризатор науки.
- Акутагава Рюноске — японский писатель.
- Алимов Борис Александрович — художник-иллюстратор.
- Андреев Кирилл Константинович — критик, рецензент.
- Андреева — редактор отдела программ для молодежи Центральной Студии телевидения.
- Анфилов (ошиб. Глебов) Глеб Борисович — писатель.
- Афанасьев Поликарп Григорьевич — супруг Н. Фортунатовой.
- Багратион Пётр Иванович — полководец.
- Беляев Александр Романович — писатель.
- Бен-Гурион Давид (Грин Давид Йосеф) — израильский государственный и политический деятель, первый премьер-министр.
- Беркман Смуйдритэ Карловна — редактор издательства Детгиз.
- Берлин Александр Борисович — радиоастроном, сотрудник ГАО, супруг Г. Тимофеевой.
- Больцман Людвиг Эдуард — австрийский физик.
- Бом Дэвид Джозеф — американский физик, философ.
- Бомбар Ален — французский врач, биолог, путешественник.
- Бондарь Олесь — вероятно, Бердник Олесь Павлович, писатель.
- Боровик Эммануил Исаакович — переводчик, редактор.
- Бортник Сергей Васильевич — заместитель главного редактора Гослитиздата.
- Брейдо Марк Германович — инженер, педагог.
- Бронникова Нина Михайловна — астрометрист.
- Брычков Юрий — корреспондент АНС.
- Брэдбери Рэй (Брэдбери Рэймонд Дуглас) — американский писатель.
- Брянцев Георгий Михайлович — писатель.
- Быков Владимир Михайлович — переводчик, редактор Гослитиздата.
- Быстров Алексей Петрович — биолог, палеонтолог, анатом.
- Вайсман Б. С. — переводчик, редактор Гослитиздата.
- Варшавский Анатолий Семёнович — старший редактор журнала «Знание — сила».
- Васильева Евгения Николаевна — сотрудница редакции журнала «Вокруг света».
- Васильков Игорь Афанасьевич — писатель, драматург, сценарист.
- Вельтман Павел Генрихович — сотрудник редакции журнала «Изобретатель и рационализатор».
- Верн Жюль Габриэль — французский писатель.
- Винер Норберт — американский математик, создатель кибернетики.
- Виташевская Мария Николаевна — заведующая Восточной редакцией Гослитиздата.
- Воскресенская (урожденная Ошанина, фамилия по первому замужеству) Елена Ильинична — супруга АНС.
- Воскресенская Наталия Дмитриевна — приемная дочь АНС.
- Гагинская Елена Романовна — супруга Б. Громова, биолог, педагог.
- Гайдадымов Виктор Борисович — ученый, изобретатель.
- Гайдадымова Елена (семейное имя — Неля) Евгеньевна — двоюродная сестра Е. Воскресенской.
- Гальперина Елена Владимировна — редактор отдела программ для молодежи Центральной Студии телевидения.
- Ганн Джеймс Эдвин — американский писатель, критик.
- Герасимов Сергей Васильевич — художник.
- Герман Юрий Павлович — писатель.
- Гимпелевич (вероятно, Минна Михайловна) — переводчик, редактор.
- Гитлер Адольф — немецкий государственный и политический деятель.

- Глазунова А. — редактор Гослитиздата.
 Глебов — ошиб., см. Анфилов.
 Глухова Валентина — однокурсница Е. Воскресенской.
 Гоголь Николай Васильевич — писатель.
 Горбатов Александр Васильевич — военачальник.
 Горбовский Александр Альфредович — писатель, переводчик, редактор Гослитиздата.
 Грин Александр (Гринецкий Александр Степанович) — писатель.
 Грин Генри Грэм — английский писатель.
 Грин Эльмар (Якимов Александр Васильевич) — писатель.
 Гришин Николай Ильич — художник-иллюстратор.
 Громов Борис Васильевич — одноклассник БНС, микробиолог, педагог.
 Гумилёв Николай Степанович — поэт.
 Гуревич Георгий Иосифович — писатель.
 Гурфинкель Виктор Семёнович — физиолог, биофизик.
 Дзержинский Феликс Эдмундович — государственный и политический деятель, глава ВЧК.
 Дзиро Осараги (Кие-хико Нодзири) — японский писатель.
 Диккенс Чарльз Джон Хаффем — английский писатель.
 Дмитриевский Владимир Иванович — писатель, литературовед, критик.
 Дмитриева Александра — сотрудница Гослитиздата.
 Днепров (Мицкевич) Анатолий Петрович — писатель.
 Дойл Артур Игнатус Конан — английский писатель.
 Долгушин Юрий Александрович — писатель, журналист.
 Доплер Кристиан — австрийский физик, астроном.
 Дюма Дави де Ла Пайетри Александр (отец) — французский писатель.
 Евгения — астроном-наблюдатель ГАО.
 Ефимов Анатолий Алексеевич — астроном, сотрудник ГАО.
 Ефремов Иван Антонович (Антипович) — писатель, палеонтолог.
 Жданов Лев Львович — переводчик.
 Жемайтис Сергей Георгиевич — заведующий редакцией издательства «Молодая гвардия», писатель.
 Жигарев Лев Викторович — главный редактор журнала «Знание — сила».
 Захарченко Василий Дмитриевич — главный редактор журнала «Техника — молодежи».
 Зеймаль Евгений Владиславович — историк, археолог, сотрудник Эрмитажа.
 Зеликович Эммануил Семёнович — писатель.
 Зенгер Евгений (Ойген) — немецкий инженер, конструктор.
 Зотова Ирина — сотрудница редакции Гослитиздата.
 Зубавин Борис Михайлович — писатель.
 Зуев-Ордынец Михаил Ефимович — писатель.
 Иваненко Наталия Григорьевна — переводчик, педагог.
 Иващенко Юрий Данилович — журналист, заведующий отделом литературы и искусства газеты «Известия».
 Иззарт Ральф Уильям Бадрик — английский журналист, писатель.
 Ильинский Игорь Александрович — художник-иллюстратор.
 Иммерман Генриетта Германовна — востоковед, переводчик.
 Иоффе (псевдоним — Львова) Ирина Львовна — переводчик, востоковед.
 Исикава Тацудзо — японский писатель.
 Казакевич Эммануил Генрихович — писатель.
 Казанцев Александр Петрович — писатель.
 Кайдановский Наум Львович — астроном.

- Калакуцкая Мария Михайловна — заведующая редакцией издательства Детгиз.
 Калиняк Александр Александрович — астроном.
 Камионко Лидия Александровна — астроном, сотрудник ГАО.
 Капралова Лидия Семёновна — инженер, приятельница А. И. Стругацкой.
 Каретникова Елена Н. — однокурсница БНС, астроном ГАО.
 Карпельюк Виталий Андреевич — брат А. А. Стругацкой.
 Кассель Исаак Маркович — старший редактор издательства Детгиз.
 Катаев Валентин Петрович — писатель, главный редактор журнала «Юность».
 Катаяма Сёдзо — японский писатель.
 Качальский Аарон — израильский физико-химик, биофизик.
 Кейпон Поль — английский писатель.
 Кеплер Иоганн — немецкий математик, астроном.
 Ким Роман Николаевич — писатель.
 Киселёв Алексей Алексеевич — астроном, сотрудник ГАО.
 Клавдия — машинистка.
 Кларк Артур Чарльз — английский писатель, популяризатор науки.
 Кобринский Арон Ефимович — инженер-механик, писатель.
 Козырев Николай Александрович — астроном.
 Колдуэлл Эркин Престон — американский писатель.
 Колоколов Всеволод Сергеевич — переводчик.
 Колпаков Александр Лаврентьевич — писатель.
 Колумб Христофор — испанский мореплаватель, первооткрыватель Америки.
 Компаниец Василий Георгиевич — главный редактор издательства Детгиз.
 Конан-Дойл — см. Дойл.
 Кондратюк Юрий Васильевич (Шаргей Александр Игнатьевич) — один из основоположников космонавтики.
 Кононенко Валерий Фёдорович — физик, автор «космодинамической теории».
 Корбетт Эдуард Джеймс — английский охотник, писатель.
 Коршиков Лев Савельевич — переводчик.
 Котляр Леонид Маркович — астроном, сотрудник ГАО.
 Кузес Владимир Сергеевич — лингвист, синолог.
 Кун Рихард Иоганн — австрийский, немецкий, швейцарский биохимик, химик.
 Лабейш Владимир Георгиевич — физик.
 Лагин (Гинзбург) Лазарь Иосифович — писатель.
 Лейбович Сарра Львовна — редактор Гослитиздата.
 Лем Станислав — польский писатель, философ.
 Ленорман Мария Анна Аделаида — французская гадалка и толковательница снов.
 Ленч (Попов) Леонид Сергеевич — писатель.
 Лецзы, Ле Юйкоу — древнекитайский философ, даосский монах.
 Ливанова Анна Михайловна — физик, писательница.
 Лин Павел Алексеевич — переводчик, редактор Гослитиздата.
 Литвинчѐв Григорий Иванович — дядя АБС.
 Литвинчѐв Кузьма Иванович — дядя АБС.
 Литвинчѐв Николай Иванович — дядя АБС.
 Лобачѐв Лев Александрович — переводчик.
 Логунова Вера Васильевна — переводчик.
 Ломоносов Михаил Васильевич — ученый-естествоиспытатель, поэт.
 Лондон Джек (Гриффит Чейни Джон) — американский писатель.
 Луконин Владимир Григорьевич — одноклассник БНС, историк, археолог, сотрудник Эрмитажа.
 Луконина (Овчинникова) Лариса Леонидовна — художник, супруга В. Луконина.
 Львов Владимир Евгеньевич — журналист, популяризатор науки.

- Ляндрес Семён Александрович — заместитель директора Гослитиздата.
 Ляпунов Борис Валерьянович — писатель, критик, библиограф.
 Ляшенко Михаил Юрьевич — писатель.
 Майская Елена Львовна — филолог, родственница Ошаниных.
 Мак-Артур, Макартур Дуглас — американский военачальник.
 Малышев Михаил Михайлович — переводчик, редактор Гослитиздата.
 Мао Дунь — китайский писатель.
 Маркова Вера Николаевна — переводчик, писательница.
 Мартынов Георгий Сергеевич — писатель.
 Маруся — домработница Ошаниных.
 Маршак Самуил Яковлевич — поэт, переводчик.
 Махлин Евгений Евгеньевич — одноклассник БНС, биолог, цитолог.
 Махлина Татьяна Леонидовна — супруга Е. Махлина.
 Мельникова Галина — редактор Гослитиздата.
 Митрофанова Наталия Петровна — хозяйка квартиры в Гурзуфе, в которой останавливалась А. И. Стругацкая.
 Михайлов Александр Александрович — директор ГАО, астроном.
 Морозова Вера Александровна — заместитель главного редактора издательства Детгиз.
 Нагибин Юрий Маркович — писатель.
 Надежда — неустановленное лицо.
 Накано Сигэхару — японский писатель, критик.
 Немиро Андрей Антонович — астроном.
 Немцов Владимир Иванович — писатель.
 Николаева (Волянская) Галина Евгеньевна — писательница.
 Ниссль Франц — немецкий невропатолог и психиатр.
 Новопашенный Виктор Борисович — астроном, сотрудник ГАО.
 Нома Хироси — японский писатель.
 Ньютон Исаак — английский физик, математик, астроном.
 Овалов (Шаповалов) Лев Сергеевич — писатель.
 Ольшанский Владимир Дмитриевич — сослуживец, друг АНС.
 Ошанин Илья Михайлович — синолог, составитель словарей, тесть АНС.
 Ошанин Сергей Михайлович — военный педагог.
 Ошанина-Фортулатова Екатерина Евгеньевна (в тексте также Е. Е. и К. Е.) — теща АНС.
 Панова Галина Валентиновна — инженер ГАО.
 Панфёров Фёдор Иванович — писатель.
 Паустовский Константин Георгиевич — писатель.
 Перель Юрий Григорьевич — историк астрономии.
 Пётр I Великий, Романов Пётр Алексеевич — император.
 Петров Лев Сергеевич — журналист, писатель, соавтор АНС.
 Петроний, Гай Петроний Арбитр — древнеримский писатель.
 Пинус Евгения Михайловна — литературовед, переводчик.
 Пискунов Константин Федотович — директор издательства Детгиз.
 Пифагор Самосский — древнегреческий философ, математик.
 Платов (Ломакин) Леонид Дмитриевич — писатель.
 По Эдгар Аллан — американский поэт, писатель.
 Полещук Александр Лазаревич — писатель.
 Положенцев Дмитрий Дмитриевич — астроном, заведующий вычислительной лабораторией ГАО.
 Поляков Владимир Соломонович — писатель, сценарист.

Поттер Хейно Иоганнович — астроном-астрометрист, соавтор БНС по астрономическим публикациям.

Пристли Джон Бойнтон — английский драматург, писатель.

Пузиков Александр Иванович — главный редактор Гослитиздата.

Пушкин Александр Сергеевич — поэт, писатель.

Редько Тамара Прокофьевна — переводчик, редактор Гослитиздата.

Рогачёв Алексей Петрович — переводчик.

Ростан Эдмон Эжен Алекси — французский поэт, драматург.

Роцин С. — переводчик, сотрудник Радиокомитета СССР.

Рыс Евгений Самойлович — писатель, публицист, сценарист.

Рябкин Анатолий Григорьевич — переводчик.

Савченко Владимир Иванович — писатель.

Сайкаку Ихара (Хираяма Того) — японский писатель.

Сапарин Виктор Степанович — писатель, главный редактор журнала «Вокруг света».

Сароян Уильям — американский писатель.

Сёва — тронное имя (девиз правления) императора Японии Хирохито.

Северцев Сергей Леонидович — переводчик.

Сигер Пит (Питер) — американский поэт, бард.

Слободской Морис Романович — писатель, сценарист.

Соколов Андрей Константинович — художник, иллюстратор.

Сологуб Фёдор (Тетерников Фёдор Кузьмич) — писатель, поэт.

Софья Борисовна — соседка А. И. Стругацкой.

Спицын Андрей Николаевич — геолог, сокурсник АНС по ВИИЯ.

Станкевич — ошиб., см. Станюкович.

Станюкович (ошиб. Станкевич) Кирилл Петрович — астроном, физик.

Стейнбек Джон Эрнст — американский писатель.

Стефенсон Джордж — английский конструктор, изобретатель.

Стругацкая Аделаида Андреевна — супруга БНС, астроном.

Стругацкая Александра Ивановна — мать АБС, педагог.

Стругацкая Мария Аркадьевна — дочь АНС.

Стругацкий Андрей Борисович — сын БНС.

Сухарев Леонид Алексеевич — астроном, конструктор.

Тайсё — тронное имя (девиз правления) императора Японии Ёсихито.

Татарина Людмила Петровна — редактор Издательства литературы на иностранных языках.

Твен Марк (Клеменс Сэмюэл Лэнгхорн) — американский писатель, журналист.

Теселько Валентин Григорьевич — двоюродный брат АБС, авиаинженер.

Теселько Мария Ивановна — тетя АБС, сестра А. И. Стругацкой.

Тимашкова Галина Михайловна — астрометрист ГАО, супруга В. Новопашенного.

Тимофеева Гера Михайловна — радиоастроном, сотрудница ГАО, супруга А. Берлина.

Тихонравов Михаил Клавдиевич — конструктор космической и ракетной техники.

Тодзё (Тодзио) Хидэки — японский политический и военный деятель.

Толстой Алексей Николаевич — писатель.

Томан (Анисимов) Николай Владимирович — писатель, критик.

Топеха (Григорьева) Татьяна Петровна — филолог, переводчик, редактор Гослитиздата.

Тургенев Иван Сергеевич — писатель.

Тушкан Георгий Павлович — писатель.

Тюркауч — швейцарский биохимик.

Урицкая Лилия — переводчик, редактор Гослитиздата.

- Уэллс Герберт Джордж — английский писатель.
 Фалес Милетский — древнегреческий философ.
 Фельдман-Конрад Наталия Исаевна — филолог, переводчик, составительница словарей.
 Фок Владимир Александрович — математик, физик.
 Фолкнер Уильям Катберт — американский писатель.
 Фортунатов Алексей Михайлович — племянник Е. Ошаниной-Фортунатовой.
 Фортунатова Нина Евгеньевна — сестра Е. Ошаниной-Фортунатовой.
 Франс Анатоль (Тибо Франсуа Анатоль) — французский писатель.
 Хавин Виктор Петрович — математик, сокурсник БНС.
 Хайкин Семён Эммануилович — физик, астроном.
 Хейердал Тур — норвежский путешественник, антрополог.
 Хемингуэй Эрнест Миллер — американский писатель.
 Хохлова Софья Владимировна — редактор Гослитиздата.
 Хрущёв Никита Сергеевич — государственный и политический деятель.
 Цандер Фридрих Артурович — изобретатель, конструктор ракетной техники.
 Цвейг Стефан — австрийский писатель.
 Циолковский Константин Эдуардович — основоположник теоретической космонавтики, писатель, философ.
 Чапек Карел — чешский писатель.
 Черкасова (Фомина) Марта Петровна — старший редактор Гослитиздата.
 Черненко Клавдия Алексеевна — редактор издательства Детгиз.
 Чистяков Юрий Николаевич — астроном, друг БНС.
 Чуковский Николай Корнеевич — писатель, переводчик.
 Шагинян Мариэтта Сергеевна — писательница.
 Ши Найань — китайский писатель.
 Шкловский Иосиф Самуилович — астроном, астрофизик, популяризатор науки.
 Шолом-Алейхем (Рабинович Соломон (Шолом) Нохумович) — еврейский писатель.
 Шпанов Николай Николаевич — писатель.
 Эдогава Рампо (Таро Хираи) — японский писатель, критик.
 Эйнштейн Альберт — немецкий, американский физик, общественный деятель.
 Эренбург Илья Григорьевич (Гиршевич) — писатель, поэт, публицист.
 Юкава Хидэки — японский физик.
 Юрьев Игорь Григорьевич — сотрудник ВИНТИ.
 Ярославцев Геннадий Борисович — переводчик, редактор Гослитиздата.

В. Курильский

Указатель заглавий произведений и их аббревиатур

- 6 спичек — см. Шесть спичек.
 6С — Шесть спичек.
 83ПГ — Восьмой за полгода.
 Белый конус Алаида. Варианты заглавия: Дело о хулиганстве, Поражение, Семена, Яйцо.
 БКА — Белый конус Алаида.
 БР — Букет роз.
 Букет роз — см. Частные предположения.
 Ваш покорный слуга кот — перевод Л. Коршикова и АНС повести Нацумэ Сосэки.
 ВГ — Ветка глицинии.
 ВГВ — Волны гасят ветер.
 Ветка глицинии — см. Частные предположения.
 Водородное чудище — см. Путь на Амальтею.

Водородный пузырь — см. Путь на Амальтею.

Возвращение — замысел рассказа, воплотившийся в одноименной повести.

Возвращение (Полдень, XXII век).

Волны гасят ветер.

Восьмой за полгода — см. Шесть спичек.

Вторая Земля — замысел.

Гигантская флюктуация.

Глубокий поиск — новелла из повести «Полдень, XXII век».

ГП — Глубокий поиск.

ГФ — Гигантская флюктуация.

Д — Десантники.

Далекая Радуга.

Дело о хулиганстве — см. Белый конус Алаида.

Десантники — новелла из повести «Полдень, XXII век». Вариант заглавия:
Странные люди.

Дети (Следы на тропинке, Дедал) — замысел.

ДР — Далекая Радуга.

Забытый эксперимент.

Затерянный в толпе.

Злоумышленники — новелла из повести «Полдень, XXII век». Вариант заглавия:

Школа.

Зона пустоты — перевод А. Рябкина и АНС романа Нома Хироси.

ЗЭ — Забытый эксперимент.

Извне.

ИСКР — Испытание СКР.

ИспСКР — Испытание СКР.

Испытание «СКИБР». Варианты заглавия: Испытание СКР, Испытание СРР,
Испытатель СРР, Репетиция СРР.

Испытание СКР — см. Испытание «СКИБР».

Испытание СРР — см. Испытание «СКИБР».

Испытатель СРР — см. Испытание «СКИБР».

ИСРР — Испытание СРР.

ИсСКР — Испытание СКР.

Какими вы будете — новелла из повести «Полдень, XXII век». Вариант заглавия:

Такими вы будете.

Кот — см. Ваш покорный слуга кот.

Кто скажет нам, Эвидаттэ?..

М — Малыш.

М — Муха, Мухи.

Маленькая неприятность — см. Чрезвычайное происшествие.

Малыш.

Мешок — перевод АБС рассказа У. Моррисона.

Муха — см. Чрезвычайное происшествие.

Мухи — см. Чрезвычайное происшествие.

Немного физики — см. Частные предположения.

Охота у рифа Октопус — замысел.

ПХХИВ — Полдень, XXII век.

Пепел Бикини — повесть Л. Петрова и АНС.

Полдень, XXII век (Возвращение).

Поражение — см. Белый конус Алаида.

Почти такие же — новелла из повести «Полдень, XXII век».

Пошлость — замысел.

- ПТЖ — Почти такие же.
 Путь на Амальтею. Варианты заглавия: Водородное чудище, Водородный пузырь,
 С грузом прибыл, Страшная большая планета.
 ПчТЖ — Почти такие же.
 Репетиция СРР — см. Испытание «СКИБР».
 РСРР — Репетиция СРР.
 С грузом прибыл — см. Путь на Амальтею.
 СБП — Страшная большая планета.
 СБТ — Страна багровых туч.
 СГП — С грузом прибыл.
 Семена — см. Белый конус Алаида.
 Скатерть-самобранка — новелла из повести «Полдень, XXII век».
 СЛ — Странные люди.
 Следопыты — замысел.
 СМ — Сумасшедший мир.
 Спонтанный рефлекс.
 СР — Спонтанный рефлекс.
 СРР — см. Испытание СРР.
 СС — Скатерть-самобранка.
 Стажеры.
 Сталки и компания — перевод АНС повести Р. Киплинга.
 Страна багровых туч.
 Странные люди — см. Десантники.
 Страшная большая планета — см. Путь на Амальтею.
 Сумасшедший мир — замысел.
 Такими вы будете — см. Какими вы будете.
 ТВБ — Такими вы будете.
 Трезвый ум.
 Три часа — см. Чрезвычайное происшествие.
 ТУ — Трезвый ум.
 ТЧ — Три часа.
 ХВВ — Хищные вещи века.
 Хищные вещи века.
 Хромая судьба.
 ХС — Хромая судьба.
 Частные допущения — см. Частные предположения.
 Частные предположения. Варианты заглавия: Букет роз, Ветка глицинии, Немного физики, Частные допущения.
 Человек из Пасифиды.
 ЧП — Частные предположения.
 Чрезвычайное происшествие. Варианты заглавия: Маленькая неприятность, Муха, Мухи, Три часа.
 ЧрПр — Чрезвычайное происшествие.
 Шесть спичек. Вариант заглавия: Восьмой за полгода.
 Школа — см. Злоумышленники.
 ШС — Шесть спичек.
 Эвидаттэ — см. Кто скажет нам, Эвидаттэ?..
 Яйцо — см. Белый конус Алаида.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Путь на Амальтею	3
<i>Рассказы:</i>	
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Человек из Пасифиды	46
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Спонтанный рефлекс	61
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Шесть спичек	72
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Испытание «СКИБР»	84
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Забытый эксперимент	95
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Частные предположения	108
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Чрезвычайное происшествие	121
ИЗ АРХИВА	
Аркадий Стругацкий. Страшная большая планета	131
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Скатерть-самобранка	147
Аркадий Стругацкий. Трезвый ум	152
ВАРИАНТЫ РУКОПИСЕЙ И ИЗДАНИЙ	
«Путь на Амальтею»	153
«Человек из Пасифиды»	204
«Спонтанный рефлекс»	205
«Шесть спичек»	216
«Испытание “СКИБР”»	228
«Забытый эксперимент»	232
«Частные предположения»	241
«Чрезвычайное происшествие»	253

Раздел II. ПУБЛИЦИСТИКА

ОПУБЛИКОВАННОЕ	
Аркадий Стругацкий. Исполнение мечты	271

Раздел III. ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ, ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1959	274
Борис Стругацкий. Письма супруге, 1959	338
Аркадий Стругацкий. Дневник, 1958–1959	343
Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1959–1960	371
Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, 1958–1959	372
Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, 1959–1961	384

Раздел IV. ПРИЛОЖЕНИЯ

Необходимые пояснения	387
Комментарии и примечания	388
Библиография. 1959 г.	408
Указатель имен	409
Указатель заглавий произведений и их аббревиатур	417